

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ВОЙНЫ И КАМПАНИИ ФРИДРИХА ВЕЛИКОГО

ВОЙНЫ И КАМПАНИИ
ФРИДРИХА
ВЕЛИКОГО

Ю. Ю. НЕНАХОВ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Ю. Ю. НЕНАХОВ

**ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА**

Ю. Ю. НЕНАХОВ

**ВОЙНЫ
И КАМПАНИИ
ФРИДРИХА
ВЕЛИКОГО**

Под общей редакцией А. Е. Тараса

МИНСК
ХАРВЕСТ
2002

Серия основана в 1998 году

Ненахов Ю.

Н 51 Войны и кампании Фридриха Великого / Под общ. ред. А. Е. Тараса. — Мн.: Харвест, 2002. — 816 с. (Военно-историческая библиотека).

ISBN 985-13-0659-2.

Данная книга посвящена главному делу жизни знаменитого короля Пруссии — армии и войне. В ней подробно описано становление полководческого таланта Фридриха, его походы и битвы, победы и поражения. Автор опровергает создававшуюся десятилетиями искаженную картину деяний и личности Фридриха — «агрессора, солдафона, приверженца палочной дисциплины, к тому же неоднократно битого русскими».

Предлагаемая книга даст истинную трактовку событий и персонажей той далекой эпохи в соответствии с современным уровнем исторической науки. Именно Фридрих Великий всего за 20 лет превратил Пруссию из маленького княжества в одну из сильнейших держав Европы.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся вопросами общей и военной истории.

УДК 943.0
ББК 63.3(4Нем)

ISBN 985-13-0659-2

© ООО «Харвест», 2002
© Составление и редакция серии.
А. Е. Тарас, 2002

ОТ АВТОРА

Предлагаемая книга «Кампании Фридриха Великого» вначале замышлялась как чисто военно-исторический анализ тринадцати военных походов короля Пруссии. Однако в ходе работы я понял, что ограничиться этим нет никакой возможности. Тому есть две причины. Во-первых, Силезские и Семилетнюю войны нельзя рассматривать в отрыве от анализа тогдашней политики — феодально светской и в чем-то еще вполне средневековой. Без этого, строго говоря, становится непонятным, зачем вообще Пруссия в течение стольких лет воевала со всей Европой. Поэтому я счел необходимым подробно остановиться и на этом аспекте. Во-вторых, наверное, в военной и политической историографии России нет никакой другой войны, кроме семилетней, вокруг обстоятельств возникновения, хода боевых действий и результатов которой было бы нагромождено такое чудовищное количество лжи и домыслов.

Вероятно, только Гитлер может сравниться с Фридрихом по числу оскорблений и инсинуаций, сыплющихся со страниц русскоязычных исторических трудов разного времени. В первом случае это вполне оправдано, во втором — крайне натянуто. Основой для восприятия отечественным читателем личности прусского монарха на долгое время стала набившая оскомину и бесконечно, к месту и не к месту, цитируемая фраза «Старого Фрица»: «Солдат должен бояться палки капрала больше, чем пули врага». Как писал А. А. Егоров, «в течение многих поколений наша художественная, учебная и научно-популярная литература с упорством, достойным лучшего применения, создавала крайне упрощенный и, вместе с тем, унылый образ прусского короля-агрессора, жестоко побитого русскими войсками под Кунерсдорфом и спасенного от окончательного разгрома «чудесной» смертью императрицы Елизаветы в декабре 1761 г.»

Волна оскорблений в адрес этого, бесспорно, неопозначного в своих поступках, но очень яркого и выдающегося человека со стороны российских политиков, военных, писателей и историков поднялась очень давно — еще при его жизни. Императрица Елизавета называла его «пруссским Надир-шахом», Михайло Ломоносов в своей «Оде 1759 г. на победы над королем прусским» писал:

Парящий слыша шум орлицы,
Где пышный дух твой, Фридерик?
Прогнанный за свои границы,
Еще ль ты мнишь, что ты велик?
Еще ль, смотря на рок саксонов,
Всеобщим дателем законов
Слывешь в желаньи своем?
Лишенный собственныя власти,
Еще ль стремишься в буйной страсти
Вселенной наложить ярем?

В 1762 году, после восшествия на престол Петра III, прекратившего войну с Пруссией, Ломоносов написал следующие гневные строки:

Слышал ли кто из в свете рожденных,
Что торжествующий народ
Предался в руки побежденных?
О стыд! О странный оборот!

Уже после смерти Фридриха о нем по своему обыкновению едко высказался А. В. Суворов. В одном из своих писем он заметил следующее: «... Я — лучше прусского покойного короля; я, милостью Божиею, батальи не проигрывал». Он же, как известно всем любителям русской военной истории, в своем знаменитом письме к Д. И. Хвостову дал следующую характеристику армии Фридриха Великого: «Нет вшивее пруссаков: лаузер или вшивень назывался их плащ... и возле будки без заразы не пройдешь, а с головной их вонью вам подарят обмок». Комментируя «опруссаченные» нововведения Павла I, он же говорил: «Букли — не пушки, пудра — не порох, коса — не тесак, я — русский, а не пруссак, — а затем ехидно добавлял: — Русские прусских всегда бивали,

чего же тут перенять». На основе таких комментариев (и никаких иных) нашему читателю и предлагалось составить мнение о Фридрихе, его стране и армии.

Значительно менее известными являются высказывания о короле другого рода и из других уст. Например, Екатерина Великая в свое время написала: «Увы, следовало бы удивляться ему [Фридриху II] и стараться подражать!» Что же касается императора Наполеона, то он при рассуждениях о том, какие качества необходимы истинному полководцу и как их приобрести, говаривал: «Наступательные войны должно вести, как вели их Александр, Аннибал, Цезарь, Густав Адольф, Тюренн, принц Евгений и Фридрих; читайте и изучайте их 83 похода, и образуйтесь по ним — вот единственное средство сделаться великим полководцем и проникнуть в тайны военного искусства». О Петре III и говорить нечего: он восторженно именовал Фридриха II «одним из величайших героев мира», это мнение разделял и его сын, Павел I, и внуки — Александр I, Николай I и цесаревич Константин.

В общем, нужно констатировать, что о Фридрихе у нас объективно неизвестно почти ничего.

В этой чудовищной мешанине лжи и оскорблений крайне трудно было отыскать хоть один труд, который бы относительно объективно освещал как историю жизни короля Фридриха, так и его деятельность. По этой причине я хочу в качестве первоисточника использовать «Историю Фридриха Великого» Ф. А. Кони, первое издание которой увидело свет еще в 1844 году.

Хотя издательство «Феникс» и выпустило эту книгу в 1997 году, этот вариант содержит массу неточностей при переводе с дореволюционной литературы имен и географических названий. Кроме того, ряд существенных дат дается по старому стилю.

Федор Алексеевич Конн (1809—1879) известен как один из выдающихся русских драматургов и мемуаристов. Эта работа писалась «под заказ», в посвящение «Ее Императорскому Величеству Государыне Императрице Александре Феодоровне, правнучке Великого Фридриха, с глубочайшим благоговением всеподданнейше», а потому должен сказать сразу, что и эта книга написана не-

сколько тенденциозно — в сторону явного приукрашивания личности и образа действий прусского короля. Правда, это касается не описания хода боевых действий и прочих исторических событий — это как раз подавно предельно объективно. Просто Кони к месту и не к месту взалхлеб расписывает всеобщую любовь к Фридриху его подданных, солдат его армии и «восхищенных иностранцев». Вот это как раз правдой не является, о чем я скажу ниже. Ссылки Кони на изложенные королю в своих записках прекраснотушные мысли вполне уверенно опровергает Вольтер, который заметил, что «таков был его [Фридриха] характер, что он действовал как раз наоборот тому, что он говорил и писал...».

Несмотря на все это, работа Кони начисто лишена наслоений наиболее чванливой и филистерской исторической школы — пролетарско-советской. Поэтому, незирая на определенные перечисленные выше условности, его книга является, бесспорно, лучшей, написанной о Фридрихе на русском языке. Огромное количество фактической информации, изложенной, хотя и несколько приукрашено, нетенденциозно и правдиво, все же является весьма интересной для читателя.

Книга сохранила множество лубочно-трогательных сцен в придворно-романтическом духе XVIII века. Я оставил их, несмотря на определенный архаизм в восприятии, так как они четко характеризуют настроение той эпохи и той войны — «забавы для королей».

Кроме того, значительная часть изложенной Кони информации почерпнута из классических трудов по военной истории, таких, как принадлежавшие перу самого Фридриха «История моего времени», «История Силезских войн», «История войны Семилетней», «История войны за Баварское наследство» и «История дележа Польши», или Фогта «Die Friderizianische Armee», ставшей одним из первоисточников для написания и моей работы.

В тексте исправлен лишь ряд географических названий и имен (дается современное написание), а также заменены некоторые архаические термины.

Что же касается дополнений к каноническому тексту Кони, то это более полное описание походов и сраже-

ний (Федор Алексеевич был все же историк не военный, а скорее, светский), достаточно полный анализ результатов тех или иных событий, основанный на взглядах автора, а также нная, относящаяся к освещаемому вопросу информация, почерпнутая из других источников (как отечественных, так и немецких). Особое место в работе занимает (видимо, впервые у нас) действительно беспристрастный анализ действий России и русской армии, который показывает роль елизаветинской империи в делах XVIII столетия в совершенно новом и, к сожалению, значительно более неприглядном свете.

При этом в книге содержится перепечатка нескольких отрывков из мемуаров непосредственных участников войны: прусского капитана до Гордта, русского полкового пастора Теге и богатейшего берлинского негодянта Гоцковского. Эти записки в свое время наделали немало шума и могут с полным правом считаться лучшими иллюстрациями к предлагаемым читателю текстам, прекрасно отражая нравы как в прусской, так и в русской или австрийской армиях.

Книга иллюстрирована рисунками автора, а также заимствованными мною из «Истории Фридриха Великого» отличными офортами Адольфа фон Менцеля (1815–1905).

Поэтому вам предлагается книга не только о Пруссии, но и о ее противниках — Франции, Австрии, России, об их успехах и неудачах, боях и походах, политике и интригах. Однако в первую очередь это все же книга о Фридрихе II, по выражению Генриха Гейне, «удивительно прозаическом герое, с истинно немецкой храбростью воспнтавшем в себе угонченное безвкусие и пышное вольнодумие: всю мелочность и всю деловитость эпохи».

Юрий Ненахов

Минск, 2001 год

БРАНДЕНБУРГ — ПРУССИЯ В XVII — XVIII ВЕКАХ

Не стоит забывать, что еще в начале XVII века будущая Пруссия, а тогда — курфюршество Бранденбург — была маленьким и напрочь лишенным какого-либо лоска заштатным государством. В облике тогдашней вотчины Гогенцоллернов еще ничего не напоминало отсветов будущего величия Германской империи. Не говоря уже о грандиозной монархии Габсбургов, Пруссия на старте маршрута к достижению европейской гегемонии находилась, по меньшей мере, в равных условиях с некоторыми другими германскими государствами, например Баварии и особенно Саксонии. Курфюрст Саксонии Фридрих Август I в 1697 году был избран королем Польши под именем Августа II. Таким образом, его династия получила под свою руку вторую по величине (после России) европейскую страну, которой и правила с небольшими перерывами до 1763 года.

Однако ни баварские Виттельсбахи, претендовавшие в 1742—1745 годах даже на корону Священной Римской империи (ее у них все же вырвали Габсбурги), ни саксонские Веттины так и не воспользовались представлявшимися им историческими шансами, разменяв все это на сиюминутные мелочи. Гогенцоллерны же терпеливо, год за годом, король за королем, по крупице собирали фундамент своего будущего могущества.

Следует отметить, что в этой деятельности Гогенцоллерны находились в условиях, значительно более худших, нежели, скажем, русский царь Петр. У них не было огромной страны, пусть с пустой казной, зато с неисчислимыми природными богатствами. Не было у них и людских ресурсов, удаленности от крупных стран Европы, не было (долгое время) подлинной независимости. Не было денег, солдат, пушек и кораблей: все это им пришлось не по мере надобности выкапывать из приисков и шахт, поугну и притом достаточно безболезнен-

но для дела воруя все, что плохо лежит, как это делали русские, а собирать по копейке, экономя на всем, голодая и употребляя все, что удалось собрать, на одно только достояние страны — армию.

Итак, в 1600 году владения Бранденбурга включали в себя только сравнительно небольшой лоскут северогерманской территории вокруг Берлина, не имевший даже выхода к морю (не считая судоходной реки Одер, устье которой все равно находилось в руках шведов). Кроме него, Гогенцоллерны владели еще несколькими совсем уж крошечными клочками земли, не обладавшими общей границей с курфюршеским доменом (например, район Котбуса).

Поскольку Гогенцоллерны представляют собой, бесспорно, самую малоизвестную и оболганную у нас крупную иностранную династию, я считаю необходимым посвятить несколько страниц описанию их истории. Я делаю это для того, чтобы читатель понял определенную преемственность действий курфюрстов, королей, а затем — императоров из этой династии и логику правления и политики самого Фридриха Великого.

Королевство, доставшееся Фридриху II, состояло из двух частей, разделенных коридором польских земель и имевших совершенно различную историю: курфюршества (маркграфства) Бранденбург и герцогства Пруссия.

Правители Бранденбурга уже с середины XIV века входили в семерку наиболее сильных князей-курфюрстов, которые обладали правом голоса на выборах императора Священной Римской империи германской нации. Основанный в 1240 году на реке Шпрее город Берлин стал столицей маркграфства, а с начала XV века в этой провинции обосновался швабский род Гогенцоллернов.

Корни Гогенцоллернов, согласно преданию, берут начало где-то в Швейцарии в эпоху раннего средневековья. В это время два брата-рыцаря, подобно многим другим промышленным разбоем на больших дорогах, осели в южногерманской земле Швабия, соорудив себе

в горах Швабиш Альб крепость на вершине неприступной скалы Цоллер. От названия этой 855-метровой скалы, господствовавшей над окрестными равнинами, и произошло имя рода Гюгенцоллернов (по-немецки Hohenzoller — «высокая скала»).

В 1227 году из семьи выделилась младшая, так называемая франконская линия рода, которая завладела бургграфством Нюрнберг и которой впоследствии было суждено стать во главе Бранденбурга, Пруссии, а затем и всей Германии (старшая же, швабская ветвь, так и осталась править небольшим княжеством Гюгенцоллерн вблизи швейцарской границы вплоть до немецкой революции 1918 года).

Примерно в то же время созданный в Палестине в конце XII века духовно-рыцарский орден дома святой девы Марии Тевтонской (*Ordo domus Sanctae Mariae Teutonicorum*), более известный под названием Тевтонского, или Немецкого, перебазировался из Святой Земли в Прибалтику, где, действуя по прямому указанию папы римского, начал крестовый поход против язычников-пруссков. Вскоре, присоединив к себе укрепившийся в теперешней Латвии орден меченосцев (понесший к тому времени ряд тяжелых поражений от противника и находившийся на грани гибели), Тевтонский орден распространил свои владения по всему южному и восточному побережью Балтийского моря.

В 1415 году бургграф Нюрнбергский Фридрих VI Гюгенцоллерн (1371—1440) получил от императора в свое наследственное владение марку Бранденбург, став курфюрстом Фридрихом I. Своими права на суверенное правление он добился в упорной борьбе с местными непокорными феодалами, сломив их сопротивление с помощью мелкого дворянства, а также городов, которые оказали ему огромную помощь. Однако уже его преемник, курфюрст Фридрих II Железный Зуб (правил в 1440—1470 годах), отплатил бюргерам черной неблагодарностью: воспользовавшись противоречиями в среде городских магистратов, он в 1442 году захватил Берлин, лишив его городской автономии.

* * *

Когда Гюгенцоллерны впервые появились в Бранденбурге, Тевтонский орден уже закончил процесс покорения (или истребления) балтийского племени пруссов. В 1455 году Фридрих II приобрел у ордена небольшое владение Неймарк. Тем временем началась очередная война между тевтонцами, с одной стороны, и польско-литовским государством — с другой. Война закончилась очередным поражением крестоносцев: по Торуньскому миру 1466 года западная часть орденских земель вместе с его неприступной столицей Мариенбург была присоединена к Польше под названием «Королевская Пруссия», а у великого магистра ордена осталась лишь восточная часть со столицей в Кенигсберге, именовавшаяся «Герцогская Пруссия».

В это время в Европе началась Реформация, вызвавшая раскол западного мира на два лагеря смертельных врагов — католиков и протестантов. Великий магистр Тевтонского ордена Альбрехт фон Ансбах из рода Гюгенцоллернов перешел в лютеранскую (германская ветвь протестантизма) веру и произвел секуляризацию владений ордена, т. е. переход всего достояния этого государства из рук церкви в наследственное владение рода Гюгенцоллернов, отныне становившихся светскими герцогами Пруссии. Случилось невероятное — духовно-рыцарский орден воинствующих монахов, в течение трехсот с лишним лет бывших верными слугами Рима и оплотом католичества на северо-востоке Европы, прекратил свое существование, а его последний великий магистр стал заклятым врагом папы, призвав к рукам земли и имущество церквей.

В 1525 году Альбрехт укрепил свое положение, подписав с Польшей Краковский мирный договор, в соответствии с которым он становился вассалом польского короля уже на правах светского герцога. Бывшие суровые тевтонские рыцари-монахи же превратились в крупных феодалов, родоначальников прусского юнкерства.

Однако расположенный поблизости Бранденбург, где правили те же Гюгенцоллерны, оставался верен католическому вероисповеданию. Курфюрст Иоахим I Не-

стор (правил в 1499—1535 годах) столь агрессивно выступал против лютеран, что его собственная жена Елизавета Датская, не выдержав религиозного фанатизма супруга, в 1528 году бежала от него в Саксонию. Его старший сын Иоахим II Гектор (правил в 1535—1571 годах) при вступлении на престол унаследовал две трети территории курфюршества. Через четыре года после смерти отца, вопреки его завещанию, Иоахим II принял протестантскую веру, хотя это не помешало ему участвовать вместе с императором и некоторыми другими владетельными князьями Германии в осаде оплота немецкого протестантизма — города Магдебурга.

Объединение Бранденбурга и Пруссии произошло при следующих обстоятельствах. Сын последнего тевтонского гроссмейстера Альбрехта герцог Альбрехт Фридрих Прусский по прозвищу Слабоумный (правил в 1568—1618 годах) женился на принцессе Марии Элеоноре, старшей дочери и наследнице герцога Иоганна Вильгельма фон Юлих-Клеве-Берга. Мария родила своему супругу много детей, однако пережить детский возраст смогли только дочери. Старшая, Анна, в 1594 году вышла замуж за своего дальнего родственника и соседа — двадцатидвухлетнего наследника Бранденбургского курфюршества Иоганна Сигизмунда (правил в 1608—1619 годах). Хотя в их семье было шестеро детей, брак оказался несчастливым, и не только из-за того, что Иоганн исповедовал кальвинизм в отличие от строгих лютеранских воззрений Анны, но главным образом по причине запойного пьянства курфюрста. Постоянное обжорство и кутежи вызвали у него такое ожирение, что он больше не мог ходить. В 1615 году Иоганн Сигизмунд хватил апоплексический удар, однако умер он только через четыре года. Как и брак ее матери, несчастное замужество Анны оказалось весьма выгодным для династии: по существовавшему соглашению в случае прекращения прусской линии Гогенцоллернов их владения в герцогстве Прусском переходили к бранденбургской ветви.

После смерти последнего из прусских Гогенцоллернов — отца Анны герцога Альбрехта Фридриха (от вызванного злоупотреблениями алкоголем «помрачения

рассудка»), Восточная Пруссия была объединена с курфюршеством Бранденбург. Зять покойного герцога Иоганн Сигизмунд по этому поводу вышел из запоя, принес клятву верности польскому королю Сигизмунду III Ваза и стал герцогом Прусским, оставаясь в этом качестве вассалом Польши.

Когда в 1609 году скончался дядя Анны по материнской линии, последний герцог Клеве Иоганн Вильгельм (как может догадаться читатель, также от «помрачения рассудка»), началась длительная тяжба за его наследство, состоявшее из пяти небольших, но довольно развитых в промышленном отношении герцогств и графств, самыми крупными из которых были собственно герцогство Клеве, графство Марк и графство Равенсберг. Несмотря на небольшие размеры, эти земли играли серьезную роль в ситуации трудно сохраняемого равновесия между католической и протестантской частями Германии. Будучи совершенно ничтожными по своей площади, владения тем не менее имели важнейшее значение — они пронизывали Западную Германию как бы пунктиром и открывали ворота на Рейн, к территориям Нидерландов и австрийских владений в Бельгии.

В ходе затянувшейся борьбы за наследство Иоганн Сигизмунд открыто перешел в кальвинизм, в то время как его семья и подданные остались лютеранами. Благодаря этому курфюрст прочно связал себя с соседями спорных герцогств — нидерландскими кальвинистами и французскими гугенотами. В 1614 году компромисс, наконец, был достигнут, в результате чего к Бранденбургу перешли Клеве, Марк и Равенсберг, распространяя владения Гогенцоллернов до Рейна.

Эти приобретения увеличили достояние бранденбургских курфюрстов почти в два раза и дали им первоклассный торговый порт на Балтике — Кенигсберг. Именно тогда Гогенцоллерны осознали, какие возможности открываются перед ними и потихоньку приступили к расширению своих немногочисленных владений.

Таким образом, к марке Бранденбург в течение только четырех лет были сделаны значительные территориальные приращения на востоке и западе. Однако вновь приобретенные земли были очень слабо связаны друг

с другом, и не только географически. Они не имели ни общих исторических традиций, ни даже общей религии, а в эпоху почти непрерывающихся войн такая разбросанность владений таила большую опасность. Перед Гогенцоллернами встала задача заполнения территориальных брешей, отделявших Бранденбург на западе от Клеве и на востоке — от Восточной Пруссии, — задача, определившая их политику на последующие триста лет.

Первый камень в здание будущего величия Пруссии заложил сын курфюрста Георга Вильгельма Фридрих Вильгельм (правил в 1640—1688 годах), взшедший на престол в 20-летнем возрасте и вошедший в историю Германии под именем «Великий курфюрст».

Опираясь на дворянское землевладение, он значительно урезал политические права сословий и создал централизованную государственную систему с сильным бюрократическим аппаратом, а также постоянную армию. Курфюрст, чиновники и армия осуществляли политику в интересах своей надежной опоры — юнкерства. В 1653 году Фридрих Вильгельм подтвердил права бранденбургских юнкеров на крепостных и объявил, что крестьянин, который не сможет доказать обоснованность любой своей жалобы на господина, подлежит суровому наказанию. Обнищание крестьянства и упадок городов еще больше усиливали социально-политическую и экономическую власть юнкеров.

В это же время были заложены основы того, что так отличало Пруссию от других стран Европы вплоть до середины XX века — доминирующая роль армии, которая неизбежно должна была привести к почти тотальной милитаризации всего общества. Лично Фридриху Вильгельму принадлежит гениальная фраза: «На мече и науке должно быть основано значение этого государства без прошлого, с одним только будущим». В своем завещании он добавил: «Хотя союзы и могут быть достаточно хороши для обеспечения безопасности, однако собственная армия — лучше». К концу правления Фридриха Вильгельма небольшое наемное войско Бранденбург-

га численностью 2,5 тысячи человек превратилось в 30-тысячную опытную и дисциплинированную армию, составлявшую примерно 3 процента населения страны (очень большая цифра, особенно по тем временам). Вся военная система подверглась радикальной реформе. Рекрутирование солдат проводилось в его землях от имени курфюрста. Полки комплектовались из солдат, набранных в разных провинциях, что покончило с проявлениями «регионализма». Укреплению армии способствовало создание прообраза генерального штаба, а унификации ее снабжения — учреждение должности генерал-кригскомиссара, выполнявшего интендантские функции. Создание офицерских школ и введение строгой регламентации службы содействовали превращению армии в профессиональную.

Постоянная армия и флот в значительной мере финансировались за счет налогов. Этой же цели способствовали поступления из курфюршеских доменов, от пошлин, чеканки монет, акциза и т. д. Примерно половина всех доходов государства шла на армию. Необходимо отдать должное курфюрсту: всю свою жизнь он посвятил служению своей стране, закладывая фундамент той кузницы, в которой затем будет выкована великая Германская империя.

В числе своих внешнеполитических целей Фридрих Вильгельм выделял две главные — избавление от опостылевшего польского сюзеренитета над Восточной Пруссией и захват принадлежавшей Швеции Передней Померании с удобными гаванями на Балтийском море. Однако выполнить ему удалось лишь первую из них.

В момент вступления Фридриха Вильгельма на трон его земли были опустошены и разорены продолжавшейся уже 22 года Тридцатилетней войной, заняты и ограблены иностранными войсками, да и своими тоже. Пользуясь сложными династическими интригами, Фридрих Вильгельм приступил к «округлению» своих разрозненных владений.

На сей раз он занялся Центральной Германией: значительного успеха молодой курфюрст достиг при заключении закончившего эту тяжелейшую войну Вестфальского мира (1648). Воспользовавшись своей ма-

ленькой, но отличного качества 8-тысячной армией в качестве орудия давления, он приобрел секуляризованное епископство, а ныне княжество Хальберштадт, епископство Минден и графство Хонштейн, а также право на присоединение к вотчине Гюгенцоллернов Магдебурга после смерти его архиепископа. В 1680 году архиепископ умер, его владения были преобразованы в герцогство Магдебургское, каковое и перешло в руки Фридриха Вильгельма вместе с вассальными округами Галле и Луккенвальде. В 1686 году за ними последовал округ Швибуз на границе с Речью Посполитой (был отторгнут у Бранденбурга в 1695 году и вновь возвращен в 1742-м, уже при Фридрихе II), а в 1687-м — еще один бывший вассал герцогства Магдебургского, округ Бург.

В 1651 году, используя силу оружия, Фридрих Вильгельм попытался решить вопрос о вступлении во владение оставшихся при дележе наследства его бабки в чужих руках герцогств Юлих и Берг, расположенных по обоим берегам Рейна. Это ему не только не удалось, но и заставило просить помощи у императора. Однако с того времени стало все больше проявляться крайнее коварство и вероломство курфюрста во внешнеполитических вопросах. Фридрих Вильгельм всю жизнь следовал следующему нехитрому правилу: «Никакой союз не должен дальше сохраняться, если он достиг своей цели, и никакой договор не обязательно соблюдать вечно».

Одновременно Гюгенцоллерны расширяли свои приобретения на севере страны. В 1648 году, после окончания Тридцатилетней войны, по соглашению со Швецией, они сумели взять под свой контроль принадлежавшее ранее этой стране крупное владение — Восточную Померанию (ныне в составе Польши), протянувшуюся вдоль балтийского побережья и открывшую Бранденбургу доступ в воды Западной Балтики. Не удовлетворившись этим, бранденбуржцы быстро присоединили к своим померанским владениям несколько маленьких округов, примыкавших к границам Померании на востоке и западе — герцогство Лауенбург (1657), территории Дражейма и Бютова (оба в 1657), Бана и Каммина (1679). Теперешняя земля ФРГ Передняя (Западная) Померания тогда осталась в руках шведов.

Практически первым серьезным испытанием армии Бранденбурга после окончания Тридцатилетней войны стало ее участие в так называемой первой Северной (шведско-польской) войне 1655—1660 годов. Заняв почти без сопротивления Великую Польшу и часть Литвы (король Польши и великий князь Литовский Ян Казимир Ваза бежал за границу, а вместо него монархом всей Речи Посполитой был провозглашен Карл X Густав Шведский), шведы стали сталкиваться со все возрастающим сопротивлением противника, а к весне 1656 года потеряли почти все свои завоевания и ушли в Пруссию (к этому времени в армии Карла Густава оставалось всего около 4000 человек). Летом шведский король заключил с 36-летним Фридрихом Вильгельмом союз для продолжения войны и вновь вторгся в Великую Польшу с новой армией, основу которой теперь составляли полки бранденбуржцев.

Великая трехдневная битва под Варшавой, разразившаяся в конце июля 1656 года, где сошлись союзные войска короля Карла X Густава и польско-литовская армия Яна Казимира, окончилась полным поражением поляков.

Особенно отличились бранденбуржцы под командованием фон Дерфлингера. Армия курфюрста в этой битве потеряла почти половину личного состава, но сумела вырвать победу из рук поляков, чей численный перевес в первые два дня битвы сказывался очень серьезно. Рассеяв польское шляхетское ополчение, бранденбуржцы вызвали панику в рядах противника и сбросили поляков в Вислу, причем на рухнувшем Варшавском мосту армия Яна Казимира потеряла всю артиллерию. 30 июля польская столица пала к ногам победителей.

Очень любопытно комментировал эти события в своей книге «Потоп» Генрик Сенкевич (вообще говоря, шовинист самого жуткого пошиба): «На Варшавском мосту, который рухнул, были утрачены только пушки, но «дух армии был переправлен через Вислу». Интересно, что же, по мнению пана Сенкевича, важнее — пушки или «дух армии»? Чуть ниже он вновь написал: «Войска клялись всем, что было святого, что под водительством такого полководца, как Ян Казимир (пол-

ная бездарность в военном, государственном и политическом смысле слова, самонадеянно заявивший претензии на шведскую корону, навлекший на свою страну нашествие, бежавший за границу, а затем упустивший реальный шанс окружить и уничтожить противника, многократно уступавшего численно и находившегося во враждебной стране. — Ю. Н.), в следующей битве они разобьют Густава, курфюрста и всех, кого будет нужно, поскольку предыдущая битва была лишь репетицией, немного неудачной (действительно, страшный разгром поляков, видимо, с полной уверенностью можно назвать «немного неудачной» репетицией. — Ю. Н.), но служащей на будущее полную победу».

Польше пришлось идти на уступки: в соответствии с Велявско-Быдгощским договором 1657 года курфюрст был наконец-то освобожден от ленной зависимости в отношении польского короля и признан полновластным в Восточной Пруссии. Действуя в полном соответствии со своими принципами, Фридрих Вильгельм немедленно после этого бросил шведов и выступил против них на стороне Польши, надеясь захватить Переднюю Померанию. Однако ни поляки, ни Священная Римская империя на сей раз не поддержали его территориальных претензий, и курфюрсту пришлось уступить. Тем не менее Оливский мирный договор 1660 года (заключив в 1657 году союзы с Австрией и Данией, разношерстные и недисциплинированные войска полупьяных шляхтичей так и не смогли справиться с врагом: при посредничестве Франции был заключен мир на условиях статус-кво), завершивший Северную войну, укрепил права Бранденбурга на суверенное правление в Восточной Пруссии.

В 70-х годах XVII века Фридрих Вильгельм неоднократно менял союзника в войне между Францией и Нидерландами. Наконец, у короля Франции Людовика XIV лопнуло терпение и он отомстил своему вероломному партнеру, подтолкнув Швецию к вторжению в Бранденбург, которое и началось в 1675 году в рамках так называемой Сконской войны (1675—1679), которую Бранденбург вел против шведов совместно с Данией. Шведы выступили из Померании и заняли часть владений кур-

фюрста, однако дальнейшие события оказались полной неожиданностью для Европы.

18 июня 1675 года 15-тысячная армия Великого курфюрста Фридриха Вильгельма встретила с вторгшимися во владения Гогенцоллернов войсками короля Карла XI при Фербеллине. То, что произошло в течение нескольких часов позже, стало самым тяжелым поражением «северных львов», известным до Полтавской битвы. На кровавых фербеллинских полях шведы были разбиты наголову армией курфюрста численностью всего 8000 человек и были вынуждены уйти из Бранденбурга на территорию своих померанских владений. Эта победа привела к небывалому взлету международного престижа Бранденбурга, а сам Фридрих Вильгельм получил прозвище «Великий».

После изгнания шведов курфюрсту удалось захватить Переднюю Померанию и лучший порт Западной Балтики — Штеттин, однако согласно Нимвегенскому мирному договору 1679 года Швеция вернула себе эти земли и устье Одера.

В 1670 году был подготовлен план захвата Силезии, ряд княжеств на территории которой по династическому праву должны были отойти к Гогенцоллернам, но прочно удерживались Габсбургами. В надежде на содействие в вопросах приобретения новых территорий Фридрих Вильгельм в 80-е годы выразил молчаливое согласие с захватом Францией некоторых исконно имперских территорий, однако и это не помогло: Передняя Померания еще не один десяток лет оставалась в шведских руках.

Незадолго до своей смерти Великий курфюрст решил еще раз сменить союзников и выступить против Франции вместе с императором, Англией и Нидерландами (хотя незадолго до этого был готов поддержать французскую кандидатуру на императорский престол). Вообще из-за постоянных нарушений им своими союзниками обязательств Людовик XIV назвал Фридриха Вильгельма «самым вероломным из всех неверных васалов», а один из версальских дипломатов — «самой хитрой лисой Европы». В этом черты его характера вполне унаследовал его правнук — Фридрих Великий.

В сфере внутренней политики курфюрст стремился прежде всего укрепить мощь государственного аппарата и упорядочить сбор столь необходимых для ведения войн налогов и акцизов. Так как дворяне весьма успешно сопротивлялись сбору акциза, он, по существу, взимался только в городах. Особенно активная оппозиция политике Фридриха Вильгельма возникла в Восточной Пруссии, где главой «аристократической» ветви сопротивления стал знатный потомок тевтонских рыцарей Альберт фон Калькштайн, а вождем оппозиции в среде бюргеров Кенигсберга — член магистрата и купеческой гильдии Иеронимус Рот.

Наконец, потеряв всякоетерпение, курфюрст решил примерно наказать смутьянов: Рот был арестован и умер в крепости, а бежавшего под защиту польского короля Калькштайна тайно похитили и перевезли обратно через границу, завернув в ковер. Его предали суду как изменника и после пыток казнили. Эти крутые меры возымели свое действие: с оппозицией в Восточной Пруссии было покончено.

Несмотря на такой стиль правления, Фридрих Вильгельм проявлял большую веротерпимость. При нем в страну переселились десятки тысяч иммигрантов из разных стран Европы, в том числе около 20 тысяч французских гугенотов, множество лютеран и кальвинистов из оставшихся в лоне католицизма княжеств Германии, католиков из протестантских княжеств, и даже евреев. Они создавали бумажные, шелковые и другие мануфактуры, что вполне соответствовало утверждению Фридриха Вильгельма о том, что «промышленность и торговля суть главные опоры государства».

Курфюрст уделял большое внимание и вопросам образования. В числе его многочисленных проектов был и замысел создания небывалого университетского города, которому он рассчитывал с помощью международных соглашений придать статус «открытого» — неприкосновенного в случае войны.

Итак, основные направления государственной деятельности Фридриха Вильгельма вполне позволяли современникам утверждать, что сила его страны опирается на «меч и перо» — оружие и просвещение. Главным

достижением курфюрста, навеки прославившим его имя, стало создание базы для наследников — превращение конгломерата территориально и экономически слабо связанных между собой владений в достаточно сплоченную страну с четко функционирующим государственным аппаратом. Именно при нем сложилась абсолютистская система правления. Мощная постоянная армия не только усилила позиции Бранденбурга в Европе, но и играла роль объединяющего фактора для далеко отстоящих друг от друга владений Гогенцоллернов. В это время возникли предпосылки для формирования так называемого служилого дворянства, которое должно было стать верной опорой абсолютного монарха.

Любопытно, что перед смертью Фридрих Вильгельм едва не разрушил все то, что так упорно строил всю жизнь — единство и суверенитет страны. В своем завещании он высказал пожелание разделить свои владения между сыном от первого брака с Луизой Генрнетгой Нассау-Оранской и его братьями от второго брака с Доротеей Гольштейн-Глюксбургской. Однако по ряду причин (первенец курфюрста Вильгельм Генрих умер в младенчестве, а второй сын Карл Эмиль — в 18-летнем возрасте) это завещание, к счастью, не было исполнено. Таким образом, Фридрих Вильгельм Великий, курфюрст Бранденбургский и герцог Прусский, по праву считается основателем прусского государства, бюрократической системы управления и, главное, прусской армии.

* * *

Преемником жизнелюбивого и деятельного Фридриха Вильгельма по иронии судьбы стал его третий сын Фридрих III (в то время берлинские монархи носили еще «курфюрстовскую», а не «королевскую» нумерацию) — болезненный, слабый и изнеженный человек. Историки обычно рассматривают его правление как интерлюдия между эпохами Великого курфюрста и короля Фридриха Вильгельма I. Однако, несмотря на все это, Фридрих сумел, воспользовавшись плодами трудов своего отца, сделать шаг, который был его предшественнику не по плечу — он приобрел королевский титул

(как утверждали злые языки, в угоду своему непомерному тщеславию). По мнению главного героя нашей книги, его дед был «велик в малом и мал в великом».

Фридрих III родился в Кенигсберге 11 июля 1657 года и крещен в лютеранскую веру. Из-за серьезной травмы позвоночника, полученной в детстве, ему дали кличку Горбатый, что не вполне соответствовало действительности, так как для сокрытия этого дефекта вполне хватало ношения в соответствии с тогдашней модой пышного завитого парика. Однако свойственные ему на протяжении всей жизни болезненное самомнение, пессимизм и недоверчивость, очевидно, брали начало в страданиях, перенесенных будущим королем при лечении у врачей-ортопедов, которые использовали всевозможные корсеты, воротники и костыли.

По специальной программе, подготовленной отцом, Фридриха обучали нескольким европейским языкам, истории, географии, игре на флейте и клавикордах. После смерти матери, Луизы Генриетты Нассау-Оранской (жена Великого курфюрста умерла в 1667 году), и второго брака отца их отношения с сыном быстро испортились, а двенадцатым курфюрстом Бранденбурга из рода Югенцоллернов Фридрих стал в 1688 году только благодаря смерти своего старшего брата.

Хотя Фридрих обычно подчинялся отцовской воле, в вопросе устройства своей семьи он проявил удивительное упорство и добился согласия на брак с Елизаветой Генриеттой Гессен-Кассельской, который был заключен в 1679 году. Впоследствии он женился еще два раза: на Софии Шарлотте Ганноверской (сестре будущего короля Англии Георга I), а затем — на Софии Луизе Мекленбургской.

Когда здоровье отца серьезно пошатнулось, Фридрих стал принимать все большее участие в делах государства и был допущен на заседания правительственного совета.

Поскольку владения Фридриха III простирались по всей Германии от Балтики до Рейна, он оказался вовлечен в международные конфликты и на востоке, и на западе Европы. Во внешней политике этот, в общем-то, сугубо невоенный, склонный к меценатству и покрови-

тельству искусств человек питал крайне экспансионистские взгляды, которые привели Бранденбург к обострению отношений со Швецией из-за Передней Померании, с Польшей и Россией — из-за Западной Пруссии и Эрмланды, и, разумеется, с Францией, которая все более расширяла круг своих территориальных притязаний на Рейне.

Проблема получения королевской короны волновала не только Фридриха, но и его предшественников. Однако именно на переломе XVII и XVIII веков эта заветная цель стала более достижимой, чем раньше. Вспомним, что в 1689 году принц Оранский сумел добыть себе корону Англии и Шотландии, а курфюрст Саксонии Фридрих Август Сильный в 1697-м проложил себе дорогу к польскому трону. Через два десятка лет, в 1721 году русский царь Петр возложил на себя императорский титул — вещь, неслыханная для Европы, которая с момента гибели Византии привыкла называть кайзером только властелина Священной Римской империи германской нации. Вскоре после вступления на курфюршеский престол Фридрих III энергично начал осуществлять свой план приобретения королевских регалий. Но то, что в своей начальной стадии воспринималось современниками только как проблема престижа, в итоге оказалось «шедевром государственного искусства».

Само географическое положение владений Югенцоллернов и признанная уже всей Европой сила их армии могли превратить Фридриха III либо в полезного союзника, либо в опасного противника. Исходя из этого он пришел к выводу, что если Фридрих I сделал их семью династией курфюрстов, то он сам должен добыть для рода королевскую корону.

Тем не менее, несмотря на поддержку некоторых имперских министров, получивших из Берлина взятки на общую сумму 300 тысяч золотых талеров, император упорно уклонялся от положительного ответа: Габсбурги боялись дальнейшего усиления становившегося опасным Бранденбурга и справедливо считали, что Вена ничего не выиграет от появления новоявленного «короля вандалов на Балтике».

В конечном счете Фридрих добился высочайшего согласия на свою коронацию, используя сложную ситуацию в Европе — вопрос об испанском наследстве. Отстаивая свои династические интересы, Габсбурги ввязались в долгий и крайне кровопролитный по тем временам конфликт с французскими Бурбонами, отчего и оказались перед необходимостью поиска союзников. В обмен на бранденбургские штыки император Леопольд I не только обязался признать Фридриха III королем, но и убедить другие державы поддержать это решение. В свою очередь Фридрих обещал предоставить императору 8-тысячный корпус и поддержать Габсбургов при следующих выборах главы империи.

Перед тем как разразилась война за Испанское наследство (1701—1714), 18 января 1701 года в столице Восточной Пруссии Кенигсберге состоялась коронация Фридриха III, ставшего королем под номером Первый. Здесь Фридрих родился, здесь же и собственноручно увенчал себя короной. Всего на процедуру коронации ушло около шести миллионов талеров, причем для покрытия этих расходов был введен специальный коронационный налог.

Однако коронация именно в Кенигсберге имела свое символическое значение, вполне ясное для современников. Восточная Пруссия (бывшие владения Тевтонского ордена), в отличие от Бранденбурга, никогда не входила в состав Священной Римской империи. Таким образом, кайзер как бы давал понять Фридриху, что его провозглашение королем имело в Пруссии не касаясь сложной системы внутриимперских династических взаимоотношений и в пределах империи он остается в прежнем качестве бранденбургского курфюрста. Наконец, даже само прочтение титула должно было указать Гогенцоллернам на некую «мелкопоместность» их статуса: Фридрих стал именоваться не королем Пруссии, а всего лишь «королем в Пруссии», что несколько принижало ценность титула и содержало скрытый намек на его импровизированность, а может быть, и временность.

Формальным предлогом для этого стало то, что половина старых прусских земель находилась в составе

Польши и новый титул должен был содержать указание на суверенитет короля над всей Пруссией. Правда, по-французски Фридриха I уже всю титуловали «Le Roi de la Prussie» — «король прусский». Однако в Германии титул «король в Пруссии» перестал применяться по отношению к Гогенцоллернам только в 1772 году, когда при разделе Польши они наконец-то вернули себе давно отторгнутую у них Западную Пруссию, став суверенами всех территорий под этим названием.

Несмотря на эти геральдические изыски, королевское достоинство, несомненно, усилило позиции Фридриха I как внутри, так и вне пределов империи. О реальном значении этого события говорит хотя бы само длительное сопротивление императора Леопольда претензиям Гогенцоллернов на королевский трон, а также и тот факт, что Ватикан отказывался признать Прусское королевство вплоть до 1788 года. Еще более определенно высказался об этом великий австрийский полководец принц Евгений Савойский: «По моему мнению, — говорил он, — министры, присоветовавшие императору признать независимость прусского престола, заслуживают смертную казнь».

Действительно, королевский титул не был пустым звуком — это показывало уже дряхлевшему германскому союзу княжеств под эгидой Австрии желание бранденбургского курфюрста выйти из-под влияния его законов. Со временем подобное стремление могло дозреть до действительной независимости.

За получение королевского титула Фридрих I дорого заплатил австрийскому дому. Фридрих II справедливо упрекал своего деда за то, что он пожертвовал тридцатью тысячами жизней своих подданных в войнах Габсбургов и их союзников — англичан и голландцев. В особенности это касается периода решившей исход войны за Испанское наследство Фландрской кампании 1709 года и самой крупной битвы XVIII века — сражении при Мальплаке, происшедшем 11 сентября того же года.

Крупный прусский контингент под командованием генерала от инфантерии графа Карла Филиппа фон Виллиха унд Лоттума (16 батальонов пехоты и 35 эскадронов кавалерии) находился в составе англо-голландской

армии герцога Джона Мальборо и составлял вторую линию правого крыла союзников. Весь день пруссаки настойчиво атаковали позиции французских войск де Буффлера и д'Артаньяна, глубоко зарывшихся в землю на восточной опушке дремучего Теньерского леса и в узком дефиле между ним и расположенным дальше к юго-востоку лесом Ланьер.

Французы расстреливали атакующих артиллерией, установленной за линией мощных укреплений, однако к концу дня ценой огромных потерь были сбиты со всех позиций. Пруссаки, сражавшиеся на направлении главного удара, потеряли убитыми и ранеными несколько тысяч человек из общего числа 24 тысячи солдат и офицеров, которых лишились союзники в этой самой кровопролитной битве начала восемнадцатого столетия.

Кровью прусских солдат Фридрих I щедро расплатился и с англичанами, и с голландцами, традиционно воевавшими руками немецких наемников. Правда, когда Англия вышла из войны, Пруссия продолжила сражаться бок о бок с Австрией, так как Бурбоны угрожали ее интересам.

Впоследствии Фридрих продолжал активно вмешиваться в европейские конфликты. Так как «королевская» часть его владений — Пруссия, как мы уже говорили, не входила в состав Священной Римской империи, Фридрих I имел «легальную» возможность предоставлять воинские контингенты в распоряжение как Вены, так и ее противников. Королевский титул наконец-то принес Пруссии полную независимость от Польши, хотя исконная часть древних земель Тевтонского ордена (Западная Пруссия) по-прежнему оставалась в руках поляков и разделяла владения Фридриха на две части. Этот факт стал основанием для последовавшей столетней экспансии Пруссии в отношении Речи Посполитой, победоносно завершившейся тремя разделами этой страны к 1792 году.

Во внешней политике Фридриха особую роль играла его искренняя приверженность к протестантизму, хотя это не помешало королю выступать вместе с католиком-императором против единоверцев-шведов. После начала Великой Северной войны Фридрих I некоторое вре-

мя выжидал, на чьей стороне выступить: Швеции или коалиции России, Дании, Саксонии и Польши. Однако пруссаки промедлили: после 1709 года, после Полтавы и обозначившегося перелома в войне, воюющие страны уже не хотели идти на какие-либо существенные уступки Фридриху, поэтому его запоздалое выступление на стороне коалиции было безрезультатным.

В истории Пруссии Фридрих I остался единственным королем, склонным к пышности и расточительности в вопросах придворной жизни. В этом отношении он значительно больше был похож на своего конкурента — курфюрста Саксонии и короля Польши Августа Сильного, чем на собственного сына, короля Фридриха Вильгельма I. Невероятная роскошь королевского двора нанесла колоссальный урон государственным финансам.

Тем не менее, несмотря даже на это, Фридрих I не изменил традициям предков: за годы своего правления он увеличил численность армии до сорока тысяч человек. При нем стали проводиться регулярные заседания Тайного военного совета. Кроме того, в пределах тех возможностей, которые ему позволяли бедность и разбросанность владений, Фридрих сделал очень много для развития искусства, науки и образования. По его замыслу были построены университет в Галле и Берлинская академия наук. Возведенные при нем здания долгое время (вплоть до конца Второй мировой войны, когда почти все они были полностью разрушены) определяли архитектурный облик прусской столицы. При нем Берлин стал называться «Афинами севера». Умер Фридрих I, первый «король в Пруссии», в феврале 1713 года, в возрасте пятидесяти пяти лет.

В правление первого короля пруссаки были вынуждены довольствоваться приобретением еще нескольких игрушечных владений на крайнем западе Германии, в нижнем течении Рейна. В 1702 году земли Пруссии пополнили графства Линген и Мерс, в 1707 — графство Текленбург, в 1713 — герцогство Верхний Гельдерн (через 82 года навсегда отошло к Нидерландам). В этом же году к Пруссии отошли два южногерманских владения — графство Лимбург и округ Шпекфельд, которые,

правда, в 1742 году пришлось уступить в обмен на захваченную Силезию.

* * *

Сын Фридриха Первого и отец Второго — король Фридрих Вильгельм I (1688 — 1740, правил с 1713) с момента вступления на трон принял самые решительные меры по укреплению в стране государственного аппарата абсолютной монархии с уклоном в сторону милитаризма. Король, как и его предшественники, по-прежнему стремился к «округлению» своих рассеянных и раздробленных владений, прибегая к покупке территорий, взяткам, махинациям с наследствами и договорам о разделе чужих земель.

Поскольку государство Гогенцоллернов было не только территориально раздробленным, но и отсталым в экономическом смысле, его правители стремились аннексировать области Германии, более развитые промышленно. В собственно же Бранденбурге-Пруссии заметно развивались лишь те отрасли промышленности, которые прямо или косвенно были связаны с военными поставками: например, производство оружия или сукна для обмундирования.

Фридриху Вильгельму I приписывают изречение, что «Пруссия может быть или слишком большой, или чересчур маленькой». Естественно, что сам король видел лишь один вариант дальнейшего существования страны и прилагал все меры к ее расширению. Уже в 1714 году он присоединил к своим владениям маленькое графство Вернигероде в окрестностях Магдебурга. Второй случай представился очень скоро. Когда новый король вступил на трон, еще продолжалась Северная война. У шведского короля Карла XII, терпевшего все новые и новые поражения от противника, не хватало сил для защиты своих пока еще многочисленных «заморских» владений, особенно в удаленной от основных событий Северной Германии. Тогда Фридрих Вильгельм заключил со шведами договор о том, что до конца войны переднепомеранская крепость Штеттин будет занята прусскими войсками, так как сами каролинцы были уже не в состоянии защищать ее от русских.

Однако, оказав Карлу эту услугу, Фридрих Вильгельм сразу же прибрал Штеттин к рукам и к тому же преисполнился решимости продолжить захваты в шведской Померании. 13 июня 1714 года король Пруссии подписал с Петром I секретный договор, в соответствии с которым мог присоединить к себе весь восток Передней Померании вплоть до острова Пенемюнде. В Рождество 1715 года пруссаки взяли Штральзунд, однако в 1720 году, уступив давлению Англии, они разорвали договор с Россией и заключили союз со Швецией. Тем не менее Карлу это помогло мало: после окончания войны (1720) к Бранденбургу перешла часть так называемой Старой Передней Померании с первоклассной крепостью Штеттин в пределах, определенных ранее пактом с Россией. Все это сделало Гогенцоллернов самыми крупными после австрийских Габсбургов феодальными владельцами Германии.

По облику и темпераменту Фридрих Вильгельм был полной противоположностью своему отцу. Хотя для Гогенцоллернов вообще был характерен «конфликт поколений», отношения Фридриха I с сыном были особенно напряженными. С детства принц охотно затевал драки с более слабыми сверстниками и очень тяжело переживал, когда в результате доставалось ему самому. Например, когда Фридриха Вильгельма отколотил его двоюродный брат с материнской стороны, будущий английский король Георг II, который был на пять лет старше его, кронпринц настолько обиделся, что это в дальнейшем наложило крайне негативный отпечаток на отношения между Пруссией и Британией в течение всего периода его царствования. С двоюродным братом Фридрих Вильгельм примирился только на смертном одре, попросив свою жену, сестру Георга, сообщить последнему о том, что он его простил.

В отличие от склонного к роскошествованию отца, Фридрих Вильгельм был экономным до скарденности. Принц ненавидел пышность и мотовство, царившие при отцовском дворе, считая, что они ведут к разрушению государства. Несмотря на обилие французских словечек в его лексиконе, наследник престола гордился тем, что он — «настоящий немец». По мнению Фридри-

ха Вильгельма, «настоящий немец» не нуждался в образовании. Он любил говаривать, что все ученые — дураки, а став королем, неоднократно угрожал закрыть академию наук.

Прозванный «фельдфебелем на троне», «солдатским королем» (Soldatenkoenig), Фридрих Вильгельм относился к ученым, поэтам и писателям с нескрываемым презрением. Лейбница король считал совершенно бесполезным человеком, непригодным «даже для того, чтобы стоять на часах». Известный немецкий философ-просветитель Кристиан Вольф, профессор университета Галле, по распоряжению прусского кабинета был выслан из страны, так как в его теории детерминизма король усмотрел этическое оправдание дезертирства.

Фридрих Вильгельм был страстным охотником, но особенно искренне и беззаветно любил все, что связано с армией. После того как отец назначил его командиром гвардейского пехотного полка, принц все свободное время занимался экзерцициями и муштровкой своих солдат. Даже во время болезни он для повышения жизненного тонуса рисовал марширующих солдатиков. Вступив на престол, новый монарх сделал армию главным орудием внешней и внутренней политики, инструментом, с помощью которого он добывал себе новые земли и подданных. По меткому высказыванию тех лет, Пруссия была «не государством, владевшим армией, а армией, владевшей государством». Его сын Фридрих II верно заметил, что если при Фридрихе I Берлин стал «Афинами севера», то при Фридрихе Вильгельме — Спартой. К концу правления «солдатского короля» прусская армия насчитывала почти 90 тысяч человек (при населении 2,5 миллиона) и занимала по своей численности четвертое место в Европе. Для взимания с измученного населения налогов и акцизов, шедших в основном на военные расходы, Фридрих Вильгельм учредил специальный орган — Высшее управление финансов, военных дел и доменов.

Военная сила применялась и внутри страны для борьбы с выступлениями «третьего сословия». Когда в 1717 году в Котбусском округе около четырех тысяч сорбских крестьян (сорбы — славянская народность,

проживающая в окрестностях Берлина) отказались отрабатывать барщину на своих помещиков, по приказу короля армия жестоко подавила восстание. По распоряжению Фридриха Вильгельма в 1731 году несколько специально выделенных рот солдат принудительно сносили старые дома в Берлине, чтобы поставить жителей перед необходимостью строительства новых, более благоустроенных зданий, соответствующих облику столицы.

При Фридрихе Вильгельме окончательно оформились черты прусского милитаризма, впоследствии наложившие такой сильный отпечаток на царствование его сына и преемников: реакционная военная идеология, бесчеловечная муштра и система жестоких наказаний (фухтеля и шпицругены), которые практиковались не только в армии, но и в гражданском обществе: порке подвергались даже придворные (впрочем, как и в России до известного указа Петра III «О вольности дворянства»).

Король считал необходимым жестко, до мелочей регламентировать жизнь своих подданных и всерьез подумывал об издании Устава для штатских лиц. Будучи в дурном настроении, монарх во время прогулок по Берлину наносил прохожим удары тяжелой тростью или бил их ногами. Все развлечения для короля заменяли ежевечерние встречи с узким кругом приближенных генералов в знаменитой «Tabakkollegium» — «Табачной коллегии», где присутствующие в ходе беседы на интересующие их темы (прежде всего, военные) выкуривали чудовищное количество табака (по 20—30 трубок) и выпивали не меньше пива. В этих условиях любое проявление свободомыслия сурово наказывалось — одним из наиболее пострадавших от самодурства Фридриха Вильгельма стал его сын, будущий король Пруссии Фридрих II Великий.

Как уже говорилось выше, еще будучи кронпринцем, Фридрих Вильгельм вступил в открытый конфликт со своим отцом. Однако, искренне веря в необходимость подчинения помазаннику Божию, наследник всегда по

отношению к Фридриху I сохранял послушание. 24 января 1712 года тяжелобольной король получил сообщение, что у него родился внук, которого по предложению деда нарекли Фридрихом (всего у Фридриха Вильгельма I было 14 детей). Этому ребенку и было предначертано сыграть одну из самых выдающихся ролей в истории Германии.

После того как мальчику минуло 6 лет, Фридрих Вильгельм приставил к нему в качестве воспитателей лично отобранных прусских офицеров (воспитателя генерал-лейтенанта фон Финкенштейна и надзирателя полковника Калькштейна) и, в соответствии с требованиями того времени, — гувернеров-французов. На формирование личности Фридриха большое влияние оказала постоянная натянутость в отношениях между родителями и жизнь при наполненном интригами дворе. Ни любви, ни доверия отец так никогда от него и не дождался. Фридрих ненавидел отца и всячески сторонился его, испытывая перед королем лишь «дикий страх, рабское почтение и покорность».

Мать Фридриха, воспитанная во французском духе дочь курфюрста Ганноверского (с 1714 года — короля Англии Георга I) королева София Доротея сознательно противодействовала во всем своему мужу, а потому поощряла как хорошие, так и не очень привлекательные черты характера сына. Жизнь большой королевской семьи проходила в ненависти, страхе, притворстве и лжи. Поскольку отношения между отцом и сыном неуклонно ухудшались, Фридрих Вильгельм долгое время всерьез подумывал о лишении его престола.

Фридрих реагировал на это по-своему. Воспользовавшись пугающим путешествием, которое он вместе с королем совершал по столицам различных германских княжеств, кронпринц вместе со своим другом лейтенантом фон Катте договорился об организации побега. Однако король как-то узнал об этом плане, Фридрих и его сообщник были взяты под стражу. Военный трибунал, заявив, что осуждение наследника престола не входит в его компетенцию, приговорил фон Катте к пожизненному заключению в крепости. Крайне раздосадованный «мягкостью» приговора, король добился его пересмотра —

в конце концов несчастный лейтенант был казнен. По приказу короля два капитана подвели Фридриха к окну, чтобы он видел казнь собственными глазами.

С находившегося в заключении в Кюстринской крепости Фридриха посланная его отцом специальная миссия взяла письменную клятву, что он будет во всем следовать воле отца, в противном случае лишится права на наследование короны. В мае 1731 года Фридрих Вильгельм писал в Кюстрин гофмаршалу фон Вольдену о сыне: «...он должен только выполнять мою волю, выбросить из головы все французское и английское, сохранив в себе лишь прусское, быть верным своему господину и отцу, иметь немецкое сердце, выбросить из него все франковство, проклятую французскую политическую фальшивость и усердно просить у Бога милости...»

В следующем году, после возвращения сына в Берлин, Фридрих Вильгельм, не интересуясь особенно его мнением (Фридриху очень нравилась Анна Леопольдовна — удочеренная племянница русской императрицы Анны Иоанновны и тогдашняя наследница престола России), женил кронпринца на принцессе Елизавете Христине Брауншвейг-Вольфенбюттельской. Этот брак оказался бездетным.

После свадьбы наследник направился в Руппин, где был расквартирован вверенный ему отцом полк. Однако вскоре монотонное течение его жизни прекратилось. В связи с началом войны за Польское наследство и переходом французскими войсками Рейна король вместе с Фридрихом во главе прусского корпуса летом 1734 года направились в армию генералиссимуса имперских войск принца Евгения Савойского — самого крупного полководца своего времени. На этой «страшной войне» будущий король не сумел отличиться ничем, но принц Евгений разглядел в нем отличного офицера с задатками первоклассного полководца. Его хвалебные отзывы о прусском наследнике постепенно заставили Фридриха Вильгельма I пересмотреть свое скептическое мнение о военных талантах своего сына. С момента рейнского похода началось постепенное примирение короля Пруссии и кронпринца Фридриха.

После возвращения из похода отец приобрел для семьи наследника замок Райнсберг, причем Фридрих лично руководил его перестройкой. По замыслу кронпринца, замок должен был стать «святилищем дружбы». Основными занятиями Фридриха были военная служба (к тому времени он получил чин генерал-майора), чтение и музыка.

Наследник престола активно работал и в сфере философии, причем не скрывал своих симпатий к французскому Просвещению (за что и вступил в острый конфликт с отцом).

В 1738 году в свет вышла первая политическая «прокламация» Фридриха «Соображения о современном политическом состоянии Европы», написанная им под псевдонимом. В этой работе он излагал свои «просветительские» взгляды на проблемы международных отношений, причем основное место в книге заняла острая критика власть имущих. Фридрих, в частности, писал: «Вместо того чтобы непрерывно вынашивать планы завоеваний, пусть эти земные боги приложат все старания к тому, чтобы обеспечить счастье своего народа... Пусть они поймут, что подлинная слава князя состоит не в подавлении своих соседей, не в увеличении числа своих рабов, но в том, чтобы выполнять обязанности своего предназначения и во всем соответствовать намерениям тех, которые наделили его властью и от которых он получил высшее могущество». Правда, учитывая основную родзанятий Фридриха после его восшествия на трон — «подавление соседей» и «увеличение числа рабов», эти строки выглядят весьма странными, но в то время молодой кронпринц, глубоко увлекавшийся вольтерьянством, был совершенно искренен.

Вообще, в отношении интеллектуальных интересов Фридрих был на порядок выше других европейских монархов, причем правивших как ранее, так и позднее его. Король Пруссии профессионально занимался философией, литературой, музыкой. Его перу принадлежат огромное количество специальных исследований и трактатов: «История моего времени», «Генеральные принципы ведения войны», «Антимакиавелли», «Критика «Системы природы (Юльбаха)», «О немецкой ли-

тературе», «История Семилетней войны» и др. Политическая и личная переписка Фридриха занимает десятки томов. Король, как и его предки, проявлял большую веротерпимость и даже приближался к атеизму.

В 1736 году он вступил в переписку с Вольтером, которая продолжалась всю его жизнь (великому французскому философу весьма льстило такое внимание к его персоне со стороны европейского монарха, тем более что оно разительно отличалось от восприятия его трудов Бурбонами). С 1750 по 1753 год Вольтер жил в Потсдаме в качестве личного гостя короля. Не чужды Фридриху были и занятия архитектурой: в 1745–1747 годах по его рисунку архитектор Георг Кнобельсдорф построил в Потсдаме дворец Сан-Суси (Sans-Soussi — «Беззаботный»), который стал излюбленной резиденцией короля. Фридрих виртуозно играл на флейте и сочинил множество музыкальных произведений самых разнообразных жанров. Все — и современники, и потомки — считали его самым ярким представителем «просвещенного абсолютизма».

Однако самой большой любовью Фридриха, в полной мере унаследованной им от его суровых предков, была армия. Это в конце концов понял и его отец: отношения между ним и сыном к моменту последней болезни Фридриха Вильгельма I значительно улучшились. Напугав своих придворных, умирающий король так сказал им: «...я оставляю после себя своего сына, который имеет все способности к тому, чтобы хорошо править; он мне обещал, что сохранит армию. Я знаю, что он любит войска и храбр, я знаю, что он сдержит свое слово, он обладает разумом, и все будет идти хорошо».

Фридрих Вильгельм не ошибался: все вышеперечисленные увлечения его сына и наследника странного образом переплетались с самым радикальным милитаризмом. Еще в свою бытность кронпринцем, Фридрих написал фундаментальный труд «Антимакиавелли», в котором изложил свои взгляды на различные виды войн. В частности, особое внимание он уделил всестороннему оправданию превентивных захватнических войн. Он полагал, что если монарх видит приближение военной грозы и возвещающие о ней молнии, но не может пре-

дотратить ее в одиночку, если он достаточно умен, то «объединится со всеми, интересы которых оказались в столь же угрожающем положении... Таким образом, будет лучше, если князь (если он еще располагает возможностью выбирать между оливковой ветвью и лавровым венком) решится предпринять наступательную войну, чем если бы он дождался того безнадежного времени, когда объявление войны может отсрочить лишь на несколько минут его рабство и его гибель. Лучше опередить самому, чем позволить опередить себя...».

Тогда эти слова молодого кронпринца не привлекли к себе особого внимания. Между тем, унаследовав в 1740 году отцовский престол, Фридрих прежде всего развернул деятельность по дальнейшему усилению прусской армии, хотя не забывал и о таких вещах, как создание департамента торговли и мануфактуры, а также приглашение на работу в страну художников и скульпторов со всей Европы. Вся противоречивая натура короля в полной мере проявилась в его письмах Вольтеру. Так, вскоре после вояжирования Фридрих написал своему французскому «наставнику», что «увеличил силу государства на 16 батальонов, 5 эскадронов гусар и заложил основу для нашей новой академии... Наибольшие хлопоты я имею от закладки новых складов во всех провинциях, которые должны быть столь значительны, чтобы содержать для всей страны зерно на полтора года вперед». Таким образом, даже в письмах Вольтеру рассказ о просветительских и реформаторских деяниях тесно переплетается с рассказом о чисто военных приготовлениях.

Осуществляя политику «просвещенного абсолютизма», Фридрих II истолковывал буржуазные государственно-правовые теории в сузубо феодальном духе и использовал их для идеологического обоснования своего господства. Проводимые им реформы почти исключительно ограничивались сферами юстиции и культуры. Так как почти все государственные средства уходили на содержание армии и ведение начавшихся вскоре бесконечных войн, на образование в Пруссии денег не хватало всегда.

В королевском школьном регламенте 1763 года, как бы оправдывавшем «чрезвычайный упадок» школьно-

го дела в стране, указывалось на то, что «из-за неопытности большинства церковных служителей и учителей молодые люди в деревнях растут в невежестве и глупости». Сам король, по его собственному признанию, говорил по-немецки, «как кучер». Поклонник французской философии и литературы, он вообще относился с пренебрежением к немецкой культуре (особенно это касалось литературы). Фридрих так и не понял значення для страны Канта и Гете.

Что же касается профессиональной терпимости короля, то она во многом объяснялась очень просто: стремлением максимально увеличить если не территорию, то хотя бы население страны с фискальными целями, в интересах ее промышленного развития и расширения возможностей набора все новых и новых рекрутов.

Вообще, по разносторонности интересов, глубине познаний в самых различных областях, доходившей до аскетизма скромности и, главное, искреннему стремлению служить своей стране Фридрих схож только с одним государем XVIII столетия — Петром Великим. Роднит их и повышенный интерес к военному делу, и незаурядные полководческие дарования, и многое другое. Хотя в чисто военных аспектах есть и различия: если в 1700–1720 годах огромная, но поначалу неподготовленная армия Петра сражалась с малочисленным и постоянно уменьшавшимся шведским войском, то в 1740–1748 и особенно 1756–1762 годах весьма небольшая армия Фридриха, обладавшая крайне ограниченными ресурсами, воевала и побеждала воинства противников, многократно превосходившие ее по численности.

При вступлении Фридриха на престол его наследственные владения составляли 118 926 км² с 2 240 000 населения, а накануне его кончины — 194 891 км², населенных 5 340 000 человек.

Таким образом, несомненно, прусский король был одной из ярких фигур политической жизни Европы середины столетия. Современников его личность поражала сочетанием подчас противоположных и взаимоисключающих свойств. Будучи наследником престола, он увлекался философией, литературой. Культура Фран-

ции была ему близка и знакома, а на французском языке он писал и разговаривал совершенно свободно. Фридриху было присуще такое редкое по тем временам качество, как веротерпимость, если не сказать — атеизм. На этой почве он близко сошелся с Вольтером, часто гостившим у Фридриха и часами обсуждавшим с «философом из Сан-Суси» философские и этические проблемы.

Однако идеи Просвещения странным образом уживались в сознании Фридриха с прямолинейным, ограниченным пруссачеством, незатейливой милитаристской и юнкерской «философией» прусского юнкерства. Написав в ранние годы книгу с говорящим само за себя названием — «Антимакиавелли», всю оставшуюся жизнь Фридрих посвятил опровержению прекраснотерпимых идей этой книги, прославив одним из самых лицемерных и вероломных политических деятелей европейской истории даже по меркам своего века. Он давал обещания, чтобы тотчас их нарушить, подписывал соглашения о мире, чтобы разорвать их прежде, чем чернила высохли на бумаге.

Человек решительный и смелый, крупный полководец, внесший немало нового в военную науку своего времени, Фридрих впадал в полное отчаяние от неудач и удивлял современников проявлениями слабости духа. История его царствования стала ярким примером неустойчивого политического балансирования, сменявшегося политикой откровенного авантюризма и агрессии, что в конечном счете ослабило Германию. В течение двадцати лет царствования Фридриха — и в немалой степени по его вине — Европа дважды ввергалась в пучину войн, охватывавших почти все государства континента и длившихся в общей сложности 15 лет.

Забегая вперед, скажу, что в правление главного героя нашей книги территория Пруссии увеличилась еще больше и самым решительным образом. Уже в 1741 году, через несколько месяцев после вступления на престол, он сумел заполучить еще один небольшой округ в окрестностях Магдебурга — Беннекенштейн. В 1742 году пруссаки под его началом захватили принадлежавшие Австрии огромное герцогство Силезское и графст-

во Глац — это почти вдвое увеличило территорию Пруссии. После двух Силезских войн, в 1748 году, Австрия формально согласилась с уступкой этих территорий. В 1744 году Фридриху отошло княжество Восточная Фрисландия (Остфрисланд) — довольно крупное приморское владение на крайнем северо-западе Германии, на границе с Нидерландами. Попытка захватить Саксонское курфюршество, которая привела к Семилетней войне 1756—1763 годов, окончилась неудачей. Однако в 1772 году в союзе с Россией и Австрией Пруссия провела первый раздел Речи Посполитой: в результате этого шага ее территория увеличилась еще в два раза, кроме того, наконец-то появилось сухопутное сообщение между Бранденбургом и Восточной Пруссией.

Итак, в 1772 году к Пруссии были присоединены так называемая Королевская Пруссия, Вармия и часть Кулявии (все это ранее находилось в составе Речи Посполитой). Наконец, последним территориальным приращением Пруссии при жизни Фридриха Великого стал еще один небольшой округ в окрестностях многострадального герцогства Магдебургского — графство Мансфельд (1780). Читая эти строки, невольно поражаешься фантастической кропотливости и настойчивости в политике бранденбургских курфюрстов и прусских королей, всего за 180 лет увеличивших территорию некогда заолустиного княжества вчетверо и сделавших его великой европейской державой.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ЕВРОПЕ В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА. БУРБОНЫ, ГАБСБУРГИ, РОМАНОВЫ

Главными действующими лицами в Западной и Центральной Европе уже давно и, казалось, навсегда стали два смертельно враждующих за гегемонию на континенте дома — французские Бурбоны и австрийские Габсбурги.

Бурбоны к началу XVIII века, бесспорно, превратились в наиболее влиятельную и мощную династию в Европе. Помимо наиболее могучей на Западе державы — Франции — они в ходе множества войн и династических интриг сумели создать настоящую империю.

После войны, приведшей на испанский трон внука Людовика XIV, короля Филиппа V, династия Бурбонов приобрела себе в лице Испании союзника, обладавшего огромными колониальными владениями в Новом Свете, Африке и Азии. К этому нужно прибавить территорию Франш-Конте, отторгнутую Бурбонами у Габсбургов вместе с Испанией. В 1735 году еще одна ветвь Бурбонов воцарилась в Неаполитанско-Сицилийском королевстве; затем под их власть попала Парма.

Таким образом, в 1748 году образовались четыре ветви Бурбонов — собственно французская, испанская, неаполитанская и пармская, которые и правили в этих странах до середины XIX века (за исключением революционных и наполеоновских войн), а в Испании — по сей день. Эти ветви тесно сотрудничали между собой в интересах династии и прочно удерживали гегемонию в Западной Европе.

В Испании в описываемый нами период правил король Фердинанд VI (1746—1759), сын первого короля Испании из династии Бурбонов — Филиппа V. Королем Неаполя и Сицилии в 1735—1759 годах был Карл IV Бурбон, после смерти своего упомянутого выше старшего

брата перешедший на испанский трон. В Неаполе его сменил Фердинанд I Бурбон. В Парме с 1748 года правил герцог Филипп Бурбон, младший брат Карла IV Неаполитанского и зять короля Людовика XV Французского.

Бурбоны постоянно терроризировали запад Германии и Италию, пытаясь отторгнуть в пользу Франции рейнские земли, Лотарингию, Савойю и другие территории. Это стало причиной постоянных войн, ведущихся с переменным успехом на протяжении без малого ста пятидесяти лет Людовиком XIV и его сыном Людовиком XV*.

Утонченный и образованный, этот король тем не менее сильно отличался от своего прадеда, «короля-солнца» Людовика XIV, от которого он унаследовал корону в пятилетнем возрасте (сын и внук Людовика XIV скончались еще при его жизни). От прадеда Людовик XV не унаследовал ни непомерного честолюбия, ни осознанного стремления к упрочению абсолютизма, ни умения подбирать и приближать к себе выдающихся людей, служащих исполнителями его замыслов. Опере и придворным развлечениям он придавал гораздо большее значение. Отличался Луи XV и повышенной тягой к противоположному полу, что само по себе было бы и неплохо, не вручай он каждой очередной своей фаворитке всю полноту власти во Франции. Недаром Фридрих Великий прозвал его царствование «правлением трех юбок»: первая — графиня де Мальи, вторая — герцогиня Шатору, третья — маркиза де Помпадур.

Все это, умноженное на отсутствие четких приоритетов во внешней политике, привело к тому, что Франция с ее огромными армией и флотом, мощными финансами, колониями и всем прочим оказалась практически единственной страной, проигравшей Семилетнюю войну.

* Людовик XV (1710—1774) — король Франции из династии Бурбонов (правил с 1715 года). В войну за Австрийское наследство союзник Пруссии, в Семилетнюю войну — противник.

Габсбурги же, несмотря на всю свою власть и влияние, находились в гораздо более трудном положении, чем их французские визави. Это было обусловлено совершенно иным характером как их правления в Германии, так и обеспечения престолонаследия.

Здесь необходимо сделать существенное замечание: Австрийской или тем более Австро-Венгерской империи, властительницей которой некоторые горе-историки делают Марию Терезию, в те времена еще просто не существовало. Габсбурги были императорами древней Священной Римской империи германской нации, основанной еще в 962 году Оттоном I Саксонским и включавшей в себя территории Германии, Богемии, Лотарингии, Северной Италии, нынешней Бельгии.

Хотя Габсбурги практически бессменно правили этим наследием средневековья с 1438 года, сменив династию Люксембургов (первый император из дома Габсбургов, Рудольф I, правил еще в 1273—1291 годах), они никогда не являлись подлинными властителями десятков крупных и мелких германских государств, входивших в империю, а выступали лишь достаточно формальными сюзеренами их владетелей. Более того, в XVI—XVII веках под знаменами австрийских Габсбургов католики Священной Римской империи многие десятилетия воевали против северогерманских протестантов (гайноверцев, голштинцев, бранденбуржцев), государства которых по-прежнему входили в эту империю и оставались подданными все тех же Габсбургов!

Именно по этой причине сражавшаяся против Фридриха Великого «имперская исполнительная армия» — ополчение из контингентов всех германских князей и епископов — не имела никакого отношения к войскам Габсбургов. Это воинство было собрано по решению имперского исполнительного сейма, на который (хотя, конечно, там и верховенствовали австрийские эмиссары) император не мог оказывать никакого прямого влияния. Несмотря на это, большинство отечественных историков упорно характеризуют битву 1757 года при Росбахе как «сражение между пруссаками и австро-французскими войсками».

Кроме того, Габсбурги не являлись ни естественными, ни наследственными правителями империи. Каждый новый император после смерти своего предшественника должен был выбираться коллегией курфюрстов — имперских князей, облеченных правами выборщиков. Впервые их список был утвержден в 1326 году, а с середины XVII века, после ряда изменений, он выглядел так:

Светские курфюрсты — герцог Саксонский, маркграф Бранденбургский, герцог Баварский, король чешский, курфюрст Пфальцский, курфюрст Ганноверский.

Духовные курфюрсты — архиепископы Майнцский, Трирский, Кельнский.

Формально решения о кандидатуре будущего императора выносили именно эти владетели, каждый из которых, естественно, имел свои интересы, политические симпатии и устремления. По этой причине на протяжении веков короной империи пытались завладеть многие лица из знатных феодальных родов как из самой Германии, так и из-за ее пределов (Альфонс Кастильский и Ричард Плантагенет в XIII веке, Карл Валуа в XIV веке и т. д.). Однако впоследствии доминирующую роль в империи заняли герцоги Австрийские — Габсбурги. Огромный политический вес этого южногерманского дома, подкрепленный силой войск и финансов, в течение трехсот лет без особых проблем обеспечивал ему передачу титула императора по наследству, хотя каждого нового владителя империи формально по-прежнему утверждала голосованием коллегия курфюрстов. Тем не менее к началу XVIII века ситуация успела измениться.

Начнем с того, что собственные же владения габсбургской династии, где они являлись властителями в подлинном, феодальном смысле слова, хотя и были весьма обширны, но отнюдь не включали в себя Германию. В них входили собственно Австрия, Штирия, Каринтия, Швабия, Тироль, владения в Италии, Богемия, Венгрия, Валахия и Бельгия (Австрийские Нидерланды).

С 1526 года Габсбурги носили титул короля Богемии, с этого же года (правда, в итоге шедшей до этого почти

столетней борьбы) — короля Венгрии. Ко времени описываемых нами событий Габсбурги так и не сумели создать единое государство с единой нацией, было лишь понятие австрийского дома. Однако они продолжали свою экспансию, не задумываясь о том, сумеют ли «переварить» все новые разноплеменные территории, попадающие под их скипетр. В начале XVI века Габсбурги унаследовали трон Испании, соединив таким образом свои земли в Западной, Центральной и Восточной Европе с огромными владениями испанской колониальной державы — Северной и Южной Америкой, владениями в Африке и в Тихом океане. Казалось, впервые в истории на горизонте засияла заря создания действительно универсальной империи под властью австрийского дома.

Однако затем эта «империя, над которой никогда не заходит солнце», треснула по самой середине. В 1556 году император Карл V Габсбург (он же король испанский Карлос I), раздосадованный неудачами в войнах против протестантов, отрекся от престола и разделил свои необозримые владения между наследниками. Испания, вместе с Нидерландами, Франш-Конте и землями в Италии отошла к его сыну, королю Филиппу II, а императорский титул вместе с родовыми герцогствами Австрии получил брат, король Венгрии и Чехии Фердинанд. Это стало роковой ошибкой для династии, которая впредь только сдавала свои позиции под натиском многочисленных врагов.

Северогерманские княжества, лидером которых постепенно становилась Пруссия, все без исключения шитали к Габсбургам глубокую, хотя и скрытую, вражду.

Дело было, во-первых, в религиозных различиях — свежи еще были воспоминания о сотрясавших некогда Германию войнах между южанами-католиками и северянами-протестантами, самой страшной из которых стала Тридцатилетняя война (1618—1648). Кроме этого, на своих землях католики с благословения императоров продолжали преследовать протестантов, отбирать у них земли и церкви, запрещать отправление обрядов.

Во-вторых, «освященное веками» архаичное феодальное землевладение габсбургских земель стало входить во все более сильный конфликт с бурно развивающимся буржуазным строем приморского севера страны. Вольности, которыми пользовались почти все германские государства, стали явно или тайно нарушаться Габсбургами, увидевшими в их развитии угрозу для своей гегемонии. Таким образом, сидящие в Вене императоры, титул которых требовал от них быть гарантами сохранения древней имперской конституции и прав германских государей и вольных городов, стали проявлять все больший деспотизм в решении внутренних немецких проблем, подменяя «феодално-демократический» стиль правления абсолютистским. В Германии, где император издревле был всего лишь «первым среди равных», а каждый мелкий властитель кичился традициями своей «самостийности», эта тенденция не могла осуществиться без серьезной борьбы.

Наконец, в-третьих, усиление протестантских германских государств совпало с пока еще слабым, но уже заметным ослаблением австрийских владений, экономика которых оказалась подорвана постоянными войнами с Францией и Турцией.

В 1700 году пресеклась испанская линия династии Габсбургов; последовавшая за этим война за Испанское наследство закончилась полной победой антиавстрийской коалиции, приведшей на испанский престол смертельного врага императоров — Бурбонов. Таким образом, Австрия лишилась своего естественного союзника — Испании вместе с ее гигантскими ресурсами, правда, уже обветшавшей под ударами англичан, французов и голландцев колониальной империи. Союзник внезапно превратился в противника. Доставшееся по условиям Утрехтского мира (1713) австрийским Габсбургам Неаполитанское и приобретенное в 1720 году Сицилийское королевства в результате новой войны перешли все к тем же Бурбонам, которые и правили ими последующие 150 лет. В качестве компенсации Габсбурги получили итальянское великое герцогство Пармское, но и его в 1748 году захватили ранее владевшие им Бурбоны.

Как видно из сказанного, к середине XVIII столетия Габсбурги превратились в «жандарма Германии», которых могли побаиваться, но уже никто не уважал и тем более не любил (насколько вообще применимо это слово к любому властителю).

В 1740 году скончался император Карл VI. Угасла мужская линия династии Габсбургов, поэтому император передал корону своей 23-летней дочери Марии Терезии*, бывшей замужем за Великим герцогом Францем I Стефаном Лотарингским. Если бы речь шла о стране с прямым престолонаследием, этот факт не имел бы никакого значения. Однако мы уже знаем о процедуре передачи власти в Священной Римской империи и о том, что каждый новый суверен должен был пройти процедуру утверждения коллегией курфюрстов. Добавим, что эта тысячелетняя империя за всю историю своего существования строго исповедовала «салический» принцип престолонаследия и никогда не управлялась женщиной. В 1713 году Карл VI заставил имперский сейм принять так называемую Прагматическую санкцию, в которой обосновывались права Марии Терезии на имперский трон. С санкцией (еще при жизни императора) согласились все члены сейма, ее гарантами выступили монархи всех держав Европы. Однако император умер — и над головой Марии Терезии начали сгущаться тучи. Подробнее я расскажу об этом ниже...

Тем не менее Мария Терезия была, бесспорно, одним из наиболее выдающихся монархов того времени. Она обладала подлинным талантом выбирать советников и помощников. Ее первые министры — граф Фридрих Вильгельм Гаугвиц, затем князь Венцель Антон Кауниц — в сложнейших условиях многое сделали как для

* Мария Терезия (1717—1780) — императрица Священной Римской империи германской нации, до этого — владетельница Австрии и королева Венгрии из династии Габсбургов. Вступила на престол после смерти отца, императора Карла VI, на основе так называемой Прагматической санкции (1740). Ее соправителями были: муж, император Франц I (до 1765 года), затем сын Иосиф II.

упрочения положения Австрии в Европе, так и для реформы ее устаревающей государственной системы. Австрийский писатель Стефан Цвейг называл Марию Терезию «единственным великим монархом австрийского дома» и отмечал такие черты императрицы, как «огромное терпение, тщательное обдумывание замыслов и упорство, способность отказываться, когда это нужно, от страстно желаемого, мудрое самоограничение».

Сама не получившая глубокого образования, Мария Терезия справедливо полагала, что новое время и модернизация государства требуют значительного числа образованных чиновников и специалистов. Поэтому одной из главных ее забот стала реформа образования, от начального до высшего. Австрия одной из первых стран Европы приступила к созданию школ за государственный счет. При Марии Терезии были заложены основы системы образования, просуществовавшей до 1918 года.

В 1740—1750-е годы Мария Терезия приступила к проведению реформ, призванных преобразовать находившееся в состоянии финансового кризиса, плохо управляемое разноплеменное германо-венгробогемско-бельгийское государство в единый организм, способный функционировать в новых условиях развивающегося капитализма. Реформаторская деятельность молодой императрицы охватила практически все стороны государственной жизни. Военная реформа начала 50-х годов повлекла за собой изменения в финансовой системе государства: закон о всеобщем подоходном налоге положил конец привилегиям дворянства и духовенства. Осуществление этих реформ потребовало усиления централизации и упорядочения системы учета и контроля. Административные реформы были направлены на то, чтобы укрепить абсолютизм и уничтожить остатки средневековой сословной системы.

От брака с герцогом Францем Стефаном Лотарингским (в 1745 году коронован императором) Мария Терезия имела шестнадцать детей, причем многочисленное потомство умело использовалось для укрепления связей с европейскими династиями, прежде всего — с их истинными врагами, Бурбонами. Дочери Марии Терезии

были выданы замуж: Мария Антуанетта — за короля Франции Людовика XVI (оба казнены после Великой французской революции), Мария Каролина — за короля неаполитанского Фердинанда Бурбона, Мария Амалия — за герцога Пармского Фердинанда Бурбона. Ее сын Иосиф был женат на принцессе Марии Изабелле Бурбон-Пармской, затем на баварской принцессе Марии Жозефе, Леопольд — на принцессе Марии Луизе из дома испанских Бурбонов, Фердинанд — на принцессе Марии Беатрисе д'Эсте (они основали габсбургскую линию герцогов Модена-Эсте).

Забегая вперед, скажу, что муж Марии Терезии император Франц II совершенно не интересовался политическими делами супруги. Он сосредоточил все свое внимание исключительно на финансовых делах семьи, причем делал это весьма нестандартно. На протяжении всех трех ожесточенных войн, которые Пруссия вела с Австрией в его правление, он охотно давал Фридриху Великому финансовые займы, на которые сам и закупал для прусской армии провиант, сукно и прочие военные запасы (!). По этому поводу острый на язык Фридрих как-то заметил: «Я знаю, что Мария Терезия без ума от своего супруга, но знала бы она, КАК его любят мои солдаты!»

Кстати, несмотря на то что Мария Терезия фактически и весьма твердой рукой управляла своей обширной империей (как видим, ее муж оказался не особенно пригодным для этой роли), она, вопреки расхожему мнению, получила титул императрицы только как жена и соправительница приведенного ею же на трон Франца II — германского императора. До этого она, хотя и стояла во главе Австрии и всей Германии, носила только наследственный титул эрцгерцогини Австрийской и королевы Венгерской. Кстати, по конституции Венгрии во главе страны не могла стоять женщина, поэтому во всех юридических документах Мария Терезия именовалась королем.

* * *

На северо-западе Германии, между границами Нидерландов и Дании, находилось еще одно странное порож-

дение феодальной системы: курфюршество Ганновер. С 1714 года правившая в этом немецком владении Брауншвейг-Люнебургская династия унаследовала английский трон, основав таким образом британскую Ганноверскую династию. Первым ее представителем стал курфюрст Георг Людвиг (он же — король Англии и Шотландии Георг I). С этого времени Ганновер и Великобритания по форме стали одним государством, находясь в так называемой «личной унии». Это означало не слияние обеих стран в одну, а их нахождение под властью одного монарха.

Соответственно это не затронуло государственного управления ни в конституционно-парламентской Англии, ни в феодально-абсолютистском Ганновере (напомним, который являлся вассалом империи Габсбургов), но наемные ганноверские контингенты на протяжении всего столетия составляли ядро британских вооруженных сил.

Подобное же, образованное «личной унией» государство находилось и на востоке Европы. Речь идет о Саксонии и Речи Посполитой, находившихся в то время под властью так называемой Альбертинской линии саксонских герцогов династии Веттинов. В 1697 году саксонский курфюрст Фридрих Август I был избран королем Польши и Великим князем Литовским под именем Августа II Сильного, причем для этого ему пришлось перейти из протестантизма в католичество. Во время Северной войны в союзе с Россией Август вел тяжелую борьбу со шведским ставленником на польский престол Станиславом Лещинским, потерял трон и вновь вернул его после разгрома Карла XII.

Его сын Фридрих Август II после смерти отца также был избран на польско-литовский трон (под именем Августа III), причем ему вновь пришлось бороться с неугодным Станиславом Лещинским, на сей раз — ставленником Франции. Русские и прусские штыки вновь помогли Августу III, и он правил обеими странами вплоть до своей смерти в 1763 году.

Однако после этого Екатерина II посадила на престол Речи Посполитой своего бывшего любовника, кня-

зя Станислава Понятовского*. Эти события потребовали вмешательства Пруссии, о чем будет сказано в последней главе нашей книги.

В Швеции в 1720—1751 годах правил король Фредрик I Гессен-Кассельский (муж сестры Карла XII королевы Ульрики Элеоноры). Король этот, кроме собственно Швеции и Норвегии, владел довольно значительным по территории ландграфством Гессен-Кассель на западе Германии и, таким образом, также являлся номинальным вассалом Габсбургов как сюзерен этой области. Фредрик I был бездетен, поэтому после его кончины в 1751 году ему наследовал король Адольф Фредрик Готторпский, который был родным дядей будущей российской императрицы Екатерины II и, кроме того, двоюродным дядей ее мужа — будущего Петра III.

Адольф Фредрик был посажен на престол при прямом участии России — фактически правивший страной шведский риксдаг навязал Фредрику I этого наследника после поражения Швеции в очередной войне с Россией 1741—1743 годов в надежде на то, что императрица Елизавета вернет родственнику своих будущих преемников на императорском престоле Финляндию. Надежды эти, как мы знаем, не оправдались, но Адольф Фредрик в будущем во всем старался следовать указке Петербурга, в том числе и по «прусскому вопросу». Это усугублялось еще и тем, что Швеции с давних пор принадлежала часть балтийского побережья Германии, так называемая Шведская Померания с крепостью Штеттин — за эти территории шла постоянная многовековая борьба между Берлином и Стокгольмом.

В Дании и находящемся с ней в унии Шлезвиге правила династия Ольденбургов. В 1730—1746 годах королем был Кристиан VI, затем его сменил Фредерик V, а в 1766 году — Кристиан VII. В войнах против Фридрихадатчане выступали в качестве союзников России, од-

* Понятовский Станислав Август (Станислав II, 1732—1798) — король Польши (1764—1795). В 1757—1762 годах польско-саксонский посол в России, фаворит и любовник Екатерины II. Избран королем при поддержке ее и Фридриха II, после третьего раздела Польши отрекся от престола. Последние годы жизни провел в Петербурге.

нако ее будущий император Петр III (он же Карл Петр Ульрих, герцог Гольштейн-Готторпский) пребывал в династической вражде с Ольденбургами из-за насильственно отторгнутого у его предков Шлезвига. Впоследствии этот факт сыграет определенную роль в судьбе самого Петра III и всей России.

В итальянских и германских государствах правило множество мелких династий и их побочных линий, зависящих кто от Бурбонов, кто от Габсбургов. В войну за Австрийское наследство они разделились в зависимости от этих своих пристрастий, в войну Семилетнюю — объединились против Фридриха Прусского.

Наконец, на самом востоке Европы находилась Российская империя, переживавшая в это время один из наиболее неприглядных периодов своей истории — эпоху бесконечных дворцовых переворотов 1725—1762 годов. Подделка завещания Петра Великого в пользу его жены Екатерины I, смерть Петра II, новый переворот — в пользу гетгогини Курляндской Анны Иоанновны, имевшей крайне сомнительные права на престол при жизни дочери Петра I Елизаветы и его внука — будущего Петра III. Анна, в свою очередь, передала престол Иоанну — новорожденному сыну своей племянницы Анны Леопольдовны, герцогини Брауншвейгского дома. Регентом должен был стать всем известный Бирон, но после смерти Анны Иоанновны (октябрь 1740 года) он был арестован новым временщиком, фельдмаршалом Минихом, а регентшей стала Анна Леопольдовна. Однако свергли и ее (в этом была заинтересована Швеция, которая с 1741 года находилась в состоянии войны с Россией, а также Франция). Поэтому на престол была возведена дочь Петра I Елизавета* («гвардейская ку-

* Елизавета Петровна (1709—1761) — императрица России с 1741 года. Последняя представительница династии Романовых на русском престоле, дочь Петра I. Пришла к власти в результате переворота, свергнув Анну Леопольдовну и малолетнего Иоанна VI. Наряду с Марией Терезией Австрийской — наиб. лее активный противник Пруссии в 40—50-е годы XVIII века.

ма») — при помощи взбунтовавшейся гвардии и на деньги, которые ссудил посол Людовика XV маркиз де ла Шетарди (о нем на страницах этой книги будет сказано еще не раз). Брауншвейгская фамилия была арестована; Елизавета обещала отпустить Анну Леопольдовну и ее сына в Германию, но обязательства не выполнила. Император Иоанн VI Антонович, которому не исполнилось и года, вначале жил с матерью в Курляндии, затем был разлучен с нею и отправлен в ссылку, а потом помещен в одиночку Шлиссельбургской крепости. В 1764 году он был убит (уже по приказу Екатерины II).

И за всем этим стояла череда всемогущих временщиков, заботившихся только о своих выгоде и кармане. Меншиков, Бирон, Ягужинский, Головкин, Миних, Остерман, Лесток, братья Разумовские, братья Шуваловы, Бестужев-Рюмин, Воронцов — вот далеко не полный список этих царедворцев, правивших страной, торговавших ею и отнимавших у нее все, что им захочется. К этому нужно добавить, что не все «немецкое» в России было плохим и не все «русское» — хорошим. Фельдмаршал Миних, например, несмотря на свою взбалмошность, непомерное хвастовство и властолюбие, сделал для русской армии столько ценного и, главное, вывел ее из такого глубокого застоя, воцарившегося после смерти Петра I, что его необходимо причислить к сонму наиболее выдающихся российских военных деятелей.

Однако воцарение Елизаветы (1741), которое большинство наших историков почему-то считают временем «возрождения» России, ее «освобождения от ига немецких временщиков», таковым не является в принципе. Двадцатилетняя императрица, погрязшая во всех возможных пороках, не хотела и не могла управлять государством, поручив это другим временщикам — русским, но от этого не ставшим менее алчными и корытолюбивыми. Ее красота, «веселый и добродушный» нрав (выражавшийся в постоянных попойках с молодыми гвардейцами) не оказывали влияния на ее отношение ко всем, кроме ее фаворитов. За ношение прически выше и пышнее, чем у Елизаветы, придворных дам остригали наголо; семья Лопухиных (муж, жена и сын, родственники первой жены Петра I) за неосторожные

слова об императрице лишились языка и были отправлены в Сибирь. Все это сочеталось с крайней набожностью Елизаветы, которая часто ездила на богомолье, строго соблюдала посты и обряды.

С молодых лет «Елисавет» имела множество фаворитов; двое из них — Алексей Разумовский и Александр Бутурлин — были пожалованы графским достоинством и произведены в фельдмаршалы, хотя не участвовали ни в одном сражении. Алексей Разумовский (бывший придворный певчий из малороссийских казаков) в 1742 году стал морганатическим супругом императрицы, от него она имела дочь, окончившую жизнь в монастыре.

Добрая императрица практически не мылась (ходила в баню на Рождество и на Пасху). Не получившая никакого образования, она до конца своих дней была уверена, что в Англию можно проехать по суше (видимо, путая ее с Ганновером). Насколько Петр I был скромнее в быту и во всем бережлив, настолько его дочь — бездумно расточительна. Ей постоянно не хватало денег. Вместе с тем в ее апартаментах за внешним блеском повсюду проглядывали неряшливость и неопрятность. Ленивая и капризная, пугавшаяся всякой серьезной мысли, питавшая отвращение ко всякому деловому занятию, Елизавета не могла войти в сложные международные отношения тогдашней Европы и понять дипломатических хитростей своего канцлера Бестужева-Рюмина. Руководство политикой и военными действиями было доверено знаменитой «Конференции» — коллегии фаворитов, приведших Елизавету на престол. В нее входили граф Кирилл Разумовский (брат Алексея, который политикой не интересовался), двоюродные братья графы Иван и Петр Шуваловы, уже упомянутый граф А. П. Бестужев-Рюмин и граф М. И. Воронцов (двое последних занимались вопросами внешней политики). Доходило до полного абсурда: многими внешнеполитическими вопросами ведала какая-то никому не известная приживалка императрицы Елизавета Ивановна, которую так и звали — министром иностранных дел. «Все дела через нее государыне подавали», — замечает современник.

Однако самым тяжелым преступлением Елизаветы против России стали знаменитые шуваловские реформы государственного управления. Опираясь на идеи Петра I, который считал необходимым создание пошаговой системы продвижения молодых чиновников по служебной лестнице (нижние чиновники чины, секретари, воеводы, губернские советники, губернаторы, затем — центральное управление империей), П. И. Шувалов в 1754 году представил Сенату записку о «приготовлении людей к управлению губерниями, провинциями и городами, а через то приготовление людей к главному правительству».

Однако все отличие заключалось в том, что Петр при этом и не думал монополизировать управление за дворянами, напротив, он хотел пополнять само дворянство выслужившимися разночинцами. Как пишет Ключевский, «дворянский мандаринат Шувалова восстанавливал старый московский сословно-бюрократический тип управления, создавал из дворянства неистощимый рассадник чиновничества и прибавлял новое должностное кормление к прежнему поземельному. Корня этого плана надобно искать не в мерах Петра I, а в челобитье восстановившего самодержавие Анны шляхетства о том, чтобы ему предоставлено было замещение высших должностей центрального и областного управления. В этих отдельных мерах, планах и проектах о дворянстве искал себе подходящей правовой формулы крупный общий факт, выработавшийся из всей неурядицы той эпохи: это — начало дворянства. А этот факт — один из признаков крутого поворота от реформы Петра I после его смерти: дело, направленное на подъем производительности народного труда средствами европейской культуры, превратилось в усиленную фискальную эксплуатацию и полицейское порабощение самого народа. Орудием этого поворота послужило сословие, которое Петр мечтал сделать проводником европейской культуры в русской обществу... Случилось так, что именно Елизаветой, так часто заявлявшей о священных заветах отца, подготовлены были обстоятельства, содействовавшие тому, что в сословии, бывшем доселе привычным орудием правительства в управлении обществом,

зародилось стремление самому управлять обществом посредством правительства».

Таким был портрет русской императрицы, который выглядит особенно колоритно в сравнении с ее австрийской коллегой Марией Терезией. Еще более разительный контраст являет ее царствование и ее дела с делами Фридриха Великого. В то время как Пруссия бурно развивалась, в ней процветали искусства и науки, вводились единые налоговые требования для всех сословий, имелись изумительного качества чиновничий аппарат и финансовая система (к чему-то подобному, хотя и медленнее, продвигалась Австрия), в России движение шло прямо в противоположную сторону.

Конечно, царствование Елизаветы имело и положительные черты. При ней был открыт Московский университет — первый настоящий в России. Была фактически отменена смертная казнь, существенно ограничено применение пыток во время допросов. Все источники того времени отмечают «веселость и легкость» ее правления, особенно в сравнении с мрачным царствованием Анны Иоанновны. Правда, все эти источники относятся к аристократии и дворянству — положение крестьянства ухудшилось до последней степени.

Для примера стоит сказать, что на 100 податных душ (т. е. лиц, с которых взимались налоги — крестьян и мещан) приходилось 15 неподатных (потомственных, личных и служащих дворян и священников)! Для сравнения — в Пруссии это соотношение составляло 100 к 5, а в годы правления Фридриха, после введения всеобщего подоходного налога «неподатные» вообще практически исчезли. В той же России уже в 1867 году эта пропорция составила лишь 100 к 5 при отмечаемом всеми историками большом в процентном отношении количестве дворян и особенно священников по сравнению с остальной Европой.

Тяжесть столь беспросветного существования народа, кормившего такую орду бездельников, дает «понять и даже почувствовать, почему так мало накопилось культурных сбережений у рабочего народа, так долго и непосильно работавшего на избранные классы». Работа по найму тоже носила в себе элементы крепостничества.

ва: рабочий день длился от 10 до 14 часов, низкая заработная плата, не обеспечивавшая даже полуголодного существования, нередко задерживалась, к тяжелым работам часто привлекались женщины, подростки, даже дети.

Я говорю об этом столь долго, чтобы читатель наконец-то представил себе, какую бездну грязи, порока и угнетения представляла собой Россия елизаветинских времен. При таком состоянии дел становится ясным и состояние армии, огромной, но «неустроенной», внешней политики, продажной и лицемерной, да и многого другого. Некомпетентность полководцев, непрофессионализм и лень офицеров, забитость солдат, полное расстройство тыловой и административно-хозяйственной части — все это прямые следствия отнюдь не только «бироновщины» и «миниховщины», как это любят представлять у нас, но и «блестящего» елизаветинского правления, которое усугубило все эти пороки, не противопоставив взамен ничего действительно стоящего. По словам того же Ключевского, «при двух больших коалиционных войнах, изнурявших Западную Европу, казалось, Елизавета со своей 300-тысячной армией могла стать вершительницей европейских судеб; карта Европы лежала перед ней в ее распоряжении, но она редко в нее заглядывала».

Таковы были вкратце участники той драмы, которая развернулась в Европе на протяжении 40–50-х годов XVIII столетия и главным героем которой суждено было стать Фридриху II Югенцоллерну, королю Прусскому, маркграфу Бранденбургскому.

ЕВРОПЕЙСКИЕ АРМИИ СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА

Социальные условия Европы XVIII века, влияющие на военную систему, были тесно связаны с экономическими. Подавляющее большинство недворянского европейского населения занималось сельским хозяйством, оставшиеся были заняты в ремесленной или торговой сфере, на государственной или военной службе. Солдат рекрутировали в основном из крестьян, что резко ограничивало мобилизационные возможности любой страны в случае войны: вербовка слишком большого числа крестьян сразу же сказывалась на количестве производимой сельскохозяйственной продукции. Кроме того, свои ограничения на численность вооруженных сил накладывали и слабые мощности промышленных объектов — фабрик и мануфактур, не способных одеть и вооружить действительно крупную армию. Правда, прочие категории населения, из которых комплектовалась любая европейская армия (кроме русской), за исключением крестьян, относились к наименее производительным социальным группам. Офицеры принадлежали к дворянскому классу, а довольно большой процент солдат составляли добровольно завербовавшиеся подонки общества, бродяги, безработные и т. п.

Таким образом, армии этого периода были, как правило, небольшими по численности, но имели в своем составе весьма профессиональных солдат, служивших по 15–25 лет. Способ их комплектования был одинаков по всей Европе и основывался на вербовке — добровольном или принудительном призыве наемников, в том числе и иностранцев.

Особенно много иностранных наемников числилось в армиях Англии и Пруссии. Так, англичане в Семилетнюю войну воевали в основном с помощью наемных войск, закупленных или арендованных на время у различных германских владетелей (например, ландграф

Гессенский продал англичанам 17-тысячную армию за 2800 тысяч фунтов). Во Франции в ту же Семилетнюю войну численность армии доходила до 290 тысяч, из них 20–30 % составляли иностранцы.

Особенно же это было характерно для Пруссии — в то время достаточно заштатного немецкого владения, мало чем отличавшегося от прочих бесчисленных княжеств и курфюршеств «лоскутной империи» Габсбургов. Маленькая и бедная страна, разделенная на две части и еще недавно находившаяся в ленной зависимости от Речи Посполитой, тем не менее располагала крупной наемной армией. Собственные людские ресурсы Пруссии не дали бы возможности набрать войско численностью 89 с лишним тысяч человек, как это было в конце правления отца Фридриха, и уж тем более — 200 тысяч, как в конце его собственного царствования. Все это придало маленькой Пруссии заметный вес в перипетиях тогдашней европейской политики, тем более, что ее пехота во многом превосходила не только армии других германских владетелей, но и (как показали войны двух веков) таких держав, как Швеция, Австрия, Франция, Речь Посполитая и Россия.

С эпохи средневековья до конца XVIII века европейские войны велись почти исключительно в интересах правящих династий, став, таким образом, «спортом королей». Однако на переломе XVII и XVIII веков у населения стали проявляться ранее скрытые чувства национализма и патриотизма, от которых уже нельзя было отмахнуться. Необходимость сражаться и умирать во имя своего монарха, несмотря на полное непонимание рядовым солдатом целей войны (в самом деле, понимали хотя бы кто-нибудь из солдат враждующих армий цели бесконечных войн за Австрийское, Испанское, Польское наследства, суть Прагматической санкции Габсбургов, опубликование которой вызвало первую из переломных войн, обстоятельства борьбы за имперский трон Габсбургов и баварских Виттельсбахов или все те же Габсбургов и Бурбонов за трон испанский), предопределяла чрезвычайно жесткую политическую и социальную ориентацию, сообщавшуюся каждому бойцу (как солдату, так и офицеру) всей системой государства

и общества. Прекрасно зная свое дело, наемные солдаты тем не менее отнюдь не горели желанием отдавать жизнь за королей и принцев.

Поскольку армии состояли из лощеной знати, с одной стороны, и отпетых подонков — с другой, это обусловило возникновение такой огромной пропасти между офицерами и солдатами, какой не было ни до, ни после XVIII века. Европейские полководцы эпохи Фридриха в качестве основы боеспособности своих армий рассматривали жесткую дисциплину и точность в исполнении всех приказов. Действительно, только строжайшая и требовательная «палочная» система воспитания в сочетании с жестокой муштрой могли превратить банду вытасенных вербовщиками из вонючих норбродяг в настоящих солдат. Кроме того, небольшая численность личного состава, трудности набора новых солдат и длительное время, которое затрачивалось на обучение неповоротливых «мужиков» владению оружием и действиям в строю, делали потери от дезертирства бичом всех армий Европы, сравнимым с потерями от ран и болезней. Не будет преувеличением сказать, что солдаты в то время сражались потому, что боялись своих офицеров и капралов больше, чем неприятеля. Все это стимулировало отсутствие воображения, инициативы и порождало педантичность и мелочность в армейской среде.

* * *

На протяжении XVIII века все без исключения европейские армии исповедовали так называемую линейную тактику — построение войск на поле боя в две развернутые по фронту линии, каждая глубиной в 3–4 шеренги. Это было связано с увеличением скорострельности пехотных мушкетов, что позволило постепенно сокращать глубину строя с 6–10 шеренг (начало XVII века) до приведенной выше цифры. В свою очередь, это позволило, при сохранении общего числа солдат, постепенно удлинять фронт боевого построения и обеспечивать таким образом возможность вести огонь все большим количеством стволов. Интервал между линиями составлял порядка 150–500 шагов, в интервалах ча-

сто также располагали небольшие подразделения войск и артиллерию. Конница строилась на флангах. Следовательно, за 100 лет, прошедшие с момента окончания в 1648 году Тридцатилетней войны, в войсках почти не появилось как тактических, так и технических новшеств.

Тактика ведения боя также была идентична во всех армиях Европы. Обычно враждующие стороны разворачивали свои боевые порядки друг против друга и начинали огневой бой практически при полном отсутствии какого-либо маневра. Длиннющие линии пехоты позволяли развить по фронту огонь максимальной силы, но связывали армию, как кандалы: весь боевой порядок мог двигаться только как единое целое и только на совершенно ровной, как плац, местности медленным шагом. Всякое препятствие, встреченное на пути движения войск, могло сломать строй и привести к потере управления ими. Изменение боевого порядка и перестроение во время боя в ответ на изменение обстановки также признавалось невозможным.

Все это делало непосредственное соприкосновение армий противников и рукопашный бой крайне редким явлением: обычно неприятели останавливались на короткой дистанции и открывали друг по другу залповый огонь. Ведение ружейного огня синхронным залпом признавалось главным элементом стрелковой выучки войск: считалось, что лучше вывести из строя 50 солдат противника сразу, чем 200 в разное время (это оказывало больший моральный эффект). Все сражение при этом превращалось в унылую перестрелку, иногда продолжавшуюся несколько часов.

Штыки применялись очень редко: если одна армия начинала медленное и осторожное наступление (как уже говорилось раньше, более с боязнью сломать свой собственный строй, нежели достичь неприятельского), у нее визави всегда оказывалось более чем достаточно времени, чтобы покинуть поле боя, признав, таким образом, свое «поражение». Сражения действительно крупного масштаба с упорным рукопашным боем и большими потерями в это время происходили крайне редко.

Не последнюю роль в этом играл риск потери в сражении ценнейших кадров хорошо обученных солдат. Перед тем как начать («открыть») сражение, хороший командир должен был рассчитать примерный процент потерь и его результат. Однако даже при желании вступить в сражение он мог не улучшить возможности для этого, так как противник со своей стороны, прикинув соотношение сил, запросто мог отойти, не приняв боя. Потери от залповой неприцельной перестрелки были, как правило, невысоки: из пехотного мушкета начала — середины XVIII века в отдельного человека можно было попасть только на дистанции менее ста шагов, да и то в крайне редких случаях, «а на расстоянии трехсот шагов — столь же редко в целый батальон».

Эта особенность линейной тактики вызвала к жизни так называемую «кордонную» стратегию. Войны фридриховского периода характеризовались сложнейшим маневрированием и стремлением занять наиболее выгодные позиции, отрезать противника от необходимых ему пунктов, запасов снабжения и т. д. Иногда целые кампании проходили при полном отсутствии полевых сражений и выражались в неустанных маршах либо вперед неприятелю, либо прочь от него. По маршрутам следования постоянно выставлялись заслоны, или кордоны — армейские группировки, отрезающие противнику путь к интересующим его объектам или районам.

При всей кажущейся сложности и непродуктивности этой стратегии у нее были свои преимущества. Во время войны армиям, как правило, не разрешалось кормиться за счет гражданского населения (проще говоря, мародерствовать). Перед началом очередной кампании каждая сторона заблаговременно заготавливала снаряжение и продовольствие в специальных складах, именовавшихся «магазинами». При вторжении в глубину территории противника сеть магазинов постепенно продвигалась вслед за армией. Таким образом, умелое маневрирование в сочетании с грамотным расположением кордонов (разумеется, при отсутствии у противной стороны агрессивности и инициативы дать генеральное сражение) могло отрезать врага от его магазинов, заграждать в окружение или вынудить покинуть театр воен-

ных действий. Так, например, когда тот же Фридрих II в 1744 году вторгся в Богемию, он был вытеснен оттуда австрийским фельдмаршалом Трауном исключительно при помощи маневров без единого сражения, причем прусская армия достигла своих баз в Силезии в состоянии полного разложения.

Кордонную стратегию с успехом применяли до начала наполеоновских войн, когда французы неожиданно для их противников стали не маневрировать, стремясь обойти расставленные вокруг вражеские кордоны, а бить их разрозненные соединения по частям. На протяжении же всего XVIII века противоборствующие армии могли гоняться друг за другом до бесконечности — успех военных действий в конечном счете зависел преимущественно от энергии командующих, способных нагнать и принудить врага к бою.

К сожалению, то время характеризовалось явной нехваткой хотя бы просто способных командиров. Главная же проблема европейской военной мысли начиная с конца XVII века до появления на сцене Суворова и Бонапарта заключалась в том, что никто из полководцев не сумел осмыслить необходимость (возможно, в силу каких-то случайных обстоятельств) преодоления отжившей и рутинной военной системы, в рамках которой они действовали и за границы которой не выходили. Это в полной мере касается и героя нашей книги — бесспорно, наиболее яркого полководца середины восемнадцатого столетия, который тем не менее оказался не в состоянии отбросить старые схемы.

ТАКТИКА И СТРАТЕГИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ АРМИЙ XVIII ВЕКА

Военное искусство европейских армий рассматриваемого периода характеризовалось господством линейной тактики и преобладанием в стратегии методов маневренной борьбы за коммуникации. Не была исключением из этого правила и Россия. Это относится в полной мере к тактике, хотя в развитии стратегии русской армии обнаруживались некоторые отклонения от общего направления, о чем сказано ниже.

В Западной Европе линейная тактика зародилась в нидерландской армии в начале XVII века. В русской армии первым примером использования элементов линейной тактики стало сражение при Добрыничах 21 января 1605 года. Важным этапом ее формирования была тактика шведских войск Густава II Адольфа в сражениях Тридцатилетней войны. Победы шведов при Брейтенфельде и Лютцене (1631—1632) показали явное превосходство этой тактики над глубокими колоннообразными построениями (терциями) пехоты их противников-имперцев. Окончательно сложилась и получила всеобщее распространение линейная тактика в начале XVIII века, после того как в конце предшествующего столетия на смену фитильному замку пришел кремнево-ударный и был изобретен штык, надевавшийся на ствол ружья и не препятствовавший стрельбе (в отличие от применявшегося раньше багнета, который вставлялся в ствол).

Объективной основой перехода к линейной тактике как новой системе ведения боя послужила эволюция оружия, и прежде всего огнестрельного оружия пехоты. Такое положение по своему философскому содержанию являлось проявлением общесоциологического закона о ведущей роли развития орудий труда в эволюции всех иных сторон жизни общества по отношению

к такой специфической сфере человеческой деятельности, как война.

Несовершенство огнестрельного оружия пехоты обусловило существование последней в XVI—XVII веках в двух формах: пикинеры, главным оружием которых служила пика, и мушкетеры, т. е. стрелки, имеющие на вооружении тяжелые, громоздкие, медленно заряжаемые фитильные мушкеты. Пока огнестрельное оружие не было достаточно эффективным, холодное оружие пикинеров являлось защитой мушкетеров от кавалерии противника. Сплошной, глубокий боевой порядок диктовался стремлением совокупного использования как большой массы людей, обладающих холодным оружием, так и мушкетерской пехоты. Улучшение огнестрельного оружия — облегчение мушкета, ликвидация сошки, усовершенствование фитильного замка — привело к изменению в первой половине XVII века этой практики.

Глубокие построения не давали возможности полностью использовать огонь своей пехоты и в то же время несли неоправданные потери от огня пехоты противника. Боевой порядок пехоты, образованный тонкими линиями, сделался господствующим. Однако параллельное существование мушкетеров и пикинеров сохранялось почти до самого конца XVII века, пока наконец введение кремнево-ударного замка и штыка не сделало стрелков полностью способными самостоятельно отразить атаку кавалерии и не привело к унификации пехоты.

Вместе с тем сложились и основные тактические формы: две-три линии боевого порядка, образованные пехотными батальонами в развернутом сомкнутом строю, глубиной в несколько шеренг (число которых на протяжении XVIII века постепенно уменьшалось), кавалерия на флангах этих линий, полковая артиллерия в интервалах между пехотными батальонами, полевая — в крупных батареях, сравнительно равномерно распределенных вдоль фронта.

Бесспорно, линейная тактика представляла более эффективный способ ведения боя в сравнении с построениями предшествующего периода. Но у этой системы была еще одна функция — линейная тактика являлась

единственно возможной формой управления боем в условиях преобладания наемных армий в тогдашней Европе. Ведение боя в линейных боевых порядках предполагало высокий уровень предварительного обучения. Иными словами, линейная тактика подразумевала упорочение «регулярства», т. е. профессионально организованной и обученной армии.

Проанализированные выше закономерности показали общий характер, проявляясь в различных национальных условиях. Естественно, что переход к линейной тактике в России основывался на действии тех же объективных факторов. Однако сохранение ее в России, равно как и степень проникновения ее шаблонов в тактический арсенал русской армии, складывались несколько своеобразно: в условиях комплектования и частично организации, характерных для русской армии, господство линейной тактики не базировалось только на одной из функций, которые она выполняла в армиях Европы.

Дело в том, что линейная тактика оказалась наилучшим способом превращения массы завербованных силой или обманом солдат в боеспособную армию. Линейное построение и линейное ведение боя облегчали контроль со стороны офицеров и унтер-офицеров над поведением солдата в бою. Ф. Энгельс, характеризуя эту систему, вполне верно сравнивал ее со «смирительной рубашкой». Но только это и было надежно, если иметь в виду тот «человеческий материал», который был типичным для армий Западной Европы.

Линейной тактике с самого начала были присущи некоторые органические недостатки. «Каждый эскадрон, батальон и орудие имели свое определенное место в боевом порядке, который нигде не мог быть нарушен или каким-либо образом приведен в расстройство без того, чтобы это не отразилось на боеспособности всей армии... если нужно было выполнить какой-либо маневр, приходилось выполнять его всей армией...» Иначе говоря, чрезвычайная громоздкость и негибкость боевого порядка такого рода и трудность управления им в бою представляли собой его первый крупный недостаток.

Сама система порождала педантизм в ее боевом использовании.

* * *

Особенности того «человеческого материала», который являлся характерным для русской армии, в принципе создавали известные возможности для постепенного преодоления негативных сторон линейной организации боя. Нельзя не отметить в этой связи, что в русской армии со времен Петра I существовал иной взгляд на значение морального фактора и иной способ создания и поддержания морально-боевого духа войск, нежели западноевропейская «смирительная рубашка» линейной тактики. Однако процесс доведения этого способа до совершенства растянулся на длительное время. Параллельно данному процессу развивался другой — критическое осмысление боевого опыта действий войск в канонах линейной тактики. В конце века они как бы сомкнулись, результатом чего и оказался выход за пределы линейной тактики. Но это — в будущем.

Что касается середины века, то во всех армиях Европы, не исключая русской, линейная тактика определяла собой господствующее направление военного дела и применения войск. «Регулярство», настойчиво внедрявшееся Петром I, не могло иметь выражения, кроме линейной тактики. На ней были построены инструкции Петра I, согласно которым действовали русские войска в сражениях Северной войны, и эскерциция «Устава воинского» 1716 года. Эта эскерциция, отмененная в 30-х годах Минихом, 15 января 1742 года была восстановлена и действовала вплоть до 1755 года, когда были введены новые строевые уставы — пехотный и кавалерийский, которые в известной мере (особенно пехотный) углубляли наиболее специфические черты линейной тактики.

В целом линейная тактика была закономерным, обусловленным воздействием объективных факторов этапом развития военного искусства. Однако постепенно в ней стали складываться шаблоны, приобретающие характер канонических правил, применение которых не всегда вызывалось необходимостью. Эти черты приве-

ли тактику западноевропейских армий после окончания Семилетней войны к застою.

При анализе и оценке линейной тактики середины XVIII века, необходимо подходить отдельно к тактике частей и подразделений родов войск и к общей тактике. Пехотные батальоны — тактические единицы — в середине века вели бой в развернутом сомкнутом строю, глубиной в 3—4 шеренги. Из построенных таким образом батальонов с орудиями полковой артиллерии в интервалах между ними составлялись линии боевого порядка пехоты. Указанный строй батальона был рассчитан на то, чтобы использовать все имеющиеся ружья, создать огонь значительной плотности и в то же время обеспечить достаточную устойчивость в случае штыкового боя.

Огонь пехоты того времени из развернутого сомкнутого строя обладал довольно значительной эффективностью. Массовый огонь сохранял действенность на дистанции более 300 шагов. Это подтверждается тем, что Суворов — решительный противник бесполезного «пугательного» огня — в одной из тактических инструкций 1799 года требовал ведения огня из сомкнутого строя с трехсот шагов, следовательно, предельная дистанция действительного огня была по крайней мере на пятьдесят шагов больше.

Баллистические качества пехотного ружья в конце XVIII века немного улучшились по сравнению с серединой века, но имеющиеся в литературе данные позволяют считать, что существенной разницы в дальности действия массового огня не было.

В отношении скорости стрельбы в литературе имеются значительные расхождения. Для периода Семилетней войны можно принять, что хорошо обученная пехота при стрельбе без прицеливания, как это требовалось в западноевропейских армиях, могла дать 2—3 залпа в минуту (у пруссаков — 5). При стрельбе с прицеливанием эту норму следует снизить до полутора или несколько больше выстрелов в минуту. Даже кавалерийская атака на нерасстроенный фронт пехоты могла быть отражена огнем ружей и картечью полковой артиллерии. Тем более трудно было ожидать успеха от

штыковой атаки без выстрела пехоты наступающей стороны на неподвижно стоящую и ведущую огонь пехоту обороняющейся стороны.

Однако к середине XVIII века в тактике пехоты стала заметна переоценка значения ружейного огня и недооценка штыкового удара.

В западноевропейских армиях основной задачей и тактики, и обучения пехоты сделалось получение огневого превосходства над противником. При этом последнее достигалось за счет повышения темпа неприцельной стрельбы.

В русской армии, в которой высокие моральные качества солдат устранили указанную для западноевропейских армий предпосылку ослабления роли холодного оружия и увлечения огневой тактикой, было бы последовательным продолжать придерживаться системы, сочетавшей огневой бой со штыковым ударом, успешно применявшейся русскими войсками в сражениях Северной войны. Однако западноевропейское влияние, проникшее в русское военное искусство в 30-х годах XVIII века, отклонило развитие тактики русской пехоты от этого естественного для нее пути. Пехотный устав 1755 года резко подчеркнул значение огня пехоты. «Все обучение солдат, — гласило указание этого устава, — в виду имеет заряжать и стрелять и притом как в которой пальбе оную употреблять с успехом». Изложение многочисленных способов ведения огня из сомкнутого строя почти совсем заслоняло значение штыкового удара. Положительным моментом «Описания пехотного полкового строя» было то, что в отличие от западноевропейских взглядов оно требовало обязательно прицеливаться. Фактически, в сражениях Семилетней войны русская пехота не всегда пренебрегала штыком, но негативное влияние приведенного требования устава на подготовку войск, а отсюда и на боевую практику не могло не сказаться.

Трудности пехотной атаки при прочно внедрившейся в тактику западноевропейских армий практике использовать линейное построение для чисто огневого боя были очевидны для некоторых военных мыслителей на Западе. В 20-х годах XVIII века французский воен-

ный писатель Фолар предложил вести атаку крупными сомкнутыми колоннами. Это вызвало продолжительную дискуссию, но практических последствий не имело. В сражении 1757 года при Росбахе французы попытались применить колонны Фолара, но были разбиты Фридрихом, использовавшим свой «косой» боевой порядок.

Русская военная мысль и практика в этом вопросе (но только в этом) или несколько впереди западноевропейских. В пехотном Уставе 1755 года в число боевых построений была введена «густая», т. е. сомкнутая (в отличие от разомкнутой, предназначавшейся для эволюции), батальонная колонна. Ее основное назначение, как указывал устав, заключалось в «проломлении неприятельского фронта».

Сознавая, что штыковая атака в колоннах должна быть подготовлена огнем, составители Устава дали ряд рекомендаций о ведении огня из колонны (они занимают большую часть главы о колоннах — главы XIII части 2 Устава); значение колонны как чисто ударной тактической формы этим снижалось. «Густые» колонны Устава 1755 года не остались только на бумаге, как колонны Фолара; в одном из боев Семилетней войны их с успехом применили на практике, о чем — ниже.

В отличие от тактики пехоты, в которой в рассматриваемое время имелись вместе с положительными и явно негативные черты, в отношении тактики кавалерии и способов использования в бою этого рода войск для такой оценки оснований нет. Основным способом действий конницы и по отечественным, и по западноевропейским взглядам становится стремительный удар холодным оружием, а боевое построение сводится к двум-трем линиям эскадронов, развернутых в три шеренги.

Устав русской кавалерии 1755 года, основанный на идеях Фридриха Великого, давал в целом верное направление развитию ее тактики, подчеркивая значение удара в сомкнутом строю на большом аллюре. Устав указывал, что «всякое действие и сила кавалерии, которое с аванжем и с победою неприятельской чинимы бывают, состоит в храбрости людей, в добром употреблении

палашей, в крепком смыкании и жестоком ударе через сильную скачку».

При всей ценности кавалерии как средства наступления боевые возможности ее были ограниченными. Фронтальная атака кавалерии на не расстроенную действиями других родов войск пехоту, как было сказано, имела мало шансов на успех.

Несравненно большие преимущества имела кавалерийская атака во фланг с охватом тонких и малоподвижных пехотных линий. Такая атака для последних была весьма опасна. Отсюда вытекало типовое, сделавшееся почти правилом расположение кавалерийских масс на крыльях общего боевого порядка. Та сторона, которой удавалось опрокинуть одно или оба противостоящих кавалерийских крыла противника, получала шансы на окончательную победу.

Очень большая роль отводилась коннице не только в бою, но и в тактическом обеспечении боевых действий, в стратегической разведке, в набегах на коммуникации противника, прикрытии районов сосредоточения и расположения главных сил. Действия легкой конницы всех сторон (гусар, пандуров и казаков, именовавшихся «легкими войсками», и драгунской кавалерии) в период Семилетней войны дают ряд примеров успешного решения таких задач.

Артиллерия в войнах 30—40-х годов и в начале Семилетней войны сравнительно с другими родами войск играла второстепенную роль. В дальнейшем, в ходе Семилетней войны ее значение резко возросло, что во всех европейских армиях было вызвано ее численным увеличением, а в русской армии и качественным усовершенствованием. Количество орудий к концу Семилетней войны дошло до 6—7 и более на тысячу человек — норма, достигнутая в дальнейшем лишь в войнах начала XIX века. Однако и в Семилетней войне, как и в предшествующую четверть века, артиллерия являлась преимущественно оружием обороны.

Огонь артиллерии средних и крупных калибров (от 6 до 12 фунтов и выше) — полевой артиллерии был могущественным боевым средством. Нетрудно представить эффективность картечных выстрелов таких ору-

дий по сомкнутым строям пехоты и кавалерии. Однако подвижность на поле боя этих орудий вследствие большого веса, а также недостаточного совершенства ходовой части систем и способов их перемещения в сфере огня была низкой. Они не могли сопровождать пехоту в наступлении, несмотря на крайнюю медленность продвижения длинных пехотных линий. Проблема повышения подвижности полевой артиллерии являлась основной в деле совершенствования артиллерийского вооружения в рассматриваемое время. Существенным вопросом выступало и повышение дальности действительного картечного огня.

Пока данная основная проблема не была разрешена, существовала необходимость иметь в составе пехотных частей легкую артиллерию, которая могла бы перемещаться со скоростью боевых порядков пехоты, — полковую артиллерию. В русской армии она организационно входила в состав пехотных и драгунских полков (четыре орудия на двухбатальонный пехотный полк и два орудия на драгунский). Но в силу такого решения данный вид артиллерии оказывался в бою рассредоточенным по фронту; массирование его огня было неосуществимо.

Отсюда вытекали обычные для того времени принципы использования полевой артиллерии: орудия ее сводились в несколько (чаще всего — три) крупных батарей, распределенных сравнительно равномерно вдоль фронта. При обороне огневые позиции не менялись, а в наступлении стремились продвинуть батареи полевой артиллерии вперед за наступающей пехотой, но в лучшем случае им удавалось (и то частично) занять еще одну огневую позицию и поддержать пехоту, а чаще не удавалось сделать и этого.

К середине XVIII века становилось ясным и в России, и в Западной Европе, что существовавшие орудия полевой артиллерии большого веса не отвечают требованиям боевой практики. Тенденция к облегчению орудий проявилась в рассматриваемое время в ряде западноевропейских стран. Однако только в Пруссии и России эта тенденция осуществлялась на практике последовательно. Особенно важным было то, что она

проводилась в артиллерии в органической связи со стремлением к повышению действенности огня и с попытками найти целесообразные формы организации последней.

Артиллерийские преобразования 50-х годов XVIII века представляли выдающееся явление в развитии русского военного искусства и заслуживали большого внимания, поскольку содержали начала, выступавшие в той или иной мере прогрессивными элементами дальнейшего сложного развития, а кроме того, служили показателем высокого уровня русской военной и военно-технической мысли того времени.

Преобразования осуществлялись группой выдающихся русских артиллеристов, в которую входили генералы И. Ф. Глебов, К. Б. Бороздин, конструкторы артиллерийского вооружения М. В. Данилов и М. Г. Мартынов и другие теоретики и практики артиллерийского дела; коллектив возглавил генерал-фельдцейхмейстер П. И. Шувалов.

Поиски новых типов орудий, которые велись этими русскими артиллеристами, с одной стороны, по линии повышения эффективности картечного огня, а с другой — по линии уменьшения веса орудий, привели в 1753—1756 годах к созданию шуваловских (так называемых «секретных») гаубиц и единорогов. Нет необходимости останавливаться на первом из указанных типов: техническая идея, заложенная в шуваловские гаубицы (увеличение разлета картечи по горизонтали за счет придания поперечному сечению канала ствола овальной формы), не оправдалась.

«Единороги», наоборот, показали высокие технические качества и боевую ценность. Эти орудия представляли собой удлиненные гаубицы, сочетавшие свойства гаубиц и пушек. За счет уменьшения веса заряда удалось добиться значительного снижения веса орудия сравнительно с пушками. 12-фунтовая пушка обр. 1734 г. имела вес ствола 112 пудов и ее перевозили 15 лошадей; полупудовый «единорог» обр. 1760 г., предназначавшийся для замены указанных пушек, имел ствол весом 30 пудов и его перевозили 5 лошадей. В то же время «единороги» обладали и достаточной дальностью настільного выст-

рела, и возможностью вести огонь при больших углах возвышения; они могли стрелять картечью, сплошными, разрывными и зажигательными снарядами.

Таким образом, в направлении облегчения орудий был сделан большой шаг вперед. Однако это не было равнозначно повышению подвижности полевой артиллерии в бою. Следовало улучшить ходовую часть системы и усовершенствовать способ перемещения орудий на поле сражения. Шувалов и его сотрудники работали и над этой проблемой. В ходе Семилетней войны, по мере того как вырисовывалось значение указанных аспектов, были сформированы при полевой артиллерии «отвозные» команды, а позднее — два артиллерийских фузельерных полка для обеспечения перемещения орудий в бою вручную на лямках, а также для их прикрытия. Разрабатывались и новые способы передвижения орудий. Так, осуществлен ряд мероприятий, направленных на упорядочение организационной структуры артиллерии, введение фурштатских команд в состав строевых артиллерийских подразделений.

* * *

Благодаря преобразованиям, прошедшим в 1750-х годах, артиллерия русской армии поднялась на новую ступень развития, опередив при этом артиллерию западноевропейских армий. Результаты практической реализации перечисленных артиллерийских преобразований в сражениях Семилетней войны были, как показано ниже, весьма существенными, хотя и не все их возможности до конца использованы. Важно подчеркнуть, что Шувалов и его сотрудники в общем правильно определили направления дальнейшего развития в узловых вопросах материальной части, организации и тактики артиллерии.

Если в тактике пехоты этого периода обнаруживается сочетание целесообразных сторон и не обусловленных необходимостью шаблонов, тактика кавалерии может быть признана вполне отвечающей условиям и задачам ее применения, а недочеты боевого использования артиллерии вызвались объективными факторами, то положение в общей тактике приходится оценить по-

иному. Именно здесь в наибольшей мере сказалось стремление западноевропейской (дофридриховской и послефридриховской) военной мысли к внедрению канонических правил и рутины. — тенденция, которой не избежало в той или другой мере и отечественное военное искусство.

Необходимо обратить внимание на это различие между характером тактики родов войск и общей тактики, сложившееся в рассматриваемое время. В дальнейшем, как будет показано, при сохранении форм тактики родов войск в общей тактике произошли значительные сдвиги.

Перечислим основные, наиболее типичные положения общей тактики середины XVIII века:

А. «Нормальный» боевой порядок: пехотный центр, образованный двумя, иногда — тремя линиями развернутых батальонов (третья линия — неполная), и кавалерийские крылья.

Б. Обязательная непрерывность боевого порядка: во всяком случае первая линия должна быть сплошной.

В. Равномерное распределение сил по фронту.

Г. Слабость или полное отсутствие в боевом порядке резерва.

Д. Искусственный и сложный способ развертывания из походного в боевой порядок (захождением).

Е. Слабость тактического преследования, иногда — полный отказ от него.

«Нормальное» построение боевого порядка основывалось, как уже говорилось, на рациональных соображениях: прикрыть фланги пехотных линий кавалерией, обеспечить последней возможности наиболее полного применения ее маевренных свойств; малая глубина боевого порядка выступала следствием стремления возможно шире использовать стрелковое оружие пехоты. Однако в рассматриваемое время такой тип боевого порядка приобрел характер застывшего шаблона, применявшегося нередко без учета конкретной обстановки. Характерной в этом отношении была практика установления рассчитанных на любые условия «ордеров баталии». Часто не придерживался данного шаблона и Фридрих Великий, одержавший ряд крупных побед в трех

войнах, отступил от него и П. С. Салтыков при Кунерсдорфе, что и принесло ему тогда успех.

Требование непрерывности боевой линии было, видимо, наиболее серьезным дефектом линейной тактики середины XVIII века. Оно вытекало из опасения, что разрывы в линии батальонов создадут промежутки, в которые может ворваться противник, и прежде всего его кавалерия. Как показывают факты, именно это надуманное правило было в первую очередь отброшено в ходе дальнейшего прогрессивного развития военного искусства, и именно в прусской армии.

Отказ от расчленения боевого порядка создавал огромные трудности при наступлении даже на непересеченной местности. Поэтому в связи со сложностями ведения пехотной атаки, наступление в данное время сделалось наиболее «трудной» формой боя.

Нет необходимости доказывать, что равномерное или почти равномерное распределение сил по фронту являлось существенным недочетом линейного боевого порядка. Этот недостаток можно было значительно смягчить путем создания сильного общего резерва. Но западноевропейскому военному искусству того времени, включая и Фридриха II, эта мысль была совершенно чужда. Наоборот, этому полководцу было присуще выраженное стремление решить бой первым ударом. Ниже будет показано, что в русском военном искусстве в ходе Семилетней войны обнаружился иной подход к данному вопросу.

Способ развертывания войск из походного порядка в боевой, утвердившийся в линейной тактике, связывался с положением о непрерывности фронта. Считалось, что наиболее естественный способ — развертывание по головам колонн (так называемая деплояда) — не обеспечивает построения сплошных линий боевого порядка: практически не имелось возможности выдерживать интервалы между подходящими к полю боя колоннами так точно, чтобы после их развертывания между соответствующими колоннам частями не получилось бы разрывов. Поэтому приняли способ развертывания захождением.

Как правило, армия образовывала две колонны, соответствовавшие линиям боевого порядка. Подразделения (плугонги или дивизионы и т. д.) двигались на дистанциях, равных протяжению фронта подразделения. При подходе к рубежу развертывания, колонны вытягивались вдоль него, а затем подразделения заходили во фронт и выстраивали таким образом линии боевого порядка. Крупные неудобства подобного способа очевидны. Прежде всего, он требовал высокой обученности войск. Не удивительно, что склонные вообще к осторожности австрийцы, чтобы избежать сложностей развертывания, предпочитали обычно занимать оборонительные позиции заблаговременно, передавая таким образом инициативу противнику. То же наблюдалось и в русской армии.

Отсутствие настойчивости в преследовании или полный отказ от него являлся, вероятно, наиболее слабым местом рассматриваемой тактической системы. Ни одна из решительных побед той или другой стороны в Силезских и Семилетней войнах не завершалась сколько-нибудь действенным преследованием. В западноевропейских армиях опасались, что солдаты после победы могут броситься грабить обоз и лагерь побежденных; поэтому после успешного окончания сражения усилия направлялись на то, чтобы не допустить в войсках, особенно в пехоте, беспорядка. Использовать для тактического преследования разрешалось, как правило, только легкую и драгунскую конницу. При таком ограничении сил, выделявшихся для преследования, от него и нельзя было ожидать значительных результатов.

К сказанному нужно добавить, что канонические правила линейной тактики запрещали занимать для обороны населенные пункты. Считалось, что расчлененные на мелкие группы для занятия построек солдаты выйдут из-под контроля начальников. Ведение боевых действий ночью допускалось по тем же соображениям лишь в исключительных случаях.

Наконец, отметим, что походные движения совершались весьма медленно. Во время Семилетней войны в русской армии нормальной величиной суточного перехода считались две географические мили, т. е. около

15 километров. Например, в приказе командующего русской армией А. Б. Бутурлина на марш при выступлении на зимние квартиры в 1760 году сказано: «Марши иметь обыкновенные — по 2 мили» (!). Лишь в отдельных случаях эта норма несколько превышалась. Пруссаки же умудрялись и тогда совершать форсированные марши по 40–50 километров, что часто давало Фридриху возможность бить его «переползающих» с места на место многочисленных противников по частям.

В условиях этой сковывающей, в значительной мере искусственной тактической системы прусскому королю Фридриху II удалось в Силезских и Семилетней войнах одержать ряд побед над своими противниками (австрийцами, в одном случае — французами и русскими), иногда — при значительном превосходстве последних в силах. Упорным, хотя и носившим характер механической муштровки, обучением Фридрих II добился сравнительно высокой тактической подвижности своих войск, что позволяло ему более или менее успешно маневрировать на поле сражения нерасчлененным боевым порядком. Между тем австрийцы вели себя совершенно пассивно и этим давали Фридриху возможность беспрепятственно занимать наиболее выгодное положение для атаки.

Типичным приемом Фридриха II было нанесение удара противнику во фланг, для чего прусский король развертывал свои войска приблизительно перпендикулярно к фронту обороняющегося. Попугно замечу, что если этот маневр создавал пруссакам реальное преимущество, то известный «косой боевой порядок» их пехоты (уступное расположение батальонов в боевых линиях) не имел важного значения; он лишь облегчал в некоторой мере продвижение линий при наступлении.

Подчеркиваю, что успехи Фридриха II основывались на приверженности к шаблонам, пассивности и, сверх того, на невысоких качествах войск его противников (особенно пехоты). Сражения с русскими войсками показали, что тактика Фридриха II только лишь в ограниченных условиях могла приносить решительный успех.

В области стратегии, в отличие от тактики, взгляды, которых придерживались в русских вооруженных силах на протяжении всего XVIII века, в той или иной мере не совпадали с концепциями, господствовавшими в Западной Европе. Положительную роль играло наследие Северной войны, когда политические цели России носили национальный, крупномасштабный характер и соответственно этому русская стратегия строилась на здоровых началах. Однако в середине XVIII века, на исходном рубеже того прогрессивного развития, которое шло во второй половине столетия, в период правления Екатерины, трудно провести резкую границу между отечественными и западноевропейскими стратегическими методами, проявившимися в кампаниях Семилетней войны (хотя в отдельных случаях довольно существенные различия имели место). Причины такого положения лежали в несколько специфическом характере целей и направлений русской политики в Семилетней войне, не носивших столь прогрессивного характера, как те, во имя которых велась Северная война и русско-турецкие войны второй половины XVIII века.

В чем же заключались наиболее типичные черты стратегии европейских армий рассматриваемого периода? Политические цели войн западноевропейских феодально-абсолютистских государств второй половины XVII — первой половины XVIII века отличались ограниченностью и глубокой противоречивостью. Узкие династические интересы, намерение овладеть той или другой территорией, зачастую не связанной с ядром данного государства ни в географическом, ни в национальном отношении, выступали руководящими мотивами вступающих в военную борьбу сторон.

Ограниченность и иногда противоречивость политических целей вели к ограниченности стратегических методов. Достижение таких политических целей относительно малого масштаба без крайнего напряжения сил представлялось наиболее целесообразным способом ведения войны.

С другой стороны, и военные средства, которыми располагали феодально-абсолютистские государства Западной Европы, были ограниченными. Способ ком-

плектования войск, принятый в этих государствах (вербовка), не обеспечивал возможности создания вооруженных сил большой численности и быстрого восполнения потерь в ходе войны. Война была весьма дорогим и обременительным делом. Особенно трудным являлось восстановление обученных кадров. Материальные средства ведения войны лимитировались невысоким уровнем промышленного и сельскохозяйственного производства того времени.

На такой основе сложилась в Западной Европе стратегическая концепция, в соответствии с которой вопрос о полном подавлении сопротивления противника путем уничтожения или разгрома всей его армии не ставился. Поэтому сражению отводилось место не решающего акта войны, а лишь одного из средств воздействия на противника. Решительное наступление в глубь территории неприятеля, создающее угрозу жизненным центрам его страны, как правило, признавалось невозможным из-за недостатка сил и средств. Методом, наиболее отвечающим такой постановке стратегической задачи, стало овладение спорной территорией (или другим приграничным районом вражеской страны, который можно было бы при заключении мира обменять на спорный) и удержание ее вплоть до истощения противника в попытках ее возвращения. Действия обороняющегося сводились к отражению чаще всего очень неглубокого вторжения неприятеля. Замечу, что задачи овладения территорией решались в основном путем захвата расположенных на этой территории важнейших крепостей. Таким образом, географические объекты приобретали первостепенное значение, а сражение отодвигалось на второй план.

Одним из оснований недооценки сражений являлось неумение «эксплуатировать» победу. В условиях линейной тактики энергичное тактическое преследование, как правило, отсутствовало. Оторвавшись от противника еще вблизи от поля боя, побежденный получал возможность оправиться и в дальнейшем еще более увеличить отрыв. Победителем же при этом овладевала боязнь отдалиться от своих баз, тогда как преследуемый приближался к своим. Поэтому, если тактическое пре-

следование было слабым, то от стратегического в большинстве случаев и вовсе отказывались. После всего сказанного не приходится удивляться, что западноевропейская военная мысль того времени не расценивала сражение как необходимый решающий акт войны.

Другой капитальной и трудной проблемой стратегии был вопрос продовольственно-фуражного снабжения. Его острота в европейских армиях усиливалась опасением, что солдаты, не получая достаточного питания, могут обратиться к грабежу, а это приведет к разложению дисциплины (заметим, что пищевое довольствие являлось одним из видов оплаты завербованного солдата и его неповиновение в данном случае получало даже некоторое юридическое обоснование). Такой взгляд, имевший в своей основе реальные соображения, был превращен в силу присущей западноевропейской мысли того времени догматичности в жесткое требование обязательной организации и поддержания непрерывного снабжения армии из продовольственно-фуражных магазинов. Прибегать к реквизиции средств у местного населения считалось недопустимым из-за опасения, что она легко могла перейти в грабеж со всеми вытекающими отсюда последствиями. Утрата сообщений армии с магазинами расценивалась как положение, близкое к катастрофе или даже гибельное.

Сложилась система подвоза довольствия, ограничивающая допустимое удаление армии от магазина пятью суточными переходами (т. е. не более 100—120 километров, если исходить из указанных выше обычных скоростей походного движения); для дальнейшего продвижения вперед требовалась закладка новых магазинов, на что нужно было затратить время. Такая норма выводилась из условия обязательного обеспечения войск печеным хлебом и допустимой продолжительности его сохранения в летнее время — 9 суток. При некотором форсировании в отдельных случаях допускалось увеличить указанную норму до семи переходов.

Не меньшие, если не большие ограничения на возможности безостановочных наступательных действий накладывали и трудности бесперебойного подвоза сухого фуража (следует при этом учесть огромные кон-

ские обозы). Ллойд, один из наиболее видных представителей военной мысли середины XVIII века, пессимистически констатировал: «...наши армии в их современном состоянии могут маневрировать лишь в пределах очень ограниченного круга и по очень короткой операционной линии; они не в состоянии вызвать ни крупных пертурбаций, ни сделать обширных завоеваний».

Магазинная система снабжения и чувствительность армий к нарушению сообщения с базами, с одной стороны, недооценка сражения — с другой, привели к формированию одной из руководящих идей европейской стратегии XVII—XVIII веков — добиваться решения стратегических задач путем маневрирования, направленного против коммуникаций противника, не нанося ударов его живой силе.

Сущность маневрирования заключалась в том, чтобы, прикрывая свои сообщения, занять положение, угрожающее коммуникации противника, а в идеале — даже выйти на его коммуникацию. Таким путем можно было отгеснить армию противника и затем овладеть намеченными объектами: крепостями, городами и территорией. Этот путь представлялся «экономичным», лишенным риска, обходившим недочеты тактики и случайности сражения; использование его, как считалось, демонстрировало искусство полководца.

На деле указанный способ действий приводил обычно к бесплодному многомесячному топтанию в приграничных районах. Сторона, сумевшая маневрами отгеснить армию противника, приступала к осадам и блокадам его крепостей; первые требовали довольно значительного времени, вторые — неопределенно долгого. Противник возвращался, чтобы деблокировать свои крепости, следовала новая серия маневров, нападений на транспорты, взаимного выжидания на прочных позициях и т. д.

Почти все без исключения кампании завершались с наступлением зимнего сезона отходом в район основных баз, на «зимние квартиры». Основанием этому служило отсутствие подножного корма для лошадей и нежелание использовать при совершении маршей возможности квартирного расположения войск (из опасе-

ния дезертирства). Таким образом, войны растягивались на много лет и в результате приводили к значительно большему взаимному истощению сторон, чем это могло бы иметь место при энергичном, направленном к быстрой развязке образе действий.

Для определения существа, главной черты проанализированной выше стратегической схемы иногда в современной отечественной военно-исторической литературе применяется термин «кордонная стратегия». С этим трудно согласиться. Кордонная система — линейная разброска сил мелкими группами на большом протяжении — в середине XVIII века главной роли в стратегии не играла, хотя в отдельных случаях и применялась. Примером может служить оборона горного рубежа в Саксонии прусским корпусом принца Генриха в 1758 году. Что касается русской армии, то в ней кордонная система почти никогда не применялась, только лишь иногда кордонные завесы создавались для прикрытия зимнего квартирного расположения войск.

Упомянутые отдельные случаи не дают основания распространять название «кордонная» на всю стратегическую систему западноевропейских армий первой половины — середины XVIII века. Кордонная разброска сил сделалась типичной для западноевропейской стратегии только в последние десятилетия XVIII века (со времени описанной в последних главах данной книги войны за Баварское наследство 1778—1779 годов).

Правильное определение внутреннего содержания западноевропейской стратегии в середине XVIII века формулируется следующим образом — «способ ведения войны путем осторожного маневрирования на флангах и коммуникациях противника с целью оттеснить его и овладеть без сражений определенным районом именовался маневренной стратегией».

Как представляется, эту систему действий логичнее именовать не кордонной, а маневренной стратегией.

Из сказанного, однако, не следует делать вывод, что европейская стратегия середины XVIII века вообще отвергала разброску сил (некордонного характера). Расчленение войск, развернутых на одном театре военных действий, на несколько групп, хотя и не вытянутых ли-

нейно вдоль каких-либо рубежей, обнаруживается в ходе Семилетней войны у пруссаков и особенно у австрийцев. Примеров можно привести довольно много. Отметим один из них: в конце июля (ст. ст.) 1759 года перед сражением при Кунерсдорфе австрийская армия Дауна составляла семь самостоятельных групп, не считая присоединившегося к русским корпусу Лаудона.

Такой представляется тактика и стратегия западноевропейских и русской армий накануне крупнейшего военного конфликта середины XVIII века — Семилетней войны. В ходе ее в военном искусстве прусской и русской армий произошли существенные сдвиги, понять суть которых можно лишь в связи с анализом боевых действий.

Хотя русская пехота на протяжении войны действовала в соответствии с тогдашними уставами, все же присутствовали некоторые новые моменты в ее тактике. Например, деятельность Румянцева в ходе осады Кольберга (1761) привела к некоторым новым явлениям в русском военном искусстве. Как было отмечено ранее, Румянцев в этот период в войсках осадного корпуса создал двалегкопехотных батальона. В директиве об их сформировании даются и указания по тактике этих частей. В частности, Румянцев рекомендует при преследовании противника «лучших же стрелков и в одну шеренгу выпускать». Такая шеренга при действиях на пересеченной местности, очевидно, сама собой превращалась в рассыпной строй. Местностью, наиболее выгодной для использования легкой пехоты, директива признавала леса, деревни и «пасы» (т. е. дефиле, стесненные проходы).

Легкая пехота существовала в европейских армиях и ранее. В австрийской армии имелась иррегулярная пехота милиционного типа, комплектовавшаяся из славянских народов, входивших в состав империи: кроатов (хорватов) и пандуров. В прусской армии в ходе Семилетней войны было также создано несколько легкопехотных батальонов («фрай батальоны»), предназначенных для поддержки легкой конницы. Значение указанного мероприятия Румянцева состояло в том, что оно явилось исходным пунктом широкого и системати-

ческого развития в русской армии нового типа пехоты (получившего название егерской) и нового способа ведения боя (рассыпной строй), что будет рассмотрено ниже.

Между тем на Западе легкопехотные формирования после окончания Семилетней войны были преобразованы в обычную линейную пехоту, и рассыпной строй вплоть до Великой французской революции не получил развития. Последнее вполне понятно: в западноевропейских армиях считалось недопустимым предоставлять солдат в бою самим себе; считалось, что, выйдя из-под наблюдения офицеров и унтер-офицеров, солдаты разбегутся или залягут и управлять ими станет невозможно.

Следует заметить, что некоторые отечественные военные историки расценивают изложенные выше аспекты деятельности Румянцева в области организации и тактики пехоты как начало зарождения тактической системы «колонна — рассыпной строй». Однако применение в войсках Румянцева по его указаниям той или другой тактической формы (колонны или рассыпного строя) по отдельности не дает основания говорить о разработке (даже лишь на стадии замысла) их сочетания, т. е. о введении в практику нового типа боевого порядка пехоты. Рассыпной строй был рекомендован Румянцевым еще в неявном виде и лишь для специфических условий. Нет нужды допускать такую натяжку, тем более что данный процесс действительно произошел в русской армии, хотя и позднее, что будет подробно рассмотрено ниже.

ПРУССКАЯ АРМИЯ СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА И ЕЕ ПРОТИВНИКИ

«Когда кто-либо когда-нибудь захочет управлять миром, он не сумеет сделать этого только посредством гусиных перьев, но лишь в сочетании с силами армий». Так писал король Фридрих Вильгельм Прусский своему военному министру и главнокомандующему, князю Леопольду Дессаускому, и выполнению этого требования было посвящено все царствование отца Фридриха Великого. Фридрих Вильгельм поставил себе целью увеличение боевой мощи прусской армии не только путем простого увеличения ее численности, но (и главным образом) с помощью разумной организации, жесткого контроля и напряженной боевой подготовки. Все это быстро выдвинуло прусские войска на одно из первых мест в Европе. После своей смерти 31 мая 1740 года «король-солдат» оставил наследнику армию численностью 83 468 человек. Для сравнения скажем, что в соседней Саксонии, почти равной тогда по площади и количеству населения Пруссии, к тому же не в пример более богатой, армия насчитывала всего около 13 тысяч солдат и офицеров. Военная казна Прусского королевства исчислялась огромной по тем временам суммой в 8 миллионов талеров.

За все время правления Фридриха Вильгельма I прусская армия практически не имела возможности опробовать свои силы на настоящем противнике. Однако за это долгое мирное время были заложены основы (особенно по части дисциплины), которые позволили его сыну уже на полях сражений первой Силезской войны показать, что армия Пруссии — это грозная сила, с которой лучше не тягаться никому. Еще со времен «Великого курфюрста» Фридриха Вильгельма вооруженные силы королевства комплектовались наемниками, как из числа подданных Пруссии, так и из иностранцев. Рекрутские наборы, столь характерные для других евро-

нейских стран, применялись реже. Кроме того, существовала система добровольной записи на службу горожан, из которых комплектовалась ландмилиция — подразделение «городской стражи»: ее личный состав не нес постоянной службы, а лишь время от времени проходил военные сборы на случай войны. Боевая ценность таких войск была крайне низкой, но в случае нужды вполне подходила для несения гарнизонной службы, освобождая регулярные части для боевых действий. Срок службы завербованного солдата или унтер-офицера составлял 20 лет.

Фридрих, при восшествии своем на престол, получил в наследство от отца три инструмента, позволивших ему превратить свое небольшое королевство в одно из ведущих государств Европы. Это отличный, наиболее совершенный для того времени государственно-чиновничий аппарат, богатейшая казна без каких-либо долгов и первоклассная армия. Фридрих Вильгельм I сумел так наладить управление государством, что небольшое Прусское королевство располагало вооруженными силами, сопоставимыми с армией любой крупной державы Европы — Австрии, России или Франции.

Военно-морского флота в Пруссии, как такового, не было. Военная доктрина Гюгенцоллернов никогда до конца XIX века не основывалась на морской мощи. Единственное исключение составлял курфюрст Фридрих Вильгельм Великий, который попытался начать строительство собственного флота в померанском Штральзунде и даже сформировал эскадру в 12 вымпелов примерно с 200 орудиями на борту. Однако красным орлам Бранденбурга не суждено было воспарить над морем. Тогдашние хозяева Балтики — шведы быстро пресекали эту попытку, высадившись на вражеском берегу, захватив Штральзунд (и присоединив его, кстати, к своим владениям в Померании) и пустив на дно всю курфюрстовскую эскадру.

Фридрих тоже не проявлял никакого интереса к военно-морскому флоту. Впрочем, у него на это имелись все основания. В конце XVII — начале XVIII веков на Балтике безраздельно господствовал могучий шведский флот, а со времен Петра I его надолго сменил русский.

К этому надобавить еще и довольно крупный датский военно-морской флот. В этих условиях небольшая Пруссия, не имевшая к тому же никаких традиций кораблестроения и мореплавания, просто не могла создать приемлемого по размерам военного флота, чтобы противостоять любому из этих врагов. Поэтому пруссаки просто сделали вид, что Балтийского моря не существует, и оказались правы — русские и шведские корабли так и не смогли оказать существенного влияния на ход войны, ограничившись высадкой ряда десантов. Осада русскими приморского Кольберга при помощи флота проваливалась дважды, а в третий раз Румянцев взял бы его и без поддержки моряков.

Тезис «государство для армии, а не армия для государства» в царствование Фридриха II получил наиболее полное отражение в действительности. Король прусский много сделал для поднятия престижа военной (разумеется, имеется в виду офицерская) службы. В своем «Политическом завещании» 1752 года Фридрих писал, что «о военных следует говорить с таким же священным благоговением, с каким священники говорят о божественном откровении».

Главные должности как в гражданской, так и в военной службе доверялись только представителям дворянства. Офицерами в армии могли быть только родовые дворяне, представители буржуазии в офицерский корпус недопускались. Офицерский чин позволял жить достаточно безбедно — капитан в пехотном полку получал 1500 талеров в год, весьма большую сумму по тем временам.

Военное училище представляло собой кадетский пехотный батальон, при котором имелась кавалерийская рота. Как уже говорилось, в кадеты зачислялись только отпрыски потомственных дворянских семей. Хотя в Пруссии большинство офицерского корпуса составляли подданные королевства, среди офицеров встречались и наемники из-за границы, в основном из протестантских северогерманских земель, Дании и Швеции. Офицеров, не получивших военного образования, в ар-

мию не брали, при назначении на более высокую должность происхождение и знатность не имели никакого значения — о практике покупки должностей, фактически узаконенной во Франции, в Пруссии и не слышали. Обучение в кадетском корпусе продолжалось 2 года; курсантов беспощадно муштровали и натаскивали в соответствии с обычной прусской строгостью: там были и фрунтовые эволюции, и экзерциции с ружьем, и все прочее, через что проходили и рядовые солдаты.

Закончивший корпус кадет выпускался в полк со званием прапорщика (Fahnrüch) либо лейтенанта (Leutnant); в кавалерии — корнета (Cornett). Далее в прусской военной табели о рангах следовали чины старшего лейтенанта (Oberleutnant), капитана (Hauptmann); в кавалерии — ротмистра (Rittmeister), майора (Major), подполковника (Oberstleutnant) и полковника (Oberst). Капитан и майор могли быть старшими или младшими — старшие командовали лейб-ротой в батальоне или отдельным батальоном*. Далее шли чины генерал-майора (Generalmajor) — также старшего или младшего, в зависимости от занимаемой должности, генерал-лейтенанта (Generalleutnant), генерала от инфантерии, кавалерии или артиллерии, наконец, генерал-фельдмаршала (Generalfeldmarschall). Следует отметить, что в коннице чин фельдмаршала обычно не присваивался — высшим званием был генерал от кавалерии.

Кроме окончания кадетского корпуса, молодой дворянин по достижении возраста 14—16 лет мог поступить в полк юнкером, где занимал унтер-офицерскую должность. В полку он нес обычную строевую службу нижнего чина (особенно часто юнкера служили знаменосцами), однако, кроме того, обязан был посещать офицерские курсы по тактике и прочим премудростям военной науки. Успеваемость на этих курсах и характеристика командира полка (оценка поведения и т. п.) выступала единственным критерием их длительности (от года — полугода до десяти — пятнадцати). Так, перед Семилет-

* Лейб-рота — первая, так называемая «шефская» рота любого батальона или эскадрона в полку, в которой служил отборный личный состав.

ней войной на смотре одного из полков Фридрих II заметил в строю «уже довольно возмужалого» юнкера. Он спросил командира полка о возрасте и службе молодого человека и узнал, что тому уже двадцать седьмой год и что он уже девять лет на службе.

— Отчего же он до сих пор не представлен в офицеры? — спросил король. — Верно, шалун и лентяй?

— О нет, Ваше величество, — ответил командир. — Напротив, он примерного поведения, отлично знает свое дело и весьма хорошо учился.

— Так отчего же он не представлен?

— Ваше величество, он слишком беден и не в состоянии содержать себя прилично офицерскому званию.

— Какой вздор! — воскликнул Фридрих. — Беден! Об этом следовало мне доложить, а не обходить чином достойного человека. Я сам позабочусь об его содержании; чтоб он завтра же был представлен в офицеры.

С этого времени вчерашний юнкер поступил под королевскую опеку, впоследствии став отличным генералом.

Кони в свойственном ему аффектированном духе так писал об этом: «Постигая человеческое сердце, Фридрих избрал честь рычагом для своей армии. Это чувство старался он развивать в своих воинах всеми возможными средствами, зная, что оно ближе всего граничит с воодушевлением и способно на всякое самопожертвование. Военное звание (после Семилетней войны) получило новые привилегии в гражданском быту Пруссии. Почти исключительно одни дворяне производились в офицерские чины; преимущество рождения должно было вознаграждаться и всеми почестями военной службы. При этом король имел в виду и ту, и другую полезную цель; слава прусского оружия была слишком заманчива; многие из гражданского сословия поступали в полки в надежде на возвышение; оттого в королевстве умножался класс дворян, почтливший унижением каждое другое занятие, кроме государственной службы, а прочие полезные сословия уменьшались (усердная служба в армии или чиновничьем аппарате давала шансы на приобретение потомственного или личного дворянства). По новому постановлению переход сделался

невозможным и «башмачник оставался при своей колотке», как говорит немецкая пословица. Каждый член общества не выходил из своего круга, в котором рожден, и следовал своему призванию, не увлекаясь мечтами честолюбия, всегда пагубного для людей среднего сословия» (Кони Ф. Фридрих Великий. Ростов н/Д: Феникс, 1997. С. 498)*.

Комментировать данный образчик позднего феодализма я не буду, однако замечу, что правила эти впоследствии сыграла с Пруссией весьма злую шутку.

Однако этот кастовый принцип, в общем-то вполне традиционный для тогдашней Европы, несколько отличался от порядков в других странах: предоставив дворянам такие привилегии, Фридрих требовал, чтобы «это сословие отличалось и благородством своих действий, чтобы честь руководила им во всех случаях жизни и чтобы оно было свободно от всех видов своекорыстия». Характерно, что преступление дворянина по прусским законам наказывалось строже, чем таковое же у крестьянина. В массе источников повторяется случай, когда за одного лейтенанта, посланного за границу со значительной суммой (для закупки ремонтных лошадей), прокутившего ее в карты и соответственно осужденного на три года тюрьмы, пришли просить два близких королю генерала. Они сказали королю, что осужденный — их близкий родственник и позор, следовательно, падет на всю их фамилию.

— Так он ваш близкий родственник? — спросил король.

— Так точно, Ваше величество, — ответил один из генералов. — Он мой родной племянник и со смерти отца до самого вступления в полк воспитывался у меня в доме.

— Право! Так он тебе близок! И притом еще воспитан таким честным и благородным человеком. Да! Это дает делу другой вид: приговор надо изменить. Я прикажу содержать его в тюрьме до тех пор, пока я уверюсь, что он совершенно исправился.

* В дальнейшем ссылки на это издание будут обозначаться фамилией автора с указанием страницы, напр.: Кони. С. 498.

Видя изумление просителей, Фридрих добавил:

— Поверьте мне, если человек из такой фамилии и при таком воспитании способен на преступление, хлопотать о нем не стоит: он совершенно испорчен и на исправление его надежды нет.

Несмотря на все эти ограничения, Фридрих допускал и прямо противоположные шаги: представители «третьего сословия», отличавшиеся храбростью и служебным рвением, иногда производились в офицеры, в то время как нерадивые офицеры-дворяне могли десятилетиями служить безо всякого продвижения по службе. Известен случай, когда один из видных сановников Пруссии письменно попросил короля о производстве его сына в офицеры. Фридрих на это ответил: «Графское достоинство не дает никаких прав по службе. Если ваш сын ищет повышений, то пусть изучает свое дело. Молодые графы, которые ничему не учатся и ничего не делают, во всех странах мира почитаются невеждами. Если же граф хочет быть чем-то на свете и принести пользу отечеству, то не должен надеяться на свой род и титулы, потому что это пустяки, а иметь личные достоинства, которые одни доставляют чины и почести».

При этом общеобразовательный уровень прусского офицерства был крайне низким: многие отцы дворянских семейств полагали, что страх перед розгой учителя помешает мальчикам стать хорошими солдатами. Например, военный министр фельдмаршал Леопольд Дессауский запрещал сыну учиться, чтобы «посмотреть, какой результат получится, если предоставить дело одной природе», а сам Фридрих еще в бытность свою кронпринцем едва не был проклят отцом за «пристрастие к французской науке». Правда, справедливость требует указать, что в России ситуация была схожей.

Фридрих страшно не любил, когда его офицеры занимались посторонними делами, в особенности охотой, картами и писанием стихов. Требовательный к себе и аскетичный до скаредности, он ожидал и требовал того же от подчиненных. Известно, что король вставал в четыре утра, после чего играл на флейте и разрабатывал планы, с восьми до десяти писал, после чего до двенадцати занимался муштровкой войск. Ходивший в про-

тертом до дыр мундире, «закиданном табаком», он терпеть не мог, когда богатые офицеры проматывали деньги, украшали себя всевозможными побрякушками, завитыми париками и умащали дуами. «Это прилично женщинам и куклам, которыми они играют, а не солдату, посвятившему себя защите отечества и всем тягостям походов, — говорил он. — Франты храбры только на паркетe, а от пушки прячутся, потому что она часто портит прическу» (не правда ли, очень похоже на суворовское «Пудра не порох, букли не пушки, коса не тесак...»), которое у нас традиционно любят противопоставлять «пруссачине»?). Часто Фридрих вычеркивал таких офицеров из списков на очередным чином.

Зато он охотно помогал бедным офицерам деньгами на приобретение обмундирования и прочие «околослужебные нужды». Хорошо известным стал случай, когда королю написала вдова одного из прусских офицеров, погибшего в бою, с просьбой о назначении положенной законом пенсии (как сейчас говорят, «по утрате кормильца»). Вдова сообщала, что страдает неизлечимой болезнью, а ее дочери «принуждены доставать себе пропитание трудами рук своих», но что они слабого сложения и потому она страшится за их здоровье и жизнь. «А без них, — добавляла она, — я должна умереть с голоду! Прошу Ваше величество о скорой помощи!»

Экономный до скарденности Фридрих навел справки и выяснил, что свободных пенсий в государстве сейчас нет и не имеется никакой возможности отступить от установленного им самим количества «пенсионеров». Однако король, подумав, ответил просительнице: «Сердечно сожалею о Вашей бедности и о печальном положении Вашего семейства. Для чего Вы давно уже не отнесли ко мне? Теперь нет ни одной вакантной пенсии, но я обязан Вам помочь, потому что муж Ваш был честный человек и потеря его для меня очень прискорбна. С завтрашнего дня я прикажу уничтожить у моего вседневного стола одно блюдо; это составит в год 365 талеров, которые прошу Вас принять предварительно, пока очистится первая вакансия на пенсию».

Известен также случай, когда король произвел в полковники выслужившегося из солдат и неоднократно от-

личившегося в сражениях ротмистра только за то, что тот во время обеда у Фридриха с гордостью сказал: «Мой отец простой и бедный крестьянин, но я не променяю его ни на кого на свете». Король на это воскликнул: «Умно и благородно! Ты верен Божьей заповеди, и Божья заповедь верна в отношении к тебе. Поздравляю тебя полковником, а отца твоего с пенсией. Кланяйся ему от меня».

Однако все эти «демократические» изыски разом заканчивались, когда дело касалось нижних чинов.

Армия Фридриха Великого строилась на принципе жесточайшего подчинения младшего старшему. Это закреплялось железными правилами уставов и наставлений, регламентирующих буквально каждую минуту жизни солдат. Палка в прусской армии играла гораздо большую, если не наиглавнейшую роль, нежели в войсках любой другой европейской страны. Во Фридриховском «Наставлении» для кавалерийских полков (1743) одним из главных тезисов стало правило «Чтобы ни один человек не смел открывать рта, когда говорит его командир». Даже младшие офицеры не имели права никоим образом влиять на решения своего командира или уж тем более спорить с ним.

В прусской военной системе «бездушной и жестокой муштры» со всей остротой нашли отражение пороки феодального общества: дворянин, выступавший в роли офицера, поддерживал свое господствующее положение с помощью палочной дисциплины, а затем требовал беспрекословного послушания крестьянина в своем поместье. Главной целью прусского устава было убить в рядовом всякую самостоятельность и сделать из него совершенный автомат. Взяв человека от сохи, одевали его в совершенно чуждую ему и крайне неудобную одежду, затем принимались за его выучку, дабы сделать из «подлого и неловкого мужика» (как сказано в тогдашнем прусском уставе) настоящего солдата*.

* Звания нижних чинов в прусской армии были следующими: рядовой (Gemeiner, или Soldat); ефрейтор (Gefreiter); унтер-офицер (Unteroffizier); каптенармус (Captejnarmus); фельдфебель (Feldwebel), а в кавалерии — вахмистр (Wachtmeister).

Армия Фридриха II, состоявшая преимущественно из наемников и державшаяся на жесточайшей палочной дисциплине, муштре, мелочной регламентации, была превращена прусским королем в превосходно отлаженный военный механизм. «Секрет» действия этого механизма Фридрих с присущей ему «откровенностью» объяснял такими словами: «Идя вперед, мой солдат наполовину рискует жизнью, идя назад, он теряет ее на верняка».

Любовь солдат к своему полководцу, армейское братство, чувство товарищества были совершенно чужды прусской армии. Одним из главных «рычагов», с помощью которых Фридрих руководил войсками, был страх. «Самое для меня загадочное, — сказал как-то Фридрих приближенному генералу Вернеру, — это наша с вами безопасность среди нашего лагеря». Превращение рядового солдата в «механизм, артикулом предусмотренный» — одно из бесспорных и зловещих достижений военной школы Фридриха Великого*.

Естественно, что эта сторона «гения» прусского короля вызывала у многих неприятие его образа действий, критику милитаристской монархии Фридриха в целом. Часто цитируется изречение известного итальянского поэта Альфиери, посетившего Пруссию в период правления Фридриха II и назвавшего Берлин «омерзительной огромной казармой», а всю Пруссию «с ее тысячами наемных солдат — одной колоссальной гауптвахтой». Это наблюдение было весьма верным: к концу правления Фридриха II по сравнению с 1740 годом его

* Справедливости ради следует отметить, что не все высшие офицеры прусской армии разделяли эту установку короля. Например, знаменитый кавалерийский генерал Зейдлиц — фактический командующий конницей Пруссии — требовал от своих солдат и офицеров жесткой дисциплины, но вместе с тем категорически выступал против телесных наказаний. С его подачи прусские кавалеристы почти не знали жестоких наказаний, введенных в пехоте. Например, унтер-офицеры (хотя и носившие трость) не имели права бить солдат. Этого права были лишены и младшие офицеры: лишь командир эскадрона в особых случаях мог назначить телесное наказание, притом не более 25 ударов палкой.

армия выросла более чем в два раза (до 195—200 тысяч солдат и офицеров), а на ее содержание уходило две трети государственного бюджета. На крестьян и другие недворянские классы и слои народа возлагались расходы на содержание военного и гражданского аппарата управления. Чтобы увеличить поступление акциза, в сельской местности было почти повсеместно запрещено занятие ремеслом. Горожане же несли повинность по расквартированию солдат и выплачивали налоги. Все это позволило содержать армию, считавшуюся одной из сильнейших в Европе, но милитаризовало страну сверх всяких разумных пределов.

Милитаризация общественной жизни в Пруссии велась к дальнейшему укреплению господствующих позиций юнкерства. Офицеры во все больших масштабах пополняли ряды высших государственных служащих, насаждая военный образ мышления и действий в сфере гражданской администрации. Все это, как я уже упоминал, создавало крайне непривлекательный имидж страны в глазах иностранцев.

Однако, постоянно говоря о бездушности военной системы «Старого Фрица», обычно забывают о том, что жесточайшая муштра, как это ни парадоксально, соседствовала в ней с проявлением довольно высокой степени заботы о личном составе. Пруссаки одними из первых начали организованно собирать раненых на поле боя; хотя русские в этом плане и опередили их, но для всех прочих европейских армий это понятие было совершенно неизвестно. Во время маршей Фридрих нередко бросал обозы с ранеными ради сохранения мобильности армии (в частности, так погиб раненый генерал Манштейн: брошенный армией госпиталь с небольшим прикрытием атаковали австрийские гусары и всех, кто оказывал сопротивление, перебили). Но во всех прочих случаях старался выручать своих солдат. Так, во второй Силезской войне, чтобы спасти находившийся в Будвейсе госпиталь с 300 ранеными, Фридрих пожертвовал отрядом в 3000 человек.

В прусской армии, даже в период самой тяжелой борьбы с врагом, традиционно невысокими были потери от небоевых причин: болезней и особенно голода.

Это хорошо видно в сравнении с ситуацией в русской армии петровского, анненского и елизаветинского периода, где массовые смерти среди солдат рассматривались как нечто, быть может, и досадное, но вполне допустимое и не требующее принятия срочных мер. Медицинский уход и пищевое довольствие в русской армии того времени были ниже всякой критики. Крайне мало известным у нас является следующее высказывание короля Фридриха, содержащееся в его знаменитом «Наставлении»: «Надобно содержать солдата во всегдашней строгости и неусыпно следить за тем, чтобы он всегда был хорошо одет и вдоволь накормлен».

Несмотря на то что Фридрихом во всех этих начинаниях руководило вполне прагматичное желание уменьшить невозвратные потери своей небольшой армии, по-моему, важна здесь не причина, а следствие. Русским солдатам, подчеркну еще раз, все это было совершенно неизвестно. Вот свидетельство очевидца миниховского похода в Валахию и Молдавию в 1738 году, капитана Парадиза: «При моем отъезде из армии было более 10 000 больных; их перевозили на телегах как попало, складывая по 4, по 5 человек на такую повозку, где может лечь едва двое. Уход за больными невелик; нет искусных хирургов, всякий ученик, призежающий сюда, тотчас определялся полковым лекарем...» И это при том, что весь армейский обоз был просто чудовищным по своим размерам: «Майоры имеют по 30 телег, кроме заводных лошадей... есть такие сержанты в гвардии, у которых было 16 возов...»

Как же, скажет кто-нибудь, ведь это было при Минихе, дескать, чего от него еще ждать. Но нет, во время похода 1757 года русская армия, не сделав еще ни одного выстрела, потеряла до одной пятой личного состава больными и умершими. Главком Апраксин заставил солдат во время трудного марша соблюдать требования великого поста, а на обратном пути еще и бросил обозы с 15 тысячами раненых, которые попали в руки пруссаков. Впрочем, об этом будет подробнее сказано ниже.

При этом Фридрих унаследовал у своего отца многие черты, весьма странные для своего высокого королевского сана. В общении с офицерами и солдатами он про-

изводил скорее впечатление грубоватого и фамильярного служаки-полковника, чем венценосной особы. Собственно, по этой причине армия и именовала его «Старым Фрицем».

Известен случай, когда в 1752 году несколько десятков солдат гвардейских полков составили заговор с целью вытребовать себе некоторые льготы и права. Для этого они отправились прямо во дворец Сан-Суси, где находился король. Фридрих заметил их издали и, угадав их намерения по громким голосам, пошел навстречу бунтовщикам с надвинутой на глаза шляпой и поднятой шпагой (отметим, что караулы в местах расположения короля всегда носили скорее символический характер и сейчас вряд ли могли помочь ему). Несколько солдат отделились от толпы и один из них, дерзко выстунив вперед, хотел передать Фридриху их требования. Однако прежде, чем тот открыл рот, король рявкнул: «Стой! Равняйся!» Рота немедленно построилась, после чего Фридрих скомандовал: «Смирно! Налево кругом! Шагом марш!» Незадачливые бунтовщики, устранные свирепым взглядом короля, молча повиновались и строевым шагом вышли из дворцового парка, радуясь, что так дешево отделались.

Да, действительно, Фридрих весьма пренебрежительно относился к вопросам жизни и смерти рядовых солдат. Но стоит ли этому удивляться? Войны XVIII века были «спортом королей», и солдаты играли в них лишь роль бессловесных статистов, оловянных игрушек, которых можно было при желании выстроить стройными рядами, а при желании — спрятать в коробку (другой вопрос, что король Пруссии сплошь и рядом ходил в атаку под пулями рядом со столь «презираемыми» им рядовыми). И потом, у Фридриха были причины с недоверием, а порой и жестокостью относиться к личному составу своих полков: вспомним, из кого во многом состояла прусская армия — из чужестранцев-наемников, завербованных порой насильно — «за кружку пива». Под конец Семилетней войны под ружье стали ставить даже только что взятых военнопленных, что, разумеется, не добавило пруссакам чувства доверия к своим вновь обретенным солдатам.

Я не вполне уверен, что у Фридриха было излишне много причин жалеть жизни своего весьма разношерстного воинства, но вот государь император Петр Великий, например, положил жизни десятков тысяч своих переодетых в солдатскую форму мужичков на алтарь победы в Северной войне с еще меньшим сожалением, и никто почему-то всерьез не ругает его за это.

Интересно, что сам Фридрих (как это вообще было свойственно его натуре) на словах и особенно в своих письменных трудах всячески порицал им же самим введенный принцип насаждения дисциплины. «Солдаты — мои люди и граждане, — говорил он, — и я хочу, чтобы с ними обходились по-человечески. Бывают случаи, где строгость необходима, но жестокость во всяком случае непозволительна. Я желаю, чтобы в день битвы солдаты меня более любили, чем боялись». Действительность, как видим, мягко говоря, несколько отличалась от фридриховских лозунгов.

При этом (несмотря на все неприглядные стороны военной службы нижних чинов и вообще низкий моральный облик прусской армии) Фридрих строго следил за соблюдением в войсках дисциплины в отношении населения. Это же правило распространялось на пребывание армии в оккупированных вражеских странах: малейшее мародерство каралось немедленно и неукоснительно. Король требовал, чтобы даже продовольственные реквизиции сводились к минимуму: за все приобретения прусские фуражиры платили звонкой монетой. Все это имело под собой вполне реальную почву: Фридрих не хотел неприятных сюрпризов в своем тылу.

Это же касалось его поразительной веротерпимости: например, во время Силезских войн монахи католических монастырей не раз вели переговоры с австрийцами и передавали им информацию о расположении и маневрах пруссаков. Многие генералы рапортовали королю о необходимости покарать виновных. «Боже вас сохрани, — отвечал на это Фридрих, — отберите у них вино, но не трогайте их пальцем: я с монахами войны не веду». В сравнении с армиями Франции и Австрии, чья солдатня отличалась крайней разнузданностью,

пруссаки казались вообще ангелами во плоти. Да и вполне дисциплинированные русские частенько прибегали к повальным грабегам и насилиям, причем это было не «грустными издержками военного времени», а являлось частью общей тактики «выжженной земли», с успехом применявшейся елизаветинскими генералами в Семилетнюю войну. Вся Померания, например, была сплошь выжжена войсками Фермора по его особому приказу. С этой же целью русские пускали вперед авангарды из диких татар и калмыков, а также и не менее диких казаков, объясняя совершаемые ими преступления отсутствием у последних «регулярства».

К этому примешивались сильнейшие религиозные репрессии, которые совершались австрийцами и французами с благословения папы: во время Силезских войн, например, венгры попытались физически уничтожить всех «еретиков» в Словакии (гуситов). Фридриху (а он сразу при восшествии на престол объявил себя «протектором» лютеранской религии в Германии) даже пришлось пригрозить, что адекватные меры будут приняты и к католикам прусской Силезии — только этот шаг несколько привел в чувство Вену и Рим.

Чрезвычайно мягким было отношение Фридриха к пленным. Если не считать того факта, что последних частенько насильно вербовали в прусскую армию, в остальном их положение было вполне сносным. Пленных содержали в приличных условиях, исправно кормили и даже одевали. Жестокость по отношению к содержащимся в заключении врагам категорически запрещалась. Известен случай, когда королю представили на рассмотрение рапорт на пенсию одному старому фельдфебелю. Однако Фридрих (отличавшийся феноменальной памятью) вспомнил, что за 15 лет до этого, в кампании 1744 года, тот был уличен в «низком поступке против своих солдат и в жестокости с пленными». Вместо подписи на рапорте король нарисовал виселицу и отослал его назад.

Что же стало причиной множества громких побед Фридриха над многочисленными армиями его врагов?

По мнению Г. Дельбрюка, успехи прусской армии «во многом зависели от быстроты ее маршей, умения искусно маневрировать, скорости стрельбы прусской пехоты, мощности кавалерийских атак и подвижности артиллерии». Всего этого, примерно в середине своего правления, Фридрих II действительно достиг. О каждом из этих факторов я и скажу в следующих главах.

Пехота

Пехота составляла основную ударную мощь Фридриховской армии. Она традиционно отличалась отличными боевыми качествами: еще до восшествия на престол Фридриха II ее слава (в отличие от тогдашней прусской кавалерии) гремела по всей Европе. Изрядное старание к этому проявил еще отец Фридриха, король Фридрих Вильгельм. Как пишет Кони, «он хотел, чтобы дальше его корона поддерживала свое значение в глазах Европы не пустым блеском роскоши (как при его отце, Фридрихе I), но сильным и хорошо обученным войском. Все торжества его царствования состояли из смотров и парадов, которые он почитал существенно необходимостью для полного образования войска.

Неутомимая деятельность его вскоре сказалась результатом: солдаты его отличались от всех лучших тогда армий быстротой, верностью и правильностью воинских движений и порядком фрунта. Он старался даже украсить передовые фрунты полков людьми отборными, крепкими, которые и мужественным видом, и ростом могли бы внушить врагам страх и почтение. На красоту формы он употреблял огромные суммы, что, впрочем, совсем не соответствовало его обычной бережливости, даже, некоторым образом, скупости.

Все государство приняло вид воинственный; испуганное просвещение на время приостановилось; Берлин перестал именоваться Афинами, его прозвали Спартою» (Кони, С. 62).

Все это не обошло стороной воспитание будущего короля Фридриха II. При первой возможности, еще в раннем детстве, он был зачислен на службу и одет в во-

енный мундир. «Для упражнения принца в фрунтовых приемах и военных эволюциях с 1717 года была учреждена кадетская рота, которая впоследствии увеличилась до батальона. Семнадцатилетний кадет, унтер-офицер Ренцель обучал принца ружью...

Двенадцати лет Фридрих уже мастерски знал службу и отлично командовал. Дед его по матери, король английский, посетив Берлин и из-за болезни не покидая комнаты, из окна любовался на военные эволюции, которыми хотел его порадовать вгук.

Король (Фридрих Вильгельм) велел устроить в одной из зал дворца небольшой арсенал; наполнил его пушками, ружьями, тесаками и другим оружием, и принц, шутя, учился их употреблению и легчайшему приложению в военное время. В четырнадцать лет Фридрих был пожалован в капитаны, в пятнадцать — в майоры, в семнадцать — в полковники. Наравне с другими нес он службу, исполняя все обязанности по фрунту.

На больших парадах и смотрах, как в Берлине, так и в его окрестностях, обыкновенно присутствовала вся королевская фамилия. Таким образом, наследный принц, еще раньше своего личного принятия на службу, был приучен к военному делу и глазами своего отца смотрел на важность назначения прусского войска. Позднее король начал брать его с собою на смотры и маневры, делаемые в провинциях, и знакомил с отдельными отрядами войск, занимающих границы или содержащих отдаленные гарнизоны» (Кони, С. 56—57).

Отец Фридриха не остановился на этом: во время заседаний его знаменитой «Табачной коллегии» король иногда заставлял своих сыновей тут же упражняться в разных ружейных приемах под команду кого-нибудь из присутствующих генералов.

После известной размолвки Фридриха с королем, когда принца заключили в крепость, его, разумеется, изгнали с военной службы. Только в конце 1731 года, по коллективной просьбе высших офицеров гвардии и полков столичного гарнизона, к которым присоединился и главнокомандующий князь Дессауский, Фридрих был вновь принят на службу: 30 ноября его пожаловали в шефы пехотного полка, а в феврале 1732 года —

назначили командиром одного из полков гвардии, который стоял в Руппне. После того как 12 июня 1733 года Фридрих вступил в брак с принцессой Елизаветой Христиной Брауншвейгской, отец купил ему замок Рейнсберг в окрестностях Руппина, чтобы, как он выражался, «жена не отвлекала его от обязанностей службы». Характерно, что вербовку рослых рекрутов для своего полка кронпринц осуществлял за счет своих личных, весьма скудных средств и поэтому влез в значительные долги, делая займы за границей.

Фридрих Вильгельм питал фанатическое пристрастие к солдатам высокого роста: по его приказу вербовщики рыскали по всей Европе, добровольно, обманом или насильно вербуя рекрутов ростом не ниже 180 сантиметров и вывозя их в Пруссию, не заботились о том, чьим подданным являлся новый гвардеец короля. Из этих людей комплектовали гренадерский лейб-батальон, охранявший Потсдамский дворец и крепость Шпандау. В частности, в эту гвардию был принудительно завербован будущий великий русский ученый М. В. Ломоносов, находившийся на учебе в Марбургском университете и обладавший видными, как известно, ростом и фигурой. Правда, вскоре ему удалось бежать и скрыться от погони — случай, уникальный в истории этого батальона (пойманных дезертиров, как правило, сразу же казнили или отрезали им нос и заключали в крепость).

Даже испанскому послу король как-то заявил следующее: «Господин кавалер! Если король испанский может располагать некоторым числом рослых и статных молодых людей, то попросите его, чтобы он прислал их ко мне. Я разумею уроженцев Галиции, потому что в этой стране добывают вы лучших своих солдат. Мне будет нужно для третьей роты несколько человек в семь футов; я решительно не хочу, чтобы в ней был хоть один солдат ниже шести футов с половиной. Итак, господин кавалер, не забудьте моего поручения...»

Фридрих, еще будучи кронпринцем, не слишком жаловал излишнюю плац-парадность отцовского видения армейской службы. Тем не менее он был вынужден потакать слабостям Фридриха Вильгельма I: вернувшись на

службу после своей размолвки с отцом и заключения в крепости, он «употреблял все меры, чтобы заслужить милость короля точным исполнением своих воинских и государственных обязанностей. Он заботился о том, чтобы его полк на ежегодных смотрах и маневрах был одним из лучших и опытейших. Такое усердие невольно отстраняло все неудовольствия, которые король все еще по временам обнаруживал к Фридриху за его наклонность к ученым занятиям. Фридрих употреблял также все средства набирать в рекруты людей самого большого роста и красивой наружности и помещал их в полк, шефом которого был сам король» (Кони. С. 78).

Фридрих II же с самого начала своего царствования несколько отошел от отцовских взглядов на внешний вид армии. Молодой монарх отменил всякое излишество и роскошь в военном быту. «Такой именно случай был со знаменитой «гвардией великанов», которую сохранил покойный король в Потсдаме собственно для своего удовольствия. При этом рассказывают, что Фридрих Вильгельм, незадолго до смерти, поставил на вид своему сыну огромные суммы, отпускаемые на содержание этого войска, и что он советовал ему распустить его. Гвардия эта явилась в последний раз 22 июня, при похоронной церемонии своего учредителя; вскоре затем она была расквасирована по полевым полкам. Это дало Фридриху средство умножить свою армию за несколько недель более, нежели десятью тысячами человек» (Кони. С. 96).

Пехотный полк состоял из двух батальонов. В составе каждого числилось шесть рот: одна гренадерская и пять мушкетерских. По штату в гренадерской роте насчитывалось 4 офицера (капитан, 2–3 лейтенанта, фенрих (прапорщик), 9 унтер-офицеров, 5 флейтчиков и барабанщиков, 1 фельдшер, 6 квартирмейстеров и 90 гренадер. Мушкетерские роты были более крупными: кроме 8 офицеров и 20 унтер-офицеров, в них числилось 6 музыкантов, 3–4 фельдшера и 225 мушкетеров (фузилеров в фузилерных полках). В каждом полку (как в гренадерских, так и в мушкетерских ротах) имелось некоторое количество солдат, обученных азам инженерного дела. Их называли «плотниками» (Шагреп-

tier), фактически они составили основу саперных подразделений. При полковом обмундировании саперы носили кожаные фартуки, а кроме мушкета, имели при себе также топор на длинном топорнице. К 1757 году из солдат этих рот сформировали специальный Пионерный полк, который в полном составе сдался в плен при Кунерсдорфе.

В гренадерские роты традиционно набирали самых рослых и сильных солдат. В атаку они шли впереди. Впоследствии гренадерские роты стали выделять из состава пехотного батальона и сводить в отдельные гренадерские батальоны (так называемые «эскадронированные» — Schwadronierte). Для этих целей существовали и отдельные гренадерские батальоны одинакового с пехотными штата (шесть рот).

С 1723 года в Пруссии формируются фузилерные полки. Вместо мушкетерских рот в них были введены фузилерные с тем же штатом. В фузилеры зачислялись более низкорослые солдаты, которые не подлежали приписке в мушкетерские и тем более в гренадерские роты и батальоны. Считалось, что фузилерные полки обладают меньшей боеспособностью, чем остальная пехота, поэтому в сражениях их обычно ставили во вторую линию или оставляли для прикрытия тыла и обоза. Даже тесаки и ружья у фузилеров были особого, облегченного образца. К моменту восшествия на престол Фридриха Великого эти отличия ушли в прошлое — теперь фузилерные полки ничем не отличались от прочей пехоты, за исключением некоторых особенностей обмундирования (фузилерных шапок).

Так, например, фузилерный полк принца Генриха Прусского (№ 35) был пожалован в шефство упомянутому принцу (младшему брату Фридриха) королем в 1740 году. Полк был развернут на основе части лейб-роты полка № 6 (Grenadier-Garde). В 1756 году полк стоял гарнизоном в Потсдаме, а во время Семилетней войны с отличием сражался под Прагой (только 2-й батальон), Бреслау, Лейтеном, Кунерсдорфом и Торгау. С 1763 года, после окончания военных действий, переведен для несения гарнизоной службы в крепость Шпандау, а затем — в Науэн. Полк ненадолго пережил своего шефа,

Фрунтовый мастеровой (сапер) гвардейского полка № 2 (1757 год). Мундир синий с красными воротом, фалдами, обшлагами и лацканами. Петлицы на лацканах и над обшлагами белые, пуговицы желтые. Жилет желтый, манишка белая. Гренадерка с золоченым налобником, на котором изображен черныи эмалевый орел. Околыш красный суконный с золотыми гренадами, тулья синяя. По краю околыша и швам тульи идет желтый галуш. Кисть красная с синей серединой. Штиблеты черные (повседневные). Патронная сумка на поясе черная с желтым вензелем. Топор с коричневым топорницею. Ремень патронной сумки и поясной ремень белые, ремень мушкета коричневый (как у всей пехоты). Перчатки замшевые. Фартук коричневый

умершего в 1793 году: в 1806-м, после капитуляции перед французами под Эрфуртом и Магдебургом, его распустили.

Стандартным цветом обмундирования прусской пехоты и драгун был синий. В правление Фридриха Вильгельма I полковые шефы имели полную свободу в выборе расцветки обмундирования, отчего в армии имелись полки в белых, красных и другого цвета мундирах. Фридрих же предельно ужесточил требования к единообразию униформы, благодаря чему полки стали различаться только в деталях — цвете приборного сукна, наличием и формой петлиц, лацканами, цвете и эмблематике гренадерских и фузилерных шапок, эмблемами на патронных сумках.

Прусские гренадеры с начала века носили знаменитые «сахарные головы»: высокие гренадерские шапки в виде суконного колпака с цветной шерстяной кистью наверху. Зубчатый околыш шапки изготовлялся из сукна либо металла, а ее передняя поверхность во всю высоту (до 28 сантиметров) закрывалась медным щитком, на котором размещалась различная эмблематика: королевский вензель «FR» («Friedericus rex» — «Король Фридрих»), изображение короны, прусский орел, эмблемы различных прусских владений, дополненные воинской арматурой, часто очень сложной. Цвет щитка (белый или желтый) соответствовал металлическому прибору, введенному для каждого полка. Солдаты и унтер-офицеры лейб-гренадерского батальона (в котором, как известно, некоторое время довелось послужить Михаилу Ломоносову) на щитке носили изображение вензеля, короны и восьмиконечной звезды ордена Черного орла. Гвардейские гренадеры отличались изображением орла, покрытым черной эмалью.

Учитывая то, что обмундирование всех полков изготовлялось в соответствии со вкусами их шефов, существовала масса вариантов эмблематики на головных уборах. По околышу также шли изображения различной военной символики, как правило, орлов или горящих гренад, иногда вместе со скрещенными знаменами. Расцветка кистей и выпушек на колпаках устанавливалась для каждого полка, цветовая гамма кисти совпадала с та-

Фузилер (слева) и унтер-офицер фузилерного полка принца Генриха Прусского (1757 год). Мундир синий с красными фалдами. Ворот, обшлага, погоны желтые. Галстук черный. Манжета, кожаная амуниция, снаряжение — как в остальной пехоте. Пуговицы белые. Жилет и панталоны желтые, штимлеты черные. Темляк у рядового белый, у унтер-офицера черно-белый. Фузилерная шапка с серебристым налобником. Тулья и околыш желтые. Орлы на околыше, накладные погоны на тулье, наверху и гренадка на куполе белого металла. У унтер-офицера погон только на левом плече, замшевые перчатки и алебарда с коричневым древком

ковой же на кистях мушкетерских шляп полка, в который входила гренадерская рота. Это сложное сооружение держалось на голове с помощью пропускавшейся под косу цепочки.

Солдаты и офицеры фузилерных полков и батальонов носили фузилерные шапки — укороченный (23 сантиметра) вариант гренадерки. Ее округлый или заостренный колпак вместо шерстяной кисти венчала металлическая горящая гренада или острие. Зубчатый околыш — суконный. По колпаку шапки шли металлические полосы, сходящиеся у гренады. В случае, если фузилерные части входили в состав гренадерского полка, расцветка колпака и околыша, а также мотив эмблематики на щитке, как правило, повторяли таковые на гренадерках.

Основу прически прусского солдата составляла коса длиной 27—30 сантиметров, завитая вокруг железного прута, оплетенного черной кожей. Над вис-

Гренадер пехотного полка герцога Фердинанда Брауншвейгского (1759 год). Синий мундир с красными фалдами. Ворот, обшлага, лацканы желтые. Пуговицы желтые. Петлицы под лацканами желтые. Галстук красный с белой каймой, манжета белая. Жилет и панталоны желтые. Штиблеты черные. Кожаная амуниция белая. Гренадерка с золоченым налобником. Околыш суконный голубой с золотыми гренадами. Тулья белая. По краю околыша и швам тульи идет красно-бело-красный галун. Кисть желтая с голубой серединой

ками завивалось по одному локону. Официально прическу салили и пудрили только перед богослужениями, парадными и смотрами (вопреки распространенному мнению). Кроме всего прочего, коса служила для защиты шеи и спины от сабельных ударов. Под косу пропускался удерживающий шляпу шнур (у гренадерок — цепочка). Основание офицерской косы украшалось «цопфкокардой» — бантом из черной шелковой ленты с бантом-розеткой. Все это сооружение носило общее название — «крысиный хвост».

Гренадеры имели нафабранные черной ваксой и лихо закрученные вверх усы (как признак своего элитного статуса), нижние чины мушкетерских рот и все офицеры брились.

Гренадеры, кроме высоких медных касок,

Гренадер лейб-батальона (1762 год). Мундир синий с красными воротом, обшлагами и фалдами. Обшлажные клапаны синие. Петлицы («шлейфы») на бортах и обшлагах, пуговицы — желтые. Жилет и штаны желтые, штиблеты белые (парадные). Обувь черная. Манжеты белая, галстук красный с белой каймой. Гренадерка с золоченым налобником. Околыш металлический золоченый, тулья красная. По краю околыша и швам тульи идет белая выпушка. Кисть белая с красной серединой. Вся кожаная амуниция белая. Патронная сума черная. Ранец овчинный с белыми ремнями. Темляк белый с красно-бело-красной гайкой

обладали еще одним отличием — так называемым «гренадерским» барабанным боем. Этот вид боя, как следует из названия, автоматически присваивался всем гренадерским полкам и батальонам. Мушкетерским же полкам гренадерский бой мог жаловаться королевским указом в качестве коллективного отличия, причем не только в военное время. В прочих европейских армиях, в том числе русской, в то время на полковые награды внимания почти не обращалось.

В лейб-гвардии числилось два полка пехоты, лейб-гренадерский батальон, лейб-драгунский полк и Жандармский (кирасирский) полк № 1. Все эти полки были сформированы еще при Великом курфюрсте Фридрихе Вильгельме и в правление его сына участвовали в знаменитой битве при Мальплаке. За время своего правления Фридрих II сформировал гвардейский кирасирский полк № 13 («Garde du Corps») и причислил к гвардии гусарский полк № 2.

Штаты гарнизонных полков соответствовали таковым у линейных пехотных полков. Инвалидный корпус (войсковая часть, где дослуживали свои сроки пожилые и увечные солдаты), состоял из 12 рот по 150 человек в каждой.

Кроме регулярных частей, в Пруссии к 1757 году были созданы довольно многочисленные отряды ополченцев: «вольные егеря» и «вольные гренадеры». В отличие от таких же кавалерийских частей, эти формирования зарекомендовали себя довольно хорошо, став, таким образом, зародышем будущих егерских частей, сформированных во всех армиях Европы к началу XIX века. Например, осаждавший во время Семилетней войны крепость Кольберг Румянцев был вынужден до четверти своей армии выделить на борьбу с многочисленными «вольными стрелками», постоянно тревожившими русские тылы.

Численность армии при вступлении на престол Фридриха II достигала 90 тысяч человек, призванных под ружье способом добровольной или насильственной вербовки (в основном крестьян). Принудительная вербовка стала настоящим бичом для населения страны: принцип «государство — это армия» проводился здесь

в жизнь с истинно германской последовательностью. Рыскавшие по Пруссии отряды вербовщиков могли забирать под королевские знамена первого же встречного представителя «низших сословий» — крестьянина или бюргера, в том случае, если его внешние данные (прежде всего рост) отвечали требованиям строевой службы.

Еще при Фридрихе Вильгельме I было установлено правило, что только рост ниже 168 сантиметров может гарантированно избавить человека от вербовки. Фридрих Великий еще более усовершенствовал это правило, введя специальный закон, по которому крестьянский двор переходил по наследству самому малолетнему из сыновей — все прочие должны были быть готовы встать в ряды армии.

Процедура вербовки проходила предельно просто: крестьянина, пришедшего добровольно или изловленного обманом или силой, угощали бесплатной кружкой пива «за счет Его величества» и объявляли ему, что следующую бесплатную выпивку он получит через 20 лет — при увольнении в запас по выслуге. Переодетые прусские вербовщики (их шефом был полковник Колинзон — француз на прусской службе) наводнили всю Германию. Во время Семилетней войны, когда Фридрих столкнулся с проблемой высоких потерь в рядовом составе, пруссаки придумали еще один метод вербовки — простодушным иностранцам предлагали патенты на чины лейтенантов или капитанов в том роде войск, куда только желала попасть будущий рекрут. Молодые люди с «офицерскими» патентами в кармане являлись в Магдебург, где их сразу же, без разбору, записывали в солдаты.

Как уже говорилось выше, прусская армия, как и армия Великобритании, отличалась наивысшим процентом наемников-иностранцев, в том числе представителей враждебных Пруссии государств — до 50 % личного состава. Среди рекрутов-иностранцев процент насильно завербованных также был весьма высоким. Например, при отце Фридриха между Пруссией и Англией едва не началась война, поскольку потерявшие всякое чувство меры прусские вербовщики проникали глубоко на территорию принадлежавшего Британии Ганновера

и тайно вывозили отсюда вновь завербованных солдат. В начале Семилетней войны Фридрих насильно зачислил в свои войска всю капитулировавшую перед ним саксонскую армию — случай, уникальный в мировой практике. Фельдмаршал Кейт писал, что в одной из рот, которую он инспектировал, из 120 солдат 90 прежде сражались в рядах других армий. Шведский граф де Гордт, поступивший на службу в прусскую армию в 1758 году, получил полк, практически на 100 % укомплектованный австрийскими военнопленными. Нехватка рекрутов при введенной системе вербовки приводила к «старению» личного состава: в 1759 году возраст почти половины прусских солдат перевалил за 30 лет, а многим было 50 или даже 60.

В армию в качестве наказания зачисляли преступников, в том числе осужденных за политические дела. Моральные качества прусской армии были весьма низкими: вследствие насильственной вербовки и жестокой палочной дисциплины процветало дезертирство. В целях предотвращения последнего специальными приказами запрещались ночные марши и расположение лагерем вблизи леса. При совершении марша через лес пехоту сопровождали специальные конные отряды.

Все эти меры, в особенности придание приоритета вербовке иностранцев, преследовали вполне логичную и верную цель: снижение бремени рекрутской повинности на занятое в экономике немногочисленное население Пруссии. Не стоит забывать, что эта страна в то время была очень небольшой как по размерам, так и по численности населения, безнадежно уступая в этом смысле не только России, но даже Австрии или Франции. Поддержание заведомо завышенной численности армии, способной вывести Пруссию на уровень ведущих европейских держав, могло вырвать из промышленности и сельского хозяйства слишком большое количество мужчин и стать непосильным бременем для государства.

Поэтому Фридрих, как и его отец, рассуждал верно: если прусский крестьянин все равно служит из-под палки, безо всякого патриотизма, без настоящей верности, то не лучше ли оставить его у сохи, а в строй поста-

вить иностранца или изловленного жандармами бродягу? Заставить его служить «усердно и исправно» — всего лишь дело техники, доведенной до уровня точной науки и сохраненной в течение всего правления Фридриха. Хотя во время Семилетней войны огромные потери регулярной армии заставили короля начать рекрутские наборы среди прусских крестьян, Фридрих и его генералы все равно оставались весьма низкого мнения о боевых качествах своих земляков. Поэтому после окончания войны несколько десятков тысяч крестьян были немедленно «деобилизованы».

Эти особенности комплектования и муштры сказывались даже на способе ведения боя. В частности, чисто прусским изобретением, перенятым затем Императором Всероссийским Павлом Петровичем и его сыновьями, стало введение строевой категории флигельманов и флигель-рот.

В каждом пехотном полку были сформированы две роты, получившие наименование «флигель-рот» (от немецкого *Flügel* — крыло). Они не входили в состав батальонов и становились на флангах полка, как бы окаймляя его. Во всех ротах батальонов фланговые получили статус «флигельманов». Керсновский совершенно справедливо комментировал это изобретение следующим образом: «В прусской армии все это имело свое основание. Пополняясь всяким сбродом, не имея никакого иного стимула, кроме капральской палки... прусская пехота нуждалась в отборных флигельманах, «сдавливавших» справа и слева свою роту, нуждалась и в флигель-ротах, своего рода тактических фухтелях*, заставлявших полк автоматически держаться указанного капральскими палками направления».

Большим недостатком Фридриха как полководца стала его боязнь преследования разбитого противника после нанесения ему решительного поражения, хотя полководец прекрасно понимал значение этого приема.

* Фухтель (*Fuchtel*) — специальная палка для наказаний — основное средство наказания за плохой строй и дисциплинарные провинности в прусской и русской армиях XVIII — начала XIX веков.

Просто король справедливо боялся, что его армия растает, так как дезертирует, только он бросится в погоню за противником и железный кордон флигельманов потеряет монолитность.

В принципе, эта ситуация не выглядит чем-то из ряда вон выходящим с точки зрения общего положения в европейских вооруженных силах того периода. Сходной была эта проблема и в России: так, в одном из лучших армейских полков петровской армии — Бутырском — с 1712 по 1721 год дезертировал 361 человек, т. е. за десять лет свыше четверти штатного состава. По словам Керсновского, «часто беглые «сносили» амундацию и оружие — фузеи, шпаги, иногда даже алебарды. Все это отнюдь не служило спокойствию на больших дорогах».

Офицерский же корпус состоял исключительно из дворян. Прусские генералы отличались дисциплиной и тренированностью, офицеры — отличной военной подготовкой. В начале правления Фридриха прусская армия располагала одним кадетским корпусом (в Берлине). После завершения Семилетней войны это военно-учебное заведение было расширено, а в дополнение к нему основано еще два: один в Штольпе (Померания), второй в Кульме (Восточная Пруссия). Кроме того, в Берлине открылась первая в стране военная академия для офицеров; король вышисал для нее отличных преподавателей из Франции.

Все полки регулярной прусской армии именовались по фамилиям своих полковых шефов (не командиров!), как правило — генералов и представителей высшей аристократии. Хотя полкам присваивалась сплошная нумерация по старшинству их формирования (№ 1, 2, 3 и т. д.), она применялась только для учета в штабах. Поэтому очень любопытно читать кое-где проскакивающие у наших писателей пассажи, вроде: «Клейста король считал одним из лучших своих командиров и даже сформировал особый полк его имени».

* * *

С точки зрения тактики действий пехоты король Пруссии обогатил военное искусство только одной,

но зато весьма важной новацией — знаменитым косым боевым порядком. Разрабатывая свой вариант господствовавшей тогда линейной тактики, Фридрих четко видел ее недостатки — громоздкость построений на поле боя и трудность, а зачастую невозможность управлять войсками в бою: длиннющие линии, движущиеся на врага медленным (чтобы, Боже упаси, не сломать строй и не разорвать фронт) «гусиным» шагом, не могли быстро перестраиваться, оперативно реагируя на изменения обстановки в сражении. Не собираясь отказываться от линейной тактики (да в первой половине XVIII столетия в этом еще и не было необходимости: суворовские и наполеоновские колонны и сопровождавшие эти принципиально новые построения тактические приемы появились без малого через полвека), прусский король поставил перед собой задачу добиться максимума в возможности управления войсками в бою через качественное повышение индивидуальной и коллективной выучки своих солдат.

До Фридриха II прусская армия также строилась двумя равномерными линиями и вела фронтальный огневой бой при минимуме маневра (в том числе и атакующего). Король Пруссии усложнил линейный боевой порядок путем усиления одного из своих крыльев дополнительной, третьей, линией и стал применять так называемую «косую атаку», изобретенную еще Эпаминондом. Он выбирал для первой атаки один из флангов неприятеля и направлял против него один из его флангов, охватывая боевое построение противника и держа в то же время остальную часть своих войск сзади. Таким образом, он не только получал преимущество, вытекающее из охвата фланга противника, но и мог разгромить превосходящими силами неприятельские войска, подвергшиеся атаке.

Массированное наступление на один из флангов противника проводилось несколькими эшелонами, причем батальоны, входившие в них, вступали в бой не одновременно, а последовательно, уступами — один за другим. Так, в знаменитой битве при Лейтене каждый гренадерский батальон шел в двадцати пяти метрах левее и сзади впереди идущего. Один из флангов усиливался

дополнительной линией, а выдвижение войск и атака производились под углом к боевому порядку противника. Косой боевой порядок стал заметным шагом вперед в развитии линейной тактики: даже Ф. Энгельс в своем фундаментальном труде «Армия» писал: «Это был действительно единственно мыслимый метод, при помощи которого возможно было, сохраняя линейную систему, создать решающий перевес в силах на любом участке вражеской боевой линии».

Итак, прусский король практиковал построение войск в форме, при которой батальоны располагались ступенями один за другим. Этот вариант линейного построения позволял наносить противнику серию последовательных все возрастающих по мощи ударов, так как в бой батальоны вступали не одновременно. Один фланг отодвигался от противника, а другой дополнительно усиливался и, напротив, выдвигался вперед с расчетом на охват фланга неприятеля.

Фронт прусской армии сознательно делался длиннее вражеского. Наполеоновский метод прорыва фронта врага в узком месте колоннами и свое время, разумеется, разом покончил с этой тактикой, но... до эпохи Наполеона оставалось еще полвека. Косой боевой порядок утратил свое значение только в конце XVIII века, когда войска революционной Франции приняли глубокие построения — сочетания колонн с рассыпным строем стрелков. Применение косою порядка прусской армией в Йена-Ауэрштедтском сражении 1806 года против французов, действовавших в глубоком боевом порядке, привело ее к беспримерно тяжелому поражению.

Усиленное отборными войсками (кирасирами в кавалерии и гренадерами в пехоте) и артиллерией крыло превращалось в атакующее. Двигаясь на противника «косой атакой», пруссаки стремились охватить его с фланга. При атаке сильным крылом более слабого фланга неприятеля последний не мог оказать атакующему участку помощи, поскольку его основные силы были прикованы к своему месту линейным построением. Кроме того, такой боевой порядок обеспечивал безопасность слабого фланга и не давал возможности противнику, в свою очередь, охватить его: вражеским вой-

скам потребовалось бы слишком много времени, чтобы придвинуться к слабейшему участку прусского построения и зайти ему во фланг и тыл, в то время как их самих уже крошила пехота и конница Фридриха. При этом король, в отличие от своих современников, не считал обязательной или даже желательной непрерывность линии своих боевых порядков. Были случаи, когда он разделял войска на две действующие независимо друг от друга части, одной из которых охватывал фланг противника. «С армией в 30 000 человек, — писал Фридрих, — можно победить, 100 000, если взять их во фланг».

Сам Фридрих так описал этот метод в своих «Инструкциях на случай боя» от 1742 и 1744 годов:

«1. Когда атакуют неприятеля, то атаку исполнять одним из флангов армии. Для осуществления этого нужно наступать несколько косвенно, что означает, что находящийся на фланге полк атакует несколько ранее, нежели полк, стоящий с ним рядом, и также остальные, последовательно один за другим; однако это должно делаться почти незаметно, чтобы полки быстро атаковали один вслед за другим».

Но сам по себе удар по флангу неприятеля косым боевым порядком мог и не дать эффекта, если полководец не сумел подготовить атаку и внезапно для неприятеля перебросить войска с другого фланга. Именно в искусстве нанесения мощного удара превосходящими на данном направлении силами с последующим охватом атакемого фланга неприятеля и состоял секрет косою боевого порядка.

Фридриху не раз с успехом удавалось применить на поле боя это тактическое оружие, используя высокую маневренность и тактическую выучку своих войск. Но, например, в Кунерсдорфском сражении его постигла неудача, в основном связанная с особенностями рельефа местности — и это стало, пожалуй, единственным крупным поражением короля, вытекавшим из его неверной оценки характеристик поля сражения.

Фридрих II вообще придавал огромное значение годам своей позиции и оценке возможных недостатков в расположении противника. Например, при Цорндор-

фе и Кунерсдорфе он молниеносно обходил русские войска, зарывшиеся в шанцах, на любом направлении, делал глубокие обходы с флангов и тыла, заставляя противника оборачивать фронт кругом и превращая тем самым выгоды неприятельской позиции в чрезвычайно опасные для русских войск факторы. То же было при Росбахе, Лейтене и других битвах. Король писал, что «*Coup d'oeil* (в переводе с французского — глазомер. — Ю. Н.) генерала — это качество, позволяющее великому полководцу мгновенно постигать характеристики любой местности и извлекать из нее выгоду для себя и своей армии».

Интересно, что еще до начала Семилетней войны король испробовал все свои разработки на ежегодных больших маневрах близ Потсдама. Особенно знаменитыми стали маневры в окрестностях Шпандау (в 1753 году), куда съехались многие коронованные особы и были созваны все прусские генералы и штаб-офицеры. На маневрах Фридрих в оригинале продемонстрировал своим приближенным придуманные им стратегические и тактические новшества. Однако с целью сохранения тайны, он строжайше запретил доступ на маневры всем посторонним, включая упомянутых коронованных особ.

По этому поводу Кони пишет: «Это еще более увеличило число любопытных и возбудило даже беспокойство при некоторых дворах, которые полагали, что под видом маневров Фридрих готовится к каким-то враждебным действиям. Чтобы успокоить умы и удовлетворить любопытных, Фридрих издал описание своих маневров и умышленно наполнил его всеми возможными несообразностями и нелепостями. Немногие поняли остроумную шутку короля; а большая часть тактиков стали ломать голову над этой галиматеей, как над результатом глубокомысленных соображений и военной опытности».

Невзирая на подобные исторические анекдоты, на деле эффективность всех этих нововведений оказалась такой, какой не видели со времен Александра Македонского: прусские соединения, большие и малые, могли менять направление движения или разворачи-

вать фронт мгновенно, они быстро передвигались и атаковали на любой местности и в любых условиях.

Вот в этом-то и заключалась главная причина побед Фридриха: линейная тактика в исполнении прусской армии была поднята на такую высоту, какой никогда не сумели достичь его основные противники — австрийцы и французы. В этом же заключалась причина необходимости вновь и вновь совершенствовать строевую выучку солдат, особенно в пехоте.

Прусская пехота была идеально тщательна в своих маневрах, к чему следует добавить еще и скорость, и маневренность на поле боя — качества, совершенно неизвестные инфантерии других стран Западной Европы. Это достигалось дорогой ценой — система воспитания и обучения прусской армии основывалась на принципе выработки у солдата механических действий. К великодушным ударным качествам пруссаков нужно добавить и их железную стойкость в обороне. Зажатые с обеих сторон отборными флигель-ротами, прусские солдаты дрались до последнего: раненым запрещалось покидать строй до конца сражения, офицеры несли персональную ответственность за удержание позиции (в случае ее оставления без приказа командир батальона отдавался в руки военного суда с практически неизбежным приговором — расстрел перед строем).

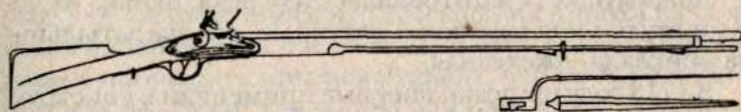
Механическое исполнение всевозможных военных приемов достигалось при помощи строжайшей палочной дисциплины. Унтер-офицеры (как в пехоте, так и в кавалерии) были вооружены палкой и избивали солдат за малейшие ошибки. Фридрих II добивался, чтобы солдат боялся больше капральской палки, чем пули врага, и частенько лично присутствовал при исполнении телесных наказаний в армии. Прусская военная система основывалась на категорическом требовании «Не рассуждать!». «От офицера до последнего рядового, — приказывал король, — никто не должен рассуждать, но лишь исполнять то, что приказано» (это требование не распространялось в полной мере только на старших генералов). Справедливости ради необходимо отметить, что подобное было характерно для любой армии этого периода, однако пруссаки зашли наиболее далеко в его

насаждении, действительно создав из своих солдат настоящие автоматы в современном понимании этого слова — не думающие, не рассуждающие, не реагирующие ни на что, кроме хриплой ругани капралов. По уставу в прусской армии палку имели все, кроме солдат.

Система муштры и мелочной регламентации началась уже в ходе обучения рекрута строевой подготовке. При строевой стойке солдат должен был как можно более сжимать колени, вбирать в себя живот, выпячивать грудь и подавать всю тяжесть тела на носки. На парадах прусская пехота ходила ставшим впоследствии знаменитым «журавлиным шагом», отработавшимся в несколько «темпов». Все движения при строевом шаге были плавны и медленны (75 шагов в минуту).

Во всем этом (и только в этом), собственно, и заключалась главная и единственная причина на первый взгляд необъяснимой любви прусских командиров к широко известной «шагистике» и строевым занятиям. Страстно ругая пресловутый «потсдамский Drill», ни один из наших историков до сих пор не дал себе труда задуматься — а зачем, собственно, пруссакам было необходимо превращать свои полки и батальоны в идеально марширующие и маневрирующие автоматы? Только из любви к шагистике? Как видим, отнюдь нет.

Французы, австрийцы, да, в общем-то, и русские отнюдь не превосходили пруссаков в тактическом отношении: основная причина немногочисленных, хотя и громких побед елизаветинской армии в Семилетнюю войну основывалась на превосходных моральных качествах солдат и офицеров, способных выдержать первые мощные удары противника. Все крупные сражения между русскими и прусскими войсками, по сути, развивались по одной схеме: первые атаки Фридриха II встречали упорное, но пассивное сопротивление наших войск, за редким исключением намертво, практически не маневрируя, стоявших на одной и той же позиции. Пруссаки (всегда существенно уступавшие в численности), перестраиваясь, заходя с флангов и постоянно нацупывая слабое место в обороне русских, постепенно выдыхались, после чего последние переходили в общее фронтальное контрнаступление. Тактическое же каче-

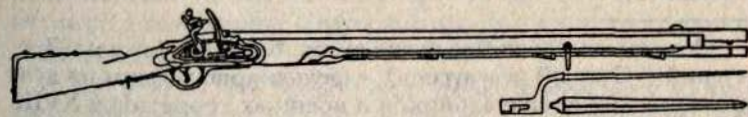

Прусский пехотный мушкет образца 1780 года

ство действий русских войск на поле боя отнюдь не превосходило таковое у противника и было вполне в духе столь презируемой нашими историками линейной тактики, причем весьма примитивного образца.

Несмотря на агрессивный и ярко выраженный наступательный характер ведения боя, Фридрих все же не смог в полной мере отказаться от приоритета залповой стрельбы перед рукопашным боем (по крайней мере, в пехоте). Уставы требовали от войск вступления в непосредственный контакт с противником по возможности только после того, как его боевые порядки будут серьезно расстроены ружейно-артиллерийским огнем.

На протяжении первой половины столетия в Пруссии постоянно технически совершенствовалось огнестрельное оружие пехоты — дульнозарядный кремневый мушкет. В начальный период правления Фридриха в армии еще использовались старые мушкеты обр. 1701—1713 гг. Более совершенные ружья обр. 1750 г. имели калибр 17,67 мм, длину 114 см, весили 5,24 кг. Более поздний мушкет, принятый на вооружение в последние годы жизни Фридриха (1780—1782 гг.), калибром 17,71 мм, имел длину 1,45 м (со штыком — 1,85 м) и весил 5 кг (5,36 кг со штыком). Оба варианта мушкета имели гладкие, без нарезок каналы ствола, заряжались с дула с помощью шомпола 11 граммами черного пороха и стреляли 31-граммовой пулей на дистанцию 220—300 метров.

Прусский пехотный мушкет образца 1782 года

Ложа мушкета изготовлялась из ореха, оковка на ложе и втулки под шомпол — латунные, оковка затыльника приклада — железная.

В 1718 году пруссаки впервые применили в конструкции мушкета металлический шомпол, более удобный и прочный, чем деревянный. Это, казалось бы, небольшое нововведение стало поистине революционным: применявшимся до того деревянным шомполом еще можно было забить в ствол заряд, но «во время фехтования ружьем, особенно против холодного оружия, деревянное ложе вместе с шомполом мгновенно приходило в негодность. Солдаты старались подставлять под удар ствол, но это резко ограничивало возможность действия штыком.

Первым применил металлический шомпол Леопольд Дессауский*, и он сразу был введен в прусской армии Фридрихом Вильгельмом I. Ружья с таким шомполом пруссаки использовали в бою с австрийцами при Мольвице». Чтобы железо не царапало канал ствола, шомпол получил медные законцовки с обеих сторон.

Затем пруссаки изменили систему воспламенения заряда, изготовив отверстие для запала воронкообразным. Это позволило сделать мушкет значительно более удобным в обращении и тем самым существенно повысить скорострельность оружия. Суть нововведения заключалась в том, что после заряжания надорванного бумажного патрона в ствол и его досылки шомполом часть пороха сама высыпалась на зарядную полку через воронкообразное отверстие. Солдат просто закрывал полку крышкой и взводил курок, после чего мог открывать огонь. Ружья других армий требовали заранее отсыпать часть пороха из патрона на полку, затем закрыть ее и только потом положить патрон в дуло, что значительно замедляло процесс заряжания и, следовательно, скорострельность оружия. На практике, правда, отвер-

* Уже упоминавшийся выше князь Леопольд Ангальт-Дессауский («Старый дессаусец») — фельдмаршал, один из лучших прусских военачальников и военных теоретиков XVIII века, главнокомандующий армией при Фридрихе Вильгельме I.

стие для «автоматического» высыпания пороха на полку могло забиваться нагаром. При этом солдату приходилось прочищать запальный канал, что занимало много времени. Несмотря на это, нововведение оказалось столь удобным, что прусские ружья вплоть до начала XIX века заслуженно считались лучшими в Европе*.

Наконец, сам Фридрих Великий лично разработал усовершенствованный тип патронного мушкетного заряда, что в комплексе позволило прусской пехоте вести огонь в два раза интенсивнее, чем армиям ее противников. Эти технические усовершенствования дополнялись еще одной неприятной неожиданностью для врага — залповый огонь взводов был заменен «перекидным» навесным огнем более крупных частей (через головы солдат передней линии). Особенное внимание обращалось на быстроту заряжания и отчетливость приемов при этом. Если солдат ронял патрон, то его тут же перед строем нещадно били палкой или фухтелем.

В большинстве отечественных источников все это ставится в крупный упрек пруссакам — Фридрих II, доведший «автоматическую выучку своих войск до крайней степени совершенства и превративший свои батальоны в машины для стрельбы», а также изобретший применительно к своим войскам термин «производство огня», представляется исследователям чем-то достойным критики.

Особенно это любят вспоминать, говоря о «пруссачине», перенятой в русской армии при Петре III и Павле I. Опуская действительные отрицательные стороны «пропруссских» нововведений этих императоров (подробнее я скажу об этом ниже, здесь замечу лишь, что сами пруссаки едва ли ответственны за это), возражу лишь по одному из направлений подобной критики. Многие, если не все наши историки, как одну из главных отрицательных черт «пруссачины» выделяют «чрезмер-

* Интересно, что боевой подготовке армии мешали многие старые законы Пруссии: например, с середины XVII века в Бранденбурге были запрещены учебные стрельбы, чтобы... не пугать женщин, находящихся в «интересном положении».

ное усложнение обучения рекрутов, стрельбы, маневров и т. д.» в комплексе с излишне суровыми наказаниями солдат за допущенные ошибки.

Так, у Керсновского (пишет о «скопированном у пруссаков» Уставе 1755 года) это звучит следующим образом: «Команды были лихие, «с замиранием сердца», но многочисленные и часто походили на монологи. Для заряжания, приклада и выстрела требовалась, например, подача тридцати особых команд — «темпов» («пли!», например, лишь на двадцать восьмом темпе, а на тридцатом ружье бралось «на погребение»). Поскольку Устав 1755 года наречен «пропрусским», следовательно, читателю предлагают сделать вывод, что в Пруссии ситуация была такой же. Однако на самом деле все обстояло совершенно по-иному.

Действительно, со стороны обучение солдат в Пруссии кажется чрезвычайно усложненным. При их обучении заряжанию и производству выстрела команды подавались в «тридцать» темпов. Об этом, как уже говорил, пишут все наши историки. Однако никто из них почему-то не упоминает, что эти «монологи» произносились только при обучении вновь поступивших в полки «от сохи» рекрутов, впервые увидевших мушкет. Уже после определенного «рекрутского стажа» количество команд сокращалось до одиннадцати: «Оружие вверх!»; «Взведи курок!»; «Целься!»; «Огонь!»; «Курок на свое место!»; «Достань патрон!»; «Открой (скуси) патрон!»; «Патрон в ствол!»; «Достань шомпол!»; «Досылай патрон!»; «Шомпол на свое место!».

На практике же при тренировках с уже обученными солдатами и особенно в бою командиры подавали всего три команды «Взвод, готовься! Целься! Пли!». Кроме того, в бою, в грохоте стрельбы и эти приказы сокращались до возгласов «Zug-An-Ziel-Feuer!». Упоминания об этом вы не найдете ни в одном русскоязычном источнике. Да и подумайте сами — совместимы ли подачи команд в 30 или хотя бы 11 «темпов» с фридриховским требованием «каждому солдату выпускать шесть пуль в минуту с седьмой в стволе»?

Правда, и это наши историки умудрились поставить пруссакам в укор. Тот же Керсновский красочно описы-

вает, как «быстро, бешено, отчаянно и... безрезультатно палила оробевшая прусская пехота в тот навеки славный момент, когда на нее по трупам зейдлицких кирасир пошли в штыки кареи Салтыкова». Предполагается, что быстрая стрельба — это стрельба всегда неточная. Однако Фридрих требовал не только быстрого, но и прицельного огня, выразив это в лаконичной формуле: «Стрелять, только когда станут видны белки глаз противника».

Впрочем, так ли уж «безрезультатно» стреляли пруссаки? После Кунерсдорфа русские недосчитались полотины армии. Уже через месяц после этого, как живописует официальная отечественная историография, «полного разгрома» пруссаков Салтыком всячески уклоняется от новой встречи с Фридрихом при равных с ним силах (Керсновский: «...рисковать и этими войсками за 500 верст от своей базы он считал нецелесообразным»).

Откровенно говоря, в батальон, стоящий в сомкнутом строю на дистанции 100–200 метров от тебя, промахнуться трудно, разве что стреляешь прямо вверх. На сближении же, когда «видны белки глаз», прицеливаться вроде бы и вовсе незачем. Напротив, темп огня на этом этапе боя приобретает единственно важное значение. При этом пруссаки широко применяли рассыпную цепь застрельщиков (конных и пеших), которые вели прицельную стрельбу из нарезных карабинов по офицерам, канонирам и т. д., не заботясь о темпе — вполне в духе Суворова и Румянцева.

Кроме того, в Пруссии впервые возник совершенно новый вид пехоты — егеря. Впервые наименование «егерь» появилось здесь еще во время Тридцатилетней войны 1618–1648 годов. С 1674 года в армии Бранден-

Прусский егерский штуцер образца 1755 года

бургского курфюршества егерями в каждой роте назывались отличные стрелки. В середине XVIII века в прусской армии были созданы специальные команды стрелков-егерей из бывших лесничих. Как легкая пехота егеря получили распространение во время Семилетней войны в прусской, а затем австрийской и французской армиях.

Егеря вооружались нарезными штуцерами, прицельно бившими на 300—400 метров, «охотничьими» кортиками с плоским длинным лезвием, выполнявшими также роль штыка, и ножами. Действовали они рассыпным строем, вели прицельный огонь; использовались для поддержки кавалерии, охвата и обхода противника, а также прикрытия своих флангов. Особый характер действий егерей подчеркивало и их обмундирование — единственные во всей армии они носили светло-зеленые мундиры с минимумом блестящих деталей и черные ремни амуниции, что позволяло достаточно хорошо маскироваться в лесах и кустарнике. Впоследствии, через несколько лет после Семилетней войны, такую цветовую гамму приняли егеря России, Речи Посполитой, множества германских государств и английские «шарпшутеры».

В Семилетнюю войну хорошо себя зарекомендовали и стрелки иррегулярных ландверных формирований. Вообще прусский ландвер попортил врагу много крови (особенно русским). Здесь стоит упомянуть о том, что до начала войны большинство союзных командующих не верили в возможность организации пруссаками широкомасштабной партизанской войны. Это связывалось прежде всего с тем, что Пруссия как государство сформировалось недавно и его население не было связано с властями идеей патриотизма. В ряде случаев этот расчет оправдался: в Восточной Пруссии население и городские чиновники активно сотрудничали с обласкавшими их русскими. В Силезии местные католики также в целом лояльно относились к австрийцам.

Однако в Померании, залитой кровью по приказу русского главнокомандующего Фермора, все население, как один человек, поднялось на вооруженную борьбу. Где не хватало казенных мушкетов, бюргеры и крестьяне брались за

охотничьи ружья, вилы и топоры, объединялись в мелкие группы и крупные отряды, нападая на русские кавалерийские разъезды, фуражиров и просто мародеров. В итоге во время осады Кольберга в 1761 году Румянцев был вынужден использовать для усмирения ожесточенной партизанской войны в своем тылу до трети легкой кавалерии — под ногами у русских буквально горела земля. Опыт действий ландвера в 1757—1761 годах впоследствии очень пригодился пруссакам во время войны за освобождение от Наполеона в 1813—1814 годах: тогда из добровольцев-ландверманов состояло больше половины всех наличных сил армии.

В русской же армии первый батальон егерского типа был сформирован П. А. Румянцевым* в 1761 году при осаде крепости Кольберг. Анализ действий прусских егерей привел к тому, что уже к русско-турецкой войне 1768—1774 годов все пехотные полки российской армии имели команды егерей. Румянцев перенял идею создания егерских частей именно у пруссаков, особенно сильно претерпев от прицельного огня нерегулярных «вольных егерей» в кампании 1761 года (тоже ведь «пруссачина», не так ли?).

Вообще Румянцев, как это ни странно и как ни мало известно сейчас в России, был большим поклонником Фридриха. Начнем с того, что он вполне разделял мнение Фридриха по части физических наказаний (как пишет Керсновский, «Румянцев признавал, правда в исключительных случаях, воспитательное значение телесных наказаний, но и не был таким их энтузиастом, как Фридрих в Пруссии, Сен-Жермен во Франции и пресловутые «патентованные умы» XVIII века»). Кроме того, граф Задунайский был ярым сторонником формы прусского покроя: когда в 80-е годы в русской армии проводилась «потемкинская» реформа обмундирова-

* Румянцев Петр Александрович (1725—1796) — русский генерал-фельдмаршал. В Семилетнюю войну командовал бригадой под Гросс-Егерсдорфом, дивизией под Кунерсдорфом, корпусом под Кольбергом. В 1764—1796 годах генерал-губернатор Малороссии, успешно сражался против турок. В 1775 году титулован «графом Задунайским».

ния, совершенно изменившая внешний вид войск в сторону удешевления и упрощения формы, Южной армии Румянцева это совершенно не коснулось. Напротив, пользуясь своим правом командующего, он еще более привел свои части в соответствие прусским стандартам. Румянцев был и сторонником Петра III. Не удивительно, что после свержения императора Екатерины II заменила Румянцева на посту командира корпуса в Померании графом Паниным и отозвала его в Россию. Закономерно также, что в последние годы жизни Фридриха Румянцев лично сопровождал с визитом в Пруссию наследника Павла Петровича. При этом «весь прусский генеральный штаб явился к Румянцеву со шляпами в руках и старый корольлично командовал для него на потсдамском поле маневрами, представлявшими катульскую баталию».

«Производство огня» прусской пехотой реально имело только одну отрицательную черту: 25–30 патронов в солдатских лялунках при ведении даже короткого огневого боя быстро заканчивались. После этого пехотинцам приходилось полагаться только на штыки.

Однако, в отличие от пехоты прочих западноевропейских армий, огневой бой признавался Фридрихом только как мера, предваряющая решительную штыковую атаку врага. Как я уже говорил, король прусский предписывал открывать огонь только на самой короткой дистанции («пока не станут видны белки глаз»). Кинжальный залп в упор с немедленным переходом к рукопашному бою — вот был стиль наступательного боя пруссаков, в общем-то вполне «суворовский» по своему духу. В обороне же (в некоторых случаях и в наступлении) они старались, оставаясь на месте, развить огонь предельной интенсивности — развернутым строем, с максимальной скорострельностью с целью «расшатать» боевые порядки неприятеля.

Пруссаки всегда и во всех случаях принимали штыковой бой или хотя бы стремились завязать его. В одном из своих наставлений король прямо требовал «решительно атаковать штыками врага, чей боевой порядок расшатан огнем боем». Ни одна армия Европы на протяжении Семилетней войны, кроме русской, не мог-

ла выдержать косой штыковой атаки прусских гренадер и, как правило, «показывала спину». А если фридриховские подражатели из Петербурга не заметили не только преимущества своей собственной армии, но даже неверно оценили наследие самого Фридриха, сведя всю его многогранную школу к «шагистике» и «производству огня», то за это «Старый Фриц» уж никак не может нести ответственность.

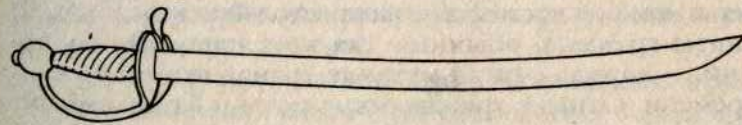
Кроме введения уже упоминавшихся стальных шомполов, пруссаки придумали еще ряд усовершенствований для ведения штыкового боя. Прусские штыки, трех- или четырехгранные, длиной от 40 (в начале века) до 70 (во фридриховскую эпоху) сантиметров, имели пружинную защелку на трубке, которая насаживалась на ствол. Это обеспечивало отличную фиксацию оружия и в то время не имело аналогов ни в одной армии Европы.

Поскольку об огнестрельном оружии пехоты я уже сказал выше, сейчас хотелось бы остановиться на описании холодного оружия, тем более, что в прусской армии оно отличалось большим разнообразием.

Пехотный тесак с изогнутым лезвием имел простой латунный эфес с гардой. Ножны нечерненой кожи, с медным устьем и крючком (такие же использовались для штыка). К рукояти тесака крепился белый шерстяной кожаный темляк с кистью. Часто в его отделке (гайкы, кисть) присутствовали полковые цвета.

Офицерскую шпагу носили в деревянных ножнах, обтянутых коричневой кожей, с позолоченным медным устьем и прочими элементами отделки. Рукоять позолоченная. Темляк — из серебристой или золотистой (по прибору) нити.

Все холодное оружие (тесаки и шпаги) подвешивалось к лопастям (большая — для тесака или офицерской

Пехотный тесак. Ок. 1740 года

Эфес пехотной
офицерской
шпаги

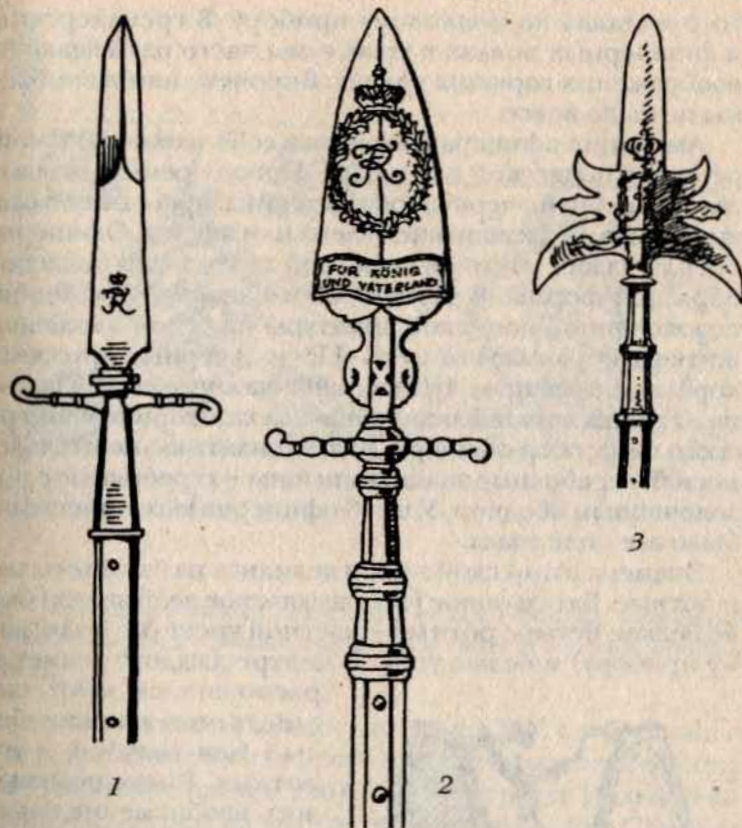
шпаги, малая — для ножен штыка у солдат) поясного ремня с помощью продевавшегося в специальное отверстие крючка. Темляк подвязывался под головку эфеса, затем спускался к чашке, обвивая дужку.

Офицеры пехоты носили эспонтоны — древковое оружие с широким лезвием, нечто среднее между копьем и алебардой. Унтер-офицеры (кроме гренадерских) на вооружении имели алебарды, фельдфебели — протазаны, сходные по внешнему виду с офицерскими эспонтонами, но более простые в исполнении. В рукопашном бою весь этот средневековый антураж не имел существенного боевого значения, но такова была общеевропейская традиция, а кроме того, солдаты в ходе сражения всегда видели, где находятся командиры.

Лезвие эспонтона украшалось выбитым коронованным вензелем в лавровом венке или прусским гербом. Лезвие унтер-офицерской алебарды имело такой же мотив, но более простой по рисунку. Древко эспонтона — черное, алебарды — некрашеного дерева.

Амуниция пехотинца состояла из поясного ремня с широкой медной пряжкой (носился под мундиром поверх камзола), патронной сумы на широком ремне (через левое плечо). К поясному ремню подвешивались тесак и ножны штыка. Через правое плечо надевалась солдатская походная сумка (шила из коричневой овчины мехом наружу и застегивалась на две шлейки). На отдельном ремешке, также через правое плечо, носили луженую жестяную флягу. Вся кожаная амуниция — лосиной кожи, беленая мелом под лак.

Следует отметить, что с вооружения прусских гренадер к моменту восшествия на престол Фридриха II были сияты гранаты, обычные для всех европейских армий, — король считал метание гранат пустой тратой времени. Отныне гренадерские роты и батальоны использовались только для нанесения решительного штыкового удара. Таким образом, с ружейных перевязей

1 — алебарда каптенармуса пехоты; 2 — офицерский эспонтон; 3 — прусская унтер-офицерская алебарда времен Фридриха II

гренадер исчезли и дырчатые жестяные футляры с огнивом для разжигания гранатного фитиля.

Погонный ремень ружья, огнивный чехол и чехол на ружейный замок делались из юфти и в гвардии лакировались красной краской.

Патронная сума — черной кожи. На ее крышке в разных полках носили различную эмблематику — королевский вензель с короной, прусский герб или эмблему полка. Отделка сумы изготовлялась из белого или жел-

того металла по полковому прибору. В гренадерских и фузилерных полках в углах сумы часто размещались изображения горящих гренад. Впрочем, иногда эмблемы не было вовсе.

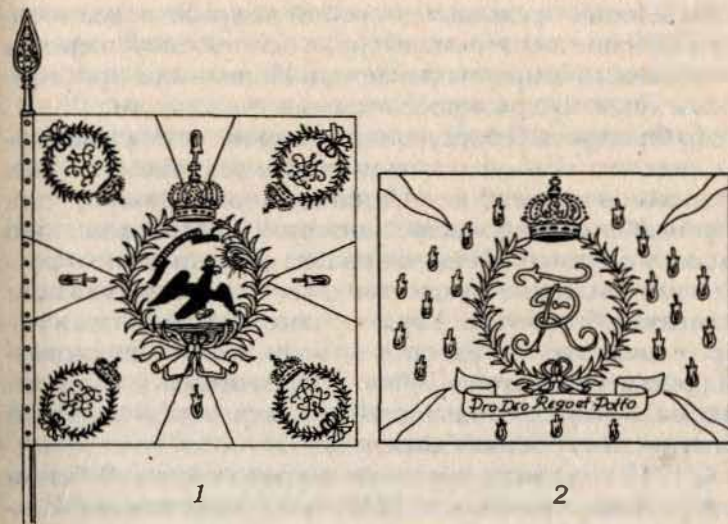
Амуниция офицера включала в себя только поясной ремень с подвеской для шпаги. Поверх ремня повязывался серебристо-черный офицерский шарф с пышными кистями, выпускавшимися влево или вперед. Офицеры носили на шее на синей шелковой ленте знаки подковообразной формы. В центре такого знака в окружении позолоченной воинской арматуры на белом эмалевом щитке изображался вензель «FR» или черный прусский коронованный орел. Щиток венчала королевская корона. Отделка деталей знака означала категорию офицерского чина: обер-офицеры до лейтенанта включительно носили серебряные знаки, капитаны — серебряные с позолоченным ободком. У штаб-офицеров вызолоченным было все поле знака.

Знамена в прусской армии делились на батальонные и ротные. Батальонное (так называемое лейб-знамя) было белым; четыре ротных — цветной крест (по полковому прибору) и белые углы. В центре каждого знамени располагался круг:

Нагрудный знак прусского обер-офицера. Являлся элементом униформы и знаком различия. Ок. 1740 года

спинный на лейб-знамени, белый или голубой — на ротных. В нем помещалось изображение парящего над морем черного орла с золотыми клювом, лапами и короной. Орел тянулся клювом к изображенному в правом верхнем секторе круга золотому солнцу. Эта странная эмблема пришла еще от Фридриха I, при котором изображение дополнялось девизом по-французски: «Он не боится солнца» (намек на фран-

1 — «цветное» знамя пехотного полка (образца Фридриха Вильгельма I); 2 — знамя гарнизонного полка (образца Фридриха II)

цузского «короля-солнце» Людовика XIV, с агрессивными устремлениями которого пруссаки боролись в войне за Испанское наследство). При Фридрихе Вильгельме девиз заменили на латинскую надпись: «Pro Gloria et Patria» («За славу и Родину») — она писалась золотом на синей ленте, вившейся выше и левее орла.

Круг окаймлялся золотой вышивкой в виде лаврового венка; иногда шитье имело красную шелковую окантовку каждой детали. Наверху размещалось вышитое изображение золотой королевской короны с цветной шелковой отделкой (алая подкладка, синие «камни»). В ряде полков углов на полотнище не было.

На четырех лопастях креста размещались золотистые изображения горящих гренад, пламенем обращенных к центру. В углах внутри увенчанных коронами небольших лавровых венков находился королевский вензель — все это вышивалось золотом и цветным шелком.

Навершие представляло собой ажурное позолоченное копыце с вензелем внутри; к основанию навершия подвязывались орденские ленты. Полотнище прибивалось к черному древцу золочеными гвоздиками.

До Фридриха II батальонные знамена шились из тафты, являлись обычным амуничным имуществом и подлежали замене через 5 лет. Однако, упрощая покрой униформы, Фридрих большое внимание уделял украшению полковых знамен. Именно при нем окончательно оформился статус знамени как символа полка; знамена стали храниться бессрочно. Утрата знамени становилась позором; полк или батальон, лишившийся знамен, подлежал раскассированию. В бою все знамена под охраной специальной команды размещались одной группой в центре построения батальона.

С 1745 года знамена стали шить из шелка. В белом центральном круге после 1740 года поместили несколько измененное изображение коронованного черного орла со скипетром и перунами (молниями) в лапах. Девиз «За славу и Родину» стал стнардартным.

Такой стиль боевых знамен был характерен для прусской, а затем германской армий, а со времен Павла Петровича — и российской армии до 1917—1918 годов.

* * *

Наконец, Фридрих II стал основателем системы военного обеспечения и снабжения. Прусские пехотинцы носили в своих ранцах сухой паек из расчета на три дня, восьмидневный запас хлеба в полковых повозках. Месячный запас продовольствия находился в армейских обозах. Кроме всего, отлично организованная транспортная система Пруссии позволяла армии в случае необходимости быстро перейти ее границы и даже вовсе покинуть страну.

Поличным расчетам короля, на армию в 50 тысяч человек полагалось 1800 возов с довольствием, что обеспечивало запас провианта на 18 дней. В ездовых экипажах при этом обозе числилось 8000 лошадей; еще 4000 использовались для перевозки раненых и артиллерии. Это правило соблюдалось неукоснительно; ни один офицер или генерал не имел нрава держать при себе

лишние экипажи и отвлекать ездовых лошадей от нужд армии. Даже после тяжелейших поражений 1759 года пруссакам удалось содержать при главной армии (именно 50 тысяч человек) около 15 тысяч лошадей, что более чем удовлетворяло ее потребности (при более чем скудных ресурсах страны).

Провиантская система всегда находилась под особым контролем Фридриха. Он говорил: «Когда хочешь построить армию, начинай прежде всего с желудка; в войне целые пации переходят с места на место; с каждым днем рождаются у них новые потребности, которые ежедневно нужно удовлетворять, и гораздо труднее защитить армию от голода, чем от неприятеля. Поэтому в выборе провиантских и коммерсантских чиновников надо быть очень осмотрительным: если они воры и мошенники, государство много теряет».

Размышляя в своих трудах о роли монарха-полководца в армии, король прусский и здесь не обошел вопросы снабжения: «Этого требуют его польза, его долг и слава! — писал он. — Как в мирное время глава правосудия, так в военное он должен быть защитником и хранителем своего народа; а это столь важная обязанность, что он никому не может ее доверить, кроме самого себя. Когда он сам при войске, распоряжения и исполнения идут рука об руку с величайшей быстротой. Между военачальниками не может быть несогласий, а они имеют часто самое пагубное влияние на войска, кроме того, личный его присмотр водворяет порядок при устройстве магазинов, в системах продовольствия и амуниции; без которых и сам Цезарь, во главе 100 тысяч солдат, ничего бы не сделал. Присутствие государя оживляет дух войска и внушает солдатам доверие и смелость».

Особенно провиантская система развилась после Семилетней войны: практически каждый город Пруссии имел по нескольку десятков магазинов, доверху забитых хлебом. Хотя многие считали эту меру ненужной и обременительной для страны, королевские магазины сослужили хорошую службу не только армии: в 1771—1772 годах они спасли страну от последствий страшного неурожая, в то время как остальные государства Европы поразил сильнейший голод. При этом пруссаки,

обеспечив продовольствием себя, еще и изрядно «нагрели руки» на торговле зерном со своими соседями, оказавшимися не столь предусмотрительными.

Анализируя стратегию и тактику Фридриха II, знаменитый военный теоретик XIX века Карл фон Клаузевиц писал: «Бросим теперь взгляд на историю, остановимся на кампании Фридриха Великого 1760 г., прославленной блестящими маршами и маневрами, подлинном произведении искусства стратегического мастерства... Раньше всего... мы должны удивляться мудрости короля, который... располагая только ограниченными средствами, никогда не брался за дела, не отвечающие этим средствам, но предпринимал ровно столько, сколько было нужно для достижения его цели. Эта мудрость полководца была им проявлена не только в этой кампании, но и в течение всех трех войн, которые вел великий король».

Пылкий почитатель нашего героя, известный военный историк Ганс Дельбрюк отмечал «титанический склад характера Фридриха, всегда стремившегося к великим решениям». Действительно, объем и разнообразие военных, политических, государственных и множества иных задач, которые (притом успешно) решал король, поистине поражают воображение и сравнимы, пожалуй, только с деятельностью Петра Великого и Наполеона.

Дельбрюк также признавал, что победы «короля-полководца» чередовались с поражениями. Казалось бы, что полководец, проигравший ряд крупнейших и принципиально важных для него сражений, вряд ли может претендовать на лавры «военного гения». Однако и в этом факте, как ни странно, коренится одно из проявлений военного таланта прусского короля — феноменальное упорство в отстаивании, казалось бы, безнадежных позиций против всего света.

Клаузевиц в связи с этим заметил: «Необходимо, чтобы какое-нибудь чувство одушевляло великие силы полководца, будь то честолюбие Цезаря, ненависть к врагу Ганнибала, гордая решимость Фридриха Великого погибнуть со славою». Эту точку зрения разделяла и императрица Екатерина: в книге аббата Денина о Фридрихе,

напротив абзаца о том, что «его гений и мужество не только совсем не ослабевали, но почерпнули себе его новую жизнь в своих неудачах...», она написала на полях: «Именно в его неудачах проявлялся его гений».

Таким образом, как ни странно, если многих других полководцев прославляли их победы, то Фридриху II громкую известность принесли его громкие поражения, готовность «погибнуть со славою» и поразительная способность воскресать и набирать силу в совершенно, казалось бы, безвыходных условиях. Такой способности, например, не обнаружил Наполеон, тоже сражавшийся со всей Европой и обладавший несравненно лучшими ресурсами. Вообще можно смело сказать, что подобная стойкость, имеющая целью изматывание сил даже самого многочисленного противника, оказалась не по плечу никому после Фридриха.

В свое время Клаузевиц объявил Фридриха II «предвозвестником Бонапарта», тем самым положив начало долгой дискуссии о различных формах стратегии, которая растянулась на десятилетия. Действительно, при всей кажущейся примитивности тактических и стратегических приемов Фридриха (неспособность по известным причинам отказаться от линейной тактики, стратегия «заслонов», недоведенность до конца результатов побед) результаты их применения оказались вполне удовлетворительными для Пруссии. Дельбрюк, разработавший именно на основе анализа деятельности короля и боевой работы его армии понятие «стратегии измора», пришел к выводу, что «войны Фридриха не выходят за пределы стратегии измора» и что сам Фридрих — приверженец упомянутой стратегии, «полководец, связанный в своих действиях ее принципами». Заключая свой подробный анализ стратегии измора, в основе которой лежало не уничтожение живой силы противника в решительном сражении, а искусный маневр с целью захвата и удержания территории, Дельбрюк отметил: «Лишь тот в полной мере может познать все величие Фридриха, кто в нем видит представителя стратегии измора».

* * *

Основные противники Фридриха — русские и австрийцы — имели армию, сформированную примерно по одному образцу. Русская пехота справедливо гордилась петровскими боевыми традициями и сумела не растерять их и спустя четверть века. Учитывая плачевное состояние тогдашней российской конницы, это — не такое уж и малое достижение.

В 1741 году, еще в правление Анны Леопольдовны, в полках были восстановлены гренадерские роты, упраздненные за 10 лет до этого. По предложению фельдмаршала Ласси в 1747 году все пехотные полки были развернуты из двухбатальонного состава в трехбатальонный с одной полковой гренадерской ротой, а в 1753 году дополнительно к этому гренадерские роты сформированы в каждом батальоне (кроме четырех фузилерных рот). Перед началом Семилетней войны, в 1756 году, третьи гренадерские роты нескольких пехотных полков были сведены в четыре номерных гренадерских полка (с 1-го по 4-й). Таким образом, в полках осталось по 2 гренадерские и 12 фузилерных рот. Формирование новых гренадерских полков поручили Румянцеву, но к началу войны укомплектовать их не успели, поэтому в первом крупном сражении 1757 года — при Гросс-Егерсдорфе — участвовал только первый полк, получивший название Сводного гренадерского.

Гренадеры были любимым родом войск Елизаветы. Поскольку переворот 1741 года она сумела осуществить только благодаря помощи гренадерской роты Преображенского полка, в ее правление чины этого подразделения были буквально осыпаны почестями и привилегиями. Рота была переименована в лейб-кампанию, весь личный состав получил огромные денежные выплаты, пожалования крепостными крестьянами и прочие милости. Все офицеры произведены в генеральские чины, сержанты и капралы — в штаб-офицерские и капитанские, все рядовые недворяне возведены в дворянское достоинство.

Отличия не только от армии, но и от прочей гвардии были видны даже по обмундированию: через богатую золотую расшивку мундиров лейб-кампапцев только

кое-где проглядывало зеленое сукно мундира. Керсновский пишет, что после воцарения Елизаветы «петербургскому населению много приходилось терпеть от самоуправства гвардейских солдат, особенно лейб-кампапцев, не терпевших над собою никакой власти. Весною 1742 года гвардия отправлена в поход в Финляндию, где не без труда удалось взять ее в руки». Боевые качества этого опереточного воинства вполне понятны: даже в Семилетнюю войну когда-то грозную петровскую гвардию не рискнули отправить в Пруссию.

Комплектование русской армии производилось посредством рекрутских наборов. П. И. Шувалов* упорядочил эту систему, хотя до него наборы проводились нерегулярно. В 1757 году страна была разделена на 5 полос; ежегодно производился набор в одной из них, так что в каждой полосе набор бывал раз в 5 лет. Среди офицеров значительный процент по-прежнему составляли иностранцы, хотя их численность по сравнению со временами правления в России Брауншвейгской династии уменьшилась.

Серьезной проблемой, начиная с петровских времен, было комплектование пехоты офицерским составом. Поскольку кавалерия еще со средневековья считалась единственным достойным дворянина родом войск, молодые отпрыски дворянских семей предпочитали идти служить рядовыми в конницу, а не офицерами в пехоту. Эта тенденция сохранилась до елизаветинских вре-

* Шувалов Петр Иванович (1710—1762) — российский фельдмаршал, участник переворота, приведшего к власти Елизавету. Начал служебную карьеру с действительного камергера, стал сенатором. В 1746 году пожалован графским достоинством. Сначала командовал дивизией, затем сформировал Обсервационный корпус. С 1756 года генерал-фельдцейхмейстер (командующий артиллерией в русской и австрийской армии), с 1757 года — пачальник Оружейной канцелярии. В 1761 году получил чин генерал-фельдмаршала. Под его непосредственным руководством осуществлялась реорганизация русской армии и подготовка ее резервов накануне Семилетней войны. Разработчик «единоногов» — удлиненных гаубиц и «секретных» гаубиц. В 50-е годы фактически определял внутреннюю политику России.

*Австрийский
полковничий
протазан
времен импе-
ратора
Карла VI
(1685–1740)*

мен, поэтому большинство обер-офицерских должностей в пехотных и гренадерских полках укомплектовывалось наемниками из числа иностранцев.

Главным бичом русской армии было отвратительное состояние тыловой и хозяйственной части. Австрийский капитан Парадиз, находившийся в 1738 году при русской армии и участвовавший в миниховском походе в Крым, писал: «Русские пренебрегают порядочным походом и затрудняют себя огромным и лишним обозом: майоры имеют до 30 телег, кроме заводных лошадей... есть такие сержанты в гвардии, у которых было 16 возов. Невыслуханно большой обоз эту знатную армию сделал неподвижной... Русская армия употребляет более 30 часов на такой переход, на который всякая другая армия употребляет 4 часа...»

Австрийская пехота комплектовалась по разной системе в немецких и венгерских землях Габсбургов, поэтому полки имели единый национальный состав. Существовали также некоторые различия в униформе этих частей. Кроме рекрутского набора, практиковалась вербовка наемников, в том числе из-за границы. Основу пехоты составляли гренадерские и мушкетерские полки.

Кавалерия

Образцовая строевая прусская кавалерия середины XVIII века своими боевыми качествами была полностью обязана королю Фридриху II и двум его выдающимся кавалерийским генералам: барону Фридриху Вильгельму фон Зейдлиц-Курцбаху* и Иоганну фон Ци-

* Зейдлиц-Курцбах Фридрих Вильгельм фон (1721–1773) — прусский генерал от кавалерии (1767). Поступил на военную

тению*. Вступив в 1740 году на престол, Фридрих получил в свое распоряжение конницу, состоявшую из 20 полков: 12 кирасирских, 6 драгунских и 2 гусарских. Кавалерия была любимым родом войск и предметом страсти короля Пруссии: Фридрих лично писал для нее наставления и постоянно присутствовал на кавалерийских учениях.

В соответствии с общепринятой практикой, прусская кавалерия комплектовалась рекрутами, завербованными добровольно или принудительно. Большинство солдат должны были составлять иностранцы (по причинам, приведенным выше). В одном из своих приказов Фридрих потребовал: «В заключение... король желает строжайшим образом, чтобы в каждой роте кавалерии в 66 человек было от 30 до 40 абсолютно иностранцев, и в каждом драгунском эскадроне в 132 человека — от 80 до 90; если выбудет один из них, то командир пол-

службу в 1738 году. Во время войны за Австрийское наследство проявил решительность и храбрость. Показал себя умелым кавалерийским начальником в Семилетнюю войну. В неудачном для Пруссии сражении при Колине (1757) Зейдлиц, находясь во главе кавалерийской бригады, решительно атаковал 5 полков австрийской пехоты и кавалерии, прикрыв отступление своей армии. Успешно командовал кавалерией Фридриха II в битвах при Росбахе (1757), Цорндорфе (1758), Фрейберге (1762) и др. С 1763 года назначен генерал-инспектором Силезской кавалерийской инспекции, фактически стал руководителем всей прусской конницы.

* Цитен Иоганн (Ганс) фон (1699–1786) — прусский генерал-лейтенант. Родился близ Рунпипа. В 1714 году, в возрасте 15 лет поступил на военную службу, но, считая себя обойденным чинами, через два года вышел в отставку. В 1726 году вновь поступил в драгунский полк. За ссору с одним из командиров год сидел в крепости, после чего был исключен со службы. Благодаря протекции некоторых генералов его в 1730 году приняли на службу во вновь сформированный лейб-гусарский полк, где он дослужился до чина ротмистра. В 1735 году участвовал в походе против Франции, за что произведен в майоры. Под командованием генерала Винтерфельда сражался в Силезскую войну, за бой у Ротшлосса пожалован в чин полковника. Впоследствии генерал, лучший командир легкой кавалерии.

ка обязан завербовать на его место опять иностранца; таким образом в роте кавалерии не может состоять более 20—25, а в драгунском эскадроне 40—50 человек своей страны, за что отвечает командир полка». Однако в комплектовании кавалерии имелся существенный нюанс: все рекруты прусского происхождения вербовались только добровольно и происходили из помещичьих семей. За дезертирство кавалериста-пруссак отвечали его родные. По этой причине дисциплина в коннице всегда была выше, чем в пехоте, а на марше и при расположении лагерем кавалерия играла роль своеобразной полевой жандармерии, конвоируя, во избежание побегов, пехотные батальоны. К началу Семилетней войны общая численность прусской конницы составила 35 тысяч человек.

Вся тяжелая кавалерия Пруссии комплектовалась отличным конским составом, качество которого, например, русским было доступно только в мечтах. Еще при Фридрихе Вильгельме в стране была создана первоклассная культура коневодства — государственные заводы и юнкерские фермы исправно поставляли армии огромных и мощных лошадей северогерманских (ганноверской и голштинской) пород, считавшихся лучшими в Европе. Так, кирасирские кони были несколько медлительными, но способны легко выдерживать вес тяжелого всадника в кирасе и с вооружением. Эти лошади должны были хорошо двигаться рысью, были менее чувствительны к шенкелю и отлично приучены к действиям и слаженному маневрированию в сомкнутом строю. Рост кирасирских лошадей колебался в пределах 151—160 сантиметров и более. Кирасирские полки, как правило, эскадрировались лошадьми вороной или караковой масти.

Фридрих Вильгельм I за время своего правления много сделал для улучшения качества конницы. При нем в Восточной Пруссии были созданы богатые конные заводы, приносящие от десяти до двенадцати тысяч талеров годового дохода. Однако высокое качество строевых лошадей не соответствовало их количеству — прусская конница испытывала дефицит отечественных лошадей, в основном покупая их за границей.

Король Фридрих II, неусыпно заботившийся об улучшении тактики и вооружения своей конницы, как ни странно, почти не обращал внимания на улучшение ее конского состава. Прусская армия получала ремонт* с конских заводов множества стран... за почти полным исключением самой Пруссии.

Легкая и средняя конница (гусары и драгуны) ремонтировалась лошадьми из Польши, Украины, молдавских княжеств и Венгрии (напомню, что с началом Семилетней войны все эти территории прямо или косвенно находились под контролем врагов Фридриха). Тяжелые лошади для кирасир почти исключительно поставлялись из Ганновера и Гольштейна. Только после войны, в последние годы правления Фридриха II, «Remontland Ostpreussen» («Восточная Пруссия — страна конезаводов») стала поставлять армии хотя бы какое-то количество годных к строевой службе лошадей отечественных заводов. Все это приводило к тому, что, например, в 1743 году прусская кавалерия получила только 60 лошадей уставного роста свыше 5 вершков (1,5 метра). Поэтому потеря Восточной Пруссии и Померании в 1757—1759 годах, а затем еще и взятие русскими Берлина в 1760 году, откуда были уведены все строевые лошади, весьма болезненно сказались на прусской кавалерии, которой просто неоткуда стало брать конский состав для ремонта.

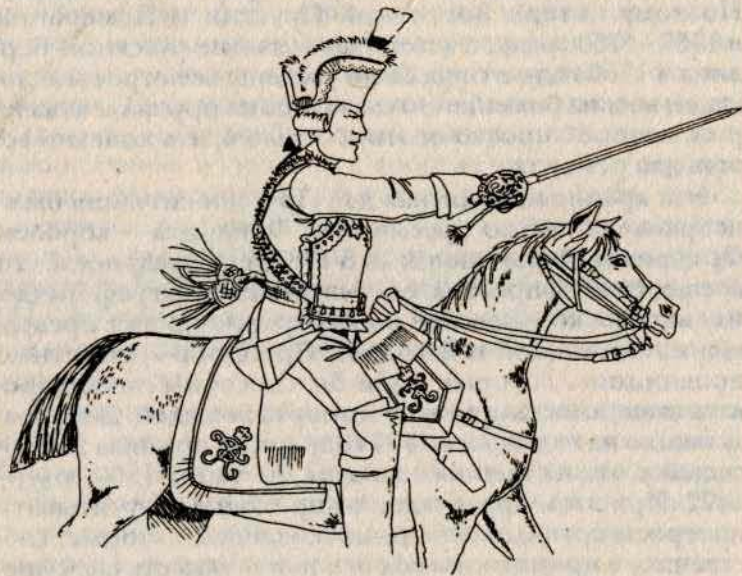
Эта крайне неприятная для Пруссии ситуация была исправлена только преемником Фридриха — королем Фридрихом Вильгельмом II. В 1787 году, сразу после его восшествия на престол, обер-штабмейстер граф Линденау внес на королевское рассмотрение проект превращения Восточной и Западной Пруссии в «ремонтные провинции», которые были бы способны ликвидировать зависимость армии от импорта лошадей. Дело сразу пошло налад: если в 1791 году армия приняла 250 лошадей с отечественных заводов, то уже в 1800 году — 1472. При этом правительству приходилось учитывать интересы крупных юнкерских хозяйств, которые, собственно, и принимали на себя основную тяжесть выполне-

* Ремонт — годные к строевой службе молодые лошади.

ния этой программы. С целью повышения их рентабельности армия постоянно повышала закупочные цены на строевых лошадей: в течение 30 лет стоимость драгунской лошади выросла на 50 %, а гусарской — на 100 %. Значение крестьянских хозяйств и небольших конферм, наоборот, резко снизилось.

* * *

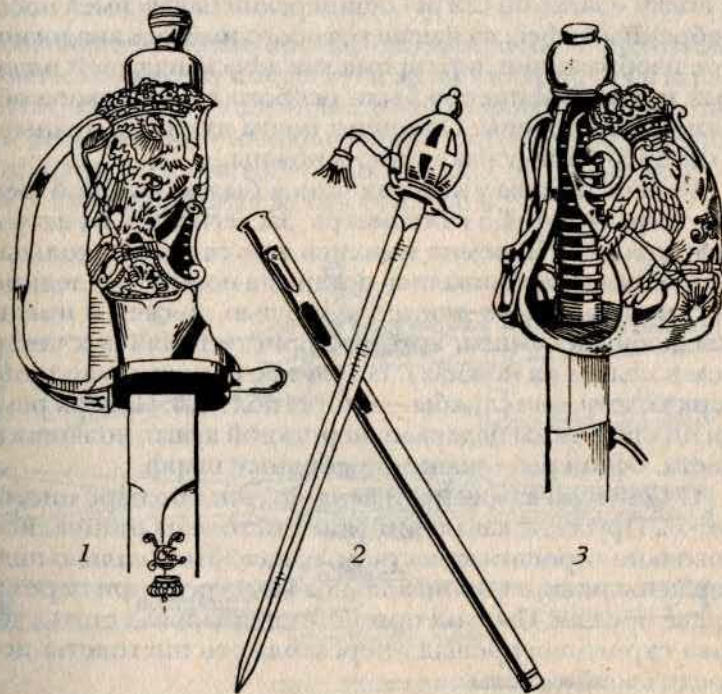
В состав кирасирского полка в среднем входило 5 эскадронов или 12 рот, т. е. четыре эскадрона двухротно-го состава и еще один (лейб-эскадрон) — четырехротно-го. В среднем кирасирский полк насчитывал 800 кавалеристов (в том числе нестроевых): 37 офицеров, 80 унтер-офицеров, 11 трубачей, 660 рядовых, а также примерно 60 резервистов. Кроме лейб-кирасирского полка и восьми армейских кирасирских, в армии числилось еще два полка с особыми названиями. Так, полк, получивший в ходе Семилетней войны порядковый № 10, именовался Жандармским, а № 11 — лейб-караби-

Обер-офицер кирасирского полка (1760 год)

нерским. Кроме того, в 1740 году Фридрих сформировал еще один кирасирский полк (№ 13) — ставший впоследствии знаменитым «Garde du Corps» («телохранители»), своего рода аналог появившихся позже русских кавалергардов, который вначале состоял всего из одного эскадрона в 184 солдата и офицера, а к 1756 году насчитывал уже три эскадрона по 226 человек в каждом (на 1787 год — 24 офицера, 48 унтер-офицеров, 8 трубачей, 522 рядовых). Эта конная гвардия имела чрезвычайно элитный характер, ее шефом являлся сам король, как и все его преемники.

Прусские кирасиры вооружались длинными и тяжелыми палашами с латунной рукоятью (у офицеров — по-

1 — эфес офицерского палаша полка «Garde du Corps»; 2 — солдатский палаш полка «Garde du Corps»; 3 — эфес кирасирского палаша (у офицеров — позолота, у нижних чинов — латунь)

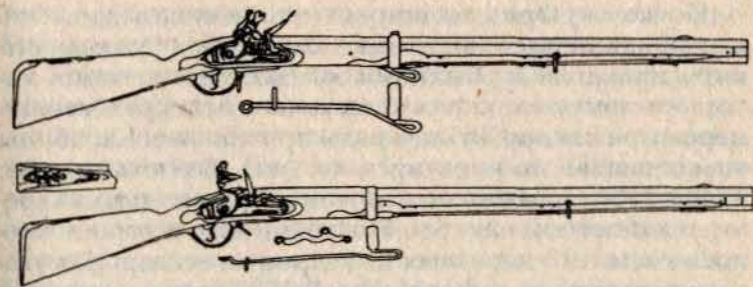
золоченной). Прямой клинок затачивался с одной стороны, на лезвии выбивался королевский вензель под короной. Ножны палаша изготовлялись из дерева (чтобы не затупить заголку клинка), обтягивались черной кожей и покрывались сверху железными или латунными (у офицеров медными) накладками. Темляк красной юфти с кистью и гайкой полковых цветов (у унтер-офицеров — черно-белые, у офицеров, вахмистров, штаб-трубачей и штандарт-юнкеров — серебряно-черные). При выходной форме (не в строю) кирасирские офицеры носили шпагу пехотного образца и трость.

Длина палаша составляла порядка 110 сантиметров. На ажурной чашке эфеса палаша помещалось изображение орла со скипетром в лапах под короной и солнца. В полку «Garde du Corps» офицерский палаш имел посеребренный эфес, в чашке которого имелось аналогичное изображение, в то время как эфесы палашей рядовых и унтер-офицеров были особого гвардейского образца, вызолочены. Офицеры полка имели не медные, а посеребренные накладки на ножны.

Ремень палаша у нижних чинов был из красной юфти, шириной 4—4,5 сантиметра, застегивался на латунную пряжку. На ремне имелись три сквозных кольца, к крайним подвешивались петли для ножен (последние регулировались по длине с помощью пряжек и имели раздвоенные концы, которые пристегивались к четырем кольцам на ножнах). На службе ремень носили поверх колета, вне службы — иногда под ним. Поверх ремня нижние чины надевали шерстяной кушак полкового цвета, офицеры — черно-серебряный шарф.

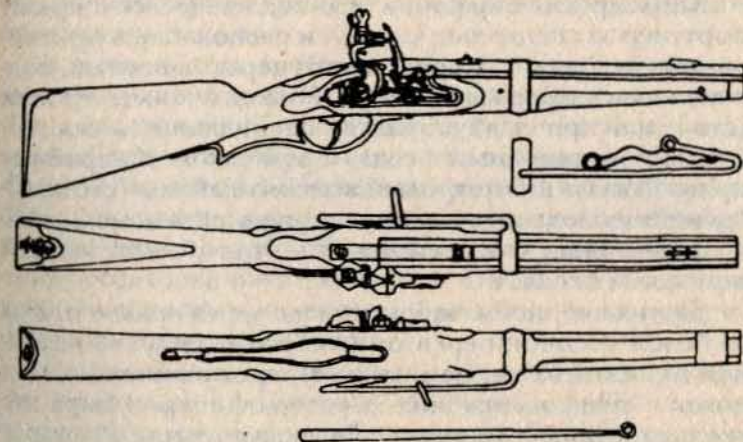
С 1742 года каждый кирасир получил по паре пистолетов. Прусские кавалерийские пистолеты отличались довольно хорошим качеством, однако были сильно подвержены риску произвольного выстрела при перезарядке оружия. По этой причине специальная статья устава строго воспрещала перезаряжать пистолеты по средине своей пехоты.

За время правления Фридриха II в армии было принято на вооружение несколько образцов пистолетов (1740, 1786 и 1789 годов). При общей конструкции (изобретенное в Пруссии коническое запальное отверстие

Нарезной кавалерийский карабин образца 1787 года. Этим оружием владели карабинеры кирасирских и драгунских полков (сверху); гладкоствольный карабин образца 1787 года для кирасир и драгун.

позволяло взводить оружие одновременно с подготовкой к следующему выстрелу) имелись и различия в вариантах: кирасиры получили самый длинный образец пистолета, гусары — наиболее короткий. В среднем длина кирасирского пистолета составляла 56 см, калибр — 15,5 мм, прицельная дальность — 30 м.

Нарезной гусарский карабин образца 1787 года. Обратите внимание на то, насколько он короче кирасирского и драгунского.

Поскольку Фридрих принял установку на ведение тяжелой кавалерией боя только холодным оружием, его кирасиры должны были обходиться пистолетами, которые к тому же пускали в ход только непосредственно перед тем, как врубиться в ряды противника. Карабины же специального кирасирского типа (без штыка) обр. 1740 и 1786 гг. выдавались нижним чинам только на время аванпостной службы. Постоянно же в строю имелось только 10 нарезных штуцеров на эскадрон, которыми вооружались фланкеры. В 1787 году на вооружение приняли усовершенствованные модели карабинов и штуцеров (общие для кирасир и драгун). В среднем длина всего этого оружия (все данные соответственно для образцов 1740 и 1787 годов) составляла от 120,5 до 130,5 см, калибр — 15,5 и 16,98 мм. Вес карабинов равнялся примерно 3,78 кг. Прицельная дальность 150–180 метров, пуля весила 29 граммов.

Ложа карабинов выполнялась из ореха. Оковка ложа делалась из латуни, затыльник приклада — из стали. Все карабины с левой стороны ложа имели антабки и кольца, за которые их можно было подвешивать к крюку перевязи-панталера.

Кирасирский карабин в бою подвешивался к крюку портупей за специальную скобу и располагался прикладом вперед и вниз. Нарезные штуцеры, напротив, подвешивались прикладом вверх. Нижний конец оружия (ствол или приклад) упирался в специальный кожаный бушмат, соединенный с седлом ремешком. К карабину привязывался 1,5-метровый коновязный кол (его заостренная и окованная железом оконечность помещалась в специальный кожаный чехол — «ток», соединенный ремешком с седлом).

Лядунка черной кожи; носилась через правое плечо на белой лосиной перевязи (с круглой двузубой латунной пряжкой за правым плечом), пропускавшей под погон и ремень карабина. У унтер-офицеров была несколько меньших размеров. Лядунка вмещала 50 патронов. Сверху ее крышка украшалась латунной овальной пряжкой с гербом или вензелем. В Жандармском полку лядунка была из белой кожи с красно-золотым полковым галуном по краю. Унтер-офицерская перевязь носи-

лась через левое плечо и украшалась золотым или серебряным галуном с полковыми кантами по центру и краям. Офицерская лядунка (картуш) красной кожи, обтягивалась бархатом полкового цвета и отделялась золотым или серебряным галуном. Крышка украшалась вышитым орлом. Перевязь была шириной 5 сантиметров, отделялась широким золотым или серебряным галуном и кантами полкового цвета по краям. Офицеры Жандармского полка на крышке картуша носили звезду Черного орла под короной. На походе картуш закрывался чехлом из красной кожи с белой льняной подкладкой.

Особенностью снаряжения кирасир были сумочки-ташки наподобие гусарских. Рядовые носили сумочки-ташки только с полной строевой формой. Ташки изготовлялись из коричневой кожи, обтягивали сукном полкового цвета и украшались королевской монограммой. По краю ташки нашивался полковой галун. В Жандармском полку носили ташки с полем из красной кожи, с красно-золотым галуном и золотым вензелем. Ташка подвешивалась к трем кольцам поясного ремня на трех регулирующихся по длине пряжках коротких пасиках из красной юфти. Офицеры, унтер-офицеры и музыканты ташек не имели.

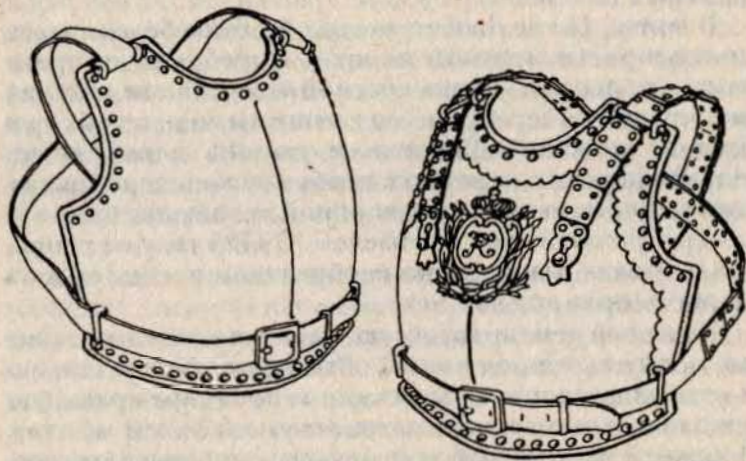
В полку «Garde du Corps» лядунка была белая с красно-серебряным галуном по краю, серебряными пряжками и кольцами. Ташка красной кожи. Галун: красная полоса с двумя серебряными кантами и волнистой серебряной полосой. Вензель и корона серебряные. На офицерских картушах изображалась серебряная звезда Черного орла под короной, у нижних чинов — посеребренный овал с вензелем. С 1786 году на чепраках и чушках размещалось изображение звезды ордена Черного орла под короной.

Кожаный ремень карабина (носился через левое плечо, пропускался под погон) обтягивался белой тканью и отделялся полковым галуном по обоим краям (не доходил до самого края, оставляя узкий белый «кант»). В нижней части ремня имелись две латунные розетки, к которым крепился крюк для подвески карабина. Розетки украшал вензель или изображение орла.

Название «кирасир», как известно, образовано от слова «кираса». Прусские кирасы изготовлялись из железа или стали и окрашивались черной масляной краской. Кираса имела холщовую на вате подкладку, обшивалась по низу, вокруг проймы и горловины красной кожей (в лейб-карабинерском полку светло-синей) и носилась на двух лосиных ремнях. Кирасы защищали только грудь всадника и не имели спинной части.

Офицерская кираса — черная с красной суконной обшивкой. Вдоль края шла медная оправа, прикрепленная медными гвоздями конусообразной формы. Посредине кирасы в медном овале, окруженном воинской арматурой, размещается вензель «FR» (чернью на белом эмалевом круге). Ремни кирасы — белые лосиные с утыканными такими же конусообразными гвоздями медными выкладками в плечевой и грудной части. Офицерские кирасы могли иметь спинную часть, но на практике это встречалось крайне редко. Музыканты кирас не носили.

В полку «Garde du Corps» кирасы были светлыми, из полированной стали. Обкладка, ремни и т. д. — как в остальных полках.

Кирасы: солдатская (слева) и офицерская кирасирских полков (1756-1762годы)

Поскольку кираса сильно натирала и портила суконное обмундирование, кирасиры еще с XVII века получили специальный предмет униформы — колеты. Эта короткая куртка шилась из лосниной кожи или грубого сукна, была белой, желтой или имела цвет лосиной кожи (в разных полках). Колет застегивался на крючки, имел короткие фалды, шведские манжеты и маленький отложной ворот. По борту, фалдам, манжетам и карабинной перевязи шел суконный галун установленной для каждого полка расцветки.

Довершал защитную амуницию кирасира железный каскет, оберегавший голову от сабельных ударов. Каскет представлял собой крестообразный купол-каркас, надевавшийся на туюлю треуголки.

Кирасирские полки прусской армии в качестве боевых знамен имели штандарты. Этот предмет полкового отличия представлял собой стилизованное рыцарское копьё с серебряным или золотым навершием в виде орла с раскинутыми крыльями. На основание навершия повязывались орденские ленты, если полк имел их. На древке штандарта находилась стальная петля для крепления карабина панталера — специальной широкой перевязи, которую штандарт-юнкер (штандартносец) носил через левое плечо. Панталер был схож с солдатской карабинной перевязью и имел серебряную или золотую галунную обшивку по краям. Низ древка штандарта вставлялся в бушмат — специальное гнездо на правом стремени. Зафиксировав таким образом тяжелое древко, штандартносец устойчиво удерживал его даже на скаку. В штандарт-юнкеры пруссаки набирали 13-летних кадетов — кандидатов в офицеры. Они носили кирасы и унтер-офицерскую униформу с серебряно-черным офицерским темляком на лапша. В каждом эскадроне имелся один штандарт.

Конская сбруя выполнялась из черной кожи, седло «германского» типа с четырьмя железными антабками (одна перед седлом, три позади). Перед ним размещались две седельные пистолетные кобуры-ольстры, под седлом расстилалось одеяло. К задней луке седла крепился чемодан для шинели (белого сукна), а за ним размещались льняной фуражный мешок, полотняный

мешок для хлеба и мяса и «кишка» с сеном. Офицеры всего этого на седлах не имели, так как такими вопросами ведали их денщики. Палатки перевозились в обозах.

Штандарт-юнкер полка «Garde du Corps» (1778 год). Белый колет с красными воротом и обшлагами. По борту (на рисунке не виден), обшлагам и фалдам идет красно-серебряно-красный полково-галун. Шемизет (жилет) синий с полковым галуном по борту и низу. Кираса гвардейского об-

разца – светлого железа с красными выпукками и белыми ремнями. Кушак красный. Галстук черный с белой кружевной манишкой. Шляпа черная с черными кокардой, петлицей и унтер-офицерскими отличиями – белый султан с черным верхом, черно-белые кисти. Штандарт с белым древком и серебряными деталями. Навершие серебряное. На древко повязаны оранжевые ленты ордена Черного орла. Темляк штандарта черно-белый. Перевязь-панталер – белая с красно-серебряно-красными галунами по краям и посеребренным крюкам. Чепрак и чушки – красные с белыми галунами и вензелями. Штандарт-юнкеры не имели ташек. Темляк палаша офицерский

Кроме того, солдаты и унтер-офицеры перевозили на седле коновязный шнур длиной 6 метров, фляжку в матерчатом чехле и топор в черном кожаном чехле. Такие же снаряжение и упряжь имели и драгуны.

Чепраки и чушки pistolетных кобур – одинаковые с драгунскими. Выкраивались из рыхлого сукна и имели подкладку из черной вошеной ткани. Чепрак и чушка, полкового цвета, отделялись полковым галуном (более широким, чем на мундире). В закругленных задних углах чепрака помещался вензель или герб по полковому металлу. В Жандармском полку на чепраках размещалась эмблема, разработанная еще Фридрихом Вильгельмом I. Парадные чепраки и чушки богато украшались вышивкой, основой которой был черный орел в украшенном арматурой белом щитке на месте вензеля.

И кирасиры, и драгуны носили пудреную прическу с косой пехотного образца. Офицеры, унтер-офицеры и трубачи обвивали косу не полоской черной кожи, а черной шелковой лентой с бантом-розеткой (Zopf-koкарде). В драгунских и кирасирских полках нижние чины, унтер-офицеры и музыканты носили нафабранные усы; офицеры и штандарт-юнкера гладко брились.

Прусские короли расценивали своих драгун в качестве «ездящей пехоты», лошади которой служат для увели-

Трубач полка «Garde du Corps» (1778 год)

чения мобильности. Поэтому в их штат включались «пехотные» музыкальные команды: барабанщики, флейтчики и гобоисты. При этом никто не снимал с личного состава обязанности четко и эффективно действовать в качестве «классической» козницы, отчего драгунам приходилось проходить двойную подготовку: кавалерийскую в манеже и пехотную — в «экзерциргаузе». В эти полки набиралась рекруты меньшего роста и более скромной комплекции, чем в кирасирские.

В конном строю драгуны двигались во второй линии атакующей кавалерии, вслед за кирасирами, и атаковали противника холодным оружием (вести огонь с коня запрещалось), в пешем строю их эскадроны становились в тыловой, четвертой линии пехотного строя.

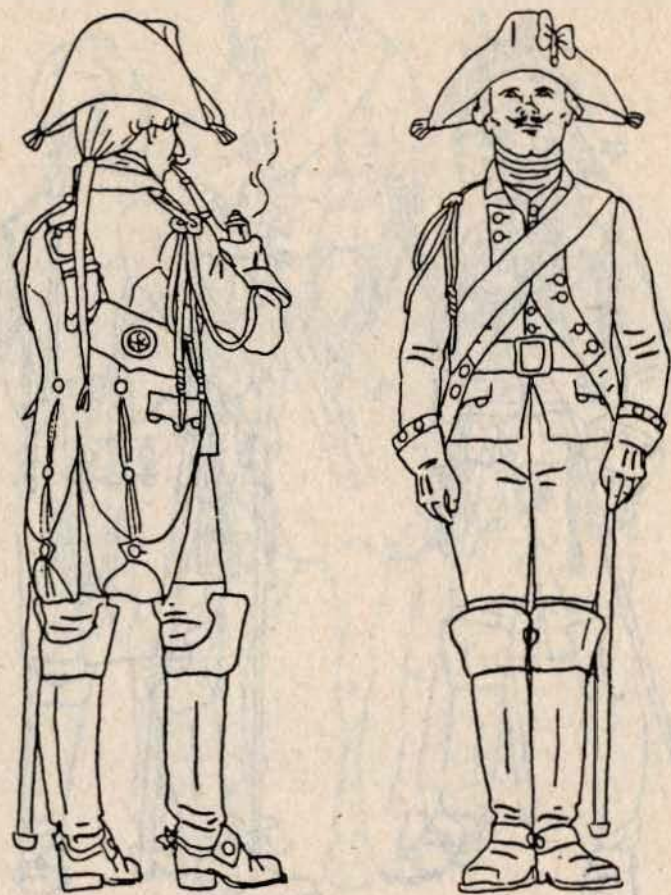
Как и кирасиры, драгуны прусской армии вооружались длинными прямыми палашами (кроме нестроевых, которые имели легкие сабли, схожие с гусарскими). Палаш драгунского образца был с медным эфесом. Юфтевый темляк с кистью полкового цвета (у унтер-офицеров и трубачей черно-белый). Ножны деревянные, обтянуты темно-коричневой или черной кожей с железными обкладками.

Поясной ремень выполнялся из белой кожи с квадратной латунной пряжкой и лопастью для штыка. Ножны палаша подвешивались на двух вшитых пасиках регулируемой пряжками длины. Ремень надевался поверх жилета. По уставу палаш подвешивался так, чтобы между кончиком ножен и землей расстояние равнялось ширине ладони.

В 1731 году холодное оружие дополняло специальное драгунское ружье (до его появления драгуны вооружались обычными пехотными фузеями), а в 1742 году — еще и пара пистолетов. Ружье драгунского образца (модель 1731 года) было несколько короче и легче пехотного и имело трехгранный штык. В 1726—1734 годах его носили слева на седле прикладом вверх, а затем до 1787 года — прикладом вниз. На марше к ложе ружья крепили коновязный кол. Карабинов и штуцеров драгуны не имели.

Ремешь карабина был кожаный, обтянут белой тканью. Носился через левое плечо, под погоном. Крюк

карабина железный, без розеток, пропускаясь в петлю перевязи. Законцовка свободной части ремня с лагунным наконечником; продевалась в квадратную латунную пряжку за правым плечом и фиксировалась латун-

Драгун. Драгунский полк № 6. Черная треуголка с черным бантом и красными кисточками. Мундир, темно-голубого цвета, приборный металл белый. Лацканы, обшлага, отвороты, аксельбант, ремень и перевязь белого цвета. Камзол, штаны и перчатки цвета лосиной кожи. Лядунка черного цвета из лакированной кожи (вид спереди и сзади)

ным хомутиком. Панталер фанен-юнкера (знаменосца) изготовлялся из лосиной кожи, украшался выпушками сукна полкового цвета и носился через левое плечо.

Ладунка выполнялась из черной кожи, с латунным овалом, на котором изображался всензель. Перевязь бе-

Офицер. Драгунский полк № 6. Черная треуголка с черным же бантом и серебряными кисточками. Мундир темно-голубого цвета, приборный металл белый. Воронитки, лацканы, банты, обшлага, аксельбант и пояс белого цвета. Камзол и штаны цвета лосиной кожи (вид спереди и сзади)

Драгун (на коне). Драгунский полк № 6. Черная треуголка с черным бантом и красными кисточками. Мундир темно-голубого цвета, приборный металл белый. Лацканы, обшлага, воротники, аксельбант, ремень и перевязь белого цвета. Камзол, штаны и перчатки цвета лосиной кожи. Чулки и чепрак синие с красными выпушками

лой кожи была вшита внутрь карабинного ремня. Однозубая пряжка, хомутик, наконечник перевязи — как у ремня карабина. В полках № 3 и 4 на крышке сумки носили орденскую звезду. В некоторых полках на крышке лягушки помещалось изображение горящей гренады.

Знаменосец. Драгунский полк № 6. Черная треуголка с серебряными кисточками. Мундир темно-голубого цвета, приборный металл белый. Воротник, лацканы, обшлага, отвороты, аксельбант, ремень и перевязь белого цвета. Перевязь с красной выпушкой. Камзол, штаны и перчатки цвета лосиной кожи (вид спереди и сзади)

Конская упряжь, чепраки, чушки — как у кирасир (с вензелем «FR»).

Ружья со штыками подчеркивали наполовину «пехотный» характер действий драгун, которые обучались ве-

Барabanщик. Драгунский полк № 6. Черная треуголка с белым султаном и золотыми кисточками. Мундир темно-голубого цвета, приборный металл белый. Лацканы, обшлага, отвороты, камзол, аксельбант, ремень и перевязь белого цвета. Перевязь и крыльца с красными выпушками. Штаны и перчатки цвета лосиной кожи. Барабан кофейного цвета с красными полосами (вид спереди и сзади)

денню боя как в конном, так и в пешем строю. Еще одним свидетельством этому было наличие в составе рот и эскадронов флейгшиков, барабанщиков и гобоистов, отсутствующих в прочих родах кавалерии. Последние стали необходимыми для совершения эволюций пешим порядком. Исходя из этого, барабанщик не имел кавалерийской сабли, а вооружался коротким пехотным тесаком и снабжался обычным пехотным барабаном.

Драгунские полки имели разный состав: три полка — пятиэскадронный, три — десятиэскадронный (двойного штата). Полк № 3 вначале назывался гренадерским. Наиболее же экзотичную историю имел полк № 5 — знаменитые «фарфоровые драгуны» (Porcellan-Dragoner), которые появились в составе прусской армии при отце Фридриха.

Фридрих Вильгельм I в наследство от своего отца, первого короля Пруссии Фридриха I, получил огромную коллекцию китайского фарфора. Некоторые вазы в этом собрании достигали человеческого роста, а общая стоимость была просто баснословной, не по карману даже многим, в общем-то не бедным европейским монархам. На эту коллекцию с давних пор безуспешно зарился ближайший сосед Фридриха Вильгельма — курфюрст Саксонии Фридрих Август I (правил в 1694—1733), который одновременно являлся королем Польши под именем Августа II Сильного (правил в 1697—1733, с перерывом в 1704—1709 годах, когда его изгнал из страны Карл XII Шведский). Безрассудный расточитель, любитель пышных развлечений, балов, охоты и женщин, Август являл собой полную противоположность своему берлинскому соседу. Поэтому Фридриху Вильгельму из столицы Саксонии в 1717 году пришло неожиданное предложение. Август, зная, как мало ценит король Пруссии отцовскую коллекцию китайского фарфора, а также о его фанатичном пристрастии ко всему военному, предложил уступить ему собрание Фридриха I в обмен на драгунский полк полного состава.

Недолго думая, «король-солдат» уступил Августу, который радостно перетащил коллекцию ваз к себе в Дрезден (в народе они получили прозвище «драгунских»). В свою очередь Фридрих Вильгельм обзавелся

новым полком, получившим порядковый номер 6, но более известным под прозвищем «фарфоровых драгунов». Вскоре шефом полка был назначен граф фон Козель и под его именем «фарфоровые драгуны» приняли боевое крещение во время Рейнской кампании 1734—1735 годов (единственный крупный военный конфликт в правление Фридриха Вильгельма I). Впоследствии шефство над полком получил генерал фон Шерлеммер. В этом качестве 6-й драгунский участвовал во 2-й Силезской (1744—1745) и Семилетней войнах.

При Фридрихе Вильгельме I драгуны так же, как и пехота, щеголяли в весьма нарядных и различных по расцветке мундирах. Например, те же «фарфоровые драгуны» в память о своем происхождении получили мундиры белого цвета с темно-голубыми лацканами, обшлагами и фалдами (цвет изделий из фарфора). Камзол и кавалерийские рейтузы до колен изготовлялись из лосиной кожи. Приборный металл — желтый. Чепраки и чушки — красные с галуном синего цвета. Однако Фридрих II, следовавший своей практике удешевления военной одежды, решительно изменил форму полка. Цвет обмундирования стал общеармейским — синим, суконовый прибор и полковой металл — белыми. Чепраки и чушки делались синими с красным галуном.

Молодой король Фридрих II резко увеличил удельный вес драгун в своей коннице: всего через четыре года после воцарения на прусском престоле, к 1744 году количество драгунских полков возросло вдвое и составило уже 12 полков. В период правления Фридриха, после нескольких реформирований 5-й и 6-й полки насчитывали по десять эскадронов, прочие — по пять. В это же время все кирасирские и драгунские полки были переведены на двухротный состав.

Пятиэскадронные полки к 1787 году насчитывали в своем составе 37 офицеров, 75 унтер-офицеров, 16 трубачей, 660 рядовых и 60 резервистов. Десятиэскадронные полки — соответственно двойной штат. Во время войны в каждом драгунском полку формировался запасной эскадрон, в котором по штату числилось 6 офицеров, 10 унтер-офицеров, 1 труба ч и 120 рядовых.

Два гусарских полка (Пруссия, наравне с Австрией и Россией, одной из первых европейских стран ввела у себя тогда еще иррегулярную гусарскую конницу из наемников — венгров, сербов и боснийцев) также имели разный состав: полк № 1 насчитывал шесть эскадронов, другой — три. Далее начался бурный рост численности гусар: в 1740 году к имеющимся двум прибавилось еще два полка, в 1743-м — один, в 1745-м — один (сформирован из на вербованных босняков). Наконец, еще по одному полку было создано в 1758 и 1773 годах. Все они имели различное число эскадронов, только после окончания Семилетней войны их состав был приведен

к 10-эскадронному: 51 офицер, 150 унтер-офицеров, 30 трубачей (в полку № 5 дополнительно еще один барабанщик), 1320 рядовых. Каждый эскадрон делился на 2 роты (всего 4 взвода). В каждой роте числилось 3 офицера, 8 унтер-офицеров, 102 рядовых, трубач, кузнец и фельдшер. В последние годы жизни Фридриха в Пруссии сформировали еще два полка, которые объединили в составе так называемого Боснийского корпуса. Кроме этого, в армии имелось два гусарских отряда.

По традиции гусары носили обмундирование венгерского образца (долломаны, ментики, чакчиры, ташки, особые головные уборы и гусарские

Рядовой гусарского полка № 1
(1759 год)

сапожки) и совершенно отличную от прочей армии прическу. Длинные волосы заплетались в косички сзади и на висках. К концам височных косиц привязывались пули. Ношение усов не запрещалось, и почти каждый гусар пользовался этой возможностью.

Бесспорно, самым известным гусарским полком прусской армии стал полк № 5 — знаменитые «черные гусары» фон Беллинга. Обмундирование включало черные долломан, ментик и чакчиры с желто-зеленой, а затем — красно-белой отделкой. Главным же отличием стала особая эмблема, которую носили на плисовых мирлитонах (гусарский головной убор). На лобной части мирлитона нижних чинов помещалось белое изображение лежащего скелета с песочными часами в руках. Рядом шел девиз: «Vincere aut mori» («Победить или умереть»). Впоследствии эту довольно тяжеловесную эмблематику заменило изображение «мертвой головы» со скрещенными костями. Столь зловещий внешний вид говорил отнюдь не о какой-то особой кровожадности «черных гусар», а всего лишь об их готовности отдать жизнь во имя победы. Однако их форма пользовалась некоей скандальной популярностью.

В дальнейшем полк стал гвардейским (2-м лейб-гусарским) и сохранил цветовую гамму обмундирования и «мертвую голову» на киверах вплоть до 1918 года. Обмундирование полка № 5 впоследствии послужило основой для формы русского 5-го лейб-гусарского Александровского полка (абсолютно аналогичная прусской черная с красным и с серебряной отделкой форма, череп и кости на кивере), а затем перекочевало в «Третий рейх». Немецкие танкисты носили черную форму с розовой отделкой и «мертвыми головами» на черных петлицах. Черная же форма с кокардой в виде черепа и костей, как известно, отличала СС. Однако офицеры и унтер-офицеры полка во времена Фридриха носили обычные круглые черно-белые прусские кокарды.

Гусар вооружали саблями, парой пистолетов, карабинами, а два полка получили еще и пики (в одном из них пики отменили в 1742 году). Сабля длиной 1 метр имела изогнутый клинок и железный эфес. Деревянные

Рядовой гусарского полка фон Беллинга (1757 год). Доломан черного цвета с зелеными обшлагами и воротом. Бранденбурги зеленые, пуговицы желтые. По вороту и обшлагам идет желтый галун, по низу доломана — зеленая выпушка. Чакчиры черные, в верхней трети — на левой лосиной кожи; по шву стыка сукна и кожи нашита зеленая тесьма. Доломан черный с зелеными бранденбургами. Ментшикетный шнур зеленый с белой кистью. меховые манжеты обшиты желтым галуном и зеленой выпушкой. Мех черный. Мирлитон черный с красным этишкетом на тулье, белыми рисунком и девизом, белой кистью на крыле. Галстук черный. У гусар всех полков по спинным вытачкам доломана и ментика идут галуны по полковому металлу — белые или желтые (на рисунке не видны). На локтях коричневые кожаные вставки. Сапоги, ташка, темляк и подвеска сабли черные. Перевязь карабина белая, перевязь лядунки коричневая. Кушак зеленый с желтыми перехватами и кистями. Сабля с железным эфесом, ножны черные с железными накладками

ножны обтягивались черной кожей и снабжались железными накладками.

Темляк натуральной кожи, с кистью полкового цвета. Поясной ремень с пасиками для сабли и ташки — натуральной кожи, у офицеров дополнительно украшался полковой тесьмой. Ремень всегда надевался поверх доломана.

Гусары вооружались наиболее короткой моделью кавалерийского карабина, позволявшей вести огонь с одной руки. Позднее, уже в ходе Семилетней войны, их оснастили дополнительной парой пистолетов. Карабин подвешивали через левое плечо на лосиной перевязи. В 1787 году гусарские полки получили усовершенствованные карабины: гладкоствольный и нарезной (для фланкеров).

Рядовой Черного гусарского полка (1759 год). Доломан черный с черным воротом и обшлагами. Бранденбурги и пуговицы белые. По вороту и обшлагам, низу доломана и спинным вытачкам идет белый галун. Чакчиры черные, в верхней трети — на левые лосиные, в месте стыка нашит белый галун. Ментик черный с белыми бранденбургами и ментшикетным шнуром, мех черный. Мирлитон черный с белым рисунком, белым этишкетом и белой кистью на крыле. Кушак красный с белыми перехватами и кистями. Перевязь карабина белая, остальная кожаная амуниция, мех ташки и темляк сабли черные. Перчатки замшевые. Ташка (не показана) черная с красными «волчьими зубами» (окаймлены с обеих сторон белой выпушкой) и белым вензелем

Ремень карабинки — белой кожи с латунными деталями. Носился через левое плечо (офицеры, унтер-офицеры и трубачи их, естественно, не имели).

Лядунка изготовлялась из коричневой юфти и вмещала 20 патронов. Ее носили через правое плечо на узком ремешке цвета натуральной кожи (в полку № 5 — черном). Все офицеры, унтер-офицеры и трубачи носили лядунку через левое плечо. Офицерские лядунки и их ремешки отделывались серебром или золотом. В полку № 8 через левое плечо патронную сумку носили и солдаты. Перевязь лядунки имела еще один ремень, который пропускался вокруг талии и застегивался на пряжку.

Ташка носилась слева на трех коротких (как у кирасир) пасниках. Солдатские ташки шили из черной кожи. В ряде случаев их покрывали цветным сукном (цвета доломана) и украшали вензелем короля и короной по полковому металлу. По краю ташки проходил белый или желтый галуи, в некоторых полках (например, № 10) он был зубчатым. В «Черном» № 5 полку ташка была черной, украшенной зубчатым галуи красного цвета с белыми выпушками. Вензель и корона белые. У офицеров на ташке изображался прусский орел в белом круге и корона, возвышающиеся над грудой трофеев. Использовалась и более простая эмблема: орел с короной. Офицеры полка № 2 носили ташку в красном чехле, отделанном галуи и украшенном золотым вензелем и короной.

Гусары пользовались венгерскими седлами. Кобуры ольстры — как в регулярной коннице. Экипировка состояла из некрашеного продовольственного мешка и цилиндрического чемодана с шинелью (цвет совпал с цветом поля чепрака). Чепраки имели длинные заостренные концы; их поле было цвета доломана, а края украшались широким зубчатым галуином (так называемые «волчьи зубы»). Например, в полку № 5 чепрак был черным, галуи красный. Окантован с обеих сторон белой выпушкой. В задних углах офицерских чепраков размещалась эмблема: черный орел в белом щите с золотой окантовкой, увенчанном короной.

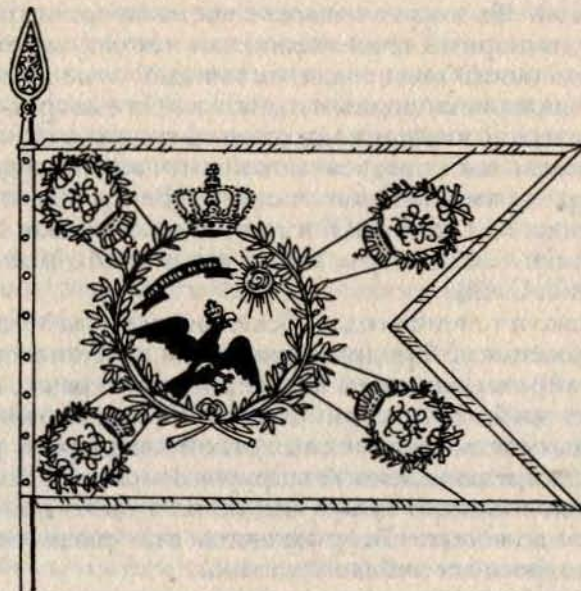

Трубач Черногозусарского полка (1759 год). Доломан, ментик, мирлитон — как у рядовых со следующими отличиями: бранденбург, все мундирные галуи, кисти на кушаке, ментик-кетный шнур — белые, затканые черной нитью (кушак красно-белый, как у рядовых). Чакчиры вместо черного сукна отделаны красным, в месте стыка нашит черно-белый галуи. Мирлитон черный с черной-белой кокардой, белым галуином на крыле и черно-белым этикетом (знаки отличия унтер-офицеров в зусарских полках). Крыльца на плечах черные с черно-белыми галуиными. Конская упряжь — ная. Чепрак черный с красными «волчьими зубами», окантованными с обеих сторон белым. Чемодан и свернутая шинель черные, сахарный мешок некрашеной пафусины. Всечины полка ездили на белых или серых лошадях. Обратите внимание, что зусарские трубачи, офицеры и унтер-офицеры носят лядунку через левое плечо. Унтер-офицерский темляк на сабле — черно-белый. Труба медная с черно-белыми шнурами

В драгунские и гусарские полки набирались рекруты меньшего роста, чем в кирасиры. Лошади в этих частях тоже были не такие крупные и ширококостные, зато значительно более выносливые и неприхотливые. Рост гусарских лошадей не превышал 145–150 см.

Офицер Черного гусарского полка (1759 год). Доломан, ментик, мирилтон – как у рядовых со следующими отличиями: бранденбурги, пуговицы, все мундирные галуны, ментикештный шнур – серебряные. Бранденбурги на доломане и ментике окаймлены широким фигурным серебряным галуном. Кушак и кисти серебряные, затканы черным шелком. Чакширы как у рядовых, но галуны серебряные. Мирилтон черный с офицерской кокардой (серебряные и черные концентрические круги), серебряными этикетом и кистью на крыле. Перевязь лядунки серебряно-черная с «гусарским» зигзагом, офицерский темляк сабли – серебряно-черный. Рядом показан угол офицерского чепрака. В белом щитке изображен черный орел. Корона и обводка щитка золотые

Знамя кавалерийского полка

Знамена кавалерийских полков полностью повторяли композицию пехотных. Поле, как правило, синее, углы цветные. Полотнище (гораздо меньшее, чем пехотное, по размеру) имело две косицы (у драгун квадратное без косиц) и золотистую бахромку по краю. Древяно снабжалось крюком для панталера. Став королем, Фридрих повелел изготовлять кавалерийские знамена, как и пехотные, из шелка. В 1745 году, в связи с введением вышеописанного нового образца, в пехоте все знамена были заменены на новые, а в коннице поступили иначе. Дорогую золотую вышивку старых знамен бережно спарывали и переносили на новые полотнища, при этом королевский вензель Фридриха Вильгельма «FWR» заменяли на новый «FR». В отличие от кирасир (которые имели штандарты), знаменосец у драгун и гусар именовался фанен-юнкером.

До Фридриха, даже при его отце – «короле-солдате», прусская кавалерия отнюдь не пользовалась славой.

«Это были обычные для своего времени воинские части, где на первый план выдвигали чистоту и аккуратность внешнего вида солдат и лошадей, а не верховую езду и владение холодным оружием. На смотрах и учениях прусские кирасиры, драгуны и гусары отличались малой подвижностью, невысокой выучкой. Молодой король с раздражением писал о них: «Ввиду неприятеля они никуда не годятся и постоянно опаздывают...» (Бегунов А. И. Сабли остры, кони быстры... М.: Мол. Гвардия, 1992. С. 49)

Однако в течение года, последовавшего за Мольвицким сражением, Фридрих приступил к решительному реформированию своей кавалерии. Во-первых, на основе опыта боев с австрийцами он полностью осознал необходимость увеличения легкой кавалерии, ранее почти не представленной в прусской армии. Таким образом, количество гусарских полков было доведено с одного до восьми. Вторым шагом стал решительный пересмотр кавалерийской тактики.

Главным лозунгом прусской конницы стало изречение короля: «Сабля — атака!» Базисные инструкции Фридриха гласили: «Все тактические маневры должны совершаться с возможно большей скоростью, все движения на коротком галопе — решительно запрещаются. Кавалерийские офицеры должны требовать от своих людей виртуозного мастерства в езде... Каждый эскадрон, получивший приказ об атаке, обязан немедленно и самым решительным образом атаковать врага холодным оружием, и ни один командир под угрозой немедленного раскассирования его части не имеет права вести огневой бой...»

Выдрессированная таким образом прусская кавалерия под началом своих отличных военачальников способствовала одержанию ряда крупных побед на протяжении всей Семилетней войны (Югенфридберг, Цорндорф, Росбах), либо (как при Лейтене) «стала единственным залогом успеха».

Буквально за два-три года королю удалось полностью изменить тактику действий своей конницы и детально разработать новые правила обучения кавалеристов. Вскоре этими правилами стали пользоваться во всех ев-

ропейских армиях, не исключая и русской. Основные их принципы, по сути, не менялись в течение двух последующих веков, вплоть до середины XX столетия, пока кавалерия не прекратила свое существование как род войск. Это стало одним из величайших достижений Фридриха II, значение которого уже не зависело от господства или низвержения линейной тактики. Румянцев, Суворов, Наполеон, Стюарт, Шеридан, Буденный и все прочие крупные кавалерийские командиры так и не сумели создать ничего нового, превосходящего эту доктрину обучения.

Фридрих восстановил атакующие функции кавалерии, прочно забытые в Европе со времен Густава II Адольфа и Карла XII. Огненная задачей конницы стала не вялая перестрелка и передвижение «маленькой рысцой», а внезапная, стремительная атака на поле боя и столь же стремительный отход. Фридрих запретил использование в конном строю огнестрельного оружия (карабины и мушкетеры, выдававшиеся его кирасирам, применялись только для аванпостной службы): исключение составляли лишь драгунские полки (личный состав которых был обучен ведению огня как с седла, так и в пешем порядке) и гусары (часто действовали в рассыпном строю при ведении «малой войны»). Главным оружием идущих на полном галопе в сомкнутых боевых порядках, нога к ноге, кавалеристов стали палаш или сабля.

При переучивании конницы Фридрих решил начать с резкого повышения уровня индивидуальной подготовки всадников, переходя затем на все более сложное маневрирование в составе эскадрона, полка или нескольких полков. По его приказу в каждом полку построили манеж и завели собственных берейторов. Вначале рекрутов немного учили пешему строю, а затем сажали в седло и они ездили без стремян до тех пор, пока их посадка «не станет совершенно безукоризненной». Пока солдат не был способен совершенно свободно держаться в седле, его даже не начинали учить стрельбе из карабина.

Один из фридриховских приказов того времени гласит: «Его величеству угодно, чтобы ни одна здоровая

лошадь не оставалась двух дней кряду на конюшне. Это единственное средство получить кавалериста, ловко управляющего конем и владеющего оружием...» С учетом того что европейская конница (в особенности русская, где ситуация с индивидуальной подготовкой была из рук вон плоха) седлала своих лошадей раз в 7–10 дней, этот приказ звучит поистине революционно.

Перед Семилетней войной Фридрих начал активнейшим образом муштровывать свою конницу. «Бесперывные смотры и маневры не давали солдатам выйти из рутины и служили им отличной школой. Фридрих на этих маневрах старался укоренить и лучше приспособить многие нововведения, которые сделал во время Силезских войн в строевых порядках и в тактике. К ним особенно принадлежали фланговые атаки, действия кавалерии холодным оружием, при подкреплении пехоты, движения колоннами. Он принял в службу многих венгров и поляков, которым поручил обучение конницы, и за каждое образцовое, трудноисполнимое действие своих гусар назначал значительные премии. Ежегодно войска собирались близ Потсдама в лагерь, и целый месяц употреблялся на маневры» (Кони. С. 202).

В 1763 году Фридрих разработал новую инструкцию: «Относительно одиночного обучения людей верховой езде, которое зимой можно вести в манежах, ригах и подобных местах, где удобно вырабатывать лошадей, должно стремиться к тому, чтобы каждый человек сделался господином своей лошади и ездил верхом как следует, со стременами, подогнанными не слишком коротко, не слишком длинно, имея возможность приподняться в седле на четыре пальца. Особенно следует требовать от людей, чтобы они сидели на лошади прямо, с правильным шлюзом, не висели бы на лошадях мешками и не качались бы телом туда и сюда при движении ног лошади, вследствие чего на маршах большая часть лошадей бывает измучена». Кстати, в прусской армии срок подготовки рекрута, прежде чем его подпускали к лошади, составлял шесть недель (больше, чем в любой другой европейской армии).

После этого Фридрих в корне пересмотрел свои взгляды на тактику кавалерии. Он потребовал, чтобы

конница атаковала неприятельский фронт только с помощью холодного оружия и исключительно в сомкнутом строю, не тратя времени на бесплодную пальбу. В принципе, это не является изобретением Фридриха — еще за век до него так же учил атаковать своих кирасир Густав II Адольф Шведский. Однако король Пруссии сумел довести индивидуальную и групповую подготовку конницы до такой степени совершенства, какой не достиг ни один полководец за всю историю этого рода войск. Хотя прусские кавалеристы и уступали так называемым «природным» всадникам (например, русским казакам и калмыкам или венгерским гусарам и пандурам) в индивидуальном наездническом мастерстве, но, рассматривая достижения прусской конницы в сравнении с регулярной кавалерией всех стран Европы, можно с уверенностью сказать: превзойти этот опыт не смог никто.

Следующий этап в новом обучении конницы состоял в объединении полков в большие массы, которые могли бы, соблюдая равнение и предельную сомкнутость строя («колени о колени»), производить атаки на быстрых аллюрах. Индивидуальная подготовка солдат, которая проводилась в частях с чисто прусской тщательностью, позволила добиться этой цели достаточно быстро. При этом король требовал в первую очередь обращать внимание на следующие элементы:

«1. Прежде всего офицеры должны смотреть за тем, чтобы люди хорошо обращались и хорошо кормили своих лошадей, также очень тщательно седлали и умели бы взнуздывать, причем седло и прибор должны во всяком случае содержаться в хорошем порядке.

2. Стремена должны быть пригнаны так коротко, чтобы всадник мог настолько приподняться в седле, чтобы между последним и его телом оставалось пространство шириной в руку.

3. Офицеры должны заставлять людей часто ездить верхом так, чтобы каждый из них выезжал свою лошадь в одиночку самостоятельно и покорил бы ее вполне своей воле.

4. Когда люди достаточно съезжены в одиночку, следует сформировать эскадрон.

5. Сначала следует обращать внимание, чтобы всадники выучились ездить в затылок; затем чтобы во время езды шеренги следовали бы одна за другой вплотную, а также взводы не разрывались.

6. Все четыре взвода ведугся офицерами, и последние всегда должны стремиться, чтобы они сноровисто проходили дефиле и строились, а также рысью восстанавливали бы дистанцию, если она потеряна.

7. Заезды по четыре направо-назад должно сохранить, потому что этим движением полки вводятся на бивак; впрочем, эскадроны должны быть так обучены, чтобы им было безразлично, следовать прямо или влево повзводно.

8. Перед атакой командуют: «Две задние шеренги вперед сомкнись, марш!» Знаменщик осаживает во вторую шеренгу, командир эскадрона вместе с тремя офицерами остается в середине, один лейтенант — перед первым взводом, и один лейтенант — перед четвертым.

9. Как только затем будет командовзно «Марш!», всадники должны все сразу дать шпоры коням, чтобы они тотчас тронулись с места; затем атакуют крупной рысью. Когда подойдут на такое расстояние, что можно ворваться, люди должны сразу поднять шпаги вверх и в то время, как они хотят нанести удар, приподняться на седле, а по нанесении удара, опять сесть в седло.

10. Так как наскок кавалерии и горячая рубка большей частью расстраивают порядок в эскадронах, то офицеры должны тогда рассыпать людей, оставляя при себе только знаменщика и трубачей; когда же сыран сбор, каждый человек должен возможно скорее смыкаться к эстандарту, причем каждому должно быть внушено становиться в свою шеренгу. Взводы не должны быть перемешаны, но не имеет значения, если люди перемешаются во взводах, при условии, что они быстро строятся в три шеренги.

11. Когда они снова сомкнулись, ротмистр должен крупной рысью, вполне сомкнуто, атаковать, и так как можно предполагать, что противник не примет такой атаки, то разрешается оставить шпаги висящими на темляках на руках; первая шеренга на ходу достает карабины, прикладывается и стреляет по бегущему против-

нику в тыл. Когда это исполнено, карабины бросаются (для чего они не отстегиваются), и опять берутся и поднимаются вверх шпаги, а ротмистр командует: «Стой! Равняйся!», и оба фланга смыкаются к середине. Следует отметить, что каждый раз, когда командуются «стой-равняйся», оба фланга должны смыкаться к середине.

12. Когда кавалерийский полк отбывает смотр, то исполняет все, что здесь написано; когда затем будет сделан заезд направо-назад, все эскадроны снова идут на плац, где они стояли, и снова там строятся.

13. Когда это исполнено, то слезают и полк идет по эскадронно; люди должны держать двойную дистанцию; штандарты остаются при эскадроне. Затем майор командует: «Третья шеренга вперед, ряды вдвой! Марш!» Штандарты входят в середину эскадрона, ротмистры — на фланги, другие офицеры — назад; каждый ротмистр командует своей роте, а майор командует: «По полуэскадронам на месте атакуй!» Правый фланг начинает; затем атакует три раза поротно и стреляют от правого фланга к левому.

14. Так как стоят только две шеренги, то первая шеренга не ложится. Офицеры должны наблюдать, чтобы люди хорошо заряжали и хорошо обращались с оружием. Майор командует дальше: «Разомкнись вперед! Марш! Третья шеренга направо-назад! Марш! Во фронт! Всем полком направо-назад!» Затем идут к лошадям и садятся.

15. Это упражнение относится к людям кирасирских полков, чтобы они, оставаясь на постояях с начала зимы и занимая деревни, могли в них обороняться и умели бы заряжать оружие.

16. Драгуны должны также правильно обучаться пешком, как и пехота, со всеми тремя шеренгами, с прикнугыми штыками, и должны быть так же хорошо обучены пехотному строю, как и пехотные полки» (из «Инструкции» 1742 года).

Тактика знаменитых, вошедших в историю военного искусства, атак прусской кавалерии зародилась в ходе войны за Австрийское наследство (примерно к 1744 го-

ду) и затем применялась во всех войнах Фридриха. Используя описанный выше косо́й боевой порядок, король сделал конницу ядром ударной части атакующего крыла.

До 1744 года Фридрих применял стандартный для Европы строй кавалерии из двух линий. Однако неудачи при Мольвице и Хотузице показали, что для достижения необходимой эффективности атак войска следует строить глубже. Это получило отражение в разработанных королем «Инструкциях на случай боя» 1742 и 1744 годов:

«2. Как только кавалерии приказано наступать, она должна тотчас перейти в рысь; когда же она подойдет приблизительно на сто шагов к неприятельским эскадронам, должно, при полной сомкнутости, выпустить лошадей полным ходом, и так врубиться».

3. Командиры эскадронов и ротмистры должны прежде всего обращать внимание на то, чтобы когда неприятельские эскадроны опрокинуты, надо внедрить всем рядовым, как кирасирам, так и драгунам: после этого и прежде всего должно атаковать вторую линию неприятеля, причем кирасирам и драгунам следует внушить, чтобы они не преследовали противника в одиночку.

4. Когда случится, что какой-нибудь эскадрон из первой линии будет опрокинут, то на всех его офицерах лежит обязанность собрать этот эскадрон сзади второй линии и, когда он там построится, снова вести его на противника.

5. Эскадроны, предназначенные первыми атаковать пехоту, должны, после того как неприятельская кавалерия будет разбита и отброшена от своей пехоты, взять последнюю во фланг и врубиться в него.

6. Вторая линия должна находиться против интервалов первой, и офицеры второй линии обязаны, в случае если эскадроны первой линии будут опрокинуты, атаковать неприятельские эскадроны, которые прорвутся, схватиться с ними и отбросить назад. Главным образом офицеры должны обращать внимание на то, чтобы атаковать противника с большей силой, а после атаки тотчас опять собирать своих людей.

<...>

8. Командиры эскадронов должны быть ответственны за то, чтоб во время боя ни один кирасир или драгун не стрелял из карабина или из пистолетов, а чтобы они действовали только со шпагой в руке, почему должно хорошо внедрить кирасирам и драгунам, что, пока они имеют карабины и пистолеты заряженными, это оружие всегда останется в их распоряжении.

9. Кроме того, всем командирам эскадронов должно быть известно, что, когда армия строится перед противником, они должны выстраиваться быстро, так как от этого зависит все; потому командиры и офицеры должны следить за тем, чтобы взводы в эскадронах следовали на указанных местах плотно, сомкнуто и быстро. Когда будет отдана настоящая диспозиция для боя, то следует тотчас приказать, сколько шагов дистанции должно быть между эскадронами; затем генералы в своих бригадах, командиры полков в своих полках и командиры эскадронов в своих эскадронах должны тщательно следить, чтобы означенные дистанции были взяты так скоро и точно, как это всегда должно делаться в таких случаях».

В «Инструкции» от 1744 года Фридрих предусмотрел еще ряд вводных:

«Между эскадронами первой линии не может быть более 10 шагов интервала. Вторая линия держится сзади в 300 шагах и берет интервалы в 60 шагов».

«Когда генерал приказал атаковать, то линия трогает шагом, переходит в рысь и, когда находится в 200 шагах от неприятеля, то должна совершенно бросить поводьям и скакать. Наскок должен быть произведен с полной силой и криком, но чтобы при этом боевой порядок оставался неизменно и три линии все время оставались одна от другой в 300 шагах, а гусары на флангах».

«Когда обе неприятельские линии вполне опрокинуты, то первая шеренга первой линии должна влечься и рубить; то же самое и гусары с фланга, которые вместе с кирасирами, должны преследовать бегущего противника так, чтобы эскадроны следовали не далее 200

шагов за их высланными людьми, сомкнуто и в полном порядке.

При преследовании противника, кирасиры, так же, как и гусары, должны не давать ему времени вновь собраться, а преследовать его так далеко, пока где-нибудь не встретится дефиле, или частый лес, или что-нибудь подобное; благодаря этому противник должен понести громадный вред».

«Вторая линия, когда видит, что обе линии противника разбиты, должна обратиться с некоторыми ближайшими эскадронами на неприятельскую пехоту и тотчас атаковать и врубиться в ее фланг».

«Король приказывает всем командирам эскадронов: после первой атаки действовать по своему усмотрению...»*

«При преследовании, когда неприятель пришел в беспорядок, преследующие должны стараться настичь голову бегущих, потому что остальные, коих они обойдут, достанутся им и без того».

«Гусары, составляющие третью линию, обязаны, во время произведенной кавалерией атаки, обеспечить ее тыл; когда же у противника произведено полное замешательство, то шесть эскадронов должны помогать рубке, а четыре обязаны непрерывно прикрывать тыл кавалерии».

Итак, для атаки прусская кавалерия обычно строилась в три линии. В первой, играя роль тарана, находились шеренги кирасир с интервалами между эскадронами в 10 шагов, во второй — драгуны с интервалами в 60 шагов, в третьей — гусары (за промежутками в строю драгунских эскадронов).

Кирасирские и драгунские эскадроны перед атакой строились в 48 человек по фронту («рядов»). Для *Garde du Corps* фронт определялся в 58 рядов, для гусар — в 44. Во время войны 4-й взвод эскадрона усиливался двенадцатью резервистами. Обычно взводы строились в три шеренги, причем в задней держали запасных и больных лошадей (в третий ряд становились те, кто выходил за пределы 96 человек двух первых шеренг — их использовали главным образом для патрулирования, аванпостной и курьерской службы). Интервалы между рядами составляли два лошадиных крупы, во время маневрирования они уменьшались до одного шага.

Смыкая ряды перед атакой, кавалеристы второй шеренги вставали слева от первой. Находящиеся на флангах эскадрона кирасиры в числе десяти человек были вооружены нарезными штуцерами и именовались фланкерами или карабинерами. Унтер-офицеры занимали места на правом фланге каждого взвода и на левом фланге эскадрона и роты. Старшие унтер-офицеры должны были находиться между рядами, кроме того, один унтер следовал за каждым взводом. Каждый кавалерийский эскадрон (за исключением гусар) имел свой штандарт, который во время атаки перемещался во вторую линию. Знаменосец скакал на правом фланге, в расположении 3-го взвода. Офицеры находились перед строем взводов и рот. Командир эскадрона располагался в центре, в пятнадцати шагах перед фронтом, за ним следовал старший офицер. По одному офицеру находилось на каждом фланге перед второй шеренгой, все прочие сопровождали штандарт.

Каждый взвод делился на два или четыре отделения. Это было необходимо для подачи команды «Кругом!», которую выполняли группами по четыре в каждом ряду. Ряд разворачивался двумя частями, два ряда — четверть. Если ряды были сомкнуты, первый номер второго ряда немного отступал назад, чтобы освободить место для разворота. Однако в этом случае отделения все же не могли разворачиваться одновременно (один фланг скакал, второй оставался неподвижным).

Атаки и все виды маневрирования предваряли действия фланкеров из числа кирасир. Фланкеров назначали из самых метких стрелков эскадрона, они были первыми кандидатами на получение унтер-офицерского чина, имели статус младшего командира и во всех полках, кроме Жандармского, именовались *Gefreite-Karabinier*. Эту особенность подчеркивало и обмундирование — как у рядовых, но со специальными султанами на шляпах

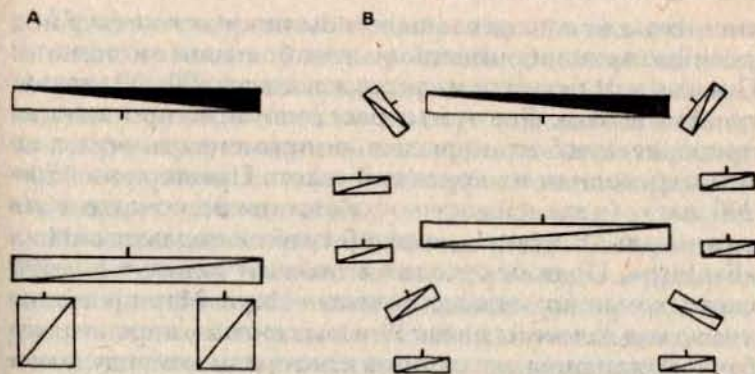
* Недурной пример пресловутой страсти Фридриха к «нерассуждающим автоматам», не правда ли?

(белые с черным верхом и двумя широкими черными поперечными полосами).

Фланкеры умели заряжать оружие и вести прицельный огонь на скаку, тем самым избегая ответного огня противника. Использовались они в качестве застрельщиков, а также для отражения фланговых ударов противника. Перед началом боя их использовали для ведения разведки (группами по 6—20 человек под командованием унтер-офицера или офицера). Фланкеры также прикрывали отступающий полк: группами по четыре человека они действовали на дистанции около 100 метров друг от друга. Под прикрытием цепи застрельщиков и легкой пехоты производилось развертывание полка. Солдаты действовали парами, стреляя по очереди и прикрывая друг друга во время перезарядки оружия. Кавалеристы с нарезными карабинами, даже с учетом их малой численности (всего 50 человек на кирасирский полк), могли поколебать строй пехоты противника и внести в его ряды беспорядок, после чего следовала массированная атака.

На марше и в атаке на узком участке эскадрон строился в колонну фронтом в полувзвод. После сближения с противником, как видно выше, рекомендовалось развернуться с фронтом в полный взвод. Это производилось так: первый взвод галопом уходил на правый фланг, второй выдвигался вперед, два остальных выдвигались на левый фланг; в виде исключения третий взвод мог заполнить оставшиеся в строю промежутки. Фридрих предпочитал атаку колонной с фронтом в полный взвод или эскадрон, но это последнее построение могло применяться в качестве промежуточного для развертывания всего полка в трехшереножную линию (такое построение обычно производилось еще перед началом боя).

Дельбрюк так описывает тактику действий пруссаков: «В то время как в 1748 г. Фридрих еще довольствовался атаками с расстояния в 700 шагов, в 1755 г. он уже требовал атаки с 1800 шагов, причем последний участок должен был проходить на полном карьере. Он требовал от командиров никогда не допускать, чтобы их атаковали, они всегда должны были атаковать первыми:

Схемы показывают так называемую атаку во фланг и с тыла. Линейная кавалерия атаковала противника по фронту, в то время как гусары заходили с флангов

«Когда таким образом огромная сомкнутая стена с сильным порывом обрушивается на неприятеля, то ничто ей уже не может оказать сопротивление...» Сомкнутая тактическая единица настолько поглощала отдельного всадника, что король предпочитал, чтобы рукопашного боя, по возможности, не было вовсе, «ибо, — говорил он, — в этом случае решает дело рядовой, а на него положиться нельзя» (эту точку зрения разделял и Зейдлиц: по его словам, кавалерия «побеждает не саблей, а хлыстом». — Ю. Н.). Поэтому эскадроны не только должны идти каждый сомкнутым строем, стремя к стремени или даже колену к колену, но и не должно быть почти никаких интервалов между эскадронами первой линии; атака должна продолжаться за первую линию противника, гоня его перед собой, разгромить вторую — и лишь после этого второго успеха он считал возможным рукопашный бой. Интересно, что сжатие в тесно сомкнутых рядах могло достигать такой степени, что на скаку всадников в центральной части линии соседи нередко поднимали на воздух вместе с кошем.

Существовало несколько видов атак: полковая, линейная, эшелонированная, рассеянная, без четвертого взвода, с разворотом, в три линии, в пешем строю. Устав требовал добиться максимального сближения с про-

тивником до начала атаки, чтобы не подставиться под ружейно-артиллерийский огонь с большой дистанции. Прежде чем перейти на рысь, следовало 20—30 метров пройти шагом. Две трети расстояния до противника преодолевали бодрой рысью, не применяя шпоры, а затем переходили на короткий галоп. Примерно в 120—200 шагах (в зависимости от обстановки), командир командовал: «В атаку!», а штаб-трубач подавал сигнал «Fanfago». Полк переходил в полный галоп; в 80—100 шагах командир отдавал приказ «Марш-Марш!» и поднимал над головой палаш. Услышав сигнал старшего трубача, командиры эскадронов повторяли команду, рядовые поднимали палаши, давали лошадям шпоры и врубались в ряды противника с криками «Husch! Hoch!».

Если атака проводилась на вражескую кавалерию, не столь устойчивую в бою, как пехота, сближение начинали рысью, как можно теснее сомкнув ряды и не загоня лошадей. Важно было рассчитать последний рывок так, чтобы лошади не выдохлись, а вся линия не потеряла равнения. Опрокинутую кавалерийскую линию противника следовало гнать на расположение второй неприятельской линии (если таковая имелась), стараясь не давать возможности вражеской коннице просочиться в интервалы собственного строя.

Одной из форм атаки была линейная, в которой все эскадроны полка выстраивались в одну линию, наступая на широком фронте. Однако эта атака имела серьезные недостатки: малейшее препятствие на местности расстраивало ряды и разрывало строй. После перехода на галоп было уже невозможно маневрировать. Если атака развивалась успешно и первая линия противника оказывалась рассеянной, на таком широком фронте было трудно восстановить строй, прежде чем вторая вражеская линия переходила в контратаку. Если же атака захлебывалась, то первая линия наступающей кавалерии откатывалась назад, расстраивая ряды второй линии. Поэтому в целях преодоления этих недостатков Фридрих с самого начала своего правления разработал методику так называемой эшелонированной атаки с фронтом в один-два эскадрона (дистанция порядка 30 метров).

При эшелонированном построении было значительно легче охватить фланг противника, к тому же полк всегда имел один-два эскадрона в резерве. Кроме того, особенности поля боя, как правило, не давали возможности⁴ развернуть полк во весь фронт; таким образом, эшелонированная атака стала наиболее часто применяемой в прусской армии.

Массированная кавалерийская атака «по-прусски» имела несколько особенностей. Кирасиры и драгуны рассматривались в качестве линейной кавалерии, а гусары с их легкими лошадьми и слабой выучкой считались непригодными для линейного маневрирования. Вместо этого гусар использовал для прикрытия флагов линии. Построившись в колонну по пять или десять эскадронов, гусары держались за фронтом тяжелой кавалерии. После того как раздавался сигнал о переходе на галоп, гусарские эскадроны на своих более легких и проворных лошадях опережали кирасир, образовывали уступ и поэскадронно (как правило, подва) делали заезд во фланг неприятеля, охватывая его и врываясь в тыл, пока на полном скаку закованные в сталь массы кирасир врывались в ряды противника с палашами наголо. Этот прием, своего рода кавалерийский эквивалент «косой атаки», часто решал ее судьбу. Фридрих в свойственной ему лаконичной и энергичной манере так охарактеризовывал это: «Каждый кавалерийский офицер обязан твердо зарубить себе в памяти, что для поражения неприятеля нужно только два дела: первое — атаковать его с наивысшей скоростью и силой, второе — охватить его фланги!»

Следующий вариант атаки — атака в три линии. Несмотря на название, она фактически осуществлялась в две линии; третья формировалась на флангах за счет четвертой шеренги на левом фланге каждого взвода. В момент перехода на галоп происходило перестроение, третья линия выдвигалась на фланги и осуществляла охват противника примерно тем же способом, который описан выше.

В середине XVIII века предписывалось не нападать на пехоту противника, твердо стоящую на месте. Атаки производились на перестраивающегося, наступающего

или отступающего противника, чьи ряды расстроены. Если вражеская пехота была выстроена в каре, прежде чем наносить основной удар, требовалось атаковать с флангов, вынуждая пехотинцев разрядить оружие во второстепенную цель; для этого привлекались гусары. Кроме того, гусары в рассыпном строю могли следовать перед линией тяжелой кавалерии, отвлекая на себя огонь, а затем отворачивали в стороны, давая проход кирасирам. Кстати, многие прусские офицеры жаловались, что плохо выезженные гусарские кони боялись выстрелов и потому слишком часто отворачивали в неподходящий момент. На пехоту следовало начинать атаку с более дальней дистанции, так как в этом случае потеря ровного фронта не имела особого значения. Гораздо важнее было скорее преодолеть простреливаемое пространство и не позволить пехотинцам противника дать больше 1—2 залпов. Нарушение этого правила приводило к печальным последствиям: например, при Кунерсдорфе кавалерия Зейдлица вышла в неподготовленную атаку на сохранившую порядок пехоту и артиллерию русских с большой дистанции и была расстреляна пушечным огнем, не успев причинить противнику вреда.

Атака в колонне (эскадроны и полки строились в затылок друг другу), в существование которой в Пруссии почему-то не верят почти все наши историки, использовалась в основном против пехоты противника. Часто при этом кавалерию поддерживала собственная пехота и артиллерия: едва враг показывал признаки колебания, конница прорывалась в образовавшиеся в его построении бреши и заходила в тыл.

Особое внимание уделялось сбору личного состава в бою, который проводился по сигналу «Appell» — кавалеристы после атаки как можно быстрее строились в три шеренги слева от своего штандарта. При этом солдату надлежало вновь встать в свою шеренгу, а конкретное место в строю, которое он занимал до атаки, значения не имело. В ходе описанной выше успешной атаки полку предписывалось занимать территорию, наносить противнику максимальный урон и держать в бою как можно больше людей. Поэтому от захвата пленных и,

тем более, трофеев рекомендовалось воздерживаться. Преследование нельзя было проводить силами всего эскадрона, а только четвертым взводом. Как правило, преследовать отступающего противника поручалось боснякам и гусарам. Прочие же силы кавалерии быстро перегруппировывались и готовились к возможной новой атаке, особенно если противник продолжал оказывать сопротивление.

При преследовании гусары проходили через 50-шаговые промежутки, образованные четными эскадронами или каждым четвертым взводом. После этого нечетные гусарские эскадроны рассыпали строй и преследовали бегущего противника. Четные эскадроны оставались в строю и двигались в 200 шагах следом. При проходе через взводные промежутки (если количество гусарских и линейных эскадронов совпадало), только первые два взвода каждого гусарского эскадрона рассыпали строй. Остальные подразделения двигались строем в 200 шагах от передовых кавалеристов. Если кавалерия противника начинала контратаку, гусары откатывались назад, за строй тяжелой конницы, откуда вели огонь, чередуя залпы взводами. Считалось, что стрельба сильнее подрывает боевой дух противника, чем звон сабель. Тем временем тяжелая кавалерия вновь переходила в атаку, довершая разгром.

Допускалась атака с перевернутым фронтом (после разворота). Охват производили в три или четыре шеренги.

При поворотах взводом или эскадроном опорный фланг стоял на месте, а поворачивающийся гускал лошадей в галоп. Кроме этого, полк мог поворачиваться вокруг центра, при этом часть взводов разворачивалась на месте. После завершения маневра полк останавливался и выращивал ряды.

В обязанности офицеров входил контроль за состоянием лошадей, то же выполнял дежурный унтер-офицер. Если на марше лошади начинали терять форму, офицеры эскадрона обязаны были принимать соответствующие меры (под личную ответственность командира).

Действия в пешем строю в основном предусматривали огонь развернутого строя. Как уже говорилось выше, в конном строю кирасирам и драгунам (кроме кирасирских фланкеров) запрещалось вести огневой бой. Кирасирам вообще нельзя было спешиваться — их привлекали только для конных атак. В отличие от них, драгуны могли с равным успехом сражаться как верхом, так и в пешем строю, но вести ружейный огонь с коня не имели права. Гусары не использовались в качестве пехоты, но тактика их действий (рассыпной строй) позволяла им спешиваться, когда это диктовалось обстановкой. В бою в конном строю вести огонь могли только гусары — тяжелую кавалерию Фридрих на это не отвлекал.

Таким образом, залповый огонь вели только спешенные драгуны. Их строили в три шеренги; виды стрельбы включали в себя огонь взводами, отделениями и шеренгами (при этом первая спешенная шеренга опускалась на колени). Залпы чередовались через второго или четвертого во взводном расчете, часто практиковалась стрельба взводами и полувзводами. Следует отметить, что драгунские ружья со штыками были короче пехотных и стреляли на меньшую дистанцию (150 метров) и гораздо менее метко, чем огнестрельное оружие пехотинцев. Укороченный гусарский карабин (для фланкеров) — своего рода удлиненный пистолет — отличался еще меньшей прицельной дальностью (80 метров). В гусарских полках применялся и эскадронный залп из пистолетов.

Хваля или критикуя фридриховскую кавалерийскую тактику, не следует забывать, что возрождение прусской конницы в 40–50-е годы XVIII века было неразрывно связано с тактикой королевской армии. Обучение и действия последней находились в строгом соответствии с канонами линейной тактики, затрудняющей маневрирование пехоты в ходе сражения. Такой же тактикой руководствовались и противники Фридриха. В этих условиях конница становилась самой подвижной частью боевого порядка армии и успешно совершала фланговые атаки. В боях с армиями, развернутыми в линии, эти атаки (поддержанные пехотой), быстро «сворачивали» и разрушали построение противника с выбранного

фланга и часто становились основным фактором достижения победы в полевым сражении.

Уже в кампании 1744–1745 годов пруссаки, освоив новую тактику, начали применять ее с ошеломляющим успехом, и первыми почувствовали на себе силу ударов обновленной прусской кавалерии австрийцы. 1745 год: июнь — Гогенфридберг, река Зоор, сентябрь — Сова, Гросс-Хеннерсдорф, Герлиц, декабрь — Кессельдорф. Австрийские офицеры и солдаты привыкли к тому, что и их собственная конница и конница противника движется «маленькой рысцой» и ведет беглый огонь с коня развернутым строем, стоя на месте. Поэтому первая же атака пруссаков привела врага в состояние паники: «...на каре австрийской пехоты помчалась без единого выстрела линия кирасир. Они ехали так быстро и так сомкнуто, что казались австрийцам своеобразной живой стеной, неумолимо надвигающейся на них. Внезапно из-за фронта тяжелой конницы появились гусары, на полном скаку сделали поворот и очутились на фланге австрийцев. Этого удара они не выдержали и побежали. Атаку сомкнутым строем завершило преследование рассыпным строем...»

В Европе применение новой тактики произвело эффект разорвавшейся бомбы. Так, офицер австрийской кавалерии Гибер вспоминал в своих записках: «В одной только Пруссии офицеры и солдаты обладают уверенностью в лошади и смелостью в управлении ею. Они как бы составляют единое целое с лошадью и проводят в жизнь древнее сказание о кентаврах. Только там видны на маневрах 60–80 эскадронов силой в 130–140 коней каждый, составляющие крыло всей армии. Только там можно видеть 8–10 тысяч всадников, производящих атаку на несколько сот саженей в совершенном порядке и после остановки начинающих подобную же атаку против предложенного, внезапно появившегося в новом направлении противника...»

Вслед за восхищением в стан противников Фридриха вкралась тревога. Первыми опомнились австрийцы, которые до начала Семилетней войны развернули программу переучивания своей кавалерии по фридриховскому образцу. Однако, как и впоследствии русские, ав-

жёлтая. Кисти в углах красные, сунтан белый. Галстук чёрный. Рейтузы палевые, сапоги чёрные с белыми штибелъ-манжетами. По борту колета, шемизета, фалдам и обшлагам нашит полковой галуи (белый с двумя синими просветами). Перевязь карабина белая с полковым галуи по обоим краям. Перевязь лядунки, подвеска ташки и палаша белые. Кируса чёрная с синей вышивкой по шейному и боковому вырезам и белыми ремнями. Лядунка чёрная с латунной бляхой. Кушак синий. Темляк красный с синей гайкой и белой кистью. Ташка синяя с белым вензелем и полковым галуи по краям. Палаш с латунным эфесом, ножны чёрные с железными накладками. Перчатки замшевые

стрийцы не увидели не только духа, но даже и самой буквы реформ Фридриха. Хотя и здесь тяжелую конницу стали обучать атакам на холодном оружии, но... по-прежнему разрешалась и стрельба с места. Какой способ боя избрать, зависело от командира полка — это часто отрицательно сказывалось на результатах атак. Французы же вообще с пренебрежением отнеслись к тактическим изыскам «бранденбургского маркиза». Поэтому после начала Семилетней войны Европа услышала о таких городках, как Росбах и Лейтен.

Рядовой лейб-кирасирского полка (1762 год). Колет белый с белыми фалдами, погоном, синим воротом и обшлагами. Шемизет (жилет) синий. Шляпа черная с черными бантом и петлицей, пуговица

Кроме обучения ведению фронтального боя тяжелой конницей, Фридрих придавал огромное значение подготовке гусар, поскольку на них легла главная тяжесть «малой» рейдовой войны и именно им пришлось столкнуться с многочисленной и отличной по качеству «природной» конницей Австрии и России.

К тому же гусарские полки того времени во всех европейских армиях страдали неким оттенком иррегулярности, а их личный состав был хуже подготовлен к боевым действиям как в индивидуальном, так и в групповом плане. Другое дело, что, например, австрийцы вербовали своих гусар из числа жителей долины Пушта, где уже много веков жили пандуры — великолепные природные наездники. Русские располагали такими же по качеству казачьими полками, а вот пруссаки в силу культурных и географических причин были начисто лишены природной кавалерии. Поэтому немногочисленные гусарские полки в первые годы правления Фридриха переняли только отрицательные черты «полурегулярства», почти совершенно не восприняв положительных.

В частности, низкорослые гусарские лошади по уставу не подлежали выездке. Согласно воззрениям военных начала XVIII века, высокое качество конского состава в гусарских полках и его тренировка к действиям в боевой линии были вовсе не нужны: гусар учили в основном действиям в рассыпном строю как верхом, так и (весьма часто) пешим порядком. Строго говоря, если драгуны были «ездящей пехотой» регулярного образца, то гусары — нерегулярного. Это накладывало негативный отпечаток на их подготовку. Несомненным плюсом прусских гусар являлась лишь их жесткая, как и в остальной фридриховской армии, дисциплина.

Вскоре после начала войны за Австрийское наследство, когда тогдашний слабый уровень подготовки прусской кавалерии оказал самое неблагоприятное влияние на ход боевых действий, Фридрих издал в 1742 году «Инструкцию полковникам и всем офицерам гусарских полков». В этом пособии король указал гусарским офицерам обратить самое серьезное внимание на следующие положения:

«1. Полковники и командиры гусарских полков, так же все штаб-офицеры должны приложить все усилия, чтобы держать свои полки в наилучшем порядке, чтобы их люди хорошо учились ездить верхом, быстро и правильно седлать и хорошо действовать саблей.

2. Офицеры полков должны так же хорошо обучить своих людей, как и в других полках, а также постоянно внедрять им, что должно в большинстве случаев атаковать вполне сомкнуто и с саблей в руке.

<...>

4. Когда полк ударит на неприятельских гусар, можно рассыпать в каждом эскадроне самое большое по одному взводу; если же, противно обыкновению, гусары (противника) не будут стрелять, то полки обязаны, если противник слабее их, атаковать его вполне сомкнуто, с саблей в руке и прогнать.

<...>

17. Ни один гусарский офицер никогда не должен преследовать слишком далеко неприятеля, так как конечно надо полагать, что последний имеет всегда резерв, почему может оказаться сильнее его преследующих; к тому же лошади будут очень утомлены горячим преследованием, потеряют дыхание и потому легко могут быть настигнуты свежими лошадьми неприятельского резерва, а тогда люди будут изрублены без всякой пользы».

В 1759 году была издана новая «Инструкция», в которой отражен боевой опыт предыдущих кампаний и начального периода Семилетней войны:

«Гусары, при обучении пешком, должны быть вполне обучены и приучены располагаться за изгородами и стенами, быстро заряжать и аккуратно стрелять, так как гусарам часто приходится спешиваться и действовать против неприятеля таким способом».

Как видно из этих правил, Фридрих изначально готовил гусар к отправлению патрульной службы и ведению «малой войны»: рейдовых и контррейдовых операций. Основным для гусар был огневой бой, хотя, например, при Росбахе в 1757 году они сумели опрокинуть во фланговой атаке тяжелую бригаду французских жандармов. Кроме действий в рассынном строю, эшелонированной

атаке, охвате флангов и преследования отступающего противника, прусские гусары привлекались для организации засад, в которых противника поджидало несколько хороших стрелков и небольшой кавалерийский отряд.

Гусары выполняли функцию боевого охранения на марше. Передвигающаяся колонна выделяла авангард и арьергард. Гусарский авангард колонной с фронтом в один взвод двигался примерно в километре от авангарда армии. В боевое охранение поочередно отправлялись группы по 60–100 человек во главе с офицером. Фланговые патрули всегда находились под командованием унтер-офицера и постоянно поддерживали связь с основными силами. Разведывательные патрули, возглавлявшиеся офицером (20–30 человек), действовали в отрыве от главных сил.

Однако Семилетняя война показала, что этих сил явно недостаточно. Поэтому пруссакам пришлось привлекать для фуражировки, походного охранения войск на марше и к конвоированию обозов все рода конницы, в том числе и тяжелой, и даже пехоту. Значительные потери, которые наносили прусским гусарам австрийские кроаты (хорваты) и пандуры, а также русские казаки, сделали необходимым усиление конных патрулей для увеличения их огневой мощи подразделениями фузилеров (затем и егерей). Этот шаг стал столь же вынужденным, сколь и малоэффективным: тяжелые и ширококостные кони кирасир и драгун физически не выдерживали трудностей бесконечных походов, а подразделения линейной кавалерии ничего не могли противопоставить тактике «бей и беги», применявшейся руской и австрийской легкой иррегулярной конницей.

Мало того, в ходе войны русские войска стали применять тактику рейдов комбинированных отрядов тяжелой конницы и казаков. Зная, что в открытом бою недостаточно подготовленная в то время русская кавалерия не выстоит против вышколенных бойцов противника, ее частям стали придавать отряды иррегулярной конницы. Пока регулярные части русской конницы встречали атаку сомкнутого боевого порядка пруссаков, с флангов последних обходили казаки, калмыки или другие пере-

гулярные конные части. Неприятель в таких случаях был вынужден сбавлять темп атаки, рассеиваться и расстраивать свои ряды, принимая бой. В одиночном же рукопашном бою на саблях пруссаки явно уступали «природным» наездникам и несли большие потери, а тем временем в атаку переходила линейная кавалерия русских.

Последствия применения такой тактики иллюстрируют донесения Румянцева, командовавшего в Семилетнюю войну русской кавалерией и совершившего весьма результативный рейд в Померанию в главе конного корпуса численностью порядка 6000 человек:

«Вчерашнего числа семисотная прусских гусар команда, прибыв к местечку Рагниту, кое отсюда расстояние в милю на левом крыле нашего лагеря лежит, и совокупясь с обывателями, в сражение с нашими калмыками и донскими казаками вступила, но нашим легким войскам, кои кавалериею, под командою генерал-майора Шиллинга для прикрытия фуражиров послана, подкреплены будучи, гусар разбили и из города выгнали, при котором случае в полон взято 1 подпрапорщик Малаховского и 3 человека гусар Черного полков...»

Под Ризенбургом (1758) пруссаки снова нарвались на сходный прием:

«... генерал-майор Демику з детаашаментом своим сего июня 8-го от меня отправлен и 9-го к местечку Резенбурху приближался пополуночи в 8-й час, где и усмотрена им в правую сторону неприятельская гусарская партия, против которой от него господи и бригадир Краснощечкой с полковником Дячкиным и 500-ми казаками, а в подкрепление господин бригадир Стоянов с полковником Зоричем, подполковником Текеллием и майором Фолкерном посланы были, из которых первые оба призываются Краснощечкой и Дячкин храбро оную партию атаковав разбили, и живых один корнет и 31 рядовых в полон взяты и ко мне присланы; а убитых с неприятельской стороны сочтено 28... с нашей стороны при сем сражении легко рапелных 3 казака только находитца».

У Черлина и Пнева (1759) ситуация повторилась:

«В силе высокого ордера я с вверенною мне из 238 человек гусар и 200 человек казаков состоящею коман-

дою сего числа в пятом часу под местечко Черлин прибыл, где под самым тем местом двумя эскадронами прусских Цитенова полка гусар истречен и оных тотчас атаковал, в местечко вогнал, из оного выбил и до самого местечка Гур расстоянием в полторы мили гнал, из которых 2 эскадрона гусар и пехота, им на сикурс определенная, для подкрепления выступить стала, но я, усмотря гораздо превосходящую силу, и будучи как люди, так и лошади несколько уже утомлены, оставясь построился и в надлежащем порядке к Черлину возвратился. При сем сражении, сколько на возвратном пути усмотреть можно было, 40 человек неприятельских гусар и 1 капитан убиты, а в полон взяты 4 капрала и 15 человек гусар с лошадьми, ружьями и аммуничными вещами; с нашей стороны вспоможением Божиим никто не убит, а ранены 3 человека и 1 гусарская лошадь убита».

«... сербского гусарского полку подполковника Текелля (Текелли. — Ю. Н.) с 2-я гусарскими полками и с казаками на подкрепление командировал; неприятель, видя сие прибавление, своих гусар с обеих флангов выслав, кои построясь, с нашими перестреливаться стали. Генерал-майор Тотлебен, усмотря, что неприятельские гусары пехотой подкреплены и что весь авангард в ордер баталии стал и из пушек стрелять начал, приказал своим гусарам и казакам отступать до реченной деревни Церквицы, в таком намерении, чтоб неприятельских гусар ближе к себе приманить. Прусские, хотя пользоваться тем отступом, на наших наступать стали, но в самое то время венгерского полку полковник Зорич с двумя эскадронами гусар и с 200 человек казаков, примкнув к отступающим и построясь, вместе на неприятеля ударили, в котором сражении взяты гусарами и казаками 13 человек в полон, между которыми 1 корнет, 1 капрал и 4 человека гусар раненых, а прочие здоровы: побито на месте более 60-ти человек, а по сказкам пленных и дезертиров более 100...»

Ясно видно, что, столкнувшись с этим приемом, прусские кавалеристы стали проигрывать и мелкие, и крупные стычки. Чтобы эффективно противодействовать такому способу ведения войны, Фридриху была крайне необходима собственная нерегулярная кавале-

рия из числа природных всадников. Однако такой в Пруссии не было по географическим и историческим причинам. Еще в войне 1740—1748 годов король, поняв преимущества легкой гусарской конницы Австрии, издал специальный приказ, по которому прусской кавалерии запрещалось удаляться на большое расстояние от пехоты и артиллерии. В 50—60-е годы, когда на сцене появилась русская армия с ее казаками и калмыками, ситуация еще больше ухудшилась. Легкая русская конница постоянно тревожила тылы пруссаков. В кампании 1758 и 1759 годов от казаков не мог укрыться ни один шаг войск Фридриха, в то время как маневрирующая русская армия оставалась более или менее надежно прикрытой.

К началу Семилетней войны пруссаки попытались решить эту проблему путем формирования в некоторых областях страны ополченческих кавалерийских отрядов. Они создавались, например, в Померании, Бранденбурге, а также районах Магдебурга и Хальберштадта и именовались «вольными гусарами» и «вольными драгунами». За редким исключением, они не отличались сносной боеспособностью, хотя их часто придавали для несения вспомогательной службы регулярным полкам. Эти «эскадроны», состоявшие из еле научившихся сидеть в седле и держать саблю и карабин бюргеров, для решения задачи противодействия казакам и пандурам явно не подходили.

Таким образом, даже такой великолепный, словно вышедший из сказки, боевой механизм, как прусская конница, оказался способным действовать исключительно при поддержке пехоты и артиллерии. К самостоятельным действиям пруссаки подготовлены не были и, в сущности, продемонстрировали свою полную незащитность от нападения легкой нерегулярной кавалерии Австрии и России в «малой войне». Фридрих не смог ликвидировать отставания путем тренировок личного состава, хотя некоторые полки (например, «белые гусары», шефом которых долгое время был Зейдлиц) имели великолепную подготовку:

«Он учил их искусно владеть саблями, садиться на лошадей без стремян и поворачиваться во все стороны,

сидя на ней и не останавливая своего бега. Он хотел, чтобы конь и всадник составляли одно; чтобы неровности земли исчезли и в пылу самого быстрого движения господствовала обдуманная ловкость. Обучить лошадей по всем правилам искусства, укротить самую резвую и владеть самой пылкой, — это было обязанностью каждого простого гусара. Надлежало перескакивать через глубокие рвы, через высокие заборы, надобно было скакать в кустарниках, плыть через глубокую воду... Еще труднейшей целью совершить было то, чтобы на всем скаку заряжать карабин и стрелять метко».

Кстати, прусские гусары настолько ярко зарекомендовали себя в Семилетнюю войну, что многие авторы

Генерал Зейдлиц при Росбахе. 1757 год

(в основном русские), описывая сражения с пруссаками, вообще не упоминают о том, что у Фридриха были еще какие-то виды конницы, кроме гусарской. Складывается впечатление, что им об этом просто неизвестно.

Свои основные черты — напористость и азарт — прусская конница во многом переняла у своего любимого командира, Фридриха Вильгельма фон Зейдлица. Этот молодой генерал (за сражение у Колина в возрасте 35 лет он получил чин генерал-майора и орден Черного орла, через несколько месяцев, за битву при Росбахе, — генерал-лейтенанта) был настоящим лихим кавалеристом. В юности, забавы ради, он проскакивал на полном карьере между крыльями ветряной мельницы. Зейдлиц попадал из пистолета в подброшенный талер, из окна своего дома простреливал веревки колоколов. Как-то на прогулке находившийся в свите короля Зейдлиц (тогда еще корнет) заявил, что пешему воину иногда приходится сдаваться в плен, но конному — никогда. Услышав это, Фридрих, когда переезжал мост, остановился, позвал к себе Зейдлица н, приказав вынуть несколько досок впереди и сзади, сказал ему: «Вот ты на коне, а мой пленник». Однако корнет заставил коня прыгнуть через перила в реку и вплавь выбрался на берег. Король немедленно произвел его сразу в ротмистры, а затем приблизил к себе (и не ошибся).

В то же время Зейдлиц слыл первым жуиром и дамским угодником прусского королевства. Франтовской в одежде, Зейдлиц (несмотря на неудовольствие всегда неряшливого Фридриха II) приучил н всю свою конницу щегольству. Известен случай, когда король, увидев после визита Зейдлица в своей прихожей меховую муфту, решил, что она принадлежит генералу, и швырнул ее в камин, желая отучить Зейдлица от неги. Однако оказалось, что этот предмет гардероба забыл испанский посол, так что Фридриху пришлось посылать в Берлин за новой муфтой. Весьма оригинален был генерал и в дисциплинарных вопросах: если кто-либо из его офицеров без разрешения покидал лагерь, Зейдлиц сам вскакивал в седло и скакал вдогонку. Если он настигал виновного, то налагал на него соответствующее наказание; если нет, то хвалил за резвую езду.

Однако весь этот наносной шнк слетал с генерала на поле битвы: действия Зейдлица отличали тщательная подготовка войск, смелое и быстрое маневрирование и перестроение боевых порядков кавалерии, стремительность атак. Большое значение он придавал личному примеру командиров, постоянно сам вел свою конницу в огонь, все время находясь в первых рядах, а при Кунерсдорфе получил тяжелое ранение картечью. Требуя строгой дисциплины, Зейдлиц решительно выступал против телесных наказаний. Даже крайний «антипруссак» Фридрих Энгельс высоко оценивал роль Зейдлица в развитии кавалерии

* * *

Чем же характеризовалась кавалерия России и Австрии? Новые штаты русской конницы увидели свет перед самой Семилетней войной, в марте 1756 года. Число кирасирских полков (в 1730—1731 году их планировалось создать десять, но людей и дорогих породистых лошадей сумели наскрести только на три, не считая лейб-гвардии Конного полка) было доведено до шести. Драгунских полков было 27: 20 полевых и 7 гарнизонных. Гусары в своем составе имели 10 полков, из них 4 поселенных. Впервые появились конногренадеры (в армии Петра I были драгунские гренадерские полки), заимствованные из Австрии. В причисленные к тяжелой кавалерии конногренадерские полки переименовали 6 драгунских.

Состояние кавалерии в 30—40-е годы было на редкость плачевным. Политика «жесткой экономии» в течение нескольких лет привела к полному упадку некогда вполне добротной петровской конницы. Рыночные цены на лошадей, сено, овес и солому росли, но дополнительные ассигнования на содержание кавалерии правительство не выделяло. Это привело к тому, что в армейских конюшнях появилась масса лошадей, не удовлетворявших требованиям строевой службы. Их кормили одним сеном и, от греха подальше, старались поменьше утруждать, сведя занятия верховой ездой к одному разу в 10 дней. По словам австрийского офицера, капитана Парадиза, в 30-е годы находившегося в Рос-

сии, «в кавалерии у русской армии большой недостаток... Правда, есть драгуны, но лошади у них так дурны, что драгун за кавалеристов почитать нельзя. ...Драгуны, сходя с седла, лошадей на землю валили».

Инициатива формирования кирасирских полков, замещенных из Пруссии, принадлежала президенту Военной коллегии при Анне Иоанновне фельдмаршалу Миниху. При нем же, впервые после смерти Петра, были приняты меры для улучшения конного состава русской регулярной конницы. Миних решил, что драгунам уже ничем помочь нельзя, и задумал создать настоящую кавалерию (юрасир) в дополнение к «ездящей пехоте» — драгунам.

Реформирование конницы России пришлось начать с еще меньшего, чем у ее союзников-австрийцев, — с приведения кавалерии в соответствие ее названию. Например, срочно повысили закупочные цены на лошадей (для драгун с 20 рублей до 30) и сократили срок их службы с 15 лет (!) до 8. Поэтому ценой больших усилий русскому командованию все же удалось хотя бы частично обновить дряхлые «зоопарки», в которые превратились конные полки елизаветинской армии к моменту вступления страны в боевые действия на Одере. Гусарские лошади были еще более дешевыми (18 рублей) и не подлежали выезде.

Кроме этого, в кавалерии был принят ненавидимый Керсновским Устав 1755 года, почти полностью списанный с фридриховских «Инструкций». Его положения точно повторяли и наставления прусского короля, однако появился он слишком поздно — перед самой войной, поэтому конница еще не успела переучиться на его стандарты, что русские сразу же почувствовали на себе при Гросс-Егерсдорфе.

В конце осени 1756 года Россия выделила для вторжения в Пруссию следующие кавалерийские части. В Курляндии и Лифляндии находились 5 кирасирских, 3 гусарских полка и более 6000 донских и чугуевских казаков вместе с отрядами волжских калмыков, башкир, мещеряков и казанских татар. Под Стародубом, Черниговом и Смоленском дислоцировались 5 конногренадерских, 4 драгунских и 1 гусарский полк. Этой группировке было

придано уже 12 тысяч человек иррегулярной конницы, в большинстве своем донских казаков. Эти силы, к которым впоследствии присоединился еще один драгунский полк, двинулись в Восточную Пруссию.

Кирасирский полк русской армии насчитывал 947 кавалеристов и делился на 5 эскадронов двухротного состава (по 94 человека в роте). В конногренадерском полку числилось 956 человек, его организация не отличалась от кирасирского. Драгунский полк был несколько больше: в его составе числился 1141 солдат и офицер, он делился на 6 двухротных эскадронов (2 из них были гренадерскими, прочие — фузелерными). И конногренадерская, и драгунская роты имели по 95 человек. Драгунский полк имел 13 барабанщиков и 8 гобоистов; число трубачей было сведено к 2. Лейб-гвардии Конный полк (как и остальная гвардия, не принимавший участия в Семилетней войне) имел кирасирские штаты, но в его составе числилось 1432 человека и 1101 строевая лошадь.

Гусарский полк (1203 человека) состоял из 5 эскадронов по две роты в каждом. В роте было 120 гусаров. Гусар в то время вербовали в Сербии, Молдавии, а также (в Грузинском полку) из числа молодых грузинских дворян. Поселенные гусарские полки отличались от полевых тем, что каждый гусар получал земельный надел в Малороссии и жалованье (38 рублей и 94 копейки в год) на приобретение оружия, одежды и лошади. По приказу правительства гусары немедленно должны были быть готовы выступить в поход, что отчасти похоже на систему службы казачества. Все это говорит о сходной с прусской ситуацией — низкой подготовке гусар к действиям в «правильном» строю и вообще использованию в качестве регулярной кавалерии — их применяли наравне с казаками и калмыками, в рейдовой войне и конных операциях.

Следует отметить, что в связи с отвратительным качеством боевой подготовки и неудовлетворительным состоянием конного состава многие кавалерийские полки регулярной армии имели только по 3 эскадрона. Осенью 1763 года Румянцеву поручили провести инспекционный смотр по коннице. Из четырнадцати пол-

ков, которые генерал сумел осмотреть, ни один (!) не был удовлетворительно подготовлен к походу: все они требовали доукомплектования, перевооружения и замены конного состава. Командирам полков пришлось давать элементарные рекомендации, вроде нужной подвязки стремян, обучения людей рубке и стрельбе из пистолетов и т. д.

Однако и следующий смотр, проведенный Румянцевым в марте 1757 года, показал полную неготовность кавалерии. Чтобы успеть подготовить хотя бы часть людей, Румянцев приказал выделить в полках по сборному эскадрону и усиленно заниматься с ними. Главкому Апраксину взбешенный генерал послал рапорт, что в сколько-нибудь удовлетворительном состоянии находится только Киевский кирасирский полк.

Кирасиры, конногренадеры и драгуны вооружались палашом или саблей, парой пистолетов и карабином (драгуны — облегченной пехотной фузеей или мушкетом со штыком), гусары — саблей, пистолетами и карабином. На самом же деле полного комплекта вооружения не было почти ни в одном полку: как правило, у кавалериста был либо карабин, либо пистолеты (один или два), а то он и вовсе сражался только холодным оружием. Конногренадеры имели по две ручные гранаты.

Иррегулярные формирования русской конницы были весьма многочисленны и оказались единственно боеспособными в начале войны. Казаки имели по две лошади (вторая — заводная и для перевозки поклажи), вооружались пикой, ружьем и саблей. Так же оснащались и калмыки с татарами, хотя калмыки-погонщики при казачьих сотнях имели только лук и стрелы.

«Процрусский» Устав 1755 года наконец-то, хотя и с опозданием, ввел трехшереножный строй атаки вместо практиковавшегося ранее двухшереножного. Для удобного ведения огня с коня (этот пережиток искоренить все же не удалось) допускалось эскадронное построение в 2 шеренги.

Даже заимствованную у фридриховской конницы атаку на быстрых аллюрах русские смогли превратить в нечто совершенно несуразное: во время атаки шеренги эскадрона размыкались, всадники 100 шагов двига-

лись «большим шагом», затем еще 300 шагов — «коротким», далее аллюр убыстрялся и движение продолжалось рысью, а затем широким галопом. Затем начиналось самое интересное: за 150 шагов до строя неприятеля эскадроны... останавливались, выравнивались и уплотняли строй. По желанию командира в этот момент солдаты могли открыть огонь из карабинов, и только потом (!) следовала атака карьером с холодным оружием. Сравните это описание с тем, как действовали пруссаки, и все станет ясно.

Драгунам предписывалось уметь строиться в каре для отражения атак легкой конницы и для конвоирования транспортов. Для этого в передний фас каре становились 3-й и 5-й эскадроны, в тыловой — 2-й и 4-й, а 1-й и 6-й — на флангах во взводных колоннах.

В случае необходимости такой боевой порядок применяли конногренадеры и даже кирасиры (напомним, у пруссаков последним категорически запрещалось спешиваться и вообще вести огневой бой). Поскольку в этих полках числилось по 5 эскадронов, то от каждого из них выделялось по 4 ряда солдат, из которых и формировался недостающий эскадрон в тыловом фесе каре.

Русские достаточно активно применяли такой вид «боевых действий» конницы. Правда, до войны как-то не учли, что построение в каре лишает тяжелую конницу ее главной ударной силы и обрекает спешенных кавалеристов на пассивную оборону. Напомним опять же, что ни у кирасир, ни у конногренадер не было штыков, а скученные кавалеристы становились отличной мишенью для рассыпных нападений прусских застрельщиков, поэтому позже от каре отказались.

В летнюю кампанию 1758 года при армии находились 5 кирасирских полков, вновь неполного состава (2 трехэскадронного и 3 двухэскадронного), 3 драгунских трехэскадронных полка, 4 гусарских полного состава, 1 — половинного и 3 отдельных эскадрона, сведенные из двух полков. В Тарутине для прикрытия оставался еще 1 трехэскадронный драгунский полк. Кроме того, имелась партия казаков (около 4000 человек). Вся кавалерия находилась под командованием П. А. Румянцева, о чем более подробно будет сказано ниже.

при описании боевых действий. В 1758 году Россия не сумела выставить ни одного (!) конногренадерского полка, а все пять имевшихся не соответствовали штатному расписанию и насчитывали не более трех эскадронов в каждом.

В целом же Семилетняя война, несмотря на все описанные выше недостатки, положительно сказалась на состоянии российской кавалерии. Именно в этот период в русской коннице впервые стала применяться тактика атакующих колонн, не использовавшаяся в европейской кавалерии со времен средневековья. Линейная тактика не предусматривала таких действий. Колоннами строились только на марше, а в бою фронт должен был быть непременно развернутым — тем самым добивались максимальной мощи огня, а шансы охватить фланги противника возрастали пропорционально длине фронта. Первым осознал эффективность атак в колоннах П. А. Румянцев.

В довершение вышедший в 1766 году устав «О конной экзерциции и о должностях при оной», обобщивший опыт войны, изменил существовавшую до сих пор устаревшую систему обучения кавалеристов. Его основные положения повторяли схему подготовки прусской конницы. В частности, наконец-то кавалеристов обязали упражняться с лошадьми каждый день, независимо от времени года: «Проезжать лошадей зимой и летом ежедневно, разве когда пружестокые морозы или метелища случатся, то такие дни пропускать...» Лошадей стали приучать к грохоту стрельбы и взрывам. На начальном этапе атаки устав отменил движение разомкнутыми шеренгами. Движение производилось плотным строем, что не требовало упоминавшейся ранее абсурдной «становки перед фронтом противника».

В ходе войны русские применяли и стратегические рейды кавалерии по тылам противника. Например, в знаменитом конном рейде Румянцева в Померанию (кампания 1758 года) участвовало: 1000 «выборных» гусар от разных полков, 1000 выборных казаков и 6 кирасирских эскадронов. Позже к корпусу присоединились конногренадеры и драгуны. Рейд, при всей его стратегической значимости, показал, насколько необходима

четко налаженная связь между главными силами армии и отдельными корпусами. Эскадроны Румянцева без толку, охраняя уже никому не нужные переправы, простояли в непосредственной близости от поля боя при Цорндорфе, ясно слышали артиллерийскую канонаду, но так и не вышли на соединение с армией Фермора. Между тем их появление могло решить исход битвы в пользу русских.

Что же касается конницы главного врага Пруссии во все правление Фридриха — Австрии, я лишь вкратце остановлюсь на ее характеристике.

В 1740 году конница Габсбургов состояла из 18 кирасирских, 14 драгунских и 8 гусарских полков. В 1741 го-

Австрийские гусар, кирасир, конногренадер

ду дополнительно к этому числу было сформировано 2 гусарских полка, в 1743-м — еще 1.

После окончания войны за Австрийское наследство австрийская конница сократилась до 29 кирасирских и драгунских полков и 4 гусарских, но с началом Семилетней войны ее численность вновь стала расти. За время войны было укомплектовано 3 гусарских полка (2 в 1756 году и 1 в 1761 году), а также 1 драгунский (в 1758 году).

Кирасирский полк австрийской армии состоял более чем из 1000 кавалеристов и имел в своем составе 6 эскадронов по две роты в каждом (в роте насчитывалось около 76 солдат и офицеров). Каждому полку придавалась карабинерская рота (94 человека), солдаты которой вооружались нарезными штуцерами. Драгунский полк имел схожие штаты, но вместо карабинеров ему придавалась рота конных grenадер. В гусарском полку было 5 эскадронов двухротного состава, всего 800 человек. К 1757 году полки гусар увеличились на 1 эскадрон, но элитных рот в их составе не имелось.

Во время боевых действий австрийцы часто практиковали выделение карабинерских и конногренадерских рот из состава полков и их сведение в отдельные ударные части.

Вооружение и экипировка австрийских кавалеристов были идентичны их аналогам у пруссаков, хотя элитные роты, приданные кирасирским и драгунским полкам, часто вооружались саблями вместо палашей.

Как и в Пруссии, кирасир использовали для атак сомкнутым строем и, как правило, не привлекали к фуражировкам, рейдам и конвоированию по уже известным причинам. Драгуны использовались для пешего и конного боя.

Подготовка регулярной австрийской тяжелой конницы значительно уступала прусской, особенно после реформ Фридриха Великого, что не замедлило сказаться на ходе многих крупных сражений второй половины войны за Австрийское наследство и Семилетней войны. Хотя в армии Марии Терезии проникли идеи Фридриха, там они не были использованы полностью. В начале 50-х годов австрийскую конницу также стали обу-

чать атакам холодным оружием на быстрых аллюрах (вначале рысью, затем на галопе, причем первая шеренга при этом могла стрелять из пистолетов, за 20—30 шагов лошадей пускали в карьер), однако.. по-прежнему разрешалась стрельба с места. Какой способ боя выбрать, зависело от командиров, что часто губительно сказывалось на результатах атак. Кавалеристы строились в три шеренги, но при стрельбе с места допускалось перестроение в две шеренги.

На время боевых действий Австрия могла формировать иррегулярные части конницы на территории Венгрии, Сербии и Валахии. На уже упоминавшейся венгерской равнине Пушта выращивались огромные табуны отличных строевых лошадей, там же Габсбурги вербовали в свою армию гусар и пандуров — «природную» кавалерию самого высокого качества. Гусарские полки состояли из венгров и по праву были лучшей частью австрийской кавалерии. Поэтому недостаточный уровень подготовки регулярной конницы с лихвой компенсировался большим числом иррегулярных кавалерийских формирований, которые использовались в кампаниях против Фридриха с большим успехом, тем более, что пруссакам нечего было этому противопоставить.

Несмотря на отличное качество иррегулярной легкой кавалерии, австрийцы сформировали несколько полков регулярной «облегченной» конницы. Это были шеволежеры и солдаты так называемого «фельдъегерского» корпуса. Оба формирования имели характер элитных: они носили особую униформу с киверами grenадерского образца и вооружались нарезными карабинами и саблями. Часто они придавались кирасирским и драгунским полкам в качестве подразделений «огневой поддержки».

Французская кавалерия начала — середины XVIII века послужила прообразом для формирования австрийской, а за ней и русской конницы. Со времен Людовика XIV кавалерия делилась на тяжелую: жандармов (аналог кирасир в других странах Европы), конногренадер и драгун, а также легкую — гусар и шеволежеров. Интересно, что если в начале XVIII века численность кавалерии в большинстве европейских армий составляла до

50 % личного состава армии, то во Франции кавалерии было в 1,5 раза больше, чем пехоты.

Вооружение тяжелой конницы составляли палаши, сабли, карабины и пистолеты. Драгуны, действовавшие как в пешем, так и в конном строю, кроме того, имели мушкеты со штыками. С конца XVII века драгунский полк насчитывал 750 человек и делился на 5 эскадронов трехротного состава (50 человек в роте). Драгуны составляли основную массу регулярной кавалерии: число жандармских, гусарских и легкоконных полков не достигало и двух десятков, в то время как драгуны насчитывали в разное время от 30 до 40 полков. Конногренадеры, как в Австрии и России, дополнительно вооружались ручными гранатами.

В конце XVII столетия французы сформировали отдельный карабинерский корпус численностью примерно 100 рот. Личный состав этого соединения организовывался по драгунскому образцу, но солдаты вооружались нарезными карабинами с увеличенной прицельной дальностью. Поскольку последние заряжались в два раза дольше, чем гладкоствольные карабины и мушкеты линейной кавалерии, карабинеры почти не использовались самостоятельно — это могло подставить их под удар вражеской конницы. Роты карабинеров придавались в качестве частей огневой поддержки как пехотным, так и кавалерийским полкам, батальонам и эскадронам.

Гусары, организованные по драгунскому образцу, комплектовались из сербских, валашских, венгерских и прочих наемников. Несмотря на отличные индивидуальные данные, к середине XVIII века они не изжили всех неприятных черт иррегулярности — были недисциплинированы, плохо управляемы в бою и в целом не проявили себя.

Тактика действий французов (впрочем, как и всех остальных европейских кавалеристов, кроме пруссаков) состояла в преимущественном ведении огневого боя в конном строю с места и атаке на медленных аллюрах (рыси). Для ведения огня кавалеристы строились в две или три шеренги; сходное построение применялось и для атаки. Кроме того, в Семилетнюю войну францу-

зы имели обыкновение встречать бешено несущуюся на них прусскую конницу, построившись в линию или развернутыми уступами от центра, стоя на месте и пытаясь отбить атаку ружейным огнем. Именно по этой причине их кавалерия проиграла все единоборства не только с тяжелой конницей Фридриха, но и даже с легкими прусскими гусарами.

Хотя в ходе Семилетней войны французы пытались применять атаки на быстрых аллюрах, результаты этого оказались неудовлетворительными. Так, во время Минденского сражения 1759 года (французы против пруссаков, ганноверцев и англичан) его участник, французский офицер Моттен де ла Бальи, описал следующий случай:

«Английская пехота своим огнем произвела сильное замешательство в рядах, стоявших перед нею. Жандармы и карабинеры получили приказание идти в атаку. Хотя они и понеслись с места галопом, но ряды их сначала сомкнулись к середине, а потом, вследствие противодействия, разорвались по направлению к наружным флангам и особенно на правой стороне...

Английская пехота, выждав тот момент, когда неприятельская кавалерия подъехала к ней на весьма близкое расстояние, открыла по ней беглый огонь от середины к обоим флангам. Лошади употребили при этом отчаянное усилие, чтобы как-нибудь освободиться от губельных последствий этой пальбы...

Вследствие этого, сжатие сделалось столь сильным, что люди и лошади повалились друг на друга и покатались в страшном беспорядке. Впрочем, весьма многие пострадали собственно от выстрелов: за исключением каких-нибудь десяти всадников в каждом эскадроне, все остальные были обращены на землю и перетоптаны...

Те, которым посчастливилось усидеть в своих седлах, или были унесены своими лошадьми прямо в середину неприятельских рядов, или же, против желания, были увлечены ими с поля сражения...

Если бы эскадроны наступали в шахматном порядке, то, вероятно, успели бы сохранить достаточные интервалы. Смелая атака их была бы произведена с надлежа-

щей стремительностью, а английская пехота, наверное, была бы смята».

Саксонская конница (драгуны, конногренадеры и кирасиры) не отличалась по своей организации и уровню подготовки от австрийской. В целом она была слаба и немногочисленна. Другое дело, что, кроме собственно саксонских контингентов, в армии короля Августа III служили несколько полков его вассалов из Польши и Великого княжества Литовского. Хотя Речь Посполитая и находилась под властью воевавшей с Фридрихом Саксонии, она сохранила дружественный антипруссской коалиции нейтралитет и польско-литовская армия не участвовала в войне на стороне Августа. Исключение составляли несколько упомянутых кавалерийских полков, укомплектованных поляками, литовцами и татарами, но до 1764 года служивших непосредственно в саксонской армии. Эти части (например, 4-й и 5-й татарские легкоконные полки «Передовой стражи», сформированные в 1733 году из придворных татарских хоругвей князя Потоцкого) принимали непосредственное участие в Семилетней войне. Не войдя в состав армии, поголовно плененной пруссаками в Пирне, они сражались на стороне австрийцев в течение всех кампаний этой долгой войны.

Немногочисленные польско-литовские полки, укомплектованные отличными природными всадниками, составляли лучшую и наиболее боеспособную часть саксонской кавалерии. Кроме палашей, сабель, карабинов и пистолетов, они оснащались длинными пиками. Это обуславливало деление личного состава польско-литовских конных полков (как легких, так и тяжелых) на две категории: «товарищей» и «почтовых».

«Товарищи» имели сабли, пистолеты и, главное, пики длиной 2,6–2,7 метра. Из них формировались первые шеренги эскадронов, наносившие копейный удар в сомкнутом строю на быстрых аллюрах. После этого «товарищи», которые комплектовались исключительно искусными в фехтовании шляхтичами, вели бой на саблях. «Почтовые» представляли собой рекрутированных крестьян или наемников. Каждый «товарищ» обязан был привести с собой в полк одного «почтово-

го». Впрочем, был и иной вариант – если шляхтич-копейщик не желал нести стросвую службу лично, он мог предоставить вместо себя двоих «почтовых». Поэтому предписанное соотношение «товарищей» и «почтовых» в полку (1:1) на практике могло сильно отличаться от установленной цифры. Слабо обученные бою холодным оружием, «почтовые» вооружались палашом, иногда парой пистолетов и драгунским карабином. Их роль в бою заключалась в прикрытии ружейным огнем ведущего рукопашный бой «товарища». В боевом порядке эскадрона «почтовых» становились в задних шеренгах.

В годы Семилетней войны польско-литовские полки на саксонской службе отлично зарекомендовали себя, поскольку массивного копейного удара часто не могла выдержать не только прусская кавалерия, но и пехота. Так, майор 5-го татарского полка Ахматович впоследствии вспоминал: «... перед своими глазами видел на войне немецкой семилетней, как кавалерия тяжелая или легкая, отлично обученная, через товарищей копьями атакованная, побеждена была, а даже и пехота, давая наперед огонь, а потом багинетами копья отбиваючи, от тех копий разбита была».

Ничего подобного ни противники, ни союзники Саксонии не имели до конца XVIII века (до разделов Польши), когда и Пруссия, и Австрия, и Россия ввели в свои армии набранные из поляков и литовцев прообразы будущих уланских полков, ориентированных на ведение боя с помощью пик. Впрочем, как я уже говорил, во время Семилетней войны количество этих полков на службе короля Августа было очень малым, исчисляясь единицами, и потому не сыграло особой роли в ходе боевых действий.

Таким образом, несмотря на отличное качество австрийской конницы и резко возросшую в ходе Семилетней войны выучку русской, прусские кавалеристы, бесспорно, остались лучшими ее участниками. Большинство отечественных источников взалхлеб превозносит «непревзойденные боевые качества русской конницы», однако это утверждение, мягко говоря, сомнительно. Например, Керсновский пишет следующее: «В Семилетнюю войну русская конница оказалась единствен-

ной, способной решать задачи стратегического характера. Ее выучка оказалась превосходной – как в конном строю (Кунерсдорф), так и в пешем. При отходе Фермора после Цорндорфа в Померанию 20 спешенных драгунских и конногренадерских эскадронов отряда Румянцева задержали на целый день 20-тысячный прусский корпус у Пасс Круга. «Драгунская» выучка и наличие конной артиллерии делали русскую конницу способной на такие дела, которые были не под стать никакой иностранной кавалерии».

Во-первых, русская конница к 1755 году, за исключением нескольких кирасирских полков, не представляла никакой боевой ценности (думаю, я достаточно мотивировал это заключение). «Драгунская» выучка, т. е. умение действовать в пешем строю, в то время полностью подменили собственно кавалерийские навыки. Вплоть до Цорндорфа русские кавалеристы не вступали в схватку с врагом и уходили за каре своей пехоты, подставляя ее под атаки пруссаков. В последующие кампании положение улучшилось (сказался боевой опыт), но вплоть до конца войны русская конница (как и австрийская) оказалась всего лишь сравнимой по своему качеству с кавалерией противника. Непонятно, почему Керсновский приводит Кунерсдорф в качестве примера «превосходной» выучки русской кавалерии: логичнее было бы апеллировать к примеру Цорндорфа или Пальцига.

При Кунерсдорфе большие массы русской конницы провели всего две атаки: одну по наступающей на центр наших позиций (у горы Большой Шпиц) пехоте противника силами всего двух конногренадерских полков: Архангелогородского и Тобольского; вторую – по расстроенной артогнем коннице Зейдлица (один русский кирасирский и два австрийских гусарских полка). На этом участие русской кавалерии в сражении закончилось, причем она не сумела даже организовать сколько-нибудь эффективного преследования полностью разбитого и рассеянного противника, позволив Фридриху за несколько дней после Кунерсдорфа увеличить свои силы с 3 до 22 тысяч человек – только за счет вернувшихся в свои части солдат. И это – при наличии у русских конных масс численностью 5 кирасирских, 5 конногре-

надерских, 2 драгунских полков, 3 полков и нескольких эскадронов гусар, не считая донских и малороссийских казаков! Строго говоря, такие действия кавалерии при достигнутом полном расстройстве армии противника расцениваются ниже всякой критики.

Что касается действий в пешем строю, якобы недоступных для конницы врага, то и для прусских, и для австрийских драгун, как уже говорилось выше, это вообще было в порядке вещей. Конная артиллерия в прусской коннице (в отличие от австрийцев) тоже была, и весьма многочисленная, и применялась гораздо шире, чем у русских. «Задачи стратегического характера» пруссаки выполняли также весьма успешно: достаточно вспомнить об исключительно успешных рейдах на русскую и австрийскую системы магазинов в начале кампании 1759 года, фактически сорвавших планы союзников и позволивших Фридриху избежать, казалось бы, неминуемого поражения в войне после Кунерсдорфа.

К сожалению, после смерти Фридриха Великого его наследие оказалось полностью растроченным преемниками. Прусская конница стала медленно сдавать свои лидирующие позиции, к началу следующего столетия оказавшись на положении «середняка» в сравнении с другими армиями, особенно русской и французской. Конечно, это не говорит о полной потере ее боеспособности к началу революционных и наполеоновских войн.

Например, в сражениях при Эдесгейме и Кайзерслаутерне (1794) прусская кавалерия под командованием Блюхера разбила французскую пехоту, причем во втором случае всего 80 прусских гусаров сумели прорвать и рассеять батальонное каре пехоты из 600 солдат. Однако это было лишь единичным случаем, совершенно не отражавшим ситуацию, царившую в то время в армии Пруссии.

Наполеон еще в начале своей полководческой карьеры убедился в том, что французская кавалерия уступает по качеству боевой подготовки прусской, и решил недостаток качества восполнить количеством, в чем и преуспел. Однако перед кампанией против Пруссии в 1806 году французский император особо предупредж-

дал своих солдат об исключительной опасности, которую представляет прусская кавалерия. При появлении последней войскам предписывалось немедленно сворачиваться в каре и действовать только штыками.

Однако пруссаки не смогли использовать свою отличную и многочисленную кавалерию должным образом и проиграли войну. Дело в том, что прусский генералитет в своей тактике и системе подготовки личного состава к 1806 году находился даже не в давно ушедшей фридриховской, а еще дофридриховской эпохе. Так, в войне с Наполеоном пруссаки не собирали конницу в большие массы, как это делали французы и как этого всегда требовал Фридрих, а, напротив, размазывали ее по фронту, распылив между пехотными дивизиями. То же самое было и с артиллерией. Практически к нулю свелся уровень боевой подготовки (также в отличие от фридриховской армии).

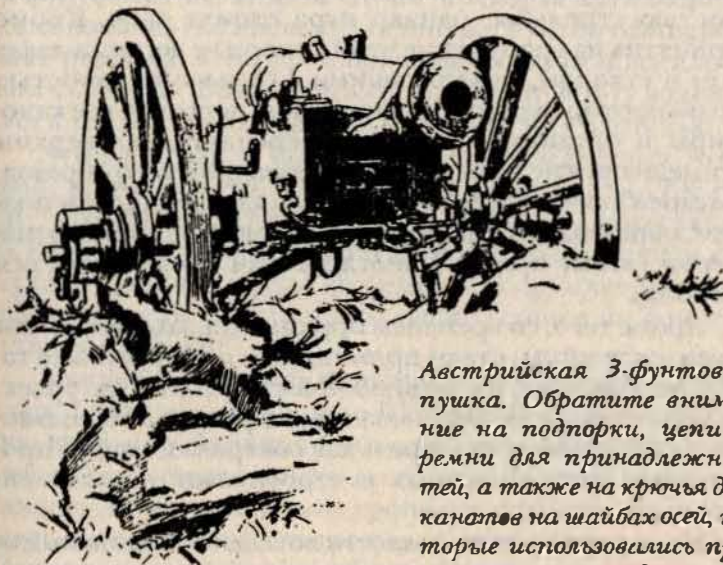
Артиллерия

В первой половине XVIII века в армиях Пруссии, Франции, Австрии и России произошли изменения, которые позволили артиллерии занять позиции равнозначного пехоте и кавалерии рода войск. На основе анализа войн XVII — первой половины XVIII столетий в артиллерии была создана новая система организации (включающая конную и полковую артиллерию), приняты на вооружение улучшенные системы вооружения, выработана новая тактика применения артиллерии.

В начале XVIII века прусская артиллерия по своему качеству несколько уступала артиллерии своих главных противников — австрийцев. Князь Йозеф Венцель фон Лихтенштейн, генерал-фельдцейхмейстер армии Габсбургов, в 1753 году впервые в истории разработал и ввел систему, которая учитывала потребность армии в легких и маневренных орудиях. На вооружении австрийской артиллерии остались только 3-, 6- и 12-фунтовые полевые пушки, а также 7- и 10-фунтовые гаубицы. Средняя длина ствола этих артсистем составляла 16 калибров, а вес (у 3-, 6- и 12-фунтовок) достигал всего 240,

414 и 812 кг соответственно. Кроме того, Лихтенштейн провел стандартизацию и модернизацию всего артиллерийского парка, усовершенствовав конструкции ствольных камер, колесных лафетов, зарядов и прочего. Система Лихтенштейна была принята в начале Семилетней войны и оказалась настолько удачной, что вскоре была скопирована всеми остальными европейскими государствами. Но довольно бедной тогда Пруссии, которой оказалось не под силу полностью обновить свой артиллерийский парк, вначале пришлось ограничиться принятием на вооружение только 6- и 12-фунтовых орудий.

Однако прусский король применил свои многочисленные таланты и в этой области. Правда, Фридрих не любил артиллерию и обращал на нее значительно меньшее внимание, чем, скажем, на конницу. Тем не менее его вклад в развитие прусской артиллерии несомненен. Тактические разработки Фридриха в этой области превзошли даже достижения признанного до того европейского мастера артиллерийского боя — шведского короля Густава II Адольфа (правил в 1611—1632 годах). Еще

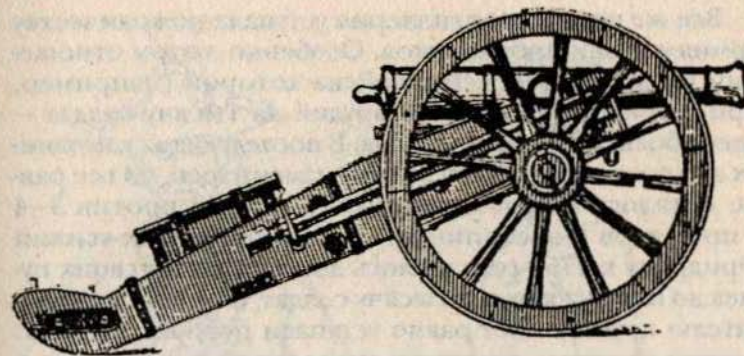
Австрийская 3-фунтовая пушка. Обратите внимание на подпорки, цепи и ремни для принадлежностей, а также на крючья для канатов на шайбах осей, которые использовались при накатывании орудия

в ходе Семилетней войны Фридрих создал концепцию конной артиллерии в противоположность орудиям, буксируемым конными запряжками с передвигающимися пешим порядком номерами расчетов. До этого времени конная артиллерия была известна только в армии Российской империи, где ее создал еще Петр Великий, но русский опыт остался незамеченным для Запада. Фридрих совершенно правильно заключил, что кавалерии (действия которой у пруссаков, как мы знаем, отличались агрессивностью и инициативой) необходима «своя» артиллерия, для которой способ медленной буксировки просто неприменим. Поэтому на ранних стадиях Семилетней войны он начал экспериментировать с легкими орудиями, применяя облегченный заряд. Это потребовало создания нового типа порохового состава с повышенной воспламеняемостью, но позволило резко повысить мобильность новых артсистем.

Вскоре по инициативе короля прусская армия обзавелась облегченным 6-фунтовым орудием, которое получило прозвище «галопирующего» (*Galopierende Geschuetz*). В пользу большей мобильности пришлось пожертвовать весом и мощностью заряда, а значит, и дальностью стрельбы, однако игра стоила свеч. Кроме принятия на вооружение этой системы с легкими лафетом и стволом, позволявшими с большой скоростью транспортировать пушку шестеркой лошадей, все канониры и орудийная прислуга передвигались верхом и имели оружие и снаряжение кавалерийского образца. Батареи таких пушек придавались кавалерийским полкам, образовав, таким образом, зародыш конной артиллерии (этому примеру впоследствии последовала вся Европа).

Кроме того, со временем пруссаки гораздо шире, чем сами австрийцы, стали применять 7- и 10-фунтовые гаубицы. Учитывая их дальнобойность и навесную траекторию огня, Фридрих начал массированно использовать гаубичную артиллерию для обстрела позиций противника, расположенных за строениями и возвышенностями.

На марше упряжки из шести лошадей полагались для транспортировки зарядных ящиков, 6-фунтовых пушек

Прусская 6-фунтовая пушка

и 7-фунтовых гаубиц; 10- и 12-фунтовки имели упряжку из восьми лошадей, а вспомогательные повозки (кузницы, фуры с имуществом и т. д.) — из четырех.

В соответствии с канонами линейной тактики, пруссаки не сводили орудия в состав артполков, а распределяли их между пехотными частями: каждому батальону придавалось по одной 6-фунтовой пушке или двум 3-фунтовым. Во втором случае полковая артиллерийская команда состояла из 1 офицера, 4 унтер-офицеров и 18 рядовых. К четырем полковым пушкам полагалось иметь 3 воза с боеприпасами. На них по штату находилось 133 выстрела с ядрами и столько же с картечью.

Это же правило было закреплено следующим Уставом, принятым уже после смерти Фридриха, в 1796 году, что впоследствии дорого обошлось пруссакам: в 1806-м под Зальфельдом, Йеной и Ауэрштедтом сосредоточенные массы французской артиллерии буквально смели с лица земли распыленные по фронту прусские пушки.

В период правления Фридриха II в Пруссии (по примеру Британии, Франции и Швеции) были организованы первые фабрики, производящие важнейший химический компонент пороха — селитру. До этого ее приходилось импортировать из тропиков, в частности из Индии, которую тогда контролировала не только союзная Англия, но и враждебная Франция.

Все же прусская артиллерия уступала по количеству армиям своих противников. Особенно в этом отношении выделялась Россия, войска которой (например, при Цорндорфе) имели 6 орудий на тысячу солдат — вдвое больше, чем у пруссаков. В последующих кампаниях это соотношение несколько изменилось, но все равно осталось в пользу русских (6 орудий против 3—4 у пруссаков и австрийцев). Ценой огромных усилий Фридриху к 1759 году удалось довести число своих пушек до пяти на каждую тысячу солдат, но по этому показателю пруссаки все равно уступали русским. Правда, следует отметить, что такие артиллерийские парки, выгодные в сражении (все прусские мемуаристы отмечают страшную мощь русского артогня), становились обузой на марше: перегруженная многочисленной артиллерией, армия Елизаветы ни разу не смогла совершить действительно быстрого перехода и, в частности, ни разу не сумела инициативно вынудить пруссаков дать им бой — Фридрих всегда передвигался быстрее и всегда нападал сам, когда ему это было необходимо. Когда же он считал положение для себя невыгодным, то всегда без труда уходил.

* * *

В начале Семилетней войны, как я уже говорил выше, австрийцы впервые приняли систему, основанную на комбинации легких и маневренных 3-, 6- и 12-фунтовых полевых орудий, а также отличных образцов легких гаубиц. Она оказалась настолько удачной, что ее вскоре скопировали и другие страны Европы. Австрийцы первыми додумались и до способа увеличения мобильности артиллерийских частей. Дело в том, что до середины XVIII века вся прислуга пешей артиллерии на марше передвигалась пешком, рядом с пушкой на конной тяге. Австрийцы ввели зарядный ящик особого типа, назвав его «Wurst Wagen» («колбасная телега»). Зарядный ящик имел плоскую крышку, обшитую кожей в форме колбасы. Крышка использовалась в качестве сиденья для расчета орудия: вдоль ящика шли подставки для ног, спереди и сзади имелись деревянные упоры. Артиллеристы сидели боком по ходу движения: передний и зад-

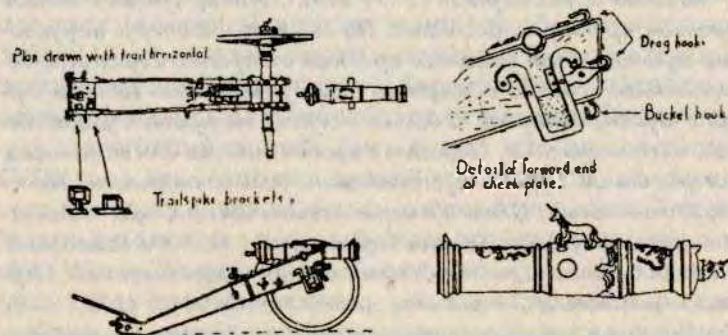

1 — конный артиллерист (1757 год). Мундир синий с синими воротом, красными фалдами. По обшлагам и вокруг наруканных пуговиц идет угольная красная выпушка. Пуговицы белые. Жилет и бриджи желтые. Галстук красный. Шляпа черная с черной кокардой и белым галуном по краю. Султан белый, кисти красные. Перевязь с пробойниками для запальной камеры белая. Сума с принадлежностью коричневая. Поясной ремень белый. Шага в коричневых ножнах, эфес и отделка ножен латунные. Темляк коричневый с белыми гайками и кистью. Сапоги черные с белыми штибель-манжетами. Перчатки замшевые; 2 — рядовой пешей артиллерии (1757 год). Мундир как у конного артиллериста со следующими отличиями. Ворот отсутствует. Пуговицы желтые. На шляпке красный помпон. Тесак пехотного образца. Черные штибель-манжеты.

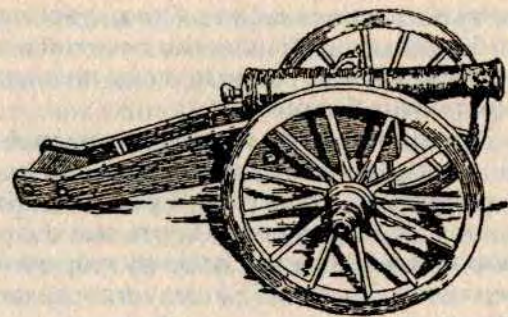
ий солдаты держались за упоры, а находившиеся в середине — друг за друга. Это усовершенствование существенно ускорило темп переброски орудий на марше и дало австрийцам повод назвать свою артиллерию «ездящей» (Fahrende), хотя конной артиллерии в армии Габсбургов не было ни тогда, ни в XIX веке.

В начале XVIII столетия Франция считалась европейским лидером в области артиллерии. В армии Бурбонов применялись только стандартные орудия, соответствовавшие так называемой системе де ла Вальера, созданной этим генералом в 1732 году. Основной целью де ла Вальера стало уменьшение количества калибров орудий, чрезвычайно усложнявшего изготовление и доставку в войска боеприпасов. На вооружении остались только пушки калибром 4, 8, 12, 16 и 24 фунта. Однако Вальер не учел возрастающей роли полевой артиллерии. Хотя новые орудия были надежными, они оказались чрезвычайно тяжелыми для полевых сражений: ствол 24-фунтовой пушки весил 2550 кг, 8-фунтовой — 1050.

Елизаветинское правление ознаменовалось реформой российской артиллерии, которую провел один из ее приближенных, уже упоминавшийся выше генерал-фельдцейхмейстер Шувалов. По его инициативе в середине XVIII века на вооружение российской армии были

Русский четвертьпудовый «единорог» с детальным изображением гнезд для правил, крюков для накапывания и для подвешивания бабды

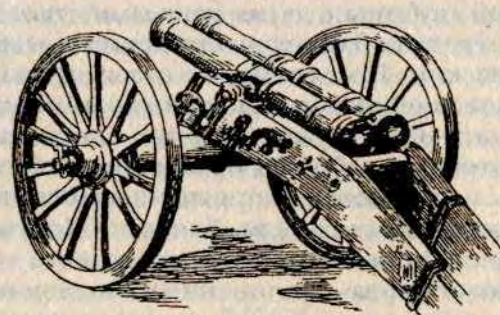

Русский «единорог»

приняты новые артсистемы, в том числе весьма уникальные.

В конце 1756 года капитаны Рожнов и Жуков создали новые образцы 8- и 12-фунтовых пушек. Укороченные стволы этих «новоинвентованных» орудий имели канал, расширяющийся по направлению к дульному срезу. Считалось, что благодаря этой конструктивной особенности артиллеристы могли вести огонь снарядами любого калибра. На практике же выяснилось, что в связи с упомянутым расширением канала ствола орудия эти одинаково плохо стреляли всеми типами ядер и картечи.

В 1757 году подполковник Мартынов и капитан Данилов разработали для замены устаревшей 3-фунтовой пушки оригинальную систему, получившую название «близнята». Она состояла из двух спаренных стволов.

Русское орудие «близнята»

установленных на одном лафете. Орудие это предназначалось для борьбы с наступающими пехотой и кавалерией противника, так как теоретически позволяло удвоить плотность огня багарей.

Особое внимание Шувалов уделил разработке гаубиц. За три года до начала Семилетней войны он выдвинул идею гаубицы нового типа, предназначенной исключительно для ведения огня картечью. Ее разработку поручили майору Мусину-Пушкину и орудийному мастеру Степанову. Уже в 1754 году эти орудия стали поступать в полки.

Суть «секретности» гаубицы заключалась в том, что канал ее ствола имел форму горизонтального эллипса и расширялся по направлению к дульному срезу до трех калибров. Поэтому при выстреле картечь разлеталась веером, обеспечивая большую эффективность поражения. В 1756 году на «секретных гаубицах» деревянный клин, подкладывавшийся под ствол для наведения, заменили механизмом вертикальной наводки. Эти артсистемы хорошо показали себя в сражениях с пруссаками — после битвы при Гросс-Егерсдорфе фельдмаршал Апраксин докладывал Конференции «о великом действии новоизобретенных генерал-фельдцейхмейстером графом Шуваловым «секретных гаубиц».

Охранялась тайна этих гаубиц примерно также, как секреты ядерного оружия — на марше окончательность их стволов закрывалась медной крышкой, прислуга особой присягой обязывалась никому не сообщать их устройства. Шувалов разработал и комбинированный образец этой гаубицы с двумя каналами ствола — обычным для стрельбы 3-фунтовыми ядрами и «картечным» эллиптическим. Последние, по отзывам современников, стреляли одинаково плохо и ядрами, и картечью, а принимать на вооружение армии специализированный «картечный» образец оружия после Семилетней войны было обоснованно признано излишним.

В это же время создатели «близнят» Мартынов и Данилов приступили к разработке еще одного образца гаубицы «нового рода» с удлиненным стволом и конической зарядной камерой. К 1757 году армия получила пять образцов «единорогов» — этим названием новые гауби-

цы были обязаны отлитой на стволе фигурке единорога (элемент родового герба Шуваловых).

Калибр ствола «единорогов» составлял от 95 до 245 мм, стволы длиной 7,5—9 калибров весили от 6 до 90 пудов, а вес ядер, разрывных гранат, картечи или жемчужных браундскугелей насчитывал (в зависимости от типа орудия) от 1,5 до 12 фунтов. Благодаря удлиненным (относительно других типов гаубиц) стволам «единороги» могли стрелять на дистанцию 3000 метров, а при возвышении ствола на 45 градусов почти вдвое дальше — отличный результат по нормам XVIII века. Что же касается плотности, кучности огня и маневренности, «единороги» превосходили все другие гаубицы европейских армий до возникновения артсистем Грибовалы (конец столетия). Эта артсистема представляла собой гладкоствольную гаубицу с несколько удлиненным по сравнению со своими аналогами стволом, что позволяло при необходимости вести огонь как «по-пушечному» — прямой наводкой, так и «по-гаубичному» — навесной.

Следует сказать, что восторги многих наших историков относительно «революционной» конструкции «единорогов» и их «долголетию» в российской артиллерии (якобы вплоть до наполеоновских войн, а в крепостной артиллерии — аж до 1906 года!) лишены всякой почвы. Эти гаубицы мало чем отличались от прусских или австрийских аналогов и существенно уступали появившимся вскоре гаубицам Грибовалы. «Единороги» были сняты с вооружения сразу после смерти Шувалова в 1762 году. Россия пыталась продать их французам, но те забраковали их из-за чрезмерного отката при выстреле. Что касается «долголетья», то это объясняется совсем просто: при Екатерине, Павле и Александре «единорогами» по традиции называли все гаубицы, созданные на основе грибовалевской системы и уже не имевшие с шуваловскими ничего общего.

Тем не менее все эти образцы орудий, несмотря на отмеченные недостатки, выгодно отличались от прежних типов легкостью и соответственно маневренностью. Акцент на ведение огня разрывными снарядами и картечью в сочетании со скорострельностью новых

моделей резко повысил действенность артиллерийского залпа. Все это вместе с организационными изменениями в артиллерийском хозяйстве обеспечило успех русской артиллерии в сражениях Семилетней войны, особенно под Кунерсдорфом.

Внедряя в армии новые артсистемы, Шувалов позаботился о том, чтобы обеспечить их новыми образцами боеприпасов. Так, для увеличения дальности и точности стрельбы обычный пушечный порох в зарядах для «единорогов» заменили мелкозернистым мушкетным, а картечь и гранаты стали помещать в одном картузе с порохом. Это нововведение позволило значительно ускорить процесс заряжания.

Легко понять, что применение «эталонных» зарядов из ружейного мелкозернистого пороха увеличивало боевые характеристики орудий, но являлось крайне дорогим шагом. Россия, вечно испытывавшая нехватку самого необходимого военного снаряжения, не могла позволить себе роскошь действительно крупномасштабного применения таких зарядов.

Во время Семилетней войны длинноствольные гаубицы прошли серьезную боевую проверку. Так, в 1759 году, в битве при Пальциге, русские артиллеристы неожиданно открыли огонь по наступающим прусским полкам Веделя через головы своих войск — впервые в мире. Кстати, этот прием быстро перенял Фридрих и с успехом применял до самого конца войны. Рапортуя о победе при Кунерсдорфе, генерал-аншеф Салтыков известил императрицу Елизавету, что «наша артиллерия, особенно большая... из новоинвентованных орудий и шуваловских гаубиц устроенная, великий неприятельской кавалерии и сопротивным батареям вред причинила».

Отличившийся в Семилетнюю войну 1-й артиллерийский полк получил необычную награду — изготовленную по рисунку архитектора Растрелли литавренную колесницу. Украшенная резьбой и позолотой, со стволами трофейных пушек возле колес, она служила для торжественного выноса полкового знамени с надписью: «Охраняет и устрашает» (ныне колесница находится в экспозиции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге).

После боевого крещения «единороги» модернизировали. У них еще больше удлинители стволы, усилили лафеты, а с 1759 года шуваловские гаубицы стали оснащать более эффективным, чем прорезь с мушкой, прицельным приспособлением — диоптром, разработанным полковником Тютчевым. Кстати, Фридрих быстро оценил преимущества «единорогов» — вскоре за рубежом по их образцу стали создавать так называемые «длинные гаубицы».

* * *

Таковы были армии основных стран-участниц войн «фридрицианской» эпохи. Здесь же я хотел бы остановиться на некоторых отзывах по поводу полководческого дара самого короля Пруссии.

Анализируя стратегию и тактику Фридриха II, знаменитый военный теоретик XIX века Карл фон Клаузевиц писал: «Бросим теперь взгляд на историю, остановимся на кампании Фридриха Великого 1760 г., прославленной блестящими маршами и маневрами, подлинном произведении искусства стратегического мастерства... Раньше всего... мы должны удивляться мудрости короля, который... располагая только ограниченными средствами, никогда не брался за дела, не отвечающие этим средствам, но предпринимал ровно столько, сколько было нужно для достижения его цели. Эта мудрость полководца была им проявлена не только в этой кампании, но и в течение всех трех войн, которые вел великий король».

Пылкий почитатель нашего героя, известный военный историк Ганс Дельбрюк отмечал «титанический склад характера Фридриха, всегда стремившегося к великим решениям». Действительно, объем и разнообразие военных, политических, государственных и множества иных задач, которые (притом успешно) решал король, поистине поражает воображение и сравнимо, пожалуй, только с деятельностью Петра Великого и Наполеона.

Дельбрюк также признавал, что победы «короля-полководца» чередовались с поражениями. Казалось бы, что полководец, проигравший ряд крупнейших и прин-

циплинарно важных для него сражений, вряд ли может претендовать на лавры «военного гения». Однако и в этом факте, как ни странно, коренится одно из проявлений военного таланта прусского короля — феноменальное упорство в отстаивании, казалось бы, безнадежных позиций против всего света.

Клаузевиц в связи с этим заметил: «Необходимо, чтобы какое-нибудь чувство одушевляло великие силы полководца, будь то честолюбие Цезаря, ненависть к врагу Ганнибала, гордая решимость Фридриха Великого погибнуть со славою». Эту точку зрения разделяла и императрица Екатерина II: в книге аббата Денина о Фридрихе, напротив абзаца о том, что «его гений и мужество не только совсем не ослабевали, но почерпнули себе его новую жизнь в своих неудачах», она написала на полях: «Именно в его неудачах проявлялся его гений».

Таким образом, как ни странно, если многих других полководцев прославляли их победы, то Фридриху II громкую известность принесли его громкие поражения, готовность «погибнуть со славою» и поразительная способность воскресать и набирать силу в совершенно, на первый взгляд, безвыходных условиях. Такой способности, например, не обнаружил Наполеон, тоже сражавшийся со всей Европой и обладавший несравненно лучшими ресурсами. Вообще, можно смело сказать, что подобная стойкость, имеющая целью изматывание сил даже самого многочисленного противника, оказалась не по плечу никому после Фридриха.

В свое время Клаузевиц объявил Фридриха «предвозвестником Бонапарта», тем самым положив начало долгой дискуссии о различных формах стратегии, которая растянулась на десятилетия. Действительно, при всей кажущейся примитивности тактических и стратегических приемов Фридриха (неспособность по известным причинам отказаться от линейной тактики, стратегия «заслонов», недоведенность до конца результатов побед), результаты их применения оказались вполне удовлетворительными для Пруссии. Дельбрюк, разработавший именно на основе анализа деятельности короля и боевой работы его армии понятие «стратегии измора», пришел к выводу, что «войны Фридриха не вы-

ходят за пределы стратегии измора» и что сам Фридрих — приверженец упомянутой стратегии, «полководец, связанный в своих действиях ее принципами». Заключая свой подробный анализ «стратегии измора», в основе которой лежало не уничтожение живой силы противника в решительном сражении, а искусный маневр с целью захвата и удержания территории, Дельбрюк написал: «Лишь тот в полной мере может познать все величие Фридриха, кто в нем видит представителя стратегии измора». В принципе, этот достаточно пехотный тезис вполне характеризует основное отличие прусского короля от многих других современных ему полководцев.

Интересны также высказывания самого короля по поводу военного дела и места в нем персоны монарха. Фридрих полагал, что обязанность государя — быть первым воином страны и, разумеется, лично предводительствовать своими войсками (должен сказать, что после Карла XII и Петра I Фридрих оказался последним монархом, который настолько преуспел на своем поприще — Наполеон вначале был воином, а уж потом стал императором, а император Всероссийский Александр Павлович и его «коллеги» скорее мешали действиям своих полководцев, чем действительно руководили войсками. С середины XIX столетия понятие «монарха-воина» вовсе исчезло).

Не касаясь достаточно подробно описанных выше тактических и дисциплинарных воззрений Фридриха II, остановлюсь здесь лишь на содержании его военно-политической доктрины. В своих многочисленных трудах король писал об этом, в частности, следующее:

«Мужество воина, кроме честолюбия, имеет и другие нравственные начала. Иногда источник его в самом темпераменте человека, в простом солдате это превосходное качество; иногда оно следствие обдуманности и в этом виде прилично офицеру; иногда оно происходит от любви к отечеству, которая должна одушевлять каждого гражданина; а иногда началом ему служит мечта о славе; такое мужество удивляет нас в Александре Македонском, в Цезаре, в Карле XII и в великом Конде».

«Голова генерала имеет более влияния на судьбу похода, чем руки его солдат. Мудрость должна прокладывать дорогу мужеству, а отвагу сберегать до решительной минуты. Чтобы заслужить похвалу знатоков, надо иметь больше искусства, чем счастья».

«Мир был бы очень счастлив, если бы правосудие, согласие и довольство народов зависели от одних переговоров. Тогда употребляли бы доводы вместо оружия; стали бы спорить, а не убивать людей. Но печальная необходимость побуждает государей приниматься за жестокие меры. Бывают случаи, где свободу народов, которой угрожают честолюбивые помыслы, нельзя защитить иначе, как оружием; где надо брать силою, чего неправота не хочет уступить добровольно; где государи, наконец, благо своего народа должны отдавать на произвол битв. В таких случаях ложная поговорка «добрая война доставляет прочный мир» получает вид неоспоримой истины».

Фридрих изучил все тонкости военного дела и видел войну во всех ее проявлениях, как немногие полководцы и, уж точно, как ни один современный ему европейский монарх. Поэтому он имел полное право написать следующие строки:

«Но каждая война сама по себе так плодovита несчастьями, успех ее так неверен, а последствия до того пагубны для страны, что государи должны зрело и долго обдумывать свое намерение, прежде чем берутся за меч. Я уверен, если б монархи могли видеть хоть приблизительную картину бедствий, причиняемых стране и народу самой ничтожной войной, они бы внутренне содрогнулись. Но воображение их не в силах нарисовать им во всей наготе страданий, которых они никогда не знали и против которых обеспечены своим саном. Могут ли они, например, почувствовать тяжесть налогов, которые угнетают народ? Горе семейств, когда у них отнимают молодых людей в рекруты? Страдания от заразных болезней, опустошающих войска? Все ужасы битвы или осады? Отчаяние раненых, неприятельный меч или пуля которых лишают не жизни, но членов, служивших им единственными орудиями к пропитанию? Горесть сирот, потерявших родителей,

и вдов, оставшихся без опоры? Могут ли они, наконец, взвесить всю важность потери столь многих для отечества полезных людей, которых коса войны преждевременно снимает с лица земли? Война, по моему мнению, потому только неизбежна, что нет присутственного места для разбора несогласий государей!»

Ясно, что под этими нехорошими государями Фридрих не подразумевал себя. Свою точку зрения по отношению к войне он высказал в прямой и ясной форме. Поэтому в конце я приведу самый, на мой взгляд, любопытный отрывок из произведений короля:

«Причина войны — делает ее правдивой или несправедливой. Но во всяком случае она должна быть конечным средством в крайней необходимости, за которое надо браться с величайшей осторожностью и притом только в отчаянных случаях. Надо наперед строго исследовать, что побуждает к поднятию оружия на ближнего — простое ли заблуждение честолюбия или основательная, неизбежная необходимость? Войны бывают различных родов: война оборонительная — справедливейшая из всех. Бывают войны за государственные интересы, где государь должен защищать права своего народа, которые хотят у него отнять. Тогда процесс двух народов пишется сталью и кровью и битвы решают законность их прав. Бывают войны из предосторожности, и государи действуют весьма благоразумно, если их предпринимают. Конечно, в этих случаях они зачинщики, но не менее того, война их справедлива».

Когда чрезмерная сила государства угрожает выступить из границ и потопить землю, благоразумие обязательно противопоставить ей сильные оплоты и остановить бурное стремление потока, пока еще есть возможность. Мы видим, как накашливаются тучи; видим, как зарождается гроза, как молнии ее предвещают. Если государь, которому буря угрожает, не может отвлечь ее собственными силами, то умно делает, соединяясь с теми, которые разделяют с ним опасность. Если бы цари Египта, Сирии и Македонии действовали соединенными силами против римского могущества, Рим никогда не разрушил бы этих монархий. Умно составленный союз и дружно веденная война разрушили бы властолюбив-

вые планы, исполнение которых поработило весь тогдашний политический мир. Закон мудрости велит предпочитать меньшее зло большему, браться за верное и оставлять неизвестное. Благоразумно поступает государь, когда предпринимает наступательную войну, пока выбор между оливой и лавровым венком еще в его власти. Все войны, прямая цель которых отразить несправедливых завоевателей, сохранить святость прав народных, обеспечить общую свободу и спастись от притязаний и насилия властолюбцев; все эти войны, говоря я, вполне согласны с чувством справедливости. Государь, которые их ведут, неповинны в пролитой крови; они действуют по необходимости, и в этих случаях война меньшее зло, чем мир».

Эти строки — своего рода военно-политический манифест Фридриха Великого. Так он думал и писал, так же и действовал. В принципе, этот отрывок красноречиво демонстрирует нам настроения короля Пруссии, с которыми он вверг свою страну и всю Европу в кровавую Семилетнюю войну, о чем подробнее я скажу ниже.

* * *

Однако, как бы то ни было, фридриховская система продержалась недолго. Через 19 лет после смерти Фридриха II созданная им армия столкнулась с новым грозным противником — наполеоновской Францией. Против новых тактических приемов (построение колоннами, быстрый маневр на поле боя и концентрация всех сил на направлении главного удара), так же, как и против нового принципа комплектования и воспитания французских солдат и офицеров, прусская «армия-машина» уже не годилась.

Тарле так описывает эти события: «Прусская армия точно отражала в себе, как в зеркале, всю крепостническую структуру государства. Солдат — крепостной мужик, перешедший из-под розог помещика под фухтеля и шпицрутены офицера, осыпаемый пощечинами и пинками со стороны всякого, кто выше его, начиная с фельдфебеля, обязанный рабски повиноваться начальству; он знает твердо, что и речи быть не может об улучшении его участи, как бы храбро и исправно он не

сражался. Офицер только потому офицер, что он — дворянин, и были офицеры, которые хвалились жестокостью своего обхождения с солдатами, видя в этом истинную дисциплину. Генералами люди становились либо уже под старость, либо по протекции и знатности своего происхождения.

Еще в середине XVIII века, когда эти старорежимные порядки существовали во всех армиях, а не только в прусской, Фридрих II мог побеждать в Семилетнюю войну и французов, и русских, и австрийцев, хотя сам терпел время от времени страшные поражения. Фридрих II понимал, что только неслыханной жестокостью он может заставлять утнетенных и озлобленных солдат идти в бой... Со времени Фридриха II прошло 40 лет, а в Пруссии осталось все по-прежнему, с одним только изменением: самого Фридриха уже не было...»

Вышколенная прусская армия «фридриховского образца» погибла в короткой, всего трехнедельной кампании 1806 года. Погибла быстро, сокрушительно, неожиданно и, в общем, бесславно. В один день, наголову разбитая в двух сражениях при Йене и Ауэрштедте, слывшая одной из лучших в Европе армия Пруссии перестала существовать в физическом смысле слова — она была полностью деморализована, сдалась в плен и дезертировала. По выражению Гейриха Гейне, «Наполеон дунул на Пруссию, и она перестала существовать».

О событиях 1806 года написано достаточно, и я не буду отвлекаться на описание этой трагической для Пруссии кампании. Скажу лишь, что последовавшие вскоре после нее военные реформы Шарнхорста окончательно поставили крест на фридриховской системе комплектования армии. С 1809 года вооруженные силы Пруссии комплектовались только рекрутами-пруссакими. Вербовка наемников из-за границы отныне и навсегда запрещалась. Армия Блюхера, Шарнхорста и Гнейзенау, покрывшая себя славой на заключительном этапе наполеоновских войн и нанеся императору Франции последний смертельный удар при Ватерлоо, уже не имела ничего общего с «армией-машиной» Старого Фрица.

ПЕРВАЯ СИЛЕЗСКАЯ ВОЙНА

Предыстория

К середине XVIII века могучая Австрия находилась в бедственном положении: долгая и неудачная война с Оттоманской империей истощила внутренние силы страны. Великий полководец, генералиссимус имперских войск принц Евгений Савойский умер, оставив армию без признанного всей Европой полководца. Армия находилась в плачевном состоянии, казна была опустошена.

Последний представитель мужской линии Габсбургов император Карл VI Габсбург (1685—1740), правивший страной с 1711 года, в 1700—1714 годах провозглашенный королем Испании и формально являвшийся верховным повелителем всей Германии, не имел наследника мужского пола. Его единственной надеждой на передачу трона и на сохранение власти династии была младшая дочь, Мария Терезия. Однако суровые правила династического престолонаследия требовали передачи власти только принцу, а отнюдь не принцессе. Отсутствие такового могло вызвать к жизни средневековую процедуру всегерманских выборов нового императора и прервать трехсотлетнее правление Габсбургов, подобно тому, как это уже случилось в 1700 году в их другой старинной вотчине — Испании.

Карлу пришлось пойти на хитрость: в 1713 году он издал на утверждение имперских законодательных органов так называемую Прагматическую санкцию, основной мыслью которой стал тезис о необходимости передачи власти своей дочери ввиду отсутствия сыновей. Зная, какое количество жадных взоров притягивает к себе имперский трон, Карл все свое далеко не блестящее царствование домогался получения согласия на

этот шаг со стороны европейских держав, способных стать гарантом прав Марии Терезии после его смерти. Принц Евгений, знавший цену «гарантиям» Бурбонов и Гогенцоллернов, столь же упорно советовал своему монарху «лучше обеспечить Прагматическую санкцию войском в 180 тысяч человек, чем шаткой надеждой на обещания», однако доводы заслуженного полководца остались без внимания.

Фридрих в одном из своих писем к Вольтеру недаром сравнил Австрию с Навуходоносоровым колоссом, изваянным из драгоценных металлов, но на ногах из смеси железа с глиной. С помощью различных уступок, в том числе и территориальных, Карл получил от большинства стран Европы гарантии Прагматической санкции и искренне полагал, что благодаря последним императорский престол вопреки традиции получит женщина — Мария Терезия.

Карл VI с самого начала пошел по совершенно неверному пути. Вначале ему захотелось заручиться гарантиями всех заинтересованных династий, а затем, когда он увидел, что это невозможно, император решил «отставить», казалось бы, ненужные ему страны, как нераспорочную прислугу. В отношениях с Пруссией эта нелепая и недалёковидная политика выразилась в следующих последовательных шагах.

Вначале Карл заключил союз с отцом Фридриха, королем Фридрихом Вильгельмом. Это было вызвано тем, что Пруссия в то время могла стать хорошим противовесом для упорно не желавшей признавать Прагматическую санкцию Великобритании. Однако, как только в Англии сменился очередной кабинет, который принял условия санкции, австрийцы немедленно стали искать дружбы британцев, решив использовать для этого Пруссию.

Объектом этой тайной игры стал кронпринц Фридрих, тогда еще бывший холостым. Если ранее австрийцы всячески обхаживали наследника, предлагая ему руку своей ставленницы — брауншвейгской принцессы Елизаветы Христины (племянницы австрийской императрицы), то после получения известий из Лондона они же с меньшим рвением стали добиваться получе-

ния согласия на брак Фридриха с дочерью английского короля Георга II. Все это объяснялось очень просто — королю Великобритании очень хотелось видеть одну из своих дочерей на берлинском престоле, а «желание клиента» оказалось для Австрии законом. Циничность венских дипломатов дошла до того, что даже накануне бракосочетания Фридриха они упорно делали ему и его отцу «самые убедительные предложения» о расторжении объявленных брачных обязательств. Тем не менее все их доводы не помогли — Елизавета Христина Брауншвейг-Бевернская в 1733 году стала женой кронпринца Пруссии.

Вскоре Австрия решила еще на один демарш. 1 февраля 1733 года умер король Польши и саксонский курфюрст Август II Сильный. Поскольку польская монархия была выборной, на повестку дня встал вопрос: кого избирать королем.

С одной стороны, серьезным претендентом был сын умершего короля — Август III*, унаследовавший от него саксонское курфюршество и желавший воцариться и в Польше (Август Сильный всю жизнь положил на то, чтобы обеспечить своему преемнику еще и польскую корону; при его жизни это намерение не имело успеха, но сын сразу же после кончины Августа II объявил свои права на престол). «Саксонского» кандидата поддержали австрийцы.

Франция поддерживала иного кандидата — польского аристократа Станислава Лещинского**, который, кроме всего прочего, был тестем французского короля

* Август III (1696—1763) — курфюрст Саксонии (под именем Фридрих Август II) и король Польши с 1733 года. Из Альбертинской линии династии Веттинов. Противник Пруссии в войне за Австрийское наследство и в Семилетней войне, в 1756—1763 годах провозглашен Фридрихом низложенным, вернул себе трон по условиям Губертсбургского мира.

** Лещинский Станислав (1677—1766) — польский король в 1704—1711 и 1733—1734 годах. Избран под нажимом Швеции, не признан шляхтой. Восстановлен на престоле французской дипломатией (с 1725 года его дочь — жена Людовика XV). Изгнан из страны в ходе войны за Польское наследство (1733—1735).

Людовика XV. В числе козырей Лещинского числилось и то, что он в свое время уже был королем Польши: в 1704 году шведский король Карл XII, разгромив Августа Сильного и выгнав его из страны, вручил Станиславу польско-литовскую корону, которой тот и владел до поражения шведов под Полтавой в 1709 году и возвращения в Варшаву Августа II.

Русские же, в свою очередь, тоже поддерживали Августа III — сына союзника Петра Великого. В Европе немедленно возникла направленная против Бурбонов австро-русская коалиция, и обрадованная долгожданным случаем Франция поспешила объявить ей войну в надежде расширить свои владения в германских землях Габсбургов.

Началась война, получившая название войны за Польское наследство.

Речь Посполитая находилась в печальном положении: противоборствующие магнатские партии раздирали ее на части; анархия и самоуправство шляхты достигли высшей степени, и иностранные державы прямо управляли ее судьбой.

Пруссия вступила в войну на стороне России и Австрии. Пока русские наводили порядок в Польше и Литве и боролись с французскими десантами под Данцигом, Фридрих Вильгельм направил 10-тысячный корпус в помощь стоявшей на Рейне главной австрийской армии легендарного принца Евгения Савойского*. Король (наконец-то получивший возможность применить свои таланты в области управления войсками на практике) сам

* Евгений Савойский (1663—1736), австрийский полководец, генералиссимус (1697). Командуя с 1689 года австрийскими войсками, нанес ряд поражений французским войскам в Италии, одержал победу над турками при Зенте (1697) в Венгрии. В войне за Испанское наследство (1701—1714) победил при Гохштедте (1704), Турине (1706), Мальплаке (1709), потерпел поражение при Денене (1712). В австро-турецкой войне (1716—1718) разгромил турецкие войска у Петервардейна (1716) и занял Белград (1717). С 1703 года председатель военного (гофкригсрата), а затем Тайного совета при императоре, оказывал значительное влияние на австрийскую внешнюю политику.

возглавил экспедицию, с корпусом в поход отправился и Фридрих, ставший для него боевым крещением. Объединенная армия подошла к немецкой крепости Филиппсбург на Рейне, которую с самого начала кампании осаждали французы, и стала окапываться. Главная квартира принца Евгения находилась в Визентале, небольшой деревне, на пушечный выстрел удаленной от французских шанцев. Фридрих прибыл на передовую 7 июля.

Вскоре пруссакам стало ясно, что 72-летний принц Евгений полностью растерял свои былые способности и решимость. Бесцельно простояв на расстоянии пушечного выстрела от стиснутых между крепостью и союзной армией французских войск почти два месяца, принц Евгений, зарыв свои полки в шанцы, спокойно пронаблюдал процесс взятия Филиппсбурга противником и увел войска на зимние квартиры. Ушли на родину и пруссаки: взбешенный ходом боевых действий (вернес, их отсутствием) Фридрих Вильгельм уехал еще в августе, приказав сыну отвести войска на зимние квартиры. На пути в Берлин он тяжело заболел, его сын в октябре тоже вернулся из похода в самом отвратительном настроении. В кампании 1733 года австрийская армия показала себя полным ничтожеством; даже внешний вид «дурно выправленных и обученных» полков Габсбургов являл полный контраст с вышколенными прусскими войсками. Командование принца Евгения и его генералов также оказалось ниже всякой критики.

Лавров в рейнском походе Фридриху снискать не удалось, однако кое-какие приобретения он сделал. Принц Савойский разглядел во Фридрихе черту, которая зовется «военной косточкой» и всегда заставляет задуматься соседей, если заметна в человеке, которому вскоре предстоит унаследовать королевский трон. В знак своего расположения австрийский генералиссимус вполне в духе той эпохи даже подарил Фридриху четырех «рослых, мужественных» рекрут в, которых кронпринц немедленно определил в свой гвардейский полк. Вторым приобретением будущего короля стал чин генерал-майора, который в 1735 году ему пожаловал отец, с легкой руки принца Евгения проникшийся искренним уважением к своему наследнику.

«Филиппсбургское сидение» заставило кронпринца по-новому взглянуть на войну. Пребывание в имперской армии оказалось для него «школой, в которой из путаницы и беспорядка, царивших в этой армии, можно было извлечь уроки». Теперь Фридрих, по его собственным воспоминаниям, знал, «какой должна быть обувь мушкетеров, как долго солдат может ее носить и сколь долго он должен обходиться ею во время кампании, а также все мелочи, относящиеся к солдатской жизни, вплоть до стофунтовой пушки и в конечном счете вплоть до высших должностей...» Кронпринц был приглашен к каждому военному совету, он постоянно пропадал на передовой, объезжая войска и проводя рекогносцировки. Правильно поняв ход кампании, Фридрих на всю жизнь сохранил «совершенное отвращение от хвастовства и беспорядочности австрийцев, и это имело значительное влияние на позднейшие его планы в отношении Австрии».

Однако события развивались дальше. Несмотря на сидение под Филиппсбургом, война окончилась в пользу коалиции. Станислав был изгнан из Польши; на престол вззошел Август III. Австрийцы начали требовать, чтобы Фридрих Вильгельм выдал им Лещинского, который после неудачи в Польше сдался пруссакам и нашел себе у них, как сейчас говорят «политическое убежище». Король отказал наотрез. И тогда Австрия, «полагая, что не имеет больше нужды в помощи Пруссии», вступила в сепаратные переговоры с Францией. Вследствие условий договора между обеими державами, Австрия отдала Станиславу Лотарингию с тем, чтобы после его смерти она перешла к Франции; а герцогу Лотарингскому, в свою очередь, было передано великое герцогство Тоскана. За это Франция обязалась выступить гарантом Прагматической санкции императора Карла VI.

Во время переговоров и при заключении мира австрийцы даже не сочли нужным поставить в известность своего союзника, прусского короля. «Но оскорбление дипломатических приличий было доведено австрийским кабинетом до высшей степени: в начале 1736 года император выдал старшую дочь свою, Марию Терезию (напомним, главного фигуранта Прагматической санк-

ции), за герцога Лотарингского Франца* — и об этом да же не дали знать Фридриху Вильгельму.

Негодование прусского короля против Австрии явно обнаружилось. Он «не скрывал своих мнений даже при австрийском посольстве». Однако уже пожилой к тому времени король Пруссии, несмотря на свое увлечение армией, был человеком миролюбивым и осторожным. Он проглотил пилюлю, но продолжал настойчиво внушать сыну мысль о необходимости когда-либо сойтись с вероломными Габсбургами в открытом бою. «Однажды, после разных колких насмешек над действиями австрийского двора, он быстро встал и, опираясь на плечо Фридриха, сказал с каким-то воодушевлением: «Но погодите: вот мой мститель!»

Таким образом, Пруссия постепенно стала главной и основной ударной силой «антипрагматической» оппозиции. Утопавшей в роскоши и беспечной Вене стал противостоять (ранее вполне лояльный) по-тевтонски суровый и бряцающий оружием Берлин. Это послужило началом векового противостояния, которое погубило габсбургскую державу, сократившуюся к 1918 году в 15 раз, и вызвало к жизни могучую Германскую империю, изрядно потрепанную в двух мировых войнах, пережившую страшные военные разгромы и революции, но выстоявшую и ныне превратившуюся в столь же мощную Федеративную Республику Германию.

Однако Вена не успокоилась даже на этом. С давних пор Пруссия требовала отдать ей небольшие княжества Юлих и Берг, расположенные на западе Германии и законно принадлежавшие Югенцоллернам по династическому праву. Австрийцы то поддерживали притязания Фридриха Вильгельма, то отдаляли его от цели. И в начале 1739 года Австрия заключила с Францией трактат, по которому Юлих и Берг должны были отойти принцу Зульцбахскому. Более того, австрийцы потребовали, чтобы, в случае выступления Пруссии против положе-

* Франц I, Франц Стефан, (1708—1765) — герцог Лотарингский, муж императрицы Марии Терезии, император и соправитель своей супруги с 1745 года. Основатель Лотарингской ветви династии Габсбургов, правившей до 1918 года.

ний трактата, Франция должна была сама обеспечить его выполнение силой оружия. С этих пор разрыв между Берлином и Веной стал лишь вопросом времени.

20 октября 1740 года Карл VI умер. Это событие, ожидавшееся на Западе и Востоке, сразу же взбудоражило всю Европу. Как раз в это время взошедший на прусский престол 31 мая того же года молодой король Фридрих II и написал Вольтеру: «Теперь наступило время, когда старой политической системе должно дать совершенно новое направление; оторвался камень, который скатится на многоцветный истукан Навуходоносора и сокрушит его до основания».

В отличие от дряхлеющей династии Габсбургов, Пруссия в это время переживала бурный расцвет. Кони так описывает это время: «...Пруссия стремилась вперед с юношеской силой. Хотя часто издевались над королем Фридрихом Вильгельмом, что он употреблял чрезмерные издержки на войско, которое, между тем, совсем не бывало в деле, но войско это пользовалось миром, чтоб укрепиться, приобретало опытность и теперь стояло в этом отношении выше всех европейских армий. В то же время области Пруссии были в цветущем состоянии, доходы значительны, долги не обременяли государства, в королевском казнохранилище было в наличности около девяти миллионов талеров. С такими средствами сильный, мужественный дух Фридриха мог действовать самостоятельно и заставить признать свое величие и внутренне призвание».

Пруссии нужны были только союзники, и недостатка в них не ощущалось: практически все вчерашние гарантии Прагматической санкции после смерти старого Карла VI единым фронтом выступили против прав его дочери. Началась подготовка к войне, в которой приняло участие большинство крупнейших стран континента. Этот конфликт получил название войны за Австрийское наследство и был вызван резким обострением противоречий, с одной стороны, между Францией, Пруссией, Испанией и Австрией, а с другой — между Францией и Англией. Если борьба Англии и Франции обуславливалась стремлением расширить за счет соперника колоннальные владения в Америке и Индии и получить абсо-

лютное превосходство на море, то объектом борьбы Франции, Пруссии и Испании с Австрией была Германия и прилегающие к ней области, т. е. владения почившего в бозе императора Священной Римской империи германской нации Карла VI Габсбурга.

Таким образом, к началу войны в Европе сложились следующие коалиции: Франция, Пруссия, Бавария, Испания, Саксония, Пьемонт, Неаполитанское королевство, с одной стороны, и Австрия (вместе с ее владениями — Венгрией, Богемией, Силезией, Нидерландами), Англия, Россия — с другой. Права Марии Терезии или ее супруга (этот вариант в свое время также предлагался Карлом VI) на императорский престол оспаривали Пруссия, Бавария, Саксония и Испания, которых поддерживала Франция. Последняя стремилась захватить австрийские Нидерланды и сделать императором своего ставленника курфюрста Баварского Карла Альбрехта; Испания претендовала на австрийские владения в Италии, Пруссия — на принадлежавшие Габсбургам герцогство Силезия и графство Глац. Англия поддерживала Австрию как торгового соперника Франции, а Россию беспокоило усиление Пруссии.

Толчок войне за дележ «наследства» Габсбургов был дан, когда во все европейские столицы из Вены пришли сообщения о смерти Карла.

Австрийцы сами рубили сук, на котором сидели. Ослепленные блеском имперского величия, они упорно не желали замечать, что в Европе и в самой Германии многое изменилось. После смерти Фридриха Вильгельма в 1740 году Австрия признала права прусского короля на Юлих и Берг, но время уже было упущено — статус обоих герцогств уже охраняли французские штыки. Фридрих мог бы вновь предъявить права на обладание этими ничтожными клочками земли, но это значило бы ввязаться в борьбу со многими соперниками далеко на западе Германии, оставив собственную страну без прикрытия армии. Поэтому, поразмыслив, молодой король решил нанести удар совсем в другом месте.

В австрийской Силезии в разное время его предкам досталось по наследству несколько княжеств, самыми крупными из которых были Егерсдорф, Бриг, Волау

и Лигниц. Тем не менее Вена не обращала ни малейшего внимания на этот факт и продолжала считать княжества в составе своей исконной вотчины. Этому сопугствовал еще один исторический анекдот вполне в духе Габсбургов: при прадеде Фридриха, Великом курфюрсте Фридрихе Вильгельме Бранденбургском, когда Австрия нуждалась в его помощи во время очередной войны с Турцией, венский кабинет оказал пруссакам мнимую уступку, предоставив Берлину взамен этих княжеств несравненно меньший по размерам Швибюзский округ.

«...Но прежде того разными происками склонили сына курфюрста к тайному обещанию по вступлении своем на престол снова возратить округ Австрии. Когда сын — тогдашний король Фридрих I — вступил на царство и сообщил министрам свое тайное обещание, то глазам его открылись происки императорского двора. Будучи обязан сдержать свое обещание, Фридрих I выполнил его, однако с тем условием, что предоставляет своим потомкам возратить принадлежащее им по праву в Силезии. «Если Богу угодно, — так говорил он, — чтобы обстоятельства Бранденбурга и впредь были таковы, как теперь, то мы должны быть довольны; если же суждено иначе, то потомки мои сами увидят, что им должно предпринять». И Фридрих II предпринял.

Как только в Берлине было получено известие о смерти Карла, Фридрих (как он сам признавался в записке 1746 года) «немедленно решился поддержать неоспоримые права своего дома на Силезское княжество, хотя бы с оружием в руках». В той же записке Фридрих отмечал, что «риск был велик», так как в одиночку, без союзников, Пруссия совершала нападение на государство, целостность которого была гарантирована ведущими державами Европы. Но, начиная дело, король верил, что союзник непременно найдется, ибо «соперничество, существующее между Францией и Англией, обеспечивало... содействие одной из этих двух держав и, кроме того, все домогавшиеся австрийского наследства должны были встать на стороне Пруссии... Обстоятельством, побудившим окончательно решиться на это предприятие, была смерть российской императрицы Анны. По всему казалось, что во время несовершен-

нолетия маленького императора Иоанна Антоновича Россия будет более занята поддержанием спокойствия внутри империи, чем охраною Прагматической санкции».

Эти строки были написаны Фридрихом уже после окончания первой Силезской войны, но им можно верить. Перед совершением какой-либо крупной политической акции он имел привычку делать заметки о возможном развитии событий. Сразу после смерти Карла, но до получения известий о кончине Анны Иоанновны Фридрих записал: «Англия, Франция и Голландия не смогут помешать моим планам, и только одна Россия способна причинить мне беспокойство. Но чтобы сдержать ее, можно пролить на главнейших сановников, заседающих в совете императрицы, дождь Данаи, что заставит их думать, как мне угодно. Если императрица умрет, то русские будут так поглощены своими внутренними делами, что у них не хватит досуга заниматься внешней политикой; во всяком случае было бы уместно ввести в Петербург нагруженного золотом осла».

Обманув внимание насторожившихся австрийцев мнимой подготовкой к походу к Рейну, на Юлих и Берг, он спешно сосредоточил почти всю армию на силезской границе, в районе городка Кроссен. Фридриху не нужно было продолжительных приготовлений, чтобы поставить войско на военную ногу. «Хотя он сообщил свой план только немногим доверенным лицам, но необыкновенные движения, снаряжение войска, усиление артиллерии, учреждение магазинов и т. п. возвестили всем, что предстоит какое-то важное предприятие. Все ждали с изумлением и любопытством; носились различные слухи; дипломаты отправляли и принимали курьеров, не зная точно плана короля. Фридрих нарочно заставлял войска делать движения, по которым скорее можно было предполагать поход на Рейн, к Юлиху и Бергу, нежели в Силезию» (Кони. С. 116).

Презрательные толки, ходившие в народе, его чрезвычайно увеселяли. «Пиши ко мне об всем смешном (так писал он в письме из Руппина к своему другу философу Иордану. — Ю. Н.), что говорят, думают и делают мои до-

бродушные пруссаки. Берлин теперь, похож на Беллону в родах; надеюсь, что она подарит свету прекрасное дитя, а я постараюсь стяжать доверие народа какими-нибудь смелыми и удачливыми предприятиями. О, тогда я был бы чрезвычайно счастлив! Такие обстоятельства могут дать твердое основание моей славе!»

Дальнейшие события так описывает Кони: «Между тем нельзя было долго скрывать, что прусские войска собрались на силезской границе. Австрийский двор был уведомлен посланником своим, находившимся в Берлине, об опасности; министр Марии Терезии шлал в ответ, что он не может и не хочет верить таким известиям. Несмотря на то, маркиз Ботта был отправлен из Вены в Берлин для точнейшего исследования замыслов Пруссии. Ботта скоро понял план короля. Желая глубже проникнуть в намерения Фридриха, он в первую аудиенцию свел речь на Силезию, жаловался на чрезвычайно дурные дороги, которые теперь от наводнений так испорчены, что решительно нельзя по ним проехать. Фридрих тотчас понял намерение посла, но отвечал ему сухо: «Вы правы, но большой беды еще нет: величайшее несчастье, которому можно подвергнуться на такой дороге, есть то, что замараешься грязью» (Кони. С. 118).

В декабре все было готово к началу войны. Намерение вступить в Силезию перестало быть тайной. Фридрих отправил посланника, графа Готтера, в Вену, с изъяснением австрийскому двору своих прав на Силезию и мер, которыми хочет, в случае нужды, заставить уважить их. Перед своим отъездом к войскам он дал отпусковую аудиенцию маркизу Ботта, причем известил его о своем намерении. «Ваше величество, — воскликнул Ботта, — вы испровергнете австрийский двор, но вместе и сами падете в бездну!» Фридрих возразил, что отец Марии Терезии обязан принять его предложение. После некоторого молчания Ботта насмешливым тоном продолжал: «Ваши войска прекрасны, Ваше величество, я согласен в том; наши не так красивы, но они уже окурены порохом. Умоляю вас, обдумайте свои намерения». Король вспыхнул и быстро отвечал: «Вы находите, что мои войска красивы; скоро вы созна-

етесь, что они хороши». Маркиз Ботта хотел сделать еще некоторые замечания, но Фридрих прервал его речь, говоря: «Теперь уже поздно: шаг за Рубикон сделан!»

Перед своим отъездом к войску он созвал главных своих офицеров и, прощаясь с ними, сказал: «Господа! Я предпринимаю войну и не имею других союзников, кроме вашего мужества и вашей доброй воли. Дело мое правое, и я ищу заступничества у счастья. Помните постоянно славу, которую приобрели ваши предки на полях Варшавских, Фербеллина и в знаменитом Прусском походе Великого курфюрста. Ваша участь в собственных руках ваших: отличия и награды ждут только ваших блистательных подвигов. Не почитаю нужным подстрекать вас к славе: она всегда была у вас перед глазами, как цель, достойная ваших стремлений. Вы вступите в битву с войсками, которые под начальством принца Евгения снискали бессмертие. Правда, принца уже нет; но победа наша над такими противниками будет не менее знаменита. Прощайте! Отправляйтесь немедленно к войску; а я скоро явлюсь между вами в сборном месте, где ожидает нас честь отчизны и слава!»

13 декабря был большой маскарад во дворце. Громкие звуки музыки сливались с веселым говором блестящих и разнообразных масок. Танцы не прекращались. Никогда еще при дворе не бывало такого великолепно-го и веселого праздника. Сам король был в особенно приятном расположении духа, шутил, танцевал, был любезен до крайности. Время незаметно приблизилось к полночи. Вдруг в залах хватились короля, но его нигде не было. Можно себе представить всеобщее удивление, когда гофмаршал, выходя из внутренних покоев, объявил, что король изволил оставить столицу и уехал в действующую армию к силезской границе.

Военные действия начались в декабре 1740 года вторжением 25-тысячной армии под командованием Фридриха II в австрийскую Силезию. Началась первая Силезская война.

● обращение Фридриха к генералам

Поход 1740 года

14 декабря 1740 года Фридрих прибыл к армии в пограничный городок Кроссен. К несчастью, в тот самый день с колокольни соборной церкви сорвался колокол и упал на землю. Это имело самое невыгодное влияние на армию, солдаты считали этот пустой случай дурным предзнаменованием. Но Фридрих умел придать ему совсем другое значение: «Будьте покойны, друзья мои! — говорил он войску. — Падение колокола имеет для нас благоприятный смысл, оно значит, что высокое будет унижено!» Под высоким он разумел Австрию, которая

в сравнении с Пруссией, конечно, могла назваться высокой державой. Солдаты поняли его намек, и новая бодрость одушевила их сердца.

16 декабря Фридрих вступил на силезскую землю. На границе встретили его два священника, посланные депутатами от протестантов города Глогау. Они умоляли короля, в случае осады города, не делать приступа с той стороны, где находилась протестантская церковь. Церковь эта была построена вне городских укреплений; комендант города Глогау, граф Валлис, опасаясь, чтобы Фридрих во время осады не выбрал эту церковь своим опорным пунктом, предполагал сжечь ее до основания.

Фридрих велел кучеру остановиться, чтобы выслушать просьбу пасторов. «Вы первые силезцы, — сказал он им, — которые просят меня о милости; желание ваше будет исполнено». Тотчас же был послан адъютант к графу Валлису с обещанием, что Фридрих не поведет осады с той стороны; и протестантская церковь осталась нетронутой.

Прусское войско шло вперед и не находило перед собой неприятельской армии. Слабый силезский гарнизон едва был достаточен для прикрытия главных укрепленных мест. Австрия не могла так скоро выслать помощь, о которой ее неутомимо и усердно умолял обер-амт Бреслау, видя приближающуюся опасность. Итак, одни только дурные дороги и дождливая погода мешали быстрым действиям Фридриха. К жителям Силезии были разосланы манифесты, которыми всем и каждому предоставлялись прежние права и владения и даже обещаны были разные льготы. Фридрих объяснял в них, что вступает в Силезию с оружием в руках только на случай вмешательства в его права посторонних лиц, а совсем не для разорения жителей. И в самом деле, в войске наблюдалась самая строгая дисциплина, и за все взятое у жителей, платилось щедрой рукой. Все это расположило силезцев к Фридриху; особенно полюбили его протестанты, которые видели в нем избавителя от многих зол и притеснений. Австрийское правительство рассылало свои протесты против манифестов Фридриха, но они не имели успеха.

Между тем города Силезии, через которые должны были проходить прусские войска, находились в затруднительном положении, «не зная, которой стороны держаться: сохранить ли верность австрийскому правительству или присягнуть королю прусскому. Начальствующие городами придумывали по этому случаю разные хитрости, которые иногда оканчивались чрезвычайно забавной развязкой. Так, подходя к Грюнебергу, первому значительному месту Силезии, прусаки нашли ворота города затворенными. Тотчас был отправлен офицер, который именем короля требовал сдачи города. Его повели в ратушу. Там был собран совет из всех ратсгеров под председательством бургомистра. Офицер требовал ключи, но бургомистр отвечал, что он не может и не имеет права их выдать. Тогда офицер объявил, что в противном случае город будет взят штурмом и отдан на разхищение войску. «Что делать! — отвечал бургомистр, пожимая плечами. — Вот ключи, они лежат на столе совета; конечно, если вы захотите, вы можете их взять, препятствовать вам я не в силах; но сам не могу отдать их ни в каком случае». Офицер засмеялся, взял ключи и велел отворить ворота. Полки вошли в город.

Главнокомандующий, генерал Шверин*, послал сказать бургомистру, чтобы он, по военному обычаю, взял

* Граф Курт фон Шверин (1684—1757) происходил из древней дворянской фамилии. Он родился в 1684 году в шведской Померании. Лишившись рано родителей, воспитывался дядей, который служил в голландской армии. В 1700 году дядя определил его в свой полк прапорщиком. В 1706 году он совершил под начальством Мальборо и принца Евгения поход, был произведен в капитаны и перешел на мекленбургскую службу, где и дослужился до чина полковника. В 1712 году герцог Мекленбургский посылал его в Бендеры, с тайным поручением к Карлу XII. По возвращении он был произведен в бригадные генералы и вскоре отличился своей победой при Валтмюле над императорскими войсками, высланными для решения распри, возникшей между герцогом и мекленбургским дворянством. В 1720 году поступил на прусскую службу в чине генерал-майора, не раз был посылаем для дипломатических переговоров в Саксонию и Польшу. В 1730 году назначен губернатором Пейца, в 1731 году произведен в генерал-лейтенанты, а в 1739 году — в генералы от инфантерии и по-

ключи назад. Но бургомистр не хотел исполнить приказа.

«Я не отдавал ключей, — отвечал он, — и не могу их взять обратно. Но если генералу угодно положить их на место, с которого они взяты, то я, конечно, не в силах противиться». Генерал Шверин донес об этом слухах королю, и Фридрих смеялся от души находчивости бургомистра. Он приказал отнести ключи с барабанным боем и с почетным караулом в ратушу и положить на прежнее место.

Один только город Глогау встретил прусские войска неприязненно. Комендант наскоро исправил крепостные укрепления, привел в порядок орудия и запаса продовольствием для гарнизона и жителей, приготовившись выдержать осаду. Но зимнее время и дождливая погода делали долговременную осаду невозможной, и потому Фридрих, расположив один корпус под начальством принца Леопольда Ангальт-Дессауского под стенами и в окрестностях города, с остальным войском пошел на Бреслау.

Город Бреслау в то время пользовался различными льготами, имел свои права, которые ставили его почти наравне с вольными городами. Одно из главнейших состояло в том, что австрийское правительство не могло располагать в городе свои гарнизоны, потому что Бреслау имел собственную милицию, составленную из граждан. А следовательно, когда австрийский корпус был отряжен для защиты города и предполагалось сжечь предместья, жители возмущались, не хотели впускать имперские войска и сами решили отстаивать свою свободу. Но покадлились споры и переговоры, прусские полки, предводительствуемые полковниками Бромом и Посадовским, явились под стены и овладели всеми предместьями города. Это быстрое и неожиданное выдвижение привело в ужас бреславцев. Не надеясь на свои укрепления, они боялись штурма и разграбления и потому тот-

жалован в кавалеры ордена Черного орла. Фридрих II, вскоре после вступления на престол, сделал его фельдмаршалом и возвел в графское достоинство. Погиб в бою во время Пражского сражения в 1757 году.

час же приступили к переговорам и отворили Фридриху ворота. Он оставил город на прежних правах, объявил его нейтральным и велел уволить австрийских офицеров, присланных для военных распоряжений. Очень помогла ему в этом протестантская часть жителей Бреслау, которая под начальством какого-то сапожника почти насильно принудила ратушу к сдаче города.

Третьего января Фридрих торжественно вошел в город. «Народ встретил его с криками радости. Жители видели в нем не врага, а спасителя своих прав, веры и достоинства. Въезд был великолепный. Впереди ехали королевские экипажи, за ними вели лошадей и мулов, покрытых синими бархатными попонами, вышитыми золотом и отороченными соболями. Затем следовали отряд лейб-гвардии и парадная королевская карета, вы-

Присяга Силезии. 1741 год

битая внутри желтым бархатом; в ней, как символ королевской власти, лежала голубая бархатная мантия с золотыми орлами, подбитая горностаем. За каретой ехали принцы, маркграфы, графы и генералы прусского войска и, наконец, сам король, верхом, в сопровождении небольшой свиты. Король кланялся народу приветливо, снимая шляпу.

В тот же день был дан обед, на который были приглашены члены городской ратуши и депутаты от дворянства. После обеда Фридрих верхом обозревал город. Подъехав к великолепному дворцу, построенному иезуитами, он остановился, задумчиво поглядел на него и, наконец, сказал: «Вероятно, император имел большой недостаток в деньгах, когда духовенство принуждено было воздвигать такие здания на свой счет».

На следующий день был бал при дворе. Фридрих сам открыл его содной из знатнейших бреслауских дам. Но, по обыкновению своему, скоро исчез между танцующими и поспешил за войском, которое, между тем, уже далеко продвинулось вперед».

Город Олау сдался королю без сопротивления, в то время как генерал Гётце быстро перешел Одер и занял Намслау. В то же самое время фельдмаршал Шверин и генерал Клейст с авангардом обложили Оппель и Троппау — оба города капитулировали. Но Бриг и Нейсе держались крепко и, несмотря на все увещания и угрозы, не хотели отворить своих ворот счастливому завоевателю. Бриг, как и Глогау, был оставлен в блокаде, но около Нейсе, главной крепости Силезии, Фридрих сосредоточил все свои силы в твердом намерении взять ее штурмом.

Фридрих был в восторге от своих успехов. Он покорил богатую землю, почти не обнажая меча и с самыми незначительными потерями. Он многого ожидал от этой первой удачи. Восторг его особенно изливался в дружеских письмах к Иордану, «кроткий, миролюбивый нрав которого составлял совершенный контраст с пылким, воинственным духом Фридриха». Вот два письма Фридриха, писанные к Иордану под стенами Нейсе, которые очень хорошо поясняют отношения и характеры обоих друзей.

«Мой милый господин Иордан, мой нежный господин Иордан, мой кроткий господин Иордан! Мой добрый, мой милый, мой кроткий, мой нежный господин Иордан! Уведомляю Вашу Веселость, что Силезия почти покорена и что Нейсе бомбардируется. Приготовляю тебя к великим предприятиям и предвещаю счастье, какого своенравное лоно фортуны никогда еще не порождало. Будь моим Цицероном в защите моего дела: в совершении его я буду твоим Цесарем. Прощай! Ты сам знаешь, что я от всей полноты сердца твой друг».

Два дня спустя он написал Иордану следующее письмо: «Имею честь уведомить Ваше Человеколюбие, что мы приняли все христианские меры бомбардировать Нейсе и что мы окрестим город огнем и мечом, если он не сдастся добровольно. Впрочем, нам так хорошо, как еще никогда не бывало, и скоро Вы о нас ничего более не услышите, потому что в десять дней все будет кончено, а через две недели я буду иметь удовольствие опять Вас видеть и беседовать с Вами. Прощайте, господин советник! Развлекайте себя Горацием, изучайте Павзания и утешайтесь Анакреоном; что же касается меня, то я пока имею одно утешение: пушки, ядра и фашины. Молю Бога, чтобы Он поскорее послал мне более приятное и мирное занятие, а Вам даровал здоровье, радость и все, чего желает Ваше сердце.

Фридрих».

Однако предсказания Фридриха не сбылись. Крепость Нейсе не сдалась. Гарнизон ее, под начальством опытного и храброго коменданта, полковника Рота, мужественно выдерживал неприятельский огонь и самую усиленную осаду. В течение трех дней пруссаками было брошено в город 1200 бомб и 3000 каленых ядер: все напрасно. Умная распорядительность Рота делала штурм решительно невозможным. При довольно значительном морозе по иочам подливали воду во рвы, предместья были сожжены дотла, а стены и валы каждое утро обдавали водой, так что они всегда были подернуты льдом.

Испытав все усилия, Фридрих оставил город в блокадном положении, и не желая обессиливать войско, и без того истомленное быстрыми переходами и холо-

дами, разместил его по змним квартирам, а сам, через Лигниц, отправился в Берлин, куда и прибыл 26 января.

Между тем Австрия слишком поздно догадалась выслать войска на помощь Силезии. Фельдмаршал Браун соединил несколько сборных отрядов близ Троппау, но они были вытеснены генералами Клейстом и Шверином в Моравию. Оба полководца заняли позиции за Оппою и перерезали австрийцам путь к Силезии. Таким образом, к концу января почти вся Силезия, от Кроссена до Яблунки, находилась в руках Фридриха.

Прусская армия кордонами расположилась на зимних квартирах вдоль моравской границы. В дальнейшем боевые действия сторон носили характер длительного маневрирования с целью выйти на коммуникации друг друга, нарушить снабжение и принудить противника к отходу и оставлению занимаемой территории.

Поход 1741 года

«Точно молния пронеслась весть о покорении Силезии через всю Европу. Одни дивились смелости юного короля; другие порицали ее, называя безумством и дерзостью. Никто не мог предполагать, чтобы Пруссия, это маленькое, еще молодое королевство, могла вступить в борьбу с могущественной Австрией, силы и средства которой заставляли трепетать все остальные державы. Можно было предвидеть, что недавний мир Европы надолго будет нарушен. Прагматическая санкция не могла обеспечить спокойствия Австрии; по примеру Фридриха должны были восстать и другие претенденты на наследие Карла, и всеобщая война казалась неизбежной. Действительно, вслед за покорением Силезии за оружие взялся и курфюрст Баварский Карл Альбрехт (который, впрочем, сразу не признал Прагматической санкции) и объявил свои права на часть австрийских владений и даже на императорскую корону. Но курфюрст не мог подкрепить своих притязаний силой. Гораздо большая опасность угрожала Марии Терезии со стороны Франции, которая, по всем статьям, должна была воспользоваться удобным случаем, чтобы снять

маску дружбы и откровенно возобновить свою старинную борьбу с Австрией» (Кони. С. 126).

Между тем во время самих действий Фридриха в Силезии его уполномоченный посол, граф Готтер, хлопотал в Вене, «стараясь уладить дело миролюбиво и соблюсти все выгоды своего монарха. Он предлагал его именем прусские войска и финансы на защиту Марии Терезии, голос и опору Фридриха при избрании ее супруга, герцога Франца Лотарингского, в императоры. Но все представления его оставались тщетными: венский кабинет, несмотря даже на усилия Англии склонить его куступке, не соглашался отдать Фридриху богатую Силезию. Министры отзывались о Фридрихе с некоторым пренебрежением; они говорили, что он, как обер-камергер империи, обязан подавать умывальник императору и, стало быть, не имеет права предписывать законов дочери императора. Притом сама Мария Терезия объявила, что не намерена вести с Фридрихом переговоров до тех пор, пока он не выведет свои войска из Силезии, и только в таком случае обещала ему забвение всего прошедшего и не хотела с него требовать вознаграждения за все понесенные убытки. Итак, переговоры не привели ни к какому результату; граф Готтер возвратился в Берлин без всякого успеха. Фридрих не унывал: он решился всеми мерами разрушать политические козни Австрии и поддержать свои завоевания силой оружия» (Кони. С. 127).

Тем временем и Мария Терезия не оставалась в бездействии. Связанная родственными узами с королем Георгом II*, она надеялась на помощь Англии и Ганновера. Ко всем значительным дворам Европы были отправлены посольства с тем, чтобы объяснить дело, показать несправедливость притязаний прусского короля и просить помощи против дерзкого завоевателя.

* Георг II из Ганноверской династии (1683—1760) — король Англии, Шотландии и Ирландии и курфюрст Ганновера с 1727 года. Женат на Каролине Бранденбург-Анштахской, родственнице Фридриха II. союзник Пруссии в Семилетней войне.

В Россию в то же время был послан маркиз ди Ботта с намерением склонить принцессу Анну Леопольдовну*, управлявшую Россией именем сына своего, императора Иоанна Антоновича, на союз с Австрией. Задача была трудная, потому что Россия незадолго перед тем (16 декабря 1740 года) заключила союз с Фридрихом II с обоюдным обещанием обеих держав помогать друг другу во всякой войне, кроме персидской или турецкой. Союз этот казался довольно прочным, тем более, что его поддерживал Миних, в то время обладавший значительной силой в кабинете министров. Но маркиз ди Ботта, как опытный царедворец, с первого взгляда сумел проникнуть в положение дел при русском дворе и, не боясь Миниха, начал искать расположения противной ему партии. Самыми близкими людьми к правительнице были — граф Мориц Линар, посланник саксонский, и графиня фон Менгден, служившая при ней старшей фрейлиной. Они почти неразлучно проводили время с Анной Леопольдовной, стараясь ее развлекать и забавлять в часы досуга, часто управляли ее волей и в делах государственных. Ловкий, умный, красивый собой, маркиз ди Ботта скоро сделался четвертым неизбежным лицом в царственных и дружеских беседах правительницы. Мудрено ли, что при помощи графа Линара, которому от саксонского курфюрста также было предписано всеми мерами стараться расстроить союз России с Пруссией, ди Ботта скоро достиг своей цели.

* Анна Леопольдовна (1718—1746) — правительница России при своем сыне, императоре Иоанне VI Антоновиче (правила в 1740—1741). Дочь герцога Мекленбург-Шверинского и царицы Екатерины Иоанновны (дочери царя Ивана V), племянница императрицы Анны Иоанновны. С 1739 года замужем за принцем Антоном Ульрихом Брауншвейг-Люнебургским. Провозглашена регентшей после дворцового переворота, отстранившего от власти Бирона. Свергнута очередным переворотом, приведшим к власти Елизавету Петровну, и послана в Холмогоры. Ее сын, император Иоанн (1740—1764, номинально правил в 1740—1741), заключен в Шлиссельбургскую крепость и убит охраной при попытке его освобождения поручиком Мировичем.

Началось с того, что принцессу Анну вооружили против главных лиц кабинета министров, против вельмож, наиболее преданных пользам государственным, против Остермана и Миниха. Остерман, боясь немилости и желая приобрести полное доверие правительницы, принял сторону Линара и Ботта. Один Миних, как скала, отражал все удары и, убежденный в неправоте и даже вредных последствиях предлагаемого союза с Австрией, стоял грудью за Фридриха. Он представлял кабинету, «что нарушением договора с Пруссией без всякой причины теряется доверие к России и других держав; что сам Фридрих может сделаться врагом России, тем опаснейшим, что владения его в близком соседстве с нами и что русский кабинет покажет явное легкомыслие, не оправдав своих уверений в дружбе, без всякого повода со стороны Пруссии, свято сохранившей свои обязательства». Но как ни сильны были доводы и патриотическое увлечение фельдмаршала, противная сторона восторжествовала; правительница изъявила ему даже свое неудовольствие за излишнее усердие в пользу прусского короля; старик, глубоко оскорбленный, подал в отставку, и вскоре австрийская партия с восторгом узнала, что главный ее противник уволен со службы и удален от двора.

Но предсказания Миниха вскоре оправдались на деле: нарушение договора с Фридрихом стоило России войны со Швецией (не правда ли, описанный эпизод является собой великолепный образчик «традиционного миролюбия», «неукоснительного соблюдения международных договоров Российской империи и «агрессивности» Прусского королевства?»). Подробнее об этих событиях я скажу несколько ниже.

Как уже говорилось, что Франция, хотя и в дружбе с Австрией, весьма желала, по примеру Фридриха и Карла Альбрехта Баварского*, воспользоваться части-

* Карл VII (1684—1745) — курфюрст и герцог Баварии из династии Виттельсбахов, император Священной Римской империи, провозглашенный частью курфюрстов в нарушение габсбургской Прагматической санкции и коронованный в 1742 году, активный участник войны за Австрийское наследство, союзник Фридриха.

цей наследства австрийского императора. Успехи Фридриха радовали ее тем более, что обессиливали Австрию, а союз его с Россией был порукой, что успехи эти будут продолжительны и прочны, потому что этот союз обеспечивал собственное его государство и, стало быть, давал ему полную свободу действовать против Марии Терезии.

Перемена обстоятельств, произведенная при русском дворе маркизом Ботта, сильно беспокоила Францию, и Версальский кабинет решился втайне употребить все свои дипломатические хитрости, чтобы не дать России возможности содействовать Марии Терезии. Для этого надо было впутать Россию во внешнюю войну и взволновать изнутри. Обе цели были достигнуты Францией с удивительным искусством и быстротою. В июле 1741 года шведский сенат, подстрекаемый французским красноречием и подкупленный французским золотом, объявил России войну под следующим предложением: предоставить русский престол законной его наследнице, дочери Петра Великого. Хотя война эта была незначительна сама по себе, но она заняла на время русские силы и отвлекла их от западных границ, и в то же время забросила искру волнения внутри государства.

Император был еще ребенок; правительница с некоторого времени занималась беспечно делами, предоставляя кормило правления своим временщикам, по большей части иностранцам: это возбуждало беспокойство и недовольство в народе; раны, нанесенные ему Бироном, были еще слишком свежи и оправдывали его опасения. Отставка Миниха, любимого и уважаемого войском, также породила ропот. С другой стороны, хитрый агент кардинала Флери, граф Шетарди, через фаворита цесаревны лейб-медика Лестока вынуждал Елизавету Петровну объявить свои права на русский престол. Настоятельные советы, чтобы Елизавета вышла замуж за одного из мелких германских владетелей, были истолкованы последней в дурную сторону: ее убедили, что эта насильственная мера удалит ее навсегда из России и от престола. Елизавета, которая равнодушно смотрела на свои царственные права, вступилась за личную свою свободу, и в ночь 25 ноября 1741 года при по-

мощи камер-юнкера Воронцова и гренадерской роты Преображенского полка взошла на престол великого своего родителя (малолетний законный император Иоанн Антонович, последний представитель Брауншвейгской династии на русском престоле, был заточен в Шлиссельбургскую крепость и после неудачной попытки освобождения поручиком Смоленского полка Мировичем умер «при невыясненных обстоятельствах»).

Дела России приняли иной вид. Франция торжествовала, и Фридриху стало быть, со стороны России нечего было опасаться.

Но в то время, когда маркиз ди Ботта действовал на Россию в пользу Австрии, Мария Терезия старалась вооружить против Фридриха папу и через него влиять на прочие католические державы. К успеху такого намерения подал повод сам Фридрих. Узнав о стесненном состоянии протестантов в Силезии и о недостатке священнослужителей, он отправил туда тридцать протестантских пасторов, всех людей избранных. С одной стороны, тем он помогал нуждам края, с другой — преследовал и политическую цель. Через этих людей, которые могли иметь нравственное влияние на народ и были преданы Фридриху душой и телом, последний намеревался добиться расположения в свою пользу. Тотчас было о том донесено папе в преувеличенном виде, с опасениями, что Фридрих намерен ввести учение Лютера во всех покоренных им землях. Папа в ужасе разослал воззвания ко всем католическим дворам об уничтожении «еретического маркграфа Бранденбургского».

Фридрих принял деятельные меры против этого воззвания: он обнародовал манифест, которым объявлял полную веротерпимость во всем своем государстве, и в особенности в Силезии, где обещал каждого защищать в правах его церкви. Этот манифест успокоил волнения, а воззвание папы осталось гласом вопиющего в пустыне.

С первыми лучами весны начались военные действия в Силезии. Мария Терезия поручила главное начальство над войсками фельдмаршалу графу Адаму Альбрехту Нейпергу, «воину, посевшему в школе принца Евге-

ния». Сборное место австрийской армии находилось при Ольмюце, оттуда Нейперг намеревался идти в Верхнюю Силезию для прикрытия Нейсе, а часть своих войск отправил для ограждения графства Глацкого. Нейперг сумел сосредоточить свои войска незаметно для врага, после чего быстро вошел в Силезию и отрезал Фридриха от Пруссии, обойдя его расположение с севера.

«К тому времени Фридрих также отправился в Силезию. До начала войны он хотел еще осмотреть свое войско, стоявшее на зимних квартирах, и собрать подробные сведения о положении страны и местностях. В эту рекогносцировку пустился он с незначительной свитой. Около горной цепи, отделяющей Силезию от графства Глацкого, он чуть дорого не заплатил за свою отвагу. Уже несколько раз австрийские гусары прорывались за прусские кордоны и делали неожиданные нападения на аванпосты. Теперь, узнав от лазутчиков, что сам король объезжает передовые отряды, они решились захватить Фридриха в плен во что бы то ни стало, и тем задушить войну в самом ее зародыше. По счастью, вместо королевской свиты они напали на эскадрон прусских драгун. Завязался отчаянный бой. Фридрих, услышав перестрелку, наскоро собрал горсть солдат и поспешил на помощь драгунам, но опоздал, и сам был вынужден, после отчаянного сопротивления, спастись бегством.

Судьба, видимо, его хранила: из всей свиты уцелел только один его адъютант, Глазенап. Оба кинулись на проселочную дорогу, но след их, несмотря на всю быстроту коней, не мог скрыться от взора неприятелей. В величайшем беспорядке достигли они ворот великолепного монастыря Каменца на берегах реки Нейсе. Фридрих объявил желание видеть настоятеля и был впущен. Настоятель, почтенный старик, аббат Стуше, с одной из монастырских башен видел происходившую невдалеке от обители резню и тотчас догадался по разброшенному виду и по следам крови на мундире Фридриха, что гость его, должен быть, беглец. Он принял его ласково и повел в свою келью. Вскоре один из послушников таинственно вызвал аббата из комнаты и сообщил, что отряд австрийцев устремляется на монастырь. Стуше

на минуту задумался и потом тотчас отдал свои приказания послушнику.

Вдруг, совсем не в обычное время, монастырские колокола ударили к вечерней молитве. Изумленные монахи спешили в храм. Церковь блистала всеми огнями, как в праздничный день, орган загремел, на хорах раздались торжественные гимны. Никто не понимал, что означает такой неожиданный молебен. Но общее изумление еще более увеличилось, когда перед престолом, возле старого аббата, появился новый священнослужитель, монах, никому незнакомый, который помогал настоятелю в отправлении божественной службы.

Вдруг двери храма с шумом растворились и восемьдесят человек гусар вошли в церковь с обнаженными саблями. Но вид торжественной службы поразил их и остановил у порога: как ревностные католики они преклонили колена, положили оружие и, приняв благословение аббата, тихо вышли из храма. Между тем весь монастырь был обыскан их товарищами. Глазенап попался в плен, но Фридриха нигде не могли отыскать и решили преследовать по всем тропинкам и дорогам, ведущим от монастыря.

По окончании молебна аббат возгласил эктинию о здоровье и счастье монарха. «Братья, — сказал он потом, обращаясь к монахам, — мы недаром молили Господа! Судьбы его непреложны и милосердие велико! Воздадим ему благодарение на коленах: Он помог нам в спасении короля!» Все глаза обратились на незнакомца; по лицу его катились слезы: он преклонил колено пред почтенным старцем и принял его благословение. Это был сам Фридрих» (Кони. С. 131).

Впоследствии Фридрих II часто посещал монастырь Каменц, одарил его богатыми вкладыми и после смерти аббата Стуше установил там ежегодную панихиду в день его кончины, а новому настоятелю предписал с каждым из умирающих в монастыре монахов посылать от него поклон Стуше.

Смотр войск убедил Фридриха, что его солдаты полны отваги и нетерпения сразиться с неприятелем. Король начал составлять план будущих действий вместе с графом Шверингом, который хорошо изучил военное

искусство в Нидерландах, под руководством герцога Мальборо и принца Евгения.

По совету одного из своих ближайших соратников, принца Леопольда Ангальт-Дессауского, Фридрих решил на штурм крепости Глогау. В ночь на девятое марта приступ начался с пяти различных точек в одно и то же время. Ко второму часу пруссаки овладели крепостью и городом, но ни один дом не был разграблен, ни один гражданин не потерпел обиды: строгая дисциплина господствовала в армии Фридриха, который за это раздавал солдатам значительные суммы денег и награды.

Наконец, Фридрих узнал, что Нейперг ведет свою армию к Нейсе. Надлежало помешать этому движению, потому что крепость Нейсе составляла один из главных опорных пунктов прусского войска. Предполагалось, что Фридрих и Шверин, который прикрывал Верхнюю Силезию, двинутся в одно время и соединятся в Нейштадте при Егерсдорфе. Осада Брига была снята, так как Фридрих хотел сосредоточить все свои силы. До пруссаков доходили самые неверные сведения о расположении и направлении австрийской армии, поэтому они были вынуждены беспрестанно менять свой маршрут.

При переходе через реку Нейсе, близ Михелау, 8 апреля Фридрих наткнулся на передовой отряд австрийских гусар. Завязался бой, пруссаки победили и захватили 40 пленных. От них-то и узнали достоверно, что австрийская армия на подходе к Олау, где находился главный магазин и вся запасная артиллерия Фридриха. Медлить было невозможно, надлежало вступить в бой — решительный и отчаянный. К несчастью пруссаков, на следующий день пошел такой сильный снег с вьюгой, что невозможно было различить предметы на расстоянии трех шагов. Через лазутчиков успели, однако, разведать, что неприятель, числом до 25 тысяч солдат и офицеров, подошел к Бригу. В поисках противника 24-тысячная прусская армия вышла к деревне Мольвиц, где неожиданно столкнулась с расположенной северозападнее, на южной окраине деревни, австрийской армией фельдмаршала фон Нейперга.

10 апреля солнце поднялось из-за Силезских гор. День был теплый и ясный. В пять часов утра прусские войска остановились у деревни Погрель и выстроились против дороги, ведущей в Олау. По собранным сведениям, австрийцы ночевали в Мольвице, Гюнерне и Грюнингине. На расстоянии 2000 шагов от Мольвица Фридрих развернул фланги и выдвинул артиллерию, выжидая появления неприятеля.

Австрийцы даже не подозревали такого опасного соседства и преспокойно готовились к дальнейшему походу. Если бы Фридрих действовал решительнее в эту минуту, он окружил бы всю австрийскую армию и захватил ее врасплох. Но он был еще слишком неопытен в военном деле и придерживался старого предрассудка: драться не иначе, как лицом к лицу и в открытом поле. Поэтому прусские войска не использовали выгодного момента для атаки застигнутого врасплох противника и потратили два часа на выстраивание боевого порядка (две линии с кавалерией на флангах и артиллерией перед фронтом пехоты, а также резерв в составе трех эскадронов). В результате инициатива была упущена и первый удар нанесли австрийцы, которые только к двум часам пополудни выстроились в боевой порядок.

В начале боя пруссаки открыли сильный огонь из тридцати орудий. Многочисленное левое крыло превосходной австрийской кавалерии, под начальством генерала Ремера, не выдержало картечного града и с остервенением ринулось на правое крыло прусского войска. Кавалерия Фридриха, невыгодно поставленная, от сильного натиска подалась назад и затоптала свои пехотные полки, расположенные за нею; австрийцы ворвались также в смешанные ряды. Это был настоящий ад: вопли отчаяния и крики неистовства оглашали воздух; штыки, сабли и карабины работали одновременно. Все перемешалось и перепуталось до того, что стреляли по своим и чужим без разбора. Наконец, пруссаки были совсем опрокинуты и бросились бежать врассыпную: их конница в беспорядке отошла к Одеру и далее на север.

Фридрих сам командовал правым крылом и был в отчаянии. Видя бегущих солдат, он старался их удержать,

кое-как сумел привести в порядок два эскадрона и, поспевав вперед с криком «Братья! Честь Пруссии, жизнь вашего короля!», повел их опять в битву. Но и это усилие не помогло: солдаты должны были покориться перекосу сил и снова обратились в бегство. Под самым королем убили лошадь, раненый драгун уступил ему свою и тем спас от опасности.

Не зная что делать и совершенно растерявшись, Фридрих, сквозь дым и дождь ружейных пуль, поскакал на левое крыло, которым командовал Шверин. Старик умолял короля не подвергать себя явной опасности, уверял, что первая неудача еще не решает дела, и, наконец, убедил его перебраться за Одер, где герцог Гольштейнский стоял близ Штреллина с семью батальонами пехоты и семью эскадронами конницы, чтобы в случае отступления пруссаков прикрыть их переправу через Одер.

После долгих уговоров Фридрих решил последовать совету фельдмаршала и под маленьким прикрытием жандармов поскакал в Оппелю. Но жандармы, истомленные битвой, на измученных лошадях своих не могли поспеть за королем и его свитой, скакавшими во весь опор, они отстали в городке Левене. В полночь Фридрих достиг ворот Оппельна: они были заперты. Король послал двух офицеров с приказанием отпереть. На зов часовых «Кто идет?» офицеры отвечали: «Пруссаки». Ружейный залп сквозь решетку ворот был ответом. Фридрих с ужасом понял, что австрийцы еще накануне вытеснили прусский гарнизон из Оппельна и заняли город. В тот же миг он оборотил коня и поскакал назад, свита последовала за ним. Темнота ночи скрыла их от преследователей. К утру, в совершенном изнеможении, он возвратился в Левен, и тут его ожидало известие, которое обрадовало его сердце и заставило забыть усталость.

После удаления (если быть точным, то бегства) короля с поля битвы основная тяжесть боя легла на прусскую пехоту во главе с фельдмаршалом Шверинном. Австрийская конница устремилась на центр, прикрытый артиллерией, и на левое крыло, где неподвижной стеной стояла пехота, поливая неприятеля непрерывным

Мольвицкое сражение 10 апреля 1741 года

огнем. Австрийцы перебили прусских канониров и отняли у пруссаков много орудий, которые потом обратили на них же. Пять часов длился жаркий бой. Генерал Ремер пал мертвый; Шверин был тяжело ранен. Принц Леопольд Дессауский принял главное начальство над прусскими войсками. Вечер сгущался, исход битвы оставался еще нерешенным.

Последовавшая за первым успехом фронтальная атака австрийской пехоты на центр позиции пруссаков была отражена массивным огнем оставшейся у Шверина артиллерии. Наконец, великолепная прусская пехота, потратив все патроны, дружно ударила в штыки, австрийская кавалерия в беспорядке бросилась назад

и смешала свою пехоту. Нейперг старался восстановить порядок в строю, но пруссаки воспользовались замешательством неприятеля — раненый Шверин велел посадить себя на коня и под барабанный бой и звук труб всей армии скомандовал: «Марш, марш!».

Дружный натиск совсем опрокинул неприятеля. Потеряв в течение получаса 2500 человек убитыми и ранеными, Шверин выбил австрийцев из их редутов, откуда до того они безнаказанно расстреливали прусские линии. В это время на поле ринулись с криком еще десять эскадронов прусской конницы, которые были отпранены из Олау, но не успели к битве. Их неожиданное появление решило дело — австрийцы в беспорядке бежали к Мольвицу и далее на запад. Нейперг принужден был ретироваться. Пруссаки ударили отбой и трубным звуком возвестили победу. Поле битвы осталось за победителями.

Фридрих узнал о победе в момент своего прибытия в Левен. С радостью на лице и во взоре поскакал он тотчас же в Мольвиц. Он объехал поле сражения, покрытое мертвыми и ранеными, и с горестью остановился перед своим любимцем, капитаном гвардии Фицджеральдом, у которого ядром оторвало обе ноги. «Как, — вскричал он, всплеснув руками, — и тебя постигло такое ужасное бедствие!» — «Благодарю за участие, Ваше величество! Но бедствия большого нет, будьте здоровы и счастливы, а для меня все кончено!» С этими словами он умер. Фридрих пожал руку мертвеца и удалился.

Со стороны Пруссии потери составили 2500 убитых и 3000 ранеными. Первый гвардейский батальон лишился половины лучших своих офицеров: из остальных 800 человек только 180 могли продолжать службу, прочие были изувечены. Австрийцы потеряли около 5000 человек убитыми, ранеными и пленными.

Дорого стоила Фридриху эта первая победа, но зато она принесла ему значительную нравственную выгоду. «Глаза целой Европы обратились на него как на человека, которому назначено ввести новый порядок вещей в политическом мире. Австрия, этот немейский лев между европейскими государствами, увидела в нем своего Алкида. Мнение, что войска принца Евгения непо-

бедимы, было опровергнуто самым блистательным образом, а напротив того, прусская пехота, об которой думали, что она только годна для красивых разводов и парадов, показала на деле, что это лучшее, обученнейшее и храбрейшее войско на Западе. На Фридриха перестали смотреть как на безумца, кидающегося очертя голову в неравный бой: в нем увидели государя, действующего самостоятельно, с твердым сознанием своих сил и средств» (Кони. С. 143).

Победа в Мольвицком сражении (несмотря на неудачные и нерешительные действия Фридриха II в его начале) была одержана благодаря количественному и качественному превосходству прусской пехоты и артиллерии, их более совершенной тактике, лучшему управлению войсками и хорошо организованному взаимодействию между родами войск. Кавалерия же, напротив, оказалась почти совершенно небоеспособной, что заставило молодого короля сесть за разработку планов ее коренного реформирования.

Победа при Мольвице дала Фридриху возможность снова предпринять осаду Брига. Город капитулировал. Тогда все войска были соединены в лагерь при Штрелене, чтобы таким образом прикрыть всю Нижнюю Силезию.

«Здесь Фридрих провел два месяца, жил между своими солдатами в палатке, изучал их характер, пополнял войско новобранцами и ежедневно упражнял кавалерию, чтобы придать ей более ловкости и проворства. В то же время он занимался поэзией и музыкой.

Вскоре Штреленский лагерь сделался всеобщим политическим конгрессом; отовсюду спешили туда послы: Франция, Англия, Испания, Швеция и Дания, Россия, Австрия, Бавария и Саксония вступили в переговоры и совещания с прусским королем.

До сих пор Франция молча радовалась несогласию Пруссии с Австрией и тайно поддерживала его своими происками и золотом. Успехи Фридриха заставили ее действовать определеннее. Желая от души разрыва с Австрией, к которому Франция не могла приступить явно, потому что не признала Прагматическую санкцию Карла VI, кардинал де Флери, тогдашний глава

французского правительства, при слабом и больном Людовике XV, решился действовать сторонними средствами» (Кони. С. 148).

Мы уже сказали, что Карл Альбрехт Баварский, женатый на Марии Амалии, дочери австрийского императора Иосифа I, стало быть, ближайшей наследнице австрийских владений, объявил свои претензии на императорскую корону, но не имел средств поддержать свои требования оружием. Флери решился помочь ему в достижении цели и потому заключил с ним союз в Нимфенбурге. Кроме того, хитрый Флери надеялся пожить частью австрийских владений. Поэтому он отправил к Фридриху маршала Шарля де Бель-Иля с предложением присоединиться к этому союзу и обещал за это вытребовать ему право на Нижнюю Силезию. Фридрих, зная, что для поддержки Австрии соединяются ганноверские и датские войска, принял предложение Флери с удовольствием и 5 июля присоединился к Нимфенбургскому союзу. Он просил только сохранить это в тайне до тех пор, пока Франция снарядит и выставит свое войско. Вскоре к Нимфенбургскому союзу присоединились польский король и курфюрст саксонский, Август III и королева испанская Елизавета. Подстрекаемый примером Карла Альбрехта Баварского, Август III также объявил претензии на австрийское наследие, основывая их на правах жены своей Марии Иосефы, старшей дочери Иосифа I. А Елизавету Испанскую, вечно хлопотавшую о том, чтобы доставить своему сыну кусок хлеба (как она сама выражалась), Франции не трудно было склонить на свою сторону.

Таким образом, узнав о поражении Австрии под Мольвицем, Карл Альбрехт Баварский, которому не давала покоя мечта об императорской короне, а также и о близлежащих землях Габсбургов, направил баварские войска в австрийскую Богемию. В это же время Франция, выступив в союзе с Карлом, снарядила для похода в Южную Германию армию маршала Франсуа Мари де Брольи. В союзе с Баварией выступила также Саксония совместно с польским королевством (Август III еще не забыл, кому он обязан короной Польши) и Савойя. Наконец, под влиянием Франции на стороне «ан-

типрагматической коалиции» выступила и Швеция. Собственно прусско-австрийская война пока закончилась — разворачивалась война, получившая название войны за Австрийское наследство и продолжавшаяся (с переывами) восемь лет.

В июле началась операция баварских войск против Верхней Австрии. Карл, взяв крупный промышленный центр Пассау, со времен средневековья известный своими оружейными мастерскими, вскоре соединился с французами. Однако союзники отвергли предложение Фридриха идти соединенными силами на Вену, чем сильно затянули войну: Габсбурги к тому времени были в полной панике, а в коридорах венского Хофбурга справедливо говорили, что империя не была в такой опасности уже больше ста лет — со времен османского нашествия.

Первоначальные расчеты Фридриха полностью оправдались. Сокрушительное поражение австрийцев при Мольвице стало сигналом для всех, кто мечтал получить что-нибудь из «австрийского наследства». В мае 1741 года в Нимфенбурге был заключен союз между Францией, Испанией и Баварией, курфюрст которой Карл Альбрехт, как я уже говорил, мечтал о приобретении Богемии и императорской короне. Испанцы надеялись получить австрийские владения в Италии, а Франция, поддерживая своего ставленника Карла Альбрехта, рассчитывала ослабить Австрию и свести ее в разряд второстепенных держав. К союзу вскоре примкнули и другие «наследники» — Саксония, Неаполь, Пьемонт и Модена. Необъятные владения Габсбургов от Северного моря до Адриатики подверглись нападению вчерашних гарантов Прагматической санкции.

Между тем повсюду в Силезии еще соединялись австрийские полки, и малая война не прекращалась. Среди множества стычек австрийцев с пруссаками особенно замечательно сражение при Ротшлоссе, в котором впервые отличился впоследствии знаменитый сподвижник Фридриха — Цитен. Он напал на 1400 австрийских гусаров, которые соединились близ Ротшлосса под начальством одного из величайших партизан своего времени, генерал-майора Барони, и разбил их наголову.

За эту битву король произвел Цитена в полковники, а вскоре сделал шефом всех прусских гусар.

Нейперг, дав полную свободу партизанам тревожить прусские разъезды, разработал план, как нанести более чувствительный удар Фридриху. После битвы при Мольвице он ретировался за Нейсе и расположился лагерем. Через ловких шпионов, которые специально попадались в руки пруссаков, он старался распространить слух, что войска его совершенно расстроены, что он ждет нового набора для приведения их в порядок и не ранее, как через три месяца, сможет продолжать военные действия.

Когда, по его мнению, Фридрих поверил этим известиям, Нейперг вдруг поднялся с места, чтобы обойти прусскую армию и захватить Бреслау.

Но прусского короля нелегко было обмануть — слушая шпионов, он сам наблюдал за Нейпергом и легко смог разгадать его намерения. Немедленно Фридрих отправил три батальона пехоты и пять эскадронов конницы к Бреслау. Ему хотелось овладеть городом без кровопролития, какой-нибудь хитростью. И случай помог ему.

В Бреслау образовалось общество старых дам, ревностных католичек, душой преданных австрийскому правительству. При посредстве монахов, они успели склонить на свою сторону нескольких членов ратуши и решились всеми мерами помочь австрийскому фельд-маршалу овладеть Бреслау и действовать оттуда против Фридриха.

Король узнал об этом вовремя, через преданную ему даму, которая очень искусно сумела попасть в данное общество и, войдя в доверие, выведать все тайные подробности. Под предлогом совещаний Фридрих пригласил к себе в лагерь главных членов магистрата и спросил их: «Во всей ли точности бреслауское начальство исполняет права нейтралитета?» Ратсгеры отвечали, что они ни в чем не отступали от своих обязанностей. Тогда король показал им письма, из которых ясно было видно, что они подвозили съестные и полевые припасы австрийскому войску, отправили 140 тысяч гульденов к Марии Терезии и находились в письменных

сношениях с Нейпергом. Улики были налицо: ратсгеры во всем сознались.

«На первый случай, — сказал им Фридрих, — я хочу быть милостив, но за ваш проступок требую услуги. Если вы нарушали права нейтралитета для австрийцев, то можете нарушить их и для меня, чтобы поправить дело. Мне надо перебраться за Одер и для того провести несколько отрядов через Бреслау. Надеюсь, что не встречу противоречий в бреслауском магистрате».

Члены магистрата были на все согласны, радуясь, что так дешево отделались.

Итак, отправленные Фридрихом к Бреслау полки вступили в город: городской майор впереди войск провожал их через улицы. Но вдруг полки поворотили к главной площади. Майор, полагая, что они сбились с пути, хотел им показать ближайшую дорогу к одерским воротам, но принц Леопольд Дессауский очень вежливо попросил его вложить шпагу в ножны и отправиться на покой в свои казармы, объяснив, что цель вступления войск — не пройти через город, а занять его.

На другой день, 10 августа, было объявлено, что город лишен нейтральных прав и что жители должны являться в ратушу для принесения присяги королю. Всех австрийских чиновников уволили со службы; после присяги состоялся торжественный молебен, а вечером город был иллюминирован. Фридриху возвестили о занятии Бреслау через выстрелы из пушек, которые были расставлены на всем протяжении от города до Штреленского лагеря.

Нейперг узнал довольно поздно, что пруссаки его опередили. Он занял выгодную позицию в горах и продолжал малую войну, не пуская неприятеля к решительному делу. Пока эти события совершались в Силезии, две французские армии вступили в Германию. Одна, под начальством маршала Мельбуа, приблизилась к границам Ганновера, а другая, под командой маршала де Бель-Иля, направилась на помощь к Баварии и в середине августа соединилась с баварскими полками.

Миротлюбивый король Георг II, видя опасность ганноверской области, поспешил объявить себя нейтральным (вначале Англия, находящийся с ней в личной унии

Ганновер и Нидерланды поддержали австрийцев), а курфюрст Баварский немедленно вступил в австрийские владения. Неудача Нейперга и взятие Фридрихом Бреслау вынудили Марию Терезию уступить. В лагерь к Фридриху был отправлен для переговоров лорд Робинсон, английский посланник при венском дворе. Почтенный джентльмен весьма высокопарно и с необычайной важностью старался запугать и озадачить Фридриха могуществом и средствами Австрии и, наконец, предложил ему, как особенную милость Марии Терезии, Лимбург, Гельдерн и 2 миллиона талеров контрибуции, если он откажется от Силезии и выведет свои войска. Фридрих отвечал Робинсону такими же напыщенными фразами, в том же патетическом тоне и закончил свою речь следующими словами:

«Разве Мария Терезия почитает меня нищим? Чтобы я отступил от Силезии за деньги, тогда как приобрел ее жизнью и кровью моих воинов? Если бы я был способен на такое низкое, презренное дело, мои предки вышли бы из гробниц и грозно потребовали отчета: «Нет! — сказали бы они. — В тебе нет капли нашей крови! Ты должен драться за права, которые мы тебе доставили, а ты продаешь их за деньги! Ты пятнаешь честь, которую мы завещали тебе, как самое драгоценное наше наследие. Ты недостоин царского сана, недостоин престола, ты презренный торгош, которому барыши дороже славы! Нет, господин посол, скорее я готов похоронить себя и все мое войско под развалинами Силезии, чем перенести такое унижение».

С этими словами, не ожидая возражений лорда Робинсона, Фридрих взял шляпу и вышел из палатки, оставив британца в совершенном недоумении. Посланник возвратился в Вену со своим донесением.

Через несколько недель он опять явился в лагерь Фридриха и привез с собою карту Силезии: на ней были обозначены четыре княжества в Нижней Силезии, которые венский кабинет решил уступить Фридриху.

На это король отвечал коротко и ясно: «Это годилось бы прежде, теперь не годится!»

Между тем положение Марии Терезии становилось с каждым днем затруднительнее. На английского коро-

ля нельзя было больше надеяться. Польский король Август требовал себе Моравию и в случае отказа грозил взять ее силой. Курфюрст Баварский 3 сентября взял Линц и принял там присягу жителей; как будущий эрцгерцог австрийский, потребовал контрибуцию с целой области и так быстро двинулся к Вене, что Мария Терезия вынуждена была со всем двором удалиться в Пресбург (ныне Братислава), взяв с собой государственный архив и все драгоценности.

В таких критических обстоятельствах, стесненная со всех сторон, она наконец-то решилась послушаться английского министра, лорда Гиндфорта, который советовал ей прибегнуть к старинной политической уловке — перессорить всех ее неприятелей между собой. Для этого надо было кончить дело с главным и опаснейшим врагом, прусским королем, и согласиться на все его требования.

Лорд Гиндфорт отправился к Фридриху. Переговоры начались 8 октября в Клейн-Шеллендорфе; туда же был приглашен и фельдмаршал Нейперг. Решили следующее: чтобы до заключения формального мира сделать перемирие, которое с обеих сторон держать в тайне, австрийцы должны были сдать крепость Нейсе и таким образом оставить за прусским королем всю Нижнюю Силезию, с тем, однако, чтобы он не брал с жителей никакой контрибуции. А чтобы лучше скрыть этот договор от прочих союзников, было решено продолжать малую войну. Договор был подписан 9 октября.

Тотчас по окончании переговоров Фридрих осадил и взял Нейсе; австрийцы ретировались из Силезии; прусские войска заняли графство Глацкое и приблизились к баварской армии, которая находилась в Богемии, где курфюрст Баварский принял титул богемского короля и потом отправился в Мангейм — ждать, пока его выберут в австрийские императоры.

Австрийский двор, который преследовал цель перессорить союзников, поторопился распустить слух о Клейн-Шеллендорфском трактате.

Такое вероломство возмутило Фридриха (весьма характерно для прусского короля: заключив втайне от своих союзников сепаратный мир с врагом, он оскор-

бился лишь тем, что обстоятельства этого были разглашены перед Францией и Баварией), и он почел себя вправе также нарушить свои условия. Он отправился в Бреслау и 7 ноября назначил день торжественного восшествия на престол и присяги.

К этому дню в Бреслау собралось 4000 депутатов ото всех городов и ведомств Силезии. Под колокольный звон и радостные крики народа Фридрих в золоченой карете, запряженной восемью парадными лошадьми, подъехал к ратуше, перед которой стояла в строю вся его гвардия и где все государственные чины были собраны и ожидали его прибытия. Он вошел в тронную залу. Там для него наскоро приготовили трон из старого императорского кресла. У вышитого на нем двуглавого орла была снята одна голова, а на грудь его был помещен вензель Фридриха: таким образом герб австрийский сделался прусским.

В течение полутора лет, со времен императора Маттеуса, Силезия не видала подобного торжества: можно себе представить, какое сильное впечатление оно должно было произвести на народ.

Фридрих взошел на ступени трона в своем обыкновенном воинском мундире, безо всех королевских регалий. Фельдмаршал Шверин забыл принести государственный меч, который должен был держать по правую руку короля.

Фридрих вынул из ножен свою шпагу, ту самую, которой была завоевана Силезия, и подал ее фельдмаршалу.

Министр Подевильс произнес краткую, но сильную речь, приличную случаю. В ней он от имени короля обещал силезцам сохранение всех их прав, защиту и помощь. Потом он громко прочел присягу, (все присутствующие повторили ее за ним) и, наконец, каждый поодиночке подошел к трону, клал руку на Евангелие и целовал государственный меч в знак преданности и повиновения. Громкое «Да здравствует король Фридрих, наш герцог (имеется в виду титул герцога Силезского, ранее принадлежавший Габсбургам. — Ю. Н.) и повелитель!» заключило церемонию. Король снял шляпу в знак благодарности и удалился. Затем был дан народу праздник, а вечером на всех окнах и на улицах

заблестали щиты и транспаранты с различными радостными надписями и эмблемами.

За этим днем последовал ряд праздников, на которых Фридрих сумел привязать к себе все сословия своей «любезностью и добротой».

Но более всего восхитил и расположил к нему силезцев его великодушный поступок. По обыкновению города представили ему, как новому герцогу, «хлеб-соль», состоящую из бочки золота. Так велось с давних времен. Фридрих отказался от этого подарка.

«Эта страна, — говорил он, — слишком пострадала от войны, чтоб я мог принять от нее такую жертву. Напротив, я сам помогу народу в его нуждах, чтобы он не имел причины роптать на перемену правительства».

Манифестом от простил крестьянам податные долги, приказал им выдать хлеб на посев и раздать беднейшим семействам необходимые суммы на поправку и обустройство. Дворянам он дал новые звания и чины. Католическому духовенству была дарована полная свобода строить латинские церкви и отправлять богослужение по римскому обряду.

«Облагодетельствовав» таким образом завоеванную страну, Фридрих 12 ноября возвратился в Берлин.

Итак, к этому времени инициатор конфликта — прусский король — уже вышел из затеянной им игры и подсчитывал трофеи: Мария Терезия, оказавшаяся в безвыходном положении, заключила в сентябре 1741 года перемирие с Пруссией и уступила Фридриху Нижнюю Силезию. Так прусский король реализовал провозглашенный им принцип политики: «Сначала взять, а потом вести переговоры». Заключению договора в Клейн-Шеллендорфе предшествовали сложные дипломатические маневры Фридриха, который стремился добиться от России и Англии гарантий невмешательства в войну за Австрийское наследство. В России он делал ставку на практически управлявших этой страной приближенных правительницы Анны Леопольдовны — Миниха и Остермана, обещая последнему деньги и земельные владения в... Силезии.

Прусскому королю было очень важно заполучить такие гарантии у двух ведущих европейских стран, не во-

влеченных еще в конфликт. Фридриху это позволило бы связать их обязательствами не участвовать в войне на стороне Австрии, а самой Пруссии — сохранить завоеванное и продолжать политику балансирования. В начале 1741 года Фридрих писал своему министру иностранных дел Подевилюсу: «...имея возможность опереться на Россию и Англию, мы не имеем никакой причины торопиться с соглашением с Тюильрийским двором; следовательно, нужно водить его за нос, пока окончательно не станет ясен вопрос о посредничестве». Когда же посредничество не удалось, Фридрих резко изменил политику и пошел на сближение с Францией, добываясь в качестве неперемного условия союза выступления Швеции против России, с тем чтобы отвлечь ее от помощи Австрии.

Понимая заинтересованность Версаля в союзнике против Австрии, прусский король в июне 1741 года почти ультимативно заявил французскому посланнику Валори: «Маркиз Бель-Иль не решится, конечно, отрицать, как он обещал мне, что они [шведы] нападут на русских в Финляндии, лишь только я подпишу трактат с Францией. Теперь все готово для этого, а Швеция продолжает выставлять разные затруднения. Предупреждаю, что трактат наш рассыплется в прах, если вы не одержите полного успеха в Стокгольме; ни на каких других условиях я не соглашусь быть союзником вашего короля».

Как уже говорилось, в июле 1741 года Швеция объявила России войну, а 25 ноября был совершен государственный переворот в пользу Елизаветы. Для Фридриха события в России явились полной неожиданностью: прусский посланник А. Мардефельд прозевал заговор Елизаветы и сам переворот. Впрочем, Фридрих не очень тужил об участии своих родственников из Брауншвейгского дома, руководствуясь высказанным им ранее принципом, что «между государями он считает своими родственниками только тех, которые друзья с ним». Более того, впоследствии, когда ему понадобилось добиться расположения Елизаветы, он (через Мардефельда и русского посланника в Берлине П. Г. Чер-

нышева) советовал императрице выслать Брауншвейгскую фамилию как можно дальше от Риги.

Узнав о перевороте, Фридрих даже обрадовался, ибо считал, что новым властителям России будет не до прусских действий в Европе. В начале 1742 года он писал Мардефельду, что смена власти в России все же не в пользу Англии и Австрии, поддерживавших тесные связи с правительством Анны Леопольдовны. Король рекомендовал своему послу в Петербурге внимательно следить за происками дипломатов этих стран и советовал особенно не упускать из виду «некоего лекаря Лестока». «О нем, — писал Фридрих, — я имею сведения как о большом интригане... уверяют, будто бы он пользуется расположением новой императрицы. Важные дела подготавливаются нередко с помощью ничтожных людей, а потому (если это справедливо) государыня доверяет этому человеку, и, если не удастся сделать его нашим орудием, вам нужно учредить за ним бдительный надзор, чтобы не быть застигнутым врасплох». На этот раз Мардефельд был начеку и вскоре сошелся с Лестокком. В марте 1744 года Фридрих писал Мардефельду уже как об обычном деле: «Я только что приказал господину Шплитгерберу передать вам 1000 рублей в уплату второй части пенсии господина Лестока, который вы не замедлите выплатить, присовокупив множество выражений внимания, преданности и дружбы, которые я к нему питаю».

Свержение правительства Анны Леопольдовны, как и предполагал Фридрих, привело к некоторым изменениям во внешней политике России. В русско-английских и, прежде всего, в русско-австрийских отношениях, которые особенно поддерживал низвергнутый канцлер Анны А. И. Остерман, наступило заметное охлаждение. Зато нормализовались отношения с Пруссией. В марте 1743 года состоялось подписание Петербургского союзного трактата, по которому стороны обязывались помогать друг другу в случае нападения третьей державы на одну из них. Не возражала Елизавета и против заключения брака наследника шведского престола с сестрой Фридриха.

Но самой большой победой Фридрих считал неожиданное решение Елизаветы женить своего племянника — наследника престола Петра Федоровича* на Софии Августе Фредерике, дочери прусского генерала герцога Христанана Августа Ангальт-Цербстского. Когда стало известно, что Елизавета хочет видеть юную избранницу в России, Фридрих сделал все возможное, чтобы внушить матери принцессы княгине Иоганне Елизавете, какие цели должна она преследовать, отправляясь в Россию. Сделать это было нетрудно, ибо, писал В. А. Бильбасов, «цербстская княгиня, как и большинство мелких владетельных особ Германии в то время, боготворила Фридриха, его глазами смотрела на политические дела и его желания принимала за подлежащие исполнению приказания. Она не сомневалась, что эти желания благотворны, раз они высказаны Фридрихом».

Фридрих поставил перед Иоганной Елизаветой задачу добиваться совместно с Лестоком, Брюммером и Мардефельдом заключения выгодного для Пруссии тройственного союза России, Швеции и Пруссии, а также неопременного свержения вице-канцлера А. П. Бестужева-Рюмина**.

* Петр III Федорович (Карл Петер Ульрих, 1728—1762) — российский император в 1761—1762 годах. Сын герцога Гольштейн-Готторпского Карла Фридриха и цесаревны Анны Петровны, внук Петра I. Унаследовал герцогство в 1739 году. В 1742-м объявлен своей теткой Елизаветой Петровной наследником русского престола. С 1745 года женат на принцессе Софии Фредерике Августе Ангальт-Цербстской, затем — императрице Екатерине II, свергнут ею в результате дворцового переворота, впоследствии убит. Основатель Гольштейн-Готторпской ветви династии Романовых, правившей до 1917 года.

** Бестужев-Рюмин Алексей Петрович (1693—1766) — русский дипломат и государственный деятель. В юности учился за границей, в начале XVIII века с согласия Петра I служил при дворе курфюрста Ганноверского и короля Англии Георга I, был британским послом в Петербурге. С 1718 года вернулся в Россию, выполнял различные дипломатические поручения (в 1734—1740 годах был послом в Дании). Фаворит Бирона, действительный тайный советник и кабинет-министр

Заручившись союзным соглашением с Францией и полагая, что Россия будет полностью занята своими внутренними делами, Фридрих в середине декабря 1741 года нарушил перемирие и напал на Австрию.

Поход 1742 года

Очень удачно действовала баварская армия осенью 1741 года. Мы видели, что Карл Альбрехт дошел почти до Вены. Действуя скоро и решительно, он без всякой потери мог бы достигнуть своей цели и сесть на престол Австрии в самой ее столице. Впоследствии, имея империю и все ее средства в руках, он мог бы поддержать свое право и, удовлетворив союзников уступкой нескольких областей, прочно утвердиться на императорском престоле. Союзники шли на Вену, все еще надеясь, что Фридрих им поможет.

Но совет, данный Марии Терезии хитрым англичанином, возымел уже свое действие. Слухи о Клейн-Шеллендорфском трактате возбудили в союзниках зависть, подозрение и недоверчивость. Увлекаясь этими чувствами, курфюрст Баварский вдруг переменял свой план и вместо того, чтобы овладеть столицей империи, оста-

императрицы Анны Иоанновны. После падения Бирона заключен в крепость, затем находился в ссылке в деревне. По ходатайству лейб-медика и фаворита императрицы Елизаветы Лестока возвращен ко двору. С 1741 года был сенатором, директором почт, вице-канцлером. В 1744 году назначен великим канцлером. Хитрый и ловкий, в течение 16 лет уверенно и, по сути, единолично направлял внешнюю политику России, неизменно укрепляя ее союз с Австрией и Англией против Пруссии, Франции и Турции. При этом Бестужев не отказывался от мелких и крупных подачек со стороны австрийского и английского двора, не гнушался участвовать в интригах, имея в этом немалый опыт. В 1758 году обвинен в поддержке заговора против наследника Петра Федоровича, арестован и приговорен к смертной казни, замененной ссылкой. После воцарения Екатерины II восстановлен во всех чинах, произведен в генерал-фельдмаршалы, но от активной политической деятельности отошел.

вил Австрию и направил свои войска на Богемию, опасаясь, чтобы Август III не опередил его и не приобрел этой страны в свою пользу.

Французы, баварцы и саксонцы быстро установили контроль над Западной и Центральной Богемией. Карл Альбрехт стремительно подступил к Праге. После двенадцатидневной осады (26 ноября) он взял город. По примеру Фридриха 19 октября Карл короновался в соборе Святого Витта королем богемским и принял присягу новых своих подданных. Оттуда он отправился в Мангейм, чтобы достигнуть главной своей цели, короны императора.

24 января 1742 года желание его исполнилось: он был избран в римские императоры под именем Карла VII. Но приобретая таким образом тень власти, он навсегда утратил действительную власть: он носил титул императора, а императорский престол находился в чужих руках.

В своем стесненном положении Мария Терезия обратилась к венграм и назначила в Пресбурге (нынешняя Словакия до 1918 года входила во владения Венгерского королевства как части империи Габсбургов) государственный сейм. Она явилась на престоле в национальном костюме венгерских королей (Мария Терезия в то время не являлась императрицей, став ею лишь позднее в качестве жены своего супруга — императора Франца I. В 40-е годы она носила титулы эрцгерцогини Австрийской и королевы Венгерской), держа на руках своего младенца-сына (впоследствии императора Иосифа II). В кратких, но полных искреннего чувства словах она изложила печальное свое положение. Ее молодость, красота и пережитые несчастья возбудили в венграх неимоверный энтузиазм. Магнаты выхватили сабли из ножен и, подняв руку в знак клятвы, с воодушевлением воскликнули: «Жизнь и кровь за нашу королеву! Да здравствует Мария Терезия!»

За клятвой вскоре последовало и дело. Половина Венгрии встала под ружье. Пятнадцать тысяч дворян соединили под свои знамена многочисленные иррегулярные толпы кроатов, пандуров, валахов и тирольцев. Тем временем к боям против франко-баварцев в Бобе-

*Мария Терезия и Иосиф выступают перед венграми.
1742 год*

мин готовилась новая армия во главе с супругом императрицы — Великим герцогом Францем Лотарингским. Дополнительные силы из «германских» провинций империи сосредотачивались и в Вене.

Основные наличные силы были сведены в армию под командованием фельдмаршала графа Людвига Антона фон Кхевенгюллера, которая имела задачей перенесение боевых действий на территорию противника — в Баварию. Последствия не заставили себя ждать: небольшой франко-баварский заслон, который не последовал за Карлом Альбрехтом в Богемию, был изгнан из Австрии. 27 декабря Кхевенгюллер пересек баварскую границу и «в самый день провозглашения Карла императором венгры завоевали его собственную столицу Мюнхен. Венгры опустошали Баварию с ненасытной жаждой мести». Тем временем вторая армия под командованием младшего брата Франца — фельдмаршала принца Карла Лотарингского приготовилась к тому, чтобы покончить с оккупацией Богемии отрезанными от своего тыла баварцами. Всякому стало ясно, что вслед за Богемией австрийцы вторгнутся и в Силезию.

Эти обстоятельства заставили Фридриха теснее прикнуть к его союзникам и подумать об их выгодах, тем более, что Австрия уже всюду трубила о Клейн-Шеллен-

дорфском договоре, а между тем и не думала о заключении действительного мира с Пруссией. Надлежало оправдать себя в глазах союзных держав, и Фридрих решился снова взяться за оружие.

Однако к тому времени обстановка изменилась в корне: запланированное объединение прусских, французских и баварских войск не состоялось, так как баварцы стали быстро отходить на запад для защиты своей страны. Французская же армия де Брюль была слишком слаба для того, чтобы покинуть укрепленные предместья Праги и выступить против австрийцев в полевом сражении.

Чтобы отвлечь австрийские войска от Баварии, Фридрих (пожинавший плоды своих «дипломатических успехов») намерен был вторгнуться в Моравию, но так как последняя, по предварительным условиям, была уже обещана саксонскому курфюрсту и польскому королю Августу III, то он желал как можно более пощадить свое войско и потому хотел вытребовать главную армию для этого завоевания у Саксонии.

Отпраздновав в Берлине 6 января свадьбу своего брата, принца Августа Вильгельма, он немедленно отправился в Дрезден.

Но Фридрих скоро увидел, что достигнуть цели не так легко, как он думал. Сластолюбивый и беспечный Август III утопал в неге и удовольствиях; всеми государственными делами управлял его именем хитрый и корыстный министр, граф Брюль*, который был на тайном жалованье у Австрии и неохотно одобрял все то, что могло служить ее ущербу. «Кроме того, Брюль, как и все мелочные души перед величием гения, чувствовал себя неловким и униженным в присутствии Фридриха и потому питал к нему тайное недоброжелательство».

Но Фридрих с первых слов понял своего антагониста и решил против него действовать его же оружием — дипломатическими хитростями.

Созвана была конференция в королевских покоях Августа. Кроме Фридриха и Брюля, в ней участвовали

* Брюль Генрих фон (1700—1763) — граф, польский и саксонский кабинет-министр.

и некоторые саксонские генералы. На каждое предложение Фридриха Брюль находил возражения и ловкие увертки, которые Фридрих однако тут же опровергал самыми ясными доводами. Несогласия продолжались до тех пор, пока не вошел король Август III, заглянувший в конференц-зал случайно, как иногда богатый барин, сквозь дверь, бросает взгляд на потолок, который ему расписывает искусный живописец.

Брюль воспользовался обменом обычных вежливостей между королями и, зная характер своего государя, поспешно сложил карту Моравии, которая была развернута на столе. Фридрих пригласил Августа III присесть к столу, опять спокойно развернул карту и попытался растолковать Августу, на что были нужны его войска и как важны для него должны быть предполагаемые операции. Август слушал и на все вопросы Фридриха отвечал только «да», «это так», «конечно», но на лице его, наконец, стали появляться нетерпение и скука. Брюль, который мучился, как при пытке, в продолжение всей этой сцены, воспользовался счастливыми признаками монаршей скуки: в первую удобную минуту молчания он вынул часы из кармана и ловко заметил, что сейчас начнется опера.

Для Августа такое известие было слишком важно, чтобы он мог еще пожертвовать несколькими минутами. Он поспешно встал, но Фридрих, в свою очередь, воспользовался его нетерпением и не выпустил бедного короля до тех пор, пока тот не одобрил его плана и не объявил своего согласия.

Итак, во главе саксонской армии Фридрих пошел через Богемию в Моравию. В Ольмюце он соединился с корпусом прусского войска, которое, по его распоряжению, выступило в Моравию из Силезии. Первые дела были увенчаны успехом. Пруссаки проникли в Австрию. Гусары Цитена, составляя авангард, достигли почти самой Вены, и столице империи угрожала зловещая опасность.

Но вскоре Фридрих убедился, что все успехи не приведут его к желанной цели. Саксонцы портили самые лучшие его комбинации, мешали и вредили его действиям на каждом шагу. Саксонские генералы неохотно со-

глашались на его предложения, исполняли их вяло и не-
радиво, а само войско думало больше о грабежах, чем
о мужественной борьбе с неприятелем.

Фридриху понадобилось осадить крепость Брюнн
(ныне Брно). Он потребовал у Августа необходимо для
осады артиллерию. Август отвечал, что у него нет денег
на орудия, а в то же самое время заплатил 400 тысяч та-
леров за весьма редкий зеленый бриллиант, который
купил для знаменитой своей «Зеленой кладовой»
в Дрездене.

Это выводило Фридриха из себя, и он дал слово ни-
когда не действовать с помощью союзников или соеди-
няться только с такими войсками, которые будут нахо-
диться в полном его распоряжении.

Между тем и австрийская армия вступила в Мора-
вию. Фридрих принял решительные меры к обороне,
но саксонские солдаты везде оказывались непокорны-
ми, трусами, а иногда даже и изменниками.

Потеряв терпение, Фридрих решил оставить наме-
рение завоевать Моравию и, собрав свое войско, вывел
его в Богемию, где стояла главная фридриховская ар-
мия.

Саксонский министр Бюлов, сопровождавший Фри-
дриха в походе, старался всеми мерами отговорить ко-
роля от этого решения. Но Фридрих был неумолим.
«Кто же доставит королю Августу моравскую корону, ес-
ли вы нас оставите?» — воскликнул Бюлов. «Любезный
друг, — отвечал Фридрих, — короны сперва добываются
пушками, а потом украшаются бриллиантами».

Во время этих действий в Моравии другой корпус
прусской армии под начальством принца Дессауского
овладел крепостью Глац, и принц от имени короля при-
нял присягу на подданство и верность всего графства
Глацкого.

Фридрих разделил свою армию на два корпуса. Пер-
вый, под предводительством принца Ангальтского
и фельдмаршала Шверина, он расположил в укреплен-
ном лагере при Ольмюце, а другой разместил в Богда-
мии между Эльбой и Сазавой.

Здесь прусские войска провели четыре месяца в со-
вершенном бездействии. Фридрих душевно (думаю, что

Кони надо бы взять это слово в кавычки) желал мира,
и переговоры с Австрией начались снова; англичане
приняли на себя посредничество. Но теперь им еще
труднее было привести обе стороны к согласию. Фрид-
рих неотступно требовал всю Силезию и графство Глац-
кое; Австрия, со своей стороны, несколько ободренная
своими первыми успехами и надеясь на Венгрию и
Францию, с которой вела тайные переговоры, неохот-
но соглашалась на такую значительную уступку.

Фридрих решил еще раз попытаться оружием прину-
дить венский кабинет куступке. Случай помериться си-
лами скоро представился.

Брат мужа Марии Терезии, принц Карл Лотаринг-
ский*, отличный и смелый воин (не в пример самому
Францу), вместе с опытным фельдмаршалом Кенигсе-
ком повели значительную армию через Дейчброд
и Цвитау в Богемию. Они намеревались: мимоходом
разбить пруссаков (число которых они посчитали вдвое
меньше, чем оно было на самом деле), захватить их ма-
газины в Нимбурге и потом отнять Прагу у французов
и баварцев. Возникла прямая угроза коммуникациям
прусской армии в Моравии, поэтому было принято ре-
шение возвращаться в Силезию.

Чтобы предупредить удар, Фридрих с авангардом 15
мая двинулся вперед, а принцу Леопольду Дессаускому
приказал следовать за собой малыми переходами. В то
же время он просил маршала Брольи, который с фран-
цузскими отрядами стоял на Влтаве, присоединиться
к его армии. Де Брольи отвечал, что не имеет на то
предписания, но что тотчас же отправит эстафету с за-
просом в Париж и, получив разрешение своего прав-
ительства, немедленно последует за королем. Фридриху
нельзя было медлить, и он решил действовать один.

Он продолжал поход, но едва вступил в Куттенберг,
как принц Лотарингский повернул вправо, чтобы не

* Карл, принц Лотарингский и Баварский (1713—1780) —
австрийский фельдмаршал, брат императора Франца I.
В 1742—1757 годах был главнокомандующим императорской
армией.

встретиться с Фридрихом, и затем прямо пошел на принца Дессауского.

Принц Леопольд наскоро составил план действия, послал известить короля о перемене обстоятельств и расположил войска. К восьми часам утра 17-го числа король прибыл со своим авангардом и нашел обе армии в боевом порядке и в готовности вступить в битву. У пруссаков имелось более восьмидесяти орудий, что давало им значительный перевес над неприятелем, артиллерия которого была довольно слаба. Прусская армия расположилась на высотах, за местечком Хотузиц; она состояла из 30 тысяч человек; австрийцев было 40 тысяч. Фридрих сам распоряжался битвой; а австрийские военачальники действовали отдельными корпусами, каждый по своему усмотрению.

Битва длилась с восьми часов утра до двенадцати. Австрийская конница начала атаку. Она была встречена пушечным громом. Первым беспорядком, произведенным тремя залпами, воспользовалась прусская кавалерия, которая нагрянула на атакующих с фланга и опрокинула их. Но от этого стремительного маневра поднялась такая сильная пыль, что пруссаки не могли рассмотреть врага и таким образом лишились всех выгод своей контратаки. Потеряв ориентировку, фридриховские кавалеристы не сумели решительно атаковать австрийскую пехоту и были отброшены ружейным огнем.

После этого Кенигсек повел пехоту своего правого крыла против прусской инфантерии, довольно невыгодно поставленной близ Хотузица. Несмотря на все содействие прикрывавшей ее конницы, она должна была отступить. Австрийцы овладели местечком Хотузиц и зажгли его со всех концов.

Но вместо пользы они причинили себе значительный вред: пламя и сильный дым совершенно разделили обе армии; австрийцы вынуждены были остановить свое преследование, между тем пруссаки получили время для перегруппировки и восстановили порядок. Во время этого замешательства Фридрих с невероятной быстротой атаковал левое крыло неприятеля, потеснил австрийскую конницу на ее правое крыло так,

Кавалерийская стычка

что она помешала собственной пехоте занять свои позиции и «произвела величайшую суматоху».

Между тем, чтобы отвлечь остальную часть неприятельской армии, находившейся близ Хотузица, и отнять у нее возможность подоспеть на помощь атакованным частям, Фридрих ложным маневром своей пехоты обнажил перед неприятелем свой вагенбург и парк. Австрийцы с жадностью кинулись на обозы и пороховые ящики и таким образом были отрезаны от главной армии. Этим ловким маневром Фридрих выиграл битву за три часа. Австрийцы обратились в бегство в величайшем беспорядке, несмотря на то что изо всей прусской пехоты только четыре полка были в деле. Стойкость этих частей, поддержанных, правда, огнем 76 пушек, развернутых против левого фланга австрийцев, сыграла важнейшую роль в сражении.

У бегущих было отнято 8 пушек, множество солдат и офицеров захвачено в плен. Остальная часть армии Карла Лотарингского отступила в порядке, однако общие ее потери составили 18 орудий и 12 тысяч человек пленными. Между последними находился австрийский генерал Полланд, который был тяжело ранен и не мог следовать за ретирующей армией. Фридрих посетил его в палатке, специально для него разбитой, утешал умирающего надеждой на выздоровление, приставил к нему лучших полковых врачей и в обмен за свое учас-

тие узнал от него, что Франция ведет с Австрией тайные переговоры с намерением вступить в союз.

Это известие несколько обеспокоило и раздражило Фридриха. Из всех нимфенбургских союзников одна Франция могла служить ему некоторой опорой, но и с ее стороны он испытывал вероломство. Такие обстоятельства заставили его подумать о прекращении войны с Австрией, тем более, что из восьми миллионов талеров сохранной казны, завещанной ему отцом, теперь оставалось в наличности не более полутора: шесть миллионов с половиной были потрачены на завоевание Силезии. Стало быть, продолжение войны могло сделаться тягостным для его казны и страны, а это никак не согласовывалось с правилами и образом мыслей короля.

В Хотузицкую битву Пруссия потеряла 4 тысячи человек убитыми и ранеными. Кроме того, примерно 1000 человек попали в плен. Урон Австрии, не считая указанного ранее числа пленных, «простирался» до шести тысяч. Фридрих очень хорошо знал, что этой победой обязан не столько своей распорядительности и военным талантам своих генералов, как одному из тех непостижимых случаев, которые само провидение посылает для решения судеб мира; не менее того он гордился ею, потому что этот новый блистательный успех приближал его к желанной цели. Среди поля битвы обнял он принца Леопольда и произвел его в генерал-фельдмаршалы. Всем генералам и офицерам был роздан орден «За достоинство» (*Pour le Merite*), солдаты получили денежные награды.

С самого поля битвы Фридрих отправил посольства ко всем своим союзникам с известием о победе. Королю французскому он адресовал следующие строки: «Ваше величество! Принц Лотарингский на меня напал, и я разбил его!»

Курфюрст Баварский, или император Карл VII, пришел в такой восторг при этом известии, что возвел прусского посланника, барона Шметгау, со всем его потомством в графское достоинство империи. Король Август III, получив также извещение о победе Фридриха, спросил посла: «А каково действовали мои саксонцы?» Доб-

рый король и не знал, что его войска совсем не участвовали в этой войне.

Победа союзников над Австрией была близка, как никогда.

Но тут Фридрих вступил в тайные переговоры с Марией Терезией и в июне того же года заключил Бреслауский мир, по которому к Пруссии перешла почти вся Силезия. После Хотузица королева поняла, что борьба с Фридрихом может завести ее слишком далеко — надлежало решиться на уступку. В лагерь при Заславле, где находилась главная квартира Фридриха, был отправлен английский посол лорд Гиндфорт как посредник и миротворец. Фридрих уполномочил своего министра графа Подевилльса окончить дело по его усмотрению. Переговоры начались в Бреслау 11 июня 1742 года. Условия мира были следующие.

Мария Терезия уступала Пруссии Верхнюю и Нижнюю Силезию и графство Глац, за исключением городов Троппау, Егерсдорфа и горной цепи по ту сторону реки Оппы. Пруссия за то принимала на себя австрийский долг в 1,1 миллиона рейхсталеров, занятых у Англии под залог Силезии.

Тотчас после обмена обоюдными «ратификациями» прусские войска вышли из Богемии; часть их через Саксонию перешла в бранденбургские владения, другая заняла границы Силезии, чтобы защищать вновь приобретенные провинции. Фридрих объявил своей армии о заключении мира, дал офицерам великолепный обед и первый провозгласил тост за здоровье и счастье Марии Терезии.

До своего отъезда в Берлин он сперва объехал все крепости в Силезии, приказал их исправить, а некоторые города вновь укрепить. Из Бреслау он написал в Берлин следующее письмо:

«В восьмидней я кончил больше дел, чем комиссионеры дома «Австрия» наделали их в восемь лет. И почти все мне удалось довольно счастливо. Я исполнил все, чего требовала честь моего народа, теперь приступаю к тому, чего требует его счастье. Крошь моих воинов для меня драгоценна: закрываю все каналы, из которых она могла бы еще пролиться».

В Берлин Фридрих прибыл 12 июля, а 28-го мир Пруссии с Австрией был окончательно заключен и подписан. Англия приняла на себя ответственность за точное исполнение договора. В Берлине мир был отпразднован торжественным образом, и жители столицы «всячески старались высказать свой восторг и любовь к победоносному своему монарху».

Вслед за тем все союзные дворы были извещены о заключении мира. Можно себе представить, какое волнение произвело это событие в европейских кабинетах. Когда Валори в ответ на сообщенную королем ошеломляющую новость сказал, что это обман, Фридрих позволил себе пошутить: «Но это значит не обманывать, а только выпутаться из дела».

Больше всех был поражен Флери. Старый политик не мог перенести мысли, что Фридрих, ученик в государственной науке, которого он хотел употребить как орудие для своих целей, перехитрил его. Он не верил глазам своим и несколько раз принимался перечитывать рескрипт прусского короля, почти не скрывая своей растерянности. Он писал Фридриху: «Я питал столь безграничное доверие к неоднократно повторявшимся обещаниям Вашего величества не предпринимать ничего иначе, как по соглашению с нами, и мы, со своей стороны, так верно соблюдали заключенный трактат, что не могу выразить изумления, с которым я узнал о неожиданной перемене в Вашем образе действий... Я слишком хорошо знаю прямой и благородный образ мыслей Вашего величества и не могу допустить малейшего подозрения, что Вы хотите нас оставить!»

Фридрих изложил кардиналу Флери необходимость такой меры и все причины, которые побудили его к решительному шагу; ответ был ясным и бесцеремонным: «Справедливо ли укорять меня за то, что я не намерен еще двадцать раз драться за французов? Это было бы работой Пенелопы, ибо маршал Брольи поставил себе правилом разрушать то, что созидали другие. Следует ли сердиться на меня за то, что для собственной безопасности я заключил мир и постарался высвободиться из союза?»

Кардинал на это возразил, что пишет ответ свой слезами и, скрипя зубами, заключил письмо так: «Ваше величество делаетесь теперь судьей целой Европы: это самая блистательная роль, какую Вы могли принять на себя».

В беседе с Иорданом Фридрих заявил, что «этот шаг стоил ему большой борьбы с самим собой». «Но что делать, — прибавил он, — где между необходимостью обмануть или быть обманутым нет середины, там для монарха только один выбор».

Несмотря на заключение мира, Мария Терезия была в совершенном отчаянии; она говорила, что «у нее из венца вынули драгоценнейший камень», и «если верить лорду Робинсону, то добрая королева плакала каждый раз, когда встречала силезца; но, к несчастью, почтенный джентльмен любил иногда приукрасить речь свою невинной риторической фигурой».

Итак, в боевых действиях наступил перерыв. Поскольку прусская армия была сильно расстроена войной, Фридрих, воспользовавшись передышкой, прежде всего занялся приведением ее в порядок, пополнением и укомплектованием своих полков. Прошедшие кампании дали ему большой полководческий опыт и открыли множество недостатков в армии, которые следовало спешно исправить. В то же время Фридрих увидел ряд преимуществ своих войск перед армией Габсбургов — эти преимущества надлежало всемерно развивать. В одном из своих стихотворений он заметил: «Чтобы государство не теряло своей славы, и на лоне мира должно заниматься военной наукой».

Эту «пиитическую» мысль король старался оправдать и на деле. Дурное устройство кавалерии было им вполне испытано в Силезскую войну. В этом роде войск Австрия имела над ним значительный перевес: венгерские гусары и вообще все иррегулярные конные формирования габсбургской армии тогда почитались образцовыми. Во время кампаний 1740—1742 годов Фридрих по достоинству оценил эти преимущества противника.

Итак, первой его заботой стала реорганизация прусской кавалерии (оставленной его отцом безо всякого внимания) по австрийскому образцу. Он утроил ее чис-

ленность против прежней, устраивал непрерывные маневры и, с помощью Винтерфельда и особенно Иоганна Цитена, скоро довел свою конницу, особенно гусар, до высокой степени совершенства.

Как пишет Кони, «эти воинские заботы Фридриха... занимали его так сильно не потому, что он увлекся своими успехами и пристрастился к войне, но потому, что кусок, вырванный им из лап австрийского орла, был слишком лаком и должен был возбудить зависть в других державах. Он предвидел, что последствия Силезской войны поведут за собой еще новые брани и торопился быть готовым на всякий случай, чтоб лицом встретить каждого нового неприятеля».

Он устраивал своим войскам частые смотры, муштровал их, придумывал разные изменения в обмундировании и в тактических приемах, приучал их к быстрым и неожиданным маневрам. Постепенно из своей армии, еще недавно довольно типичной для Европы середины века, он сделал послушную, органичную машину, страшную для врагов.

Второй заботой короля стало укрепление Силезии, которая длинной полосой протянулась вдоль границ его врагов — Саксонии и Австрии. Количество крепостей было увеличено, многие города обнесены новыми стенами, старые укрепления исправлены и расширены.

На возвышенности в окрестностях Нейсе, в том самом месте, где Фридрих сам навел первую пушку на крепость, он основал новый форт. 30 марта 1743 года он лично присутствовал при закладке и своей рукой положил первые камни, соблюдая при этом масонские обряды, так что церемония закладки стала как бы собранием Королевской ложи «вольных каменщиков» Пруссии и Силезии, в которой Фридрих занимал степень гроссмейстера. Все постройки силезских укреплений производились под руководством инженер-генерал-майора фон Вальраве.

Впоследствии он был осужден за огромные растраты и казнокрадство. Умер в 1773 году в заключении в одном из магдебургских казематов, который сам и построил. Все свое огромное состояние он завещал королю, который, правда, приказал раздать его бедным офицерам.

На вопрос магдебургского губернатора, где король прикажет похоронить Вальраве, Фридрих ответил: «Хорони его, где хочешь, только не в крепости: я не верю этому плуту даже после смерти».

Пограничный город Глац был превращен в одну из сильнейших крепостей Силезии; особое внимание Фридрих обратил на укрепление города Козеля, расположенного близ австрийской границы: он стал одним из главных пунктов пограничной линии. Магистрату и жителям Бреслау были оставлены все его старинные привилегии, а сам город получил статус третьей прусской столицы (после Берлина и Кенигсберга). Все изгнанные австрийским правительством за религиозные убеждения получили право вернуться в Силезию, а для дряхлых и увечных солдат были заведены инвалидные дома.

Поразительная разносторонность увлечений Фридриха и довольно противоестественная тяга к смешиванию «ратного и духовного» нашли отражение в его письме к Вольтеру, написанном в этот период:

«Во-первых, я увеличил силу государства пятнадцатью батальонами пехоты, пятью эскадронами гусар и одним эскадроном лейб-гвардии и положил основание нашей новой академии. Вольфа, Маунерция, Вокансона и Алыгаротти я уже приобрел; от Гранесанда и Эйлера жду ответа. Я учредил новый Департамент мануфактур и торговли и теперь зазываю на службу живописцев и ваятелей. Но всего труднее для меня основать во всех провинциях новые хлебные магазины, которые могли бы снабдить все государство хлебом на полтора года».

Наконец, в это же время владения Фридриха несколько увеличились: в 1743 году, после смерти последнего графа Остфрисландского, король присоединил его вотчину к Пруссии, так как Бранденбургский дом получил на эти земли императорскую инвеституру еще в 1644 году. Матенький Остфрисланд спустя два года после этого события стараниями Фридриха совершенно изменила свой вид: благодаря присоединению к Пруссии, его промышленность и торговля развились с необыкновенной быстротой.

Кампании 1743—1744 годов

Бреслауским миром завершилась первая Силезская война, но война за Австрийское наследство только разгоралась. К середине 1742 года к Австрии открыто примкнули Англия, Голландия, а также Пьемонт и Саксония. Особенно насыщены событиями были 1744 и 1745 годы.

Бреслауский мир завершил участие Фридриха в войне за Австрийское наследство. Это развязало руки Габсбургам: после прекращения военных действий в Силезии Австрия и ее союзники активизировались на других театрах. В июне 1742 года принц Карл Лотарингский, вернувшись из Силезии, осадил французов в Праге. К концу 1742 года австрийские войска заняли ранее захваченную Карлом Альбрехтом Богемию (осень) и его собственные владения — Баварию, вытеснив франко-баварские войска из Богемии. В июне 1743 года англо-голландские войска одержали победу над французами на реке Майи. Летом следующего года австро-английская армия вступила в Эльзас, а австрийцы вторглись в Неаполитанское королевство, где потерпели поражение от испано-неаполитанских войск.

В августе французы вторглись во франконские владения Габсбургов на западе Германии. Маршал Жан Мальбуа перешел Рейн и двинулся на Амберг. Тогда принц Карл снял осаду с Праги и в октябре направился навстречу французам, стремясь соединиться со все еще находящимися в Баварии войсками Кхевенгюллера. Остаток осени прошел в сложном маневрировании в Баварии и Богемии: после неудачной демонстрации под Прагой Мальбуа двинулся к Дунаю, стремясь достичь района западнее Регенсбурга. Поскольку австрийцы вновь стали концентрировать силы для штурма Праги, де Брольи передал войска под командование Бель-Иля, а сам возглавил армию Мальбуа. После этого де Брольи быстро занял почти всю Баварию, вынудив принца Карла и Кхевенгюллера уйти к Линцу и Пассау с задачей прикрыть подступы к Вене. Австрийский корпус под командованием князя Иоганна фон Лобковица остался под Прагой. Лобковиц искусно применил тактику «выж-

женной земли», полностью опустошив сельские районы Богемии, чем лишил французов возможности пополнять запасы провианта.

По этой и другим причинам Бель-Иль 16—26 декабря был вынужден вывести свои войска из разоренной провинции, едва сумев спасти ее от голодной смерти. Французы темной ночью скрытно покинули город, оставив в нем «гарнизон» — 800 старых инвалидов под началом генерала Франсуа де Шевера. Этот ничтожный отряд наконец капитулировал и за самоотверженную защиту Праги ему было позволено уйти с воинскими почестями в Эгер, на соединение с французскими войсками. Тем временем армию Брольи австрийцы преследовали до самого Рейна.

Карл Баварский, почуяв опасность, вышел навстречу Брольи и соединился с ним на Дунайской равнине в Восточной Баварии. Вместе с баварцами пришли и имперские войска генерала Шекендорфа, набранные в разных мелких германских владениях (напомним, что муж Марии Терезии Франц все еще не был избран императором, в то время как Карл носил этот титул уже почти год).

Карл Лотарингский, очистив Богемию, решил вновь перенести боевые действия в Баварию. В апреле 1743 года началось вторжение австрийцев на земли Карла Баварского. Австрийцы выступили тертя колоннами: принц Карл двинулся к Дунаю, Кхевенгюллер — из района Зальцбурга на юг Баварии, а князь Лобковиц — из Богемии к реке Нааб. Все это время союзники препирались, какую тактику им выбрать, однако 9 мая принц Лотарингский разбил имперско-баварскую армию генерала Шекендорфа при Земпахе и Бранау. После этого поражения и французы, и баварцы стали уходить из страны на запад. 8 июня принц Карл вторично взял Мюнхен, причем Мария Терезия, в отместку за то, что герцог Баварский годом раньше объявил себя королем Богемии, приняла присягу Мюнхена и всей Баварии.

Вскоре ситуация, в которой оказались союзники, обострилась еще больше. Король Англии и курфюрст Ганновера Георг II, ранее (по советам своего премьер-министра Уолпола) остававшийся безучастным свиде-

телем происходящих событий, внезапно пробудился к активности. В это время в Англии пришел к власти кабинет премьера Картрайта — ярого сторонника Прагматической санкции (читай: противника Франции). Поскольку Англия воевала с Испанией, пользующейся полной поддержкой Франции (в Испании уже больше тридцати лет правил дядя Людовика XV Филипп Бурбонский), Георг решил помочь австрийцам в войне против Версаля.

С этой целью Георг вступил в союз с Нидерландами в поддержку Прагматической санкции и к осени 1742 года собрал в своих ганноверских владениях на Нижнем Рейне армию в 50 тысяч человек из ганноверцев, англичан, голландцев и немцев. Эта, довольно пестрая, армия, получившая название «Прагматической», в феврале 1743-го (несмотря на протесты Карла VII и Фридриха) начала медленно продвигаться вверх по течению Рейна через Юлих и Кельн, а далее — через Майн в Неккарскую долину. Навстречу им со стороны Среднего Рейна выступила 60-тысячная французская армия маршала герцога Адриана де Ноайля с целью прикрыть отступление де Брولьи. 27 июня у города Деттинген в долине Майна произошла битва, в которой французы были разбиты и ушли за Рейн (в английскую военную историю этот эпизод вошел как последний случай, когда монарх лично принял участие в бою — король Георг со шпагой в руке возглавил решившую исход боя контратаку англо-ганноверской пехоты). Наконец, весьма интересно, что во время битвы при Деттингене Англия все еще не находилась в состоянии войны с Францией.

В разгар этих событий Фридрих узнал крайне обеспокоившую его новость: в Вормсе между Австрией, Англией, Голландией и Сардинским королевством (сардинцы воевали против Испании — династической союзницы Франции) был заключен договор «о взаимном обеспечении владений». Вскоре в Берлине стало известно, что и Саксония присоединилась к этому договору, причем в тексте австро-саксонского трактата даже не упоминалось о статьях недавно заключенного Бреслауского мира. Фридрих понял все, а когда ему представи-

ли копии секретной переписки Георга с Марией Терезией, места для сомнений не осталось вовсе.

Мария Терезия жаловалась на то, что взамен возвращаемых Австрии территорий Силезии союзники забирают у нее в пользу короля Сардинии Пьяченцу и часть Миланской области. На это король Георг весьма холодно ответил: «Ваше величество, что хорошо брать, то хорошо и возвращать». Сомнений не было: союзники решили вновь отторгнуть у Пруссии Силезию. Надо было действовать — и немедленно.

Тем временем англо-голландские войска продолжали гнать из Германии французов; боевые действия переместились к Рейну. Франция и император Карл VII Баварский были вынуждены сделать Марии Терезии «чрезвычайно выгодные предложения», однако она решительно отвергла их. Интересам Австрии могло отвечать только одно решение — безоговорочный отказ Карла от имперской короны с последующим избранием главой Священной Римской империи мужа Марии Терезии — Франца Лотарингского. В этой ситуации Карл был вынужден обратиться за посредничеством и помощью к Фридриху, который с радостью согласился с этим, преследуя, разумеется, прежде всего свои собственные интересы.

Кони так пишет об этом: «Мыслью его было составить из маленьких германских владений союз, который мог бы парализовать перевес австрийских сил. Поэтому весной 1744 года он объехал Германию под предлогом посещения своих сестер в Ансбахе и Байрейте. Но трудно было уговорить мелких князей на такое предприятие: одни боялись, другие не понимали мысли Фридриха, третьи требовали денег. С большими усилиями удалось Фридриху, наконец, составить 22 мая так называемую Франкфуртскую унию. Цель которой была «даровать Германии свободу, императору престол, а Европе — мир». Фактической же задачей унии стало завоевание Богемии в пользу императора Карла и... короля Пруссии Фридриха. К этому союзу он старался склонить главного врага Австрии Францию, войска которой находились еще в границах Германии и которая одна была в состоянии поддержать унию своими капитала-

ми. Но версальский кабинет не соглашался на его предложения. Вследствие того большая часть союзников, боясь издержек, отступились от Франкфуртской унии.

После бесплодной переписки с французским кабинетом (весьма плохой кардинал Флери к тому времени умер и во Франции началось безраздельное правление фавориток Людовика XV) Фридрих решился отправить в Париж для личных переговоров графа Ротенбурга, который знал хорошо положение тамошнего двора и был в коротких связях со значительнейшими людьми, потому что сам прежде находился на французской службе.

Ротенбург очень удачно исполнил свое посольство. 5 июня 1744 года Франция, на основании Франкфуртской унии, составила с Пруссией Версальский трактат — оборонительный союз против Австрии, который должен был обеспечить права императора Карла VII. Франция обязалась выслать две армии, одну на Нижний, другую — на Верхний Рейн, против Англии и Голландии, а Фридрих должен был овладеть Богемией и защищать ее и Силезию от австрийского оружия» (Кони. С. 177).

Дальнейшие события, даже в изложении Кони, в новом свете показывают нам как старую, елизаветинскую, так и новую, екатерининскую политику России в отношениях с Пруссией. «Прусскому королю оставалось только обеспечить себя со стороны северных держав. С Россией он не мог войти в союз против Англии и Австрии, потому что при нашем дворе тогда слишком крепко держали сторону англичан, плативших нам за то огромные суммы денег. С Марией Терезией Елизавета Петровна находилась в дружеских отношениях. При чем первый министр ее, граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, помогая императрице в ее внутренних преобразованиях, хлопотал только о том, чтобы сохранить мир России с соседями.

Фридрих придумал другое средство расположить Россию в свою пользу. Почти тотчас по вступлении своем на престол императрица избрала себе наследником сына старшей сестры своей Анны Петровны, Карла Петра Ульриха, владетельного герцога Гольштейнского. Объясняется это просто — пришедшая к власти в ре-

зультате переворота императрица опасалась держать вдали от России внука Петра I, который имел больше, чем она, права на престол. В 1742 году он был вызван в Россию и, по принятии православного вероисповедания, наименован Петром Федоровичем. Фридрих сумел уговорить императрицу на брак его с принцессой Софией Августой Фредерикой Ангальт-Цербстскою (впоследствии известной как Екатерина Великая), которая была воспитана в Пруссии и родитель которой служил фельд-маршалом в прусском войске. Эти отношения доставили ему некоторое влияние на русский кабинет» (Кони. С. 179).

После того как Фридрих выдал свою сестру Ульрику за наследника шведского престола*, отец последнего, правящий король Фридерик, присоединился к Франкфуртской унии как владетельный ландграф Гессен-Кассельский. Теперь король Пруссии был довольно силен и, главное, имел крепкие тылы. При таком соотношении сил, набравшись полководческого и боевого опыта, Фридрих вновь мог открыто померяться силами с могучей Австрией.

Тем временем стало ясно, что все угрозы принца Карла и короля Георга перенести военные действия на французскую территорию ни к чему не привели: союзники так и не смогли форсировать Рейн. В октябре 1743 года враждующие армии ушли на зимние квартиры. В начале 1744 года французы под командованием маршала принца Морица Саксонского попытались высадиться в Англии (предполагалось посадить на английский трон жившего во Франции традиционного претендента — принца Чарльза из свергнутой шотландской династии Стюартов), но эти планы провалились по причине плохой погоды и превосходства английского флота.

* Адольф Фредрик I (Адольф Фридрих, 1705—1771) — король Швеции с 1751 года. До этого — герцог Гольштейнский и князь-епископ Любекский. Двоюродный дядя наследника российского престола, будущего Петра III. Избран шведским престолонаследником в 1743 году в угоду императрице Елизавете (после поражения в войне с Россией 1741—1743 годов).

Наконец, в апреле Франция объявила Англии войну. Для действий против «прагматиков» Версаль выставил три армии. Главная (около 90 тысяч человек) под командованием короля Людовика XV приготовилась к вторжению в австрийские Нидерланды (Бельгию). Вторая армия под началом маршала Франсуа де Куаньи сосредоточилась на Среднем Рейне против войск принца Карла Лотарингского. Третья, которой командовал принц Луи Франсуа де Бурбон-Конти, приготовилась к вторжению в Северную Италию для совместных действий против Австрии совместно с испанцами.

ВТОРАЯ СИЛЕЗСКАЯ ВОЙНА

Поход 1744 года

Хитрый французский военный министр д'Аржансон придумал довольно удачное средство, чтобы несколько воодушевить французские войска, терпевшие при недостатке средств и безвластии своих предводителей жестокие поражения в Германии. Он уговорил самого Людовика XV отправиться к армии, вступившей в Нидерланды. Личное присутствие короля сильно подействовало на солдат, и в короткое время ряд побед доставил в руки французов Менен, Ипр, Кнок и Фюрн и дал им средство проникнуть в Эльзас.

Но вторая французская армия на Верхнем Рейне, против которой действовал австрийский генерал Отто Фридрих фон Траун, была не так удачлива. Австрийцы теснили ее со всех сторон: Траун проник в Эльзас, а передовые его отряды переходили уже в Лотарингию. Карл Лотарингский, перехватив инициативу, 1 июля 1744 года форсировал Рейн возле Филиппсбурга (напомним, там, где Фридрих II принял боевое крещение) и перешел в наступление на Вайссенбург, отрезав французскую армию де Куаньи от ее баз в Эльзасе. Узнав об этом, король Людовик, начавший уже вторжение в Австрийские Нидерланды, оставил во Фландрии часть своих сил во главе с принцем Морицем Саксонским*

* Мориц Саксонский (1696—1750) — маршал Франции (1744). Участвовал в войне за Польское наследство (1733—1735). В войне за Австрийское наследство командовал армией, с 1745 года — главнокомандующим французской армии, действовавшей против англо-голландских войск. Одержал победы при Фонтенуа (1745), Року (1746) и Лауфельде (1747). Автор трактата «Мои мечтания», в котором выдвигал идею о преимуществе воинской повинности над системой вербовки. Незаконно рожденный сын короля Августа II Саксонского.

и пошел на юг, в Лотарингию. Воспользовавшись этим, Куаньи сумел пробиться к Страсбургу, где пополнил свои силы. Однако успехи фраицузов продолжались недолго: в то время как Карл искусно маневрировал, стараясь помешать обеим французским армиям соединиться, Людовик заболел и выехал в Париж, после чего активность его войск заметно снизилась.

Казалось, пока все складывается благоприятно для Марии Терезии, но в этот момент новый удар нанесла Пруссия.

Фридриху нельзя было долее мешкать. Получив обещание не возражать, если часть Богемии отойдет к Пруссии, Фридрих нарушил Бреслауский мир и напал на Саксонию и Австрию. Началась вторая Силезская война (1744—1745). Разделив свое войско, состоявшее из 100 тысяч человек, на три большие колонны, он двинул их в Богемию, но предварительно издал манифест, которым увещевал богемцев не принимать никаких враждебных мер, называя свою армию «императорскими вспомогательными войсками». Одну колонну он сам повел через Саксонию, по левому берегу Эльбы; другую — наследный принц Дессауский Леопольд через Лаузиц; а третью двинул фельдмаршал Шверин из Силезии через Браунау. Два отдельных корпуса, один под начальством князя Дессауского, другой под командой генерала Марвица, в то же время прикрывали границы Бранденбурга и Верхней Силезии. Таким образом численность войск в распоряжении короля уменьшилась до 80 тысяч штыков и сабель.

Поход был направлен в Богемию. Мария Терезия, при первом известии о движении прусского короля, отозвала принца Лотарингского с Рейна, чтобы остановить прусскую армию. Фридрих это предвидел. План его заключался в том, чтобы французы последовали по стопам австрийцев и, тревожа их отступление, помешали бы им дойти до Богемии; вторая французская армия должна была вторгнуться в Вестфалию, чтобы прикрыть пруссаков со стороны Ганновера. Все было рассчитано верно: при деятельном содействии союзников успех был несомненный. Все расчеты Фридриха строились на том, что австрийский главнокомандующий

принц Карл мечется, обложенный французскими армиями, в Северном Эльзасе.

Император Карл VI послал к саксонскому королю в Дрезден реквизиционную грамоту, прося для своих вспомогательных войск свободного пропуска через Саксонию. Август II в это время был в Варшаве; министры было воспротивились. Фридрих, не обращая на них внимания, повел свою армию прямо к Пирне, где к нему примкнули и мадебургские полки, пришедшие через Лейпциг. Во время всего похода, совершенного с поразительной быстротой, в армии поддерживалась строгая дисциплина, за продовольствие и все потребности армии платилось жителям чистыми деньгами, и притом щедрой рукой. Саксонцы, видя в прусских войсках свои выгоды, и не думали мешать их походу.

Цитен с лейб-гусарами составлял авангард перед колонной Фридриха и очищал королю дорогу. Один кавалерийский полк князя Эстергази встретил его на богемской границе, но был опрокинут и почти весь уничтожен. Во всей остальной Богемии пруссаки не нашли ни сопротивления, ни неприятельских войск.

Итак, 2 сентября вся прусская армия соединилась под стенами Праги. Австрийский генерал Батиани, стоявший в Баварии, поспешил прикрыть столицу Богемии двенадцатитысячным корпусом. Шесть тысяч человек работали день и ночь над укреплениями. Фридрих не мог предпринять осады, потому что тяжелая артиллерия его еще не подошла к месту событий.

Только 10 сентября вечером пруссаки открыли подступы с трех различных сторон. На следующее утро Шверин овладел крепостью Жишки и за нею двумя редутами. Король сам наблюдал на пригорке за действиями Шверина. Неприятель, видя множество блестящих мундиров, навел в ту сторону орудие, и рядом с королем был убит картечью двоюродный брат его, маркграф Бранденбургский Фридрих.

Смерть этого принца сильно огорчила Фридриха. В отместку он активизировал действия против Праги, и на следующий же день пруссаки открыли такой страшный огонь по крепости, что во многих местах повредили укрепления, зажгли водяную мельницу, разгромили

множество домов и прорвали плотины на Влтаве. Вода до того спала во многих местах, что можно было перейти реку вброд и взять город штурмом, потому что с этой стороны он совсем не имел укреплений.

Коменданты Праги Огильви и граф Гарш, видя дальнейшую невозможность сопротивляться, сдались со всем гарнизоном и были отведены как военнопленные в Силезию.

16 сентября город был занят, и вслед за тем прусское войско немедленно двинулось далее, создав прямую угрозу Нижней Австрии.

В первые же месяцы боевых действий австрийцы потерпели ряд тяжелейших поражений. Города Табор, Будвейс и Фрауэнберг сдались один за другим и Фридрих быстро придвинулся к границам Австрии. Это направление (выход на Дунайскую равнину с созданием угрозы Вене) король принял по плану, предварительно составленному с Людовиком XV. Но действия французов совсем не согласовывались с его предположениями. Они не только не преследовали принца Лотарингского в Эльзасе, но дали ему даже возможность, на виду у соединенных французско-баварской и гессенской армий, переправиться через Рейн и беспрепятственно достигнуть Богемии. Сами же французы, думая только о личных своих выгодах, напали на южные австрийские владения — Франция заняла Баварию и австрийскую Швабию, а также Ломбардию.

Положение Фридриха сделалось весьма невыгодным. Принц Карл Лотарингский соединился с генералом Батиани, составил войско в 90 тысяч человек, занял почти неприступный лагерь в Пражском округе и намеревался в тылу прусских войск переправиться через Мульду, полностью отрезать их от Праги и лишить всех средств к снабжению армии. Сосредоточив значительные силы против небольшой прусской армии, австрийцы стали маневрировать, нарушая ее коммуникации и уклоняясь от решительного сражения. К тому же появление сильного австрийского вспомогательного корпуса породило в фанатически преданной католицизму Богемии народную войну, которую австрийское правительство еще более разжигало своими прокламациями.

Прусская конная артиллерия

Дворянство, духовенство и народ одинаково ненавидели пруссаков и смотрели на них, как на еретиков.

Побуждаемые религиозным фанатизмом, подстрекаемые представителями церкви, богемцы почитали каждое средство к истреблению врагов позволительным. Прусские войска были лишены всех средств к пропитанию: крестьяне жгли и зарывали в землю хлеб, бросали свои жилища и скрывались в леса. «Того из них, кто решился бы подать малейшую помощь прусским солдатам, ожидала верная и мучительная смерть от своих. Малые прусские партии, которые пускались на фуражировку, попадались в засады и были истребляемы без милосердия. Ропот поднялся в изнуренном войске; многие солдаты разбежались, другие громко изъявляли свое неудовольствие» (Кони. С. 185).

При таких обстоятельствах нельзя было и думать защищать Прагу, и еще менее идти в саму Австрию. Кроме того, неприятель так мастерски окружил Фридриха, что перерезал ему все коммуникации с другими союзниками. Целый месяц король не получал никаких известий и не знал, что происходило вне его лагеря. К решительной битве он никак не мог принудить неприятеля, несмотря на то что австрийская армия была вдвое сильнее прусской. Все его усилия оканчивались только маневра-

ми между реками Сазавой и Эльбой, причем генерал Траун, командовавший австрийцами, всегда выбирал такую выгодную позицию, что Фридриху невозможно было его атаковать.

После долгих совещаний со своими генералами Фридрих решил наконец ретироваться.

9 ноября прусские войска, преследуемые австрийской легкой конницей, с большими потерями переправились через Эльбу, при Колине и Кутгенберге.

Фридрих принял меры удержаться на правом берегу Эльбы, намереваясь при Колине вступить в решительный бой с неприятелем, а чтобы сохранить сообщение Праги с Силезией, он занял Колин и Пардубиц (оба на той стороне реки) сильными гарнизонами.

Принц Лотарингский, принудив изнуренные голодом прусские гарнизоны к сдаче городов Табор, Будвейс и Фрауэнберг, последовал по стопам Фридриха. Дойдя до Эльбы, он посчитал поход окончанным, и не желая дать Фридриху сражения, занял близ Брелоха укрепленный лагерь. Но венский кабинет прислал ему предписание непременно продолжать войну, перебраться через Эльбу, перерезать сообщение пруссаков с Прагой и очистить от них Богемию совершенно. Исполнение этого предписания принц Лотарингский поручил лишь недавно произведенному в фельдмаршалы Отто фон Трауну, войска которого были усилены саксонскими контингентами.

Траун последовал тактике древнеримского Фабия Максима (Кунктатора). Не допуская прусского короля к решительному делу, он производил фальшивые маневры и распускал слухи, что главная цель австрийцев — овладеть Колином и Прагой. Этой хитростью он отвлек внимание Фридриха от Эльбы и заставил его обратить главные силы на два пункта, где надо было ждать атаки австрийцев. Весь берег Эльбы был уставлен прусскими наблюдателями и так хорошо защищен, что даже нельзя было подозревать покушения к переправе со стороны австрийцев. Несмотря на это, вся прозорливость Фридриха не помогла.

За день до начала военных операций Траун, в сумерки, с величайшей осторожностью переправил вплавь

через Эльбу человек тридцать кроатов и гусар. Они успешно достигли берега, не были замечены прусскими патрулями и скрылись в прибрежном лесочке. Оттуда они нападали на всех офицеров, которых отправлял король с приказаниями к Цитену, оберегавшему берег.

В ночь на 19 ноября, когда все внимание Фридриха было обращено на Колин, где он с рассветом ожидал неприятельского нападения, австрийская и саксонская армии тихо приблизились к Эльбе против местечка Тейниц. Ночь была довольно темная. Осторожность австрийцев доходила до того, что почти не было слышно стука оружия; конница спешила и вела лошадей в поводах; пионеры (саперы) действовали молча, как мертвые. Между тем вдали, по направлению к Колину, мелькали бивуачные огни и слышались песни солдат.

Прусские наблюдатели тогда только увидели неприятеля, когда были подведены последние понтоны к их берегу. Они ударили тревогу, но поздно. Цитен и капитан Ведель бросились к месту опасности, первый с тремя эскадронами гусар, второй с одним батальоном пехоты. Тотчас же был отправлен офицер с известием к королю и с просьбой о помощи. Когда они прибыли к Эльбе, мост был уже наведен и все возвышения берега заняты неприятельской артиллерией и пехотой.

Картечный град встретил пруссаков, целые ряды их легли на месте, но ничто не могло утратить отважных вождей. Два раза они оттесняли австрийцев, но все напрасно: подкрепляемые новыми переходящими полками, австрийцы опять овладевали своей позицией. Батальон Веделя, ослабевший от значительных потерь, был наконец отброшен; новые силы австрийцев ринулись на берег; но Цитен ударил на них с такой быстротой и неистовством, что опрокинул их совершенно — часть затоптал в реку, часть потеснил на мост. Это заставило австрийцев усилить огонь из орудий и выдвинуть новые полки.

Между тем Траун отдал приказ наводить понтоны в разных местах, и он был исполнен с молниеносной быстротой под выстрелами пруссаков. К королю отправились новые гонцы: надежда на помощь подкрепляла дерущихся. Но помощь не являлась. Пять часов отстаивали

вали Цитен и Ведель свой пост и, в итоге, потратив весь порох, потеряв две трети людей и видя невозможность долее удерживать неприятеля, решились дать отбой. Они ретировались так быстро и с таким искусством, что австрийцы не успели даже захватить раненых.

Фридрих узнал обо всем случившемся, когда в лагерь прискакали Цитен и Ведель. Он слышал перестрелку, но полагал, что это первый приступ австрийцев к Колину. Отправленные к нему за помощью офицеры не достигли до лагеря: они были захвачены кроатами, скрывавшимися в лесу. Таким образом, австрийское войско спокойно перебралось за Эльбу. Сам принц Лотарингский был изумлен беспримерной храбростью Веделя и Цитена, которые с горстью пруссаков так долго преграждали ему путь.

«Да, — сказал он, обращаясь к своему штабу, — как счастлива была бы Мария Терезия, если бы имела в войсках своих таких героев, как эти два офицера!»

Фридрих, узнав все подробности дела, обнял Веделя и назвал его «пруссим Леонидом». Переход Карла Лотарингского через Эльбу (его войска, пользуясь пассивностью французов, спешно шли с Рейна на восток) сразу решил судьбу кампании. Все планы Фридриха окончательно расстроились. Он принял решение оставить неприятелю Прагу и вывести свои отрезанные от магазинов и постоянно таявшие в стычках с австрийскими партиями и боевыми партизанами войска в Силезию, где мог разместить их на надежные зимние квартиры.

Это намерение было немедленно приведено в исполнение, хотя пруссакам и пришлось бросить почти все обозы и тяжелую артиллерию. В трех колоннах прусская армия двинулась в обратный поход. Адъютант Фридриха, отправленный в Прагу с приказанием, чтобы стоящие там полки следовали за главной армией, сумел прорваться сквозь неприятельские войска и достиг своего назначения.

Генерал Эйзидель, командовавший гарнизоном Праги, оставил город 26 ноября; но он не исполнил приказания короля, который предписал ему до выхода из Праги разрушить главные укрепления города, забить крепостные орудия, сжечь лафеты и все оружие из арсе-

нала потопить в реке. Во время отступления он, сверх того, по неосмотрительности неоднократно подставлял свой корпус под удар и в результате понес значительные потери. Фридрих за это отстранил его от службы; сам князь Леопольд Дессауский, который сперва покровительствовал генералу, обвинил его кругом. Фельдмаршал Шверин, во всем соперничавший с князем Дессауским, принял на себя защиту Эйзиделя, стараясь оправдать его поступки обстоятельствами и довел короля до того, что тот на него прогневался. Самолюбие Шверина было сильно оскорблено: он подал в отставку и был уволен.

4 декабря прусская армия вступила в Силезию; 6-го Фридрих распрощался со своими солдатами, печальную участь которых братски делил в течение всей несчастной кампании, и возвратился в Берлин. Во второй части «Истории своего времени» Фридрих описал эту войну и подверг свои ошибки строгой критике. Вот что он говорил:

«Все выгоды этой кампании были на стороне Австрии. Генерал Траун играл в ней роль Сертория, а прусский король — Помпея. Действия Трауна должны служить образцом для каждого полководца, который любит военное искусство. Хороший военачальник обязан подражать ему, если только имеет необходимые на то способности. Король сам сознался, что этот поход был для него военной школой, а Траун — учителем. Великая прусская армия, которая хотела поглотить Богемию и овладеть Австрией, испытала участь так называемой Непобедимой армады Филиппа Испанского».

«Но счастье имеет для предводителей часто гораздо печальнейшие последствия, чем неудачи: первое делает их самонадеянными, последние — учат их осторожности и скромности». Едва Фридрих оставил свое войско, как многочисленные отряды австрийцев и венгров, несмотря на зимнее время, вторглись в Силезию и в графство Гляцкое. Прусские корпусы заперлись в укрепленных местах. В то же время австрийское правительство издало в Силезии манифест, в котором Мария Терезия объявляла, что «Бреслауский трактат была не исторгнут насильственно, что она освобождает силезцев от

присяги на верность прусскому королю и просит вспомнить счастье, которым Силезия наслаждалась под австрийским владычеством».

Фридрих быстро принял меры противодействия австрийцам. Он поручил начальство над силезскими войсками Леопольду Дессаускому, а против манифеста Марии Терезии издал прокламацию, в которой успокаивал жителей Силезии и показывал им «несчастье, которым наслаждалась эта страна под австрийским правительством». Несмотря на трудные переходы и ненастную погоду, пруссаки атаквали австрийцев в разных пунктах, причинили им большой вред и, наконец, вытеснили их совсем из Силезии.

21 февраля 1745 года в Берлине пели уже благодарственный молебен за освобождение Силезии от неприятеля. Войска вступили в зимние квартиры, но в продолжение всей зимовки были тревожимы набегами пандуров и венгров.

В Берлине короля ожидало счастливое семейное событие. Брак Фридриха был бесплодным. Отправляясь во второй силезский поход, он провозгласил брата своего Августа Вильгельма наследным принцем. Теперь у принца родился первый сын, это очень обрадовало Фридриха, потому что рождением младенца обеспечивалось престолонаследие царствующего дома. Чтобы показать, как высоко он ценит такое счастье, король на другой же день собственноручно надел на младенца орден Черного орла.

Между тем на политическом горизонте над Фридрихом собирались новые тучи. В начале 1745 года (8 января) Австрия заключила в Варшаве вторичный Четверной союз с Англией, Голландией и Саксонией против Франции, Пруссии и Баварии. Август III обязался выставить значительное войско за огромные суммы денег, которые должна была выплатить Англия. Зато Саксонии обещалась инвентура на некоторые провинции Пруссии, а Австрии — возвращение Силезии и графства Гляцкога.

К большому несчастью Фридриха, 27 декабря умер император Карл VII. Сын его Максимилиан Иосиф, за возвращение ему баварских земель и титула курфюрста, согласился заключить мир с Австрией и отказался

совершенно от всех притязаний на наследие Карла VI и на императорскую корону. Положение закрепил разгром баварской армии при Амберге 7 января 1745 года: австрийцы, внезапно вторгнувшись в Баварию, застали противника на зимних квартирах и до конца марта захватили большую часть страны. Бавария исчерпала все средства к продолжению войны: 22 апреля между Максимилианом Иосифом и Австрией был заключен мир. Баварский курфюрст официально отказался от притязаний своего отца на императорский престол и в ответ получил все свои наследственные владения.

Мария Терезия торжествовала: ничто не мешало теперь избранию ее супруга в императоры, потому что все претенденты сами отказались от своих прав. Для совершенного спокойствия ей оставалось только возвратить Силезию: она решила достичь этой цели во что бы то ни стало. Фридрих же с потерей Баварии оказался отрезанным от своего последнего союзника — Франции, которая к тому же уже давно не собиралась проводить операций в Центральной и Южной Германии.

Таким образом, Франкфуртская уния распалась сама собою. Фридриху оставалась одна надежда на Францию, но все его убеждения не могли склонить Людовика XV к продолжению войны в Германии. Со смертью Карла VII он почитал свое дело конченным и обратил все силы против Фландрии, где его войска вскоре одержали знаменитую победу при Фонтенуа.

Еще в сентябре — ноябре 1744 года французы, пользуясь уходом в Богемию армии принца Карла, вновь вернули себе долину Рейна, после чего отошли во Фландрию на зимние квартиры. Начав весной наступление во Фландрии в направлении Турне, 52-тысячная французская армия под командованием Морица Саксонского (при ней находились король Людовик и дофин) 10 мая разгромила англо-голландские войска герцога Уильяма Августа Камберленда* (50 тысяч человек). Результатом

* Уильям Август, герцог Камберленд (1721—1765) — второй сын короля Англии Георга II. Командовал английскими войсками в войне за Австрийское наследство, Семилетней войне и при подавлении мятежа Чарльза Стюарта в Шотландии.

этого сражения стал захват французами Турне, Брюсселя, Гента, Брюгге, Уденарда и Остенде, что ознаменовало конец австрийского владычества во Фландрии. На этом активные действия французской армии закончились.

Фридрих понял, что при таких обстоятельствах он может полагаться только на самого себя. Надлежало увеличить силы Пруссии, и на эту цель он не пощадил ни государственной казны, ни даже собственного достояния. Из казначейства было изъято шесть миллионов талеров, со всего государства сделан поземельный побор в полтора миллиона; и притом вся серебряная утварь, украшавшая дворец, канделябры, столы, люстры, каминны и даже серебряные духовые инструменты, заведенные Фридрихом Вильгельмом I, были обращены в деньги. Каждую ночь двенадцать гайдуков переносили вещи на лодки и отправляли их на монетный двор. Все делалось тихо и скрытно, чтобы не возбудить в народе беспокойства и опасений таким явным признаком государственной нужды. Но эти распоряжения дали королю возможность увеличить войско и обеспечить его на долгое время всем необходимым.

Окончив военные приготовления, Фридрих 15 марта отправился опять к армии.

Поход 1745 года

В начале 1745 года австрийцы одержали ряд побед над французскими и баварскими войсками. Главные их силы (около 90 тысяч человек) по-прежнему действовали против Фридриха II в Богемии, но крайне нерешительно. Это позволило прусскому командованию оправиться от неудач, собрать свои войска и перехватить инициативу.

Однако вначале, памятуя прошлогоднюю неудачу, Фридрих стал действовать гораздо осторожнее. Он не хотел сам навязывать противнику битву, как в предыдущую кампанию, а решил выждать нападения австрийцев на Силезию. По приготовлениям неприятеля мож-

но было заключить, что он намерен вторгнуться в Силезию со стороны Богемии.

Фридрих с удовольствием узнал, что его опасный соперник Траун отозван к итальянской армии и что место его в неприятельской армии заняли другие командиры, которые все вместе не имели и сотой доли его дарований. Тем не менее 80-тысячная армия принца Карла Лотарингского двинулась из Богемии к Бреслау, по пути собирая силы в Ландсгуте и в Силезских горах.

Чтобы сбить с толку прусского короля и скрыть от него настоящую точку нападения, австрийцы отправили несколько легких отрядов, которые рассыпались по всей Верхней Силезии. Завязалась малая война. Бесперывные стычки с венграми и пандурами служили только упражнением для прусской кавалерии, но никак не могли отвлечь внимания Фридриха от действий главной неприятельской армии.

Винтерфельд был героем этих мелких сражений: почти каждый день он одерживал победу над отдельными австрийскими отрядами, брал в плен солдат, отнимал обозы и пороховые запасы. За эти действия он получил генерал-майорский чин.

Фридрих сосредоточил свои главные силы (примерно 60 тысяч человек) близ Франкенштейна, а его двоюродный брат, маркграф Бранденбургский Карл, с 9-тысячным отрядом занял крепости Егерндорф и Троппау. По соображениям Фридриха, австрийская армия должна была явиться из-за гор у Швейдница, Глаца или Егерндорфа, стало быть, в этой позиции он мог ее встретить лицом к лицу. Главную квартиру свою он поместил в монастыре Каменец, где был некогда так счастливо спасен аббатом Стуше и где надпись на бронзовой доске и картина доныне повествуют об этом удивительном событии.

Но позиция Фридриха имела и свои минусы: от Егерндорфа до Нейсе оставался значительный промежуток, не занятый войсками. Австрийцы воспользовались этой оплошностью, прошли туда с 20-тысячным корпусом, отрезав маркграфа от главной армии, и старались отеснить короля в Верхнюю Силезию, чтобы очистить своей армии широкую и спокойную дорогу.

Фридрих проник в их замысел, отдал им в жертву Силезию до самого Козеля и пошел на север, думая только о том, как бы соединить корпус маркграфа с главной армией, чтобы потом всеми силами нагрянуть на врага и с первого раза нанести ему решительный удар. Но к совершению плана короля не было никакой видимой возможности. Всякое сообщение с маркграфом было преграждено, австрийцы заняли все дороги и стерегли их неусыпно. Не только курьер, даже переодетый шпион не проскользнул бы сквозь непроницаемую сеть, которой они окружили Фридриха.

Между тем медлить было невозможно. Фридрих решил на жестокую, но почти необходимую меру. Он поручил Цитену пробиться с гусарами сквозь неприятельские линии и во что бы то ни стало доставить к маркграфу приказание, чтобы тот немедленно двинулся к Франкенштейну.

«С сердечной горестью принял Цитен приказ короля, но поклялся исполнить его непременно. Слезы брызнули из глаз его, когда он тронулся с места: он знал, что ведет храбрый полк свой на верную смерть и внутри дал себе слово быть первой жертвой роковой экспедиции, не желая видеть его гибели. Каждому солдату поодиночке было передано предписание короля, чтобы хоть один из них, если уцелеет, мог доставить его по назначению. Мнуга, в которую этот превосходный полк отделился от своих товарищей, чтобы никогда более не возвращаться к ним, была торжественна и умилительна. Несмотря на это, каждый солдат бодро шел в открытую могилу в твердом убеждении, что умирает на пользу отчизны и во славу своего короля: так велик был патриотизм, которым Фридрих сумел воодушевить свое войско» (Кони. С. 190).

Ловко придуманная хитрость и стечение обстоятельств помогли Цитену счастливо исполнить поручение короля и спасти свой полк. Близ Отмахау он переправился через Нейсе и ночью, по разным тропинкам и проселочным дорогам, пробрался до Нейгитада, где совершенно отдельно от прусской армии стоял небольшой отряд в гарнизоне. Не доходя до крепости, он уз-

Генерал Цитен

нал, что в эту самую ночь значительный австрийский отряд пытался взять город, но безуспешно.

Цитен остановил свой полк и велел солдатам надеть новое обмундирование, которое им только что было выдано перед походом. Оно состояло из синих ментиков и медвежьих шапок (вместо прежних красных доломанов и плюсовых колпаков). Форму эту австрийцы еще никогда не видели на прусских гусарах, и, кроме того, она очень подходила к одному из их собственных гусарских полков.

Когда с рассветом австрийский отряд двумя колоннами двинулся назад к своему лагерю, Цитен со своим полком примкнул к карьергарду. Несколько венгров, служивших у него в полку, пошли вперед, балагурили и занимали австрийских солдат рассказами, чтобы отвлечь их внимание. Таким образом, Цитен продолжал свой марш

под неприятельским прикрытием с шести часов утра до четырех пополудни. В продолжение этого времени их обогнали два драгунских полка, но никто и не подозревал поддельных австрийцев. Наконец, достигнув Леобницца, австрийский отряд поворотил вправо к своему лагерю, который находился не более как в четверти мили, а Цитен гикнул своим удалцам и как стрела пустился влево.

Тут только австрийцы увидели обман. Пока они пришли в себя, Цитен ускакал уже далеко. За ним пустились в погоню, но он отбил, ночью прорвался через несколько кордонов и ко всеобщему изумлению на следующее утро явился к маркграфу с предписанием короля.

Гораздо больше затруднений представлял поход маркграфа Карла. На каждом шагу встречал он неприятельские отряды, которые преграждали ему дорогу. С каждым из них он дрался поодиночке и, в итоге, победителем привел свой корпус в королевский лагерь.

Австрийские и саксонские войска соединились у Траутенау и оттуда двинулись к силезской границе. Фридрих отступил к Швейдницу и занял очень выгодную позицию. Чтобы ободрить неприятеля, он распустил слух, что хочет отступить дальше к Бреслау, приказал починить дороги, ведущие к тому городу, и даже снял свои аванпосты, расставленные в горах. Видя такие распоряжения, неприятель поддался на обман и начал действовать смелее. Австрийско-саксонская армия наконец выступила из-за гор и на широкой равнине, при Гогеифридберге, расположилась на дневку. Здесь главные вожди составили военный совет, как удобнее и легче овладеть Силезией. На следующее утро был назначен дальнейший поход. Прусские войска были совершенно скрыты пригорками и кустарниками.

В ночь на 4 июля Фридрих приказал всей своей армии с возможной тишиной и осторожностью собраться у Штригау и расположил ее так, что мог атаковать неприятеля со всех сторон. К рассвету полки его стояли уже в боевом порядке. На поле боя сосредоточилось 65 тысяч пруссаков и 85 тысяч австро-саксонцев.

Едва поднялось солнце, как саксонская армия стала спускаться с гор, чтобы занять Штригау, совершенно

не ожидая сопротивления. Пруссаки «поздоровались» с нею картечью. Неожиданная встреча смутила саксонцев. В тот же миг правое крыло прусской армии под начальством генерала де Мулена бросилось в атаку на саксонский лагерь с таким неистовством, что саксонцы не устояли, смешались и в беспорядке обратились в бегство, прежде чем австрийцы смогли узнать в чем дело.

Принц Лотарингский, главнокомандующий соединенными войсками, слышал перестрелку, но полагал, что это действие первого приступа на Штригау. Он узнал истину только тогда, когда рассеянные группы солдат нескольких саксонских полков с отчаянием бросились к нему навстречу и объявили, что почти вся армия легла на Штригауских полях. Тогда фельдмаршал быст-

Прусская гвардия в бою при Штригау. 1745 год

ро изготовился к бою и немедленно повел австрийцев в долину.

Но и они были встречены пруссаками с тем же героизмом и неустрашимостью. Прусские колонны двигались вперед с необузданной быстротой и опрокидывали все, что попадалось им на пути. Один полк отличался перед другим храбростью: вся битва была для них будто состязанием в первенстве. В несколько часов исход битвы был решен, и около полудня пруссаки уже праздновали победу.

Особенно отличился драгунский полк маркграфа Байрейтского: он под начальством генерала Геслера разбил и обратил в бегство двадцать неприятельских батальонов, захватил в плен 2500 человек и отнял 66 знамен и 5 орудий. За это король наградил храбрый полк особенными знаками отличия и собственноручно навязал крест *Pour le Merite* на его знамя. Генерал Геслер был возведен в графское достоинство.

Необыкновенное воодушевление прусской армии происходило оттого, что сам Фридрих подавал ей пример величайшей самоотверженности личной неустрашимости. Австрийцы установили батарею из сорока орудий, которая громила и рассекала прусские полки по всем направлениям. Фридрих взял 3 батальона отборных людей и сам повел их против огнедышащих жерл. Люди валились около него, как снопы, но он на коне впереди всех ободрял солдат и с тремястами пятьюдесятью солдатами достиг батареи. Тут он велел им ударить в штыки и первый вскочил на вал. К 8 часам утра все было кончено.

Битва эта, получившая название Гогенфридбергской, или Штригауской, дорого стоила австрийцам. Они лишились 4000 человек убитыми и 7000 пленными (в том числе четырех генералов) и, кроме того, 66 орудий и множества знамен. Саксонцы в этом сражении потеряли 5000 человек убитыми и ранеными, пруссаки (по различным данным) — только от 1000 до 2000 человек.

Г. Дельбрюк впоследствии так охарактеризовал эту битву: «Успех был полный и обуславливался только блестящим руководством Фридриха. Стратегическая идея,

тщательная подготовка, решительность в выполнении — все оказалось на высоте положения».

Перед самым началом дела к Фридриху прибыл кавалер де ла Тур, посол Людовика Французского, с известием о победе при Фонтенуа. Он просил короля дозволения прибыть в его главную квартиру и посмотреть на военные действия.

— Вы, верно, хотите узнать, за кем останется Силезия? — спросил его Фридрих.

— Нет, — отвечал де ла Тур, — я хочу только быть свидетелем, как Ваше величество карает своих врагов и защищает права подданных.

По окончании дела Фридрих передал ему ответ для Людовика XV. Он был краток: «Я расплатился при Фридберге по векселю, который Вы на меня выставили при Фонтенуа».

Это сардоническое замечание не могло понравиться французскому королю, впрочем, он сам подал тому повод. До начала кампании Фридрих употребил все меры, чтобы заставить Людовика действовать решительно против Австрии. Людовик отвечал, что он и так не шутит с австрийцами и в доказательство приводил свои победы.

Фридрих заметил де ла Туру, что во Фландрии французы имели дело только с шестью тысячами австрийцев и что победы Людовика XV, хотя и очень знамениты, но в отношении к его союзникам приносят почти такую же пользу, как битва на берегах Тигра и Евфрата или взятие Пекина.

Фридрих преследовал бегущего неприятеля до самого горного хребта. Тут он приказал ударить отбой, чтобы дать передохнуть своим солдатам, измученным быстрым переходом прошедшей ночи и жаркой битвой в продолжение дня. На другой день король отправил вслед австрийцам генералов де Мулена, Цитена и Винтерфельда. Они достигли неприятельский арьергард, разбили и разогнали его, отняли еще несколько пушек, знамен, лошадей и полевых ящиков. Австрийцы бросились в Богемию, прусская армия последовала за ними.

Когда король прибыл в Ландсгут, его окружила с истовым криком толпа крестьян, вооруженных вилами,

серпами, топорами и косами. Они просили позволения перерезать всех католиков за притеснения, которые они претерпели от католического духовенства. «Что вы, что вы, дети! — воскликнул Фридрих. — Разве вы не христиане? Разве не помните святого писания? Сам Спаситель повелевает вам устами моими: любите враги ваша, благословите клянущие вас, добро творите ненавидящим вас и молитесь за творящих вам напасть и изгоняющие вас».

«Крестьяне, пораженные словами короля, успокоились: «Ты прав, отец наш! — восклицали они. — Не нам судить виновных, а Творцу небесному и его избранникам!» Молча разошлись они по домам, и Фридрих благодарил Бога, что мог спасти католиков от возмездия за их Варфоломеевскую ночь». В Югенфридбергской битве отличились и два брата короля, принц Август Вильгельм и принц Генрих, которому минуло только восемнадцать лет. Первый со своей бригадой атаковал неприятеля под сильнейшим огнем, а второй служил при короле адъютантом. Французский генерал, маркиз Валори, который был очевидным свидетелем геройской неустрашимости принца Августа, говорил о ней после битвы с удивлением. «Поверьте, — отвечал ему принц, — нигде нельзя быть безопаснее, как между товарищами, но надо уметь доказать, что предводитель их достоин».

И действительно, прусские солдаты показали в этом замечательном деле невероятные подвиги. Все планы Фридриха были ими исполнены с изумительной точностью: изобретенные им фланговые атаки, погубившие врага, совершались с баснословной быстротой и ловкостью. Сам Фридрих, удивленный своим войском, говорит в «Истории своего времени»: «Земной шар не крепче покоится на плечах Атласа, как Пруссия на такой армии».

Король последовал за неприятельской армией в Богемию, чтоб лишить богемские пограничные земли всех съестных припасов и через это заставить австрийцев выбрать себе зимние квартиры подальше от Силезии.

Карл Лотарингский занял укрепленный лагерь близ Кенигингреца, Фридрих разбил свой рядом с ним при Хлумце. Три месяца обе враждующие армии жили бок о бок спокойно. Иногда только австрийский партизан барон Тренк нападал на прусские провиантные подвозы, и это было причиной легких схваток, не имевших, впрочем, никаких важных последствий. Пруссаки тешились этой малой войной, как забавой для развлечения. Лихой австрийский партизан Франчини выезжал ежедневно в разъезды, как странствующий рыцарь, отыскивая геройских походов.

Прусские партизаны, со своей стороны, также искали встречи с ним: их стычки походили более на рыцарский турнир, чем на серьезное дело. При одной из таких схваток австрийские офицеры сказали прусским с особенной вежливостью: «Господа, с вами чрезвычайно приятно драться: всегда чему-нибудь научишься!» Пруссаки отвечали им столь же галантно: «Это от того, господа, что вы были нашими наставниками, и если мы выучились хорошо защищаться, так это потому, что нас всегда мастерски атаковали». И вслед за тем началась резня, от которой несколько десятков человек легли на месте с обеих сторон.

Отвлекаясь от канонического текста Кони, я хотел бы упомянуть о том, что кампания 1745 года стала «лебединой песней» великолепной австрийской регулярной кавалерии. Решительно реорганизованная Фридрихом после неудач при Мольвице и Хотузице, прусская конница стала настолько грозной силой, что все попытки австрийцев противопоставить лобовому удару пруссаков свою тяжелую кавалерию впредь оказывались заранее обреченными на провал.

Между тем, тотчас по удалении прусских войск, венгры и кроаты проникли в Верхнюю Силезию, рассеялись по ней врассыпную, начали грабить и захватили крепость Козель. Король послал туда 12-тысячный отряд под начальством генерала Нассау с приказанием очистить страну от венгров и непременно занять Козель. Нассау разогнал кроатов и так быстро и неожиданно обложил крепость, что гарнизон ее очнулся только при взрывах бомб и гранат, которые посыпались на

город и укрепления. Видя, что защищаться невозможно, гарнизон стал просить о свободном выпуске из крепости. «Господа, — сказал Нассау парламентарам, — хотя вы защищались очень храбро, но я уже отвел вам квартиры в Бреслау; итак, решайтесь скорее, и оставьте здесь оружие, чтобы оно вас не беспокоило в дороге». Три тысячи кроатов сдались и были отведены как военнопленные в Бреслау, а Нассау преследовал венгров до самой Моравии.

Другой сильный отряд под начальством князя Дессауского и генерала Геслера Фридрих отправил к Галле, чтобы сдерживать саксонцев, которые угрожали вторгнуться в сердце Пруссии — Бранденбург.

Пока Фридрих с половиной своей армии продолжал преследование австро-саксонских войск, Карл приступил к сбору подкреплений и приведения своих потрепанных частей в порядок. Австрийский командующий не рисковал дать пруссакам еще одно сражение, хотя знал, что у Фридриха нет достаточных для этого сил.

Приняв все меры к защите, король начал думать о путях к примирению. Через посольство Англии он надеялся склонить Австрию и Саксонию к миру, даже соглашался признать супруга Марии Терезии императором.

Он вступил в переписку с Георгом II и успел составить с ним в Ганновере трактат, по которому Англия бралась склонить Марию Терезию на подтверждение Бреслауского мира и заставить остальные державы признать Силезию собственностью прусского короля.

Но Георг II слишком понадеялся на себя при заключении этого трактата: Мария Терезия и слышать не хотела о мире. «Скорее откажусь от короны, чем от Силезии», — говорила она английскому министру в ответ на предложение Георга. А при избрании ее супруга в императоры голос Фридриха стал бесполезен, потому что большинство курфюрстов было и так на его стороне.

И действительно, несмотря на протесты прусского и курфальцского послов, 13 сентября Великий герцог Франц Стефан Лотарингский был во Франкфурте провозглашен императором. Эта удача возбудила еще более гордость Марии Терезии. Она объявила решительно, что до тех пор не успокоится, пока не принудит к по-

корности возмущившегося подданного — так называла она Фридриха.

Саксония тоже упорно противилась миру. Августу III хотелось утвердить польский престол за своим потомством. Для этого ему нужна была опора Австрии. Притом по договору с Марией Терезией ему были обещаны княжества Саганское и Глогауское, которые могли служить связью между Саксонией и Польшей.

Итак, Фридриху осталось одно средство: вынудить мир силою оружия.

При нем находилось только 18 человек, этого было недостаточно, чтобы удержаться в Богемии. После трех месяцев продолжительных маневров в верхнем течении Эльбы (северо-восток Богемии) Фридрих решил уйти в Силезию. Для этого он переместил свой лагерь в Штауденц.

Карл Лотарингский между тем получил новые подкрепления из Австрии; войско его состояло из 39 тысяч человек. Почти ежедневно являлись курьеры от Марии Терезии с предписаниями действовать как можно решительнее против пруссаков. Узнав, что Фридрих намерен ретироваться, принц решил атаковать его арьберг и затем, окружив главную прусскую армию в горных ущельях, нанести ей окончательный удар. Враждебные армии находились друг от друга на расстоянии двенадцатичасового перехода, в районе местечка Зоор.

Рано утром 30 сентября, когда Фридрих снимался с лагеря и часть его войска двинулась уже в поход, ему вдруг донесли, что австрийцы подходят к ним со всех сторон в боевом порядке. Только теперь он понял, что Карл перехитрил его, заняв ночью высоты перед правым флангом австрийцев и отрезав таким образом пути к дальнейшему отходу. Король не задумался ни на минуту: он наскоро построил всю свою армию в одну линию и сам объезжал фронт под градом картечи, которой австрийцы осыпали пруссаков с двух батарей в двадцать восемь орудий. В ту самую минуту, когда лошадь короля, испуганная чем-то, взвилась под ним на дыбы, пуля попала ей прямо в голову и положила на месте. Сама судьба, видимо, хранила монарха, и этот случай придал еще более бодрости его солдатам.

Позиция Фридриха была довольно невыгодная, потому что у него недоставало людей, чтобы прикрыть все важнейшие пункты; но и австрийцам было не лучше: у них, напротив, было слишком мало места, чтобы развернуть все свои силы. Фридрих воспользовался их положением и приказал фельдмаршалу Буденброку атаковать австрийскую кавалерию. Двенадцать прусских эскадронов совершенно опрокинули пятьдесят пять австрийских. Австрийцам решительно невозможно было ни отодвинуться назад, по причине гористой местности, ни действовать против неприятеля, потому что эскадроны были расположены один за другим. И первый, не выдержавший атаки, опрокинулся на второй, второй на третий и так далее, пока вся кавалерия была приведена в такой беспорядок, что солдаты принуждены были сдаваться пруссакам почти без боя. Поскольку отступать или атаковать правое крыло Карла не было никакой возможности, Фридрих немедленно начал охват левого фланга врага.

Пехота правого крыла под начальством генерала Бонена и полковника Гайста пошла на обе неприятельские батареи и после жаркой встречи и отчаянного сопротивления наконец-то овладела ими.

Центр австрийской армии, расположенный на крутой возвышенности, которая была защищена пролеском, оставался еще нетронутым. Фридрих послал против него свои гвардейские полки под начальством принца Фердинанда Брауншвейгского. Судьбе угодно было, чтобы в этой битве два родных брата встретились как враги. Австрийским центром командовал старший брат прусского генерала, принц Людвиг Брауншвейгский. Здесь пруссаки и продемонстрировали чудеса храбрости: чтобы достигнуть неприятеля, они должны были продираться сквозь кусты и взять крутую возвышенность почти приступом, при сильном отпоре и немолкающем беглом огне неприятелей. Но и здесь они остались победителями.

Австрийцы старались еще кое-где держаться на возвышенностях, но полки их были слишком расстроены, а пруссаки, ободренные успехом и побуждаемые примером командиров, не давали им ни минуты отдыха

и нападали со всех точек. В итоге, австрийцы, потеряв всякую надежду удержать за собой поле битвы, в беспорядке обратились в бегство, оставя пруссакам богатую добычу.

Пруссаки преследовали бегущих до деревни Зоор. Австрийцы потеряли до 10 тысяч человек (по другим данным — 7444), из которых часть легла на месте, часть попала в плен. Кроме того, было потеряно 22 пушки. Один кирасирский полк Борнштедта отнял у австрийцев 10 знамен, 15 пушек и захватил 1700 пленных. Потери с прусской стороны насчитывали до 3876 человек. Среди павших в битве были принц Альбрехт Брауншвейгский и генерал Бланкензее.

Особенным мужеством и распорядительностью в этом деле отличился знаменитый впоследствии полковник Форкад. Во время сражения, ворвавшись в неприятельские ряды, он дрался впереди своих солдат, как отчаянный, но был ранен пулей в ногу, упал на месте и был отнесен за фронт. По окончании битвы король, рассуждая о действиях своих офицеров, сказал, что большею частью победы обязан неустрашимости Форкада. Когда после второй Силезской войны Фридрих возвратился в Берлин, Форкад явился во дворец, чтобы поблагодарить короля за этот лестный отзыв. Но от боли в раненой ноге он не мог стоять и вынужден был прислониться к окну. Фридрих бросился за стулом и принудил Форкада сесть, несмотря на все его отговорки. «Будь покоен, любезный полковник, — сказал ему Фридрих, — такой храбрый и отличный офицер, как ты, стоит того, чтоб сам король подал ему стул».

Особенностью битвы при Зооре стало то, что испытанная австрийская пехота, уставшая от долгой и трудной кампании, при отражении лобовой атаки пруссаков не проявила обычного мужества, почему и была отброшена. Поражение лишило принца Карла всех выгод его крупного численного превосходства и перечеркнуло все планы окружить Фридриха и раздавить массивным ударом с высот. Тем не менее пруссакам пришлось и далее отступать на северо-запад, оставив горные проходы в Силезию открытыми. И все же победа была крупной: королевская армия свободно вернулась

на свои квартиры в Бреслау, нанеся тяжелейшее поражение неприятелю.

Дельбрюк так комментировал это: «Подобно Гюгенфридбергу, Зоор является плодом руководства, решимости и дисциплины».

К другим особенностям Зоорской битвы принадлежит то, что у прусского войска были отняты все обозы и даже сам король лишился своего походного багажа, так что кроме мундира, который был на нем, у него ничего не осталось. Левое крыло и центр прусской армии не имели времени укрыть свой багаж. Отряды австрийских партизан Надасти и Тренка бросились его грабить, вместо того чтобы драться. Отыскав в обозе короля и офицеров значительное количество вина, они перепились, начали неистовствовать над оставшимися там женщинами и ранеными и дали пруссакам полную свободу поражать в это время их товарищей. Отчасти это сослужило пользу прусскому войску, но зато и австрийцы отличились: они до того очистили обозы, что вечером, когда король пожелал ужинать, не нашлось даже черствой корки хлеба.

Генералы принуждены были разослать адъютантов в разные стороны, чтобы отыскать чего-нибудь на ужин королю. Одному из них удалось найти солдата, у которого был целый хлеб. Солдат не хотел его отдавать ни за какие деньги, но слыша, что хлеб предназначается для короля, не поверил адъютанту и сам пошел в королевскую ставку. Там узнал он истину. «А, если так, — сказал солдат, разломив хлеб пополам, — то дело сладится: король дрался, как и мы, с ним можно поделиться побратски». Когда ему предложили денег, он не взял их и отвечал: «За короля я отдавал даром жизнь, а уж за хлеб и по-давно не возьму с него денег. Деньги солдат берет только с врага, а не с товарища».

Даже чернил и пера не могли достать королю. Фридрих принужден был отправить депешу к своему министру в Бреслау на лоскутке бумаги, на котором написал карандашом: «Я разбил австрийцев; отнял пушки; забрал пленных; вели петь «Te Deum»».

К Дюгану он также отправил коротенькое письмо. Вот его содержание: «Я кругом ограблен! Сделайте

одолжение, купите мне «Боало» в маленьком издании, с примечаниями, Боссюэта «Введение во всеобщую историю» и Цицерона. Я думаю, вы найдете все эти книги в библиотеке моего милого Иордана».

В числе прочих «трофеев» австрийцам досталась и любимая борзая Фридриха — Биша. Король всячески оплакивал потерю любимицы, когда собака внезапно вернулась в прусский лагерь: либо враги отпустили ее, либо она сбежала, поскольку кожаный поводок ее ошейника был перегрызен.

Итак, прусский король в короткое время одержал две новые победы, но это его несколько не продвинуло вперед. Он ждал мирных предложений со стороны Австрии, но она молчала.

А между тем от недостатка провианта и по причине раздробления прусского войска победитель принужден был добровольно ретироваться от побежденных. Пять дней стоял он на поле битвы, а потом отодвинулся к Траутенау, где и пробыл до 16 октября. Когда и здесь были потрачены последний клоч сена и последний запасной сухарь, Фридрих повел всю армию в Силезию. Этот поход совершился не без стычек с неприятелем, который караулил пруссаков в горных ущельях. В Силезии армия стала на кантонир-квартиры между Швейдицом и Штригау; генерал де Мулен протянул кордоны до границ; принц Леопольд Дессауский принял главную команду, а Фридрих отправился в Берлин.

Последняя вспышка второй Силезской войны

После этих событий Фридрих думал только о мерах к прекращению войны, которая становилась для него тягостной. Он полагал, что новые его победы заставят Австрию и Саксонию приступить к решительным переговорам.

Но не так думали его враги. Они желали гибели сопернику и к этой цели устремили все свои мысли и действия.

8 ноября, в то самое время, когда гарнизонную церковь в Берлине украшали завоеванными трофеями, король через шведского посланника при саксонском дворе получил сведения о новых враждебных замыслах своих неприятелей.

Саксонский министр Брюль, личный враг Фридриха, составил хитрый план, как погубить его еще в течение той же зимы. План состоял в том, чтобы через Западную Саксонию проникнуть в Бранденбург, отнять у Пруссии Силезию в первые зимние месяцы, захватить Берлин и снова переименовать прусского короля в маркграфы Бранденбургские. Австрия с восторгом приняла мысль Брюля. Было предположено: главной австрийской армии под начальством принца Лотарингского немедленно, через Лаузиц, двинуться на Берлин; другому корпусу в 10 тысяч человек, отделенному от рейнской армии, под командой генерала Грюна соединиться под Лейпцигом с саксонскими войсками фельд-маршала Рутовского, напасть на пруссаков при Галле и потом также идти на Берлин. В самой столице Пруссии союзники хотели принудить Фридриха возвратить Австрии Силезию, а Саксонии уступить герцогство Магдебургское с городами Котбусом и Пейцом.

Вся деятельность и душевные силы Фридриха пробудились при этом известии. Дело шло о вопросе «быть или не быть?». Медлить было некогда. В тот же день созвал он военный совет и решил, как действовать в этой неожиданной опасности.

Принц Дессауский получил приказание тотчас же отправиться к войску, стоящему в Галле, и приготовить его к походу. Оттуда ему назначено было двинуться в Саксонию, а сам Фридрих с силезской армией хотел проникнуть в Саксонию через Лаузиц. Таким образом, пруссаки с двух противоположных сторон должны были подойти к Дрездену. Для прикрытия Берлина оставлен был незначительный гарнизон, но сами жители организовали корпус милиции, который ежедневно обучался военному делу. Около столицы возводили полевые укрепления, чтобы оградить ее от первого нападения неприятеля; с той же целью было поручено генералу Гаку с 5 тысячами солдат идти навстречу врагу

при первом его появлении и вступить с ним в битву. Пятьсот подвод были приготовлены на случай несчастья, для отправления в Штеттин государственных архивов и казны.

Распорядясь всем в Берлине, Фридрих 15 ноября прибыл к армии в Лигниц. Здесь узнал он из депеши Винтерфельда, который оберегал границы Лаузица, что 6000 саксонцев прошли в Верхний Лаузиц через Циттау и что 36-тысячная главная армия Карла Лотарингского следует за ними по стопам.

Фридрих решил употребить ту же хитрость, которая ему однажды помогла, т. е. обмануть неприятеля. Он соединил около себя все войска, какими мог располагать; генералу Нассау приказал из Верхней Силезии передвигаться к Ландсгуту, чтобы прикрыть границу, и загородил все пути, по которым к австрийцам могли доходить известия о движениях его армии. Между тем к неприятелю посылались перебежчики, которые уверяли, что король более всего боится за свою столицу и думает только о ее прикрытии, для чего спешит через Кроссен перебраться в Берлин, чтобы предупредить Карла Лотарингского. Для большего утверждения неприятеля в этом мнении он приказал исправлять дороги к Кроссену и выстроить по этому направлению несколько магазинов. По берегам Бобера, Квейса и Нейсы были протянуты кордоны, которые никого не пропускали в Саксонию.

Карл Лотарингский вторично поддался в ловушку. Он полагал, что пройдет через Лаузиц безостановочно и только там встретит 3-тысячный обсервационный корпус Винтерфельда. Поэтому Карл, стремясь упредить противника, рванулся вперед с авангардом, чем недопустимо растянул свои войска на марше.

При сильном тумане 23 ноября Фридрих тихо снялся с места. При Наумбурге он переправился через реку и быстро двинулся к Герлицу, куда австрийцы шли со всеми своими силами. Здесь он разделил армию на четыре колонны: посередине шли две колонны пехоты, по бокам — по колонне конницы (всего около 60 тысяч человек). Король сам предводительствовал в центре, а Цитен с гусарами, как и всегда, составлял его аван-

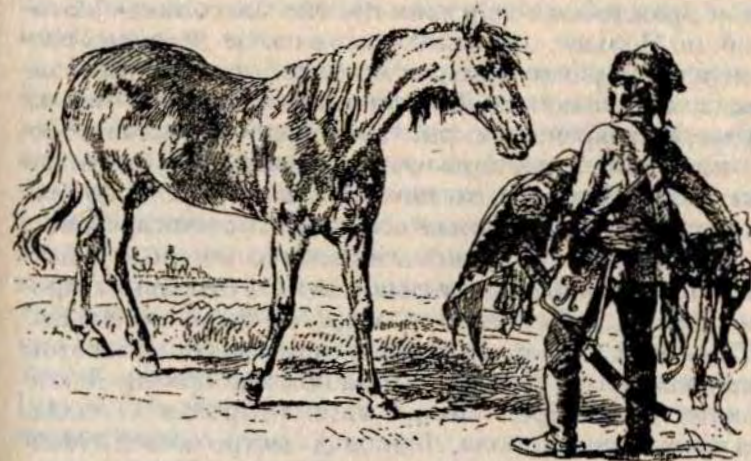
гард. По ошибке колонновожатых марш был очень затруднителен, потому что они повели войско через болотистые места. Цитен однако успел выбраться на проселок и прибыл к Хеннерсдорфу прежде короля.

Здесь он узнал, что в обширной деревне Хеннерсдорф стояли на дневке три полка австрийской конницы и один полк пехоты. Это обстоятельство сильно его обеспокоило. Войско короля отстало на несколько миль, а он с одним полком находился лицом к лицу с неприятелем, который был вчетверо сильнее. Думать было некогда, Цитен решил действовать напропалую. Отправив гонца к королю с просьбой о скорой помощи, он разделил полк на три отряда: с одним сам пошел в деревню, а два послал занять выходы из деревни с обоих концов. Намерением его было захватить австрийцев врасплох.

Но несколько преждевременных выстрелов разбудили австрийцев, и они встретили смельчака в боевом порядке, ядрами и картечью. Несмотря на это, Цитен ринулся на них с такой быстротой, что ворвался в середину строев, отнял пушки и дрался с таким отчаянным мужеством, что почти весь пехотный полк принца Саксен-Кобург-Готского положил на месте. А кавалерия, видя со всех сторон прусских гусар, думала только о том, как бы вырваться на волю. Между тем и король подоспел к нему на помощь. Деревня была окружена со всех сторон.

Принц Лотарингский, который сам находился при своем авангарде, едва успел спастись с пятьюдесятью гусарами, оставя пруссакам все свои орудия, знамена и обозы. Остальные австрийцы были изрублены на месте или захвачены в плен. Между пленными находился генерал Дальвиц и более тридцати штаб- и обер-офицеров. В ознаменование этой победы король подарил цитенским гусарам отнятые ими у неприятеля серебряные литавры.

Хеннерсдорфская битва была ничтожна, но внезапное появление прусской армии и быстрота ее нападения нагнали такой панический страх на австрийцев, что Карл Лотарингский отказался идти на Берлин и со всем войском передвигался с места на место, не зная, где ему

Прусский гусар

выгоднее и безопаснее стать. Фридрих следовал за ним по пятам и вскоре нанес второй удар (как ни странно, даже поспешно отступая, Карл не сумел собрать с марша свои идущие навстречу растянутые полки). В Герлице он отнял у австрийцев значительный магазин, при Циттау разбил неприятельский арьергард и завладел обозом. Через неделю в Лаузице не было ни одного австрийца, все сдалось в руки Фридриха; в то же время были счастливо отбиты покушения австрийцев на Силезию. Карл Лотарингский перешел в Богемию.

Теперь Фридрих устремил все силы на Саксонию. Известие о том, что австрийцы выгнаны из Лаузица и Силезии, поразило саксонцев. Генерал Грюн, который уже вел значительный корпус против Берлина, был поспешно отозван к армии с самой границы Бранденбурга.

Фридрих снова сделал мирные предложения королю Августу и убеждал его согласиться на статьи ганноверской конвенции. Август, подстрекаемый Брюлем, отвечал, что он готов на мир, но требовал, чтобы Фридрих сперва вывел армию из Саксонии и заплатил контрибуцию за вред, причиненный Саксонии его войсками. На это Фридрих, разумеется, не согласился. Австрия сумела вмешать в дело и Россию. Елизавета Петровна требовала от Фридриха, чтобы он прекратил

свои враждебные действия против Саксонии, с которой, по Польше, она находилась в союзе. Фридрих рассчитал, что ранее четырех месяцев русские войска не подспеют на помощь Августу и потому отвечал, что «от души рад сохранять мирные отношения со всеми соседями; но если кто-нибудь из них замыслит пагубные планы против Пруссии, то никакая сила в Европе не воспрепятствует ему защищаться и карать своих врагов».

Вслед за тем Фридрих принялся за военные действия с новой силой и деятельностью. Он отправил старого Леопольда Дессауского вверх по течению Эльбы, к Лейпцигу, а генералу Левальду приказал стать на этой реке для угрозы Дрездену и для помощи принцу Дессаускому. 29 ноября Лейпциг капитулировал. Отсюда, по приказанию короля, Леопольд быстро пошел к Майсену для соединения с корпусом Левальда. Неприятель, спеша на защиту своей столицы, второпях забыл разрушить мост на Эльбе, и потому Леопольду Дессаускому легко было соединиться с Левальдом. 13 декабря оба корпуса двинулись к Дрездену, а 15 декабря король прибыл в Майсен и обложил оба берега Эльбы.

Эти быстрые действия сильно встревожили саксонцев. Август бежал в Прагу и так был испуган, что даже забыл захватить с собой своих детей. Граф Рутовский, чьи войска обладали значительным численным превосходством над пруссаками, тем не менее вел себя пассивно: он расположился укрепленным лагерем между Майсеном и Дрезденом, приготовившись отстаивать столицу. Принц Лотарингский прибыл к нему на помощь; он остановился недалеко от Дрездена, но, по распоряжению саксонского военного министерства, австрийские войска были расположены на таком обширном пространстве, что в случае нужды Карл не мог бы их сосредоточить и в двое суток.

Теперь только саксонский кабинет сделался поуступчивее. Фридрих получил в Майсене посольство от Августа III с мирными предложениями, на которые заранее соглашалась и Австрия. Но было поздно: когда Фридрих прочел условия, горизонт пылал уже заревом и гром канонады оглашал воздух: Леопольд Дессауский атаковал саксонцев. Приди посольство несколькими ча-

сами раньше — несколько тысяч человек остались бы в живых.

Саксонская армия была расположена превосходно. Она занимала пространство на 13 верст от Эльбы до деревни Кессельсдорф. Только со стороны Кессельсдорфа, куда примыкало левое крыло, можно было атаковать ее; но здесь стояла на возвышении страшная батарея в 24 орудия, которая защищала деревню со всех сторон. Остальная часть войска находилась на крутом косягоре, отлогости и обрывы которого, покрытые льдом и снегом, были решительно недоступны. Правое крыло оканчивалось у Пеннериха, на высоком берегу Эльбы, и было прикрыто 6-тысячным отрядом генерала Грюна, стоявшим на скале, со всех сторон окруженной пропастями.

Мориц Дессауский в бою у Кессельсдорфа

В два часа пополудни 15 декабря Леопольд Дессауский стал лицом к лицу с неприятелем. В этот день минуло пятидесятилетие его военной службы. Старик хотел отпраздновать юбилей новой блистательной победой или славной смертью окончить свое воинское поприще. Хладнокровно сделал он все необходимые распоряжения. Он знал своих солдат; многие из них вместе с ним поселились на поле брани, любовь и доверенность их к старому полководцу были безмерны. Он крепко надеялся на их мужество, но помощь свыше почитал необходимой. Перед самым началом дела он выехал на фронт, поднял руки к небу и после краткой молитвы скомандовал: «Марш, марш!»

Леопольд разделил значительный корпус инфантерии на три линии и подкрепил их одним драгунским полком. Атака началась с единственного доступного места, деревни Кессельсдорф.

Как львы бросились пруссаки вперед: батарея захотала и половины их не стало. Два раза возобновляли они свои попытки — и все напрасно: их заставляли отступить. Эти неудачи смугили солдат и военачальника. Но во время их вторичной ретирады один из саксонских генералов со значительным отрядом пехоты кинулся их преследовать. Этим движением саксонцы помешали действию собственной батареи.

Леопольд в тот же миг воспользовался ошибкой неприятеля. Драгуны четвертой линии бросились навстречу преследующим, опрокинули, смяли их, разогнали и частью захватили в плен; а три линии пехоты ворвались в деревню, овладели пагубной батареей и заставили саксонцев, отстаивавших Кессельсдорф, положить оружие и сдаться. В то же время прусская кавалерия ударила в левое крыло саксонцев, сбита с места неприятельскую конницу и обратила ее в бегство. Сын Леопольда Дессауского — Мориц, который командовал левым флангом прусской армии до самого взятия деревни, только обстреливая неприятеля, теперь тронулся с места. С девятью батальонами пробрался он по полузамерзшей ложнине, почти выше колен в воде, до Пеннериха и повел солдат на приступ крутой скалы. Солдаты на плечах внесли его на высоты.

Неожиданное появление пруссаков с этой стороны заставило бежать саксонцев. Прусская кавалерия левого крыла, которая дотоле была отделена от неприятеля пропастью, теперь пустилась его преследовать. В итоге саксонцы были разбиты на всех пунктах, пруссаки овладели их позицией и в течение двух часов все дело было решено — в пользу Фридриха. Граф Рутовский бежал к Дрездену; здесь Карл Лотарингский предложил ему напасть на пруссаков вторично соединенными силами, но Рутовский не согласился, говоря, что для спасения армии остается только одно средство — удалиться к богемской границе. В тот же день оба полководца предприняли ретираду, оставя в столице только 4000 человек земской милиции.

Саксонская армия в Кессельсдорфском сражении насчитывала 26 тысяч человек под ружьем, пруссаки имели 27 тысяч. С обеих сторон полегло до 13 тысяч; сверх того, пруссаки взяли 4000 пленных и отбили у неприятеля 28 пушек. Интересно, что в этой кровопролитной битве участвовали и с той, и с другой стороны только отдельные корпуса, а главные армии оставались в бездействии.

На следующий день Фридрих со своим войском прикнул к корпусу Леопольда Дессауского. Он осмотрел поле битвы и похвалил отличные действия своих солдат. Вслед за тем он подошел к Дрездену. Столица не могла защищаться, во-первых, потому что гарнизон ее был слишком незначителен, а во-вторых, потому что граф Брюль в мирное время приказал уничтожить многие укрепления и на их месте разбил парк, чтобы тем увеличить дворцовые сады Августа.

Саксонские министры прислали Фридриху капитуляцию, но он не захотел ее подписать. Итак, ворота Дрездена были ему отворены безо всякого дальнейшего условия.

18 декабря Фридрих как победитель въехал в столицу Саксонии. Гарнизон был обезоружен и объявлен военнопленным. Войска в величайшем порядке разместились по обывательским квартирам. За их продовольственные и фуражные платили наличными деньгами, а за малейшую обиду или оскорбление, нанесенные жителям,

было назначено строжайшее наказание. Фридрих объявил всенародно, что не хочет пользоваться своим преимуществом и разорять саксонцев за интриги и безумные действия графа Брюля, а напротив, от души предлагает свою дружбу Августу III и желает только мира в Германии.

Тотчас по прибытии в Дрезден он отправился во дворец, весьма ласково обошелся с молодыми приицами; обнял их дружески, успокоил и приказал оказывать им все королевские почести. Так же милостиво он обошелся с министрами Августа и с дипломатическим корпусом. Вечером король посетил театр, а на другой день присутствовал на молебне, который был совершен в церкви Животворного Креста.

Фридрих начертал мирный трактат и предложил его на рассмотрение саксонских министров. Все пункты были приняты Августом беспрекословно. Лишившись войска, столицы, доходов, оставив детей и министров в руках неприятеля, он не мог более торговаться, и даже сам Брюль не сумел ему подать лучшего совета, как согласиться на все условия прусского короля.

Мария Терезия также увидела, что борьба с Фридрихом не приведет ее к цели; и она согласилась на уступку: граф Гаррах, обер-канцлер Богемии, был ею отправлен в Дрезден с полномочием заключить мир по своему усмотрению.

Итак, через десять дней после Кессельсдорфского сражения, 25 декабря, мирный договор был подписан в Дрездене. Австрия вторично уступала Фридриху II Силезию и Глацкое графство в потомственное владение, а прусский король за это вывел войска из Саксонии и признал Франца I, супруга Марии Терезии, императором. Август III обязывался: никогда более не пропускать через свои земли врагов Пруссии, заплатить 1 миллион талеров контрибуции и поддерживать в Саксонии протестантскую веру.

«В день заключения мира был отслужен «Te Deum» и со всех валов города стреляли из пушек. Во все время своего пребывания в Дрездене Фридрих давал спектакли, балы и концерты для развлечения несчастного народа. Бедные ежедневно толпами стекались ко дворцу

и получали щедрую милостыню. И в Дрездене Фридрих умел приковать к себе самых заклятых врагов своих милостивым обращением и той предупредительной лаской и обходительностью, которая характеризовала его в обществе. С сожалением, почти со слезами, провожал его народ, когда 27 декабря он отправился в Берлин. Прусские солдаты расстались с саксонцами задушевными друзьями.

<...>

Сильно было беспокойство берлинских жителей при начале последней кампании; ежедневно ждали они незваных гостей и трепетали за столицу Пруссии, которая, кроме своей молодой и неопытной милиции, не могла надеяться ни на какую постороннюю помощь. Зато и радость берлинцев была велика при известии о мире и о возвращении короля. Фридрих сделался идолом Пруссии. Последние победы его возвысили сильно в глазах народа: весь успех кампании приписывали его уму, его личной храбрости, его военным дарованиям. Пруссаки знали, что Австрия и Саксония в этой последней войне имели на своей стороне все преимущества: и перевес сил, и выгоды положения, и выигрыш времени, и несмотря на все это, Фридрих возвращался в свою столицу торжествующим победителем, миротворцем Германии.

Торжество, которое жители Берлина приготовили для его въезда, походило на истинную оvation. С самого утра во всех церквях загудели колокола, пальба из пушек не прекращалась ни на минуту. Народная милиция протянулась в два строя от самых городских ворот до дворца. На всех перекрестках улиц гремела музыка. На окнах и балконах домов развевались ковры и знамена с эмблемами и надписями. Главные чины города и духовенство вышли за городские ворота навстречу королю. Едва издали показалась королевская коляска, раздались трубы и литавры, и сотни знамен ландвера и всех городских сословий и цехов перед ним преклонились. Море народа кипело около коляски, в которой Фридрих шагом ехал со своими братьями. Молодые девушки в белых платьях шли впереди и посыпали дорогу цветами, из окон и с балконов летели в коляску лавро-

вые венки, и народ, бросая вверх шапки и шляпы, впервые закричал: «Да здравствует наш король! Да здравствует Фридрих Великий!» (Кони. С. 210).

«Никогда не видел я зрелища умильнее! — пишет Билефельд. — Роскошь дворов, торжества, которые иногда рождаются по мановению государей, часто бывают обманчивы; это род апофеоза, который монархи сами себе составляют и где народ является только исполнителем их желаний, а не действователем по собственному убеждению. Но здесь не было ничего подготовленного: все сделалось мгновенно, экспромтом, само собою, под влиянием одной народной любви к Фридриху и всеобщего умиления. Король был глубоко тронут привязанностью своих подданных; на лице его выразилось чувство собственного достоинства и счастье быть монархом такого доблестного народа. Приветливо кланялся он на обе стороны и только по временам убеждал народ, чтобы он не теснился, остерегался лошадей и не причинил себе как-нибудь вреда в давке. С теми, которые близко подходили к коляске, он вступал в разговор и тем еще более возбуждал всеобщий энтузиазм».

Утолив свою жажду честолюбия, король не забыл и о своих солдатах: по его приказу вскоре после окончания Силезских войн в Берлине был сооружен огромный Дом инвалидов, где на казенные пенсии доживали свой век увечные ветераны его армии. На фронтоне дома Фридрих приказал высечь лаконичную надпись: «*Laeso et invicto Militi*» («Уязвленному, но не побежденному воину»). Интересно, что при Доме функционировали две церкви — лютеранская и католическая (и это при всей непримиримости борьбы между обеими конфессиями, которые стараниями Габсбургов и папы Бенедикта XIV вернули Европу в состояние религиозной ожесточенности времен Тридцатилетней войны 1618—1648 годов).

Интересно, что на заключительный исход кампании 1745 года оказала большое влияние Россия. Инициатором этого стал всеильный канцлер Елизаветы Петровны — Бестужев-Рюмин.

Алексей Петрович Бестужев-Рюмин учился по приказанию Петра Великого в Копенгагене и в Берлине; знал

прекрасно латинский, французский и немецкий языки и потому был использован при посольствах, где имел случай изучить трудную науку политики под руководством отличного дипломата того времени князя Бориса Ивановича Куракина. В царствование Анны Иоанновны Бестужев возвысился до чина действительного тайного советника, «служа преданным рабом Бирону во всех его интригах и жестокостях», а во время регенства Бирона способствовал его свержению, хотя не рассчитал своих сил и сам пострадал вместе с ним.

По вступлении на престол Елизаветы Петровны Бестужев сумел ловко поддаться к ее любимцу Лестоку, который опять ввел его ко двору и возвысил даже до звания вице-канцлера. Лесток почитал Алексея Петровича первым своим другом и постоянно вымаливал для него у императрицы новые милости и награды, так что Елизавета ему раз сказала: «Смотри, граф! Ты не думаешь о последствиях, я лучше тебя знаю Бестужева: ты связываешь для себя пук розг». И действительно, предсказание императрицы сбылось: Бестужев оклеветал Лестока, произвел над ним вместе со своим наперсником фельдмаршалом Апраксиным (будущим «героем» первого русского похода в Восточную Пруссию) пристрастное следствие и приговорил к лишению чинов, имений и ссылке. Бестужев сумел вкрасться в «неограниченную доверенность» к Елизавете, руководил всеми ее действиями, господствовал над всеми министрами и был ею возведен в достоинство государственного канцлера.

Шестнадцать лет управлял он кормилом империи и (отчасти из государственных соображений, отчасти из личной ненависти к Фридриху) вовлек Россию в разорительную и бесполезную Семилетнюю войну. Бестужев был так силен при дворе, что осмеливался даже враждовать и тягаться с наследником престола, Петром Федоровичем, и старался отстранить его от престолонаследия, уверяя Елизавету, что Петр омрачит впоследствии славу ее правления.

В дальнейшем Бестужеву инкриминировали тот факт, что во время тяжелой болезни императрицы, в 1757 году, он самовольно отозвал из Пруссии фельд-

маршала Алраксна со всей армией. За это его лишили чинов, орденов и сослали в заточение в одну из его деревень, где его велено было содержать под караулом, дабы, как сказано в указе, «...другие были охранены от уловления мерзкими ухищрениями, состарившегося в них злодея» («С-Петербургские Ведомости», февраль 1758 года). Но Екатерина Великая возвратила его из ссылки и со званием генерал-фельдмаршала даровала ему все прежние титулы и ордена. Он умер в 1766 году.

Вот что говорит о нем Бантыш-Каменский: «Граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин с обширным, разборчивым умом приобрел долговременную опытность навык в делах государственных, был чрезвычайно деятелен, отважен, но вместе горд, честолюбив, хитр, проницателен, скуп, мстителен, неблагодарен, жизни невоздержной. Его более боялись, чем любили. Императрица Елизавета ничего не решала без его мнения. Он повелевал не только сановниками ее, но и приближенными. Он первый завел переписку под названием «секретной корреспонденции», посредством которой наши министры, находившиеся в чужих краях, сообщали ему, кроме обыкновенных известий, свои догадки, мнения, пересказы и народную молву. Он извлекал из этих сведений, что хотел, для донесения Елизавете и, таким образом, направлял ее мысли в пользу или против иностранных держав».

Еще при жизни канцлера недружественные ему деятели в один голос утверждали, что стойкость Бестужева-Рюмина обусловлена английскими и австрийскими деньгами и поэтому он так верно служит интересам Вены и Лондона. Следует отметить, что обвинения в продажности не избежал ни один крупный государственный деятель того времени, и в ряде случаев для таких обвинений были веские основания. Подкуп министров, как и перлюстрация, был весьма распространенным средством дипломатической борьбы и даже не преследовался так строго, как, например, шпионаж.

Не приходится сомневаться в том, что и Бестужев-Рюмин брал деньги у англичан, австрийцев, саксонцев. С весны 1745 года в донесениях английских посланников он упоминается как «My friend» («мой друг»),

а в 1746-м канцлер получил от англичан 10 тысяч фунтов, оформленных как «долг без процентов на десять лет под залог дворца». Разумеется, ни о каком возврате «долга» позже не было сказано ни слова. Осенью 1752 года, когда польский король и саксонский курфюрст Август III, встревоженный угрозами со стороны Фридриха II, обратился к России за помощью, Бестужев-Рюмин «покаялся» саксонскому посланнику Функу, что растратил на собственные нужды свыше 20 тысяч дукатов из фондов Коллегии иностранных дел и что при первой же проверке его лишат должности. Он просил известить об этом английского и австрийского посланников. Начались обсуждения представителей союзных держав, как помочь канцлеру. Английский резидент Вулф, на которого особенно рассчитывали австрийцы и саксонцы, поначалу наотрез отказался спасти «своего друга». С документами в руках он доказал коллегам, что за последние годы передал Бестужеву-Рюмину свыше 62 тысяч рублей. С большим трудом им все же удалось уговорить Вулфа выдать канцлеру хотя бы 8 тысяч. Остальные деньги были присланы из Вены.

Тем не менее политика Бестужева в 40-е годы строилась на вполне четких принципах, базировавшихся на недопущении равновесия в Европе. Это охарактеризовывалось им так: недопустимо создание коалиции пограничных с Россией стран (Швеции, Речи Посполитой, Турции) под эгидой какой-либо западноевропейской державы (имелась в виду прежде всего Франция). Внешнюю политику необходимо строить на основе союзов с величайшей морской державой — Англией, и особенно с Австрией, которая в силу своей географии автоматически являлась главной союзницей России в борьбе с турками. Принципы в целом правильные, но выполнял их Бестужев не всегда в меру, не учитывая возможного изменения расстановки сил и политических симпатий в Европе. Позднее мы увидим, что в 50-е годы это привело и Россию, и карьеру самого канцлера в тупик.

Политика Фридриха, строившаяся на учете инертности одних государств, растерянности других, включавшая элементы авантюризма, выбор и молниеносную

смену союзников в зависимости от потребности минуты, была органически неприемлемой для Бестужева-Рюмина и вызывала его резкое противодействие. По его мнению, в Европе не было государственного деятеля, имевшего такой же «непостоянный, захватчивый, беспокойный и возмутительный характер и нрав», как у прусского короля. Бестужев-Рюмин был убежден, что иметь дело с самим Фридрихом как партнером невозможно, ибо многочисленные вероломные нарушения прусским королем заключенных им трактатов не допускали возможности любого союза с ним и требовали тщательного наблюдения за его демаршами.

Однако нет оснований утверждать, что Бестужев-Рюмин отрицал возможность и полезность дружественных отношений России с Пруссией. Как трезвый политик, он не мог не учитывать ее возросшее могущество в Германии и Европе и понимал, что дело не только в характере прусского короля. Считая Фридриха главным виновником войн первой половины 40-х годов, Бестужев-Рюмин видел, что усиление Пруссии за счет соседей (Австрии и Саксонии) чревато нарушением равновесия в Европе и что интриги прусских дипломатов в Швеции, Турции и Речи Посполитой угрожают не только австрийским или саксонским интересам, но и интересам России. «...Коль более сила короля Прусского умножится, — писал канцлер, — толь более для нас опасности будет, и мы предвидеть не можем, что от такого сильного, легкомысленного и непостоянного соседа... империи приключиться может».

Прусский король отвечал Бестужеву той же монетой. Если просмотреть подряд день за днем донесения французских и прусских посланников при русском дворе за 1742—1745 годы, то окажется, что у них не было более актуальной темы, чем обсуждение средств и способов свержения А. П. Бестужева-Рюмина. Фридрих вообще ставил в зависимость от свержения Бестужева свои успехи в деле изоляции Австрии. «Если мне придется иметь дело только с королевой Венгерской (Марией Терезией), — писал он послу в Петербурге Мардефельду, — то перевес всегда будет на моей стороне. Главное условие — условие неременное в нашем деле — это погу-

бить Бестужева, ибо иначе ничего не будет достигнуто. Нам нужно иметь такого министра при русском дворе, который заставлял бы императрицу делать то, что мы хотим». В случае «если... вице-канцлер удержится на своем месте», король предлагал послу другую тактику: «...Вы должны будете изменить политику и, не переставая поддерживать тесные сношения с прежними друзьями, употребите все старания, чтобы Бестужев изменил свои чувства и свой образ действий относительно меня; для приобретения его доверия и дружбы придется израсходовать значительную сумму денег. С этой целью уполномочиваю вас предложить ему от 100000 до 120000 и даже до 150000 червонцев, которые будут доставлены вам тотчас, как окажется в том нужда».

Одновременно дипломаты-союзники пытались использовать против Бестужева-Рюмина нового вице-канцлера — М. И. Воронцова, весьма симпатизировавшего Франции. Однако Бестужев-Рюмин так ловко сумел провести интригу и дискредитировать Воронцова в глазах Елизаветы, что тот был отправлен на год в заграничную поездку. «Бестужевская проблема» осталась неразрешимой для его врагов.

В чем состояла сила Бестужева-Рюмина, почему прусский король так дорого ценил его дружбу, а сам Алексей Петрович постоянно отвергал попытки Пруссии и Франции войти в сделку с ним? Дело в том, что благодаря усилиям Бестужева-Рюмина антипрусская направленность, ранее выраженная неявно, стала доминировать во внешней политике России примерно с 1744 года, когда был заключен союзный договор с Саксонией. Очень важным эпизодом в борьбе за изменение внешнеполитического курса России явились события осени 1744 года, когда было получено известие о начале второй Силезской войны Пруссии против Австрии и Саксонии.

В результате нерешительной внешней политики первых лет правления Елизаветы Россия оказалась в сложном положении: и Пруссия, и Саксония обратились к ней за вооруженной поддержкой. Первая ссылалась на статьи союзного договора 1743 года, а вторая — на статьи союзного договора 1744 года. И в том, и в другом

договоре речь шла об оказании Россией помощи партнеру в случае нападения на него третьей державы.

Точка зрения Бестужева-Рюмина выражена в его записках очень четко: Пруссия, побуждаемая «наущениями и деньгами Франции», нарушила Бреслауский мир и данные Россией и Англией гарантии этого мира, напав на Саксонию и Австрию, поэтому Фридрих не может рассчитывать на поддержку России в отличие от Августа III, ставшего жертвой агрессии. «Интерес и безопасность... империи, — писал Бестужев-Рюмин, — всемерно требуют такие поступки (Фридриха), которые изо дня в день опаснее для нас становятся, индифферентными не поставлять, и ежели соседа моего дом горит, то я натурально принужден ему помогать тот огонь для своей собственной безопасности гасить, хотя бы он наизлейший мой неприятель был, к чему я еще вдвое обязан, ежели то мой приятель есть».

Мнение канцлера об оказании помощи Саксонии поддержал и вице-канцлер М. И. Воронцов, опасавшийся усилившейся деятельности Пруссии в Швеции и Турции. В официальной записке, датированной сентябрем 1745 года, Бестужев-Рюмин настаивал на принятии конкретного и срочного решения по поводу прусско-саксонского конфликта, ибо, оставаясь в стороне от него, «дружбу и почтение всех держав и союзников потерять можно, так что, ежели здешняя империя в положении их нужду имела, они для нас толь мало сделали б, как мы для них».

Елизавета вняла требованиям своего канцлера. Состоялись два совещания высших чинов государства с участием императрицы, на которых было решено оказать военную помощь Августу III. 8 октября 1745 года императрица предписала фельдмаршалу Ласси сосредоточить в Лифляндии и Эстляндии около 60 тысяч человек, с тем чтобы весной начать наступление против Фридриха. Это сыграло определенную роль в развязке второй Силезской войны: как я уже говорил, в конце декабря 1745 года в Дрездене Австрия и Саксония заключили с Пруссией мир на основе Бреслауского мирного договора.

Война Австрии с Францией продолжалась еще долгое время и закончилась только в 1748 году. В последние годы главным театром войны стали австрийские Нидерланды, где против австро-английских войск успешно действовала французская армия Морица Саксонского. Французы одержали ряд крупных побед и заняли владения Габсбургов в Бельгии, но в Северной Италии и на море терпели неудачи. К тому же в 1746 году Россия восстановила союзный трактат с Австрией.

За это время Мориц Саксонский разбил Карла Лотарингского при Рокуре (1746 год), а затем — союзную армию принца Оранского и герцога Камберленда при Лауфельде (1747 год). Вскоре в войну вступила Россия.

Подводя итоги своей внешнеполитической деятельности в период Силезских войн, Фридрих II писал в 1746 году: «Все вышеизложенные нами обстоятельство доказывают, что король прусский не вполне преуспел в своих домогательствах и что достигнутое им от России не совсем соответствовало его надеждам. Но важно то, что удалось усыпить на некоторое время недоброжелательство столь грозной державы, а кто выиграл время, тот вообще не остался в накладе». Однако автор этих строк оказался излишне самоуверенным.

Уже с начала 1746 года в Петербурге велись напряженные переговоры о заключении русско-австрийского оборонительного союза. Договор был подписан в конце мая 1746 года сроком на 25 лет и стал начальным звеном в цепи союзных соглашений, которые на протяжении полувека объединяли Россию и Австрию сначала в борьбе с Пруссией в Семилетней войне, затем, при Екатерине Великой, с Турцией, а также с революционной и наполеоновской Францией. Особенно важными были секретные статьи союзного договора 1746 года. Россия и Австрия обязались совместно действовать и против Пруссии, и против Турции, причем Мария Терезия рассчитывала с помощью этого союза пересмотреть условия Дрезденского мира 1745 года и вернуть себе Силезию. Чтобы предупредить возможные неожиданные действия Фридриха, было решено держать в Лифляндии крупный корпус войск, готовых по первому приказу из Петербурга двинуться на Кенигсберг.

В 1747 году русское правительство пошло на дальнейшее сближение с Англией. После Дрезденского мира 1745 года, как я уже говорил, военные действия велись главным образом в Нидерландах, где у Габсбургов были большие владения. После блестящих побед Морица Саксонского, в 1746–1747 годах при содействии Австрии были заключены две русско-английские так называемые субсидные конвенции. Согласно их условиям, Россия обязалась предоставить Англии и Голландии 30 тысяч солдат за крупную сумму денег. Этот корпус должен был действовать против Франции.

Во исполнение договора 30-тысячный корпус князя Василия Аникитича Репнина весной 1748 года выступил из Лифляндии через Богемию и Баварию на Рейн с целью оказания помощи Марии Терезии. В Кремзире корпус осмотрела сама союзница Елизаветы, которая оказалась весьма довольна «состоянием и порядком» русских войск. Репнин доносил по этому поводу Военной коллегии: «Императрица объявила удовольствие о добром порядке и войск, тако ж, что люди весьма хороши... Еще же удивляются учтивости солдатской. Мы де вчера ездили гулять и заехали нечаянно в деревню. Солдат побежал дать знать без всякого крику и дал знать; до того часу как офицеры, так и солдаты из своих квартир выступили и отдали шляпами честь». Мария Терезия высказала сожаление, что не обратилась раньше за помощью к России: «Тогда бы мы того не терпели, что ныне терпим». Француз Лопиталь, смотревший корпус в Риге, писал: «Русская армия хороша, что касается состава. Солдаты не дезертируют и не боятся смерти».

Керсновский восторженно комментирует результаты похода Репнина: «Поход удался вполне. Пруссия склонилась на мир, русской же крови за чужие интересы на этот раз проливать не пришлось». На самом же деле «склонилась на мир» не Пруссия, уже давно не участвовавшая в войне, а сама Австрия. Репнин успел прийти на Рейн, когда все уже было кончено: русской армии пришлось маршировать через всю Германию, а Мориц успел 7 мая 1747 года взять Маастрихт и тем лишил англо-голландцев последних форпостов во Фландрии.

Вскоре и на западе война окончилась Э-ля-Шапельским перемирием.

В конечном счете 18 октября 1748 года в Нидерландах был заключен формальный Аахенский мир между Англией и Голландией с одной стороны, и Францией — с другой. Вскоре к договору присоединились Австрия, Испания и Сардиния. По договору Пруссия подтвердила аннексию Силезии, Испания получила небольшие австрийские владения в Северной Италии (герцогства Парма, Пьяченца и Гуасталла); некоторые итальянские владения Габсбургов перешли к Сардинии (Пьемонту). Франция отказалась от своих завоеваний в Голландии и Индии, вернула Англии Мадрас и некоторые небольшие территории в Америке. Кроме того, Англия добила разрушения укреплений крепости Дюнкерк на берегу пролива Па-де-Кале.

Была признана Прагматическая санкция в Австрии, сохранение Ганноверского курфюршества и власти Ганноверской династии в Англии и Шотландии. На этом восьмилетняя кровопролитная война за Австрийское наследство закончилась, в общем, безрезультатно для всех воевавших стран, за одним лишь исключением — Пруссии. Именно поэтому договор в Аахене не разрешил противоречий европейских держав, а явился лишь передышкой на пути к Семилетней войне.

В мирном договоре Австрия, по требованию Франции, вторично признала Силезию и графство Глац собственностью Фридриха. Но дружеские отношения прусского короля и Людовика XV давно уже разрушились. Саркастические высказывания Фридриха глубоко уязвили самолюбие французского короля, который и так смотрел на него, как на врага католической церкви. На просьбу Фридриха о помощи в последнюю, решительную для Пруссии, войну, Людовик прислал ему «самый обязательный и вежливый» отказ: он приводил такие причины, на которые прусскому королю нечего было отвечать, но в которых явно обнаруживалась неохота Франции вступать в его дела. Зато Фридрих так же вежливо, но с тонкой, язвительной иронией известил Людовика о заключении Дрезденского мира.

Несмотря на эти личные неудовольствия обоих королей, трактат Пруссии с Францией должен был оставаться во всей силе до 1756 года. Но будущее обещало грозу неминуемую. В этом отношении английский посланник, который приезжал в Берлин для переговоров по случаю Аахенского мира, в донесении своему двору очень верно определил характер прусского короля: «Сердце Фридриха, — говорил он, — драгоценный алмаз, но он оправлен в железо!»

Присоединив к себе богатейшую Силезию, Пруссия увеличила свои территории почти вдвое. Население королевства возросло на 1,5 миллиона человек, а численность наемной и отлично вымуштрованной армии достигла 160 тысяч солдат и офицеров. Чтобы правильно оценить значение этой цифры, скажу, что армия России, неизмеримо большая, чем крошечная Пруссия как по территории, так и по численности населения, превосходила эту цифру менее чем вдвое.

Поход корпуса Репнина привел к разрыву русско-французских отношений. В декабре 1747 года Петербург покинул посланник д'Аллион, а летом следующего — консул Совер. Отношения Франции с Россией были прерваны почти на восемь лет.

Вскоре стал неизбежен разрыв и русско-пруссских отношений. Осенью 1746 года Фридрих отозвал своего посла Мардефельда, обвинив его в том, что посланник поспешил и не дал Бестужеву-Рюмину 100 тысяч рублей для предотвращения русско-австрийского сближения.

В 1749 году ареной острого столкновения интересов России и Пруссии стала Швеция. Дело в том, что в Швеции с 1720 года существовала олигархическая форма правления, ослаблявшая государство и делавшая власть короля фикцией. В 1749 году в Петербурге стало известно, что наследник шведского престола Адольф Фридерик при поддержке части дворянства, Пруссии и Франции готовит в случае смерти больного короля Фридриха государственный переворот, намереваясь восстановить в Швеции самодержавие. Усиление Швеции (которая в результате Северной войны

и оккупации части страны русскими войсками практически превратилась в колонию Петербурга) не входило в планы России, и правительство Елизаветы трижды требовало от шведского короля предотвращения возможных попыток восстановления самодержавия. Резкие ноты русского правительства были с неудовольствием встречены в Берлине, что и стало поводом для отозвания осенью 1750 года русского посланника Г. И. Гросса. Такое четко наметившееся размежевание сил в Европе через шесть лет привело к началу Семилетней войны.

СОСТОЯНИЕ ЕВРОПЫ ДО СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

«Одинадцатилетнее спокойствие Европы походило более на тяжкий, душный летний день, предвещающий бурю, чем на действительное успокоение». Аахенский мир, «выбитый» у Австрии непреодолимой силой обстоятельств и значительно уменьшивший могущество и влияние этой державы, не мог удовлетворить ни Марию Терезию, ни Саксонию. Возрастающая сила и значение Пруссии, естественно, должны были беспокоить Россию, которая до тех пор почиталась первенствующей державой на севере Европы. Августа III тревожило положение Польши, отрезанной от его курфюршества полосой прусских владений. Даже Англия неравнодушно смотрела на силу Фридриха, боясь за свои Ганноверские земли. В каких отношениях Пруссия находилась с Францией, мы уже видели в предшествовавшей части. Людовик Французский считал себя обманутым прусским королем, которого он подозревал в тайном соглашении с Англией, что явилось причиной потери ранее завоеванных его войсками владений в Бельгии. Кроме того, все без исключения европейские монархи опасались, что Фридрих II не удовлетворится своими приобретениями и попытается расширять территорию Пруссии и далее.

Не дремал и сам Фридрих II. Успешно проведя несколько кампаний против австрийцев, он полностью осознал свою силу. Пруссия, небольшое королевство Священной Римской империи, только в 1701 году получившее фактическую независимость от Габсбургов и ставшее самостоятельным государством с населением всего лишь два с лишним миллиона человек, неожиданно для всей Европы продемонстрировала способность наголову громить многократно превосходящие ее армию войска Австрии.

Сочетая в своем характере и честолюбие, и цинизм, и авантюризм, будучи к тому же одаренным полководцем, Фридрих после 1748 года начал вынашивать планы по захвату других германских земель. Таким образом, Пруссия явилась нарушителем и без того шаткого равновесия сил в Европе, внезапно вторгшись в до того исключительно сферу влияния Австрии, Франции и России. В планы захватов Фридриха до начала Семилетней войны входили Саксония, австрийская Богемия, Польша и вассальная по отношению к Речи Посполитой Курляндия (нынешняя Латвия), населенная преимущественно немецкоязычным населением — герцогом последней Фридрих хотел сделать своего брата Генриха.

Интересно, что, вопреки утверждениям многих наших авторов, Фридрих II никогда (ни до Семилетней войны, ни тем более после) не планировал никакой «агрессии» против России, вполне довольствуясь внутригерманскими «разборками». Многочисленные сентенции о якобы готовившемся Фридрихом нападении на Россию (сам факт столь же вероятный, как, например, начало Второй мировой войны агрессией Германии против Китая — теоретически возможно, но совершенно излишне) распространялись ни кем иным, как нашим старым знакомым, графом Брюлем. Последний еще в 1748 году (!) писал в Петербург панические письма о скором «выступлении» Фридриха на Россию. о том, что эта агрессия готовится «денно и ночью». По этому поводу канцлер Бестужев представил императрице записку, в которой говорилось, что предстоящее нападение на Пруссию для «нашей державы есть война защитительная, ибо иначе нам бы самим, без союзников, отражать войска Фридриха пришлось». Этот трудолюбиво сколоченный топором тезис и стал формальным оправданием прямой агрессии против Пруссии.

Итак, политическая гроза была неизбежна. «Почти во все кабинеты Европы закралось тайное недоброежелательство к Фридриху Великому: нужен был только удобный случай, чтобы пламя войны вспыхнуло с новой силой. Одиннадцать лет протекли в приготовлениях к этой великой драме, долженствовавшей обогреть Западную Европу кровью и надолго нарушить ее спо-

койствие. Все государства были истощены и утомлены продолжительной борьбой, теперь они отдыхали, собирались с силами, совещались и ладили между собой, чтобы верно рассчитанными действиями не дать перевеса счастливому завоевателю, как они называли Фридриха. Прусский король изменил существовавший порядок вещей в европейской политике и смело возвысил свой голос возле Австрии, которая одна располагала судьбой всей Германии. Этого не могла ему простить Австрия, этого не могли вынести другие державы, которые были уверены, что Фридрих не остановится на своих завоеваниях, но захочет новых приобретений, и тогда для их собственных владений настанет неизбежная опасность. Как прозорливые соседи, они придумывали средства к обузданию его властолюбия.

Мария Терезия все еще печалилась об утрате Силезии, тем более, что эта страна под «мудрым прусским владычеством расцвела, украсилась и приносила втрое больше доходов». Возвратить ее Австрии в обновленном и улучшенном виде сделалось любимой мечтой королевы-императрицы. Для осуществления ее она не щадила трудов, денег, даже своего самолюбия. Теперь она твердо сидела на престоле империи, все споры о нем были решены Аахенским миром; надлежало только возвратить ему прежний его блеск и славу. Достигнуть этой цели нельзя было иначе, как деятельной и неусыпной распорядительностью внутри государства и влиянием на дворы иностранные. Здесь Мария Терезия является истинно великой государыней, достойной соперницей Фридриха. Стоицизм ее характера приводит в удивление. Кто-то из философов сказал, что самолюбие — вторая жизнь женщины. В этом отношении Мария Терезия была вполне женщиной и никто лучше ее не оправдал изречения философа. Подстрекаемая честолюбием, она забыла почти все условия своего пола: в течение одиннадцати лет мы видим ее попеременно то в рабочем кресле кабинета, в трудах за внутренней реформой империи, то на коне, командующей войсками и упражняющей их маневрами.

Все отрасли австрийского правительства находились в заглохшем состоянии; но она сумела водворить такой

порядок в государстве, что, невзирая на значительные уступки и потери Австрии, доходы ее многим превышали бюджет покойного ее отца, императора Карла VI. Верным помощником во всех трудах служил императрице умный и прозорливый министр граф Кауниц. В то время как Мария Терезия была занята заботами внутреннего управления, он хитро и ловко вел переговоры и завязывал политические узы с другими державами. Сам же император, муж Марии Терезии, не имел никакого влияния надела и ни во что не вмешивался. По внутреннему убеждению корысти и скупости он занимался только денежными оборотами. Эта алчность к деньгам была в нем так сильна, что он иногда жертвовал ей даже самые важные интересы государства и своей супруги. Так, например, в начале новой войны между Австрией и Пруссией он за деньги взялся поставлять по подряду на всю прусскую армию провиант и другие продовольствия (!).

Усиливая армию, умножая доходы, Мария Терезия старалась и вне империи приобрести верных друзей и надежную опору. Переписка ее с Елизаветой Петровной скрепила их дружбу, и обе монархини задумали план, как общими силами мстить непримиримому врагу своему Фридриху. Министры их, граф Кауниц и Бестужев-Рюмин, вполне разделяли ненависть своих государынь к прусскому королю. Главным поводом к недоброжелательству русского двора служили насмешки и остроты Фридриха, которые услужливые дипломатические сплетники торопились передавать императрице и ее первому министру со всеми прикрасами плодового придворного воображения. Женщины не выносят насмешек; в их глазах «нам злое дело с рук сойдет, но мстят за злые эпиграммы...», и потому вражда Елизаветы к Фридриху сделалась непримирима» (Кони. С. 263).

Известно, что русская императрица за время своего правления категорически запретила при дворе беседы на следующие темы: о покойниках, о болезнях, о науках, о красивых женщинах, о французских манерах и о Вольтере. В 50-е годы к этим запретным темам прибавилась еще одна: не позволялось даже упоминать имя «скоропостижного», как говорила Елизавета, короля

Фридриха II. Императрица как-то сказала, что «этот государь (Фридрих. — Ю. Н.) Бога не боится, в Бога не верит, кощунствует над светами, в церковь не ходит и с женою по закону не живет». всю жизнь она опасалась (памятуя о своей узурпации трона), что Фридрих может использовать против нее свергнутого императора Иоанна VI (к тому же родственника своей супруги по Брауншвейгской линии) и попытаться возвести его на престол путем политических интриг или даже нападения на Россию*. Для набожной и подозрительной Елизаветы этого было вполне достаточно, но ее окружение, разумеется, питало неприязнь к Пруссии совершенно по иным причинам.

Как пишут авторы хрестоматийного труда «Во славу Отечества Российского», «участие России в Семилетней войне нельзя рассматривать в отрыве от главных целей и задач внешней политики страны в рассматриваемый период. Усиление Пруссии в середине XVIII столетия создавало совершенно реальную угрозу западным границам России. В правящих кругах России еще в 1740-х годах сложилась идея ослабить в военном отношении Пруссию и ограничить ее экспансию; эта идея была основой решения русского правительства выступить в разгоревшейся в 1756 г. войне на стороне антипрусской коалиции».

В 1753 году между Австрией и Россией был заключен тайный трактат, по которому обе державы обязывались защищать друг друга, а при первом движении Фридриха против соседей напасть на него соединенными силами и возвратить Силезию Австрии. К вступлению в этот оборонительный и наступательный союз была приглашена и Саксония.

Август III, или лучше сказать, наушник его, граф Брюль, и после Дрезденского мира сохранил всю прежнюю ненависть к Фридриху, но положение Саксонского

* Поскольку имя свергнутого монарха было весьма популярным среди гонимых императрицей раскольников, она перевела его из крепости в Холмогорах поближе — в казематы Шлиссельбурга, значительно ужесточив режим содержания узника и отдав приказ о его немедленном умерщвлении в случае попытки освобождения.

курфюршества между владениями прусскими заставляло его действовать осторожно и не подавать повода к новой неприязни. Неожиданное предложение присоединиться к союзу Австрии с Россией было для него истинным торжеством.

«Все прежнее недоброжелательство ожило с новой силой, и надежда на мщение заставила его с восторгом согласиться на желание двух императриц. Тогда к трактату была присоединена новая статья, в которой все три державы предоставляли себе право, в случае войны, разделить между собой Пруссию. Но Брюль — хотя и сторонник активной внешней политики — очень хорошо понимал, что Саксонии, как ближайшей соседке Пруссии, невыгодно будет подать первый повод к войне, а потому он решил действовать на Фридриха через своих более сильных союзников. Каждое слово, сказанное королем в дружеской беседе насчет России или Австрии, подхватывалось его шпионами и с быстротой молнии переносилось к обеим императрицам. Иногда, за недостатком материалов к новым сплетням, Брюль сам сочинял эпиграммы и с истинно придворной обортливостью выдавал их за фридриховские. Больше всего он старался раздражать самолюбие Бестужева-Рюмина, зная, что этот ненасытный честолюбец ничего не пощадит для собственных своих видов» (Кони. С. 266).

Ко всему этому присоединилось новое обстоятельство. Уже давно Англия и Франция соперничали в Индии и Америке. Каждое из этих государств старалось расширить свои колонии в счет другого. «От этого между обоими нациями зародилась тайная вражда: огонь таялся под пеплом, но сами обстоятельства раздували его до тех пор, пока война сделалась неизбежной».

С начала 50-х годов из Северной Америки стали приходить тревожные известия о пограничных стычках английских и французских колонистов. Так, в 1754 году промелькнуло сообщение о том, что 22-летний офицер из Вирджинии Джордж Вашингтон (будущий первый президент США) уничтожил в верховьях реки Огайо отряд французов, убив при этом вышедшего навстречу англичанам парламентаря. К лету 1755 года стычки вы-

лились в открытый вооруженный конфликт, в котором кроме колонистов и индейцев-союзников стали участвовать регулярные воинские части. При заключении Аахенского мира 1748 года было предусмотрено, что специальная смешанная комиссия займется разграничением колониальных владений Англии и Франции. Однако осуществить это не удалось: пограничные споры отражали глубокие противоречия двух колониальных держав, стремившихся к монопольному владению Северной Америкой, Индией и другими заморскими территориями. Столкновения в Америке делали неизбежной и войну Англии и Франции в Европе.

Французское правительство для обеспечения своих колоний решило послать в Северную Америку несколько военных кораблей. Английский адмирал Эдвард Боскейвен, командовавший Североамериканской эскадрой, посчитав распоряжение Франции враждебным действием, напал на два военных судна на высоте Ньюфаундленда и овладел ими (1755). Французы, со своей стороны, схватили несколько английских купеческих кораблей. Затем вся английская флотилия пустилась в океан на охоту за французскими судами. Оба флага приветствовали друг друга не иначе, как добрым залпом со своего борта и вслед за тем абордажем. Таким образом, обе державы были вовлечены в войну. В 1756 году Англия решила объявить Франции войну в Европе.

Своеобразие положения Англии тех времен, как я уже говорил, состояло в том, что английский король Георг II являлся одновременно курфюрстом расположенного на севере Германии Ганновера. Георг II опасался, что в случае англо-французской войны Ганновер не сможет оказать сопротивления французской армии и будет ею оккупирован. Эти опасения были небезосновательны, ибо французы, опираясь на союзный договор с Пруссией, начали убеждать Фридриха II напасть на Ганновер. Зная, что прусский король легко может вторгнуться в ганноверские владения, Георг II решил обратиться к России. Русское правительство взялось за 150 тысяч фунтов стерлингов выдвинуть к прусской границе 50-тысячное войско, чтобы в случае нападения Фридриха на Ганновер ударить ему в тыл.

Обо всех действиях европейских дворов Фридрих имел полные и подробные сведения. О намерениях России он мог знать от наследника престола Петра Федоровича, который был одним из первых его почитателей. За хорошую плату король нашел шпионов при венском и дрезденском кабинетах. «Где только есть люди и страсти, там за предателями никогда дело не станет»: тайный секретарь Августа III, Менцель, доставлял Фридриху копии со всех бумаг, входящих и исходящих, со всех писем и депеш, даже с каждой мелкой записочки Брюля. Из этих копий король узнал о своем опасном положении. Не надеясь на Францию, с которой не ладил, он решил лучше попытаться склонить на свою сторону Англию.

Как мы помним, в кампании 1740—1748 годов Георг принял сторону Австрии, поскольку его извечный враг — Франция находилась в союзе с Фридрихом. Тогда он предоставил Марии Терезии огромные денежные субсидии общей суммой 300 миллионов фунтов стерлингов. Этот шаг стал в Англии столь же непопулярным, как и ведение Георгом войны на немецкой земле, причем не за интересы Великобритании, а ради защиты своих наследственных ганноверских владений. Все это привело к огромным расходам и росту национального долга. Теперь же ситуация в Европе изменилась. Россия была ярим врагом Фридриха, Франция к тому времени почти открыто перешла на сторону противников Пруссии, а гарантом целостности Ганновера от посягательств французов теперь не могла стать союзная с ними Австрия. Оставалась только Пруссия.

Сведения о франко-пруссских переговорах на случай новой войны и удаленность Российской империи вынудили английское правительство предложить Пруссии (за крупную денежную сумму) гарантировать нейтралитет Германии, в том числе и Ганновера, а также воспрепятствовать вторжению в нее иностранных войск. Это же вполне соответствовало интересам Пруссии.

Для выполнения своих планов Фридрих прямо обратился к Георгу II, обещая охранять его германские владения и даже защищать их от нападения других держав, если Англия прервет свои переговоры с Россией

касательно вспомогательного корпуса. Георг охотно согласился на это предложение — и земли его были в безопасности, и британские гиней оставались дома. Фридрих тоже колебался недолго и, не дожидаясь истечения союзного соглашения с Францией, пошел на подписание Уайтхоллского договора. Итак, 27 января 1756 года между Англией и Пруссией был составлен союз во дворце Уайтхолл. По этому договору, получившему название Уайтхоллского, или Вестминстерского, каждая их сторон провозглашала мир и дружбу и обязывалась объединить свои силы для отпора вторжения в Германию «какой-либо иностранной державы». Англия со своей крошечной армией, составленной преимущественно из ганноверских и немецких наемников, не могла, конечно, оказать пруссакам сколько-нибудь действенной военной помощи, поэтому Георг предоставил Фридриху денежные субсидии (впрочем, крайне ему необходимые для ведения войны). На первых порах англичане выделили Берлину 20 тысяч фунтов с гарантией оказывать эту помощь и впредь.

Посредством влияния Англии на петербургский кабинет Фридрих надеялся склонить и Россию на свою сторону. Как я уже говорил раньше, еще в 1747 году Англия с подачи Бестужева связала Россию так называемой «субсидной конвенцией», по которой русское правительство обязалось за соответствующую денежную субсидию выставить корпус для защиты владений английского дома в Ганновере. В 1755 году англо-русская «субсидная конвенция» была возобновлена, причем на более широких началах. Поэтому и англичане, и Фридрих надеялись, что Россия будет вынуждена примкнуть к подписанному в Вестминстере соглашению. Но этот расчет не оправдался: ненависть императрицы и Бестужева превозмогли и золото, и красноречие англичан.

Известие о Вестминстерском союзе произвело сильное волнение в кабинетах. Договор сыграл важнейшую роль в дипломатической подготовке Семилетней войны. Он послужил толчком к сближению Франции с Австрией и Россией и определил окончательную расстановку сил в предстоящих сражениях.

Однако, говоря об объективных военно-политических процессах, происходящих в это время в Европе, не следует забывать еще об одном аспекте тогдашней политики — дворцово-придворном. В эпоху абсолютизма, когда интриги фаворитов и царедворцев могли оказывать решающее влияние на политику любого монарха, значение этого фактора трудно переоценить, как бы не было похоже изложение этих событий на светский роман в духе Дюма или Дрюона.

Целые поколения европейских дипломатов и военных выросли на традициях многовековой борьбы Бурбонов и Габсбургов в Европе. Из памяти жившего в 50-е годы поколения еще не успела изгладиться порожденная этой неизбывной враждой война за Австрийское наследство. И лишь самые прозорливые политики сумели заметить, что война эта внесла коренные изменения в расстановку сил в Европе.

Сдвиги эти состояли в неуклонном ослаблении обеих основных враждующих сторон — Австрии и Франции при неуклонном росте могущества Пруссии. Аахенский мир 1748 года зафиксировал фактическое поражение Австрии, которая отдала своим противникам часть издревле принадлежавших Габсбургам земель и, главное, уступила Пруссии Силезию. Я говорю об этом так подробно потому, что считаю необходимым показать истоки кровной вражды австрийцев к пруссакам и опровергнуть тезис об их так называемом «пособничестве» Фридриху в Семилетнюю войну.

Насильственно отторгнутая у Австрии, Силезия являлась одной из наиболее важных для империи и промышленно развитых провинций. К слову, за истекшее после Дрезденского (и Аахенского) мира десятилетие население Прусского королевства почти удвоилось, адекватно увеличилась армия. Таким образом, к середине столетия прусская военная машина была полностью готова к бою, в то время как австрийцы с трудом восстанавливали свои силы после восьмилетней войны на нескольких фронтах. Венские политики уже в конце 40-х годов стали понимать, что их истинным противником становится не Франция Бурбонов, а Пруссия Гогенцоллернов, и что именно честолюбивый и агрессивный

король Фридрих, а не инертный и всецело находящийся под властью фавориток Людовик, представляет наибольшую угрозу для владений Габсбургов (если не во Фландрии и Италии, то в их цитадели — Германии). Понимание этого факта и стало вектором того сближения, которое увенчалось Версальским союзным договором 1756 года.

Инициатором этого странного сближения стал уже неоднократно упоминавшийся канцлер Марии Терезии фон Кауниц-Ридберг, который с большим трудом сумел преодолеть взаимный антагонизм как своей династии, так и Франции*. Последняя была, видимо, недовольна заключением договора в Лондоне и называла поступок Фридриха изменой, а Мария Терезия стала изыскивать средства, чтобы сблизиться с Людовиком Французским. Поскольку в это время надежды Версаля на союз с прусским королем в войне против Англии рухнули, то опасения остаться вообще без союзников повлияли на решение заключить союзный договор с Австрией.

При этом следует иметь в виду, что инициатива этого противоестественного сближения целиком принадлежала Австрии. Хотя Людовик XV и его министр аббат

* Кауниц Антон Венцель Доминик фон, граф Ридберг (1711—1794) — государственный канцлер Австрии в 1753—1792 годах. Был примечательной личностью. Известно, например, что этот выдающийся политик и дипломат до странности дорожил своим здоровьем: он не употреблял в пищу ничего, кроме вареной курицы с рисом, и не пил ничего, кроме своей любимой минеральной воды. Если Кауницу случалось участвовать в трапезе где-нибудь вне его дома, канцлера всегда сопровождал личный повар с запасом его любимого блюда и минеральной водой, которой он полоскал рот после каждого съеденного куса еды. Даже свой многочисленный гардероб Кауниц отправлял стирать исключительно в Париж, полагая, что лишь там его могут привести в должное состояние. Кауниц не терпел любого упоминания о смерти: если кто-либо из известных ему людей умирал, канцлеру полагалось докладывать, что «такой-то уехал» или «такой-то отложил перо». Впрочем, несмотря на все эти причуды, князь по праву заслужил лавры одного из крупнейших политических деятелей Европы середины XVIII столетия.

Берни тревожились по поводу усиления Пруссии, решительных шагов по заключению союза со своими исконными врагами — Габсбургами — делать они не хотели. Первое предложение Кауница о союзе было отвергнуто Версалем из-за прогноза, что в случае возникновения новой войны в Германии, Франция (как и в 1741—1748 годах) вновь станет союзницей Пруссии. Французское правительство предпочитало союзу с Австрией союз с Пруссией, но последняя уже сама не стремилась к этому. Все переговоры с Францией Марии Терезии (с подачи Кауница) пришлось вести через всемогущую фаворитку Людовика. Австрийская императрица-королева унизила свою гордость до того, что неоднократно писала маркизе Помпадур*, льстила ее самолюбию, называла ее в письмах «сестрой», «милой кузиной» и т. п. Вследствие этого, когда Мария Терезия коснулась настоящей цели своего сближения, г-жа Помпадур изъявила полную готовность исполнить желание императрицы, тем более, что сама почитала себя обиженной Фридрихом, о чем свидетельствуют два исторических анекдота.

В свое время Вольтер, прибыв в Потсдам, привез Фридриху от маркизы Помпадур самый нежный и обязательный поклон. «От кого?» — спросил Фридрих. «От госпожи Помпадур». — «Я ее не знаю», — отвечал король холодно.

Все иностранные министры и посланники являлись к ней на поклон, один прусский посол никогда не считал нужным исполнять принятый этикет. Кроме того, Фридрих смертельно уязвил гордую временщицу своим остроумным подразделением правления Людовика на царствование «трех юбок» (*Les trois Cotillons*). Графиню де Мальи он называл *Cotillon I*, герцогиню Шатору — *Cotillon II*, маркизу Помпадур — *Cotillon III*. Свою роль во всем этом сыграл и Уайтхоллский договор — Версаль (в лице аббата Берни и маркизы Помпадур) вос-

* Пуассон Жанна Антуанетта, маркиза де Помпадур (1721—1764) — наиболее всемогущая из фавориток короля Людовика XV, фактически правившая Францией в период Семилетней войны.

принял этот союз как открытый переход прусского короля в стан врагов Франции и немедленно начал переговоры с Марией Терезией. Несмотря на то что король, большинство его министров и все французское общество были против заключения «ненужного и вредного союза», он все же был подписан.

Итак, второй союз — между Францией и Австрией против Англии и Пруссии — составилсЯ через три месяца после Уайтхоллского пакта, 1 мая 1756 года, в Версале: «оскорбленное самолюбие и мстительность двух женщин превозмогли вековую вражду двух народов». Согласно договору, оба государства взаимно гарантировали свои владения и обязывались оказывать друг другу военную помощь.

Оба этих документа явились полной неожиданностью для большинства даже опытных дипломатов. Русские посланники сообщали из многих европейских столиц о том изумлении, в которое повергли государственных деятелей эти соглашения. Удивляться, действительно, было чему, что я и описал выше.

Как же развивались события в других странах — противниках Фридриха? Как я уже говорил выше, власть в России со времен воцарения Елизаветы уплыла из рук императрицы и безраздельно перешла в компетенцию так называемой Конференции — коллегии фаворитов, приведших дочь Петра к власти в 1741 году. Этот государственный орган вскоре преподнес Европе третий сюрприз — помимо Уайтхоллского и Версальского договоров началось восстановление давно разорванных в силу непримиримых противоречий русско-французских отношений, а также разрыв России с ее традиционной партнершей и союзницей — Англией. Эти события, как и австро-французское сближение, вызревали давно.

Как уже говорилось, в 1755 году Бестужев хлопотал о заключении так называемого «субсидного» договора с Англией. Королю Георгу надлежало дать золото, а России — направить в Ганновер против возможно объединившихся французов и пруссаков корпус в 30 — 40 тысяч человек. Не говоря уже о полной бредовости идеи сокрушить Фридриха такими незначительными силами,

вскоре, как нам уже известно, ситуация изменилась в корне. Поэтому при русском дворе некоторое время наблюдалось колебание между английским и французским влиянием. Однако вскоре ход событий сделался совершенно непредсказуемым.

Задолго до Уайтхоллского и Версальского договоров по секретному заданию короля Людовика в Петербург прибыл шотландец Маккензи Дуглас. Через французского купца Мишеля он установил связь с вице-канцлером М. И. Воронцовым, а через него — непосредственно с Елизаветой. Императрица выразила желание принять французского посланника и восстановить русско-французские отношения. Переговоры проходили в обстановке сугубой секретности — о них не знали ни французское министерство, ни канцлер Бестужев-Рюмин.

Завеса тайны, окружавшей переговоры, породила легенду о девице Лии де Бомон, приехавшей со своим дядей Дугласом в Россию и по заданию Людовика внедрившейся в окружение Елизаветы. Прекрасная француженка — эталон ума, элегантности и красоты — сумела так расположить к себе императрицу, что Елизавета безо всяких колебаний согласилась на сближение с Францией. Когда задание Людовика было выполнено, девица призналась Елизавете, что на самом деле она является мужчиной — кавалером Эоном де Бомон, вынужденным для конспирации обрядиться в женское платье. Как известно, эта легенда была впоследствии подхвачена бульварной литературой и стала весьма популярной. Исследования французских и русских историков показывают полную ее несостоятельность и позволяют установить, что секретарь Дугласа Эон де Бомон, прибывший в Россию летом 1756 года, когда русско-французские отношения были уже налажены, не переживал таких романтических приключений, а действительно замеченная за ним привычка одеваться в женское платье характеризует не его феноменальные способности к конспирации и лицедейству с превращениями, а известную сексуальную патологию.

Истинные причины быстрого франко-русского сближения были, как это часто бывает в истории, более про-

заичны. Франция в преддверии войны с Англией была заинтересована в России в качестве если не союзника, то по крайней мере нейтрального государства. Версаль располагал сведениями о том, что в придворных кругах Петербурга существует группировка, ратующая за восстановление русско-французских отношений. Во главе ее стояли молодой фаворит императрицы И. И. Шувалов и вице-канцлер М. И. Воронцов. В последние годы императрица стала тяготиться огромным влиянием на внешние дела канцлера А. П. Бестужева-Рюмина, который, не считаясь с мнением других, придерживался ранее избранного внешнеполитического курса и тесно сблизился с английским посланником Уильямсом. Опираясь на Воронцова, Шувалов, неуязвимый для Бестужева-Рюмина близостью с императрицей, пытался противопоставить его доктрине такую внешнеполитическую альтернативу, которая бы позволила ослабить влияние канцлера. Именно для этого в придворной игре и была разыграна «французская карта».

Однако долгое время попытки группировки Шувалова — Воронцова поколебать положение канцлера не приносили реальных результатов. Переговоры о восстановлении русско-французских отношений могли и не увенчаться успехом, несмотря на богатые подарки собоями маркизе Помпадур: ведь никто заранее не мог сказать, что предъявит в качестве контраргумента умудренный многолетним опытом интриг Бестужев-Рюмин.

Во время сближения русского и французского дворов он уверенно вел переговоры с противником Версаля — Англией о заключении очередной субсидии конвенции, подобной тем, которые были подписаны в 1746 и 1747 годах. Конвенция предусматривала при необходимости участие русского корпуса в военных действиях в Европе для защиты интересов английского короля. Правда, долго оставался неясным вопрос, против кого будет действовать корпус. Уильямс и Бестужев-Рюмин полагали, что против французов, как это и было в 1748 году. В сентябре 1755 года соглашение было подписано, осталось только его ратифицировать, но внезапно было получено сообщение о заключении Уайтхоллско-

го соглашения Англии с Пруссией. Убежденный англофил и искушенный политик, Бестужев был немало удивлен и раздражен неожиданным сближением Англии и Пруссии и заключением Вестминстерского договора.

Англо-прусское соглашение в корне меняло ситуацию: заключив союз с Пруссией, Англия тем самым ставила под сомнение союзные отношения с Россией. Послу в Лондоне А. М. Голицыну было поручено довести до сведения Уайтхолла следующее заявление русского правительства: заключение конвенции с Пруссией «не можем мы сообразить с обнадеживаниями толико нам о дружбе Е. В. (Ее величество. — Ю. Н.) повторенными, а наименьше с должною между союзниками откровенностию». А Коллегия иностранных дел подала императрице мнение, в котором отмечалось, что Уайтхоллский трактат автоматически аннулирует субсидное соглашение между Англией и Россией. Несмотря на то что Уильямс гарантировал, что дружественные отношения между Россией и Англией не будут нарушены, Елизавета отказалась ратифицировать уже подписанный договор, сделав оговорку, что русские войска будут защищать Ганновер на британские субсидии только против пруссаков, но не против какой-либо третьей страны.

В свою очередь, Людовик XV (после увенчанной успехом миссии Дугласа) также писал Елизавете, прося освободить его от помощи России в турецких делах. Императрица согласилась с этим предложением, но поставила свое условие: не вмешивать ее в разворачивающийся англо-французский конфликт в Америке. Заручившись взаимными гарантиями, обе страны стали союзниками. Россия уже фактически присоединилась к Версальскому союзу.

Весной 1756 года Конференция при высочайшем дворе постановила обратиться к Австрии с предложением воспользоваться англо-французской войной в Америке и выступить против Пруссии, чтобы вернуть Силезию. Россия со своей стороны была готова «для обуздания прусского короля» выставить 80 тысяч человек, а если потребуется — то и больше. Конференция решила также умножить усилия для налаживания хороших отношений с Францией, чтобы склонить ее к войне

с Пруссией. Конечная цель этих действий состояла в том, чтобы, «ослабя короля прусского, сделать его для России не страшным и не заботным; усиливши венский двор возвращением Силезии, сделать союз с ним против турок более важным и действенным». Это решение было изложено в протоколе Конференции от 15 (26) марта 1756 года. Последняя нашла необходимым, чтобы «все согласно служило к главному устремлению, а именно, чтобы короля прусского до приобретения новой знатности не допустить, но паче силы его в умеренные пределы привести и одним словом не опасным уже его для здешней империи сделать».

Таким образом, очень скоро правительство Елизаветы приняло вполне определенное решение — выступить на стороне антипрусской коалиции. Это стало самой большой удачей Брюля в довоенный период: Бестужев был настроен против Фридриха до того, что на совете министров еще в 1755 году убедил Елизавету прибавить к Венскому трактату новую статью, которой союзные державы обязывались напасть на Пруссию даже и в том случае, если война будет начата кем-нибудь из союзников. Хотя приведенные соображения русского правительства нельзя считать безосновательными, тем не менее выдвинутая цель войны не содержала элементов настоятельной необходимости, не носила того решительного, прямо отвечающего национальным интересам характера, который в полной мере был присущ войнам России петровского или екатерининского периода. Такую цель можно признать в известной мере ограниченной.

Данный момент не мог не оказать сдерживающего, снижающего активность влияния на стратегию русских вооруженных сил в Семилетней войне: он толкал на практике военных руководителей — членов Конференции и командующих армиями независимо от их принципиальных взглядов на путь сближения в той или другой мере с методами западноевропейской стратегии.

Между тем в Швеции произошел серьезный государственный переворот. Царствующий король Адольф I Фредрик утратил свое влияние на дела и не имел почти никакого голоса: всей правительственной властью овла-

дел шведский государственный совет (риксдаг), который продавал и мнения, и войска свои за деньги. Этим воспользовалась Франция, не жалея льстивых обещаний и луйдоров, и вот Швеция присоединилась к общему союзу Франции, Австрии, России, Польши и Саксонии.

Таким образом, стараниями первого министра Марин Терезии была составлена так называемая «коалиция Каунца», в которую первоначально вошли Австрия, Франция и Россия. Впоследствии к ним присоединились Саксония и Швеция. Требования стран-участниц были следующими: Австрия желала возвращения Силезии, России была обещана Восточная Пруссия с правом ее обмена у Польши на Курляндию, номинально принадлежавшую польской короне (фактически — уже давно российский доминион). Швеции должна была отойти Померания, Саксонии — Лаузиц. Окончательным результатом войны против Фридриха должно было стать возвращение Пруссии в старые границы крошечного Бранденбургского курфюршества с лишением Гогенцоллернов королевского титула. Вскоре к коалиции примкнули почти все немецкие княжества, входившие в управляемую Габсбургами Священную Римскую империю. Душой и организатором коалиции стала Австрия, которая выставила наиболее крупную армию и располагала лучшей в Европе дипломатией. Для окончательной выработки плана агрессии против Пруссии был назначен Венский конгресс стран-союзниц.

«Освободительные» и «оборонительные» цели России становятся особенно понятными при первом упоминании о «приобретении» Восточной Пруссии. Дело в том, что эта прусская провинция — наследие Тевтонского ордена — никогда не входила в состав Священной Римской империи и не находилась под формальным сюзеренитетом Габсбургов. В 1701 году Фридрих I воспользовался этим фактом, чтобы провозгласить себя «королем в Пруссии», не испрашивая согласия у Вены, а лишь принеся вассальную присягу Речи Посполитой, которая имела права сюзерена над Восточной Пруссией. Теперь русские могли присвоить себе земли в окрестностях Кенигсберга, не ущемляя «целостности и единст-

ва» земель германской империи, гарантом которых от посягательств иностранных держав обязаны были выступать Габсбурги, и при этом не испортить отношений с Австрией.

В ответ на обращение русского правительства Мария Терезия уведомила Елизавету о заключении Версальской конвенции и предложила присоединиться к ней, а также заключить с Австрией наступательный союз против Пруссии. Оба этих предложения русское правительство приняло, причем материалы переговоров свидетельствуют, что оно считало необходимым как можно раньше начать войну против Фридриха II, чтобы не дать ему разбить союзников поодиночке.

Опасения русского правительства оправдались. Фридрих довольно быстро узнал о русско-австрийских переговорах по поводу заключения наступательного союза и об интенсивной подготовке России и Австрии к войне. Прусский король вполне обоснованно считал, что в создавшейся обстановке «нет другого спасения, как предупредить врага; если мое нападение будет удачно, то этот страшный заговор исчезнет как дым; как скоро главная участница (Австрия) так будет снесена, что не будет в состоянии вести войну в будущем году, то вся тяжесть падет на союзников, которые, конечно, не согласятся нести ее». Этот отрывок хорошо передает спекулятивный ход размышлений Фридриха, строившего свою политику в расчете на выигрышные для него последствия каких-то других предполагаемых действий. Моральная сторона дела — то, что он будет пусть не фактически, но формальным зачинщиком войны, — не смущала прусского короля.

Фридрих, глядя на обилие врагов и острую нехватку союзников, мог рассчитывать только на свои собственные силы. И силы у него были.

К середине 50-х годов Пруссия стала опасным врагом для любой европейской державы. Энергичный 44-летний Фридрих, имевший за плечами серию побед в войне за Австрийское наследство, жаждал нового столкновения. Война за новые территории вытекала из основ прусского военного государства и казалась королю нормальным состоянием, тогда как мир — лишь пере-

дышкой для накопления сил для новой войны. Нужно отдать Фридриху должное: экононый до аскетизма, но не жадный, он сумел образцово поставить хозяйство увеличившегося после захвата Силезии королевства. В то время как его коронованные соседи беззаботно и весело проматывали миллионы, Фридрих деятельно готовился к войне.

На протяжении ряда лет бюджет Пруссии не знал дефицита. Возрождение после захвата Силезии доходы королевства, различные меры по экономии расходов позволили Фридриху скопить для военных затрат значительную сумму и провести несколько кампаний без ущерба для экономики и не прибегая к иностранным субсидиям. Подлинной страстью короля-полководца была армия.

Несмотря на потери в войне за Австрийское наследство, прусская армия увеличилась со 100 тысяч в 1740 году до 145 тысяч человек в 1756-м. Склады и магазины ломились от огромных запасов вооружения, амуниции, продовольствия. Сама армия, подчиненная жесточайшей дисциплине, являлась хорошо отлаженной машиной, готовой по первому приказу короля в считанные дни выступить в поход. Недостатки ее, как и несовершенство всей стратегии и тактики Фридриха II, выявились позже, в ходе Семилетней войны, но до ее начала прусская армия представлялась внушительной силой и ее превосходство в организации и подготовке над другими армиями бросалось в глаза многим.

Против всех своих врагов Фридрих мог выставить только четырех союзников: короля английского, ландграфа Гессен-Кассельского и герцогов Брауншвейгского и Готского, которые обещали подкрепить его силы своими незначительными войсками. Но прежде начала враждебных действий в Германии Англия вступила в борьбу с Францией на море: корабли обеих держав встретились уже в Атлантическом океане. Все внимание Георга было обращено на эту войну, а между тем около границ Пруссии, во всех соседних государствах начались военные приготовления. В Лифляндии собиралась значительная русская армия; в Богемии сосредоточивались австрийские войска, везде устраивали ма-

газины, улучшали дороги. По всему было видно, что враги желали начать свои действия еще в течение этого года.

Фридрих отправил в Вену посольство с требованием объяснения насчет этих военных приготовлений. Ему отвечали неопределенно, в загадочных выражениях. Фридрих повторил свой запрос, но на этот раз посол его был принят сухо, надменно и не получил никакого ответа. Фридрих принял это за явный знак недоброжелательства и поторопился приготовить свои войска для предупреждения неприятных действий своих противников.

Через кабинетных шпионов он узнал, что враги условились начать свои действия не ранее следующего года, потому что снаряжения их к войне не были закончены. Брюль выговорил себе право пристать к союзникам не прежде, как с началом войны, или, как он сам выражался, когда «рыцарь уже зашатается в седле». Курфюрст Саксонский хотел под видом нейтралитета пропустить Фридриха II с армией в Богемию через свои владения, чтобы потом вернее ударить ему в тыл. Таким образом, Брюль сделал ошибку, ставшую для Саксонии гибельной: он рекомендовал своему королю не присоединяться к коалиции до тех пор, пока Фридриху не будет нанесен решительный удар (однако все сложилось по-иному — король Пруссии не стал ждать нападения, а ударил первым и именно по оказавшейся в одиночестве Саксонии, сразу выбив из стальной цепи противников самое слабое звено).

Этот замысел заставил Фридриха обратить особенное внимание на Саксонию, и он решил овладеть ей, силой принудить Августа III вступить с ним в союз и действовать в пользу Пруссии. Король делал все необходимые к тому распоряжения так скрытно, что не только неприятель, но даже ближайшие к нему полководцы не могли отгадать настоящих его намерений. Только перед самым открытием похода он созвал военный совет, изложил ему причины, побуждающие его к поднятию оружия, представил копии со всех актов, заключенных его врагами, и открыл наконец план своих действий. План был всеми одобрен единодушно, и вслед за тем

Прусская армия в походе. 1756 год

войска двинулись в поход. Между тем ко всем дворам были отправлены списки с полученных им от Менцеля бумаг, чтобы открыть перед всеми державами замыслы соседей и показать законность своего предприятия.

Впоследствии Фридрих писал, что «в политике задерживаться пустыми формальностями в таком важном деле было бы непростительной ошибкой... нерешительность и медлительность могут погубить все, а спасти может только быстрота и сила». В его «Истории Семилетней войны» эта мысль выражена более откровенно: истинные государи сами решают, когда им нужно начать войну, ведут ее, а какому-нибудь «трудолюбивому юристу предоставляют найти оправдание». Когда министр иностранных дел Подевильс пытался отговорить короля от решительных действий, указывая на возможность мирного разрешения конфликта и огромный риск, которому бы подверглась Пруссия в случае начала войны по его инициативе, Фридрих не стал слушать своего министра и выпроводил его словами: «Прощайте, человек трусливой политки». Жребий был брошен.

Пока союзники делили шкуру неубитого медведя, Фридрих II решил не дожидаться их выступления и действовать первым. Целью его первого удара стала Саксония. В отличие от европейских монархов планы короля приводились в исполнение скрытно: о них не знали не только разведки противника, но и собственные генералы Фридриха. Впрочем, французский посланник в Бер-

лине маркиз Валори почуял неладное и известил Париж о готовящемся вторжении в Саксонию — его не послушали.

Наши историки многословно клянут «разбойничью агрессию» Пруссии против Саксонии, ставшей, по их мнению, причиной Семилетней войны, которая со стороны союзников (и уж, конечно, в первую очередь России) носила «справедливый» характер с целью «обуздать зарвавшегося завоевателя». Надеюсь, что перечисленные выше факты помогут понять весь идиотизм этих утверждений.

Когда Вольтер узнал о новой войне, предпринимаемой Фридрихом, он написал ему послание в стихах, где упрекал его за то, что он променял жезл мудреца на меч завоевателя. Фридрих отвечал ему также в стихах, говорил, что всегда предпочитал счастье мира суровому закону войны, но что он, поднимая меч, исполняет только веления судьбы. Далее он желает Вольтеру всех наслаждений, какие могут доставить мудрецу уединение и науки, и заключает свое послание следующими строками: «Я должен пред бедою, в борьбе с коварною судьбою, жить, мыслить, умереть — как царь!»

29 августа 1756 года войска Пруссии численностью 67 тысяч человек тремя колониями перешли саксонскую границу.

НАЧАЛО СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

Кампания 1756 года

«Шаг, сделанный Фридрихом, был отважен, но необходим. Только решительность и быстрота могли ему дать некоторый перевес над многочисленными неприятелями, которые со всех сторон окружили его государство. Ударив на врагов прежде, чем они успели вооружиться, Фридрих надеялся отвести войну от границ Пруссии». Для прикрытия королевства от России он оставил двадцатидвухтысячный восточнопруссский гарнизон под командой фельдмаршала Левальда*. Фельдмаршал Шверин с 26 тысячами войска занял укрепленный лагерь близ Кенигин-Греца и прикрыл Силезию. А сам Фридрих II в главе 56-тысячного войска пошел в Саксонию. Вся армия его была разделена на три главных корпуса. Первый под начальством принца Фердинанда Брауншвейгского** отправился из Магдебурга через Лейпциг, Хемниц и Фрейберг в Котту; второй корпус сам король повел в Пречь, приказав в то же время принцу Морицу Дессаускому овладеть Виттенбергом; потом оба отряда соединились при Торгау и переправились через Эльбу. Третий корпус под командой герцога Брауншвейг-Бевернского через Лаузиц, Бауцен и Штольпе пошел в Богемию.

Накануне похода Фридрих созвал военный совет, на котором объяснил генералам причины, побуждающие его выступить против коалиции, и представил копии дипломатических документов, полученных от Мен-

* Левальд Иоганн фон (1685—1768) — граф, прусский генерал-фельдмаршал, губернатор Восточной Пруссии.

** Фердинанд, герцог Брауншвейгский (1721—1792) — союзник Пруссии в Семилетней войне, генерал-фельдмаршал. Разбил французов при Крефельде и Миндене.

целя. Подобные копии были разосланы во все европейские столицы.

Неожиданное появление прусских войск в Саксонии до того поразило Брюля, что он не знал, что делать. Встретить Фридриха с оружием в руках он не решался, потому что саксонские войска были разбросаны по всему курфюршеству, к тому же и сами приготовления к войне не были закончены. Вся армия, которую Август III мог наскоро соединить, состояла из 17 тысяч человек и была, стало быть, почти вдвое слабее прусской. Оставалось одно средство: объявить Саксонию нейтральной или со всей армией перейти в Богемию, чтобы там соединиться с австрийцами. Но французский посланник граф Брولي советовал собрать войско в укрепленный лагерь, где бы можно было закончить необходимые приготовления к войне и спокойно дожидаться подкрепления со стороны Австрии.

Совет его был принят. Возвышенная равнина между Пирной и могучей крепостью Кенигштейн, простирающаяся на четыре мили, была выбрана для лагеря. Граф Рutowский быстро вывел туда войско, не позаботясь наперед о его продовольствии; за ним последовали король Август и граф Брюль. Естественное положение равнины делало ее почти неприступной, только в немногих местах можно было в ущельях проложить к ней армейскую дорогу, но и тут саксонцы защитили себя сильными батареями и палисадами. «Оттуда они смело могли смеяться над тщетными усилиями неприятеля; но в то самое время, как они почитали себя неприкосновенными, тайный, невидимый враг уже подкрадывался в лагерь — это был голод». В несколько недель весь провиант истощился, а новых подвозов не было, потому что Фридрих перерезал все сообщения.

Хотя Фридрих был крайне раздосадован тем фактом, что саксонская армия ускользнула от него без единого выстрела и преградила ему своим лагерем прямой путь в Богемию, он принял деятельные меры, чтобы принудить Августа III действовать согласно своим планам.

Найдя Саксонию совершенно беззащитной, он быстро разместил в ней свои войска. Виттенберг, Торгау, Лейпциг и другие города были им заняты почти без со-

противления. 9 сентября он торжественно въехал в Дрезден и расположил около столицы Саксонии свои войска так, что между ней и саксонским лагерем не могло существовать никаких сношений.

В Дрездене Фридрих издал манифест, в котором объявил, что обстоятельства войны заставляют его взять Саксонию на время под свое управление, «как залог безопасности германских держав». Вслед за тем из богатых арсеналов в Дрездене, Вейсенфельсе и Торгау были выбраны все пушки, ружья, амуниционные и полевые запасы и отправлены в Магдебург. Саксонское министерство было упразднено, зал совета заперли, все канцелярии опечатали. В Дрездене учредилось временное прусское управление. Все казенные суммы во всем курфюршестве были отобраны. Но Фридрих строго наблюдал за тем, чтобы никто из саксонских подданных не был обижен, обременен налогами или лишен собственности. Эта мера заставила саксонцев довольно равнодушно смотреть на постигшее их несчастье. Для народа, собственно, никаких существенных перемен не произошло. Даже сановники, уволенные от должностей, были обласканы Фридрихом и ежедневно приглашались к его столу. Супруге Августа и его детям, о которых беспечный польский король, по обыкновению своему, не подумал в минуту опасности и которые остались в Дрездене (сам король выехал в Пирненский лагерь), Фридрих оказывал все почести и знаки уважения.

Между тем внезапный захват Саксонии произвело страшный шум в Европе. Враги Фридриха жаловались и кричали о нарушении всех народных прав. Император отправил Фридриху указ, которым повелевал ему, как возмутителю, «оставить свое неслыханное, дерзкое и достойное строгого наказания намерение, заплатить польскому королю (имеется в виду Август. — Ю. Н.) за все причиненные ему убытки и спокойно возвратиться в Пруссию, если он не хочет испытать всей строгости императорского суда». В то же время было разослано ко всем генералам и полковникам приказание «немедленно оставить безбожного и дерзкого бунтовщика или страшиться гнева императора, который будет для них немилосердным судьей».

Поведение прусского короля было признано виновным всеми державами единогласно, и Фридрих понял необходимость оправдаться в глазах европейских дворов. Он решил обнародовать все довоенные козни Австрии и Саксонии, побудившие его к решительным мерам для спасения собственного королевства.

Для этого он имел нужду в подлинных бумагах, но государственного архива в Дрездене уже не было. Фридрих не мог допустить мысли, чтобы Август III захватил с собой архив, когда второпях и страхе забыл даже свое семейство. Все углы и закоулки в Дрездене были обшарены, но бумаг не отыскивалось. Наконец Фридриху шепнули, что архив перенесен в опочивальню королевы и что у нее хранятся и ключи. Фридрих послал к ней одного из своих генералов с просьбой выдать ключи. Она не соглашалась, посланный настаивал и, несмотря на ее сопротивление, просьбы и обещания, объявил, что имеет приказание действовать решительно, но умолял, чтобы Ее величество, из милости, не заставляла его прибегнуть к оскорбительному насилию.

Ключи были ему отданы, и архив немедленно отправлен в Берлин. Там отличный дипломат своего времени, министр Герцберг, составил свой знаменитый «Memoire raisonne», в котором были приведены все оригинальные акты о союзе держав против Фридриха и план дележа Пруссии. Брошюра была напечатана в Берлине и разослана ко всем кабинетам с копиями с подлинных бумаг. Против этих доказательств даже австрийский двор не нашел оправданий.

При розыске архива было обращено особенное внимание на дом Брюля. Во время обыска пруссаки открыли комнату, наполненную париками. Фридрих приказал их сосчитать и узнав, что их триста, воскликнул: «Бог мой! Сколько париков нужно человеку, у которого нет головы!» Дом Брюля был обращен в казарму по приказанию короля. «Если этот человек не боялся разорить целый народ бесполезной войной, — сказал Фридрих, — то пусть он один и пострадает от ее следствий».

Между тем с самого вторжения в Саксонию Фридрих завел дружескую переписку с Августом III. Он приглашал его принять решительный нейтралитет или встать

на его сторону и общими усилиями действовать против австрийцев. Август не соглашался. Он знал, что силой оружия пруссаки не могут ему повредить, потому что каждая атака на его лагерь была бы безрассудной и бесполезной попыткой с их стороны; сам же он не решался выйти из своей засады до прибытия австрийских войск. Фридриху это было весьма неприятно, но он постарался принудить Августа к решительным мерам другими средствами. «Как паук, увидавший насекомое в своей власти, он опутывал свою жертву, окружая ее со всех сторон войсками и уничтожая всякое сообщение с саксонским лагерем, он надеялся победить неприятеля голодом». Одни транспорты провизий для королевской кухни пропускались сквозь прусские кордоны, так что беспечный Август, не терпя ни в чем недостатка, и не подозревал о печальном положении своей армии. Из-за этого он упорно противился предложениям Фридриха, а последний не мог двинуться в Богемию против австрийцев, боясь оставить в тылу опасного неприятеля, против которого не имел возможности выделить достаточных сил.

Австрийцы между тем изготовились к войне и двинулись двумя отдельными армиями к границам Саксонии и Силезии. Против одной из них выступил Шверин из Силезии; но австрийцы заняли такую выгодную позицию, что генеральное сражение между обеими армиями сделалось невозможным. Иногда только происходили незначительные стычки между разъездами и аванпостами, но тем все действия и ограничивались.

Тем временем король Август неотступно просил венский кабинет выручить его из затруднительного положения, которое с каждым днем становилось хуже. Вследствие того фельдмаршалу Максимилиану Вильгельму фон Брауну было предписано немедленно собрать вторую армию в Будине и переправиться через Эгер с целью решительной деблокады Пирненского лагеря.

Для наблюдений за действиями этой армии Фридрих выделил довольно значительный корпус и отправил его под начальством генерала Кейта к границе Богемии. Пруссак заняли теснины в горах, которые слу-

жили путями между Богемией и Силезией, и образовали наблюдательную линию, от внимания которой не ускользало ни одно движение неприятеля.

Главная цель Фридриха была помешать соединению австрийцев с саксонцами. Для этого он решил остановить австрийцев на марше и дать им сражение. Он сам отправился к своему наблюдательному корпусу и вывел его из гор на равнины Эльбы. Близ местечка Лозовиц (в большинстве германоязычных источников эта битва именуется Лобозицкой), на берегу Эльбы, у самой подошвы горного хребта, обе армии (26 тысяч пруссаков и 43 тысячи австрийцев) встретились. С обеих сторон эта встреча была совершенной неожиданностью. Темнота ночи мешала приступить к каким-нибудь решительным действиям. Но Фридрих, не мешкая, воспользовался всеми выгодами своего положения: он перекрыл дорогу, ведущую от Лозовица, и занял все возвышенности по обе ее стороны.

Едва рассвело, он построил свою армию в боевой порядок, но сильный туман препятствовал различать предметы даже на близком расстоянии. Левому крылу прусского войска надлежало занять гористую местность слева от дороги. Но едва оно двинулось, как было встречено беглым огнем из виноградников, покрывающих скат гор.

Около двух тысяч пандуров скрывались в кустарниках: плетни виноградников служили им палисадами. Это заставило Фридриха думать, что перед ним не все неприятельское войско, а только его авангард, который обыкновенно сопровождался рассыпными отрядами пандуров и венгров. Вдали виднелась часть конницы; король велел навести на нее орудия, но всадники не трогались с места; тогда он отправил против них двадцать эскадронов драгун, желая сразу кончить дело.

Пруссаки действительно опрокинули неприятельскую конницу и обратили ее в бегство. Но когда они начали ее преследовать, то были вдруг встречены в лицо и во фланг сильным ружейным и пушечным огнем и вскоре, увидев длинные линии белых австрийских мундиров, убедились, что перед ними развернута вся неприятельская армия: это заставило их ретироваться.

Пирненский лагерь. 1756 год

Тогда Фридрих увидел ясно, что имеет дело с армией, которая вдвое сильнее его.

Между тем туман начал спадать; король, видя невозможность тягаться с многочисленной неприятельской армией, попытался одолеть ее искусством. Для этого он постарался выбрать самую выгодную позицию. Все внимание австрийцев было обращено на левое прусское крыло; им хотелось сбить его с возвышенности, на которой оно находилось, и не допустить овладеть скатом горы. Но пруссаки быстро шли вперед в виноградниках, овладевали одним плетнем за другим и погнали неприятельские легкие войска и пехоту перед собой в долину. Часть австрийцев бросилась в Эльбу, другая побежала в Лозовиц.

В долине преследующих встретила новая линия австрийцев. Прусская пехота пала духом: в течение шести часов она дралась без отдыха и потратила все патроны, а теперь ей надлежало вступить в бой со свежим войском, не имея ни сил, ни пороха. Пруссаки остановились, не зная, что делать. Герцог Бевернский, который предводительствовал этим войском, быстро проскакал перед фронтом и с веселым видом закричал солдатам:

«Что ж вы стали, братцы? Патронов нет? А на что же вас учили принимать врага штыком?»

«Как электрическая искра подействовали его слова на солдат: штыки сомкнулись, и неизбежная, живая стена с громким криком двинулась на неприятеля и потеснила его к Лозовицу. Вот уже пруссаки в городе, по грудам тел пробираются они по улицам, неприятель упорно защищается ружейным огнем, его бьют холодным оружием; вот огненные языки показались из домов Лозовица, город запылал, австрийцы ищут выхода, их теснят, батареи их отбиты; наконец неприятель смят, бежит и — пруссаки торжествуют победу» (Кони. С. 273).

Лозовицкая битва дорого стоила Фридриху; он потерял вдвое против австрийцев убитыми и пленными (примерно 3000 человек). Правое крыло прусской армии, которым командовал сам король, посылало только подкрепления левому, но само участия в битве не принимало. Тем замечательнее была победа пруссаков.

Австрийцы опять переправились через Эльбу и разрушили за собой мосты. Фридрих не смел их преследовать со своим малочисленным войском. Он овладел полем битвы и расположил своих солдат лагерем в безопасной позиции. Лозовицкая победа не принесла ему никаких существенных выгод над неприятелем, но она помешала соединению войск саксонских с австрийскими, и этого на первый случай было достаточно (забегая вперед скажем, что результат этой битвы, напротив, решительно изменил стратегическую ситуацию в пользу Фридриха: отныне капитуляция запертых в Пирне саксонцев становилась лишь вопросом ближайшего времени). Радуюсь успеху, довольный своими солдатами, о которых сказал, «что они никогда еще не показывали такой храбрости с тех пор, как он имеет честь ими командовать», Фридрих отправился в Саксонию.

Рассказывают, что Фридрих после Лозовицкого сражения был до того утомлен, что тут же на поле битвы сел в повозку и уснул. В это время австрийцы отступали. Один из ретиранных выстрелов попал прямо в королевскую повозку: ядро оторвало весь передок и непременно снесло бы обе ноги короля; по счастью, за мину-

ту перед тем, как будто по внушению судьбы, он поднял ноги на высокий облучок и тем спас свою жизнь.

Известие о победе пруссаков отняло у саксонцев последнюю надежду на освобождение из обширной их темницы. Им оставалось одно средство: обмануть бдительность прусских войск и ночью с оружием в руках пробиться на волю. Составили план, как действовать, и тайком дали знать фельдмаршалу Брауну, который стоял в Богемии. Браун с шестью тысячами человек немедленно подошел к Эльбе в тылу пруссаков, чтобы ложным нападением способствовать освобождению саксонцев. Ночь на 11 октября была выбрана для «совершения дела». Браун в назначенный час занял свой пост, сделал все нужные распоряжения и ждал только условных выстрелов с высот Кенигштейна, которые должны были служить ему сигналом к атаке. Ночь была страшная: «буря совершенно затмила небо и волновала реку; дождь лил, как из ведра. Саксонцы строили мост через Эльбу при блеске молний, и каждый порыв ветра разрушал их работу. Наконец мост готов, сигнал подан, но грохот грозы заглушал грома пушек, и Браун не трогался с места. Таким образом, каждую попытку к освобождению надлежало отложить до другого времени» (Кони. С. 279). Условились обождать два дня.

Фридрих употребил этот случай в свою пользу. Он усилил свои посты на Эльбе, укрепил их ретраншементами и засеками, а против Брауна выдвинул отдельный корпус. Положение австрийского полководца становилось затруднительным. Прождав бесплодно два дня и опасаясь за самого себя, Браун в ночь на 14-е отступил и повел свой отряд назад в Богемию.

Правый берег Эльбы у Пирны и Кенигштейна горист и покрыт лесом и кустарником: одни лощины и рытвины между горами могут служить военной дорогой. Зная это, Фридрих овладел всеми окрестными высотами.

Ночью на 15 октября часть саксонской армии переправилась через Эльбу под проливным дождем. Ветер разрушил за ней мосты. Саксонцы с твердостью шли вперед в надежде вскоре встретить своих союзников. Но нигде не было и следа австрийцев, вместо них они

находили пруссаков во всех дефиле, ведущих в Богемию. Близ горы Лилиенштейн они принуждены были занять позицию и выжидать, чем решится дело.

Между тем пруссаки, которые караулили выход саксонцев из-под Пирны, тотчас же заняли их лагерь, напали в тыл на их аррьергард, захватили его в плен и отняли большую часть обозов и орудий, так что войско, перешедшее за реку, осталось совершенно отрезанным. Трое суток пробыли саксонцы в новом своем заключении, не смея двинуться с места, напрасно поджидая помощи, без пищи, подоткрытым небом, на сырой земле, под неумолкающим дождем и в непрерывном страхе. Весь патриотизм, все мужество их истощились вместе с потерей физических сил.

Напрасно Август III и Брюль требовали от несчастного войска, чтобы оно, собрав остаток сил, пробилось сквозь дефиле: генералы не отваживались на такое смелое дело, солдаты не могли им повиноваться, потому что были совершенно истощены и умирали страшной смертью от изнурения и голода. Граф Рutowский попытался добыть свободу честной капитуляцией (любопытная, но весьма характерная для того времени формулировка): он отправил офицера к генералу Винтерфельду со своими предложениями. Тот не принимал никаких предложений, говоря, что не имеет на то повелений короля. Он провел посланного с умыслом по всей цепи прусских войск, чтобы лишить саксонцев и тени надежды и показать им, что каждая попытка пробиться оружием будет явным безумством с их стороны.

Итак, вся саксонская армия (18 тысяч человек при 80 орудиях) должна была сдать в плен, жребий ее зависел от великодушия победителя. Все полки, без исключения, положили оружие. Фридрих, проезжая по рядам, ободрял и утешал их; к генералам обращался с лаской и пригласил их к своему столу.

Солдатам тотчас были розданы двойные порции хлеба и вина. С офицеров взято честное слово, что они в продолжение всей этой войны не поднимут оружия на Пруссию, после чего все они были распущены по домам. Но простые солдаты должны были снять свои красные мундиры, присягнуть прусскому знамени, полу-

чили прусское обмундирование и были частью размещены по различным полкам, частью остались в прежнем составе, но причислены к прусской армии. Политической основой для этого шага послужило лишение Августа власти над Саксонией и ее формальное присоединение к владениям Пруссии.

Это явилось серьезной ошибкой со стороны Фридриха. Саксонские солдаты всегда были плохи и принесли ему мало пользы, зато при первых военных действиях целые полки саксонцев, воодушевляемые чувством оскорбленного патриотизма, переходили в неприятельские ряды. С другой стороны, неслыханный до того пример порабощения целой армии навлек на него еще большее негодование европейских держав.

Король Август выговорил себе только две привилегии: что крепость Кенигштейн останется нейтральной до окончания войны и что он может с графом Брюлем беспрепятственно отправиться в Варшаву, где он правил как король польский.

Фридрих не только согласился на оба пункта, но даже приказал очистить всю дорогу, по которой поедет польский король, от прусских войск, чтобы встреча с ними не растревляла «тяжких язв его сердца». Варшавские балы и маскарады скоро рассеяли печаль доброго короля. Супруга его, однако, осталась в Дрездене и продолжала вести тайную переписку с австрийскими генералами, возбуждая их своими жалобами против Фридриха.

Так кончился этот первый поход. Фридрих вывел свои войска на зимние квартиры в Саксонию и Силезию и для безопасности протянул кордоны по всей богемской границе. Сам он отправился в Дрезден; набирал в Саксонии рекрутов для пополнения своих войск и старался увеличить финансовые средства за счет побежденных. У всех придворных чинов Августа были отняты две трети от получаемого ими жалованья, богатые запасы фарфора Майсенской фабрики были проданы, кроме того, вся Саксония была обложена податью, состоявшей из известного количества провианта и фуража.

«Император, который не смог смирить «возмутителя», как он называл Фридриха, силой собственного ору-

жия, поднял против него весь имперский, или германский сейм, представляя вторжение его в Саксонию покушением на свободу всей Германии и на святыню католической церкви. Для суда над прусским королем в Регенсбурге собрался сейм германских земель, имевший некогда такое сильное влияние на судьбу Европы, но в течение нескольких поколений совершенно забытый и безгласный. В заседаниях сейма поступки Фридриха были изображены самыми черными красками; даже ничтожнейшие князьки и епископы подняли голос против него.

Наконец, несмотря на все возражения немногих друзей Фридриха, грозный сейм определил: «Немедленно собрать со всей Германии имперское исполнительное войско для наказания преступника по приговору верховного судилища, а начальство поручить принцу Иосифу Марии Фридриху Вильгельму Голландиусу Саксен-Хильдбургхаузенскому, провозглашенному в генерал-фельдмаршалы империи». Этот военачальник имел владения, которые за три часа можно было проскакать вдоль и поперек, и свое войско, из которого, в случае нужды, легко вышла бы рота для пополнения любого прусского полка. Вообще полководец исполнительной армии очень напоминал собой другого вождя германского поголовного ополчения, Вальтера Голяка, который так отличился в крестовых походах.

«Так вот герой, которого сейм противопоставлял первому военному гению и сильнейшему государю середины столетия!

Фридрих смеялся над решением грозного сейма и ожидал самых забавных последствий от германского ополчения: как мы увидим, ожидания его не обманули» (Кони. С. 280).

Но гораздо большая опасность угрожала ему со стороны Франции. Польская королева, жена Августа III, была матерью супруги французского дофина: к дочери обращалась она с жалобами на притеснения Фридриха и просила защиты. Таким образом, доводы и влияние дофины присоединились к интригам г-жи Помпадур, и французское министерство, в конце концов, убедило Людовика, что действуя против ганноверских владений

Георга и против его союзника Фридриха, можно будет заставить Англию перенести невыгодную для Франции морскую войну на материк. Вследствие этого версальский кабинет объявил, что почитает вторжение Фридриха в Саксонию нарушением Вестфальского мира, за прочность которого Франция поручилась.

Немедленно приступили к вооружению сильного войска, которому весной предстоял поход через Рейн, против Ганновера и Пруссии. В то же время по предварительному соглашению Швеция должна была ударить с севера и с оружием в руках требовать возвращения части Померании, уступленной ею отцу Фридриха (об обстоятельствах этого «уступления» я уже говорил выше).

Фридрих готовился к встрече врагов, обдумывал планы своих действий, и вместе с тем стал строго наблюдать за перепиской польской королевы, которая имела для него такие вредные последствия. Караулы у всех городских ворот Дрездена были удвоены и получили предписание ничего не пропускать без строжайшего осмотра.

Досуги свои Фридрих, по обыкновению, посвящал литературе и музыке; ездил в концерты и оперы; устраивал у себя балы и маскарады и старался, по возможности, облегчить и позолотить цепи, которые наложил на бедных саксонцев.

НАЧАЛО КАМПАНИИ 1757 ГОДА

Битвы при Праге и Колине

Фридрих в течение зимы значительно усилил свои войска. К весне у него стояли под ружьем 200 тысяч человек, хорошо обученных, обмундированных, обеспеченных на год всеми жизненными и военными потребностями. Соединенные армии всех его неприятелей могли состоять не более как из 500 тысяч человек.

Несмотря на то что силы врагов превосходили его собственные в полтора раза, Фридрих не падал духом и даже надеялся на верный успех. Он решил предупредить каждое их движение, не давая им действовать совокупными силами, но сразиться с каждым отдельно.

Франция, Россия, Швеция и имперская исполнительная армия пока были еще заняты военными приготовлениями. Одна Австрия стояла во всеоружии против Фридриха. Не давая подоспеть другим державам, он решил атаковать и уничтожить главного и сильнейшего своего врага, чтобы обеспечить себя хотя бы с одной стороны и потом свободнее действовать против остальных неприятелей.

Но австрийцы сами переняли у Фридриха его тактику. Фельдмаршал Браун составил план нападения на пруссаков в самой Саксонии с такой же быстротой, с какой Фридрих доселе нападал на австрийцев. Для этого он устроил на саксонской границе магазины и расположил свои войска корпусами в самой выгодной позиции, так что мог легко проникнуть в Саксонию и в то же время прикрыть ими Богемию. Общая численность австрийских войск на севере Богемии составляла к этому времени 132 тысячи человек против 175 тысяч у Фридриха.

К моменту начала кампании почти половина наличных прусских войск рассредоточилась вдоль богемской границы в трех группировках. Центральная и правофланговая группы находились под непосредственным командованием короля, левофланговая — под началом Курта фон Шверина и герцога Августа Вильгельма Брауншвейг-Бевернского. Кроме того, в Ганновере находился 50-тысячный прусский корпус и 10 тысяч союзных англо-ганноверских солдат под общим командованием еще одного ветерана войны за Австрийское наследство — герцога Уильяма Августа Камберлендского. Наконец, последняя группировка численностью до 50 тысяч человек прикрывала северные границы — со Шведской Померанией и Россией.

Фридрих делал вид, будто не замечает намерений неприятеля, укрепил наскоро Дрезден и распустил слухи, что будет выжидать нападения со стороны австрийцев. Между тем войска его четырьмя колоннами (примерно 65 человек) потихоньку продвигались уже к границам Богемии.

Австрийский двор доселе держался оборонительной системы и желал напасть на Фридриха только тогда, когда он будет стеснен со всех сторон союзными войсками; а потому Мария Терезия была весьма недовольна распоряжениями Брауна. Она немедленно передала главное командование над войсками принцу Карлу Лотарингскому, который, прибыв к сосредоточенной под Прагой 70-тысячной армии, тотчас изменил план и отменил все распоряжения Брауна. Но операционная система принца Карла была слишком недалекновидна и открыла пруссакам множество выгод, которыми Фридрих поспешил воспользоваться.

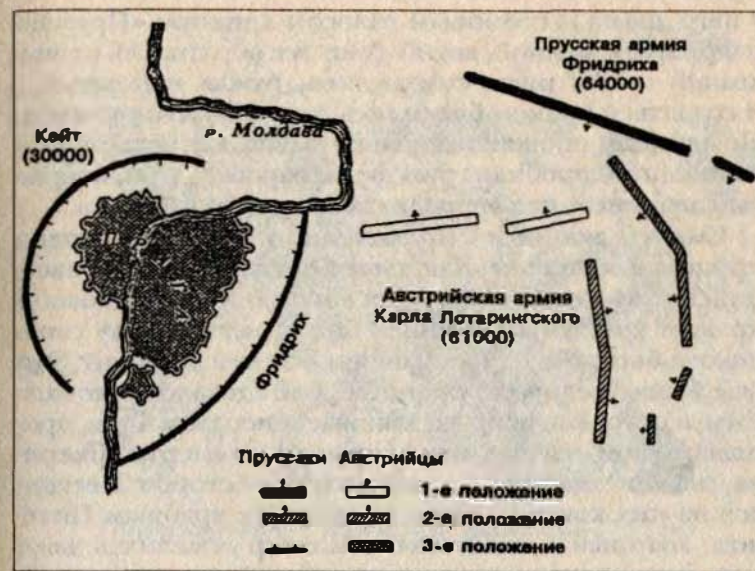
Как четыре горных потока ринулись прусские войска в Богемию, по направлению к Праге, опрокидывая все, что им встречалось на пути. Первая прусская колонна в 16 тысяч человек под начальством герцога Бевернского вскоре встретила неприятельский корпус графа Кенигсека, окопавшийся близ Рейхенберга. Австрийцы были тут же атакованы и обращены в бегство. В то же время фельдмаршал Шверин со своей колонной при Кенигсхофе перешел через Эльбу и хотел обойти

Кенигсека, тотот успел вовремя ретироваться к Праге, оставив богатый магазин в Юнг-Бунцлау в добычу Шверину. Сам Фридрих переправился через Влтаву на глазах у неприятеля, который, заботясь только о своем сосредоточении, не смел атаковать его. Принц Мориц Дессауский провел свою колонну беспрепятственно горными проходами, остановился за рекой и начал наводить мост.

6 мая рано утром все прусские войска соединились около Праги. Все корпуса вместе состояли более чем из ста тысяч человек. Фридрих решил немедленно начать дело, невзирая на возражения своих генералов, которые советовали узнать вперед получше местность и дать время принцу Морицу навести понтоны в тылу неприятеля. Фридрих не хотел ничего слушать: «Сегодня я решил разбить врага, — говорил он, — и мы должны драться непременно». Винтерфельд был послан с отрядом гусар на рекогносцировку местности, а между тем Фридрих распределял полки по местам и приводил их в боевой порядок. Всего в битве принял участие 60 тысяч австрийцев и 64 тысячи пруссаков.

Австрийцы, которые совсем не ожидали незваных гостей, быстро приняли меры к их встрече и заняли превосходную позицию. Левое крыло их упиралось в гору Жишки и было защищено укреплениями Праги. Центр находился на крутой возвышенности, у подошвы которой расстилалось болото. Правое крыло занимало косогор, ограждаемый деревней Штербоголь. Винтерфельд донес королю, что только с этой стороны можно обойти неприятеля и напасть на него во фланг, потому что тут, между озерами и плотинами, есть засеянные овсом поляны, по которым войско легко может пробиться. В ту же минуту был отдан приказ начать дело.

Шверин повел левое прусское крыло в обход, по показанной Винтерфельдом дороге. Но тут встретились неожиданные затруднения: поляны, засеянные овсом, были не что иное, как спущенные тинистые пруды, заросшие травой. Солдаты принуждены были по узким плотинам и тропинкам пробираться поодиночке, а там, где их вели по трою в ряд, крайние вязли в болоте по колени. В иных местах целые полки едва не погрязли со-

Сражение при Праге 6 мая 1757 года

вершенно в топкой тине и с трудом могли выбраться. Большую часть пушек принуждены были бросить. Несмотря на такой трудный марш, прусские солдаты шли вперед с удивительной твердостью, ободряли друг друга и старались соблюсти возможный порядок, который при таких обстоятельствах неизбежно должен был расстроиться.

В час пополудни пруссаки преодолели все препятствия, выстроились в боевой порядок и бросились в атаку. Но австрийцы, которые следили за их движением, встретили их страшным огнем из пушек. Целые ряды мертвых тел покрыли поле; пруссаки с беспримерной неустрашимостью шли вперед по трупам убитых товарищей; австрийские батареи действовали так смертоносно, что должны были положить предел всякой человеческой храбрости: первая атака на правый фланг Карла была отбита, полки Шверина дрогнули и обратились в бегство. Тогда семидесятитрехлетний фельдмаршал решил испытать последнее средство и своей личной храбростью напомнить солдатам об их долге. Быстро подскакал он к бегущему штандарт-юнкеру, выхватил

у него знамя и громовым голосом крикнул: «Пруссия и Фридрих! За мной, дети!» Вмиг все обратилось на знакомый голос: ряды сомкнулись, ружья наперевес... и солдаты с криком бросились за седовласым вождем. Но едва они прошли несколько шагов, как четыре картечных пули пробили грудь фельдмаршала, и он, покрытый знаменем, пал впереди своего храброго полка.

Смерть любимого полководца наполнила сердца пруссаков мщением. Как львы бросились они на австрийские колонны и сбили их с места. Командовавший правым крылом австрийцев Браун, ведя в атаку свою пехоту, был смертельно ранен и отнесен за фронт. Это еще более увеличило смятение, бой сделался рукопашным, и пруссаки, воодушевляемые генералом Фуке, принявшим команду над левым крылом по смерти Шверина, гнали и теснили австрийцев со всех сторон. Несущаяся на них конница была опрокинута храбрым Цитеном, который с двумя полками гусар осмелился даже атаковать тяжелую кавалерию австрийцев.

В то же время происходила массированная атака левого крыла австрийцев прусской конницей. Под Прагой Фридрих впервые применил принцип косо́го боевого порядка в коннице: в то время как кирасиры и драгуны на полном скаку атаковали австрийский фланг в развернутом строю, гусары внезапно вырвались из-за их линий и обошли противника с тыла. Эта атака была произведена с таким неистовством, что австрийская конница не могла устоять. Пруссаки врубались в ее ряды и после кровопролитной сечи принудили бежать. Беспорядок увеличился еще больше, когда сам принц Лотарингский «от сильной судороги в груди» упал с коня и был отнесен в Прагу.

Теперь пруссакам со всех сторон открылся доступ к вражеским линиям. Сражение сделалось всеобщим; дрались на всех пунктах, где только местность допускала битву. Несмотря на отчаянное сопротивление и отличную храбрость австрийцев, все усилия их пропадали, потому что они, без главнокомандующего, не были направлены к одной цели по общепринятому плану. И в это время, когда исход сражения был все еще неясен, австрийцы совершили роковую ошибку: продол-

Прусские гусары в Пражском сражении. 1757 год

жая отбивать неослабевающие атаки врага, они попытались перестроить свои войска, чтобы не допустить полного охвата своего левого фланга и неизбежного, как казалось, окружения. В эпоху громоздких линейных построений такая попытка граничила с самоубийством. Фридрих, заметя, что в середине австрийской армии открылся промежуток, ринулся в него со своим центром и разделил всю неприятельскую армию на две половины (впоследствии этот прием стал хрестоматийным в военном искусстве и был закреплен для изучения в военных академиях под названием «Пражского маневра»).

Пехота левого австрийского крыла пока не была еще в деле. Принц Фердинанд Брауншвейгский с шестью батальонами ударил на нее в тыл и во фланг, а принц Генрих Прусский в то же время пошел на приступ и овладел тремя батареями.

Таким образом, со всех сторон теснимый неприятель в величайшем беспорядке начал отступать. Пруссаки гнали его с горы на гору, топили в болотах, рубили в теснинах до тех пор, пока сумрак ночи не прекратил резню. Все австрийские войска обратились в бегство: часть их бросилась в Прагу, другая побежала полями.

Так кончился этот кровавый день, «достопамятный в истории новейших битв». Город Прага не смог вместить все отступающие войска, и часть австрийской армии ретировалась к югу, надеясь соединиться со сборным корпусом фельдмаршала Дауна, который был расположен неподалеку, у Куттенберга. Эта часть австрийской армии обязана своим спасением единственному обстоятельству, что принц Мориц Дессауский не успел окончить постройку своего моста через Влтаву, которая от предшествовавших дождей сильно поднялась. Иначе бы он со своими свежими войсками, еще не бывшими в деле, ударив в тыл бегущим австрийцам, непременно положил бы их на месте и тем, может быть, окончил бы совершенно кампанию.

Пруссаки (в основном офицеры) показали в Пражской битве удивительные примеры неустрашимости и героизма. Принц Генрих Прусский* соскочил с лошади и сам повел свой батальон на батарею. У Фуке картечь раздробила кисть правой руки и вырвала шпагу. Он велел привязать тесак простого солдата к своей покалеченной руке и опять повел своих людей в огонь.

Поле битвы представляло ужасное зрелище: 23 тысячи мертвых тел покрывало его. Одна Пруссия потеряла 11 тысяч убитыми и 4,5 тысячи ранеными. Особенно пострадала пехота. Победа стоила Фридриху нескольких отличных генералов: кроме Шверина, пали принцы Гольштейнский и Ангальтский и генерал фон дер Гольц. Фуке и Виштерфельд были тяжело ранены. Австрийцы потеряли примерно 13,5 тысячи человек убитыми и ранеными и 9 тысяч пленными.

Тело Шверина с трудом смогли отыскать между убитыми. Его отнесли в Маргаритинский монастырь и положили перед престолом. С глубокой скорбью стоял перед ним Фридрих и долго смотел в лицо мертвеца. Потом он сам отдал все приказания касательно необходимых приготовлений к похоронам. Фельдмаршала отвезли приличным погребальным конвоем и со всеми воинскими почестями в его поместье близ Вуссекена в Померании. Там он был помещен в свой фамильный склеп.

* Генрих Гогенцоллерн, принц Прусский (1726—1802) — брат Фридриха II.

Фельдмаршал Шверин под Прагой. 1757 год

Шверин, ученик Мальборо и принца Евгения, был для великого Фридриха учителем в военном деле. Даже враги уважали и ценили замечательные воинские дарования и мужество Шверина. Вот что Фридрих пишет о нем в своих сочинениях: «Несмотря на глубокую старость, Шверин сохранил весь свой юношеский огонь. С глубоким огорчением увидел он, что пруссаки должны были отступить в Пражском деле, и с необычайным мужеством кинулся вперед и повел их на врага. Смерть его помрачила лавры победы, купленной столь драгоценной кровью». В память о знаменитом полководце и его геройской смерти Фридрих воздвиг в Берлине на Вильгельмплац мраморный монумент.

Когда впоследствии в 1776 году император Иосиф II производил маневры при Штербоголе, он приказал войскам построиться около места, на котором пал Шверин, и почтить его память троекратным ружейным и пушечным залпом, причем каждый раз обнажал голову. В 1824 году прусские офицеры на этом месте поставили фельдмаршалу Шверину памятник в виде пирамиды из красного мрамора.

На следующий день и австрийцы оплакали кончину умершего от ран фельдмаршала Брауна. Фридрих еще успел послать ему свое соболезнование и известить о смерти Шверина. 40 тысяч австрийцев заперлись в стенах Праги; город едва мог вместить такое значительное войско. Фридрих после самой битвы потребовал сдачи города, но эрцгерцог Карл Лотарингский не соглашался. Фридрих сначала хотел в ту же ночь штурмовать Прагу, но побоялся ослабить свое войско, и без того сильно пострадавшее в жестокой Пражской битве. Он только обложил город со всех сторон и послал к Силезской границе за осадными орудиями, надеясь скоро принудить принца Карла к сдаче посредством огня и голода.

Хотя Пражская победа не вполне удовлетворила желания прусского короля, тем не менее она возбудила удивление целой Европы, остановила на некоторое время союзные войска, которые в нерешимости не знали, что им делать, продолжать ли свои марши или возвратиться назад; а венский двор тревожился за независимость всей империи: от сдачи Праги, вмещавшей главную силу австрийской армии, зависела участь Австрии, тем более, что смелый партизанский корпус пруссаков из Богемии проник в Баварию и распространил ужас прусского имени до самого Регенсбурга. Мария Терезия готовилась уже новыми жертвоприношениями выкупить мир и свободу у непобедимого прусского короля.

Между тем судьба устроила все иначе. Корпус фельдмаршала Леопольда фон Дауна*, не участвовавший в

* Даун Леопольд фон (1705—1766) — граф, австрийский генерал-фельдмаршал, главнокомандующий войсками в 1758—1761 годах. Участвовал в австро-турецкой войне 1737—1739 годов, в войне за Австрийское наследство. В Семилетней войне командовал отрядом, армией. С 1762 председатель гофкригсрата (придворного военного совета), генералиссимус.

пражском деле, увеличился присоединением части войска Карла Лотарингского и несколькими вновь подоспевшими полками. Он насчитывал под ружьем 60 тысяч человек. С такой силой он легко мог выручить Карла из Праги. Этого боялся Фридрих, на это надеялись осажденные. Однако Даун приближался медленно (марш продолжался с мая по июнь) и тем самым дал пруссакам время на принятие необходимых контрмер.

В первые дни осады пруссаки успели отнять у австрийцев гору Жишки и, владея высотой, опустошительные действовали на город. Все вылазки осажденных были отбиты. В день святого Непомука, патрона Богемии, принц Карл собрал все войско и всех жителей на торжественный молебен, посвященный спасению города и победе над противниками.

В тот же день лазутчик принес письмо от императрицы-королевы. Она писала главнокомандующему: «Честь всей нации, честь императорского оружия зависит теперь от мужественного сопротивления Праги. Благо всей Римской империи в руках нашего воинства и верноподданных жителей сего города! Фельдмаршал Даун придет к вам на помощь: армия его увеличивается с каждым днем. Французское войско также подвигается быстрыми шагами. С Божьей помощью дело притесненных примет скоро другой вид!» Все это несколько успокоило осажденных и зажгло в них луч надежды и мужества. Но в то же время прибыли осадные орудия Фридриха, и пять грозных батарей воздвигались около несчастного города. Гром пушек раздавался над головами австрийцев, и сердца их снова дрогнули.

В ночь на 30 мая бомбы и каленые ядра рассыпались с треском над Прагой и целые кварталы запылали. К 3 июня пламя, подкрепляемое сильным ветром, истребило несколько предместий и улиц.

«Жители не успевали тушить пожары. Люди гибли сотнями под развалинами домов, задыхались от сильного дыма. Голод и болезни увеличивали страшное опустошение. Город не был подготовлен к продолжительной осаде: запасные магазины его опустели в первую неделю, войско питалось кавалерийскими лошадьми, которых убивали ежедневно по нескольку сотен. Храмы

обратились в лазареты для раненых и больных, где они умирали страдальческой смертью без всякой помощи. Воздух заражался от вредных испарений и множества гниющих трупов, которых не успевали хоронить. Жертвы смерти множились с каждым днем» (Кони. С. 306).

В продолжение трех недель пруссаки бросили в город 180 тысяч бомб и каленых ядер и разрушили до тысячи домов. Принц Карл решился наконец на жестокую, но необходимую меру: он приказал выгнать 12 тысяч жителей, но пруссаки снова загнали их в город. Со слезами, на коленях умоляли Карла городские власти о сострадании к несчастным жертвам, о сдаче Праги. Карл смягчился и послал к Фридриху парламентариев, прося свободно выпустить войска из города. Фридрих требовал сдачи и города, и войска и более ничего не хотел слушать. На это Карл не согласился.

Между тем осада Праги была для Фридриха столь же неприятна, как и для австрийцев. Он терял время, а оно ему было необходимо для дальнейших операций против остальных союзников Австрии. К тому же он ежедневно получал неблагоприятные известия: в Вестфалию шли 100 тысяч французов, в Пруссию, по имевшимся у короля данным, столько же русских. При этом и Даун не дремал: он составил план — фальшивыми маневрами обмануть обсервационный корпус герцога Бевернского, выставленный против него Фридрихом, тихонько окружить его при Кутгенберге и, положив на месте, двинуться к Праге и таким образом поставить прусского короля между двух огней. По счастью, Цитен узнал его намерения, поставил ему оплот и дал время герцогу Бевернскому отступить к Колину (ныне в Чехии), а оттуда к Каурциму в таком порядке, что принц на походе мог еще овладеть несколькими неприятельскими магазинами почти на глазах у Дауна.

Эти обстоятельства заставили Фридриха II сдать главную команду над осадным войском фельдмаршалу Кейту и принять решительные меры против Дауна, без уничтожения которого нельзя было надеяться на скорую сдачу Праги. Отделив от осаждающей армии небольшую часть войска, Фридрих поспешил с ней к Каурциму и 15 июня соединился с герцогом Бевернским. Ко-

роль был в самом дурном расположении духа. Одержав столько удачных побед, действуя всегда решительно и быстро, он не привык к долгому сопротивлению. Нетерпение и досада на долговременную осаду Праги до того его расстроили, что он осыпал упреками даже самых близких ему и достойных генералов. Это раздраженное состояние души, которое невыгодно действовало и на само войско, отчасти повредило исполнению его планов.

18 июня должна была разыгаться решительная битва при Колине, от результата которой зависела вся участь кампании. Для противодействия крупным силам Дауна Фридрих снял из-под Праги все силы, кроме прикрытия от возможных вылазок Карла.

Даун за ночь расположил свою армию, вдвое сильнее прусской (54 тысячи против 34 тысяч прусских солдат), и занял такую превосходную позицию фронтом к Праге, между Колином и Хотцевицем, что сам Фридрих был поражен, когда из небольшого трактира на колинской дороге вполне обозрел ее. Еще вечером 17 июня король составил план сражения — обойти австрийцев справа и отрезать их от Колина.

Одна линия стояла на скате гор, другая на вершинах. Фронт армии был закрыт деревьями, обрывистыми пригорками и рытвинами, до него почти не было никакой возможности добраться. На правом крыле, ограж-

Прусская армия на бивуаке

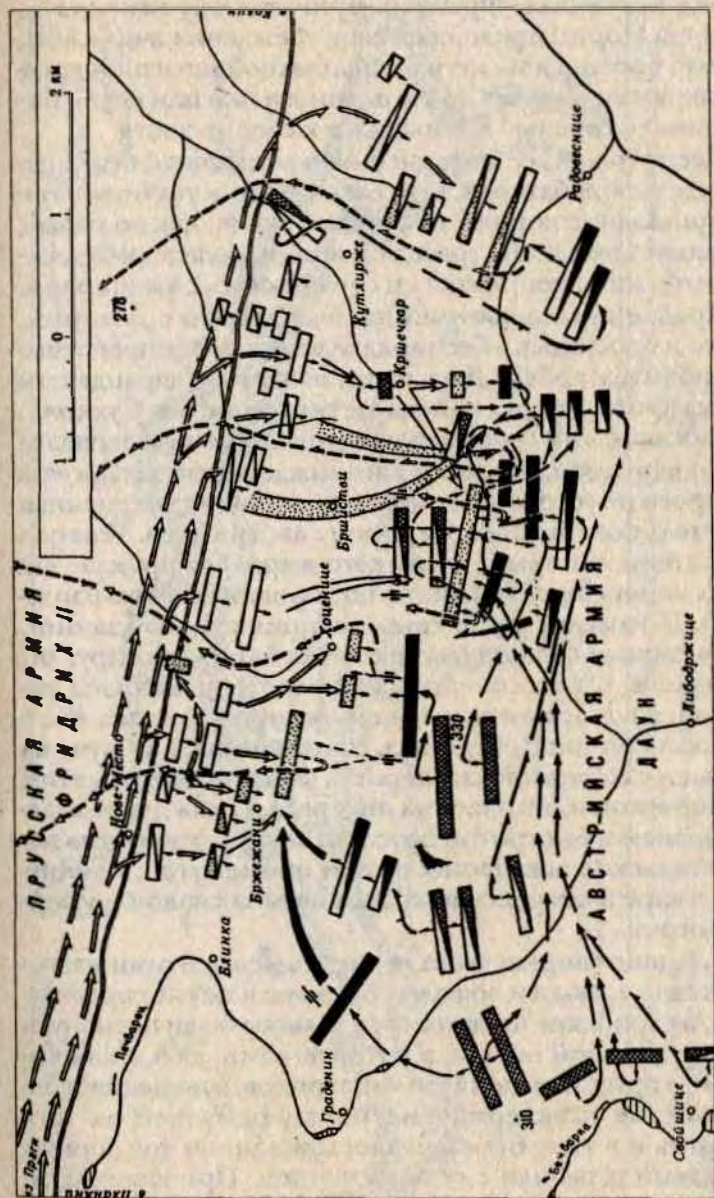
денном с фланга глубоким обрывом, была расположена кавалерия, на левом — пехота, защищенная деревней Свойшюц, за ней стояли резервные полки и часть кавалерии, которую местность не позволяла употребить с пользой в этом пункте. По всей первой линии с удивительным расчетом была распределена тяжелая артиллерия.

После обозрения неприятельской позиции Фридрих составил план битвы, который всеми тактиками почитается превосходным. Он был очень прост. Против правого крыла австрийцев король хотел сосредоточить главные свои силы, используя преимущество в кавалерии, сбить корпус генерала Надасти, его прикрывавший, потом густой массой ударить в его фланг и тыл, в итоге, лишит неприятеля всех выгод его позиции.

В час пополудни король подал знак к началу дела. Генералы Цитен и Гюльзен повели авангард, состоявший из гусар и гренадер, в атаку. Цитен ударил на корпус Надасти; после отчаянной сечи сбил его с места и начал преследовать. Гюльзен между тем овладел деревней и кладбищем, занятыми легкой конницей и двумя батареями в 12 орудий. Все шло как нельзя лучше для пруссаков, как вдруг пришло донесение о том, что Даун перестроился фронтом к направлению движения пруссаков, вынудив короля изменить план атаки. Фридрих остановил батальоны, посланные на подкрепление авангарду. Он командовал всей пехоте левого крыла переменить позицию и в линейном порядке идти прямо на фронт первой неприятельской линии. Принц Мориц быстро поскакал к Фридриху и умолял его отменить это приказание, представляя всю опасность нового движения и страшные последствия, которые оно мо-

Пояснения к рисунку

Положение войск сторон перед началом сражения:		Прусская армия		Направления ударов прусских войск
		Австрийская армия		Направления ударов австрийских войск
Положение войск сторон в ходе сражения:		Прусская армия		Контрудар прусской конницы
		Австрийская армия		Отход и бегство прусских войск

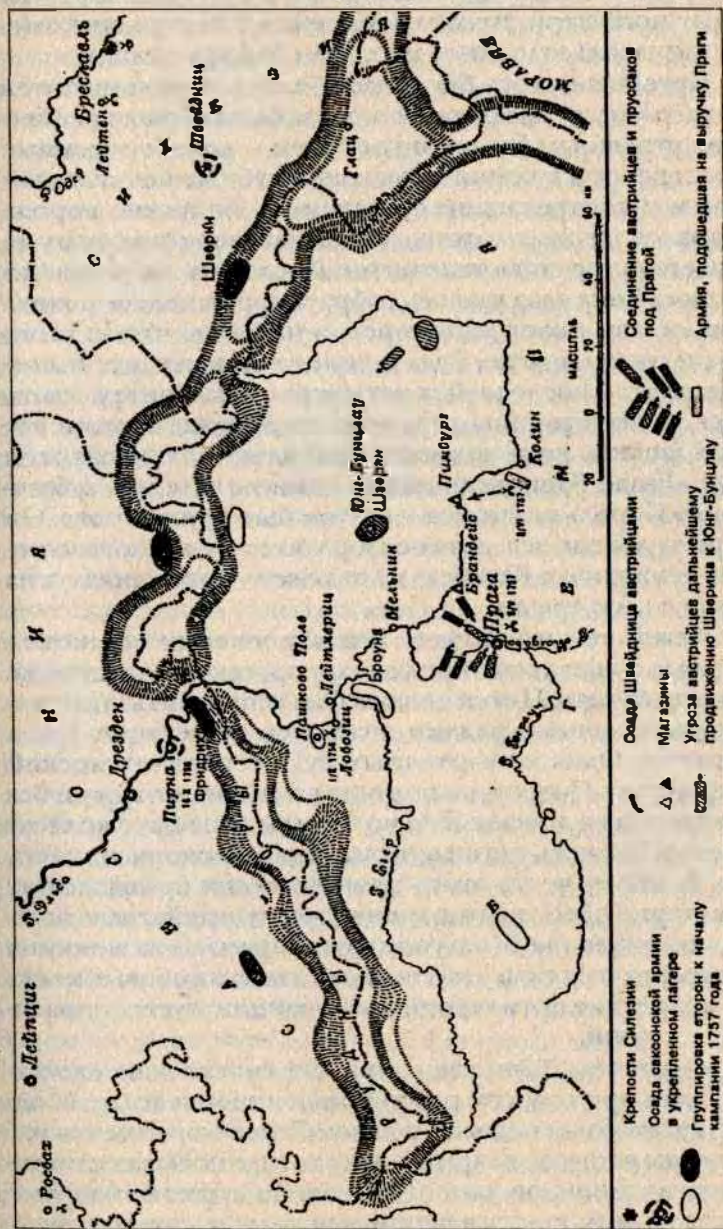
жет повлечь за собой. Король не хотел ничего слышать, принц настаивал, Фридрих приказал ему замолчать, но когда Мориц продолжил свои убеждения и просьбы, король бросился на него с обнаженной шпагой и грозно закричал: «Будешь ли ты повиноваться или нет?» Тогда принц с горечью возвратился к своему посту.

Несмотря на все затруднения, на страшный огонь неприятельских батарей, пруссаки с бодростью исполнили приказание короля; по гудам трупов, как по горам, добрались они до австрийской линии, овладели батареей, потеснили неприятеля и соединились с авангардом.

Правое крыло австрийцев было сбито с позиций, смято и бросилось в беспорядке в центр. Все предвещало пруссакам победу. Даун написал наскоро карандашом приказание, чтобы войска ретировались в Сухдоль, и разослал с ним своих адъютантов по разным отрядам.

Но вдруг счастье, властелин каждого успеха, против которого не устоит ни храбрость, ни самая остроумная тактика, повернулось в сторону австрийцев. Генерал Манштейн, в порыве воинского жара, без приказа кинулся на деревню, лежавшую по дороге и занятую пандурами. Преследуя их до самой неприятельской линии, он со своими солдатами опустошал батареи и вдруг остановился. От этого в прусской пехоте произошел интервал, и вся армия заняла невыгодную позицию. Австрийская конница, соединясь с подоспевшей к Дауну из Польши саксонской кавалерией, воспользовалась этим беспорядком и ринулась на интервал. С завидным хладнокровием и быстротой прусская пехота, пропустив неприятельские эскадроны в свои промежутки, сомкнулась в каре и открыла по врагам неумолкающий ружейный огонь.

Страшно свирепствовала смерть между этими живыми стенами, люди и лошади образовали целые горы трупов. Австрийские всадники все должны были погибнуть в смертоносной ограде, в которую сами себя заключили. Но у пруссаков не хватило патронов, а новые австро-саксонские кавалерийские полки ринулись на них с фланга и в тыл. Все смешалось: всадники топтали их лошадьми и рубили с остервенением. При каждом сабельном ударе саксонцы кричали: «Вот вам за Штри-

гау!» Двенадцать лет не стерли в их памяти картины страшного штригауского поражения, и теперь они хотели насладиться полным мщением над пруссаками.

Прусская пехота бросилась бежать. Фридрих хотел поддержать ее кавалерией, но и та была обращена в бегство страшным батарейным огнем — разновременные атаки пехоты и конницы успешно отбивались сильными огнем и контратаками противника. Напрасно король старался удержать отступающих кавалеристов; все усилия его оставались тщетными. После долгих увещаний и просьб ему едва удалось собрать сорок человек, которых он сам повел на батарею в надежде, что за ними последуют и другие. Едва неприятельская картечь коснулась этой последней горсти верных, как она рассыпалась во все стороны. Фридрих не замечал этого и все ехал вперед, пока подскакавший адъютант не спросил его: «Разве Ваше величество одни хотите взять батарею?» Король оглянулся — кругом было пустое поле. Он горько усмехнулся, взял подзорную трубу, несколько минут осматривал батарею и, наконец, шагом поехал на правое свое крыло.

Между тем недостаток в подкреплении остановил первые блистательные успехи прусского авангарда. Вместо пехоты Цитен должен был употребить кирасир, которые целыми рядами ложились на месте от града картечи. Одна из картечных пуль сорвала гусарский мирлитон с Цитена, он получил контузию в голову и без чувств упал с лошади. Его подняли и отнесли в коляску принца Морица, где он очнулся лишь по окончании битвы. Вообще, честь этого кровавого дня принадлежит кавалерии обеих враждующих сторон: о действиях австро-саксонцев уже было упомянуто, прусская же конница шесть раз упорно и безуспешно ходила в лобовые атаки на вражеские артиллерийские позиции, густо прикрытые пехотой.

Между тем Даун, как вихрь, переносился от одного отряда к другому, сам распорядился всем и везде, ободрял своих солдат словом и делом. Только он замечал интервалы в прусской армии, туда тотчас посылал саксонских карабинеров, они производили страшное опустошение и беспорядок в неприятельских рядах. Наконец,

все перемешалось, правильное сражение обратилось в беспорядочный рукопашный бой. Пруссаки дрались до последнего издыхания, как истинные герои, каждый лег на месте, которое занимал в рядах по чину. Поле было наводнено кровью, усеяно мертвыми телами.

Фридрих уверился, что битву выиграть невозможно. Он вызвал герцога Бевернского и принца Морица Дессауского и предписал им отступить с войском через Хотцевиц в Нимбург, а там переправиться через Эльбу. Правое крыло пруссаков, совсем не бывшее в деле, должно было прикрывать ретираду. Сам Фридрих в сопровождении своей лейб-гвардии отправился вперед. Неприятель овладел полем битвы и был так поражен совершенно для него новым зрелищем отступления пруссаков, что долго оставался спокойным зрителем их ретирады, которая совершилась в величайшем порядке. Уверившись, что это не фальшивый маневр, австрийцы бросились на правый прусский арьергард. Кровопролитный бой завязался снова, и только наступившая темнота разделила воюющие войска. От полного разгрома пруссаков спасла только кавалерия, вышедшая в новую атаку и сумевшая остановить австрийцев.

Ночью развалины прусской армии без преследования прибыли в Нимбург, оставив в руках неприятеля только сорок пять орудий, под которыми были убиты лошади.

Фридрих со своим маленьким прикрытием вынужден был скакать во весь опор, потому что дорога была усеяна пандурами и австрийскими партизанскими отрядами. Долго он не мог прийти в себя от первого удара судьбы, который поразил его на счастливом доселе воинском поприще. Когда генералы привели войско в Нимбург, они нашли короля в уединенном закоулке города. Он сидел на бревне, поникнув головой, и в глубоком раздумье чертил палкой фигуры на песке.

Никто не смел прервать его размышлений: генералы молча стояли вокруг него и ждали. Наконец он вскочил с места и с принужденной веселостью отдал нужные приказания. Но когда он взглянул на малый остаток своей любимой гвардии, из которой уцелело не более полтора человека, слезы навернулись у него на глаза. «Де-

ти! — сказал он гвардейцам, — нынче был для вас черный день!» — «Что делать, — отвечали солдаты, — нас плохо вели». «Дайте срок, друзья, — продолжал Фридрих, — я опять все поправлю!»

Потери с прусской стороны в колинском деле составили до 14 тысяч человек (более точная цифра составляет 13 768 и 43 орудия), с австрийской — только 8—9 тысяч. Даун, как великодушный победитель, отправил даже к Фридриху раненых, которых ретирующаяся прусская армия не успела захватить с собой из Хотцевица.

Непосредственным следствием колинского поражения было снятие осады Праги. Во время сражения при Колине Карл Лотарингский предпринимал самые отчаянные вылазки, но все покушения его были уничтожаемы умной и деятельной распорядительностью брата Фридриха, принца Фердинанда. Теперь, к общему огорчению всей прусской армии, Прагу надлежало оставить. Осада была снята правильно и открыто. Прежде всего позаботились о раненых офицерах: их, под прикрытием, отправляли в Саксонию. Потом, рано утром, оставили траншеи и укрепленные мосты, и армия тронулась в поход в величайшем порядке с распущенными знаменами и барабанным боем. Только на последние отряды принц Карл решил напасть. Пруссаки при этом потерпели самый ничтожный урон. Даун же торжествовал свою победу молебном и празднеством в лагере и не подумал даже помешать соединению обеих прусских армий.

Судьба направлявшихся в Саксонию прусских обозов с ранеными сложилась печально. Среди них находился и генерал фон Манштейн, виновник поражения в Колинской битве, у которого картечью была раздроблена правая рука. Король приказал отправить его в Дрезден с тридцатью другими офицерами. Их сопровождал отряд из 200 саксонцев. Близ Лейтмерица они узнали, что на них устремился партизанский отряд Лаудона. Манштейн, заняв одно из возвышений, приказал устроить вал и решил вступить в бой с неприятелем, но при первом появлении австрийцев саксонцы разбежались, а беспомощные офицеры остались одни. Ман-

штейн, после своего проступка, не надеялся на слишком блистательную будущность. Он решил лучше умереть, чем отдаться в плен неприятелю. Выскочив из коляски, он, как лев, дрался с атакующими и до того озлобил их своим сопротивлением, что был изрублен на куски.

Тем временем Даун все же отправился в Прагу, где присоединился к войскам принца Лотарингского.

«Несмотря на свои значительные потери, несмотря на нравственное расстройство армии и на собственную душевную тревогу, Фридрих непременно хотел удержаться в Богемии. Он еще надеялся поправить свои ошибки». Вот что он писал вскоре после колинского дела брату фельдмаршала Кейта: «Счастье, любезный лорд, внушает нам часто пагубную для нас самоуверенность. Пруссаки храбры, но двадцати трех батальонов было мало, чтобы разбить 60 тысяч неприятелей. В другой раз поступим благоразумнее. В этот день фортуна обратилась ко мне спиной; этого надо было ожидать: она — женщина, а я человек не влюбчивый. Она более расположена к дамам, которые со мной воюют. Как бы удивился великий маркграф Фридрих Вильгельм, если бы увидел своего правнука в войне с Россией, Австрией, со всей Германией и стотысячным войском французов! Не знаю, будет ли мне стыдно проиграть дело, но уверен, что и противникам не много будет чести победить меня!»

Цель короля состояла в том, чтобы отобрать у северной части Богемии все съестные припасы и через это затруднить неприятелю всякое покушение на Саксонию. Он разделил свое войско на две части. Одна расположилась по обе стороны Эльбы близ Лейтмерица, где большой, массивный мост служил ей надежным сообщением. Другая часть, под начальством принца Вильгельма Прусского, прошла через Юнг-Бунцлау на Нейшлост и заняла укрепленный лагерь при Бемиш-Лейпе.

В этом положении пруссаки оставались три недели, выжидая движений неприятеля. Но австрийские военачальники все еще не доверяли своим силам и не решались ни на какое смелое предприятие. «Во время этого трехнедельного тревожного ожидания Фридрих был

еще более расстроен известием о кончине вдовствующей королевы, своей матери. Горесть о потере этой добродетельной, благородной женщины, которую он любил со всем жаром сыновнего чувства, лишила его на несколько дней всех способностей души. Он не допускал к себе никого, не хотел слышать ни о чем и весь был погружен в свою тяжкую скорбь».

Наконец принц Лотарингский решил действовать. Он направил марш на Габель, чтобы обойти принца Вильгельма. У Габеля стоял прусский аванпост, прикрывавший подвоз съестных припасов в Цитау, где находились главные магазины корпуса принца Вильгельма. Аванпост состоял из четырех батальонов и пятисот гусар. Несмотря на это, он три дня жарко оспаривал у 20 тысяч австрийцев свою позицию, но совершенно истощенный, не получая подкрепления, вынужден был сдать. Австрийцы заняли Габель. Принц Вильгельм не мог долее оставаться на своей позиции; боясь за свои магазины, он наскоро повел армию проселочной дорогой к Цитау, но австрийцы его опередили.

Небольшой отряд пруссаков защищал Цитау; австрийцы открыли по ним страшный огонь и начали бросать в город бомбы и каленые ядра, так что вскоре весь Цитау превратился в груды пепла и развалин. Магазины погибли, кроме того, полтораста пионеров и с ними полковник попали в руки неприятеля. Убытки Пруссии насчитывали до 10 миллионов талеров. Чтобы спасти свое войско от верного поражения, принц Вильгельм принужден был избежать сражения и ретироваться к Бауцену, где мог получать продовольствие для армии из Дрездена.

Это несчастье заставило Фридриха поспешить на помощь к своему брату. 29 июля он перешел через Эльбу при Пирне и соединился с корпусом принца. Грозно, беспощадно встретил он своего брата и его генералов: вся вина поражения была возложена на их недалеко-видность, недостаток дарований и оплошность. Жестокие, незаслуженные упреки глубоко оскорбили королевского брата. В тот же день он оставил армию и возвратился в Берлин.

Но и там преследовало его негодование Фридриха. Вот письмо, которое он получил от короля на третий день своего приезда в Берлин: «Не обвиняю вашего сердца, но в полном праве жаловаться на вашу неспособность и недостаток рассудка при выборе полезных и необходимых мер. Кому остается жить несколько дней, тому лицемерить не для чегд (Фридрих в это время был настолько расстроен, что покушался на свою жизнь. — Ю. Н.). Желаю вам больше счастья, чем я извдал; желаю также, чтобы все бедствия и неприятности, которые вы испытали, научили вас смотреть на важные дела с надлежащим благоразумием, разбором и решимостью. Большая часть несчастий, которые предвижу, падут на вашу совесть. Вам и детям вашим они более повредят, чем мне. Впрочем, будьте уверены, что я любил вас от всего сердца и с этими чувствами сойду в могилу».

Принц не вынес такой опалы; он опасно заболел чахоткой и на следующее лето умер в Ораниенбурге, близ Берлина.

ПРОДОЛЖЕНИЕ КАМПАНИИ 1757 ГОДА

Битва при Росбахе

Это первое несчастье повлекло за собой и другие неудачи. Опасность приближалась со всех сторон; каждый день, каждый час становился для Фридриха драгоценным. Австрийцы расположились в Верхней Лузании (Обер-Лаузице); эрцгерцог Карл занял со своей армией превосходную позицию. Фридрих непременно хотел дать ему решительное сражение, но атаковать австрийцев, без явной потери, не было никакой возможности. Фридрих начал маневрировать около австрийского стана, чтобы обмануть неприятеля и заставить его переменить положение, но Карл не трогался с места.

В июле руководители антипрусской коалиции составили объединенный план совместных действий. В соответствии с ним 100-тысячная французская армия под командованием маршала Луи д'Эстре вторглась на тер-

Мария Терезия на маневрах. 1748 год

риторию Ганновера — владения союзной Фридриху Англии. Вторая французская армия генерал-лейтенанта принца Шарля Субиза* (24 тысячи человек) перешла Рейн и двинулась во Франконию, где должна была соединиться с имперским ополчением принца Хильдбургхаузена (примерно 60 тысяч). Главная австрийская армия, после соединения войск Карла Лотарингского и фельдмаршала Дауна насчитывавшая до 110 тысяч человек, сосредоточенная под Прагой, должна была вторгнуться в Силезию. Восточную Пруссию в это время следовало атаковать 100 тысячам русских солдат, а в Померании высадился 16-тысячный шведский корпус. Располагая такими огромными силами, союзники были полностью уверены в том, что война будет окончена самое позднее в 1758 году.

Получив из Дрездена известие о вторжении прусской армии в Саксонию, Елизавета указом от 1 сентября (ст. ст.) 1756 года объявила Пруссии войну. Интересно, что еще в начале года Россия предлагала ввести свои войска в Польшу, к саксонским границам, или даже вообще в Саксонию, но тогда заартачились австрийцы, опасаясь, что столь открыто недружелюбный шаг встретит Пруссию. Причины объявления войны излагались в подготовленном Бестужевым фарисейском манифесте, который, между прочим, содержал такие положения: «... Но король Прусской, приписывая миролюбивые наши склонности к недостатку у нас рекрутов и матросов, вдруг захватил наследные Его величества короля Польского земли и со всей суровостью войны напал на земли Римской императрицы-королевы.

При таком состоянии дел не только целостность верных наших союзников, свято от нашего слова, и сопряженная с тем честь и достоинство, но и безопасность собст-

* Принц Шарль Субиз де Роган (1715—1787) — пэр и маршал Франции, адъютант короля Людовика XV. Плучил корпус по протекции маркизы Помпадур. Разбил при Любенберге гессенского генерала Оберза, трижды терпел поражения от Фридриха II и принца Брауншвейгского. С 1758 года военный министр.

венной нашей империи требовала не отлагать действительную нашу противу сего нападателя помощь...»

Как часто бывало, война тотчас выявила все промахи и недостатки, незаметные или сознательно скрываемые в мирное время. Перед началом, и особенно в ходе войны, стали очевидны серьезные просчеты внешнеполитического ведомства, и прежде всего самого Бестужева-Рюмина — подлинного руководителя русской внешней политики с середины 40-х годов. Со временем он утратил присущую ему гибкость мышления, уверовал в непогрешимость собственной внешнеполитической доктрины и в конечном счете стал ее жертвой. Видя в Пруссии главного противника России и проповедуя политику сдерживания агрессивных намерений прусского короля, Бестужев-Рюмин преувеличивал значение союза с Англией и ошибочно считал, что для сдерживания Фридриха II будет достаточно организованного на английские деньги марша 40–50-тысячного русского корпуса в глубь Германии.

Действительно, появление корпуса В. А. Репнина в Германии ускорило мирные переговоры в Аахене и способствовало заключению мира 1748 года. Успешный опыт 1747–1748 годов представлялся Бестужеву-Рюмину образцом и для дальнейшей политики в Европе. Поэтому, когда в сентябре 1755 года была подписана очередная русско-английская субсидная конвенция о предоставлении в случае конфликта в Германии англичанам за 500 тысяч фунтов 55 тысяч русских солдат и 50 галер, канцлер ликовал, полагая, что мир в Европе обеспечен.

Добиваясь скорейшей ратификации конвенции, он в самых радужных красках изображал последствия этого соглашения: «...конечно, прусский король замыслы свои оставит и Ганновер также в покое пребудет... Не славно ли будет для императрицы, что одним движением ея войск разрушаются все противных дворов замыслы и сохраняются ея союзники; меньше ли притом полезно, когда за сие одно Англия пропорционныя субсидии платить станет». Бестужев-Рюмин полагал, что все обойдется «весьма легким образом, а именно чужим именем и с подмогою чужих денег». Возможное столк-

новение с 200-тысячной прусской армией в глубине Германии казалось ему легким походом, в котором «генералам желанный доставится случай к оказанию и своего искусства, и своего характера; офицерство радоваться ж будет случаю показать свои заслуги. Солдатство употребится в благородном званию его пристойных упражнении, в которых они все никогда довольно экзерцированы быть не могут».

Это и многие другие высказывания Бестужева-Рюмина свидетельствуют о несомненной недооценке им силы военной мощи прусского короля, которого, как считал канцлер, можно испугать «диверсией». Канцлер совершенно не представлял себе не только реальной силы Пруссии, но и такого важного фактора, как не имевшие границ амбиции Фридриха. Располагая полностью отмобилизованной армией, прусский король уже не боялся России так, как в начале 40-х годов, и даже был весьма невысокого мнения о русской армии елизаветинских времен. Для подобного мнения были объективные основания. После русско-турецкой войны 1735–1739 годов русская армия на протяжении почти 20 лет не имела опыта крупных боевых действий (война со шведами в 1741–1743 годах имела ограниченный характер). Конечно, блестящие победы Петра Великого были памятны в Европе, но это было в прошлом, а период «миниховщины» в армии ознаменовался серьезным отходом от принципов петровской военной науки и способствовал подрыву репутации русской армии.

Короче говоря, прежняя, пассивная политика Бестужева-Рюмина в середине 50-х годов оказалась несостоятельной: сдержать агрессию Фридриха угрозами «диверсий» было уже невозможно. Между тем, не считывая на серьезную войну, Россия ее начала. И сразу стало ясно, что такая война не подготовлена ни в дипломатическом, ни в чисто военном плане.

Союз с Австрией, заключенный в 1746 году, был стержневым для внешней политики России во второй половине 40-х — первой половине 50-х годов. Но за десять лет довольно тесных союзных отношений ничего не было сделано для разработки системы согласованных действий союзников против Пруссии в случае ее

нападения на одну из сторон, не говоря уже о совместных наступательных действиях против прусской армии. Между тем настоятельная необходимость в таком соглашении была: опыт совместных действий в войне с Турцией в 30-х годах показал, что русские и австрийцы оказались плохими союзниками. Бестужев-Рюмин в записке 1744 года признавал, что Австрия как союзник «упорно поступала».

Когда началась Семилетняя война и был заключен русско-австрийский наступательный союз (Петербург, январь 1757 года), то согласно ему России отводилась роль не самостоятельной, а лишь вспомогательной для Австрии силы. Это сразу стало порождать серьезные разногласия союзников: Австрия требовала полного подчинения себе русской дипломатии и действующей армии, но это как до, так и после Семилетней войны расходилось с интересами России или по крайней мере с интересами ее руководителей. Поскольку каждый из союзников тянул одеяло на себя, реальной силы русско-австрийский военно-политический союз не представлял.

Еще хуже обстояли отношения с другим «нечаянным» союзником — Францией. Хотя 31 декабря 1756 года Россия и присоединилась к Версальскому соглашению, резкий поворот от многолетней конфронтации к союзным отношениям не был легким. Версаль, исходя из принципов своей «восточной» политики, отказался от обязательств выступать против противников России, в том числе и Турции. В ответ русские представители потребовали исключения из договора пункта, обязывающего Россию помогать Франции в борьбе против Англии. Только одно это уже существенно ограничивало возможности координации совместных действий России и Франции.

Наконец, за последнее десятилетие ничего не было сделано для усиления позиций России в Курляндии и в Речи Посполитой, что являлось весьма важным для будущих военных действий против Пруссии.

Более удручающей была сугубо военная сторона дела. Бестужевская внешнеполитическая концепция «диверсий» привела к ослаблению всей армии — ведь для осу-

ществления «ограниченных акций» в Европе требовалось не более 40—50 тысяч солдат из всей 300-тысячной армии. В соответствии с этой доктриной в Прибалтике, Псковской и Новгородской провинциях была сосредоточена незначительная часть армии, тогда как большинство полков были расквартированы по всем губерниям огромной страны и не были готовы к войне. Начало военных действий показало, что правление Елизаветы стало для вооруженных сил потерянным временем, несмотря на ее многочисленные декларации о верности принципам петровской политики.

Поход русской армии был объявлен в октябре 1756 года, в течение зимы ей следовало сосредоточиться в Литве. Главнокомандующим был назначен фельдмаршал граф Степан Федорович Апраксин — креатура петербургской Конференции, всецело находившийся под ее влиянием. Фактически же сосредоточение русских войск заняло всю зиму и весну 1757 года.

Что же представляла из себя русская армия, шедшая на запад, чтобы померяться силами с действительно сильнейшим войском Европы?

Русская армия находилась в крайне плохом состоянии. В 1756 году из четырех фельдмаршалов двое — А. Г. Разумовский и Н. Ю. Трубецкой — вообще не имели никакого отношения к армии, поэтому выбирать в главнокомандующие пришлось одного из оставшихся двух — А. Б. Бутурлина или С. Ф. Апраксина, воинские таланты которых, судя по отзывам современников и оценкам военных историков, были весьма скромными. Не беспокоились при Елизавете и о найме на русскую службу способных генералов-иностранцев. Национальные же кадры офицерства готовились слабо: не посылались для обучения воинскому искусству в армиях воюющих стран волонтеры, отсутствовала программа обучения войск во время продолжительного мира, не проводились маневры крупных сил. Более 46 тысяч военнослужащих вообще использовались не по назначению — выполняли разнообразнейшие административные обязанности, такие, например, как проведение переписи.

Лишь в 1755 году, когда война была на пороге, Военная коллегия организовала комиссию для изучения со-

стояния армии. Выводы комиссии были неутешительные. Армейские полки нуждались в самом необходимом, а главное — в людях: в полевой армии (172 тысячи солдат) некомплект составлял не менее 18 тысяч человек, т. е. в строю не хватало каждого десятого солдата. Рекрутский набор, начатый в 1755 году, проходил, как всегда, медленно, давал армии совершенно необученный и не приспособленный к службе и тяжелейшим походам контингент новобранцев.

Некомплект в 1757-м и в другие годы приводил к тому, что два первых батальона полков укомплектовывались за счет третьего. Даже фанатичный апологет официальной истории дореволюционной России Керсновский вынужден признать это: «В войсках был большой некомплект, особенно чувствовавшийся в офицерах (в Бутырском полку, например, не хватало трех штаб-офицеров из пяти, 38 обер-офицеров — свыше половины, и 557 нижних чинов — свыше четверти). Административная и хозяйственная часть не была устроена».

В результате обещанная союзникам сотысячная армия к моменту завершения сосредоточения на Немане (май 1757 года) реально насчитывала лишь 89 тысяч человек, «из коих годных к бою «действительно сражающихся» не более 50—55 тысяч (остальные нестроевые всякого рода либо неорганизованные, вооруженные луками и стрелами калмыки)».

Одним из главных недостатков нашей военной системы был порядок пополнения частей рекрутами. «Люди отправлялись в полки, зачастую за тысячу верст, обычно осенью и зимою. В рекруты сдавали многих, заведомо негодных по здоровью и бесполезных общине. Смертность среди рекрут в пути и по прибытии была громадна, побегии были тоже часты, и до полков доходила едва половина. Например, в набор 1751 года «приговорено» к отдаче 43 088 рекрутов, сдано приемщикам 41 374, отправлено теми же в полки 37 675, прибыло 23 571...» Ни в одной европейской армии ни о чем подобном даже подумать не могли!

Основной фигурой в русской армии в эпоху правления Елизаветы стал командующий артиллерией генерал-фельдцейхмейстер граф Петр Иванович Шувалов—

убежденный сторонник господствовавшей тогда в Европе огневой тактики (Петр Шувалов начал службу при дворе и генеральское звание получил отнюдь не за боевые заслуги. В 1756 году он добился восстановления должности начальника артиллерии — генерал-фельдцейхмейстера и сам же ее занял). Согласно его воззрениям, главным оружием армии должна была стать артиллерия. Пехота и кавалерия являлись только вспомогательными средствами, служащими для прикрытия пушек в огневом бою и развития успеха при расстройстве неприятельских сил артиллерийским огнем. Что же касается собственно артиллерии, ее главным оружием должна была стать гаубица.

Руководство Шувалова оказалось для русской артиллерии весьма плодотворным. Он значительно расширил артиллерийский парк, способствовал его качественному обновлению за счет изобретенных и усовершенствованных под его руководством орудий (см. выше).

Правда, нужно учитывать, что похвалы в адрес шуваловских орудий заведомо преувеличивались в донесениях из армии Конференции, поскольку ее членом был сам Шувалов, а он ревниво следил за успехами «его» артиллерии. Как и всякий дилетант, Шувалов преувеличивал значение им изобретенного. В одной из записок по военным делам он глубокомысленно рассуждал: «... главное и первое есть упование в том, чтобы биться и победу свою доставить действием артиллерии, а полки в такой позиции построены были, чтобы единственно (!) для прикрытия артиллерии служили и в случае надобности, по обращениям неприятельским, в состоянии были во всякую позицию себя спешно построить, какая для победы неприятеля служить может». Попробовали бы главнокомандующие после таких сентенций рапортовать Конференции о неудачных действиях артиллерии!

Кроме «его» артиллерии у Шувалова была и «его» армия. Для апробирования своих взглядов в боевых условиях перед самым началом Семилетней войны, в 1756 году, Шувалов добился одобрения императрицы сформировать так называемый Обсервационный (т. е. экспериментальный, созданный в целях «обсервации»

«единорогов») корпус, вначале именовавшийся запасным. В его состав вошло пять номерных мушкетерских полков с отличными от остальной армии штатами, сочетающимися в себе характерные черты как пехотных, так и артиллерийских частей. На вооружении каждого полка находилось по 36 «единорогов» (обычная полковая артиллерия не превышала 4–8 стволов). Корпус создавался по проекту и под личным руководством Шувалова, который стал его первым командиром. Численность корпуса была 11 тысяч человек (по планам Шувалова — до 30 тысяч, но нехватка личного состава сократила эту цифру надве трети). Во время Семилетней войны он должен был составить ядро армии в качестве первого в мире пехотно-артиллерийского соединения. На его организацию потратили около миллиона рублей; для укомплектования из полков отбирали лучшие кадры, что вызвало всеобщее неудовольствие в армии. Чины корпуса пользовались особыми привилегиями.

Однако на практике его использование в боевых действиях против пруссаков (которые упорно не желали ввязываться в продолжительный огневой бой и почти сразу переходили в атаку) окончилось полным провалом. Громоздкий и тяжеловесный на марше (в начале кампании 1757 года количество гаубиц в полках пришлось уменьшить до 18, но к существенному улучшению положения это не привело) и трудноуправляемый в бою, не имевший продуманной организации, Обсервационный корпус был наголову разгромлен и под Цорндорфом, и под Кунерсдорфом. В обоих случаях его солдаты бежали с поля боя, создавая тем самым критическую обстановку для остальной армии, причем в сражении при Цорндорфе грубо нарушили дисциплину. Но и В. В. Фермор — главнокомандующий русской армией при Цорндорфе, и П. С. Салтыков — при Кунерсдорфе, боясь разгневать могущественного П. И. Шувалова, писать правду о поведении Обсервационного корпуса опасались. В этих сражениях значительное количество «единорогов» и «секретных» гаубиц было захвачено пруссаками, и все это перестало быть секретным.

Любопытно, что Обсервационный корпус в полном смысле слова был отдельной армией, поскольку его командующий не находился в прямом подчинении у главнокомандующего. Вначале Шувалов решил сам вести свою армию в поход, но затем передумал, назначив себе заместителя, лишённого всякой инициативы и обязанного обо всем договариваться с Шуваловым, сидевшим в Петербурге. По расчетам Петра Ивановича, особой инициативы от заместителя и не требовалось: перед походом корпуса Шувалов уже сочинил «планы операций, служащих сему корпусу для одержания победы над неприятелем». Создание пехотно-артиллерийского Обсервационного корпуса стало ответом русских на фридриховские улучшения линейной тактики и ответом совершенно несостоятельным. Жизнь скоро опровергла проекты генерал-фельдцейхмейстера, и после Кунерсдорфа корпус — «химеру времен линейной тактики» — пришлось расформировать.

Единственным достижением Шувалова стало увеличение количества артиллерийских стволов в полках. С 1745 года штаты полковой артиллерии увеличены вдвое: четыре вместо двух. С переходом пехотных полков двумя годами позже из двух- в трехбатальонный состав количество орудий достигло восьми. Полевую артиллерию свели в два полка, общей численностью 140 орудий в строю и 92 в резерве при обозных ротах. Кроме того, армия располагала 73 осадными орудиями и 105 «единорогами» и «секретными» гаубицами Обсервационного корпуса. Общее количество пушек и гаубиц в действующей армии было доведено до 800, что соответствовало общеевропейским стандартам и даже превосходило их.

Шувалов стал идеологом принятия нового Устава 1755 года, заменившего старый петровский 1716-го. Керсновский всячески ругает содержание нового Устава, видя в нём только «преклонение перед пруссачиной» и «плац-парадную премудрость». Однако в творении Шувалова было немало дельного.

Начнем с того, что у пруссаков не было «ненужных команд, приемов и построений», которые «рабски копировали в России». Ругая изложенные в Уставе 1755

года нормы ведения, к примеру, огневого боя пехотой («Команды... часто походили на монологи. Для заряжания, прицеливания и выстрела требовалось, например, по разделениям подача (командиром) тридцати особых команд — темпов: «пли!» лишь на двадцать восьмом темпе, а на тридцатом ружье бралось «на погребение»). Тот же Керсновский десятью строками ниже пишет, что «вводя в армию пруссачину, Шувалов отдавал лишь дань общему для всей Европы преклонению перед Фридрихом, доведшим автоматическую выучку своих войск до крайней степени совершенства и превратившим свои батальоны в «машины для стрельбы». Действительно, прусские пехотинцы выпускали шесть пуль в минугу с «седьмой в стволе». Скажите на милость, сочетается ли такая скорость ведения огня из медленно заряжающихся кремневых ружей с отдачей командирами команд «в тридцать темпов?» Очевидно, что нет, а раз так, видимо, не стоит искать корни этой части русского Устава в Пруссии.

Если русская артиллерия характеризовалась высоким качеством, пехота со времен Петра отличалась стойкостью и страдала лишь от неукомплектованности, неустройства тыла и дурного командования, то кавалерия елизаветинского периода (по крайней мере, до войны) была ниже всякой критики. Если в 1738 году (правда, еще при Анне Иоанновне) австрийский капитан Парадиз писал, что «в кавалерии у русских большой недостаток... Есть драгуны, но лошади у них так дурны, что драгун за кавалеристов почитать нельзя», то к началу Семилетней войны ситуация совершенно не изменилась. Драгун обучали действовать почти исключительно в пешем строю, переходы совершались также пешком. К началу 40-х годов Россия, по сути, лишилась регулярной кавалерии.

С 1733 года русская конница пользовалась Уставом, списанным с австрийского. Кроме трехшереножного строя, Устав предписывал основное внимание уделять ведению огневого боя с лошади и ходить в атаку «маленькой рысцой». Не было установлено никаких правил обучения верховой езде, отчего индивидуальная подготовка кавалеристов оставляла желать много луч-

шего (занятия индивидуальной верховой ездой и действиями в строю проводились только в летние месяцы во время лагерных сборов). Лошадей седлали раз в 7–10 дней.

Стоила каждая драгунская лошадь 18–20 рублей (вдвое дешевле, чем в Пруссии), а срок службы лошадей составлял 15 (!) лет. Казна отпускала драгунам фураж только 6 месяцев в году, в остальное время солдаты занимались сенозаготовками. Несовершенная система заготовки фуража, когда солдаты, занятые сенокосом и выпасом лошадей, по полгода не садились на коня, сочеталась с плохим состоянием парка лошадей, комплектовавшегося за счет необезжженных татарских лошадей или купленных крестьянских саврасок. Естественно, такие порядки не могли в итоге дать сколько-нибудь боеспособную и маневренную кавалерию.

Поэтому с 1731 года в России начали формировать кирасирские полки, в которые отбирали лучших офицеров и нижних чинов из драгун. Платили им двойное против драгунского денежное содержание. Лошадей ростом 160 см в холке пришлось покупать за границей, отдавая за каждую по 50–60 рублей. Кирасир начали серьезно обучать верховой езде, для чего в полках была учреждена должность берейтора (драгуны не имели ничего подобного). При Минихе планировалось создать 10 кирасирских полков, однако эти намерения не осуществились: в начале Семилетней войны имелось только 6 полков.

В итоге комиссия 1755 года пришла к выводу, что для приведения кавалерии в нормальное состояние нужно «произвести знатную перемену». Таким образом, русская кавалерия оказалась пораженной теми же недостатками, что и конница других стран Европы: слабый конский состав, отвратительная выучка солдат и офицеров, атака рысью, стрельба с коня, которая не могла быть ни прицельной, ни быстрой, трехшереножный строй, сковывающий маневренность.

Однако, узнав о новациях Фридриха в области применения кавалерии и результатов новой тактики на полях Саксонии и Богемии, русские забили тревогу. Для начала был пересмотрен вопрос о фуражном до-

вольствия армейских лошадей: ассигнования на закупку овса, сена и соломы увеличили до полутора рублей в месяц, а фураж стали выдавать почти весь год, за исключением шести недель, когда лошади паслись на лугах. Повысили закупочные цены на драгунских лошадей (с 20 до 30 рублей) и вдвое — с 15 до 8 лет сократили срок их службы, списав все дряхлое поголовье. Кроме того, 6 драгунских полков реформировали в конногренадерские (у каждого солдата этих полков имелось по две ручные гранаты), в которых также было несколько улучшено качество как людей, так и лошадей. Конногренадер отнесли к тяжелой кавалерии.

Невидимый Керсновским «шуваловский» кавалерийский Устав 1755 года наконец-то (хотя и запоздало) «перенял пруссачину», установив для конницы в качестве основного вида боя решительную атаку противника холодным оружием сомкнутого строем на быстрых аллюрах. Стрельба с коня запрещалась, кроме преследования противника, причем и для этого в полку выделялся только один эскадрон, ведущий в рассыпном строю огонь из пистолетов. Как и в Пруссии, ружья теперь могли использоваться только для аванпостной службы. Занятия верховой ездой теперь предписывалось проводить ежедневно, регулярно устраивались полевые поездки и обучение рубке на скаку. «Рабски скопированная пруссачина» сумела перевернуть устаревшие порядки в русской коннице, но... в войсках Устав появился перед самым началом войны и начать по нему обучение так и не успели.

В поход 1757 года были выделены два кирасирских полка, пять конногренадерских, четыре драгунских, четыре гусарских (тогда они формировались по найму из сербов, венгров и валахов), два отряда казаков (4000 донцов бригадира Краснощекова и 4000 украинцев бригадира Капниста), а также отряды мещеряков, башкиров и казанских татар.

Перед походом регулярным полкам учинили инспекцию, которую те благополучно не прошли. Выяснилось, что только кирасирские полки хорошо подготовили конный состав к походу, за что их командиры получили «монаршее благоволение». В драгунских и конногрена-

дерских полках часть эскадронов пришлось оставить в России, сведя приемлемый личный состав и лошадей в так называемые «лучшие» или «выборные» (не более 2–3 эскадронов из 5-эскадронного конногренадерского полка или 6-эскадронного драгунского). Так в трех «выборных» эскадронах Санкт-Петербургского конногренадерского полка на войну пошло только 414 кавалеристов (по штату — 1141). Навьюченные допотопной тяжелой поклажей, строевые лошади двигались к прусской границе едва ли не медленнее, чем пехотные колонны, что усугублялось наличием огромного количества обозов.

Все указанные недостатки увеличивались общим расстройством финансов в империи. Сенат в середине 1750 года доложил Елизавете, что средний доход последних пяти лет (не считая подушной подати и некоторых других доходов казны) составил около 4 миллионов рублей, в то время как текущие расходы превышали 4,5 миллиона ежегодно. Еще в 1742 году прусский посланник в России писал Фридриху II, что «все кассы исчерпаны. Офицеры девять месяцев не получали жалованья. Адмиралтейство нуждается в 5000 рублей и не имеет ни одной копейки».

Наконец, отвратительным было общее руководство войсками. Сразу после объявления войны главнокомандующим русской армией был назначен 54-летний С. Ф. Апраксин. Сын знаменитого сподвижника Петра I Ф. М. Апраксина, он начал службу рядовым Преображенского полка, участвовал в русско-гуляцкой войне и в 1739 году стал генерал-майором. Он пользовался большим расположением Миниха, который выдвигал Апраксина и после свержения Бирона щедро награждал земельными пожалованиями. Огромные связи семейства Апраксиных, укрепленные женитьбой Степана Федоровича на дочери тогдашнего канцлера Г. И. Головкина, его «проницательный», по словам М. М. Щербатова, характер, дружба с Шуваловыми и Разумовскими, тесные отношения с могущественным А. П. Бестужевым-Рюминым, постоянное заискивание перед И. И. Шуваловым — все это облегчило Апраксину продвижение по служебной лестнице. В 1742 году он был уже генерал-

кригскомиссаром, президентом Военной коллегии и генерал-поручиком, в 1746-м — генерал-аншефом. В 1751 году за неизвестные историкам заслуги его наградили высшим российским орденом — Андрея Первозванного, а в 1756 году присвоили звание генерал-фельдмаршала. Получив соболью шубу, серебряный сервиз весом несколько пудов и спрятав в ларец подписанную Елизаветой 5 октября инструкцию, Апраксин отбыл в Ригу — главную квартиру армии. Как остроумно заметил видный военный историк Д. М. Масловский, Апраксин, еще не въезжая в Ригу, допустил как полководец «капитальную ошибку... заключающуюся в принятии инструкции, выполнить которую он не мог».

В самом деле, инструкция, составленная Бестужевым-Рюминым, поражает своей беспомощностью, отсутствием четко поставленных перед главнокомандующим политических и военных целей. Согласно ей, Апраксин должен был двинуться с армией в Курляндию и польскую Лифляндию, встать на небольшом удалении от государственной границы, поджидать подхода других частей, заготавливать провиант и в течение зимы ожидать из Петербурга дальнейших инструкций. От армии, перешедшей границу, требовалось только, чтобы она, рассеянная на большом пространстве, «обширностью своего положения и готовностию к походу такой вид казала, что... все равно, прямо ли на Пруссию или влево чрез всю Польшу в Силезию маршировать». Канцлер полагал, что «королю прусскому сугубая диверзия сделана будет тем, что невозможно узнать, на которое прямо место сия туча собирается». Малотого, Апраксину предписывалось не только стоять, но «непрестанно такой вид казать», что армия «скоро и далее маршировать» будет. «Нужда в томнастоит крайняя, — подчеркивалось в инструкции, — дабы атакованных наших союзников ободрять, короля прусского в большой страх и тревогу приводить, силы его разделять и наипаче всему свету показать, что не в словах только одних состояли твердость и мужество, которые мы учиненными... декларациями оказали».

Но этим смысл инструкции не исчерпывался. Апраксин должен был не только стоять и делать вид, что соби-

рается двигаться, но и «всегда, когда время допустит», с некоторым войском «помалу вперед продвигаться». В каком направлении «вперед» нужно было продвигаться, в инструкции не говорилось. Особенно отчетливо ее противоречия и недоговоренности выявились в 35-м пункте, где отмечалось: до весны «не признавается за удобно всею нашей команде поручаемою армией действовать противу Пруссии или какой город атаковать, однакож ежели б вы удобный случай усмотрели какой-либознатный поиск над войсками его [Фридриха] надежно учинить или какую крепостию овладеть, то мы не сомневаемся, что вы онаго никогда из рук не упустите... Но всякое сумнительное, а особливо противу превосходящих сил сражение, сколько можно, всегда избегаемо быть имеет».

Не без оснований Д. М. Масловский писал, что «в общем выводе по инструкции, данной Апраксину, русской армии следовало в одно и то же время и идти, и стоять на месте, и брать крепости (какие-то), и не отдаляться от границы. Одно только строго определено: обо всем рапортовать и ждать наставительных указов».

Инструкция — плод бестужевской политики полумера, обрекавшая русскую армию на бездействие и риск, так и не была реализована. Прибыв в ноябре 1756 года в Ригу, Апраксин ознакомился с стояннем армии и пришел к выводу, что начинать зимний поход с имевшимся под рукой 26-тысячным войском без полевой артиллерии и необходимых припасов невозможно. В штабе армии не было даже карт предполагаемого района действий. 17 ноября С. Ф. Апраксин писал И. И. Шувалову: «От сего времени и столь рановременного и неудобного похода небезуповательно, что и дезертиров будет много, и болезни умножиться могут, и все сии в Конференции полученные известия (от Австрии), которые и ко мне сообщены, происходят от единой нетерпеливости видеть начатия и от нас настоящего дела; но нам не должно по тому поступать, а смотреть на собственный свой интерес и пользу, почему прошу ваше превосходительство при случае Е. И. В. внушить, чтобы со столь рановременным и по суровости времени и службе более вредительным, нежели полезным, походом не

спешить». Шувалову удалось уговорить Елизавету отложить поход против Пруссии.

Из всего этого видно, что Апраксин всецело зависел от приказов Конференции и не имел права распоряжаться войсками без формальной «апробации» петербургского кабинета по каждому отдельному поводу. Фельдъегеря неслись в Петербург и обратно по всякой мелочи.

Все это сделало русских безучастными наблюдателями бурных событий в Саксонии и Богемии: оперируя на второстепенном восточнопрусском театре войны, где почти не было войск противника, они не сумели оказать никакого влияния на ход боевых действий. Отягощенная переизбытком артиллерии и «административными неурядицами», армия шла крайне медленно. Кроме того, Апраксин панически боялся встречи с пруссаками, «о коих ходили целые легенды».

Сложность организации стратегического взаимодействия с союзниками, неизбежно присущая всякой коалиционной войне, являлась фактором, неблагоприятным для осуществления русской армией решительных стратегических методов. Главным в этом плане была своекорыстная позиция Австрии, с вооруженными силами которой русской армии приходилось действовать в тесной связи.

Активность русских военно-политических руководителей и полководцев тормозилась еще одним обстоятельством. Наследник престола великий князь Петр Федорович, слепой пленник прусского короля, рассматривал войну с Пруссией как роковую ошибку. Между тем здоровье Елизаветы внушало опасения. При принятии стратегических решений иногда приходилось оглядываться на возможную смену власти, а за ней мог последовать кардинальный поворот в политике. Известно, что в конце концов именно так и произошло. Пока же Петр мог только выражать недовольство происходящими событиями, и то вполголоса. Так, по свидетельству его жены, будущей императрицы Екатерины, великий князь так реагировал на поражение пруссаков при Гросс-Егерсдорфе: «В то время общая радость по случаю успеха Русской армии обязывала его скрывать свои

мысли; но в сущности ему досадно было поражение Прусских войск, которые он считал непобедимыми».

Все эти обстоятельства сказались на организации верховного командования. Высшим органом военного руководства являлась петербургская Конференция, командующие войсками были только исполнителями, лишены самостоятельности в решении основных, наиболее важных стратегических вопросов.

Сказанное делает понятным тот факт, что в стратегических планах и директивах Конференции наряду с вполне здоровыми положениями, истоки которых лежали в традициях Северной войны, встречаем оговорки, ослабляющие позитивное значение таких положений, и явные уступки принципам западноевропейской стратегической системы рассматриваемого вопроса. К тому же большие расхождения в ряде случаев наблюдались между замыслами Конференции и фактическими стратегическими решениями и действиями командующих армиями. Последнее обнаруживается очень явно уже при изучении первой полномасштабной кампании русской армии в Семилетней войне — кампании 1757 года.

Тем временем прусскому королю пришлось срочно разрабатывать меры для хотя бы временной остановки наступающих со всех сторон вражеских армий. Как-то раз вечером Фридрих, против обыкновения, пригласил к ужину всех своих генералов. Стол был накрыт под открытым небом, на широкой площадке. Поступил приказ не отгонять любопытных. За ужином разговаривали о предполагаемых предприятиях против неприятеля; генералы громко подавали свои советы; тут же был составлен план атаки, и в ту же ночь начались все приготовления. Фридрих рассчитывал, что между любопытными могли быть лазутчики, и не ошибся. Еще до рассвета принц Лотарингский обо всем узнал. Но он слишком хорошо знал своего противника и спокойно оставался на своем месте. И эта последняя хитрость не удалась.

Долее медлить Фридрих не смел: французы, вместе с имперским войском, приближались быстрыми шагами. Он оставил большую часть своей армии под началь-

ством герцога Бевернского, которому в помощники дал Винтерфельда, для прикрытия Лаузица и Силезии от австрийцев, а сам с двенадцатью тысячами отправился в Дрезден, чтобы собрать там войско и двинуться к берегам Заале навстречу новому неприятелю.

Австрийцы спокойно оставались на своей позиции до тех пор, пока Мария Терезия не прислала своего канцлера Кауница в лагерь к принцу Лотарингскому со строжайшим предписанием действовать решительнее. Карл на другой же день напал на отдельный прусский корпус. Все выгоды и перевес сил были на стороне австрийцев: пруссаки дрались отчаянно, но должны были отступить со значительным уроном. В этой битве погиб отличный генерал Винтерфельд: он был ранен в грудь навывлет и на следующий день умер.

Когда Фридрих узнал о смерти своего любимца, он воскликнул со слезами: «Боже мой, какое несчастье! Против всех моих врагов я еще надеюсь найти спасительные средства, но где найду я другого Винтерфельда?» Сами неприятели увязали этого отличного генерала. Когда тело Винтерфельда повезли в Силезию, в поместье покойного, австрийские форпосты отдали ему честь ружейным залпом и отделили отряд, который должен был проводить погибшего к месту погребения.

Герцог Бевернский, боясь, чтобы Карл Лотарингский не отрезал его от Силезии, немедленно повел войско к границе. Он переправился спокойно через реки, отделяющие Лаузиц от Силезии, и остановился за Кацбахом. Карл, слегка беспокоя его арьергард, преследовал его до Бобера, потом также вошел в Силезию и через Лигниц направил свой марш к Бреслау.

Между тем 100 тысяч французов вступили уже на германскую землю. Одну часть армии, как уже говорилось, вел д'Эстре, ученик знаменитого Морица Саксонского; он шел против Ганновера. Другая часть находилась под начальством принца Субиза, любимца г-жи Помпадур; он должен был соединиться с имперским головным ополчением и овладеть Силезией. Против первого войска в Вестфалии составила армия из ганноверцев, гессенцев, брауншвейгцев и пруссаков (54 тысячи человек) под начальством герцога Камберлендского, сына

английского короля. Этот полководец, вместо того чтобы остановить врага, отступал до тех пор, пока 26 июля, при Хастенбеке, близ Гамельна, обе армии не встретились и вынуждены были вступить в бой.

Французам недорого стоило выиграть сражение: при первой неудаче герцог Камберлендский велел ударить отбой и уступил неприятелю поле битвы. Д'Эстре преследовал отступающее войско и, наконец, до того стеснил английского командующего, что он 8 сентября подписал в Клостер-Севене позорную конвенцию под ручательством датского короля. Главные статьи конвенции заключались в роспуске всей союзной армии. Солдаты вслед за тем разошлись по домам, а полководец их сел на корабль и отправился восвояси.

Пруссаки должны были сдать Везель в руки французов, которые его тотчас заняли и укрепили. Брауншвейг также был ими занят. Они вторглись в прусские провинции, лежащие на Эльбе, и производили там жесточайшие опустошения и грабежи. Вся Ганноверская область и Гессен находились в их руках.

Французский военный комиссар Фулон, заняв Кассель, действовал, как турецкий визирь: жестокостям и притеснениям всякого рода не было конца. Один Геттингенский университет уцелел от хищничества победителей, и то по особому заступничеству маршала д'Эстре, который в самом начале своих счастливых действий по повелению короля должен был сдать главное начальство над войском герцогу Ришелье, прозванному «французским Алкивиадом» и покровительствуемому г-жей Помпадур. Ришелье пожал плоды всех мудрых действий маршала д'Эстре: он подписал Клостер-Севенскую конвенцию, занял оставленные французам города и он же теперь ознаменовывал себя грабительством и пожарами беззащитных прусских селений и городов. Промотавшийся парижский придворный лев, украсив себя чужими лаврами, хотел поправить свое состояние военной добычей. Он даже не скрывал своего стремления к удовлетворению личной корысти — война эта, по видимому, для того и была ему предоставлена, чтобы он мог воспользоваться ее выгодами. В первый же год своего начальствования над армией он на граблен-

ные суммы построил себе в Париже великолепный дворец, который сама Помпадур прозвала «Ганноверским павильоном».

Из Брауншвейга Ришелье послал отборный корпус войск на подкрепление Субиза, который, соединясь с принцем Хильдбургхаузенским, генералиссимусом имперской исполнительной армии, шел в Саксонию. Грозная имперская армия, представительница германской конфедерации, явилась перед Субизом в таком виде, что французский полководец не мог скрыть веселой усмешки. За исключением солдат, поставленных Баварией, Пфальцем, Вюртембергом и еще несколькими немецкими владениями, все остальное войско походило на армию Амьенского пустышника. Это была ватага оборванных, полуодетых нищих и калек, с сумками и мешками, кое-как и кое-чем вооруженных. Все они стали в ряды из одной надежды на грабежи, но безо всякого нравственного побуждения. Большая часть из них никогда не бралась за оружие и не имела понятия о военном деле. Но вся эта сволочь была разделена на отряды и корпуса. Некоторые округа Швабии и Франконии выставили только по одному солдату; те, которые обязаны были дать офицера без солдат, брали его прямо отсохи. Свинаяр обратили в флейтчиков, а старые упряжные лошади поступали под драгун. Прелаты империи, желая также принять участие в общем деле народной свободы и религии, посылали своих служек и монастырских сторожей, перепоясав их рясы каким-нибудь заржавелым палахом или обломком старой сабли. Женщины и старики провожали эту знаменитую армию.

Вообще, имперская исполнительная армия была более способна мешать действиям правильного, хорошо обученного французского войска, чем помогать ему. Соединенная армия дошла до Готы и Веймара; а Ришелье послал корпус в Хальберштадский округ, который, опустошив страну, появился перед воротами Магдебурга.

Примерно в то же самое время русская армия под предводительством генерал-фельдмаршала Степана Федоровича Апраксина окопчательной численностью 65 187 человек (не считая больных и заслонов на русской границе), сосредоточившись весной в районе Ков-

но, своим авангардом перешла границу Пруссии. Нерегулярные войска его, состоявшие из казаков и калмыков, рассыпались по пограничным провинциям, истребляя все огнем и мечом. Апраксин, отделив корпус под командой генерала Фермора, приказал ему занять Мемель, а сам остановился на правом берегу реки Руссы. Целью похода намечалось овладение Восточной Пруссией, хотя до июня не исключалась отправка части армии в Силезию на помощь австрийцам.

Одновременно с русскими и шведы высадили свое войско в Штральзунде и начали опустошать Померанию.

Пруссия сделалась театром военных действий. «Во все концы ее проникли неприятели, и Фридрих принужден был раздробить армию свою на части, чтобы противопоставить оплот каждому наступающему врагу. Но он не мог равнодушно переносить разорение и гибель самых цветущих своих провинций и не надеялся на свои силы в страшной борьбе. Враги были почти в восемь раз сильнее его; он был окружен ими со всех сторон. Видимо, надлежало превозмочь себя и быть свидетелем и виновником гибели прекрасного Прусского королевства. Часто овладевала им тяжкая меланхолия; в эти минуты он решался не пережить своего несчастья. Генералы прусские, видя его мрачным и пасмурным, боялись, чтобы он в порыве отчаяния не покусился на собственную жизнь. Всем было известно, что он всегда носил при себе сильнодействующий яд. Но в минуты скорби Фридрих изливал всю свою душу в стихах, выражавших глубокое удручение. В них почти везде проглядывала пагубная мысль о самоубийстве. Но сама способность передавать горе стиху служила ему сильным противоядием; и если он сохранил еще некоторую твердость духа в эту печальную эпоху своей жизни, то обязан тем поэтическому направлению своей души. Иногда надежда в нем воскресала; с пророческим воодушевлением предсказывал он Пруссии торжество над врагами и бессмертную славу. Тогда и сам он оживал духом и бодро принимался опять за дело». (Кстати, Фридриху было весьма свойственно преувеличивать как свои успехи, так и, в особенности, неудачи. Это наибо-

лее ярко проявилось на последнем этапе Семилетней войны, когда Пруссия действительно находилась на грани гибели.)

Но обратимся к ходу военных действий и последуем за ними в хронологическом порядке.

Мы видели, что для прикрытия Пруссии от русских Фридрих II оставил до 22 тысяч солдат (практически во всех русских источниках численность этой армии увеличивается до 30 тысяч, не считая 10 тысяч вооруженных горожан ландвера) под начальством опытного полководца, восьмидесятилетнего генерал-фельдмаршала Ганса фон Левальда. В его корпусе служили такие блестящие офицеры, как Манштейн, Мантейфель, Дона, Платен, Рюш. Сам король, занятый борьбой с Францией и Австрией, не считал русских сколько-нибудь серьезными противниками и относился к ним с нескрываемым пренебрежением (в одном из писем он заметил, что «русские же варвары не заслуживают того, чтобы о них здесь упоминать»). Пока совершались кровавые события в Богемии, русские в мае 1757 года четырьмя колоннами (65 тысяч человек без учета авангарда Фермора при 19 тысячах лошадей и огромном количестве артиллерии) проникли в Пруссию.

В январе 1757 года взамен инструкции Бестужева-Рюмина был составлен план будущей кампании. Он предусматривал действия армии Апраксина в пределах Восточной Пруссии с последующим захватом ее столицы — Кенигсберга.

Невозможность прямого пути из Риги в Восточную Пруссию, а также необходимость соединиться с двигавшейся с Украины конницей способствовали выбору окружного пути через Ковно. Особый осадный корпус генерала В. В. Фермора направился к Мемелю — важному порту и пограничной крепости Восточной Пруссии, прикрывавшей ее со стороны Куршского залива. В Ковно армия прибыла 18 июня 1757 года. Поход проходил в трудных условиях и крайне медленно: полки двигались вместе со своими обозами и растянувшиеся на десятки верст телеги и фуры сдерживали идущие следом войска.

Нужно отметить, что сам Апраксин умышленно замедлял продвижение армии. Во-первых, он ожидал изменений на австро-прусском театре военных действий и надеялся, что у него дело не дойдет до серьезного столкновения с прусской армией. Во-вторых, как я уже говорил, фельдмаршал, как и многие сановники, с тревогой поглядывал на «молодой двор», зная о политических и военных пристрастиях наследника престола Петра Федоровича. Поэтому Апраксин хотел действовать наверняка и поддерживал переписку со своим приятелем Бестужевым-Рюминым, ожидая от него указаний и советов. Но канцлер был уже не в прежней «силе» и не мог, как раньше, влиять на события при дворе. В письме от 5 августа 1757 года он рекомендовал Апраксину не тянуть с походом, ибо Елизавета в его присутствии «с великим неудовольствием отзываться изволила, что ваше превосходительство так долго... мешкает». 18 июля он писал фельдмаршалу: «...медлительство вашего марша, следовательно и военных операций, начинает здесь уже по всему городу вашему превосходительству весьма предосудительные разсуждения производить, кои даже до того простираются, что награждение обещают, кто бы российскую пропавшую армию нашел».

Уже на этой стадии кампании 1757 года Апраксин не показал себя хорошим военачальником. Располагая огромной властью, позволявшей ему поступать в походе (с точки зрения «устройства армии», а не планирования операций) по собственному усмотрению, он и здесь постоянно требовал указов и распоряжений правительства. Поход пришелся на Великий пост, и в войсках было много больных. «Правда, — писал Апраксин, — указом Петра Великого и повелевается солдат в том случае в пост мясо есть заставлять, но я собою силу этого указа при нынешних обстоятельствах в действо привести не дерзаю». Когда в конце июня синод прислал разрешение следовать разумному указанию Петра и выдавать солдатам в походе по фунту мяса и две чарки вина в день, пост кончился, а больных было уже более 11 тысяч человек, или пятая часть армии.

Сохранившиеся письма Апраксина подтверждают мнения его современников (в частности, князя

М. М. Щербатова) о том, что главнокомандующий больше беспокоился о поддержании своего прежнего роскошного образа жизни, чем о состоянии армии. 17 апреля 1757 года он писал И. И. Шувалову, чтобы тот хлопотал об отсрочке в выплате долгов фельдмаршалом, и обосновывал эту просьбу таким образом: «По выступлении... моем за границу, где, быв всегда в дороге и имея более во всем дороговизны... столов своих никак убавить не могу, но, напротив того, оныя еще прибавиться должны. Сверх же того, сколько я ни старался уменьшить обоз мой, но никак меньше не мог сделать, как двести пятьдесят лошадей, кроме верховых, которых по самой крайней мере до тридцати у меня быть должно (первоначально обоз состоял из 500 лошадей. — Ю. Н.), и 120 человек людей, почти все в ливреях...» (!)

Тем временем армия продвигалась на запад. Как пишет Керсновский, «В поход шли отнюдь не с легким сердцем. Пруссаков у нас побаивались. Со времен Петра, и особенно Анны, немец являлся у нас существом заповедным — иного, высшего порядка, учителем и начальником. Пруссаки же были прямо всем немцам немец: «Фредерик — говорят — самого француза бивал, а царцев и паче — где уж нам многогрешным противу него устоять!»... После первой стычки на границе, где три наших драгунских полка были опрокинуты прусскими гусарами, всей армией овладела «превеликая робость, трусость и боязнь» (чистосердечно признается Болотов), сказывавшаяся, впрочем, на верхах гораздо сильнее, чем на низах».

Русский авангард, составленный из легких, нерегулярных войск — казаков, калмыков и крымцев, ясно показывал, что война эта будет тягостной и опустошительной для Пруссии.

«Дикие, неустроенные орды этого войска всюду оставляли за собой ужас и отчаяние: пепелища, развалины и трупы жителей без разбора пола и возраста означали их след. Пруссаки смотрели на наше войско, как на вторжение новых варваров, называя наших казаков гуннами восемнадцатого столетия. Между тем в регулярном нашем войске господствовала дисциплина, которая могла служить примером для самых образованных

народов». После пятидневной осады (6 июля) авангард Фермора при поддержке флота взял Мемель, устроив в нем сообщение морем с Ригой. Главные же силы армии вместе с Апраксиным границу Восточной Пруссии решились перейти лишь в середине июля, когда было получено сообщение о сдаче после непродолжительной бомбардировки с суши и с моря Мемеля. В армии возмущались тем, что Фермор, располагая полным превосходством в силах (16 тысяч против 800 человек гарнизоном слабоукрепленной крепости), позволил пруссакам на самых почетных условиях покинуть крепость.

После падения Мемеля Апраксин с главными силами шел вперед, на Вержболово и Гумбиннен почти беспрепятственно, но крайне медлительно. В это же время к Фридланду был выслан конный авангард генерала Сибильского (6000 драгунов и гусаров) для действий в тылу противника. Однако крупная кавалерийская группировка русских была разбита прусскими гусарами в первом же бою и отступила к главным силам, не сумев причинить противнику какого-либо вреда.

Стратегической целью кампании было овладение Восточной Пруссией (предполагалось при успешном исходе войны присоединить к России вассала Речи Посполитой — Курляндию, передав Польше в виде компенсации Восточную Пруссию, но затем Елизавета сама захотела заполучить эту провинцию Фридриха), для обороны которой, как я уже говорил, Фридрих II выделил корпус Левальда.

Русский план кампании, разработанный Конференцией, содержал вполне ясное требование при наступлении в Восточную Пруссию: «...находящемуся в оной войску (противника. — Ю. Н.) ретираду пресечь и тем к сдаче генеральной баталии принудить». Военный совет, собранный Апраксиным, полностью согласился с этим планом. «...Как скоро в неприятельскую землю вступится, то неусыпное старание приложено будет неприятеля атаковать», — сказано в постановлении совета.

Однако реализовать этот стратегический план не удалось. Апраксин начал наступление в июне в общем направлении на Кенигсберг, но двигался очень медленно. Полученный им в июле рескрипт Конференции со-

держал совершенно четко выраженный взгляд на первостепенное значение действий против живой силы: «Более всего наша честь крайне с тем сопряжена, что Левальд от нас не ушел. Приобретение не только Пруссии (Восточной. — Ю. Н.), но хотя б чего и большего, почитаем мы за ничто, ежели б Левальд, оставляя мне королевство, соединился с королем прусским». Заметим, что такая формулировка звучала бы вполне современно пятьюдесятью годами позднее. Но Апраксин продолжал наступать весьма нерешительно. Его прусский визави — старый Ганс фон Левальд тоже не спешил «открывать кампанию». Хотя Левальд располагал значительными силами и временем, он вел себя столь же нерешительно, как и Апраксин.

21 июля вся русская армия наконец-то перешла границу, 26-го прошла Гумбиннен, а 29-го заняла Инстербург. Все пройденные Апраксиным пограничные провинции были объявлены завоеванными Россией и приведены к присяге (хороший показатель «освободительного» характера русского похода в Пруссию для «обуздания завоевателя Фридриха»). Эта решительная мера заставила встрепетаться Левальда и преградить русским путь к дальнейшим захватам.

Крайне неприятным сюрпризом для Апраксина стало активное противодействие, которое демонстрировало местное население, особенно в сельской местности. Несмотря на то что русский главнокомандующий в своем воззвании призвал пруссаков не оказывать сопротивления, обещая сохранять в крае спокойствие, жители стали объединяться в партизанские отряды и нападать на войска противника. Тогда русские начали сжигать окрестные деревни, а самих партизан расстреливали или отрубали у них пальцы на руках.

В июле Апраксин перешел реку Прегель и продолжал марш до Аксинена в надежде обойти фланг неприятеля. Здесь и встретили его пруссаки — со второй половины месяца Левальд ждал врага на сильной позиции за рекой Алле, у Велау (на левом берегу Прегеля). Узнав, что противник преградил ему путь на выгодной позиции у Велау, Апраксин, не решаясь атаковать эту позицию фронтально, изменил направление движения к югу

и начал ее дальний обход — довольно рискованный в сложившихся условиях маневр. Перейдя Прегель и соединившись с авангардами Фермора и Сибильского, Апраксин 23 августа пошел на юг к Алленбургу, в глубокий обход расположения Левальда, с целью миновать прусские позиции и выйти к Кенигсбергу с юго-востока. Движение предполагалось осуществить двумя колоннами: правой — в составе 1-й дивизии Фермора и части 3-й дивизии Броуна*, и левой (2-я дивизия Лопухина и часть 3-й дивизии). Впереди предполагалось направить авангард Сибильского (10 тысяч пехотинцев и кавалерия, усиленные артиллерийской бригадой). В ходе этого маневра Апраксин был сам атакован на марше пруссаками.

Узнав о маневре Апраксина, Левальд совершил быстрый марш навстречу русским. Разгадав маневр русского главнокома, он тоже переправился через Прегель, но ниже по течению и занял удобную позицию на левом берегу реки у деревни Гросс-Егерсдорф, в лесистой местности. Оба войска расположились к битве. Плохо организованная русская разведка так и не узнала, что Левальд, еще к вечеру 17 августа расположившийся южнее Норкиттенского леса, решил атаковать фланги противника: главный удар от деревни Улербален через прогалину, ведущую к русскому лагерю, вспомогательный — по правому крылу русских войск вдоль дорог, к деревне Норкиттен (где ночевала армия Апраксина) с северо-запада и запада.

Сражение произошло 30 августа (19-го по старому стилю). 22 тысячи солдат Левальда противостояли 57 тысячам русских (некоторое общее уменьшение численности войск Апраксина произошло в основном из-за повальных болезней). Левальд решил на атаку, рассчитывая на внезапность и предполагаемое им качественное превосходство прусских войск. Примерно половина растянутой на марше (в результате крайне неудачных фланговых маневров) русской армии не принимала участия в бое. Апраксин, зная о близости непри-

* Броун Юрий Юрьевич (1698—1792) — граф, русский генерал-аншеф.

ятеля, беспечно отнесся к разведке и вовремя не получил сведений о приготовлениях Левальда. Командующий армией почему-то был уверен, что двукратно уступающие русским в численности пруссаки не решатся напаять бой, а будут, маневрируя, пытаться преградить противнику дорогу на Кенигсберг. Поэтому Апраксин допустил роковую ошибку — он начал выводить свои войска к позициям Левальда кратчайшим путем, через густой Норкиттенский лес, по единственной труднопроходимой дороге.

Рано утром русская армия двинулась к Алленбургу. Когда рассеялся туман, русские увидели построившихся в боевой порядок пруссаков.

Следует отметить, что, несмотря на внезапную атаку противника, русские успели занять прекрасную позицию. Тыл их был прикрыт густым лесом, фланги отлично защищены. Левальд хотел зажать гористую местность и поставить на ней свою тяжелую артиллерию, чтобы прикрыть ею свой фланг, но русские и в этом его упрядили. Однако Апраксин загнал свои войска в болото и не сумел толком развернуть их до начала боя. Это определило характер начальной части сражения: воспользовавшиеся медлительностью фельдмаршала пруссаки атаковали русский лагерь неожиданно, не дав противнику построиться.

Сражение, несмотря на численное превосходство русских войск, протекало в тяжелых для них условиях: противнику действительно удалось добиться внезапности. Русская армия была атакована в то время, когда она выдвигалась через лесное дефиле из района своего лагерного расположения по дороге на юг, на Алленбург. Головные соединения армии выходили из дефиле на открытое пространство у деревушки Гросс-Егерсдорф, где уже на рассвете развернулся и изготовился к атаке противник. На авангард Лопухина неожиданно обрушился сокрушительный артиллерийский огонь в упор. Левальд тоже совершил существенную, хотя и объяснимую ошибку: он поторопился использовать выгодную обстановку, не провел толком разведки и вместо заранее запланированного удара во фланг русских атаковал их центр. Поэтому главный удар пруссаков (конница

и пехота принца Гольштейнского, на помощь которой вскоре с запада подошли полки Кальнейна) пришелся по войскам 2-й дивизии В. А. Лопухина, колонна которой только начала выдвигаться из леса.

Кавалерия принца Гольштейнского нанесла стремительный удар в стык авангарда и главных сил. Прусская конница была превосходна, русская весьма посредственная. Левальд начал атаку с обеих крыльев, успел сбить русскую конницу с позиции и загнать за пехоту: Сербский и Венгерский гусарские полки, оказав противнику (прусским драгунам Финкенштейна) незначительное сопротивление, отступили с занимаемых позиций. Санкт-Петербургский кошкогренадерский (о качестве которого я уже говорил выше) и кирасирский полки Наследника после атаки пруссаков тоже оставили позиции и укрылись за каре русской пехоты, не рискуя вязаться в рукопашной бою.

Лишь несколько гусарских эскадронов и казаки смогли компенсировать умелыми маневрами и удачными фланговыми атаками полную несостоятельность тяжелой конницы. Дело в том, что 3-я русская дивизия генерала Брауна шла по другому маршруту и, вместо того чтобы пойти через буквально забитый войсками лес, обошла его с севера. Продвигаясь вдоль опушки к западу, авангард дивизии под командованием Леонтьева* неожиданно встретил массы атакующей прусской кавалерии: на левом фланге пруссаков действовали Платенберг** и Малаховский, южнее, ближе к центру — Шерлемерн Дона. Донские казаки Серебрякова своим испытанным приемом — ложной атакой и отходом — заманили прусских кавалеристов в засаду, подкинул огонь многочисленной русской артиллерии и пехоты, а затем контратаковали. Казаки и калмыки отличились и на заключительном этапе сражения — при преследовании разбитых пруссаков.

* Леонтьев Николай Михайлович (1717—1769) — генерал-поручик. В 1757 году генерал-майор.

** Платен фон Платенберг Дубислав Фридрих (1714—1787) — граф, прусский генерал от кавалерии. В 1761 году командовал отдельным корпусом под Кольбергом.

Однако 2-й Московский полк, оказавшийся под ударом, перестроился и сумел выстоять, отбив атаку кавалерии. К этому времени четыре полка дивизии В. А. Лопухина во главе со своим командиром, пробившись сквозь заполнившие дорогу обозы, стали строиться слева и справа от 2-го Московского полка. Именно их и приказал своей пехоте атаковать Левальд. После сильной перестрелки прусские батальоны, создав значительный перевес в силах на узком участке, атаковали полки дивизии Лопухина и охватили их правый фланг, создав непосредственную угрозу тылам. Стоявшие под перекрестным огнем русские батальоны несли огромные потери — до половины личного состава.

Полки дивизии по собственной инициативе развернулись вправо от дороги на южной опушке лесного массива северо-восточнее Гросс-Егерсдорфа и остановили противника, но правый фланг образованной этими полками линии оказался открытым. Бой на этом участке был очень упорным, но, по свидетельству очевидца А. Т. Болотова, наблюдавшего его с небольшого расстояния, носил чисто огневой характер. Болотов пишет: «Огонь делался с обеих сторон непрерывным ни на одну минуту... Оба фронта находились в весьма близком между собой расстоянии и стояли в огне непрерывном».

Бой на южной опушке леса продолжался, насколько можно судить по реляции Апраксина, около трех часов. Положение войск 2-й дивизии сделалось критическим: противник, продолжая теснить их фронтально, охватывал открытый правый фланг. Атака прусской пехоты оттеснила полки дивизии Лопухина, которые стали беспорядочно отходить в лес. Это был критический момент сражения: несмотря на ошибку в выборе направления главного удара, пруссаки получили возможность атаковать еще находящиеся в лесу русские войска (в основном 1-ю дивизию В. В. Фермора) непосредственно при выходе на опушку, не давая им развернуться в боевые порядки.

Однако русская пехота встретила прусских кавалеристов с прикинутыми штыками, выдержала все их атаки, и они были вынуждены отступить. Тогда двинулась прусская инфантерия. Тяжелый бой продолжался не-

Сражение при Гросс-Егерсдорфе 19 (30) августа 1757 года

сколько часов, преимущественно в центре русских боевых порядков. Левое крыло пруссаков действовало довольно успешно (на этом участке были наголову разбиты два русских полка — Нарвский и 2-й Гренадерский, а весь правый фланг 2-й дивизии русских дрогнул и начал отступать), но правое, которому назначено было нанести решительный удар русским, потерпело неудачу, хотя 2-ю дивизию начали оттеснять от леса и понемногу окружать. В этот момент в ходе боя произошел неожиданный поворот.

По северную сторону лесного массива, на южной опушке которого оборонялись войска 2-й дивизии, находился резерв в составе четырех пехотных полков (Воронежский, Новгородский, Троицкий мушкетерские и Сводный гренадерский) под командованием 32-летнего генерал-майора П. А. Румянцева. Он стоял без дела, не получая приказаний командующего армией, ибо руководство сражением со стороны Апраксина было весьма слабым. По своей инициативе Румянцев двинул свои полки прямо через лес, против всех канонических правил линейной тактики, поскольку такое движение можно было совершить только мелкими группами, на выручку 2-й дивизии.

Румянцев, командовавший бригадой во второй нашей линии, со своими полками пошел в обход, «продрался» через густой лес, на опушке которого показались отступавшие полки Лопухина, штыками ударил охватившим русскую линию прусским полком во фланг и в тыл, смял и погнал их назад. Войска Румянцева пробили сь через лесную чащу, вышли на фланг охватывающего крыла пруссаков и, дав только один залп (по описанию Болотова), атаковали противника в штыки. Прусская пехота не выдержала удара свежих сил Румянцева, была опрокинута и обращена в беспорядочное бегство. Успех на данном участке предопределил победный исход всего сражения — Левальда постигла неудача и при попытке прорвать фронт русских полков справа и слева от Румянцева.

Этим временем по полю расстилался густой дым от горящих деревень, которые Апраксин специально велел зажечь, чтобы скрыть от пруссаков свои передвижения. За дымом вторая прусская линия, выступившая на подмогу первой, не смогла опознать неприятеля и открыла огонь по своим же бегущим товарищам, усилив панику. Командовавший же русским левым крылом генерал-аншеф Лопухин* воспользовался беспорядком

* Лопухин Василий Абрамович (1711—1757) — русский генерал-аншеф, племянник Евдокии Лопухиной — первой жены Петра Великого, племянник известного царевича Алексея Петровича.

в неприятельских рядах. С величайшей неустрашимостью повел он свои уцелевшие батальоны против прусских батарей. Три неприятельские пули пронзили грудь храброго командира — генерал Лопухин был смертельно ранен и попал в плен, но был тотчас отбит своими солдатами. Его отнесли в лес. Придя в себя, Лопухин спросил: «Ну что, гонят ли неприятеля?» Ему отвечали, что пруссаки разбиты. «Слава Богу! — воскликнул он, — теперь умру спокойно; я исполнил долг, возложенный на меня государыней!»

Битва длилась десять часов. Удара Румянцева пруссаки не выдержали: после разгрома кавалерии на левом фланге и наращивания русских контрударов (все же 55 тысяч против 24) Левальд, «на всех пунктах пораженный», велел ударить отбой и очистил поле сражения. Он отступил к Велу в величайшем порядке, без преследования со стороны русских. Только 5 сентября Апраксин двинулся вперед и вновь стал обходить правый фланг пруссаков у Алленбурга. Левальд, не приняв боя, отступил, причем русские не приняли никаких мер, чтобы помешать этому.

Инициативные, решительные, противоречащие шаблонам действия Румянцева представляли собой контраст с недостаточной маневренностью, злоупотреблением огневой тактикой, безынициативностью некоторых из числа командующих соединениями русской армии (например, генерала Сибильского, командовавшего войсками авангарда). В этом сражении ярко проявилось военное дарование П. А. Румянцева.

Пруссак потеряли в этой битве более 2000 человек убитыми, не считая 3000 раненых и пленных. Было захвачено 29 орудий. Потери с русской стороны простирались до 4,5 тысяч, но зато русская армия была вчетверо многочисленнее прусской. Кроме Лопухина, мы лишились генерал-поручика Зыбина* и командира малороссийских казаков бригадира Капниста. Ранено было несколько старших начальников, в том числе артилле-

* Зыбин Иван Ефимович — заместитель командира 2-й дивизии генерала Лопухина. Убит в самом начале рукопашного боя на опушке леса.

рии генерал-поручик Матвей Андреевич Толстой. Несмотря на тяжелые потери, настроение в армии оставалось приподнятым — путь на Кенигсберг был открыт. Фридрих, занятый тяжелой борьбой на юге и западе, ничем не мог помочь своей древней столице. Все ждали приказа выступить вперед.

Но победа при Гросс-Егерсдорфе не принесла никаких плодов России и не причинила особенного вреда Пруссии. Началось труднообъяснимое: во-первых, Апраксин, завершив «нечаянное» для русской армии сражение победой, не преследовал беспорядочно отступавшего неприятеля и вскоре потерял его из виду. Во-вторых, после победы, расчистившей ему короткую прямую дорогу к Кенигсбергу, он тем не менее продолжил ставшее уже ненужным обходное движение на Алленбург, удаляясь от Кенигсберга на юго-запад. После необычайно медленного марша армия пришла в Алленбург, и здесь 24 августа было решено отказаться от взятия Кенигсберга. Апраксин объяснял отступление желанием сохранить армию, страдавшую от недостатка снабжения и болезней. В донесении Конференции он даже попытался обосновать отступление «теоретически»: «...воинское искусство не в том одном состоит, чтоб баталию дать и выиграть, далее за неприятелем гнаться, но наставляя о следствиях часто переменяющихся обстоятельств более рассуждать, всякую предвидимую гибель благовременно отвращать и о целости войска неусыпное попечение иметь».

Таким образом, Апраксин после сражения не только отказался от преследования противника, но, сделав еще несколько переходов, 7 сентября собрал военный совет, который постановил «ввиду затруднительности довольствия армии провиантом» отойти к Тильзиту (на самую границу), где привести в порядок хозяйственную часть. После нескольких дней, которые армия провела в бездействии у Алленбурга, началось отступление, «произведенное весьма скрытно» — удивленные пруссаки узнали об этом только 15 сентября.

Объяснениям Апраксина мало кто верил. Отступление после победы и занятия большей части Восточной Пруссии было полной неожиданностью, чему, как писал

А. Т. Болотов, «сначала никто и даже самые неприятели наши не хотели верить, покуда не подтвердилось то самым делом». Мемуарист, писавший эти строки спустя 30 лет, не преувеличивал.

15 октября М. И. Воронцов сообщал М. П. Бестужеву-Рюмину о «странном и предосудительном поступке» Апраксина: «...он и ко двору Е. И. В. чрез пятнадцать дней по поданном полном известии о воздержанной над прусским войском победе ничего не писал, и здесь ни малейшей ведомости о продолжении воинских операций в Пруссии в получении не имели, покамест, к крайнему сокрушению и против всякого чаяния, наконец от фельдмаршала получили неприятное известие, что славная наша армия за недостатком в провианте и фураже вместо ожидаемых прогрессов без указа возвращается... будучи непрестанно преследуема и якобы прогоняема прусскими командами...»

Апраксин с величайшей поспешностью ретировался за Прегель и не только оставил свои завоевания, но и саму Пруссию. 13 сентября армия покинула Тильзит, причем русский военный совет постановил уклониться от боя с подошедшим авангардом Левальда, несмотря на все превосходство в силах! 27 сентября вся армия была отведена за Неман — на исходные позиции перед началом войны.

Изначально отступление проходило недостаточно организовано, оправившийся после поражения Левальд преследовал русских, в результате были не только утрачены практически все плоды победы, но еще и понесены напрасные потери в людях (больными и оставшими) и материальной части. Если к Тильзиту армия отходила в полном порядке, то уже после 29 сентября ее отступление к Мемелю было беспорядочным и поспешным. Общие безвозвратные потери похода составили около 12 тысяч человек, причем в бою потеряли лишь 20 %, а остальные 80 % — 9,5 тысяч — умерли от болезней.

Очень скоро отступление русских превратилось в бессмысленное бегство: наши войска отступали за границу так быстро и в таком беспорядке, как будто русские были всюду разбиты и преследуемы. Пятнадцать

тысяч раненых и больных были брошены на марше; до восьмидесяти орудий и значительное количество снарядов и обозов оставлены неприятелю. На маршруте отхода все встречные деревни сжигались, «превращая окрестные места в пустыню». По пятам за бегущими русскими со своими крошечными силами шел Левальд, подбирая по пути бесчисленные трофеи. Никто не мог понять причины такого странного поступка Апраксина, тем более, что Гросс-Егерсдорфская битва открыла перед ним дорогу к самой столице Пруссии, вполне обнаженной и беззащитной. ● дни полагали, что русский фельдмаршал боялся зазимовать в стране, совершенно опустошенной его же войсками; другие утверждали, что он был подкуплен Фридрихом. Конференция и сама императрица настойчиво требовали от Апраксина перейти после перегруппировки в наступление и взять Кенигсберг, как это подсказывала обстановка на театре военных действий и как было обещано австрийцам. Однако Апраксин ответил отказом, заявив, что «невозможное возможным учинить нельзя». Неудивительно, что молодой генерал Панин* с риском для себя срочно прибыл в Петербург и доложил Елизавете об измене Апраксина.

28 сентября Апраксин был смещен с должности главнокомандующего. В декларации для союзников отмечалось: «...операции нашей армии генерально не соответствовали нашему желанию, ниже тем декларациям и обнадёживаниям, кои мы учинили нашим союзникам — замедлившееся окончание кампании наградить скоростию и силою военных действий».

Отечественная историография приводит множество причин панического бегства победителей: начиная с «больших потерь и отсутствия снабжения» и заканчивая «политической ситуацией на родине». Как пишет Керсновский, «на марше выяснилось, что вследствие полного неустройства невозможно перейти в наступление этой же осенью и решено отступить в Курляндию».

* Панин Петр Иванович (1721—1789) — граф, русский генерал-аншеф (1765).

Однако Мемель оставался в руках русских, он был прикрыт 10-тысячным корпусом: через этот город русское войско могло получать все нужное продовольствие морским путем. Достаточно сказать, что русский флот доставил армии из Мемеля баржи с продовольствием, но по приказу Апраксина они были пущены на дно. Стало быть, первое предположение (относительно недостатка в снабжении) было неосновательно. Второе подтверждалось анекдотом, довольно забавным, но не совсем правдоподобным. Настоящая же причина отступления русского войска заключалась в тайных интригах при нашем дворе.

Мы уже видели, что всемогущий временщик Бестужев-Рюмин не ладил с наследником престола Петром Федоровичем. Внезапная тяжелая болезнь императрицы заставила его опасаться за ее жизнь. Боясь невыгодной для себя перемены в правительстве, он придумал составить духовное завещание, по которому императрица отказывала престол сыну наследника, Павлу Петровичу, и до его совершеннолетия назначала правителями государства Бестужева и супругу наследника, Екатерину. Для подтверждения такого завещания Бестужев желал на всякий случай иметь под рукой войско. Поэтому он предписал Апраксину немедленно оставить войну с Пруссией и со всей армией перейти в Россию.

Но архиепископ новгородский Дмитрий Сеченов успел примирить наследника с императрицей и тем разрушил злые умыслы честолюбивого временщика. К тому же сама императрица выздоровела. Тогда якобы все открылось: Бестужев был передан суду и сослан за самовольный поступок, а Апраксин обвинен в неспособности привести в действие военные планы правительства. Он был отозван из армии и в конце 1757 года арестован. Вначале он содержался в Нарве, а затем был перевезен в Петербург для допроса (формальным поводом послужило неподчинение приказу о переходе в наступление), где содержался три года и умер от удара, так и не дождавсь суда.

Эти события иллюстрируются еще одним историческим анекдотом, вполне наглядно, однако, рисующим положение дел в Российской империи. Елизавета при-

казала арестовать Апраксина и провести по его делу тщательное расследование. По возвращении фельдмаршала в Петербург его взяли под стражу в небольшом дворце недалеко от столицы, на Средней рогатке, в местечке со странным названием Три Руки. Следствие, как уже говорилось, продолжалось около трех лет. Комиссия, допрашивавшая Апраксина, не могла получить против него каких-либо серьезных улик — он упорно отрицал свою вину. Трагическая развязка наступила совершенно неожиданно. У императрицы спросили, как же поступить дальше с упрямым фельдмаршалом. Елизавета ответила, что поскольку вина арестованного не доказана, то остается последнее средство — освободить его. Во время очередного допроса следственной комиссии один из ее членов успел произнести только первые слова фразы, сказанной Елизаветой: «Остается последнее средство», — фельдмаршал после услышанных слов вообразил себе ужасные пытки и так перепугался, что скончался на месте. Произошло это 19 сентября 1760 года.

Существует еще один вариант этой версии, автором которого является будущая императрица Екатерина, в то время — великая княгиня, супруга наследника. В своих «Собственноручных записках императрицы» она полностью оправдывает Бестужева и утверждает, что Апраксин сам принял решение об отступлении. В то же время она не отрицает наличия придворных интриг, которые роковым образом влияли на ход боевых действий в течение всей войны. По ее словам, «спустя некоторое время мы узнали, что фельдмаршал Апраксин вместо того, чтобы воспользоваться своими успехами после взятия Мемеля и выигранного под Гросс-Егерсдорфом сражения и идти вперед, отступал с такой поспешностью, что это отступление походило на бегство, потому что он бросал и сжигал свой экипаж и заклепывал пушки. Никто ничего не понимал в этих действиях; даже его друзья не знали, как его оправдывать, и через это самое стали искать скрытых намерений.

Хотя я и сама точно не знаю, чему приписать поспешное и непонятное отступление фельдмаршала, так как никогда больше его не видела, однако я думаю, что

причина этого могла быть в том, что он получал от своей дочери, княгини Куракиной, все еще находившейся, из политики, а не по склонности, в связи с Петром Шуваловым, от своего зятя, князя Куракина, от своих друзей и родственников довольно точные известия о здоровье императрицы, которое становилось все хуже и хуже; тогда почти у всех начало появляться убеждение, что у нее бывают очень сильные конвульсии регулярно, каждый месяц, что эти конвульсии заметно ослабляют ее организм, что после каждой конвульсии она находится в течении двух, трех и четырех дней в состоянии такой слабости и такого истощения всех способностей, какие походят на летаргию, что в это время нельзя ни говорить с ней, ни о чем бы то ни было беседовать.

Фельдмаршал Апраксин, считая, может быть, опасность более крайней, нежели она была на самом деле, находил несвоевременным углубляться дальше в пределы Пруссии, но счел долгом отступить, чтобы приблизиться к границам России, под предлогом недостатка съестных припасов, предвидя, что в случае, если последует кончина императрицы, эта война сейчас же окончится. Трудно было оправдать поступок фельдмаршала Апраксина, но таковы могли быть его виды, тем более, что он считал себя нужным в России, как я это говорила, упоминая об его отъезде.

Граф Бестужев прислал мне сказать через Штамбке (министр великого князя Петра Федоровича по делам Голштинии; был тесно связан с Бестужевым и выслан за пределы России после ареста последнего. — Ю. Н.), какой оборот принимает поведение фельдмаршала Апраксина, на которое императорский и французский послы громко жаловались; он просил меня написать фельдмаршалу по дружбе и присоединить к его убеждениям свои, дабы заставить его повернуть с дороги и положить конец бегству, которому враги его придавали характер гнусный и пагубный. Действительно, я написала фельдмаршалу Апраксину письмо, в котором я предупредила его о дурных слухах в Петербурге и о том, что его друзья находятся в большом затруднении, как оправдать поспешность его отступления, прося его повернуть с дороги и исполнять приказания, которые он

имел от правительства. Великий канцлер граф Бестужев послал ему это письмо. Фельдмаршал Апраксин не ответил мне...»

Следует отметить, что при этом Екатерина не отрицает факта существования заговора Бестужева против наследника, и что он был направлен в поддержку самой Екатерины, и что пресловутое отступление Апраксина с ним не связывалось. Вот что она пишет об этом:

«Болезненное состояние и частые конвульсии императрицы заставляли всех обращать взоры на будущее; граф Бестужев и по своему месту, и по своим умственным способностям не был, конечно, одним из тех, кто об этом подумал последним. Он знал антипатию, которую давно внушили великому князю против него; он был весьма сведущ относительно слабых способностей этого принца, рожденного наследником стольких корон. Естественно, этот государственный муж, как и всякий другой, возымел желание удержаться на своем месте; уже несколько лет он видел, что я освобождаюсь от тех предубеждений, которые мне против него внушили; к тому же он смотрел на меня лично как на единственного, может быть, человека, на котором можно было в то время основать надежды общества в ту минуту, когда императрицы не станет.

Эти и подобные размышления заставили его составить план, по которому со смерти императрицы великий князь будет объявлен императором по праву, а я буду объявлена его соучастницей в управлении, что все должностные лица останутся, а ему дадут звание подполковника в четырех гвардейских полках и председательство в трех государственных коллегиях — в коллегии Иностранных дел, Военной и Адмиралтейской. Отсюда видно, что его претензии были чрезмерны. Проект этого манифеста он прислал мне... через графа Понятовского (польский аристократ, любовник Екатерины, затем — последний король Польши, правивший до 1794 года, подробнее о нем ниже. — Ю. Н.), с которым я условилась ответить ему устно, что я благодарю его за добрые на счет меня пожелания, но что я смотрю на эту вещь как на трудноисполнимую».

Трудно сказать, в каком из всех этих суждений больше правды. Однако два обстоятельства не вызывают сомнений. Во-первых, Елизавета была действительно тяжело больна и в любой момент могла освободить престол для Петра Федоровича, который ждал этого еще с ноября 1742 года. При выходе из церкви в Красном Селе 21 сентября 1757 года императрица без сознания упала на паперть и долгое время не приходила в себя. После этого ее самочувствие продолжало внушать серьезные опасения окружению. Во-вторых, ни для кого не было секретом, что великий князь открыто благоволил к Фридриху, называл его своим преданным другом и считал войну против него досадной ошибкой. Поэтому «нет ничего удивительного в том, что трусливый и беспринципный аристократ Апраксин в угоду будущему императору легко и быстро пошел на предательство национальных интересов России».

Касательно истинной роли Апраксина в войне и вообще морального облика тогдашнего русского генералитета Кони приводит еще один любопытный пример. По его словам, рассказывают, что Апраксин отправил «частным порядком» из Пруссии несколько бочонков с червонцами, поручив еврей-маркитанту доставить их своей жене. Чтобы отвлечь всякое подозрение, на бочонках была надпись: «Прованское масло».

Между тем он уведомил свою супругу письмом о настоящем содержании бочонков. Транспорт благополучно прибыл в Петербург. Аграфена Леонтьевна Апраксина приняла посылку своего мужа и приказала поставить бочонки в маленьком кабинете, смежном с ее спальней. Ночью, оставшись одна, она решила откупорить один из них: крышка свалилась и в комнату потекло прованское масло. Маркитант, подозревая незаконность посылки, воспользовался золотом и заменил его маслом. Комментарий, как говорится, излишни.

Керсновский оправдывает причины фактического поражения русских в этой кампании следующими мотивами: «вследствие необычайного стеснения действий главнокомандующего кабинетными стратегами и расстройством хозяйственной части (в те времена не зависевшей от строевой, а имевшей... собственную иерар-

хию)». И далее: «С ним [Апраксинъ] поступили несправедливо. Апраксин сделал все, что мог бы сделать на его месте любой начальник средних дарований и способностей, поставленный действительно в невозможное положение и связанный по рукам и ногам Конференцией». Странно: «кабинетные стратеги», чье влияние на армию было действительно негативным, на сей раз не «стесняли» действий Апраксина, а, напротив, гнали его вперед, в Силезию или на Берлин. Однако граф Степан Федорович сам отказался встретиться с уже битыми им частями Левальда, в несколько раз уступающими ему по численности, причем это решение было принято на его военном совете, а не по «указке» Конференции.

Независимо от справедливости этих версий нужно обратить внимание на то, что решение на отступление было принято советом генералов и полковников армии, которые (за исключением, может быть, одного-двух лиц) не могли быть причастны к дворцовым интригам. Главным формальным мотивом для принятия решения было исчерпание возимых запасов продовольствия и представление о невозможности довольствования средствами занятого края. Система снабжения за счет местных средств была еще непривычна для командования русской армии, а значение продовольственных трудностей преувеличивалось.

Всесильный временщик Бестужев после падения и ареста своего приближенного Апраксина продержался у власти только 4 месяца и 10 дней. Его заговор против наследника Петра Федоровича не был документально подтвержден (канцлеру удалось вовремя сжечь компрометирующие бумаги), однако подозрения и недоверие к нему усилились не только у Елизаветы, но и у других членов Конференции. Среди близкого окружения императрицы у него заслуженно появилось слишком много недругов и почти не осталось друзей. Главными его противниками стали братья Шуваловы, вице-канцлер Михаил Воронцов и великий князь Петр Федорович. Кроме того, после бегства Апраксина из Восточной Пруссии против Бестужева резко выступили австрийский посол граф Эстергази и французский по-

сол л'Опиталь. Эстергази был возмущен как самим фактом прямого предательства со стороны русских, так и тем, что Бестужев упорно не хотел считать Австрию первой державой, воюющей с Фридрихом. Л'Опиталь же ясно видел, что проанглийски настроенный канцлер более склонен к союзу с Англией — извечной противницей Франции и сторонницей Пруссии, чем с Бурбонами.

В конечном счете Бестужев 12 марта 1758 года был арестован при полном собрании Конференции, лишен всех чинов и знаков отличия. Вместе с ним были взяты под стражу ювелир Екатерины Бернарди, бывший адъютант Алексея Разумовского Иван Елагин и бывший учитель русского языка Екатерины Василий Адауров. Следственную комиссию возглавили генерал-прокурор Н. Ю. Трубецкой, начальник Тайной канцелярии А. И. Шувалов и фельдмаршал А. И. Бугурлин (вскоре возглавивший русскую армию в Пруссии, но тоже особо не преуспевший). Хотя вина Бестужева осталась недоказанной, его все же приговорили к смерти.

Однако верная своему обыкновению Елизавета не утвердила этот приговор, и бывшего фактического главу России в апреле 1759 года отправили в ссылку в принадлежавшее ему село Горстово Московской губернии. Сведения об имевшем место заговоре против наследника подтверждаются тем, что Екатерина, свергнув своего мужа в 1762 году, высочайшим указом реабилитировала бывшего канцлера, вернула ему все чины и пожаловала званием генерал-фельдмаршала, однако реальной власти не дала. Кстати, нелишне заметить, что современники не всегда лестно отзывались как о личных качествах этого деятеля, так и о той роли, которую он сыграл в российской истории. Как бы то ни было, кровь нескольких тысяч русских солдат пролилась впустую: такого за всю Семилетнюю войну никогда не случалось ни с французами, ни со столь презируемыми вышеуказанной историографией австрийцами.

Пока разыгрывался фарс с первым русским походом в Пруссию, Фридрих, так дешево отделавшись от русских, мог теперь направить корпус Левальда против шведов. Он отдал ему приказ немедленно двинуться

в Померанию в подкрепление народной милиции, которую составили сами померанцы. Это было первое народное ополчение в Европе. Тогда знали только постоянные войска, вооружение целой провинции на счет народа было явлением совершенно новым. Пример Померании принес большую пользу Фридриху; с этих пор, в продолжение всей Семилетней войны, формирования народной милиции (ландвера) стали играть значительную роль при защите провинций и крепостей. Король не забыл об этом: в своем духовном завещании он предписывал Фридриху-Вильгельму II «обращать особое внимание на Померанию, потому что народонаселение этой провинции составляет главную и самую надежную опору прусского королевства».

Шведы в количестве 22 тысяч под предводительством генерала барона Унгерна фон Штернберга (его потомок Роман Федорович стал одним из деятелей русской контрреволюции в Монголии и даже был провозглашен инкарнацией Будды) перешли реку Пеене, овладели Штральзундом, проникли даже в Бранденбургскую марку. Все эти провинции прикрывали только 8000 человек регулярной армии, которая под начальством генерала фон Мантейфеля занимала Штеттин и не могла покинуть этого важного пункта. А потому шведы без всякого затруднения овладели городами Деммином, Анклом, Узедомом и Волином. «Но враги, некогда столь страшные для Германии, предписывавшие на Вестфальском конгрессе (в 1648 году. — Ю. Н.) законы для всей Европы, явились теперь в самом жалком и ничтожном виде. Вся храбрость их состояла в нападениях на беззащитные селения, в грабежах и пепелоствах. В этом войске, собранном наскоро, высланном шведским Сенатом без необходимых приготовлений, нельзя было узнать и тени воинов Густава-Адольфа и Карла XII. У них не было ни легких войск, ни понтонов, ни надежной артиллерии. ни даже магазинов. Кроме того, господствовал величайший беспорядок в самом командовании: командир не смел ничего предпринять без предварительного разрешения сената, а сенат давал ему предписания самые несообразные с делом и притом противоречащие одно другому (ничего не напоминает? — Ю. Н.).

При первом появлении Левальда шведы отступили от всех своих завоеваний» (Кони. С. 311). Горсти пруссаков было достаточно, чтобы вытеснить их отовсюду: шведы бежали из городов почти без сопротивления.

К концу октября весь театр военных действий со шведами ограничивался небольшим клочком Северной Пруссии. Большая часть шведской армии, нуждаясь в продовольствии, переправилась на остров Рюген. Пруссаки смеялись над этими врагами: «Шведы пронырливы, как лисицы, — говорили они, — а трусливы, как зайцы!».

Мы оставили Фридриха в походе против армии Субиза. После нескольких небольших стычек он достиг 14 сентября Эрфурта. При первом появлении прусского авангарда соединенные армии французов и имперцев отступили. Фридрих преследовал их, овладел Готой и отгеснил неприятеля до Эйзенаха. Здесь французы заняли позицию; Фридрих стал под Эрфуртом, выжидая новых предприятий с их стороны. Но он вынужден был снова ослабить свое небольшое войско, отделив от него два корпуса. Один, в 4000 человек, он отправил с герцогом Фердинандом Брауншвейгским в Хальберштадт, против французов, посланных герцогом Ришелье; другой корпус, в 8000 человек, он поручил принцу Морицу с предписанием отправиться в Саксонию и между Мульдой и Эльбой наблюдать за движениями австрийцев.

Чтобы скрыть от неприятеля свое малосилие, Фридрих беспрестанно переводил свои полки из одного места в другое и при каждом перемещении они вступали под новыми именами. Шпионы в точности передавали Субизу все эти названия полков: почитая войско прусское чрезвычайно значительным, французский полководец долго не решался атаковать его. Узнав, наконец, что Фридрих оставил для прикрытия Готы только четыре кавалерийских полка, он вознамерился снова взять этот город.

Генерал Зейдлиц, командовавший гарнизоном Готы, немедленно оставил город; но, отступив на полмили, начал готовиться к бою. Французы заняли Готу. К вечеру офицеры шумно засели за стол: начался веселый пир

и разливное море вина. Вдруг раздались выстрелы почти у городских ворот. Покровительствуемый густым туманом, Зейдлиц прокрался втихомолку к Готе и расположил свои войска под стенами. Не трогаясь с места, не оставляя бутылки, Субиз приказал нескольким офицерам, взяв отряд, отбить бессильного неприятеля. Но французы были изумлены до крайности, увидев перед собой длинную линию войска, состоящую из кавалерии и инфантерии. Зейдлиц, чтобы обмануть их, приказал драгунам спешиться и расставил их между гусарскими полками в виде пехоты.

Не давая французам опомниться, он ударил на них с криком и стрельбой. Пораженные паническим страхом, французы бросились в город, прусские гусары ворвались за ними, раздались выстрелы под самыми окнами герцогского дворца, сеча загремела по всем улицам. Субиз и его генералы выскочили из-за стола и едва смогли отыскать своих лошадей. Во весь опор понеслись они в противоположные ворота города, весь гарнизон ринулся в беспорядке за ними. Пруссаки захватили опоздавших в плен и овладели всем багажом. С жадностью гусары стали разбирать неприятельский обоз и громко хохотали, находя в офицерских фургонах парчовые халаты, зонтики, духи, пудру, благовонные мыла, попугаев и обезьян.

Зейдлиц со своими офицерами сел за обед, неоконченный французами. Камердинеров, фризеров, лаваров, актеров и множество молодых женщин, служивших в так называемой легкой артиллерии при французском войске и захваченных вместе с обозом, он приказал отправить к неприятелю безвозмездно. Французов преследовали до Эйзенаха. С этих пор имя Зейдлица загремело: предприятие его было дерзко, даже безрассудно, но оно удалось, и слава о нем разнеслась повсюду. 22 сентября он возвратился в лагерь короля, потому что не мог удерживать Готу без опасения быть окруженным неприятелем. Смелый подвиг его не принес никакой существенной пользы, но он ободрил дух пруссаков и в то же время показал характер французского войска и его предводителей.

По выходе Зейдлица из Готы французы опять заняли город. Фридрих принужден был оставить Тюрингию и выдвинуться к Бутштету, чтобы занять безопасную позицию. Здесь он простоял спокойно до 10 октября. Но вдруг его поразило известие, что герцог Ришелье ведет 30 тысяч человек к Магдебургу и что австрийцы покушаются на самую столицу Пруссии. Даун, пользуясь раздроблением прусского войска, послал партизанский корпус генерала Гаддика* к Берлину.

Прежде всего король обратился к герцогу Ришелье; он ублажал его самолюбие льстивыми письмами и, зная его жадность, послал ему 100 тысяч талеров с тем, чтобы он не тревожил Магдебургского герцогства. Сделка эта осталась тайной для французского правительства, а Ришелье (видимо, взяв пример с Апраксина) вдруг переменил свое намерение и оставил прусские провинции в покое. Керсновский и здесь не удержался, чтобы не излить очередную порцию германофобства: «Фридрих не был бы пруссаком и германцем, если б действовал одними честными способами. Он заключил сделку с Ришелье, подобно тому, как Бисмарк провоцировал войну с Францией подделкой «эмской депеши» и как Вильгельм, провоцировавший русскую мобилизацию подложным декретом (эпизод с «Локаль Анцейгером»), послал затем в Россию Ленина. Германцы не изменились со времен Тацита. «Genus mendatio natum» — племя, рожденное во лжи...»

Непонятно, почему давший взятку Фридрих хуже принявшего ее от врага Ришелье? Непонятно, почему вообще подкуп противника, кстати, широко практиковавшийся русскими (Керсновский об этом почему-то умалчивает), является чем-то предосудительным? Непонятно, наконец, почему (отвлекаясь от темы) «нечестным» является вильгельмовское «провоцирование русских к мобилизации» в 1914-м? По-моему, гораздо более «нечестным» и к тому же эффективным был бы удар по еще не отмобилизовавшей свою армию России, тем более, что немцы закончили свою мобилизацию в два ра-

* Гаддик Андрей (1712—1790) — австрийский генерал, затем фельдмаршал.

за быстрее (Керсновский, закончивший свою книгу к 1938 году, уже имел перед глазами живые примеры такой стратегии).

Однако вренемся к событиям 1757 года. Против Гаддика король велел действовать принцу Морицу, который и принял надлежащие меры, чтобы остановить австрийцев на подходе.

Но Гаддик ускользнул и 16 октября с 4000 австрийских кроатов появился у Котбусских и Силезских ворот. Берлин, отовсюду открытый, имел для своей защиты только две тысячи городской стражи, триста человек солдат и сотни две новобранцев. При первом известии о появлении Гаддика королевская фамилия выехала в крепость Шпандау. Комендант Берлина Рохов до того перепутался, что бросил столицу и также ускакал в Шпандау. Отряд полка фон Лангена один выступил против неприятеля. Гаддик сбил палисады, которыми были прикрыты ворота, ворвался в предместье, окружил храбрый прусский отряд и изрубил его на месте. Грабеж и бесчинства, производимые кроатами в предместье, привели в трепет всю столицу.

Между тем Гаддик, зная о приближении Морица Дессауского и понимая всю опасность промедления, торопился поскорее окончить свое дело. Он послал своего адъютанта в магистрат, требуя 300 тысяч талеров контрибуции. Члены магистрата, чтобы успокоить жителей, решили выплатить 200 тысяч талеров. После долгих споров с обеих сторон, помррились на 215 тысяч. Едваденьги были отсчитаны, Гаддик с величайшей поспешностью отступил в Котбус. Два часа спустя приискакал Зейдлиц с 3000 гусаров на спасение столицы, а на другой день последовал за ним весь корпус Морица, но было поздно, увертливый партизан уже успел скрыться.

Впоследствии выяснились некоторые любопытные обстоятельства рейда на Берлин. Прусская столица славилась тогда своими дамскими перчатками. Поэтому Гаддик, кроме денег, вытребовал 20 дюжин дорогих перчаток, которые хотел принести в дар Марии Терезии. Требуемое было ему выдано в завязанных пачках. Когда же императрица захотела примерить их, выяснилось,

что все перчатки были на одну левую руку. Насмешка глубоко ее оскорбила, и не в меру услужливый Гаддик в дальнейшем не раз пострадал за свою угодливость за чужой счет.

Фридрих с досадой узнал о позорном средстве, которым куплена свобода его столицы. Но делать было нечего; враги его походили на стоглавую гидру: едва отсекал он ей одну голову, другая нарастала; а между тем силы его истощались. Каждая мелкая стычка уносила горсть храбрых, каждая значительная битва стоила нескольких тысяч воннов. Поневоле надлежало прибегать к золоту, где нельзя было взять мечом (тем более, что Вольгер очень точно подметил эту привычку прусского короля: «Он (Фридрих) всегда упорно стремился к исполнению своей цели, но возможно меньшими затратами»). Но изо всех его врагов самым забавным был имперский сейм, собранный в Регенсбурге.

Эти мудрые «парики» издали следили за ходом военных действий; видя истощение прусских сил, слыша о вторжении союзных войск во все края Прусского королевства и даже о походе Гаддика на Берлин, они решили, что Фридрих погиб окончательно и поторопились произнести над ним свой приговор. Имперский сейм объявил его «лишенным всех владений и курфюрстского сана». 14 октября от сейма был отправлен государственный нотариус Апрель с депутатами для объявления имперского декрета прусскому посланнику, графу Плото.

Именем сейма приглашался он явиться в зал заседания для заслушивания вместо своего государя приговора верховного имперского судилища. Граф Плото встретил депутатов в шлафроке. Но когда нотариус с приличной важностью начал читать свою бумагу, он не дал ему закончить, вытолкал его из комнаты и велел своим людям сбросить с лестницы. Прочая депутация в страхе и ужасе разбежалась во все стороны, «утратив величественные свои парики и шляпы». Тем и кончился грозный приговор верховного судилища Германии!

Но теперь Фридриху надлежало употребить всю бодрость духа и все свои силы, потому что для него наступала самая критическая минута. Корпус герцога Беверн-

ского был сильно стеснен; в то же время пришло известие, что Субиз с франко-имперской армией (43 тысячи человек) прошик в Саксонию и почти дошел до Лейпцига с явной целью дожидаться там подхода армии Ришелье (который, напомним, внезапно потерял интерес к ведению дальнейших наступательных действий). Фридрих решил сперва вытеснить этого опасного врага в Тюрингию, боясь, что он расположится зимними квартирами в Саксонии. Наскоро соединил он свои разбросанные корпуса, которые составляли до 23 тысяч человек, и в середине октября двинул их к Лейпцигу.

Неприятельская армия отступала к Заале и, чтобы воспрепятствовать пруссакам перейти через эту реку, заняла города Галле, Мерзебург и Вейсенфельс. Фридрих быстро следовал за неприятелем. Предводительствуя лично своим авангардом, он дошел до Вейсенфельса. Французы очистили город и переправились через Заале. Они зажгли за собой мост, чтобы остановить пруссаков. Фридрих послал отдельный корпус к Мерзебургу, но и там все мосты были разрушены. Французы оставили Магдебург и отретировались к Мюхельну (под Эйзенахом), где встали лагерем на высотах к юго-востоку от этого городка.

Пруссаки стали наводить понтоны в разных местах; неприятель не мешал им. Фридрих переправил армию через реку и стал лагерем напротив Мюхельна, северовосточнее Бедры. Осмотрев позицию неприятеля, король нашел, что его можно легко и выгодно атаковать; на следующий день он решил начать действия. Но прусские гусары, отправляясь вечером на фуражировку, воспользовались беспечностью неприятеля, проникли в его стан, захватили множество лошадей и несколько сот солдат увели из палаток.

Это заставило Субиза за ночь переменить позицию. Фридрих двинулся на следующее утро против неприятеля, но, заметя перемену, отложил свое намерение и 4 ноября отступил на более удобные позиции между Бедрой и деревушкой Росбах, лежащей в одной миле от Лютцена. Кроме того, получив известия об увеличившейся активности австрийцев в Богемии, он принял во внимание возможность марша в Силезию. Следовало

опасаться и начала наступления русских, которые могли легко овладеть Берлином. Поэтому из 41 тысячи солдат, бывших в его распоряжении, к утру 5 ноября в Росбахском лагере осталось только 22 тысячи. В этих условиях Фридриху пришлось уступить инициативу противнику и ждать.

Французы торжествовали отступление Фридриха как победу. Громы литавр и веселые песни раздавались в их стане. «Вот вам и непобедимый герой! — говорили офицеры. — При одном взгляде на нас он уже бежит. Но мы оказываем слишком много чести «бранденбургскому маркизу», воюя с ним! Побеждать его смешно, надо просто забрать его со всей шайкой в плен и отправить на потеху в Париж!» Такое хвастовство происходило у французов от уверенности, что Фридрих теперь в их руках и не может вырваться. Боясь, чтобы он не ускользнул от них, Субиз вознамерился немедленно напасть на пруссаков и полонить всю их армию вместе с предводителем. Его план предусматривал глубокий обход левого фланга прусской армии с целью отрезать врага от находящегося в его тылу переправ.

Рано утром 5 ноября французский генерал граф Сен-Жермен, с 6000 человек расположился прямо напротив Росбахского лагеря, при Гресте, чтобы отрезать пруссаков, находившихся в Мерзебурге. Остальное франко-имперское войско (около 38 тысяч) тремя параллельными колоннами пошло вправо, на Бутштедт, в намерении обогнуть левое крыло прусской армии, чтобы ударить на нее в тыл, в случае ее отступления на Вейсенфельс. Один только корпус Сен-Жермена остался перед фронтом пруссаков. Все эти движения совершались без разведки и охранения, явно, с песнями, при громкой веселой музыке и с барабанным боем.

Фридрих спокойно смотрел все утро на движения неприятеля. В 12 часов прусские солдаты стали обедать. Король также сел за стол со своими генералами. «Разговор шел о посторонних предметах, ни слова о предстоящей опасности. Сердца пруссаков бились от страшного ожидания, но никто не смел заикнуться о положении войска. Все взоры были устремлены с надеждой и упованием на короля, в голове которого уже созрел

план битвы». Французы дивились равнодушию пруссаков и приписывали его совершенной безнадежности. «Несчастные хотят нам отдаться в плен, не потеряв заряда!» — говорили они и продолжали свой марш.

В два часа Фридрих встал из-за стола, спокойно вынул подзорную трубу, окинул взором все диспозиции неприятеля и вдруг велел ударить тревогу. В несколько минут поле было убрано и очищено, обозы отошли назад, артиллерия выдвинулась, войска стояли в строю. Королю подвели коня. Как молния пролетел он перед рядами, приветствуя солдат. В середине он остановился, махнул рукой и около него образовался полукруг генералов и офицеров.

«Друзья! — сказал он громко, обращаясь к войску. — Настала минута, в которую все для нас драгоценное зависит от нашего оружия и нашей храбрости. Время дорого, я могу сказать вам только несколько слов, да много говорить и не для чего. Вы знаете все нужды, голод, холод, бессонные ночи, кровавые сечи я делил с вами донны по-братски, а теперь я готов для вас и за вас пожертвовать даже жизнью. Требую от вас такого же залога любви и верности, какой сам даю вам. Прибавлю одно: не для поощрения, а в воздаяние оказанных вами подвигов, отныне до тех пор, пока мы вступим на зимние квартиры, жалованье ваше удваивается. Вот все! Не робеть, дети! С Богом!» Громкие крики прервали благоговейную тишину, с которой солдаты внимали своему вождю. Ряды зашевелились, и как под электрическим ударом, колонны встрепенулись и двинулись вперед».

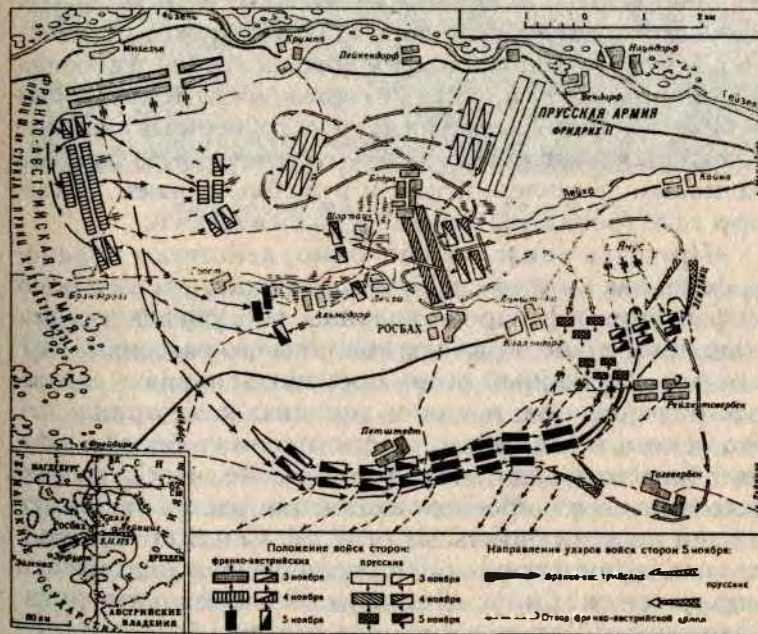
Французы были изумлены быстрой переменой в прусском лагере. «Да это настоящее оперное превращение! — восклицали они. — Наконец очнулись! Они хотят бежать, но нет, мы их не упустим!» И крылья их пошли вперед с удвоенной быстротой.

План Фридриха был прост, но эффективен. Пока его 38 кавалерийских эскадронов отходили на восток, широко развернувшись по всему фронту, пехота, намного более подвижная, чем у врага, быстро поменяла направление марша на юг, скрытая от союзников Росбахскими высотами и собственной кавалерией. Зейдлиц вел двухтысячный прусский авангард, состоящий из легкой кон-

ницы и выполнявший функцию передового охранения. Ряд холмов тоже скрыл его от взоров неприятеля. Быстро прошел он влево и стал в стороне, выжидая, пока с ним поравняется обходящий левое крыло неприятель.

Между тем на высоты холмов выехала прусская артиллерия. Внезапно залп ее 18 пушек раздался над беспечными головами французов: строи их заредели. Французские пушки плохо действовали из долины, ядра их перелетали через ряды пруссаков. Французы, ожидавшие своим маршем далеко обойти левый фланг неприятеля, внезапно очутились перед развернутым строем семи гренадерских батальонов, подкрепленных всей артиллерией Фридриха.

В это время Зейдлиц уловил удобную минуту для нападения — перед ним открыт фланг неприятеля. Эскадроны его стоят, как вкопанные, не шевелясь, не давая шевельнуться лошадям, удерживая дыхание. Бодро выезжает Зейдлиц перед фронтом: «За мной, друзья!» — кри-

Сражение у Росбаха 5 ноября 1757 года

чит он наконец, не дожидаясь пехоты, и бросает свою трубку в воздух в знак атаки.

Как стая ласточек, взвилась легкая прусская конница и вслед за своим молодым командиром ударила во фланг и тыл беспечно идущего неприятеля. «Здесь совершается событие, небывалое в летописях войн. Легкая конница, гусары мнут и опрокидывают тяжелую кавалерию французов, побивают и гонят знаменитых французских жандармов. Субиз посылает им на подмогу свой резерв, но пораженные, гонимые жандармы врываются в беспмятстве в ряды своей подмоги. В общей суматохе нельзя построиться, нельзя стать в боевой порядок, и резервные полки бегут вместе с разбитыми. Пруссаки гонятся за ними с неистовством: легкие ласточки стали хищными коршунами. Горное ущелье останавливает их геройский порыв, и сотни бегущих сдаются им в плен» (Кони. С. 318).

Между тем разбитая французская кавалерия обнажила свою пехоту. Зейдлиц у нее в тылу. В то же время к ней «косым строем» подошла прусская пехота с правого фланга. Страшный залп из пушек «приветствовал» французов, затем пруссаки открыли частый ружейный огонь. Попытка Хильдбургхаузена развернуть свою пехоту и атаковать врага в Рейхертсвебене была сорвана залповым артиллерийским и ружейным огнем. Затем прусские grenадеры пошли на врага в штыки.

«Пруссаки движутся спокойно, действуют хладнокровно, как на учении. Субиз поспешно строит свою инфантерию в фоларовы колонны, воодушевляет своих солдат: ничто не помогает; колонны его рассеяны, картечный и ружейный огонь производят в рядах страшное опустошение; наконец, прусская кавалерия мнет его пехоту, и все войско ищет спасения в беспорядочном бегстве. Солдаты бросают оружие, чтобы скорее ускользнуть от преследования; напрасно: их берут в плен целыми батальонами. Граф Сен-Жермен с несколькими швейцарскими полками не смог поддержать главные силы армии, но прикрыл беспорядочную ретираду, он один оставался на поле до конца битвы. Наступившая ночь спасла французов от совершенной гибели

*Зейдлиц бросает трубку — сигнал к атаке.
Росбах, 1757 год*

ли. На следующий день их преследовали до Инструга» (Кони. С. 320).

Менее чем за час с половиной союзная армия перестала существовать. При первом нападении пруссаков воины знаменитой исполнительной армии принца Хильдбургхаузенского бросали оружие и попрятались по окрестным болотам и лесам. Одни французы защищались в продолжение двух часов. Потери их простирались до 10 тысяч человек; 7000 попали в плен и между ними девять генералов и 326 офицеров. Кроме того, пруссаки отбили 67 пушек, 25 знамен и штандартов и весь обоз. Фридрих лишился только 165 человек убитыми и 376 ранеными (!). Корпус принца Фердинанда

Брауншвейгского (20 тысяч человек) совсем не участвовал в сражении. Зейдлиц был ранен пулей в руку. В награду за отличие Фридрих тут же пожаловал его из младших генерал-майоров в генерал-лейтенанты и надел на него орден Черного орла.

Французы приписали свое страшное поражение трусости имперцев, которые своим воплем и бегством нагнали панический страх и на французских солдат.

«Итак, поле битвы, близ которого пал великий Густав Адольф, защищая свободу Германии (Кони имеет в виду Лютценское сражение 1632 года во время Тридцатилетней войны, когда шведско-протестантская армия разгромила войска Габсбургов. Король Швеции Густав Адольф погиб в бою. — Ю. Н.), снова огласилось победными криками германцев! Французы, которые всюду ознаменовывали себя грабительством и насилием, возбуждали ненависть всех немцев — и союзников и врагов. При входе в Саксонию они не пощадили даже земли союзного государя, опустошили деревни и города, покрывали позором и оскорблениями саксонских сановников, ругались над святынями храмов. Зато известие об их поражении при Росбахе привело в восторг всех германцев без исключения. Тюрингские крестьяне, разоренные ими, теперь воспользовались минутой мщениия. Они собирались толпами, вооружались, чем могли, и захватывая бегущих французов, подвергали их страшным истязаниям» (Кони. С. 321).

После бегства французов на запад (к Эрфурту и Эйзенаху) к ним присоединились резервы численностью до 20 тысяч человек, но это было уже бессмысленно: Франция более не могла продолжать кампанию.

Сами австрийцы, которые действовали заодно с французами, ненавидели их за непомерную гордость и хвастовство. Во время Росбахской битвы прусский гусар напал на француза и хотел его полонить. Но в самую решительную минуту увидел позади себя австрийского кирасира, который занес над его головой саблю. «Брат немец! — закричал пруссак. — Будь друг, оставь мне этого француза!» — «Бери!» — отвечал австриец и во весь опор поскакал прочь.

Но Фридрих очень ласково обошелся с пленными французами. Он сам осматривал раненых и утешал их. Встретя между ними молодого офицера с перевязанной рукой, он спросил: «И вы ранены?» Француз ловко поклонился: «Вашим храбрым гусарам обязан я этой раной и счастьем видеть вблизи великого монарха и полководца, которому удивлялся издали». — «Очень жалею о первом, — отвечал король, — но надеюсь, что вы скоро поправитесь, а чтобы доставить вам случай видеть меня чаще, прошу приходите ко мне обедать».

Между ранеными был также генерал Кюстэн, который показал чудеса храбрости в глазах Фридриха. Король послал к нему своих врачей, потом сам посетил его и старался успокоить. «Ваше величество! — сказал больной старик, едва приподнимаясь с подушки. — Вы гораздо выше Александра Великого, тот только щадил своих пленников, а вы проливаете бальзам на их раны». Встретя израненного гренадера, который при нем дрался против трех прусских кавалеристов и сдался не прежде, пока не упал под их ударами, король подошел к нему с лаской: «Ты герой! Но как ты мог так долго сопротивляться? Разве ты считаешь себя непобедимым?» — «Был бы непобедим под вашим начальством!» — отвечал солдат, поднося руку ко лбу. Фридрих велел сохранить жизнь его во что бы то ни стало. Когда французские офицеры принесли королю свои незапечатанные письма, прося их отослать во Францию, Фридрих отдал их назад: «Запечатайте ваши письма, господа, — сказал он. — Я никогда не привыкну смотреть на французов, как на врагов моих, и почитать их способными на низость». — «Государь, — отвечали тронутые французы, — вы действительно великий полководец: вы побеждаете не только война, но и человека!»

Генерал Мальи по семейным обстоятельствам имел надобность вернуться в Париж: Фридрих отпустил его под честное слово. На следующий год он писал к королю, прося отсрочку своему отпуску. Фридрих отвечал: «Охотно даю вам отсрочку; рад, что могу оказать услугу человеку достойному. Я всегда был того мнения, что политические обстоятельства, вовлекающие во вражду ко-

ролей, должны как можно менее причинять несчастья частным людям».

Вся Германия праздновала победу при Росбахе. Всюду гремели похвальные песни прусскому оружию и насмешки над противной партией. В Англии известие об этом новом подвиге прусского короля было принято с восторгом. Англичане обожали Фридриха и громко роптали на заключенную принцем Камберлендским конвенцию, которая налагала клеймо позора на английскую нацию. Сам король Георг был глубоко оскорблен поступком своего сына. Он встретил его словами: «Вот сын мой, который погубил меня и опозорил свое имя!»

Георг старался под разными предлогами замедлить ратификацию Клостер-Себенской конвенции и склонить парламент к принятию снова оружия против французов. Обстоятельства помогали его намерениям. Французы сами не исполнили договора: в силу конвенции Ганновер должен был оставаться нейтральным; а они его опустошили наравне с другими германскими областями и, сверх того, французское правительство учредило казенные откупы, чтобы посредством их грабить бедную провинцию методически.

В лондонском парламенте в это время произошла значительная перемена: знаменитый Питт принял министерство. Он ненавидел французов и старался склонить все голоса в пользу Пруссии. Росбахская победа способствовала успеху его усилий. Парламент объявил, что не признает более Клостер-Себенской конвенции и предписал собрать распущенные союзные войска. В предводители этого войска Фридрих отрекомендовал Георгу лучшего своего военачальника, герцога Фердинанда Брауншвейгского. Военные приготовления начались снова. Английские газеты и журналы были полны суждений о предстоящих подвигах англичан; французы смеялись; Фридрих Великий выставлялся полубогом. Добродушные британцы с жадностью дрались за эти листочки и превозносили прусского короля превыше небес. На всех перекрестках Лондона продавали его портреты.

Зато на противников Фридриха весть о Росбахской победе произвела совсем другое действие. Польская ко-

ролева была непримиримейшим его неприятелем: увлекаемая ложными понятиями о вере, она не переставала возбуждать против него другие державы. Но непрерывные душевные волнения и тревоги и, наконец, бедственное положение, в которое она своими интригами ввергла Саксонию, видимо, истощили ее физические силы. Она ослабевала с каждым днем. Известие о поражении французской армии при Росбахе нанесло ей роковой удар. Со слезами и горестью отпустила она вечером приближенных, а на другой день ее нашли мертвой в постели.

Сами французы были снисходительны к своему победителю. В Париже смотрели на Росбахскую битву как на военную шутку: смеялись над Субизом, сочиняли эпиграммы на его храбрость, дивились прекрасной дисциплине прусских войск и превозносили похвалами военный гений Фридриха. Две недели слава о нем гремела во всех салонах Парижа, на третью общее внимание занял прыщик, вскочивший на подбородке г-жи Помпадур, а через несколько дней новый балет изгладил все впечатления и от прыщика, и от знаменитой победы прусского короля.

ОКОНЧАНИЕ КАМПАНИИ 1757 ГОДА

Лейтекская битва

Избавясь от одного неприятеля, который в паническом страхе бежал до самого Рейна, Фридрих мог обратиться все свои силы на другого, в стократ опаснейшего, — на эрцгерцога Лотарингского. Вторая французская армия была для него теперь неопасна: против нее неожиданно сосредоточились гессенские и ганиюверские войска. Фридрих поспешил на помощь к принцу Августу Вильгельму Брауншвейг-Бевернскому.

Мы видели, что этот полководец отступил в Силезию. Карл Лотарингский следовал за ним по пятам. У Бреслау принц Бевернский занял укрепленный лагерь, прикрывая столицу Силезии. Между тем австрийский генерал Надасти, после пятнадцатидневной осады, овладел крепостью Швейдниц, которую Фридрих называл ключом Силезии. Здесь австрийцы взяли в плен 6000 человек гарнизона; овладели магазинами и артиллерией и сверх того 200 тысячами гульденов военной казны.

Захват Швейдница открыл австрийцам свободное сообщение с Богемией. Оставив небольшой гарнизон в Швейднице, Надасти присоединился к главной армии принца Карла. 22 ноября австрийцы атаковали укрепленный лагерь пруссаков. Принц Бевернский держался сколько мог, но превосходство неприятельских сил его одолело: пятью сильными колоннами австрийцы двинулись с разных сторон на осаду Бреслау. Наступившая ночь остановила военные действия. Принц Бевернский, видя, что он почти окружен, и опасаясь с рассветом новой атаки, оставил город и отступил. Два дня спустя австрийцы праздновали победу в стенах Бреслау.

Битва стоила пруссакам 6200 человек убитыми и 3600 пленными. Кроме того, весь гарнизон Бреслау, 5000 че-

ловек при 80 орудиях, попал в руки неприятеля. Сам принц Бевернский пустился на рекогносцировку без свиты и был взят в плен. Многие полагают, что он добровольно отдался в руки австрийцев, боясь упреков Фридриха. Цитен принял главную команду над войском и повел остатки его западнее Одера, к Глогау.

В Лаузице Фридрих получил известие о невзгодах в Силезии. Не останавливаясь ни минуты, он усиленными маршами шел к Бреслау, решившись не допустить австрийцев на зимовку в центр Силезии. Ни холод, ни бури, ни дурные дороги — ничто его не останавливало.

Пройдя с 13-тысячным корпусом почти 200 километров за 12 дней, Фридрих 28 ноября привел утомленное войско в Пархвиц, переправился через Кацбах и на берегу стал лагерем, чтобы дать отдохнуть измученным солдатам. Здесь присоединился к нему Цитен, приведший с собой еще 20 тысяч человек.

Остатки разбитой прусской армии были в печальном положении. Совершенная безнадежность овладела солдатами, офицеры упали духом. Фридрих старался всеми средствами оживить войско и возбудить в нем прежнюю уверенность и неустранимость. Деньги, ласки, обещания, даже вино были употреблены в дело. Победители при Росбахе много способствовали видам короля: они ободряли своих товарищей, личной отвагой зажигали в них искры мужества.

Понемногу лица стали проясняться. Отдых укрепил их силы. Веселое расположение короля и его одушевленные речи оживили сердца. Наконец, когда Фридриху показалось, что солдаты его готовы смыть с себя пятно 22 ноября, он начал помышлять о дальнейших предприятиях. Зная, что армия, с которой он хотел вступить в борьбу, была совсем иначе организована и имела не таких вождей, как его росбахский неприятель, он хотел действовать не иначе, как с полной уверенностью в своих средствах. Австрийское войско состояло из 90 тысяч человек, ободренных успехами и победами; их поддерживало 300 орудий. Фридрих имел только 32 тысячи при 71 пушке. «Силы физические были слишком неравны, надлежало взять перевес нравственными си-

лами: умной распорядительностью, хитрой тактикой, воодушевлением и героизмом солдат».

Для этого он созвал всех своих генералов и штаб-офицеров и сказал им:

«Господа! Вам известно, что Карлу Лотарингскому удалось завоевать Швейдниц, разбить принца Бевернского и овладеть Бреслау в то время, как я отражал французов и имперские войска. Часть Силезии, моя столица и находившиеся в ней военные запасы погибли. Бедствие мое дошло бы до высочайшей степени, если бы я не уповал на вашу твердость, на ваше мужество и любовь к родине, которые вы мне доказали во многих случаях. С глубоким умилением сердца сознаю ваши заслуги, как мне, так и отечеству оказанные! Между вами нет ни одного, кто бы не ознаменовал себя великим, достославным подвигом. Ласкаю себя надеждой, что и в предстоящих обстоятельствах ваше мужество оправдает надежды государства.

Решительная минута наступает. Я почел бы все сделанное мною ничтожным, если бы оставил Силезию в руках австрийцев. Итак, знайте, где бы я ни встретил неприятельскую армию, я атакую ее против всех правил тактики, несмотря на то что она втрое сильнее нас. Ни позиция австрийцев, ни число их здесь не идут в расчет, все это преодолет храбрость моих войск и точное исполнение моих приказаний. Я принужден решиться на этот шаг, или все пропало! Мы должны разбить врага или все лечь под его батареи! Так я думаю, так буду действовать.

Объявите мое намерение всем офицерам армии. Приготовьте солдат к явлениям, которые должны последовать, и внушите им слепую покорность моей воле. Если вы чувствуете, что вы настоящие сыны Пруссии, то верно поймете честь, которой я вас удостоиваю. Если же между вами есть такие, которые боятся разделить со мной всю опасность, они могут сейчас же взять отставку. Даю честное слово: я не оскорблю их упреком».

Мертвая тишина господствовала в тесном кругу, в котором говорил Фридрих. Офицеры молчали, но на лицах их выступил огонь воодушевления, кровь кипела в их жилах, каждый внутренне клялся жить и умереть

вместе с великим монархом. Фридрих с видимым удовольствием заметил действие, произведенное его словами. Помолчав минуту, он продолжал с приятной улыбкой:

«Я наперед предчувствовал, что ни один из вас меня не покинет. Теперь я вполне полагаюсь на ваше усердное содействие и наперед уверен в победе. Если я паду и не в состоянии буду наградить вас за ваши подвиги — отечество их не забудет, оно обязано дать награду своим защитникам! Ступайте в лагерь и повторите полкам все, что вы слышали».

Общий энтузиазм воодушевил собрание. Все клялись заслужить милость короля; слезы и слова их доказывали, что эта клятва вырвалась прямо из сердца. Тогда Фридрих поднял гордо голову, строгий взгляд его окинул окружающих. «Еще слово! — сказал он генералам, готовым идти. — За неисполнение моих приказаний я буду строг, неумолим! Тот кавалерийский полк, который по первому слову не врубится в неприятеля, я после битвы спешу и обращу в гарнизон. Каждый пехотный батальон, который хоть на одну секунду остановится, какие бы препятствия он ни встретил, будет лишен знамени, шпаг и нашивок. Теперь прощайте, господа! Мы побьем врага или никогда более не увидимся!» (Кони. С. 330).

Воодушевление, которое Фридрих сумел разжечь в своих генералах, как электрическая искра сообщилось и всей остальной армии. «По всем жилам войска разлился восторг: радостные крики и песни раздались в лагере и возвестили королю, что он смело может на все решиться».

4 декабря прусская армия оставила свой лагерь с барабанным боем и трубным звуком и вышла на восток. Главные силы австрийцев (66 человек и 200 орудий) стояли в укрепленном лагере под Бреслау. Туда был направлен марш пруссаков. Сам король вел авангард. Недалеко от Неймарка он узнал, что этот город занят австрийскими кроатами и пандурами. Гористая местность за Неймарком входила в план его операций. Не дожидаясь пехоты, он ударил в ворота города, сбил их и ворвался внутрь. Большинство неприятеля после легкой сечи сдалось в плен. Вечером того же дня Фридрих узнал,

что Карл Лотарингский вывел свое войско из шанцев и шел навстречу пруссакам, чтобы одним ударом меча уничтожить «берлинский вахтпарад», как он называл незначительную армию Фридриха. Фридрих обрадовался при этом известии. С веселым видом пошел он в комнату для отдания пароля и сказал своим генералам: «Лисица вышла из норы, теперь не уйдет от ловца!» За ночь были сделаны все распоряжения к битве.

Утром 5 декабря Фридрих двинул свое войско (40 тысяч человек при 167 пушках) вперед, не зная еще позиции австрийцев. Выезжая перед армией, он подозвал к себе офицера с пятьюдесятью гусарами. «Слушай, — сказал он ему, — в сегодняшней битве я буду часто в опасности. Ты со своими гусарами должен прикрывать меня. Не отъезжай ни на шаг и смотри, чтобы я не попал в руки этих негодяев. Если меня убьют, прикрой тело мое плащом и пошли за фургоном... но ни полслова о моей смерти! Пусть баталия продолжается, и неприятель будет разбит непременно».

Первые колонны на походе запели церковный гимн. Один из генералов спросил короля, не прикажет ли он им замолчать? «Нет, — отвечал Фридрих, — они с Богом идут на врага, и Бог нам даст победу!»

Австрийская армия (напрямую на поле сражения Карл имел 66 тысяч человек при 300 орудиях) растянулась на 5 миль фронтом на запад, заняв цепь высот неподалеку от Бреслау. На обоих флангах стояла кавалерия. Конницей правого фланга (у Нипперна) командовал генерал Лукези, центром — принц Карл, правофланговой кавалерией (у Заашютца) — Надасти.

Карл, уверенный, что противник применит свой излюбленный маневр охвата находящегося на ровной местности левого австрийского крыла, расположил свои резервы за ним. Однако Фридрих двинулся вперед четырьмя колоннами против правого фланга противника. Центральные колонны составляла пехота, фланговые — кавалерия (левым флангом, у Борне, командовал Дризен, правым, у Шригвица, — Цитен). Центр возглавлял Фридрих.

Штаб-офицер фузильерного полка принца Генриха Прусского (слева) и обер-офицер пехотного полка фон Винтерфельда (1757 год). Офицер полка Винтерфельда: мундир синий с красной подкладкой, обшлагами и лацканами. По краю лацканов и обшлагов идет серебряный галуун. Петлицы серебряной вышивки. Пуговицы белые. Жилет и панталоны палевые, штіблеты черные. Манишка белая кружевная, галстук красный. Офицерский знак: серебряное поле, золотые кайма и арматура, черный орел на белом щитке. Шляпа с прорезным серебряным галууном. Кисточки по углам серебряные черные. Бант кокарды черный, петлица и пуговица серебряные. Офицерский шарф серебряный с черной нитью. Перчатки замшевые. Древо эспонтона темно-синее. Шпага с золотым эфесом, серебряно-черным темляком. Ножны коричневой кожи с латунной законцовкой. Трость натурального дерева с коричневым темляком. Офицер полка принца Генриха: мундир, жилет, панталоны — как у всего полка (см. выше) с указанными офицерскими отличиями. Подкладка мундира красная. На шляпе белый плюмаж штаб-офицеров. Сапоги черные с белыми штібель-манжетами

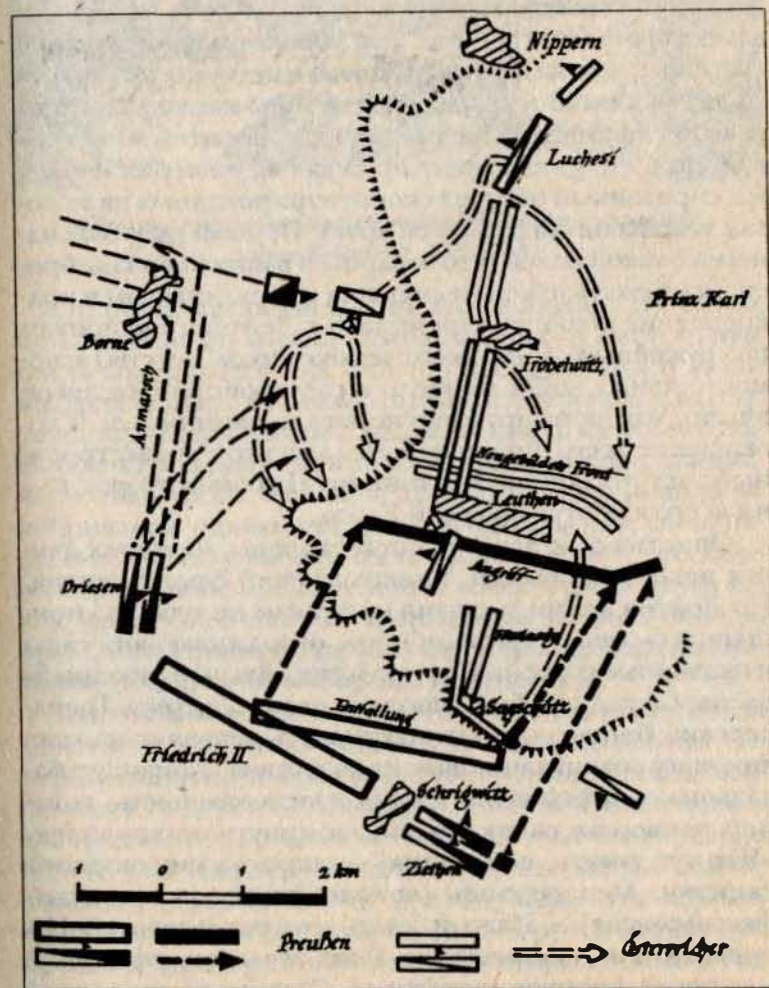
Прусский авангард дошел до небольшой деревушки Борне и едва миновал ее, как увидел перед собой белые мушкетеры неприятельской конницы.

Фридрих, полагая, что это правое крыло австрийцев, немедленно приказал их ударить. В четверть часа дело было кончено; сбив австрийский авангард у Борне, большую часть отряда прусские гусары иленили, остальные обратились в бегство. Тогда только, на довольно далеком расстоянии, открылось настоящее правое крыло неприятельской армии, которому эта горсть кавалерии служила аванпостом. Фридрих с трудом мог сдерживать увлечение своих гусар, которые хотели броситься на первую неприятельскую линию. Пленных отправили в Неймарк, но сначала провели перед всем прусским фронтом, чтобы этим первым успехом возбудить мужество пруссаков. Фридрих въехал на пригорок. Оттуда перед ним открылась вся позиция австрийцев. Более чем на милю тянулись их линии в несколько рядов. Центр прикрывала деревня Лейтен.

Первая стычка с кавалерией заставила австрийцев думать, что Фридрих намерен атаковать их правое крыло, и потому они поторопились усилить его войсками. Но Фридрих, напротив, находил, что левое крыло представляет гораздо больше удобств для нападения (из чего вначале и исходил Карл Лотарингский). Армия его отчасти была прикрыта пригорками: широким полукругом отодвинул он ее влево, оставив левофланговую колонну кавалерии в тылу, чтобы с ее помощью произвести активную демонстрацию против правого фланга Карла. Австрийцы заметили это движение, но, не подозревая настоящих намерений Фридриха, полагали, что он хочет избежать битвы. «Бедняги ретируются, — сказал граф Даун принцу Лотарингскому, — не трогайте их, пусть идут!» Все это время обе пехотные колонны маневрировали влево, к крылу австрийцев, расположенному к югу от Лейтена, оставаясь незамеченными для врага.

В полдень прусская пехота, все еще необнаруженная, прошла во фланг левого австрийского крыла, откуда на правый фланг продолжали спешно отводиться резервы. На этом участке пруссаки создали превосходство в силах. В час дня Фридрих подал знак к атаке. Принц

Карл, обративший все внимание на свое правое крыло, оставил на левом самые слабые войска, состоявшие по большей части из вюртембергских и баварских вспомогательных полков. Фридрих впервые употребил здесь особенный маневр, в подражание македонской фаланге. Войска его, расположенные в косом порядке, двигались эшелонами против правого неприятельского

Битва при Лейтене. Кампания 1757 года

крыла, но в одно мгновение, по первому сигналу, развертывались плутонгами в строгом порядке с быстрой лавиной. Маневр этот впоследствии приняли все европейские войска.

Итак, Фридрих нанес удар косым боевым порядком пехоты — каждый батальон шел уступом в 35 метрах на дистанции 35 метров левее и сзади впереди идущего. Когда его скрытно марширующие колонны начали охват левого фланга австрийцев, король развернул основные силы пехоты фронтом налево и атаковал противника двумя линиями справа. Австрийцы запоздало стали разворачивать свои боевые порядки фронтом на юго-запад, но в этот же момент прусская артиллерия начала массированный обстрел сконцентрированных на высотах левофланговых полков врага. Первый удар был нанесен с такой силой, что баварцы и вюртембергцы бросились бежать, сбили и смешали присланные им в подкрепление полки и устремились к Лейтену, где попали под ружейный огонь своих же союзников. Бегство вспомогательных войск привело в расстройство все левое крыло, которому пруссаки не давали опомниться. В довершение всего Фридрих бросил на вконец расстроенный австрийский фланг конницу Цитена, которая теснила его к центру позиций Карла.

Очистив себе дорогу с этой стороны, Фридрих двинул пехоту на Лейтен, прикрывавший фронт центра. Но Лейтен не предоставил пруссакам ни одного «приступного» места. Из-за заборов, огораживающих сады и надворные строения, встретил их сильный ружейный огонь. Страшный бой завязался около Лейтена. Гренадерский батальон начал штурмовать деревню: на каждом шагу возникали новые препятствия. Командир батальона, употребив все усилия и видя опасность, которой подвергал своих людей, на минуту остановился. «Что тут думать, полковник! — закричал ему старший капитан Меллендорф (впоследствии знаменитый фельдмаршал). — Надо драться, а не размышлять!» Но полковник все не решался. Тогда Меллендорф выскочил перед фронтом и крикнул: «Другого на его место! За мной, ребята!»

Прусские драгуны атакуют австрийских гренадер при Лейтене. 1757 год

Он повел батальон к широким воротам. Их сбили прикладами, до сорока огнедышащих дул встретили смельчаков; отважный капитан проскользнул под ними, батальон его с криком ворвался в деревню и рассыпался по улицам. По его следам кинулись и другие батальоны. Отчаянная сеча и перестрелка продолжались несколько часов. Наконец, деревня была очищена от неприятеля, однако принц Карл сдаваться не собирался. В его распоряжении было столько войск, что даже обозначившийся решительный успех Фридриха на левом фланге все еще не гарантировал полной победы пруссакам. Принц Лотарингский отдал приказ организовать новую линию обороны за деревней.

Австрийцы начали строиться на возвышениях за Лейтеном, а пруссаки нашли в нем опорный пункт. Теперь выдвинутая вперед прусская артиллерия стала действовать из деревни на неприятельские густые колонны: град картечи рвал их на части, но враг стоял твердо и не уступал ни пяди пруссакам. Вечер близился, а бой оставался нерешенным. В четыре часа Карл, стремясь всеми силами сбить наступательный порыв неприятеля, приказал кавалерии своего правого крыла напасть на пруссаков с фланга. Австрийские кирасирские полки Лихтенштейна, Берлихингена, Вогеры и принца Мек-

ленбург-Штрелицкого вместе с гусарским полком Надасти пошли в атаку.

Фридрих предвидел этот ход противника. Свежая кавалерия его левого крыла, столь предусмотрительно оставленная в резерве, стояла уже наготове: лошади и люди рвались от нетерпения; успехи пехоты раздували в гусарах и драгунах воинский жар. Фридрих удерживал их до тех пор, пока они смогли ударить во фланг неприятельской конницы. Неотразимой волной налетели они на австрийцев — «громы карабинов и молнии сабельных ударов разразились в одно время над неприятельской кавалерией». Сбоку, с тыла, с фронта — везде встречал их прусский огонь. Лошади взвизгивали на дыбы и сбрасывали всадников на прусские штыки. В диком беспорядке, почти в беспомыслии от неожиданной встречи, австрийская кавалерия обратилась в бегство, дав собственную пехоту, увлекая все за собой. Вся неприятельская армия бросила поле битвы и спешила к Лиссе.

До глубокой ночи продолжалось ее преследование. Войска, не успевшие уйти засветло, клали оружие и сдавались в плен. Только наступившая темнота позволила остаткам армии Карла уйти за реку Швейдниц и спастись в Бреслау.

Остроумнейшая распорядительность, которую можно назвать чудом тактики, даровала Фридриху победу при Лейтене. Жибер говорил, что солдаты едва имеют право разделять с ним славу этого дня: он один был велик, он один решил судьбу сражения. И действительно, армия его в этот день была для него тем же, чем небольшой камень, с которым Давид вышел на бой с Голиафом. Победа выиграна не силой оружия, но умом, пронырливостью и ловкостью. По словам Наполеона, за один Лейтен Фридрих достоин именоваться великим полководцем.

По окончании битвы Фридрих подсказал к Морнцу Дессаускому, который командовал прусским центром, и закричал ему: «Поздравляю вас с победой, господин фельдмаршал!» Принц, занятый еще распоряжениями, не вник в приветствие короля, рассеянно отсалютовал шпагой и опять занялся делом. Фридрих подъехал бли-

же: «Слышите ли, я вас поздравляю, господин фельдмаршал!» Тут только принц Мориц понял, что приветствие короля было вместе и повышением его в звание фельдмаршала. Он начал извиняться и благодарить. Король прервал его: «Вы получаете только заслуженное: никогда и никто не помогал мне так много, как вы в нынешнем деле».

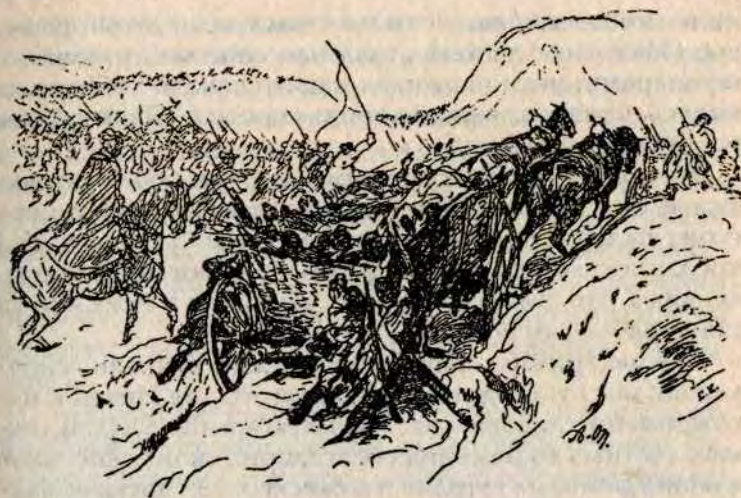
Конн пишет, что «одержав победу, Фридрих хотел воспользоваться всеми ее выгодами. Он боялся, что неприятель, переправясь через Швейдниц, остановится и соберет свои рассеянные силы. Поэтому он решил овладеть мостом в местечке Лисса, чтобы на следующий день продолжать преследование. «Дети! — сказал он, обращаясь к собранным войскам. — Вы очень устали! Однако нет ли охотников пройтись со мной до Лиссы?» Три батальона выступили вперед, изъявляя желание немедленно последовать за королем. «Хорошо! — сказал Фридрих. — Я на вас надеюсь. Пока отдохните, а когда вы мне будете нужны, я пришлю за вами». С этими словами он тронулся с места, взяв с собой Цитена, эскадрон гусар и четыре орудия. «Стреляйте в воздух через наши головы! — сказал он артиллеристам. — Пусть неприятель слышит свист наших ядер и бежит без дыха!»

Медленно шел вперед этот маленький отряд; стужающая темнота мешала различать предметы, дорогу отыскивали почти ощупью. Вдали засветлел огонек: гусар поскакал расспросить о дороге. Огонь светился в небольшой харчевне на перекрестке. Хозяин сам вышел с фонарем. Фридрих приказал ему взяться за свое стремя и освещать дорогу. Так шли вперед спокойно около получаса. Корчмарь болтал без умолку об австрийцах, о пруссаках, о Фридрихе, о его ошибках и о прочем. Король молчал, гусары слушали рассказы балагура. Вдруг раздался ружейный залп, пули зажужжали около короля, лошадь его взвилась на дыбы с визгом: она была ранена четырьмя пулями. Вожатый бросил фонарь в испуге, огонь потух, и опять все затихло. Гусары кинулись в ту сторону, откуда были произведены выстрелы, к усаженному липами валу, но там уже никого не было.

Австрийский пикет из сорока человек, здесь поставленный, слыша приближение прусского отряда, выстрелил по направлению фонаря и тотчас же убежал в ближайший лес. Фридрих остановился. Он отправил офицера и несколько гусар на рекогносцировку дороги, а адъютанта своего послал назад привести в Лиссу вызвавшиеся батальоны. Офицер скоро возвратился и объявил, что до самой Лиссы не встретил даже и следа неприятельского. Тогда Фридрих снова двинулся в поход.

Между тем глубокая тьма распространилась над полем битвы. Ночь, как будто ужасаясь следов кровавого дня, покрыла его жертвы густым мраком. Тысячи людей в страшных муках покидали землю в эту минуту. Везде раздавались стоны и жалобы раненых; ночной холод освежал и вместе с тем раздражал их раны. Ветер, ударяясь в разрушенные здания Лейтена, уныло пел над ними погребальные песни. Усталое, измученное войско искало покоя. Лошади и люди ложились между ранеными и мертвыми на землю, увлажненную кровавой росой. Вдруг один из солдат запел воодушевительный псалом «Тебя, Бога, хвалим!», товарищи подхватили. Вскоре вся армия пела с ним вместе; музыка тихо им вторила... живые и умирающие слили свои голоса в общую молитву. Торжественная, святая минута наступила на этом поле, где смерть и жизнь спорили еще о своем достоянии. В это время прискакал адъютант Фридриха за тремя батальонами. Они выстроились и двинулись. Слыша об опасности короля, вся армия, как бы воодушевленная одним общим чувством, восторженно встрепенулась. В один миг все было готово к походу; и целое войско пошло вслед за тремя избранными батальонами» (Кони. С. 334).

Не доходя до Лиссы, Фридрих дождался подкрепления. Медленно, осторожно пруссаки вошли в город. На улицах все было тихо, только огни и суета в домах показывали, что город был чем-то встревожен. Из ворот одного дома вышли три австрийца с огромными связками соломы на спине. Их схватили. Они показали при допросе, что им велено сносить солому на мост, который намерены сжечь при первом приближении пруссаков. Король ехал впереди своих гренадер. За 60 шагов

Отступление австрийцев после Лейтена

от моста их встретил ружейный огонь австрийского отряда, который собрался втихомолку и поджидал своих гостей. Несколько гренадеров пали возле самого короля. В тот же миг из окон домов посыпались выстрелы. Прусские гусары отскочили в сторону, пушки выдвинулись, и началась страшная перестрелка. «Господа, за мной! Я знаю здесь дорогу!» — сказал Фридрих своей свите и повернул влево, к господскому замку. Проскакав подъемный мост, он остановился на небольшой площадке и слез с лошади. В то же время огоньки забегали в окнах замка: австрийские генералы и офицеры со свечами бросились вниз по лестницам, чтобы отыскать своих лошадей, оставленных на площадке. «Bonjour, Messieurs! — сказал он им, входя. — Вы, верно, меня не ожидали? Нет ли здесь и для нас местечка?»

Как громом пораженные остановились австрийцы. Их было много, короля сопровождали только три адъютанта: легко могли бы захватить его в плен. Но в испуге никто об этом не подумал. Генералы выхватили свечи у нижних чинов и почтительно начали светить Фридриху по лестнице. Когда он вошел в залу, они поочередно ему представлялись. Он расспрашивал каждого об име-

ни и чине и наконец вступил с ними в ласковый разговор. Мало-помалу зала стала наполняться прусскими офицерами, число которых напоследок до того увеличилось, что изумленный король спросил: «Да откуда вы все беретесь, господа?»

Тут офицеры объяснили ему, что при первом известии об опасности вся армия двинулась в поход и теперь стоит под Лиссой. Фридрих был глубоко тронут этой преданностью солдат, между тем он не мог не улыбнуться, видя, что австрийский штаб попался к нему в руки таким забавным образом.

Все австрийцы, найденные в Лиссе, были взяты в плен; мост уцелел, и с зарею другого дня Цитен и Фуке могли преследовать австрийскую армию. Король в самых лестных выражениях благодарил своих генералов и офицеров за их усердие и мужество. Тем временем хозяин замка хлопотал изо всех сил, чтобы собрать что-нибудь для королевского ужина: австрийцы, как голодная саранча, истребили все съестное в замке и в деревне. Наконец, королю подали род винегрета из разных остатков после ужина австрийских офицеров. Он был и тому рад. Во время ужина он ласково разговаривал с хозяином и, взглянув на него пристально, спросил: «А умеешь ли ты играть в банк, любезный барон?» Барон оторопел, он знал, что Фридрих ненавидел азартные игры. Запинаясь, он отвечал: «Ваше величество... в моей молодости... конечно...» — «Поэтому ты знаешь, что значит ва-банк, — прервал его Фридрих. Барон кивнул головой. «Такую карту я поставил сегодня — и мне повезло!» — заключил король.

Лейтенская битва дорого стоила австрийцам. Их главная армия была разбита наголову: 6750 человек легли на месте, 21 тысяча (в том числе три генерала), взята в плен. Вся артиллерия, до 200 орудий, частью выведена из строя, частью отнята пруссаками, трофеями которых стали 124 пушки. Несколько тысяч австрийских солдат разбежалась кто куда, благодаря чему в следующие два дня Цитен и Фуке привели еще 2000 пленных и доставили 4000 зарядных ящиков и фургонов с амуницией и багажом. Пятьдесят два австрийских знамени составили трофеи Фридриха.

Английский путешественник Кенси-Адамс в своих «Письмах о Силезии», написанных в 1800 и 1801 годах, говорит, что «из тридцати правильных сражений, выигранных Фридрихом в его царствование, Лейтенская битва самая решительная и славнейшая, ибо она более всего способствовала утверждению независимого и самостоятельного существования Пруссии». Керсновский в своем труде написал, что Фридрих «буквально испепелил их (австрийскую) армию в знаменитом сражении при Лейтене». Наполеон полагал, что за один Лейтен Фридрих «достоин именоваться великим полководцем».

Пруссаки оценили свой урон в Лейтенском сражении в 5000 (по другим данным, около 6500) человек. Непосредственным следствием Лейтенской победы была осада Бреслау, куда бросился австрийский корпус в 18 тысяч человек. Австрийцы решили защищаться до последней капли крови: в крепости были даже поставлены виселицы для тех, кто зайкнется о сдаче города. Пятнадцать дней Фридрих осаждал Бреслау. Прусская бомба упала в пороховой магазин, он взлетел на воздух, взорвал бастион и унес с собой жизни 800 солдат. Король приготовился к штурму, но австрийцы одумались, сломали свои виселицы и капитулировали. Двенадцатитысячный гарнизон и 5000 раненых достались победителю. Фридрих получил обратно все свои крепостные орудия и, кроме того, 82 лишние пушки, большой запас хлеба и значительную денежную казну. Пять дней спустя и Лигниц был очищен от неприятеля. Одна только крепость Швейдниц осталась в руках австрийцев, потому что жестокий холод не позволял предпринять правильную осаду. Фридрих обложил крепость несколькими отрядами, а остальную армию разместил на зимние квартиры. Таким образом, вся Силезия, за исключением Швейдница, была очищена от австрийцев. Из почти 100-тысячной армии Карл Лотарингский привел в Богемию только 36 тысяч человек, и тех в самом жалком положении. Как писал Дельбрюк, «австрийцев... совершенно загубила идея обороны».

НАЧАЛО КАМПАНИИ 1758 ГОДА

Поход в Моравию

Неудачи австрийской армии тщательно скрывали от Марии Терезии. Генералы ее приписывали свою значительную потерю особенным несчастным обстоятельствам, позднему времени года, трудным переходам в горах, заразным болезням, свирепствовавшим в войсках. Неудачи первого года войны надеялись наверстать успехами следующих кампаний. От союзных держав ожидали большего единодушия в действиях. Союзы с Францией и Россией были скреплены новыми теснейшими узами. Все это убаюкало встревоженный дух императрицы-королевы, и чувство мщения вспыхнуло в ней с новой силой.

Однако венский кабинет, чувствуя, что имеет дело с человеком решительным, оборотливым и притом покровительствуемым счастьем, стал поосторожнее в своих прокламациях, смягчил выражения имперского суда и сделался вежливее и приличнее в отношениях с Пруссией. Граф Кауниц даже уведомил Фридриха II о заговоре против его особы. Король почитал это известие выдумкой, но воспользовался им, чтобы написать Марии Терезии благодарственный ответ. «Есть два рода убийства, — писал он ей, — одни кинжалом, другой позорными, унижительными статьями. Первый родя презираю, но ко второму я гораздо чувствительнее и от него стараюсь отписываться мечом».

В то же время он отправил в Вену захваченного в плен генерала князя Лобковица для мирных переговоров с императрицей-королевой. «Если б не битва 18 июня, — писал он ей, — в которой счастье мне изменило, я, может быть, имел бы случай лично посетить Вас. Тогда, может быть, вопреки моей натуре, Ваша красота, Ваш возвышенный ум оковали бы победителя и мы нашли бы средство к примирению. Правда, в минувшую кампа-

Мария Терезия на смотре

нию Вы имели большие выгоды в Силезии, но эта честь продолжалась недолго; о последней же битве я не могу вспомнить без ужаса, столько в ней пролито крови. Я воспользовался моей победой и теперь в состоянии опять двинуться в Моравию и Богемию. Размыслите об этом, дражайшая кузина! Узнайте, наконец, кому Вы доверяетесь. Вы губите свое государство: вся пролитая кровь падет на Вашу душу! Вы увидите, что не в Ваших силах победить того, кто, будучи Вашим другом, заставил бы трепетать весь мир. Строки эти выливаются у меня из глубины сердца: желаю, чтобы они произвели на Вас счастливое впечатление. Если же Вы хотите довести дело до крайности, то я все испытаю, что только в моих средствах. Но уверяю Вас, мне прискорбно видеть погибель государыни, заслуживающей удивление целого света. Если Ваши союзники станут помогать Вам, как следует, — я пропал: это предвижу. Но и тогда мне не будет стыда: напротив, история покроет меня славой за то, что я защищал соседнего государя от при-

теснений, что не способствовал увеличению могущества Бурбонов и что храбро боролся с двумя императрицами и тремя королями».

Убедительное письмо Фридриха не произвело желанного действия. Французский посланник Шуазель уговаривал Марию Терезию продолжать войну; и она согласилась. Франция стала вооружать новое войско и выплатила России новые субсидии. Елизавета Петровна приняла решительные меры к немедленному продолжению военных действий в Пруссии. Генералу-аншефу графу Виллиму Виллимовичу Фермору было поручено главное начальство над войсками со строжайшим предписанием: начать войну, не теряя времени. В подкрепление ему послан генерал Браун с резервом, находившимся в Жемайтии и в Курляндии. В январе 1758 года русские выступили в поход, но вновь были остановлены «непроходимыми дорогами».)

Фридрих провел зиму в Бреслау, приготавливаясь к обороне. Английский премьер-министр Уильям Питт убедил парламент заключить с Пруссией новый трактат, по которому Англия обязалась усилить ганноверскую армию своими войсками и выплачивать Фридриху ежегодно вспомогательных сумм 610 тысяч фунтов стерлингов. Но этих денег вместе с контрибуциями, собранными с Саксонии и Мекленбурга, было мало для покрытия издержек новой войны. Фридрих принужден был решиться на меру непопозволительную: он отдал монетный двор на откуп богатому еврею Ефрему (Эфраиму) за 10 миллионов талеров; тот выплатил их вновь отчеканенной монетой, которая на целую треть была ниже своей стоимости. С этих пор в народе пошла поговорка о новых талерах: «Снаружи красив, а внутри — не совсем. Снаружи — Фридрих, внутри же — Ефрем». Войско Фридриха было значительно умножено новобранцами, которых упражняли каждый день и знакомили с правилами прусского артикула.

Между тем, пока Фридрих приготавливался к новым походам и был озабочен приведением в порядок внутреннего управления в Саксонии, военные действия, несмотря на жестокую зиму, начались. Герцог Фердинанд Брауншвейгский со своей соединенной армией выступил

против французов. В феврале он очистил от них Ганновер и без отдыха гнал неприятеля через Вестфалию до самого Рейна. Одиннадцать тысяч французов попали в его руки. Французское войско, не привыкшее к субординации, занятое более увеселениями, чем заботой о своей безопасности и продовольствии, находилось в печальном положении. Магазины его были разрушены, обозы отняты, артиллерия отбита. Герцог Ришелье был отозван от армии. Место его занял граф де Клермон, бывший бенедиктинский аббат (!), который сумел ловко войти в доверие к маркизе Помпадур, был ею возведен в графское достоинство, пожалован в генералы и послан «поддерживать честь французского оружия в Германии».

Приняв войско, Клермон писал Людовику XV: «Армия, порученная мне Вашим величеством, состоит из трех частей: одна часть на земле, это мародеры и грабители; другая — в земле; третья — в госпиталях. Жду повелений Вашего величества: отступить ли мне с первой частью к пределам Франции или оставаться в Германии и ждать, пока она соединится с двумя остальными?» Ему было предписано остаться и обещано скорое подкрепление. А между тем принц Фердинанд отнял у него все средства к обороне и к жизни. Французский полководец перенес свою главную квартиру к Везелю, а большую часть войска переправил за Рейн. Принц Фердинанд, поджидая подкрепления из Англии, также на время стал на зимние квартиры. Эмденский порт был выбран для высадки английского войска. Французы, чтобы не дать англичанам соединиться с Фердинандом, овладели Эмденом и учредили здесь свой сборный пункт. Тогда английские корабли приступили к блокаде порта, а с другой стороны двинулся принц Брауншвейгский.

Испуганные французы поспешно отступали, бросив больных и раненых. Соединенное войско преследовало их; обозы, амуниция, магазины — все было отнято у бегущих. Кроме того, до 1500 пленных и целый артиллерийский парк в 100 орудий достались Фридриху. До марта соединенная армия гнала французов из одной провинции в другую: вся Северная Германия была очищена от этих грабителей, которые перешли за Рейн. Един только Брольи держался еще в Ганеу и во Франкфурте.

Принц Брауншвейгский распространился в Вестфалии и намерен был перенести театр войны за Рейн, к границам самой Франции. Весенние разливы и бури затрудняли переправу через реку, и он решил подождать до июня. Между тем испуганный министр, герцог де Бель-Иль, спешил выслать в Германию новое войско, которое, соединясь с остатками армии Клермона и Субиза, заняло весьма выгодную позицию около Рейнсфельда. Ночью 1 июня Фердинанд переправил войско через Рейн, частью по наведенному мосту, частью на плоскодонных судах. Он начал делать фальшивые маневры перед Рейнсфельдом, чтобы выманить французов из их крепкой засады. Это ему удалось.

Французская армия вышла на равнины при Крефельде. Здесь произошло 23 июня кровопролитное сражение, в котором участвовало 50 тысяч французов с одной стороны и 32 тысячи англичан, ганноверцев, гессенцев и брауншвейгцев — с другой. Французы были разбиты наголову и потеряли 1500 человек*. Фердинанд осадил Дюссельдорф, где находился главный французский магазин. Осада продолжалась шесть дней, и город сдался. Этот последний удар поразил Францию в самое сердце. Армия не могла больше действовать, и де Клермон был отозван в Париж. Крефельдская победа озарила принца Фердинанда новой славой и разожгла в англичанах национальную гордость. С этих пор лондонский парламент решил продолжать войну на материке во что бы то ни стало.

Итак, с одной стороны, Фридрих был обеспечен. Зато с другой — обстоятельства принимали самый дурной вид. Вновь пробудились к активности русские. Елизавета и ее Конференция не могли смириться с полным провалом первого похода в Восточную Пруссию. Поэтому

* Битва проходила следующим образом: когда обе армии построились к бою, вперед вышли офицеры и любезно предложили противникам сделать первый залп. Англичане и ганноверцы «решили не прищедничать и дали залп. Первые шеренги французов были сразу же перебиты, остальные после недолгого сопротивления разбежались. Вся битва заняла менее полчаса».

отведенная на зимние квартиры армия снова была приведена в боевой порядок.

Учитывая результаты (вернее, их отсутствие) прошлогодней кампании, король прусский еще более уверился в неспособность русских вести активные наступательные действия, особенно зимой. Поэтому, как уже говорилось, он направил всю армию Левальда в Померанию против шведов, оставив в Восточной Пруссии всего 6 гарнизонных рот. Однако ситуация для пруссаков изменилась к худшему.

В короткой кампании 1757 года русская пехота показала себя с наилучшей стороны. Кавалерия же, напротив, оказалась совершенно небоеспособной. Даже упомянутые «выборные» эскадроны не сумели дать отпор врагу. Это поставило русское командование в тупик: воевать с Пруссией без кавалерии было невозможно.

Поэтому на зимних квартирах были приняты срочные меры по укомплектованию конных полковличным составом, лошадьми, вооружением, снаряжением, фуражом и продовольствием. Формирование, а точнее, воссоздание кавалерии было поручено уже упомянутому герою Гросс-Егерсдорфа генерал-майору графу Петру Александровичу Румянцеву. Он отлично справился с поручением, создав в Столбцах под Минском к началу следующей кампании конный корпус (24 эскадрона при 6 конных орудиях).

Наконец, армия получила нового командующего. Им стал вышеупомянутый генерал-аншеф Виллим Виллимович Фермор.

Фермор (1702—1771) был англичанином, на русской службе находился с 1720 года. Будучи адъютантом фельдмаршала графа Миниха, бывшего при Анне Иоанновне русским главнокомандующим, он учился у него военному искусству и всю жизнь считал себя его учеником. В турецкую войну он командовал авангардом и уже тогда прославил себя славными подвигами. В 1741 году Фермор с отличием служил у фельдмаршала Ласси в кампании против шведов, а в 1757-м, находясь в армии Апраксина, взял Мемель и немало способствовал победе в Гросс-Егерсдорфском сражении. Современниками он характеризовался как отличный администратор и за-

ботливый начальник (Суворов вспоминал о нем, как о «втором отце»), но вместе с тем «суетливый и нерешительный» полководец, к тому же во многом поддерживавший Апраксина. Назначенный главкомом указом от 7 ноября 1757 года, всю зиму Фермор активно занимался обустройством войск и налаживанием вконец расстроеной летним походом хозяйственной части, приводя в порядок армию вчерашнего победителя при Гросс-Егерсдорфе.

● очень меткую характеристику Фермору дала будущая императрица Екатерина. В своих «Собственнооручных записках» она писала: «Между тем к нам приезжал прощаться и уехал на почтовых из Петербурга главный директор Императрицыных построек, генерал Фермор; нам сказали, что он отправился принять начальство над армиею; он некогда был начальником штаба у графа Миниха. Генерал Фермор прежде всего потребовал, чтобы ему дали его чиновников или помощников по управлению постройками, бригадиров Рязанова и Мордвинова и с ними отправился к армии. Эти военные люди умели только заключать контракты по постройкам...»

Конференция, не желая терять времени, приказала Фермору по первому снегу вновь двинуться в Восточную Пруссию. 12 января 1758 года 34-тысячная русская армия по первому зимнему пути перешла границу. Правифланговую колонну из Мемеля вел генерал Салтыков, вторую (кавалерийскую) — Румянцев в направлении на Тильзит, который был взят с ходу. В это время корпус Левальда продолжал бои против шведов в Померании, поэтому 22 января без сопротивления сдалась древняя прусская столица — Кенигсберг. Русская армия вошла в город под звуки литавр и колокольный звон.

22 января генерал Фермор писал императрице Елизавете (все даты в документе даны по старому стилю): «Вашему Императорскому Величеству я уже имел честь от 3-го сего месяца всенижайше донести о благополучном занятии войсками Вашего Императорского Величества города Тильзита (Румянцевым), амта Руса и амта Кукернезен. С того времени войска В.И.В., вступив пятью колоннами в прусские земли, под командой генерал-поручиков Салтыкова, Рязанова, графа Румянцева

да генерал-майоров принца Любомирского, Панина и Леонтьева следовали прямой дорогой без растагов (дневок. — *Ю. Н.*) до города Лабно. 9-го числа вступил в сей город с авангардом легких войск генерал-квартирмейстер Штофель, а за ним полковник Яковлев с 400 гренадерами и двумя пушками, за которыми вскоре и я приехал. Вскоре потом прибыли ко мне и депутаты столичного города Кенигсберга, а именно трибунальный вице-президент Гробовский, военный и камерный советник Ауер и бургомистр кенигсбергский, военный советник Гиндернисен, кои подали именем всего правительства, города и всего королевства прусского прошение о дозволении им протекции В.И.В. и о сохранении их при их привилегиях.

Я довольствовался на сие прошение обнадежить их генерально В.И.В. милостью, а дозволить на разные их прошения предоставил на всемилостивейшее В.И.В. благоизобретение. Таким образом, на другой день, то есть на воскресенье 21-го числа пополудни, вступили в город вышеупомянутые наперед отправленные команды, а за оными и я с четырьмя пехотными полками в оной вошел и главную квартиру занял в главном замке, в тех самых покоях, где фельдмаршал Левальд жил. Все здешние начальные и чиновные люди встретили меня в замке и отдались с глубочайшей покорностью в протекцию В.И.В.

При вступлении полков в город с распущенными знаменами, барабанным боем и музыкой производился во всем городе колокольный звон и играли на трубах и литаврах по башням, а мещане, поставленные в парад, отдали честь ружьем с барабанным боем и музыкой. В то же самое время принесены ко мне от здешней цитадели Фридрихсбурга и Пилавской крепости ключи, которые к В.И.В. со вручителем сего, гвардии поручиком графом Брюсом, отправить честь имею. Теперь упражняюсь я исправлением потребных в городе распоряжений и поставил в замке полковую церковь, за первую должность почту принести завтра Всевышнему соборное благодарственное моление за покорение победоносному В.И.В. оружию столичного города и целого королевства Прусского, без пролития капли крови.

Позвольте, Всемилостивейшая Государыня, принести мое о том всенижайшее и усерднейшее поздравление. Краткость времени не позволяет мне теперь подробно донести, сколько здесь королевской казны, магазинов и в арсеналах найдено, но с подлинностью и надеждой могу, что благословением Всевышнего и особливим счастьем В.И.В., несмотря на весьма студеную погоду, войско, однако ж, с таким во всем удовольствием сей поспешный поход продолжало, что ни в какое время и ни в какой земле лучшего желать нельзя и больных почти никого нет».

Восточная Пруссия была обращена в русское генерал-губернаторство. 24 января, в день рождения Фридриха, все жители и чиновники Восточной Пруссии присягнули русской императрице. Во все крупные города этой провинции были назначены представители русских властей, и все доходы из нее стали поступать в казну империи. Вслед за тем генерал Фермор был назначен Елизаветой генерал-губернатором Прусского королевства. Он ласково принимал всех прусских сановников, услаждал и обнадеживал их. «Для вашего блага, — говорил он посланным к нему депутатам, — моя Всемилостивейшая Государыня вступает во владение Пруссией. Вы будете счастливы под ее кротким правлением, и я постараюсь сохранить ныне существующий порядок вещей, который нахожу совершенным в его настоящем виде».

И действительно, все привилегии народа были ему оставлены, в управлении сохранено прежнее устройство. В Кенигсберге почти все оставалось по-прежнему: те же чиновники, так же функционировали почта и регистратура, работали учебные заведения и церкви, свободно торговали лавки, не было никаких контрибуций. Пруссаки, помня прежние жестокости русских войск, были приятно изумлены «благочинием и порядком, которые везде водворялись», и охотно принимали присягу на верность русской императрице (вспомним, что почти вся провинция была приведена к присяге еще Апраксиным в прошлом году), быстро начав сотрудничать с победителями.

Вместе со многими жителями Кенигсберга без принуждения Елизавете присягнул выдающийся гражданин

этого города, всемирно известный философ Иммануил Кант. Балы, увеселения, фейерверки развлекли бюргеров Восточной Пруссии. Они забыли о бедствии отечества и своего короля и даже с изъявлениями радости склонялись под иго грозного победителя. В церквях стали поминать русскую императорскую фамилию на эктениях (благодарственных молебнах), и народ торжествовал дни тезоименитств царственных особ. Русские нашли в Кенигсберге и в Пилауде 90 пушек, множество бомб, ядер и несколько сот бочонков пороха.

«Никогда еще самостоятельное царство не было завоевано так легко, как Пруссия, — говорит Архенгольц, — но и никогда победители, в упоении своего успеха, не вели себя так скромно, как русские!» Фермор был осыпан милостями императрицы, а венский двор прислал ему в награду графское достоинство Римской империи.

Итак Кенигсберг — колыбель прусской государственности, — был не только взят, но и «всемилостивейше» включен в состав Российской империи. Этот удар, который имел только политическое значение (Восточная Пруссия была так удалена от места основных событий — Саксонии и Богемии, что Фридрих и не надеялся до поры серьезно отстаивать ее), в глазах антипрусской коалиции с лихвой искупал и первый русский поход, и Росбах, и Лейтен. Тем не менее взятие Кенигсберга наряду с рейдом Гаддика на Берлин оказались единственными успехами союзников в кампании 1757 года.

Приходится удивляться, что успешный опыт этой зимней кампании не был учтен руководством русских вооруженных сил в дальнейшем. Сказалась инерция маневренной стратегии, возвращение на зимние квартиры после кампании считалось нормой.

Известия о событиях в Восточной Пруссии глубоко огорчали Фридриха, но он вынужден был покориться обстоятельствам, не имея возможности ни отразить, ни удержать русского оружия. Он начал думать только о средствах помешать соединению русских с австрийцами. По обыкновению, он решил предупредить действия последних и атаковать их во владениях Марии Терезии, наметив своей целью столицу Моравии Ольмюц.

Как пишет Дельбрюк, Фридриху «представлялось, что стоит ему только взять Ольмюц и оттянуть этим главные силы австрийцев из Богемии, как его брату Генриху, стоявшему в Саксонии во главе 22 тысяч человек, может быть, удастся овладеть Прагой». Репутация принца Карла Лотарингского пошатнулась после Лейтенского дела. Избегая дальнейших нареканий, он сложил с себя главное начальство над войсками. Граф Даун заступил на его место и расположился в Богемии лагерем, на укрепление которого порублено было несколько огромнейших лесов.

Прежде всего Фридрих хотел отнять у австрийцев последний их опорный пункт в Силезии — крепость Швейдниц. Он подступил к Швейдницу 3 апреля. На тринадцатый день она была взята штурмом и 5-тысячный гарнизон сдался в плен. Теперь Даун ожидал вторжения короля в Богемию. Фридрих разными фальшивыми распоряжениями старался убедить его в этом мнении, в то же время быстрыми переходами проникнув в Моравию и вытеснив мимоходом корпус генерала де Вилле из Верхней Силезии. Прежде чем Даун был извещен об этом движении, Фридрих был уже под стенами Ольмюца и готовился к сильной осаде. Даун последовал за ним, но, не препятствуя действиям пруссаков, остановился на границе, отрядив только наблюдательный корпус под начальством Лаудона для наблюдения за противником.

Ольмюц имел 8000 солдат гарнизона под командованием генерала фон Биберштейна, был хорошо снабжен продовольствием, укрепления находились в наилучшем состоянии. Фридрих рассчитывал на скорую сдачу крепости, которая должна была открыть ему дорогу к самой Вене. Но он обманулся в своих предположениях. Близость дауновской армии позволяла ему осадить город только с одной стороны; другая через это сохранила свободное сообщение с лагерем фельдмаршала и могла получать оттуда все нужные припасы и подкрепление. Все это делало невозможным организацию блокады. Кроме того, ошибка главного прусского инженера Бальби сделала первые усилия пруссаков недействительными. Он провел первую траншею на полторы ты-

сячи шагов от крепости так, что ядра до нее не долетали. Пока эту погрешность исправили, осаждающие потратили огромное количество ядер и вынуждены были ослабить свои действия в ожидании подвоза.

Главный прусский транспорт, состоящий из 3000 подвод с порохом, хлебом и деньгами, шел уже из Тропау. Даун хотел отнять у Фридриха это необходимое средство к продолжению осады. Дороги, ведущие к прусской армии через горные ущелья, были испорчены продолжительными дождями. Обозы не могли двигаться скоро: на каждом шагу они вязли. Цитен прикрывал транспорт, тянувшийся на несколько миль. Он расположил свои отряды на большом расстоянии один от другого, чтобы не мешать движению транспорта. Даун отправил в ущелья Лаудона с предписанием отнять или уничтожить транспорт.

В дефиле, скрыв несколько тысяч пандур в засады и в прилеске. Лаудон встретил пруссаков сильным огнем из пушек, которые были расставлены на всех возвышениях. Пока весь транспорт и прикрытые его собрались на тесной площадке и наскоро составили вагенбург, лошади под большей частью фургонов были убиты и множество возов с порохом взлетели на воздух, производя страшный беспорядок и опустошение в прусских отрядах. Наконец и пандуры выскочили из своих засад и после упорной битвы заставили пруссаков бежать. Цитен с небольшим отрядом едва успел прорубиться сквозь неприятеля и уйти в Тропау. Остальное прикрытие, состоявшее в основном из молодых рекрутов, легло на месте.

Только 950 повозок были спасены пруссаками и благополучно прибыли к армии. Без пороха и полевых снарядов осада не могла продолжаться. Фридрих находился в самом критическом положении. Австрийцы заняли все горные проходы и загородили ему обратный путь в Силезию. Даун сторожил его на границе Богемии. Таким образом, король был совершенно отрезан от своих провинций и везде видел против себя втрое сильнеего врага. Пробриться с оружием в руках было бы бесполезным и безумным риском.

Итак, всей армии предстояло сдаться в плен. Но именно в такие минуты необыкновенный гений Фрид-

риха пробуждался. Он собрал своих офицеров, краткой, но убедительной речью старался пробудить в них бодрость и подготовил их к самым отчаянным подвигам. Потом он отправил курьера к коменданту крепости Нейсе в Силезию с письменным приказанием заготовить на всю армию хлеб и фураж. Курьер отлично разыграл свою роль, попался в плен к австрийцам, долго старался скрыть от них свою депешу и только после угроз и истязаний выдал ее.

Даун, не подозревая тут военной хитрости, немедленно расположил свои войска по всем дорогам в Силезию; этим он открыл проход в Богемию. Фридрих тотчас выбрал этот путь, несмотря на все его трудности. 8 июля до глубокой ночи продолжалось обстреливание крепости, потом все замолкло. Австрийцы ничего не подозревали. В темноте с величайшей осторожностью сперва были отправлены тяжелая артиллерия и обозы, потом тихо двинулись и сами войска. На следующее утро гарнизон Ольмюца изумился, видя, что осада снята и что под стенами нет и следа неприятельского. Теперь только Даун догадался, что Фридрих ускользнул у него из рук. Он ударил ему вслед, но высокие горы и узкие проходы, по которым Фридрих вел свое войско, мешали всем предприятиям австрийцев. После нескольких легких стычек, почти безо всякого урона, король прибыл со своей армией в Кенигин-Грец, где и расположился лагерем (14 июля).

Вся Европа была в изумлении от этой удивительной, почти невероятной ретирады. В Вене осыпали Дауна порицаниями за его медлительность и недогадливость, а Фридрих начал думать о новых операциях.

Во время этого похода жизнь Фридриха оказалась в опасности, но присутствие духа его спасло. опередив свою армию, король ехал с небольшой свитой по глухой дороге. В кустарниках же скрывались кроаты, которые начали стрелять из ружей. Фридрих не обращал на это внимания, но вдруг один из адъютантов крикнул: «Юсударь, в вас целят!», — и указал королю на пандура, который из-за дерева наводил на него дуло. «Ты! Ты!» — крикнул Фридрих пандуру и погрозил своей палкой. Пандур тотчас опустил ружье, снял шапку и почтительно вытянулся, дожидаясь, пока король проедет.

ПРОДОЛЖЕНИЕ КАМПАНИИ 1758 ГОДА

Цорндорф

Едва ускользнув со своей армией из окружения неприятельских войск, Фридрих, однако, не намеревался оставить Дауна в покое. Из своего лагеря он наблюдал за его действиями и выжидал удобной минуты к началу борьбы. Но тут до него дошло известие об успехах русской армии и о критическом положении генерала Доны*, командовавшего померанским отдельным корпусом. Как орел, встрепнулся Фридрих и полетел на помощь к своему полководцу. Защита Силезии была предоставлена маркграфу Бранденбургскому Карлу, а брату своему Генриху король поручил прикрывать Саксонию, оставив им 40 штыков и сабель. Сам же отобрал себе только 14 тысяч испытанного войска и через одиннадцать дней был уже в Неймарке. Столь небольшой корпус, взятый королем в поход против Фермора, ясно показывал пренебрежение, которое он питал к русским. Это стало серьезной ошибкой Фридриха.

Мы видели, как вся провинция Пруссия досталась в руки Фермора без траты пороха, без пролития капли крови. Первые весенние месяцы провел он в смотре крепостей, в приведении к подданству России городов и «значительнейших мест» Пруссии и в управленческих распоряжениях. Между тем предписания петербургского кабинета побуждали его к дальнейшим и решительным предприятиям — вначале командующий намеревался двинуться на Данциг, но Конференция предписала ему дожидаться прибытия Обсервационного корпуса, затем вместе со шведами провести демонстрацию на Кюстрин, а потом всеми силами пойти к Франк-

* Дона Христофор фон (1702—1762) — прусский генерал-лейтенант, командующий корпусом в Померании, затем в Силезии.

фурту-на-Одере. Таким образом, русские вознамерились проникнуть в самый центр владений Фридриха и одним ударом меча развязать gordнев узел этой тяжелой войны. В самом непродолжительном времени оба берега реки Варты были в его руках. Все северные провинции тогдашней Великой Польши (Западная Пруссия и Познань) были им заняты. Салтыков овладел Эльбингом; Торн был также взят. Армия расположилась между Торном и Познанем (на нейтралитет Речи Посполитой Россия, как обычно, не обратила внимания) в ожидании лета.

Россия приобрела отличную базу для ведения дальнейших боевых действий и, строго говоря, выполнила свою задачу в Семилетней войне: хотя и в XVIII столетии, и теперь официальная историография трубила о «необходимости сдержать прусскую агрессию» (которая и тогда, и после, вплоть до 1914 года, была устремлена только на Польшу, Францию и остальную Германию), Россия преследовала только свои и только агрессивные цели — присоединить к империи одну из богатейших провинций Прусского королевства, не связанную с российской ни историей, ни национальными, ни культурными корнями.

После овладения Восточной Пруссией Конференция встала перед трудной задачей выбора следующей стратегической цели. Идея разгрома живой силы противника, как показано в начале данного раздела, не была ведущей в мышлении военно-политических руководителей русских вооруженных сил и не фигурировала на сей раз в разработанном Конференцией на кампанию 1758 года плане. Основной целью ставилось овладение крепостью Кюстрин — узлом дорог и переправ при слиянии Варты с Одером на правом берегу Одера; «через то король прусский лишился бы всей Померании и части Бранденбургии», как отмечалось в плане. Конференция считала, что, «овладев Кюстрином, можно по справедливости удовлетвориться тем почти на всю кампанию нам и нашим союзникам».

Такая постановка цели кампании была типичной для европейских стратегических взглядов рассматриваемого времени. Это проявилось в том, что сформирован-

Русские казаки на марше

ные в западных областях России пополнения были организованы в отдельную группу (Обсервационный корпус), который двигался из района формирования с отставанием от главных сил армии (зимние квартиры которой были на Нижней Висле). Создавшееся таким образом разделение сил на две группы наталкивало Конференцию и командующего армией на мысль использовать группы для выполнения различных задач, например, направить Обсервационный корпус самостоятельно для овладения крепостью Глогау (в Силезии) и Франкфуртом-на-Одере.

Что же произошло в конце концов? Только 15 августа главные силы русской армии подошли и начали действия против Кюстрина (а выступили с зимних квартир в конце мая по ст. ст.). В это время Фридрих II уже двигался с группой своих войск из Силезии в район Кюстрина, где присоединил к себе войска, действовавшие здесь против русских ранее, и решил, перейдя через Одер, атаковать русских на восточном берегу этой реки.

13 августа Фермор ввел свое 80-тысячное войско в Неймарк и в Померанию. Наконец-то укомплектованный людьми и артиллерией Обсервационный корпус двинулся с большим опозданием из района своего формирования (западные области России) к главным силам.

Наступление началось еще в начале лета, но все это время продвигалось малыми темпами вдоль морского побережья. Здесь началась одна из самых мрачных эпопей в истории русской армии — пока Фермор находился в Пруссии, он был ограничен высочайшими повелениями, которые прежде всего предписывали ему и войску «благочиние, порядок и человеколюбие». Но даль-

нейшие военные операции были предоставлены его произволу. Потому, при вступлении наших войск в Бранденбургскую Марку и Померанию, след их был ознаменован страшными опустошениями (интересна разница в подходе генералов Елизаветы Петровны: Кенигсберг и Восточную Пруссию планировалось включить в состав России — к их населению употреблялось «благочиние». С жителями же бранденбургских провинций можно было не церемониться, результат чему ясно виден). «Вопль несчастного народа долетел, наконец, до ушей Фридриха и заставил его поспешить на помощь».

13 июля армия числом до 55 тысяч человек вышла в поход к Франкфурту. Однако темп движения вскоре упал до критической точки. Незнание местности, полное расстройство на марше шуваловского Обсервационного корпуса, нехватка продовольствия и постоянные указания Конференции привели к бессмысленной трате времени, продолжительным остановкам и контрмаршам. В этот период хорошо действовал только конный отряд Румянцева (около 4000 человек), который прикрывал правый фланг армии, вел разведку и собирал контрибуцию с местного населения (о характере «контрибуции» я уже говорил выше). Кроме того, население Померании, в досталь вкусившее прелестей русского «освобождения», стало собираться в многочисленные партизанские отряды, серьезно трепавшие тылы русских. Борьбой с ними также занялись кавалеристы Румянцева вместе с казаками и калмыками.

Еще до прибытия русских шведы сделали высадку в Померанию. Отдельный прусский корпус, который в прошлом году действовал против них под начальством Левальда, был теперь поручен генералу Дона. Новый военачальник успел оттеснить шведов до самых пределов Померании и блокировал Штральзунд. Русский военный совет тоже постановил «не ввязываться в бой» против Дона, который имел только 20 тысяч человек, но сумел перекрыть русским дорогу на Франкфурт. Поэтому Фермор изменил направление движения и пошел на Кюстрию для установления контакта со шведами.

14 августа он подошел к крепости Кюстрия, которая заключала в себе главные запасные магазины пруссаков и была драгоценна Фридриху по его юношеским воспоминаниям. Дона, уведомленный о приближении русских, поспешил на помощь к Кюстрию. С большим трудом навел он мост через Одер при непрерывном нападении легких русских войск и открыл сообщение с городом, через что мог постоянно посылать осажденным подкрепление и припасы. Кроме того, накануне прибытия русской армии Дона отрядил несколько полков пехоты и кавалерии для прикрытия города. Они окопались и укрепили свои траншеи сильными батареями. 16 числа Фермор послал парламентаря требовать сдачи города: вместо ответа последовал залп с укрепления.

Главнокомандующий тотчас отрядил Чугуевский казачий полк ударить в левый фланг прусским гусарам, а сам с двадцатью ротами гренадер и с артиллерией по берегу Варты пошел на главную неприятельскую батарею. «Неприятель, — говорил он в своей реляции, — увидя толикую храбрость и мужество и сильное из «еднорогов» действо, в конфузию пришел и скоропостижно оставил свою батарею и лагерь на дискрецию, в город побежал, а гренадеры тотчас форштат заняли».

После этого Фермор приказал бомбардировать город и, как сам говорил, «благословением Божьим такой успех возымел, что от четвертой бомбы в городе пожар учинился, который бросанием других бомб и каленых ядер в четверть часа так распространился, что от великого жару и на городском валу устоять не могли, ибо в пятом часу пополудни из города совсем стрелять перестали, и так до вечера, и через ночь все дома, кирки и магазины огнем пожерты и в пепел обращены. Какой же с неприятельской стороны урон был, того заподлинно ведать нельзя, только думать надобно, что оный гораздо велик был по воплю, который в городе стоял. Но сие от обывателей ближних деревень заподлинно известно, что в городе магазин имелся более 100 000 виспелей ржи, а каждый виспель содержит шесть четвертей, кроме другого почти неисчисленного со всех сторон для хранения привезенного сокровища и имения, которое от большой части погорело».

В принципе, пруссаки сами виноваты в этом. Кони приводит одно из частных писем, опубликованных в «С.-Петербургских Ведомостях» в 1758 году: «Г-н комендант знать не думал, чтобы русские кураж имели так близко к крепости подступить. Он еще и не все пушки на лафеты поставил, но большая часть лежала еще на земле. Так-то делается, когда неприятеля своего презирают».

Несмотря на несчастье, постигшее Кюстрин, крепость держалась. Жители, лишась всего своего достояния, разбежались по лесам, перешли за Одер и питались кореньями и мирским подаванием. На пятый день осады Фермор снова потребовал сдачи, грозя в противном случае взять город штурмом и не пощадить ни одного человека. Комендант отвечал: «Я буду защищаться до последнего человека, а когда мы все падем, русские могут занять крепость и делать что угодно».

Делать было нечего. Болота, окружавшие крепость, и близость генерала Дона не допускали «правильной» осады со всех сторон. Фермор продолжал бомбардирование. Между тем он послал особенный корпус для соединения со шведами, который убедил действовать с ним совокупными силами. В таком положении были дела, когда Фридрих явился на помощь любимой своей Померании. При виде опустошения и бедствия страны солдаты его, несмотря на изнеможение от форсированных маршей, горели нетерпением сразиться с неприятелем и отомстить ему за все обиды. С прискорбием увидел король обгорелый остов Кюстрина. Бедствие жителей, которые окружили его в рубищах, покрытые ранами, изнуренные голодом, взволновало его душу.

«Дети! — воскликнул он, выслушав их жалобы. — Я не мог прийти к вам ранее! Но успокойтесь: я опять отстрою ваш город, вы снова будете счастливы!» Он приказал раздать им 200 тысяч талеров на первое обзаведение. Когда Фридрих осматривал укрепления, комендант явился к нему с повинной головой, извиняясь в своих ошибках и в том, что не успел принять необходимых мер к удержанию неприятеля. «Замолчи! — сказал ему Фридрих строго. — Не ты виноват, а я, потому что сделал тебя комендантом».

Руины Кюстрина. 1758 год

Из Кюстрина он отправился к войску. 21 августа армия его соединилась с корпусом Дона, расположенным под Кюстрином. «Ну что, — спросил он Дона, — как держатся русские?» — «Как каменные стены!» — отвечал Дона. «Тем лучше: они скорее рассыплются!»

Когда на смотре войско генерала Дона проходило мимо Фридриха в новых мундирах, с напудренными головами, он сказал: «Ого! Да ваши солдаты разряжены в пух. Мои, напротив, настоящая саранча: зато кусаются». Против 54 тысяч солдат Фермора при 250 орудиях король имел 36 тысяч солдат и 116 пушек.

Все указывало на то, что Фридрих намерен дать русским решительное сражение. Однако Фермор поступил крайне нерасчетливо, разбросав накануне сражения свои силы. Чтобы отнять у пруссаков всякую возможность к форсированию полноводной реки, он послал дивизию Румянцева (12 тысяч человек, в том числе практически вся кавалерия) в обход, по направлению к Шведту на Одере, приблизительно в 60 километрах от Кюстрина (там ошибочно предполагалась наиболее вероятная переправа пруссаков через реку), и в их тылу велел разрушить мосты, ведущие через довольно значительный и широкий рукав Одера. Таким образом,

число русских войск, выделенных непосредственно для сражения, сократилось до 32 тысяч.

Обсервационный корпус в это время только начал приближение к армии из района своего сосредоточения у Ландсберга, примерно в двух переходах восточнее главных сил. Кроме того, от корпуса Румянцева был отделен отряд Рязанова для осады Кольберга. Сам Румянцев еще 15 августа обратил внимание командующего армией на опасность такой разброски сил.

11 августа на берегу Одера застучали топоры. Сотни плотников работали над понтонами, через которые Фридрих, по-видимому, хотел переправить свое войско прямо против русского лагеря. Вскоре вся прусская армия была сосредоточена у переправ, а артиллерия стала действовать на русские окопы. Все заставляло думать, что пруссаки хотят атаковать Фермора в самом лагере. Но за ночь Фридрих отправил свои медные понтоны пониже Целлина, поднялся со всей армией и после форсированного марша втихомолку переправил ее там через Одер у Гюстебизе, между Кюстрином и Шведтом (совершенно не там, где его ожидали русские).

Фермор узнал об этом слишком поздно от партии казаков, которые, полагая напасть на прусский аванпост, наткнулись на саму армию. Он отправил полковника Хомутова помешать переправе, но тот опоздал и не смог ничего сделать: умело маневрируя, Фридрих своей переправой отрезал от основных сил Фермора корпус Румянцева, тщетно поджидавший его в другом месте.

Сняв с Кюстрина осаду и выступив в открытое поле, Фермор занял у Цорндорфа выгодную позицию фронтом на север, где была переправа пруссаков и откуда ожидалось их наступление. Фридрих не стал атаковать эту позицию: он в течение 24 августа и утренних часов 25-го обошел ее и, описав три четверти окружности, вышел в тыл русской армии. Фермор не сделал никакой попытки помешать этому маневру противника. Широкой дугой Фридрих обходил русский лагерь.

Итак, Фермор выбрал ровное место между деревнями Коцдорфом, Цорндорфом и Вилькерсдорфом. 13 августа к нему присоединился генерал Браун со своим Обсервационным корпусом. Русская армия была располо-

жена тупым углом, так что могла «делать фронт» неприятелю, по какому бы направлению он ни пошел от Целлина. Перед фронтом протекала болотистая речушка Митсель. Однако эта позиция таила ряд опасностей для русских. В тылу у нее находились господствующие над местностью высоты, которые Фермор не позаботился занять войсками; не были заняты и переправы через речку. Вечером Фридрих остановился у местечка Нейдама, против правого крыла русских, и стал делать распоряжения, чтобы наутро атаковать его.

На рассвете Фермор заметил, что пруссаки были на марше, стараясь обогнуть наше левое крыло при Цорндорфе и взять его во фланг. Он тотчас велел левому крылу отступить назад и примкнул его к деревушке Квартчень, на широком холмистом поле, перерезанном двумя оврагами, фронтом к неприятелю. Таким образом, русская армия образовала неправильный четырехугольник, в середине которого находились деревня Цорндорф, артиллерия, резервы и обозы. Этот боевой порядок — своего рода гигантское каре — был бы уместен против татар или турок, но уж никак не против пруссаков.

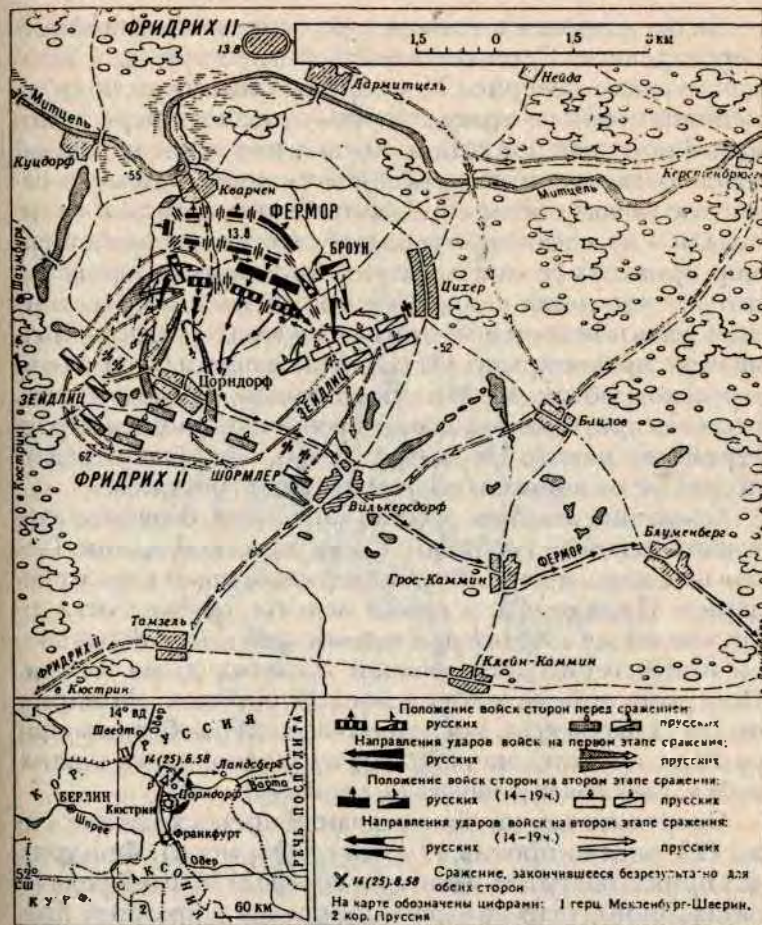
Уяснив сложившееся положение, Фермор приказал обеим линиям боевого порядка, оставаясь на месте, повернуться кругом. При этом фронт русских оказался развернутым на 180 градусов — вторая линия стала первой, а правый фланг — левым. После этого все первоначальные преимущества русской позиции оказались утраченными, и господствующие высоты теперь были в руках противника. Оба фланга Фермора разделялись глубоким оврагом. Кроме того, смелый обходной маневр Фридриха припер русских к речке Митсель и превратил главную выгоду расположения противника — наличие естественной преграды перед фронтом — в чрезвычайно опасный для Фермора фактор (река оказалась в тылу, отрезав пути возможного отхода). Упомянутые выше господствующие высоты теперь оказались перед русской позицией, пруссаки начали готовить атаку по их склонам. Русский командующий совершенно не управлял войсками в бою и не сделал ни малейшей попытки согласовать действия обоих разделенных оврагом

крыльев армии, что давало Фридриху возможность бить их по частям.

Очевидец сражения пастор Теге так описывает памятное утро 14 августа 1758 года: «С высоты холма я увидел приближавшееся к нам прусское войско; оружие его блистало на солнце, зрелище было страшное... прусский строй вдруг развернулся в длинную кривую линию боевого порядка. До нас долетел страшный грохот прусских барабанов, но музыки еще не было слышно. Когда же пруссаки стали подходить ближе, то мы услышали звуки гобоев, игравших известный гимн «Господи, я во власти твоей»... Пока неприятель приближался шумно и торжественно, русские стояли тихо, что казалось, живой души не было между ними. Но вот раздался гром прусских пушек...»

Фридрих, обходя русскую армию, отрезал от нее главный вагенбург, который был поставлен в стороне. Он бы мог овладеть им и лишить русских необходимых военных снарядов для продолжения войны, но горя желанием сразиться и одним ударом уничтожить всю русскую армию, он не обратил на это внимания. Кроме того, он боялся потратить несколько лишних дней, зная, что австрийцы не упустят случая воспользоваться его отсутствием в Силезии. И действительно. Положение его было так безнадежно, что оставалось или пасть, или совершенно сломить врага. Французы быстро двинулись в Саксонию; Даун уже вступил в нее; шведы, избавившись от Дона, шли на Берлин. Цорндорфская битва должна была решить судьбу Фридриха. Против 46 240 человек у русских, из которых 3282 числилось в регулярной кавалерии (Обсервационный корпус все-таки успел подойти к главным силам к началу боя, но Румянцев — лучший из генералов русской армии, с сильным корпусом по-прежнему оставался у Шведта), он имел 32 760 человек, в том числе кавалерии — 9960 человек. Тройное превосходство пруссаков в коннице более чем уравновешивалось значительным перевесом русских в пехоте, и особенно в артиллерии (240 пушек против 116 прусских).

Справедливости ради следует отметить, что Фермор, проявив в ходе кампании неспособность на посту ко-

Цорндорфское сражение 14 (25) августа 1758 года

мандующего армией, в ожидании сражения дал войскам тактическую инструкцию, содержащую, как пишут в нашей официальной военной историографии, «положительные моменты». В отличие от Устава 1755 года, инструкция требовала встречать наступающего противника сначала огнем с места, а «потом атаковать штыками». Фактически же в сражении русские войска действовали даже активнее, чем указывала инструкция.

Битва началась в 9 часов утра страшной оружейной перестрелкой. Первыми в бой вступили прусские батареи: с высот севернее Цорндорфа они открыли сильнейший огонь по врагу. Русским пришлось перестраивать фронт уже под огнем. Когда наше левое крыло заняло новую позицию, деревня Цорндорф осталась в середине между обеими армиями. Чтобы пруссаки ее не заняли и не могли скрыть за ней своих движений, Фермор приказал ее сжечь; но это ни к чему не привело, потому что дыма ветром не приносилось, и пруссаки, пользуясь пожаром при ужасной канонаде, устремились на наше правое крыло. От обстрела начался беспорядок в русском обозе: испуганные лошади, закусив удила, с возами прорывались сквозь линии и приводили в расстройство пехоту. Несмотря на это, обоз был отведен подальше от войска и полк снова построился.

Сражение открыла русская кавалерия, бездумно атаковавшая левый (ударный) фланг прусской армии. Попав под огонь прусской артиллерии, бившей с высот севернее Цорндорфа, и ружей пехоты, русские откатились назад и снова попали под обстрел — на сей раз своей инфантерии, стрелявшей в клубах дыма наугад. Построив войска в косо́й боевой порядок, Фридрих около 11 часов утра, после двухчасовой бомбардировки русских позиций начал атаку правого фланга наших войск, где стояла дивизия князя Голицына*.

Сосредоточив на левом фланге превосходящие силы (23 тысячи против 17 тысяч у Фермора), Фридрих дал приказ наступать авангарду генерала Мантейфеля (8 батальонов), удар которого пришелся в крайний правый фланг русской боевой линии. Основные же силы (20 батальонов) генерала Каница должны были поддерживать авангард и без интервала с ним, уступами, побатальонно ударить по русским полкам чуть правее Мантейфеля. Но произошла ошибка. Перед атакующим фронтом пруссаков находилась горящая деревня Цорндорф, и, обходя ее, Каниц сильно отклонился вправо, ото-

* Голицын Александр Михайлович (1718—1783) — князь, русский генерал-фельдмаршал, фаворит Екатерины II. В 1758 году генерал-поручик.

Унтер-офицер пехотного полка фон Каница (1759 год). Мундир синий с красными фалдами, обшлагами и лацканами. Пуговицы и петлицы желтые. Вокруг нарукавных пуговиц идет угольная красная выпушка. Жилет и панталоны желтые, штиблеты черные. Галстук, манжика — как в остальной пехоте. Шляпа с белым галуном, кисточки по углам черно-белые. Кисть белая с синей серединой. Перчатки замшевые. Поясной ремень белый. Темляк чернобелый (унтер-офицерский). Унтер-офицерский ранец и перевязь коричневые. Трость коричневая с железным набалдашником. Древо плеварады черное

рвавшись от авангарда. Атаки уступом, когда 28 батальонов пехоты и 56 эскадронов должны были, подобно волнам прибое, захлестнуть правый фланг русской армии, не получилось. Возможно, это произошло из-за огромного облака пыли, поднятого маневрами конницы: вместе с дымом горящей деревни оно покрыло все поле сражения. Таким образом, головные батальоны пруссаков вышли в атаку без прикрытия кавалерии.

Фермор заметил эту ошибку: увидав, что между малочисленным авангардом Мантейфеля и основными силами Каница образовался значительный интервал, Фермор приказал всеми силами правого фланга атаковать Мантейфеля, не дожидаясь его сближения с марширующими батальонами Каница, и велел своей коннице ударить на наступающих. Кавалерия атаковала противника. Девять эскадронов (около 1260 конногренадеров Каргопольского и драгунов Архангелогородского и Тобольского полков) под командованием кирасирского полковника Карла фон Гаугревена пошли в атаку, смяли ряды оставшейся без кавалерийского прикрытия прусской пехоты. Немногочисленную конницу поддержала пехота, ударившая в штыки. Русские двинулись с таким неистовством, что тотчас же смяли пруссаков и обратили их в бегство. Громкие крики «Ура!» огласили воздух.

Итак, русская пехота, не ввязываясь в длительное огневое состязание с наступающей пехотой противника, ответила совместно с кавалерией контрударом холодным оружием и опрокинула батальоны пруссаков, разбив их авангард и часть подошедших основных сил. На левом фланге пехота Обсервационного корпуса, также одновременно с кавалерией, первой пошла в атаку и полностью расстроила противостоящую пехоту противника.

Но Фермор сам сделал ошибку: русская кавалерия оставила в нашем каре большой промежуток; главнокомандующий не подумал его заполнить. В ходе преследования пруссаков ряды русских расстроились. Кроме того, Фермор не сумел предусмотреть, что почти вся прусская конница генерала Зейдлица, находившаяся на левом фланге прусского построения, еще не вступила в бой и выжидала удобного момента для атаки. Он насту-

пил тогда, когда пехотинцы русского правого крыла увлеклись преследованием батальонов Мантейфеля и обнажили свой фланг и тыл. Силами 46 эскадронов Зейдлиц нанес удар по зарвавшейся русской пехоте.

Перейдя болотистый участок и всей массой ударив во фланг русской (увлекшейся преследованием) коннице, Зейдлиц ее опрокинул, заставил отойти с большими потерями (полковник Гаугревен был тяжело контужен, с трудом его удалось вывезти с поля боя) и потом со своими кирасирами, драгунами и гусарами ворвался в ряды русской инфантерии. Прусская пехота, которая успела опять построиться, подоспела к нему на помощь.

Перед лицом такой устрашающей атаки, пришедшей к тому же не во фронт готовой к бою пехоты, а в ее движущийся фланг и тыл, можно по достоинству оценить мужество русских grenадер. Они не успели перестроиться в правильную каре, но не побежали, выдержав первый страшный удар конницы, и затем, встав кучками спина к спине, отбивались от наседавших прусских гусар холодным оружием. Не случайно большая часть раненых после Цорндорфского сражения имели раны от сабельных ударов.

Отбиваясь от конницы, grenадеры стали медленно отступать на исходные позиции начала боя. «Русские дрались, как львы. Целые ряды их ложились на месте; другие тотчас выступали вперед, оспаривая у пруссаков каждый шаг. Ни один солдат не сдавался и боролся до тех пор, пока падал мертвый на землю. Наконец, все выстрелы потрачены: стали драться холодным оружием. Упорство русских еще более разжигало злобу пруссаков: они рубили и кололи всех без пощады. Многие солдаты, отбросив оружие, грызли друг друга зубами. Фридрих перед началом битвы не приказал давать пардону. «Постоим же и мы за себя, братцы! — кричали русские. — Не дадим и мы пардону немцу, да и не примем от него: лучше ляжем все за Русь святую и матушку царицу!» В истории никогда не бывало примера подобного сражения. Это была не битва, а лучше сказать, резня на смерть, где и безоружным не было пощады». Убедившись в невозможности прорвать правый фланг русских,

Зейдлиц отвел расстроенные эскадроны к деревне Цорндорф.

Отступлением правого русского крыла победа склонилась на сторону пруссаков. Но еще центр и левое крыло стояли неподвижно и готовы были оспаривать славу этого кровавого дня. На полчаса все приумолкло, как будто оба войска отдыхали после тяжкой борьбы.

После этого Фридрих решил нанести удар по левому флангу русской армии, который составлял Обсервационный корпус под командованием Броуна. «В час пополудни Фридрих повел свое правое крыло на русское левое двумя колоннами. Тяжелая артиллерия им предшествовала. На дальнем расстоянии от своей первой линии король выставил сильные батареи, и ядра посыпались в русские ряды». Фермор приказал генерал-майору Демику, командовавшему кавалерией, атаковать батареи. Демику повел в бой 12 эскадронов четырех кирасирских полков (всего 1680 сабель). В мгновение ока правая батарея с прикрывавшим ее батальоном была в русских руках, причем Казанский кирасирский полк взял одно пехотное знамя пруссаков.

Когда Фридрих начал перебрасывать на свой правый фланг войска, Броун неожиданно перешел в наступление и прорвал правый фланг пруссаков. «Русская пехота вслед за тем ударила в штыки и вновь (как и на правом фланге) опрокинула прусскую инфантерию. Завязался отчаянный бой. Но русские принуждены были отступить и попали в болото, где не было возможности ни построиться, ни защищаться. В то же время наша кавалерия овладела другой батареей и с таким диким воплем и силой бросилась на левую колонну, что неприятель с ужасом побежал к Вилькерсдорфу и передал свой панический страх другим полкам до самого прусского центра. Перевес был на русской стороне, и судьба сражения решалась». Солдаты Обсервационного корпуса начали преследование бегущего неприятеля.

«Но вдруг Зейдлиц с отчаянием бросается на нашу кавалерию, смешивает ее, опрокидывает и гонит». После поражения русской конницы кирасирские шеренги Зейдлица вместе с самим королем врубались в ряды пехоты Фермора, однако пехотинцы, пропустив их сквозь

образовавшиеся бреши, вновь сомкнули ряды. В то же время прусская пехота пробилась в наш центр и, ударя на левое крыло во фланг, потеснила его прямо на свою кавалерию. Здесь повторилась сцена прошедшего утра. Граф Чернышев и генерал Браун со своими гренадерами показывали чудеса храбрости. Воспользовавшись расстройством потерявшего порядок Обсервационного корпуса, Зейдлиц, который уже перешел на свой пра-

Мушкетер пехотного полка принца Франца Анжальт-Дессауского (1759 год). Мундир синий с красными фалдами и обшлагами. Пуговицы желтые, петлицы белые. Жилет, панталоны, штимлеты белые. Гилстук, манишка, кожаная амуниция — как в остальной пехоте. Погонны синие. Шляпа с белым галуном, белыми кисточками по углам и белой кистью. Темляк белый с красными гайками и кистью

вый фланг, нанес еще один удар, подобный тому, который несколько раньше выдержали гренадеры русского правого фланга. Но в отличие от своих товарищей солдаты привилегированного шуваловского корпуса не выдержали атаки конницы и бежали. «Наконец, русские были разбиты и только немногие бежали и скрылись в близких болотах и лесах». Это произошло из-за грубейших нарушений дисциплины на поле боя: солдаты начали разбивать бочки с вином и грабить полковые кассы.

Преследуя шуваловцев, конница Зейдлица вскоре натолкнулась на стоявшие в полном порядке полки центра и правого фланга, которые, несмотря на многократные атаки пруссаков, выстояли и тем самым спасли армию от поражения. Прусскую же пехоту, бежавшую после атаки корпуса Броуна, командирам так и не удалось собрать и бросить в поддержку Зейдлицу.

Сделался ужасный беспорядок: русские и пруссаки, кавалерия и пехота, — все смешалось в кучу. Ружейный огонь замолк, дрались один на один, били друг друга прикладами, кололи штыками, рубились на саблях. Ни одна сторона не уступала, ни одна не давала пощады. Напрасно и русские, и прусские генералы старались водворить порядок, прекратить рукопашный бой и разнять сражающихся, чтобы продолжить «правильное» сражение. Никто их не слушал. Страшная пыль, запекшаяся кровь и пороховой дым еще более обезображивали лица, и без того искаженные злобой и остервенением. Сам Фридрих был увлечен в середину свалки. Солдаты узнавали его только по голосу. Около него пали все его адъютанты и пажи, лишь «над его венчанной головой носился щит спасительного Провидения». Окруженный своими кавалеристами, Фридрих весь остаток дня провел сражаясь в самой гуще расположення русских — только к вечеру ему вместе с конницей Зейдлица удалось пробиться обратно.

И только ночь положила предел страшному убийству. С обеих сторон ударили отбой. Оба войска в беспорядке стали собираться на свои места, оба предводителя, и Фридрих, и Фермор, почитали себя победителями. Пушки с обеих сторон были оставлены на поле битвы

и никто их не убирал. Всю ночь войска оставались под ружьем. Фридрих отодвинулся только вправо, к деревне Цихтер, и переменил позицию, русские только повернулись поперек поля, чтобы обернуть к нему фронт. К концу сражения расположение обеих армий развернулось на 90 градусов к первоначальному. С рассветом снова началась канонада. Все предвещало продолжение битвы, но недостаток боевых снарядов у пехоты и чрезвычайная усталость кавалерии делали всякое новое предприятие невозможным. Под обоюдными выстрелами армии противников собирали и приводили в порядок свои полки.

Обе стороны понесли страшный урон. Русские потеряли 22 600, из них 13 тысяч убитыми и 3 тысячи пленными — до 54 %. Больше всего пострадал не выдержавший флангового удара кавалерии, рассеянный и порубленный Обсервационный корпус, который был практически уничтожен — из 9143 человек его состава в строю осталось только 1687. Пруссаки овладели 95 пушками, 30 знаменами и большей частью нашего обоза. Значительно поредело и высшее командование: из 21 генерала 5 были взяты в плен, а 10 — ранены*.

И здесь нельзя не отметить следующего обстоятельства. Как при Гросс-Егерсдорфе, так и при Цорндорфе проявились, с одной стороны, мужество и стойкость русских солдат, отмечавшиеся многими иностранными наблюдателями, а с другой — почти полная непригодность и беспомощность русского командования. Решение Фермора об атаке прусского авангарда было последним распоряжением главнокомандующего. К моменту атаки Зейдлица на правый фланг Фермор, который им командовал, покинул поле боя, укрылся в деревне Куцдорф, находившейся в тылу русских войск, и появился на командном пункте лишь вечером, когда пехота отбила все атаки прусских кирасир и драгун. Д. М. Маслов-

* Русские генералы лично принимали участие в битве. Фермор был ранен в ногу, Браун «изрублен по голове», князь Любомирский и Панин сильно контужены, а графы Салтыков (родственник будущего главкома), Чернышев и бригадир Ф. Г. Тизенгаузен в числе прочих взяты в плен.

ский, взнеся все «за» и «против», писал: «...в заключение боя на правом фланге должны категорически признать, что главнокомандующим решительно ничего не сделано, чтобы восстановить порядок в войсках после отступления Зейдлица, и тем более несомненно его совершенно безучастное отношение к ходу боя на левом фланге. Распоряжения Фермора мы встречаем значительно позднее, уже после подобной же катастрофы на крайнем левом фланге, в войсках Обсервационного корпуса». Иначе говоря, Фермор в самый ответственный момент сражения бросил армию на произвол судьбы. В то время как Фридрих управлял войсками, удерживая все время инициативу и перебрасывая в нужную точку сражения свои силы, русские фланги действовали обособленно, отсутствовала элементарная координация действий всех родов войск и управление армией со стороны главнокомандующего.

Вместе с Фермором трусливо бежали генерал князь Александр Михайлович Голицын, служивший в русской армии волонтером сын короля Августа III принц Карл Саксонский, австрийский барон Сент-Андре, генерал-квартирмейстер Герман и секретарь Фермора Шишкин. Впоследствии императрица Екатерина Великая писала, что «Принц Карл один из первых обратился в бегство, и как говорили, до такой степени простирал свою трусость, что счел себя безопасным только в Ландсберге».

Контрудары и атаки русских наносились несогласованно, одновременно, необходимые меры по обеспечению флагов не принимались. Это дало возможность противнику маневрировать своей сильной кавалерией и наносить ею сильнейшие удары по флангам выдвигавшихся вперед линий русской пехоты (сначала по правому, потом по левому). Все это поставило русских в критическое положение: только стойкость пехоты, продолжавшей (после полного расстройств управления боем) сопротивление мелкими изолированными группами, позволила русской армии избежать полного разгрома.

Наконец, не известно, как бы развивалось сражение, если бы Фермор приказал Румянцеву покинуть ставшую бесполезной оборону переправы через Одер (после того как Фридрих перешел в другом месте на правый бе-

рег) и двинуться к Цорндорфу. Румянцев стоял у Шведта, всего в нескольких десятках километров от места боя, и ясно слышал канонаду. Как писал Д. М. Масловский, «теперь, когда все карты раскрыты, очевидно, что Румянцев с 11 000 человек свободно мог ударить во фланг, а при искусных разведках и в тыл пруссакам в самое критическое время, т. е. в исходе первого дня Цорндорфского боя, или на другой день: полное поражение Фридриха в этом случае не подлежит сомнению». Впрочем, Масловского не следует уподоблять тем историкам, которые посвящают целые страницы рассуждениям о том, мог ли победить Наполеон при Ватерлоо, если бы вовремя подошел Груши, или нет? Масловский понимал, что перед Румянцевым, не имевшим приказа Фермора, стоял сложный вопрос, «который так легко и просто разрешается теперь, в кабинете».

Потери пруссаков были тоже велики — их урон составил 10 тысяч убитыми и 1,5 тысячи пленными (35 % личного состава). Поэтому наутро Фридрих не решился вторично атаковать русскую армию и ограничился артиллерийским обстрелом русских позиций, а 16 августа не воспрепятствовал организованному отходу войск Фермора с кровавого поля Цорндорфа. Построившись в две колонны, между которыми разместился обоз, русские увезли на руках (за отсутствием необходимого количества лошадей) 26 прусских орудий и унесли 8 отбитых прусских знамен и 2 штандарта.

Когда английский посланник, сопровождавший Фридриха, поздравил его с победой, король отвечал, указывая на Зейдлица: «Ему мы обязаны всем, без него нам было бы плохо. Это железные люди! Их можно перебить, но разбить невозможно!» При Цорндорфе прусский король почувствовал некоторые тревожные нотки: в разгар боя на правом фланге русских вышедшая из штыкового боя прусская пехота отказалась атаковать вторично. Сам Фридрих так отзывался об этом: «Мое жалкое левое крыло бросило меня, бежали, как старые б...» Несмотря на такое лестное для русских убеждение Фридриха, он все-таки почитал сражение выигранным, хотя Фермор удержал за собой поле битвы, отступив от

Цорндорфа только двумя днями позже на виду у пруссаков.

Берлинские и английские газеты с восторгом провозгласили «знаменитую победу» Фридриха II. Фермор, со своей стороны, поздравлял Елизавету Петровну с новым торжеством русского оружия. «Одним словом, Всемилостивейшая Государыня, — говорит он в своей реляции, — неприятель побежден и ничем хвалиться не может!» В Берлине и в Петербурге праздновали победу при Цорндорфе (как и при Бородине полвека спустя — в Петербурге и Париже) в одно время. Фермор получил в награду Андреевскую ленту. «Неужели мы в самом деле победили? — воскликнул после этого правдолюбивый граф Петр Иванович Панин. — Правда, мы остались властелинами поля сражения, но или мертвые, или раненые!»

Фридрих еще во время похода перехватил письмо Дауна к Фермору, в котором тот убеждал русского генерала «избегать битвы с хитрым противником и подождать, пока он кончит свое предприятие на Саксонию». Теперь Фридрих торопился известить Дауна о своей победе при Цорндорфе следующей запиской: «Вы очень справедливо советовали генералу Фермору остерегаться хитрого противника, которого вы лучше знаете. Но он не послушался — и разбит!»

Известие о сражении при Цорндорфе было благоприятно встречено в Петербурге. Рескрипт Елизаветы Фермору гласил: «Через семь часов сряду храбро сделанное превосходящему в силе неприятелю сопротивление, одержание места баталии и пребывание на оном даже на другие сугки, так что неприятель, и показавшись, и начав уже стрельбою из пушек, не мог, однако же, чрез весь день ничего сделать и ниже прямо атаки предпринять, суть такие великие дела, которые всему свету останутся в вечной памяти к славе нашего оружия».

Понять Елизавету можно: русская армия вдали от родной страны, в самом сердце Бранденбурга, выдержала сражение с искусным полководцем и, нанеся ему значительный урон, сумела с достоинством покинуть поле сражения, не оставив неприятелю ни раненых, ни тро-

феев. Это не было победой — в конечном счете поле боя осталось за Фридрихом, но это и не было поражением, ибо прусский король так и не решился атаковать русскую армию, которая «транспортным порядком», фланговым маршем, 7 верст тянулась в виду его армии. Впоследствии русское командование и Конференция считали, что победа была упущена из-за неприглядного поведения солдат шуваловского корпуса.

В своих воспоминаниях императрица Екатерина так описывает впечатления от результатов Цорндорфской битвы: «...Мы узнали, что 14-го числа произошло Цорндорфское сражение, самое кровопролитное во всем столетии; с обеих сторон считали убитыми и ранеными по 20-ти тысяч человек; мы лишились множества офицеров, до 1200. Нас известили об этом сражении как о победе, но шепотом передавалось известие, что потери с обеих сторон были одинаковы, что в течение трех дней оба неприятельских войска не смели приписывать себе победы, и что наконец на третий день Король Прусский в своем лагере, а генерал Фермор на поле битвы служили благодарственные молебны. Императрица и весь город были поражены скорбью, когда сделались известны подробности этого кровавого дня; многие лишились родственников, друзей и знакомых. Долгое время только и было слухов, что о потерях. Много генералов было убито, ранено, либо взято в плен. Наконец убедились в неспособности генерала Фермора и в том, что он вовсе человек не воинственный... Румянцев обвиняли в том, что, имея в своем распоряжении 10 000 человек и находясь недалеко от поля битвы, на высотах, куда к нему долетали пушечные выстрелы, он мог бы сделать битву более решительною, если бы ударил в тыл Прусской армии в то время, как она дралась с нашею; граф Румянцев этого не сделал, и когда зять его князь Голицын после битвы приехал к нему в лагерь и стал рассказывать о бывшем, тот принял его очень дурно, наговорил ему разных грубостей и после этого не хотел с ним знаться, называя его трусом, чем князь Голицын вовсе не был; несмотря на победы Румянцева и на теперешнюю славу его, вся армия убеждена, что он уступает Голицыну в храбрости».

Этот довольно странный пассаж будущей императрицы (бежавший с поля боя Голицын объявляется чуть ли не героем, а Румянцев, «несмотря на победы и на теперешнюю славу», фактически называется виновником проигрыша Цорндорфского сражения) объясняется просто: суровый и совершенно «не светский» Румянцев никогда не числился в друзьях Екатерины, отдавая явное предпочтение свергнутому ею мужу — Петру III. Голицын же, напротив, был ее фаворитом.

Все рассудила история — в Турецкую войну 1768—1774 годов генерал-аншеф Голицын, командуя 1-й русской армией, показал себя трусом и полным невеждой в военном деле. Присылая регулярные депеши об одержанных им «победах», он топтался на границе Турции, уходя на российский берег Днестра при первом появлении врага. Внук известного фельдмаршала корнет Миних, присланный с очередной депешей Голицына в Петербург, долго беседовал с императрицей Екатериной и сообщил ей о безобразиях в армии и бездарности Голицына. Екатерина опять не поверила этому и даже написала генералу Панину, что Миних-младший «взбалмошен и лжив». Наконец, спустя полгода даже она поняла, что «неустрашимый» Голицын не годится для командования (известно, что узнав о его деяниях, король Фридрих Великий долго хохотал, а потом воскликнул: «Вот она, драка кривых со слезьми»). Голицын был отозван и заменен «трусом» Румянцевым, который немедленно разбил турок при Ларге и Рябой Могиле. Голицын вернулся в Петербург... где был пожалован императрицей в фельдмаршалы и оставлен при дворе.

Интересно, что Голицын все же убедил Румянцева в полном поражении русских. Это подтвердили многочисленные офицеры, бежавшие с места сражения в лагерь Петра Александровича, да и канонада стала стихать: на самом деле при Цорндорфе начался рукопашный бой, поэтому пушки прекратили огонь, но в Шведе те подумали, что бой закончился. В этой ситуации Румянцев решил не рисковать своими силами и пошел на север (в направлении Штаргарда) для соединения с силами генерал-майора Рязанова, попутно присоеди-

нив к себе отряд бригадира Берга — т. е. в сторону, противоположную Цорндорфу!

На другой день после сражения офицеры штаба настойчиво советовали вернувшемуся к армии Фермору соединиться с подходившим корпусом Румянцева и, получив численное превосходство в силах, атаковать обескровленную армию Фридриха. Однако Фермор пошел по стопам Апраксина и приказал начать отступление. Простояв два дня на поле сражения, русские отступили к Гросс-Камину, чтобы взять свой вагенбург, а оттуда к Ландсбергу. Легкие прусские войска их тревожили. Сам же Фридрих, оставя корпус Левальда наблюдать за Фермором, возвратился к Кюстрину и оттуда поспешил в Саксонию, где его присутствие было необходимо; а войско его пошло опять против шведов. В Кюстрине наши пленные генералы были помещены в подвалы под крепостными стенами. На их жалобы комендант отвечал: «Господа! Вы так хорошо бомбардировали Кюстрин, что не оставили в нем ни одного дома для себя. Теперь не прогневайтесь! Чем богаты, тем и рады!» Но через несколько дней они получили позволение отправиться в Берлин и явиться ко двору.

Каждому ясно, что после Цорндорфа Фермор, присоединив свежий корпус Румянцева, получил значительный численный перевес над прусской армией, тем более, что Фридрих вскоре ушел с частью сил в Саксонию. Однако командующий не сделал никаких попыток атаковать противника; он ретировался в Померанию (логичные действия для победителя, не правда ли?) и отозвал корпус Румянцева, отправленный было на соединение со шведами. Больше испытывать судьбу русский командующий не хотел — он впустую маневрировал или стоял в районе восточнее Одера. Недостаток в провианте заставил его осадить Кольберг, как выгодный для армии порт (его взятие существенно облегчило бы положение армии и сократило растянутые на сотни верст сухопутные коммуникации). Город не сдался: неумелый штурм русских под командованием генерала Пальменбаха был отбит. В конце октября русская армия, наконец, перешла через Нижнюю Вислу и в ноябре отступила в Польшу на старые зимние квартиры. Уже второй

поход русских, успешный поначалу, окончился огромными потерями и нулевым результатом.

Теперь представляется истории решить спорный вопрос: кто же остался победителем при Цорндорфе? Ответ прост: тот, кто достиг своей цели. Русские и шведы пытались проникнуть в самое сердце прусского королевства; Фридрих решился их остановить. На Цорндорфском поле жребий был брошен. Русские и шведы ретировались, Берлин остался нетронутым, а Фридрих снова мог обратить все свои силы против главного врага — австрийцев. Стало быть, если Фридрих материально не выиграл битвы при Цорндорфе, то он, по крайней мере, воспользовался ее плодами. И в этом отношении ему принадлежали лавры победителя. Тем не менее ожидаемой решительной победы королю прусскому одержать не пришлось, чем он был немало удручен. Рассказывают, что, когда после Цорндорфского сражения к королю подошла крестьянка с просьбой о месте для сына, Фридрих довольно невесело ответил ей: «Бедная женщина, как дам я вам место, когда не уверен, что сохраню свое?»

Елизавета Петровна очень хорошо поняла значение Цорндорфской битвы: она отпраздновала победу, наградила графа Фермора, однако вслед за тем отозвала его от войска, назначив главнокомандующим графа Салтыкова.

«Ревнитель русской славы» Керсновский однозначно приписывает победу русским. Хотя он признает, что сражение не имело решительных тактических последствий, а обе армии «разбились одна о другую». По его словам, «в моральном отношении Цорндорф является русской победой и жестоким ударом для Фридриха. <...> Честь этого кровавого дня принадлежит латникам Зейдлица и тем старым полкам железной русской пехоты, о которые разбился поток их лавин».

Наши историки в один голос приводят два документальных свидетельства участников цорндорфского побоища. Первое принадлежит Болотову: «... Группами, маленькими кучками, расстреляв последние свои патроны, они [русские пехотинцы] оставались тверды, как скалы. Многие, насквозь пронзенные, продолжали дер-

жаться на ногах и сражаться, другие, потеряв руку или ногу, уже лежа на земле, пытались убить врага уцелевшей рукой...» Второе засвидетельствовал ротмистр прусской кавалерии фон Катте: «...Русские лежали рядами, целовали свои пушки — в то время как их самих рубили саблями — и не покидали их».

Что ж, все это правда и это делает честь русской армии. Однако значительно менее известными являются следующие строки из указа Елизаветы от 2 сентября 1758 года: «...к крайнему сожалению и гневу нашему, слышим мы, что в то самое время, когда победа совсем на нашей стороне была и неприятель, пораженный, в великом смятении бежал, некоторыми своевольными и ненаказанными, но мучительнейшей смерти достойными солдатами не токмо голос к оставлению победы и к отступлению назад подан, но число сих своевольников нечувствительно так бы умножилось, что они, отступая, неминуемо и многих других, в твердости еще пребывающих, в бег с собой привлекли, определенным от нас... командирам ослушны явились и в то же время за мерзкое пьянство принялись, когда их долг, присяга и любовь к отечеству кровь свою проливать обязывала».

Кстати, во время отступления «победителя» Фермора в Померанию дошло до того, что русское командование, чтобы хоть как-то сдержать наседавших «побежденных» пруссаков, отрядило 20 эскадронов драгун и конногренадер Румянцева в прикрытие. Этот отряд спешенной кавалерии целый день сдерживал прусский корпус у Пасс-Круга, вписав в историю русской армии славную страницу, но... как-то не вяжется все это с тактикой победившей стороны. Слава Богу хотя бы за то, что отступление Фермора не было сопряжено с такими потерями, как раньше у Апраксина.

На послецорндорфском этапе кампании 1758 года Фермор проявил — подобно Апраксину после Гросс-Егерсдорфа — крайнюю нерешительность и ничего не предпринял против действовавшей против него в Померании армии генерала Дона. Даже распространился слух о тайных сношениях Фермора и Дона, правда не подтвержденный источниками, но так или иначе вторая кампания не принесла победы русскому оружию.

КОНЕЦ КАМПАНИИ 1758 ГОДА

Хохкирх

Австрийцы воспользовались отсутствием Фридриха. Граф Леопольд Даун, австрийский «Фабий-медлитель» (Фридрих говаривал, что «Даун воюет с ним так, будто им обоим суждено прожить, по крайней мере, сто лет»), не видя перед собой хитрого противника, наконец решил действовать наступательно. Он вошел в Лаузиц и устроил там свои магазины. Отсюда он мог, смотря по надобности, вступить в Силезию или соединиться с имперской исполнительной армией, которая, укомплектовавшись на кантонир-квартирах во Франконии, теперь вновь шла к саксонским границам. С другой стороны, он мог способствовать операциям русского войска. Для этого он отправил к берегам Эльбы корпус Лаудона с намерением отрезать Фридриху II коммуникацию с этой рекой. Таким образом, он хотел передать его совершенно в руки Фермора и удержать в северных провинциях Пруссии.

Саксонию прикрывал принц Генрих, брат Фридриха. При известии о приближении исполнительной армии он употребил все средства, чтобы задержать ее в походе. Прусские партизанские отряды не раз преграждали ей дорогу, но эти малые стычки не могли остановить огромного войска, оно вступило, наконец, в Саксонию. Генрих видел невозможность предпринять что-нибудь решительное; он отодвинулся к Дрездену и занял укрепленный лагерь. Неприятельская армия стала лагерем под Пирной. Между тем маркграф Карл со своим корпусом последовал за движениями Дауна. Он стал напротив него в Силезии, чтобы прикрыть эту страну на случай, если неприятель захочет проникнуть в нее из Лаузица, а генерала Цитена с отборным войском отправил против Лаудона.

Фельдмаршал Даун

Видя, что Фермор своим содействием не подкрепляет общего предприятия и что пруссаки приняли меры против всех его замыслов (еще один довод по поводу «жертвенности и самоотвержения» русских и «предательства» австрийцев), Даун переменял план и решил обратить все силы на Саксонию. Быстро повел он войско к Дрездену. Цель его была ударить в тыл маленькой армии принца Генриха, между тем как имперцы атакуют его с фронта. Генрих был в опасном положении: ловкими маневрами старался он избежать губительного удара. Тут пришла весть о победе Фридриха при Цорндорфе и о быстром походе его в Саксонию. Близкая помощь воодушевила пруссаков.

10 сентября король явился под Дрезден, причем его войска во время марша проходили по 22 мили в день. Быстро соединил он армию маркграфа Карла и корпус Цитена с войсками своего брата — всего около 31 тысячи человек. Лаудон также поспешил примкнуть к главной армии Дауна. Здесь, на небольшом пространстве в две мили, стояли четыре враждующие армии друг против друга, и каждый день должно было ожидать кровавой развязки. Фридрих горел нетерпением сразиться, нерешительный Даун избегал битвы.

Как превосходный мастер вести оборонительную войну, он тотчас по приближении Фридриха занял неприступную позицию; лагерь имперцев при Пирне был также слишком надежен, чтобы ожидать нападений. Тем временем Фридрих делал самые искусные маневры, неприятель оставался в засаде. Но держа таким образом все силы Фридриха в напряжении, Даун воспользовался беззащитным состоянием Силезии. Он отправил туда отдельный корпус, который обложил крепости Опельн и Нейсе. Фридрих видел, что тратит напрасно время в Саксонии. Он решил идти в Силезию и выгнать оттуда австрийцев, а между тем в походе захватить главные магазины Дауна в Лаузице. Авангард его дошел до Бауцена и овладел городом. Через несколько дней прибыл и сам Фридрих.

Тут Даун понял угрожавшую ему опасность: армия его могла остаться без всякого продовольствия. Поспешно повел он свое войско по тому же направлению, по которому пошел Фридрих; усиленными маршами успел его опередить и, наконец, став укрепленным лагерем, преградил ему путь в Силезию. Когда прусский король вывел войско из Бауцена и 10 октября пришел в деревню Хохкирх, он был крайне удивлен, видя перед собой всю 80-тысячную австрийскую армию. Позиция Дауна была превосходна: войско его стояло на пригорках, опушенных у подошвы лесом, в виде тупого угла, стороны которого обхватывали деревню Хохкирх, лежащую посередине. Идти далее было невозможно, расположиться под Хохкирхом безрассудно. Но слишком уверенный в своих силах Фридрих не хотел осрамить себя отступлением на глазах неприятельской армии и приказал разбить свой лагерь под Хохкирхом.

Напрасно генералы описывали ему всю опасность такого положения, напрасно принц Мориц Дессауский умолял его отступить; король настаивал на своем и отправил под арест генерал-квартирмейстера Марвица за то, что тот не решался разбивать палаток под неприятельскими выстрелами.

Лагерь был поставлен и защищен двумя сильными батареями. Главное неудобство лагеря состояло еще в том, что пруссаки из долины не могли видеть, что про-

исходило в неприятельском стане, расположенном на высотах и за пригорками, и не смели пускаться на рекогносцировки, потому что прилески у подошвы гор были заняты пандурами и венграми.

Но Фридрих был до того уверен в робости и безынициативности Дауна, что не принимал даже никаких мер против внезапного нападения. «Если Даун нас здесь не атакует, — сказал ему фельдмаршал Кейт, — то его стоит повесить!» — «Поверь мне, — отвечал Фридрих, — он скорее пойдет на виселицу, чем на нас».

В этой уверенности утвердили короля еще более ложные донесения предателя, подкупленного им в австрийской армии. Этому предшествовала детективная история, весьма, впрочем, обычная для этого столетия. Некий прусский шпион доставлял Фридриху сведения о передвижениях противника через продавца яиц. Он выпускал из одного яйца содержимое и в скорлупу прятал сообщение, залепив отверстие воском. Однако как-то разносчик яиц встретился с офицерами штаба Дауна, которые приказали отнести всю корзину на кухню командующего. Таким образом, предательство раскрылось. Шпиону было обещано помилование, если он начнет снабжать пруссаков дезинформацией. С этого времени сам Даун диктовал ему записки и заверял в них прусского короля, что австрийская армия готовится отступить в Богемию. Фридрих поверил и попал в ловушку.

Так простояли пруссаки три дня. Австрийцы почитали их отвагу явным для себя оскорблением. В войске поднялся ропот, сами генералы стали громко поговаривать о нерешительности своего командира. Это вынудило Дауна приняться за дело.

Фридрих между тем поджидал только своих транспортов и решил на следующий день непременно отступить. 13 октября день был пасмурный; густые облака покрывали небо, и ночь преждевременно опустилась на землю. Прусские солдаты после ужина торопились поскорее укрыться в своих палатках от пронзительного осеннего ветра. Король распустил свой штаб, и вскоре в прусском лагере все предалось покою. Водворилась глубокая тишина: одни часовые изредка перекликались.

Совсем другую картину представлял стан австрийцев. На всем пространстве, занимаемом их войсками, пылали бивуачные огни, раздавались песни, а под горами, в лесу, стучали топоры и слышался шум падающих деревьев, которые, по-видимому, срубали для костров. В два часа ночи Даун поднял свою армию, раздал приказания и пустился в обход пруссакам, скрывая от них свои движения под описанной выше декорацией беспечности и веселья. Корпус Лаудона был отправлен с вечера: он стал в тыл неприятеля.

Предполагалось напасть на правый фланг прусского лагеря, прикрытый деревней Хохкирх. Впереди шел авангард, состоявший из 36 эскадронов конницы и 4 батальонов пехоты. Даун сам вел остальную пехоту. Для наблюдения же левым флангом пруссаков был оставлен герцог Армбергский с отдельным корпусом. Ему было предписано преследовать неприятеля, когда он будет разбит на всех пунктах.

В ночной темноте австрийцы крались, как воры. Конница спешила и вела лошадей на поводу. Солдаты спускались с гор почти ползком, чтобы шумом оружия не открыть своего приближения. В прилесках были наперед прорублены широкие дороги. Между тем на высотах по-прежнему белели палатки, сверкали огни и разносились песни. На хохкирхской колокольне пробило пять часов.

К передовым прусским постам начали являться австрийцы, называя себя дезертирами. Число их ежеминутно возрастало: наконец, они толпою бросились на аванпосты и началась перестрелка. В то же время Лаудон с тыла ворвался в лагерь и в знак начала дела велел зажечь деревню. Австрийский авангард пошел в атаку с фронта. Барабаны забили тревогу. Пруссаки вскакивали с постелей, хватались за оружие, выбегали из палаток босиком и без ранцев. Австрийцы овладели батареей перед Хохкирхом и, обратя орудия на пруссаков, стали будить их картечью. Некоторые проснулись только для того, чтобы под предательским штыком ночных убийц снова уснуть вечным сном.

Тут только превосходная дисциплина прусских войск проявилась во всем блеске: через десять минут вся ар-

мия стояла под ружьем и храбро отражала напор неприятеля. Но было так темно, что пруссаки не могли узнать, где главная сила неприятеля, и потому дрались отдельными кучками. Солдаты хватили друг друга за головы, чтобы ощупью отличить неприятеля от своего. Пруссаки узнавали своих противников по меховым шапкам и белым мундирам, австрийцы пруссаков — по медным гренадеркам. Главное нападение было устремлено на Хохкирх. Когда деревня запылала, занимавший ее прусский батальон ретировался на кладбище и, отважно преградив неприятелю дорогу, встретил его беглым огнем. В то же время Цитен с гусарами ударил во фланг пехоте, ворвался в ряды и начал ее страшно рубить. Целая неприятельская линия была опрокинута, гренадеры почти все легли на месте. Даун выставил семь новых пехотных полков против этой небольшой горсти пруссаков. Расстреляв свои патроны, мужественный батальон вышел из-за плетней кладбища и ударил в штыки. Но что мог он сделать против такого многочисленного врага? Весь батальон, начиная с храброго своего майора Ланге до последнего солдата, пал на поле битвы. Австрийцы овладели кладбищем и деревней.

Зарево пожара несколько осветило окрестность, и прусские генералы могли предпринять что-нибудь верное. Надлежало выгнать неприятеля из занятой им позиции. Фельдмаршал Кейт с шестью батальонами успел отнять у австрийцев батарею и потеснил их назад. Но его окружили, солдаты проложили себе обратный путь штыками, а сам фельдмаршал пал, пораженный пулей в грудь. Герцог Франц Брауншвейгский последовал примеру Кейта и пал так же, как и он: ядро раздробило ему голову. Принц Мориц Дессауский разделил участь этих двух храбрых генералов, дрался мужественно, как и они, был смертельно ранен в грудь и отнесен за фронт. Зейдлиц, во главе кирасир, летал из одного конца в другой, сражался отчаянно, но и его усилия не помогли: австрийцы выдвигали все новые полки и с новой силой нападали. Наконец, под градом картечи, Фридрих сам повел свежие войска в дело. Когда под ним убило лошадь, он проворно пересел на другую и не вышел из битвы, пока неприятель не побежал, однако австрий-

ская кавалерия уничтожила этот новый успех, а пехота ее двинулась вперед свежими массами.

День проснулся, но густой туман заменил мрак ночи. Битва продолжалась наудачу. К девяти часам туман рассеялся, и солнце озарило печальную картину разрушения. Фридрих только теперь с возвышения мог обозреть поле битвы, устланное жертвами кровавой бойни. Оба войска находились в величайшем расстройстве. В подзорную трубу наблюдал он за распоряжениями Дауна, стараясь угадать его намерения. Австрийская артиллерия навела на него свои орудия, и ядра засвистали. Одно ядро упало возле самого короля и обрызгало его землей и пылью. Испуганная лошадь бросилась в сторону: в нетерпении начал он бить ее палкой, пока она не стала на прежнее место. Но тут новое ядро опять ее испугало. Тогда адъютанты стали умолять короля, чтобы он оставил это опасное место. «Вы видите, — сказал он им с усмешкой, — опасность везде одинакова: ядра летят и вправо, и влево. Я могу быть убит и здесь, и там, но позади моей армии я бесполезен».

Обозрев неприятеля, Фридрих увидел, что герцог Армбергский обходит его левое крыло. Тотчас собрал он войско, построил его в новые линии и, примкнув свое правое крыло к местечку Дреза, приказал майору Меллендорфу занять и отстаивать высоты, защищающие Дрезу. Но король не мог ни вполне развернуть свою армию, ни привести в исполнение лучшие свои соображения: поле действия было слишком тесно, а местность самая неблагоприятная. Снова неприятель двинулся на него с фронта и в тыл: кровь лилась ручьями.

Фридрих, видя, что выиграть сражения нельзя и не желая более подвергать своих людей опасности, искусными маневрами начал ретироваться через проход, прорубленный Цитеном. Австрийцы сами были до того расстроены, что не тревожили его отступления, которое прикрывала часть прусской конницы и артиллерия.

Так отошел он на три мили и стал лагерем на Шпицбергенских горах, в стороне от Бауцена. Солдаты должны были расположиться на земле, как могли, потому что палатки и почти весь обоз были у них отняты.

В Хохкирхской битве пруссаки потеряли 9000 человек убитыми и ранеными, 101 пушку, 28 знамен, 2 штандарта, весь свой лагерь и большую часть тяжестей. Австрийцы лишились семи с половиной тысяч человек. Но Фридрих казался спокойным и даже веселым. Солдаты его также не потеряли бодрости: они думали только об отмщении. «Куда вы девали свои пушки?» — спросил король шутя у канониров. «Черт их взял ночью!» — подхватили солдаты. «Вы сегодня славно дрались, дети! Но что же делать, когда неприятель похитил у нас победу воровским образом, ночью! Генерал Даун сыграл с нами преглупую шутку; но спасибо и за то, что он нас отпустил и не дал мат королю! Теперь игра еще не потеряна: мы отдохнем денька два-три, да и полетим в Силезию выручать Нейсе! Не такли, дети? Хотите?» — «Все с тобой, Фриц! Все с тобой!» — закричали солдаты и безропотно принялись за свою черствую корку хлеба.

Но Фридрих смеялся сквозь слезы. «Потеря стольких полезных генералов, и особенно Кейта, глубоко взволновала его душу. К этому присоединилась новая скорбь: он получил известие о кончине любимой сестры своей, маркграфини Байрейтской. Эту женщину, после матери, любил он больше всех на свете. Она страдала вместе с ним в детстве, разделяла все его радости в жизни; она одна умела понимать его великую душу и внушать ему твердость в тяжкие минуты грусти и отчаяния. Несколько дней король был неутешен и по обыкновению изливал свои чувства на бумагу.

Но напоследок энергия его пробудилась с новой силой: еще в том же году решил он употребить все средства, чтобы очистить свое государство от всех неприятелей» (Кони. С. 340).

Совсем не то было у австрийцев. Предоставив неприятелю свободную ретираду, Даун поспешил привести свои полки в порядок, он снова возвратился в засаду и еще надежнее укрепил лагерь, как будто сам был испуган своей победой. Тотчас он начал изготавливать депеши с радостной вестью к императрице-королеве и ко всем союзным державам.

Мария Терезия была в восторге. Хохкирхская победа одержана в день ее имени. «Лучшего поздравительного букета вы не могли прислать мне!» — писала она к Дауну и благодарила его за успех в самых лестных выражениях. Императрица Елизавета прислала ему золотую шпагу, осыпанную бриллиантами; в Вене воздвигли в его честь колонну, а австрийские провинции поднесли ему 300 тысяч гульденов для уплаты долгов и на выкуп заложенного имения.

Даже Климент XVIII, который только за несколько месяцев до этого вступил на папский престол, остался неравнодушен к успеху Австрии. Он отправил Дауну освященный берет из красного бархата с горностаем и благословленную шпагу. «Любезный сын во Христе, — писал святейший отец, — с глубоким чувством удовольствия узнали мы о твоих геройских подвигах над еретиками. Как отче и глава единой душеспасительной церкви и всех истинноверующих, решил я подкрепить твою храбрость силою нашего апостолического благословения. Вручаю тебе сей священный меч: да вечно дымится десная твоя кровь отступников. Положи секиру к корню сего поганого древа, которое принесло в мир плоды проклятья, и по спасительному примеру святого и великого Карла, окрести Северную Германию мечом, огнем и кровью — в веру истинную и присносущую. Велика будет радость всех верующих на земле и св. угодников Божьих на небеси, когда ты мощью карающего меча и силою креста животворящего, возвратишь сие стадо заблудших в лоно истинной матери-церкви. Да будут над тобою покров пресвятой девы Марии Цельской и молитвы св. Непомука отныне и до века!»

Этим воззванием, напечатанным во всех газетах, папа хотел возродить фанатизм средних веков и воодушевить католиков на новый крестовый поход против протестантов. Но времена изменились. Поступок папы только вызвал раздражение протестантских наций, а Пруссии прямо указал на высокую честь быть отныне главой и покровительницей реформаторов.

Убаюканный наградами и похвалами, Даун праздновал свою победу в лагере и в упоении славы думал, что

отнял у Фридриха все средства к продолжению войны. Поэтому он писал генералу Гаршу: «Приступайте смело к осаде Нейсе: со стороны прусского короля теперь уже бояться нечего». А Фридрих между тем не дремал: он переместил корпуса графа Дона и генерала Веделя из Померании в Саксонию, а брата своего Генриха вызвал к своей армии. Генрих привез с собой необходимое количество полевых запасов. В ночь 24 октября Фридрих тихо выступил из лагеря, обогнул стан Дауна и благополучно привел свою армию в Герлиц.

Вся Европа ожидала блестящих последствий Хохкирхской битвы: гибель Фридриха была решена, Даун в ней не сомневался. И вдруг все изменилось: прусский король является в Силезию, несмотря на то что все пути преграждены неприятелем; при одном его появлении генерал Гарш оставляет осаду Нейсе; в две недели вся Верхняя Силезия очищена от австрийцев и — погибавший герой опять торжествует.

Такой неожиданный оборот дела заставил Дауна опомниться. В досаде на свой промах он хотел, по крайней мере, освободить Саксонию. Поэтому приказал имперской армии атаковать пруссаков, которые укрепились на Эльбе, а сам намерен был ударить на них в тыл. Но это не удалось. Граф Дона прогнал имперцев от Лейпцига, а Ведель вытеснил Гаддика из Торгау. Тогда Даун пошел прямо на Дрезден. Но когда он расположился к правильной осаде города, комендант Шметгау послал ему сказать, что сожжет все предместья, даже весь город, и будет защищаться на улицах до самого дворца. Если же и это не поможет, то взорвет дворец со всем гарнизоном и с семейством польского короля, но города не сдаст.

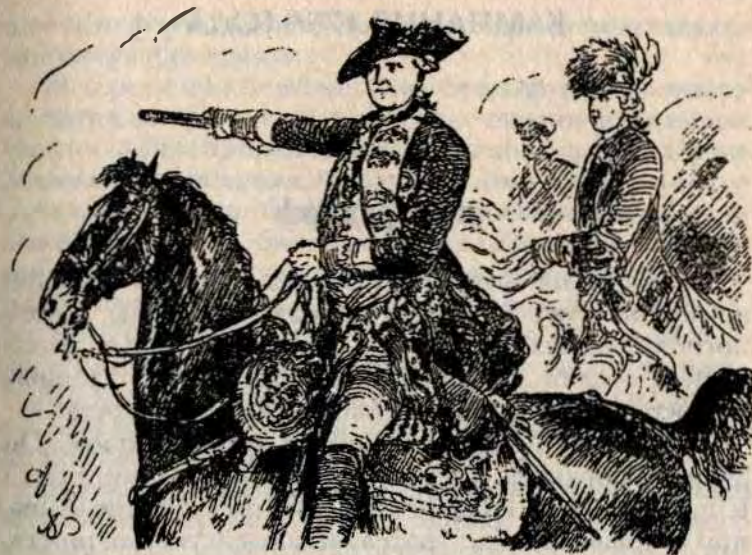
«Это неслыханное насилие!» — воскликнул раздраженный Даун. «Что делать! — отвечал посланный. — Комендант исполняет приказания короля». — «Но он будет отвечать за нарушение народных прав». — «Оправданием ему послужит то, что вы принудили его на такую меру. Его величество, король польский союзник Австрии: если столица его погибнет от осады австрийцев, Пруссия не виновата!» Даун не обратил на это внимания

и продолжал свои наступательные действия. Тогда, при первых выстрелах австрийцев, Шметгау действительно зажег одно из лучших и богатейших предместий. Королевские увеселительные дворцы и палаты его вельмож рассыпались в прах на глазах Дауна. Кроме того, во все дома были снесены горючие материалы, а под главный дворец подведены пороховые мины. Народ с ужасом спасал из жилищ самое ценное и спешил с вещами из города.

Такие решительные меры коменданта, а более известие о приближении прусского короля, заставили Дауна оставить свое предприятие и ретироваться в Богемию. Имперская армия отправилась во Франконию. Фридрих, прибыв в Дрезден, не нашел уже в Саксонии и следа неприятельского. Теперь он отправил снова Велдея и Дона в Померанию, против шведов. Вскоре шведский генерал Гамильтон был разбит, потерял почти всю свою артиллерию и был преследуем до самого Штральзунда.

Керсновский немало иронизировал над незадачливым Дауном, «не посмевающим воспользоваться своей победой, несмотря на двойное превосходство в силах». Интересно, что же говорить об Апраксине и Ферморе, сделавших это дважды в гораздо более «тяжелой форме» (если принять точку зрения, что Цорндорф — русская «моральная победа») и постоянно имевших двойное, а то и тройное превосходство?

Между тем герцог Фердинанд Брауншвейгский несусыпно действовал против французов на Рейне. После Крефельдской битвы Клермон был замещен опытным генералом Контадом, которому министр Бель-Иль дал предписание: «Проникнуть в Ганновер и Вестфалию и превратить обе провинции в степи». Несмотря на то что Фердинанд должен был прикрывать высадку англичан и удерживать свою переправу на Рейне, он успел, однако, овладеть Брабантом и Люттихом (Льежем) и, после мастерской ретирады, прикрыл Нижнюю Саксонию. Но Субиз все-таки прорвался в Гессенскую провинцию и с помощью саксонцев буквально исполнил в ней предписание своего министра.

Фердинанд Брауншвейгский

«Так кончился третий год войны, богатый кровавыми битвами и блистательными подвигами! Фридрих снова мог вздохнуть свободнее: земли его были очищены от неприятелей, и сам он уцелел среди их грозных ополчений! Но тучи еще не рассеялись над его головой, и с новой весной гром битв опять должен был огласить встревоженную Европу».

КАМПАНИЯ 1759 ГОДА

Кунерсдорф

«К открытию кампании 1759 года качество прусской армии было уже не то, что в предыдущие годы. Много погибло боевых генералов и офицеров, старых, испытанных солдат. В ряды приходилось ставить пленных и перебежчиков наравне с необученными рекрутами».

До сих пор Фридрих вел войну наступательную. Он держался правила «не давать неприятелю опомниться и предупредить его действия». Все предыдущие кампании открывались наступательными действиями пруссаков. Теперь, когда силы Фридриха были значительно истощены, а энергия врагов от его упорства усилилась, он решил принять систему оборонительную и, защищая свои земли, уничтожать замыслы противников. Поэтому до самого лета мы видим его в бездействии: спокойно выжидал он решительных предприятий со стороны Австрии и России.

В 1759 году, как и в предшествовавшем, кампания была открыта герцогом Фердинандом Брауншвейгским. Французы, предводительствуемые Субизом, еще зимой овладели предательски Франкфуртом-на-Майне, несмотря на то что этот город принадлежал имперскому союзу и, следовательно, должен был оставаться неприкосновенным. Обладание Франкфуртом и Везелем открыло французам сообщение с имперской и австрийской армиями и, сверх того, обеспечивало подвоз провианта и полевых припасов из главного лагеря Контада. Фердинанд должен был употребить все усилия, чтобы отнять у них этот важный пункт. Со своей армией, усиленной английскими войсками (всего около 30—40 тысяч человек), он перешел в наступление в направлении Мюнстера, Падерборна и Касселя с целью выбить врага как

из Франкфурта, так и из Везеля, которые стали главными базами французов.

13 апреля при Бергене, близ Франкфурта, произошла битва; но французы, у которых главное начальство вместо Субиза принял герцог де Брольи, крепко держались на своей позиции. Фердинанд вынужден был отступить к реке Везер. Тогда обе французские армии вошли опять в Германию, быстро овладели Касселем, Мюнстером и Минденом и захватили мосты через Везер, заняв отличные позиции для дальнейшего наступления. Но тут Фердинанд остановил их успехи. В первый день августа под Минденом, имея в своем распоряжении 42 500 прусских, ганноверских и английских солдат, он встретился с 60-тысячной армией маршала маркиза Луи де Контада.

Битва протекала с переменным успехом: вначале Фердинанд провел демонстрацию против правого фланга французов. Контад перешел в атаку, чтобы нанести врагу решительный удар, однако Фердинанд неожиданно контратаковал его восемью «фоларовыми» колоннами. Две английские и одна ганноверская пехотные бригады пошли в атаку на французскую кавалерию, которая находилась в центре позиций Контада под прикрытием артиллерии. Французская конница, в свою очередь, атаковала англичан, которые свернулись в каре и отбили все удары ружейным огнем, после чего пошли в штыки на французскую пехоту и лобовой атакой прорвали центр первой линии (из 4,5 тысяч британцев, участвовавших в сражении, погиб каждый третий).

В это же время в тыл французам вышел 10-тысячный корпус ганноверцев. Фердинанд понял, что битва выиграна и приказал пяти резервным полкам английской кавалерии атаковать врага и завершить его разгром. Однако командовавший конницей генерал-лейтенант лорд Джордж Сэквилл (как впоследствии выяснилось, подкупленный французским правительством) трижды отказался выполнить приказ и пойти в атаку. Если бы не измена Сэквилла, вся французская армия погибла бы непременно. Французы, разбитые и дезорганизованные, сумели избежать полного разгрома и отступили в порядке, потеряв 7086 человек убитыми, ранеными

и пленными, 43 пушки и 17 знамен. Фердинанд преследовал их до Рейна. Союзники лишились 2762 человек, большей частью англичан. Кстати, и французы в этой битве многим обязаны стойкости нескольких саксонских полков, состоявших у них на службе. Саксонцы здесь в первый раз не оправдали слов Петра Великого, которые он в 1706 году бросил фельдмаршалу Огилви: «На саксонцев плоха надежда, если и придут, то снова обратятся в бегство, оставя союзников на погибель». В это же время племянник Фердинанда, наследный принц Брауншвейгский, поразил отряд французов при городке Веттере.

К победе при Миндене присоединились еще несколько удачных операций Фердинанда, так что к концу года французы должны были отказаться от всех своих счастливых завоеваний, оставив Ганновер. Герцог Вюртембергский был также в числе врагов Фридриха. За деньги он выставил французам 10 тысяч солдат и предводительствовал ими сам, состоя на жалованьи под знаменами Брольи. К концу года он занял с войском город Фульду.

В первых числах декабря герцог давал великолепный бал. Вдруг танцевальная музыка была прервана сильной перестрелкой и стуком оружия на улицах: все остолбенели. Наследный принц Брауншвейгский с гусарами и драгунами овладел городом. Большая часть гарнизона была порублена, 1200 человек взяты в плен, остальные разбежались, побросав оружие. Сам герцог едва успел спастись. Дамы принуждены были закончить бал с прусскими кавалерами. Они меньше всех приходили в отчаяние от несчастья, постигшего город. Тем кончилась южная кампания. Настоящее же противоборство с главными неприятелями Фридриха началось летом.

В Семилетней войне все движения армий были сопряжены с большими переходами. Система устройства магазинов играла важную роль в каждом предприятии: прежде чем армия могла действовать, она должна была обеспечить себя продовольствием. Магазины показывали точку, с которой неприятель намерен был начать свои операции, и давали противнику средства предугадывать его намерения. На систему магазинов своих про-

тивников Фридрих обратил особое внимание. Прежде чем враги его двинутся с места, он хотел лишить их всех способов к содержанию войск и таким образом замедлить их действия. Таким образом, основной замысел короля заключался в маневрах на коммуникациях врага: будучи заинтересованным в связи с недостатком средств к кратковременному течению кампании, Фридрих попытался оттянуть сроки выступления союзников и предпринял ряд кавалерийских рейдов по их тылам с целью уничтожения магазинов. Поскольку армии не могли удалиться от баз более, чем на пять дневных переходов, это могло вообще сорвать выполнение плана кампании.

В феврале Фридрих послал небольшой корпус в Польшу, где по берегам Варты находились главные магазины русских. Пруссакам удалось истребить трехмесячный запас на 50 тысяч человек. Кроме того, они захватили пана Сулковского, главного поставщика провианта для русской армии. Кстати, Румянцев в течение зимы тщетно пытался доказать Фермору, что расположение зимних квартир русских крайне невыгодно и опасно. В результате главнокомандующий, не веривший в активность врага, отстранил Румянцева от действующей армии и назначил инспектором тыла (откуда его вытребовал уже Салтыков). Пруссаки, однако, рассудили спор обоих генералов.

Такая же экспедиция была предпринята в Моравию; она не удалась, но предоставила Фридриху другие выгоды. Даун полагал, что пруссаки намерены вторгнуться в Моравию, и сосредоточил тут главные свои силы. Этим он обнажил богемские границы со стороны Саксонии. Принц Генрих воспользовался случаем и в апреле послал несколько корпусов в Богемию, где они в пять дней уничтожили все австрийские магазины (из-за этого рейда австрийцы были до того напуганы, что отказались от всяких активных действий в течение весны и начала лета). Сам же принц пришел со своей армией во Франконию против имперцев, которые были расположены отрядами между Бамбергом и Гофом. При появлении прусских колонн имперцы оставляли свои кантонир-квартиры и обращались в бегство. Только у Нюрн-

род наш, в рассуждение его крепости и узаконенного послушания, уподобить самой доброй материи, способной к принятию всякой формы, какую ей дать захотят».

К 1759 году в армии многое изменилось к лучшему. Войска стали маневреннее (только за кампанию 1758 года они прошли не менее тысячи верст), совершенствовалась система снабжения. Энергичный П. И. Шувалов за зиму 1758–1759 годов сумел заново перевооружить артиллерию. Полковая артиллерия получила гаубицы усовершенствованной конструкции — «единороги», более легкие и скорострельные, чем старые. В полевой артиллерии помимо замены пушек были проведены коренные структурные изменения. Изучение опыта неудачного для артиллерии Цорндорфского сражения побудило создать специальные полки прикрытия, солдаты которых, по образцу австрийских «гандлангеров», были обязаны действовать в полном единстве с артиллеристами и не только прикрывать их, но и при необходимости помогать им, заменяя выбывших из строя. Солдат этих полков обучали «поворотам отводу и надвиганию артиллерии и прочему, дабы в будущую кампанию удобнее было их с лучшею пользою, нежели командированных на время от полков, употреблять».

План кампании 1759 года строился на иных основах, чем планы предыдущих кампаний. Активные действия на Померанско-Бранденбургском направлении не предусматривались. По упомянутому соглашению с австрийцами русская армия должна была наступать в Силезию с целью соединения с австрийской армией и совместных действий против главных сил Фридриха II. Исходные положения такого плана лежали в русле решительной стратегии. В окончательном варианте плана (рескрипт на имя командующего армией от 3 июня по ст. ст.) сказано, что «по щастливо воспоследуемом сближении или и соединении (русской и австрийской армий. — Ю. Н.) можно при помощи вначале божией с доброй надеждой дать решительную баталию и всей войне конец сделать».

К сожалению, план содержал много оговорок и рассуждений, ослаблявших данное указание. В частности,

заранее выдвигалась на важное место возможность трудности продовольственного снабжения: оговаривалось, что после соединения союзных армий «недостаток в пропитании принудил бы их паки разойтись и назад отступать». Рассматривая случай, «как долго вы не в самой с графом Дауном близости или соединении, а напротиву того, король прусской посередине вас находили бы», составители плана безоговорочно рекомендовали уклоняться от сражения, «ибо в таком случае искусная ретирада... стоит почти целой победы». План предлагал командующему армией наступать к Каролату (на Одере), но допускал возможность выбрать направление несколько севернее, на Кроссен (также на Одере, приблизительно в 50 километрах ниже Каролата).

Как видим, при этом Фермору совершенно не разъярили, где именно он должен встретить австрийцев и чем руководствоваться при маневрировании: «вверх или вниз по течению Одера». Однако Виллиму Виллимовичу не довелось реализовать положения этого плана. Опыт кампании 1758 года убедил правительство в том, что В. В. Фермор не проявил качеств, необходимых для главнокомандующего армией. Кроме того, инспекция генерала Костюрина показала, что Фермор непопулярен в армии и им «большею частью, хотя не смеют роптать, но недовольны». Костюрин писал в докладе: «Многие со мною генералитет и штаб-офицеры в рассуждении говорили, что все желают командиром быть российского. В том числе в войске Е.И.В. в службе из немцов... тож желание имеют, когда б главной между ими был российской».

Весной 1759 года было принято решение об отстранении Фермора от командования. Однако последний, «человек во всем и всегда осторожный», успел обратиться с просьбой освободить его от командования войсками (в Петербурге говорили, что сделал он это по «настоятельной рекомендации» со стороны Конференции). 31 мая был назначенуже третий главнокомандующий — 60-летний генерал-аншеф Петр Семенович Салтыков.

Назначение это было совершенной для всех неожиданностью. Наверное, любой читатель военно-истори-

ческой литературы знает характеристику Салтыкова, которую ему дал русский писатель Андрей Болотов, находившийся при армии во время войны. Болотов, видевший нового главкома в Кенигсберге, на его пути в действующую армию, так писал о Салтыкове: «Старичок седенький, маленький, простенький, в белом ландмилицком кафтане, без всяких украшений и без всех пышностей, ходил он по улицам и не имел за собою более двух или трех человек. Привыкнувшим к пышностям и великолепиям в командирах, чудно нам сие и удивительно казалось, и мы не понимали, как такому простенькому и, по всему видимому, ничего не значащему старичку можно было быть командиром столь великой армии и предводительствовать ей против такого короля, который удивлял всю Европу своим мужеством, проворством и знанием военного искусства. Он казался нам сущей курочкой, и никто и мыслить того не отваживался, что мог учинить что-нибудь важное».

Салтыкову в военной историографии, образно говоря, не повезло. Некоторые вопросы, связанные с его жизнью и боевой деятельностью, получили отражение в русской историографии, однако существенной, полнокровной работы, посвященной ему, пока еще не создано, хотя личность полководца весьма притягательна и интересна. А главное, именно с П. С. Салтыкова начинается процесс укрепления национальных начал в развитии военного искусства России. Личность П. С. Салтыкова предстает перед нами с некоторым оттенком загадочности. Задушевность, обаяние, внимательное и бережное отношение к солдату, удивительная скромность — так характеризуют Салтыкова его современники. Складывается впечатление, что исторические обстоятельства как бы препятствовали проявлению полководческого дарования Салтыкова. Ни до, ни после Пальцига и Кунерсдорфа ничего особого его военная биография не содержит.

Однако Болотов несколько заблуждался насчет Салтыкова. Генерал был весьма близок к царствующему дому. Его отец, генерал-аншеф Семен Андреевич, по линии матери состоял в родстве с императрицей Анной

Иоанновной. Это обстоятельство обеспечило начало карьеры Салтыкова-младшего.

Он начал службу в 1714 году солдатом в гвардии, а вскоре в числе других «пенсионеров» был направлен Петром I во Францию для обучения морскому делу (Салтыков служил во французском флоте более 15 лет). В 1734 году, уже в чине генерал-майора, он принимал участие в войне за Польское наследство. В 1742 году генерал-поручиком сражался против шведов под командованием фельдмаршала Лассн, с 1743 года, после подписания мира со Швецией в составе корпуса Кейта (командовал арьергардом), находился в Стокгольме на случай выступления против «замиренной» и уже ставшей дружественной Швеции датских войск. По возвращении из Стокгольма принял Псковскую дивизию, в 1754 году стал генерал-аншефом, а в 1756 году был назначен командующим украинскими ландмилицкими полками, а кроме того, имел придворное звание камергера.

Солдаты любили Салтыкова за уже упомянутую простоту и «необычайную невозмутимость в огне». Он обладал творческим отношением к военному делу, незаурядным умом, энергией и в то же время осторожностью, хладнокровием, твердостью и сообразительностью в минуту опасности, стремился видеть все по возможности своими глазами, дабы затем самостоятельно разрешать возникающие проблемы. Это и стало теми данными, благодаря которым 60-летний, неизвестный до тех пор русский генерал оказался достойным соперником наиболее выдающегося полководца Европы середины XVIII века.

Тем временем выяснилось, что армию не удалось укомплектовать и на 50 %. Согласно генеральному плану и уступив настойчивым требованиям Австрии, она вышла в поход от Бромберга к Познани в начале июня, недождавшись прибытия пополнения, с целью сосредоточения в окрестностях этого города. К месту назначения войска прибыли только через месяц, где и был получен рескрипт Конференции, передававший командование графу Салтыкову (Фермор получил одну из трех дивизий). Прибывший к армии и принявший командование 30 июня Салтыков получил уже известное нам

указание соединиться с австрийцами в пункте, который они назначат сами («буде Даун не согласится у Каролата, то у Кроссена»). Кроме того, главнокомандующему предписывались следующие любопытные меры: «не подчиняясь Дауну, слушать его советов» (!), не жертвовать армией ради австрийских интересов и, наконец, не вступать в бой с превосходящими силами («превосходящих» хотя бы одного из союзников сил у пруссаков не было даже в 1756 году, не говоря уже о 1759-м). Таким образом, положение армии было трудным и неопределенным.

К середине июня 1759 года Фридрих II, имея основные силы в Силезии и группу войск принца Генриха в Саксонии (в общей сложности около 95 тысяч человек), занимал центральное положение между армиями союзников. Кроме того, сильный отдельный корпус прусских войск под командованием Доны (до 30 тысяч человек) оперировал против русской армии в Польше. Доне была поставлена задача не дать соединиться в среднем течении Одера русским и австрийцам. Противостоящие Фридриху II силы австрийских войск под общим командованием Дауна имели численность до 135 тысяч человек.

Имея в плане, составленном Конференцией, лишь одно вполне определенное указание: искать соединения с австрийцами на Одере в районе Каролата или Кроссена, Салтыков принял смелое для своего времени решение: наступать к Одеру в направлении на Кроссен, сначала ударив по корпусу Доны, нависавшему над его флангом с севера. 17 июля Салтыков вышел от Познани на юг — к Каролату и Кроссену для соединения с союзниками, имея порядка 40 тысяч человек (правда, 7–8 тысяч из них составляла казачья и калмыцкая конница, считавшаяся тогда непригодной для полевого сражения). На юге их дожидалась австрийская армия. Во время марша впереди армии плотными массами двигалась русская кавалерия, производя разведку и не давая пруссакам трепать основные силы Салтыкова кавалерийскими налетами.

Уверенный в пассивности Дауна, Фридрих, как уже говорилось, отправил против русских 30-тысячный кор-

Кампания 1759 года

пус графа Христофора Доны, стоявший в Померании, с предписанием атаковать левофланговые колонны русской армии во время ее похода. Но Дона, как и Мантейфель, действовал вяло и не преуспел в этом предприятии: осторожный и распорядительный граф П. С. Салтыков сумел упредить каждое его движение и наконец соединил свою армию. Вначале Дона пытался воспрепятствовать движению русской армии сложными маневрами, но Салтыков настойчиво продвигался к Одеру.

5 июля русская армия двинулась против Доны. Последний уклонился от сражения, после чего Салтыков

15 июля начал марш к Одера, игнорируя угрозу своим коммуникациям. Сознывая, по-видимому, малую действенность попыток связать противника такими угрозами, Дона избрал более надежное решение — преградить путь движения русских, заняв прочную позицию у Цюлихау. Салтыков, обнаружив противника, предпринял фланговый марш в обход этой позиции через Гольцин, Пальциг — решение еще более смелое, чем первое, так как над ним нависла угроза потери сообщения с магазинами (расчет велся на снабжение из австрийских магазинов, лежавших впереди), и образцово выполненное.

Дона все еще не мог решиться на битву с таким сильным войском и довольствовался одними контрмаршами и нападениями на мелкие отряды и магазины русских. Между тем Салтыков все шел вперед и приблизился уже к Одера. Этот чрезвычайно рискованный фланговый марш завершился точно в намеченные сроки, причем русские заблаговременно приняли меры на случай, если будут отрезаны от своих баз в Познани.

Фридрих, недовольный действиями Дона, решил заменить его командиром более отважным и предприимчивым. Он выбрал К. Г. Веделя*, младшего из своих генералов. Чтобы не обидеть старших, он наименовал его «диктатором» армии. «С этой минуты, — сказал ему король, — ты представляешь при войске мое лицо; каждое твое приказание должно быть исполняемо, как мое собственное. Полагаюсь на тебя вполне! Действуй, как в Лейтенском деле: атакуй русских, где бы их ни встретил, разбей наголову и не дай соединиться с австрийцами, больше я от тебя не требую». Генерал-лейтенант Ведель получил под свое начало прусские войска прикрытия, стоявшие вдоль Одера.

Но Ведель не оправдал доверия короля. Он слишком буквально хотел исполнить его поручение и дорого за это поплатился. Бросившись за русскими, чтобы отрезать их от Кроссена, он со слабым 28-тысячным корпу-

* Ведель Карл Генрих фон (1712—1782) — прусский генерал. В 1762 году получил пост военного министра, на котором оставался в течение 18 лет.

сом (18 тысяч пехотинцев, 10 тысяч кавалеристов) при 100 орудиях встретил 40-тысячную русскую армию (28 тысяч пехоты, 12,5 тысяч конницы, из которой только 5 тысяч регулярной, 240 орудий) при местечке Пальциг (правый берег Одера), в десяти верстах от города Цюлихау.

Русские быстро установили местонахождение противника: Ведель расположил свою армию в лесисто-болотистой местности при слиянии рек Одера и Обры. Правый фланг пруссаков прикрывался Оброй (через которую русские разъезды безуспешно искали броды), но левый был открыт, а потому на нем Ведель сосредоточил свои основные силы. Таким образом, встав у Одера, Ведель перерезал путь русским и навязал им сражение. Салтыков боялся атаковать пруссаков, так как те имели превосходство в регулярной кавалерии и могли преподнести неприятные сюрпризы наступающим. Поэтому генеральный план действий предусматривал возможный обход прусских войск с левого фланга и дальнейший марш на соединение с Дауном (по возможности без боя).

Выступив с бивуака во второй половине дня 22 июля русские, после восьмичасового марша, около полуночи остановились на привал. Проведя ночь совершенно спокойно, на рассвете они продолжили марш. Обходной маневр Салтыкова оказался полной неожиданностью для врага: передовые посты пруссаков попытались задержать русских артиллерийским огнем, но предельная дистанция стрельбы не позволила причинить наступающим какой-либо урон. В отсутствие самого Веделя и его штаба (последние были на рекогносцировке) пруссаки не решились решительно атаковать русских. Лишь в середине дня, когда русские колонны уже приближались к деревушке Пальциг, прусский командующий начал атаку. Прусские гусары Малаховского попытались ударить по авангарду Салтыкова, но изрезанная болотами и ручьями местность сорвала эту атаку, к тому же русские выдвинули несколько пушек и открыли по противнику огонь картечью.

Русская армия беспрепятственно дошла до Пальцига и расположилась на позиции перед деревней, решив

положиться на свое более чем двойное превосходство в пехоте, и особенно в артиллерии. Центр русских прикрывала речка Флосс, крайне затруднявшая развертывание сил пруссаков, но левый, и особенно правый фланги оказались открытыми. Две линии русских выстроились на дистанции 300—400 метров, многочисленная артиллерия была сведена в восемь батарей (по четыре на каждом фланге).

Несмотря на превосходство русских позиций и на их значительные силы, молодой и горячий Ведель вывел свои войска в поле и сам напал на заблаговременно развернувшуюся армию Салтыкова на закате 23 июля. Болотистая местность не позволяла ему действовать правильными линиями: он должен был проводить свои войска по узким дефиле маленькими отрядами. В три часа дня пруссаки открыли огонь из всех орудий.

Сражение началось быстрой «косой атакой» пруссаков на русский правый фланг, где в первой линии стояли Сибирский, Угличский и 1-й Гренадерский полки. Против них двинулась колонна генерала фон Мантейфеля (четыре полка пехоты и три кавалерийских эскадрона). Одновременно главные силы пруссаков стали преодолевать редкий лесок, чтобы атаковать противника в центре. Страшный огонь русских пушек сорвал атаку, причем сам Мантейфель был ранен. Однако Ведель не унывал: он подкрепил свой левый фланг пятью батальонами фон Гюльзена и вновь бросил его в бой. Однако эта атака, как и последовавшая за ней, была вновь отбита без рукопашного боя. Четыре полка, посланные Веделем для охвата правого крыла русских, запоздали и вынуждены были атаковать в одиночестве, без поддержки с фронта. Пруссаки снова были остановлены огнем, после чего по ним в копыта ударил Чугуевский казачий полк, отбросив врага обратно в лес и захватив одно орудие. Четвертую атаку (кавалерии генерала Каница на русский левый фланг) отбил контрудар конницы Тотлебена.

Ведель полностью дискредитировал себя как военачальник, бросая свои и без того небольшие силы в нескоординированные атаки по частям. Но сражение еще продолжалось: в шесть вечера к пруссакам подошел

сильный отряд генерала фон Ваперснона. Ведель решил еще раз повторить удар по правому флангу Салтыкова, поручив это Ваперснову. Последний быстро оценил мощь русского артотряда (поле перед позициями было сплошь усеяно трупами и ранеными) и решил изменить тактику: невзирая на лесистую местность, он намерился стремительно атаковать русских силами только кавалерии, предоставив пехоте функцию поддержки.

В семь часов вечера, после сильной артподготовки, началась пятая атака. Кирасиры генерала фон Ваперснона быстро развернулись и ударили по русским с целью смешать их ряды и проложить дорогу своей пехоте. Главный удар направлялся в стык между Пермским и Сибирским полками, где огонь был слабее. Страшный удар кирасир полностью рассеял оба полка и поколебал все правое крыло русской армии. Тяжелая конница некоторое время преследовала бегущих, а затем дала вдогонку залп и вернулась к своей пехоте, стремившейся расширить прорыв.

Однако исход сражения решила контратака сплоченной массы русских кирасир: с фронта и обоих флангов прусских кавалеристов атаковали четыре русских кирасирских полка при поддержке эскадрона Нижегородских драгун. Пруссаки приняли удар: Ваперснот лично собрал вокруг себя гусар и драгун, с которыми поспешил на помощь своим кирасирам. Начался жестокий рукопашный бой, о котором сам Салтыков впоследствии писал: «Не было здесь ни единого выстрела, лишь сверкали палаши и шпаги!» Командовал этой контратакой русской конницы, отличившийся еще при Цорндорфе, генерал-поручик Томас Демику, который скакал в первых рядах и был убит шальной пулей в первые же минуты. Тем не менее силы были слишком неравны: смяв прусских кирасир, наши кавалеристы на их плечах ворвались в передовые батальоны пехоты Веделя, мгновенно смяли их и обратили в бегство. Ваперснона застрелили из пистолета.

Ведель еще пытался восстановить положение — пять раз пруссаки возобновляли атаку и всякий раз были отбиты со значительным уроном. Против многочисленной русской артиллерии не устояли ни испытанная от-

вага прусских солдат, ни личная храбрость самого диктатора.

Против боевого порядка пруссаков Салтыков применил «игру резервам» — большое численное превосходство русских давало ему возможность заняться тактическими изысками. Тем не менее чаша весов несколько раз колебалась. Все же в результате Ведель был разбит наголову, солдаты его рассыпались, частью были затоптаны в болота, частью легли на месте. Русские добыли 600 пленных, 14 пушек, 4 знамени и 3 штандарта. На поле битвы найдено 4228 убитых пруссаков, (общие потери, по прусским данным, достигли 5700 убитыми и ранеными при 1500 пленными). Урон с русской стороны составил лишь 894 убитыми и 3897 ранеными. Преследование было слабым, ограниченным небольшим расстоянием от поля сражения. При полном превосходстве в кавалерии, Салтыков не сумел организовать действительного энергичного преследования пруссаков, что не позволило донести победу до полного уничтожения противника: его остатки ушли за Одер к Кроссенской крепости. Потери русской армии, почти все сражение безнаказанно расстреливавшей противника, впервые за войну были меньше, чем прусской: 900 убитых и около 4000 раненых.

Это была очень важная, воодушевлявшая войска победа. Русское командование с успехом использовало опыт войны и многие тактические находки, оперативно и своевременно двинуло резервы, что и привело к победе. В сражении при Пальциге успешным оказалось и проводимое в широких масштабах взаимодействие пехоты, артиллерии и конницы. Неоценимы были и стратегические последствия победы, которая расчистила дорогу русской армии для соединения с союзной армией Дауна.

Салтыков торопился использовать победу при Пальциге, открывшую ему путь к Одере, в целях соединения с австрийцами. Через пять дней, 28 июля, русские вышли к Одере у Кроссена. Ведель, запершийся было в кроссенском замке, не решился более терять людей и вместе с небольшим гарнизоном ушел на соединение с королем.

Все это время австрийцы Дауна бездействовали, отвлекая внимание противника на русских. Несмотря на большое превосходство в силах, Даун пока опасался вступить в открытый бой с Фридрихом и потому выждал Салтыкова в глубь Силезии, где его неминуемо должны были встретить пруссаки. Однако русский главнокомандующий не поддался австрийцам и после Пальцига решил двигаться к Франкфурту, откуда напрямую мог угрожать Берлину. Между тем Даун с главными силами австрийской армии в конце июня очень медленно выдвинулся из Богемии к северу, примерно в направлении намеченного района соединения, занял, не дойдя до Одера более пяти переходов, прочную позицию и оставался на ней более 20 дней. Когда русская армия сражалась при Пальциге, Даун тоже не сделал никакой попытки отвлечь от нее противника. Фридрих II также выжидал; деятельность обоих противников выражалась в маневрах передовых и фланговых отрядов и небольших стычках.

Не имея возможности установить контакт с австрийцами, Салтыков вновь принял активное решение: идти вдоль Одера к Франкфурту, создав таким образом угрозу Берлину. Хотя соединения союзнических армий не произошло, в политические планы Австрии не входил разгром Пруссии силами одних русских. Поэтому Даун, стоя со всеми своими войсками против слабого заслона противника, отправил к Франкфурту-на-Одере 18-тысячный корпус под командой генерал-лейтенанта Гидеона Эрнста Лаудона*.

Русские и советские историки утверждают, что Лаудон хотел занять город прежде наших войск и «пожи-

* Лаудон Гидеон Эрнст (1716—1790) — барон, австрийский генерал-фельдмаршал-лейтенант (1777). Родился в Шотландии. В 1731 году поступил на русскую службу, под начальством Миниха воевал с Турцией. В 1741 году пытался поступить в армию Фридриха II, но тот отклонил его предложение. Тогда Лаудон уехал в Австрию, где быстро заслужил репутацию отличного генерала. Отличился в сражении при Кунерсдорфе. По свидетельствам современников, с подчиненными был очень строг, о войне без сужды никогда не говорил, любил шахматы и стрельбу по мишеням.

Генерал Лаудон

виться» там контрибуцией. Так или иначе, ему это не удалось: когда австрийцы подошли к Франкфурту, он был уже занят сдиранием с его жителей контрибуцию русским авангардом, занявшим город еще 31 июля. Русский авангард прошел через засеки, занял предместье и начал обстрел города из оперативно подтянутых орудий. После первых же выстрелов магистрат сдался на капитуляцию, сообщив, что прусский гарнизон (всего 20 офицеров и 300 рядовых), не надеясь отбить штурм, ушел из города на соединение с главными силами. За отступавшими снарядили погоню — отряд гусар полковника Зорича — который после небольшой перестрелки пленил их. Лаудон соединился с Салтыковым, поступив под его командование. Теперь дорога к Берлину была совершенно открыта.

3 августа вся русская армия подошла к Франкфурту и расположилась на высотах в районе Кунерсдорфа на правом берегу Одера. До Берлина оставалось немногим более 80 километров. Даун требовал, чтобы Салтыков вместе с Лаудоном поднялся вверх по Одери и переправился на его левый берег к намеченному месту встречи армий у Кроссена. В этом случае Даун брал на себя доверие русских. Не успев принять окончательного решения, Салтыков получил тревожное известие о стремительном движении Фридриха с армией к Одери.

Угроза столице вызвала немедленную реакцию противника: Кони пишет, что «известие об этом поразило Фридриха. Но он хотел испытать последнее, решительное усилие. Написав духовное завещание, в котором назначал племянника своего наследником престола, он вызвал в свой лагерь принца Генриха, сдал ему команду над войсками, назначил его опекуном наследника и взял с него клятвенное обещание — никогда не заключать мира, постыдного для Бранденбургского дома».

«Победить или умереть непременно!» — вот девиз, который он себе выбрал, когда собрал на берегах Одера до 40 тысяч войска и начал переправлять его через реку, с целью обойти противника с севера.

Итак, в этот момент на ближних подступах к Берлину сосредоточились три крупных группировки союзников: с востока примерно 59 тысяч русских (с учетом сил Лаудона) отделяли примерно 80 миль, с юга — 65 тысяч австрийцев армии Дауна (150 миль) и с запада — 30 тысяч солдат имперской армии (100 миль). Таким образом, главная прусская армия оказалась зажатой с трех сторон и при этом стояла перед необходимостью защищать Берлин, которому угрожала непосредственная опасность. «Фридрих решил выйти из этого несносного положения, атаковав всеми своими силами наиболее опасного врага, врага, наиболее выдвинувшегося вперед, наиболее храброго и искусного, притом не имевшего обычая уклоняться от боя, короче говоря, русских»

(Керсновский А. А. История русской армии. М.: Воениздат, 1999. С. 76).

Действия Фридриха, как всегда, были молниеносны. С частью войск из своих главных сил он соединился с подкреплением, переданным ему принцем Генрихом, и форсированным маршем двинулся к Франкфурту, для того чтобы нанести удар в тыл союзникам и разгромить их. По пути он соединился с войсками Веделя, которых русские так и не сумели добить, и которые после Пальцигского сражения беспрепятственно ушли на левый берег Одера. В общей сложности король вел в бой 48 200 солдат и офицеров при 200 орудиях. 10–11 августа Фридрих переправился через Одер ниже Франкфурта и городка Лебус, оставив на левом берегу сильный отряд Вюнша (около 7000 человек). Пехота и артиллерия форсировали реку по понтонным мостам, конница — вброд. Уходить было уже поздно — установив 5 августа выступление Фридриха (русская кавалерия обнаружила у Лебуса прусский авангард), Салтыков занял на Кунерсдорфских высотах позицию фронтом на юг и приступил к ее оборудованию. Русская армия вместе с корпусом Лаудона состояла из 59 тысяч человек. Салтыков, поджидая присоединения второго австрийского корпуса под командой Гаддика (последний, находясь в семи милях от Кунерсдорфа, к месту боя подойти не успел), стоял в укрепленном лагере на высотах по правому берегу Одера, почти напротив Франкфурта. Обозы были отправлены на левый берег, кроме того, особым приказом остановлены все обозы, движущиеся к армии.

Русский командующий вполне сознавал, что, выдвинувшись к Берлину, он навлекает на себя главные силы противника. Русский генерал с самого начала кампании показал, таким образом, решимость вступить в генеральное сражение и создавал видимость, что уступает инициативу противнику, что было обусловлено ображением тактического характера. При известии о приближении прусской армии он даже не почел за нужное сменить свою позицию, несмотря на то что Фридрих подходил к нему в тыл тремя колоннами. Он только укрепил сообщение между своими флангами посредст-

вом ретраншемента, который прикрывал фронт всей армии.

Необходимо сказать несколько слов о русских позициях. Гряда высот, на которой заняли позицию войска Салтыкова, состояла из трех разделенных оврагами групп: западной, приближенной к Одеру (господствующая) — Юденберг, центральной — Большой Шпиц, восточной (наинизшая) — Мюльберг, расположенная перед Кунерсдорфом и отделенная от Шпица оврагом Кунгрунд. Правый фланг позиции упирался в низкий топкий берег Одера, левый — к оврагу Беккергрунд. К северу от гряды высот, в западной части этого пространства, местность была лесисто-болотистая, так что подходы к высотам с запада и севера затруднялись этим фактором и протекавшим параллельно русским позициям ручьем Гюнер.

Все это делало практически невозможным доступ к позиции с тыла (обход левого фланга был маловероятен, так как пруссакам пришлось бы сразу же атаковать самый труднодоступный участок позиции. Кроме того, в случае неудачи обхода с правого фланга, противник сразу мог быть отброшен в непроходимые болота). Перед фронтом позиции у оврага Кунгрунд, разделявшего Большой Шпиц и Мюльберг, лежала деревня Кунерсдорф, за которую заходило левое крыло русских, далее к югу под тупым углом к фронту тянулась цепь озер и проток между ними. Русские войска заняли все три высоты и укрепили их. Позиция русской армии была неуязвимой со стороны Одера, но неглубокой и перерезалась оврагами.

Правофланговой дивизией, расположенной на Юденберге и упиравшейся в Одер, командовал граф Фермор; левофланговым Обсервационным корпусом (стоял на Мюльберге до его склона к долине, покрытой пашнями и болотами) — князь Александр Михайлович Голицын. Центром командовал граф Румянцев, а авангардом — генерал-поручик граф Вильбуа*, стоявший вместе с Фермором (всего на Большом Шпице находи-

* Вильбуа (Вильбоа) Александр Никитич (1717–1781) — генерал-поручик (1759) русской службы.

лись 17 пехотных полков). Лаудон со своим корпусом расположился позади правого крыла, за горой Юденберг, и составлял общий резерв. Левое крыло, как я уже говорил, было прикрыто деревней Кунерсдорф. Все возвышения защищались сильной артиллерией (всего 248 стволов, из них 48 австрийских). В состав союзной армии входило 41 248 русских и 18 500 австрийских солдат. Пехота была построена в традиционные для линейной тактики две линии, хотя Салтыков во второй раз, как при Пальциге, применил глубокое эшелонирование своих войск в глубину на сравнительно узком фронте с очень сильным резервом.

Правда, в этом крылись и недостатки — заросшие лесом горы и особенности занятой русскими позиции не позволяли использовать 36 эскадронов русской кавалерии (5 кирасирских, 5 конногренадерских и 1 драгунский полк — не считая австрийцев, а также драгун, находившихся при Румянцеве). Вследствие этого вся масса русской конницы вместе с австрийским корпусом до начала боя была сосредоточена за правым флангом в качестве общего резерва. Кстати, это «глубокое эшелонирование» в данном случае вообще не было какой-то тактической новацией Салтыкова — просто русский командующий стремился разместить все свои силы на гребнях высот и потому все полки просто не поместились на позиции. Основные силы русской пехоты и артиллерии направлялись на удержание центральной и правофланговой высот, позиция на фронте 4,5 километра была усилена окопами. Обозы в двух вагенбургах отвели в тыл под прикрытием Черниговского и Вятского полков. Солдатам выдали по 50 патронов, гренадерам — по две гранаты. Не обошлось и без курьезов: перед боем личному составу приказали нашить на шляпы кусочки разноцветного гаруса, чтобы различать полки в ходе боя. Однако запасов тесьмы не хватило, в результате это отличие получили не все полки, а в полках — не все батальоны и роты.

На Юденберге была сосредоточена основная масса союзных войск — эта высота рассматривалась как опорный пункт позиции, с которого по мере необходимости можно было поддерживать полки на Шпице. По этой

же причине на Юденберге оборудовали пять артиллерийских батарей, на которых установили самые дальнобойные орудия. На Большом Шпице находилась одна батарея, на Мюльберге — две. На исходе третьего часа утра 12 августа союзные армии были полностью готовы к бою.

Предполагалось, что Фридрих должен подойти с севера, так что Фермор первоначально занимал левый фланг, а Голицын — правый. Но верный себе Фридрих появился с противоположной стороны (он все же решился на рискованный обход правого фланга), и Салтыкову пришлось развернуть армию кругом, так что правый фланг стал левым, а левый — правым. При этом поменяла позиции и кавалерия: конногренадеры и драгуны встали у подножия высот, рядом с оврагом Кунгрунд. Кирасиры ушли на крайний правый фланг. Этот поворот не ослабил позиций русской армии, но, как и при Цорндорфе, отрезал ей путь к отступлению. Ее ожидала или победа, или истребление.

Составив очень остроумный и смелый план атаки союзных позиций, Фридрих (что, в общем-то, не совсем на него похоже) совершенно не принял в расчет характера местности. Более того, король прусский ознакомился с ними только во время марша на исходные позиции, исходя из рассказов проводника-лесничего. Таким образом, пока прусская армия продиралась сквозь лес, болота и пруды, драгоценное время уходило: маневр, на который по плану отводилось 2 часа, занял целых 8. Только к десяти утра измотанные тяжелейшим маршем пруссаки вышли к русским позициям.

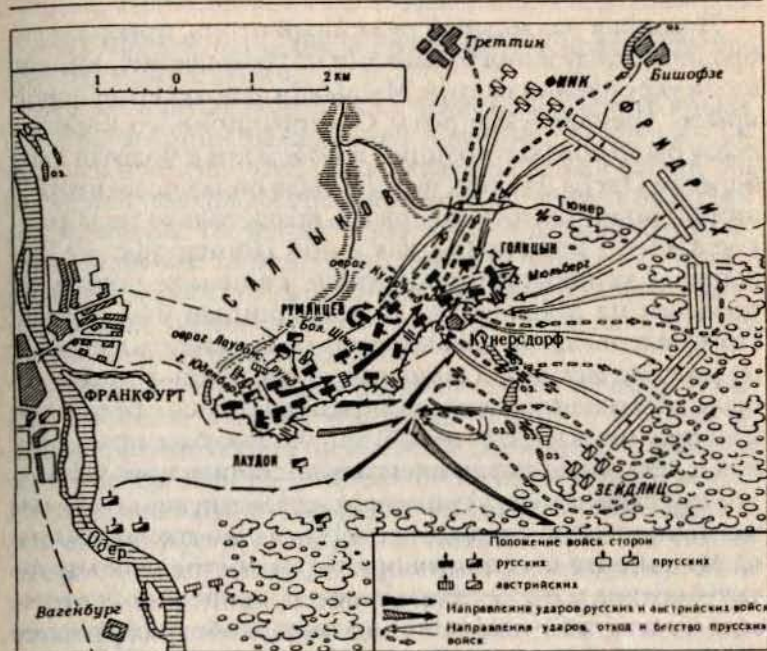
12 августа Фридрих с 48-тысячной армией стал против русской армии, к востоку от ее позиций. «Необыкновенная деятельность и непрерывные движения» в его войсках показывали, что он хочет атаковать русских со всех сторон. Но сам он в это время, расспросив приведенных к нему переметчиков, высматривал нашу позицию и выбирал точку, с которой бы удобнее начать атаку, советуясь о том со своими генералами. Прусская армия была развернута под прямым углом к фронту союзников, а батареи выдвинуты на высоты к северо-востоку, востоку и юго-востоку от Мюльберга — поля пред-

стоящего сражения. Начав с раннего утра перегруппировку, Фридрих переправился через тонкий ручей Гюннер и занял удобные позиции, охватывавшие левый фланг русской армии, укрепившийся на горе Мюльберг. Здесь он намеревался нанести один мощный нокаутирующий удар косым боевым порядком по русским шанцам на горе, а затем овладеть всей позицией союзников.

После того как прусская артиллерия обстреляла корпус Голицына, около полудня в атаку пошли пехота и конница короля, построенные в две линии. Средоточие, когда Фридрих не дал Салтыкову догадаться о месте наступления, и начальная фаза атаки превосходящими силами пехоты по пересеченной местности были проведены образцово.

Салтыков не препятствовал маневру противника; он лишь стремился ограничить продвижение пруссаков далее к западу, к правому крылу позиции союзников. С этой целью по его приказанию была подожжена деревня Кунерсдорф и уничтожена переправа через междоузленную протоку южнее этой деревни. Таким путем Салтыков предупреждал попытки противника сковать силы союзников с фронта и оставлял возможность маневра своими войсками вдоль позиции.

Итак, после сильнейшей трехчасовой артиллерийской подготовки Фридрих II атаковал левое крыло союзников. В девять часов утра пруссаки установили две батареи на горе, прямо во фланг нашему левому крылу, в то же время части конницы и пехоты вошли в лошину и начали атаку с трех сторон: севера, северо-востока и востока, при сильном перекрестном огне. Русская артиллерия, а за ней и пехота открыли ответный огонь, но было уже поздно: пруссаки успели развернуться в косяк боевой порядок. Только после этого русские поняли, что совершили серьезную ошибку: позиции артиллерии левого фланга были открыты неудачно. Лощины перед позициями оказались в непростреливаемом «мертвом пространстве» и потому в самый критический момент атаки русские пушки прекратили огонь. Это стало еще одной ошибкой: даже не принося ущерба атакующим, грохот своих орудий во все времена успокаивающе сказывался на настроении пехоты. Теперь же пол-

Сражение при Кунерсдорфе 1 (12) августа 1759 года

ки Обсервационного корпуса, и без того подавленные видом наступающих с нескольких сторон превосходящих сил противника, совсем упали духом.

С расположенных на возвышенностях русских позиций видели, как на флангах передовых батальонов появлялись и вытягивались в длинную линию все новые шеренги синих мундиров и сверкающих медных грендерок. После этого блеснули штыки опускавшихся на линию прицеливания мушкетов, и раздался залп сокрушительной силы. Начала работать знаменитая «мельница старого Фрица»: доведенная до совершенства скорость стрельбы прусской пехоты позволяла им выпускать шесть пуль в минуту. Умножив это число на несколько тысяч солдат, стоявших в развернутом строю, можно представить себе ад, который воцарился на русском фланге. Затем вновь загрохотали барабаны, и прусская пехота пошла в штыковую атаку.

Невзирая на сильный ружейный огонь, пруссаки забрались между виноградниками на возвышения, заняли наши укрепления на горе Мюльберг и потеснили левое крыло. Гренадерские роты Обсервационного корпуса сразу были сбиты с позиций и побежали к болотистым берегам Одера. Из двух полков была образована вторая линия, но ей удалось задержать врага только на короткое время — шуваловцы, как и при Цорндорфе, не выдержали концентрической атаки и в панике покинули позиции на Мюльберге. Князь Голицын был ранен. Пруссаки овладели возвышением и бросились в штыки на русские батареи. Очень скоро левое крыло русских было совершенно расстроено и обратилось в бегство — 15 батальонов частью перебиты, частью рассеяны, орудия и несколько тысяч пленным достались пруссакам.

Пруссаки тотчас установили на горе пушки (они немедленно ввели в дело и все 42 захваченных у русских на Мюльберге исправных орудия) и обстреляли картечью бегущие и перестраивающиеся полки. После этого они начали губительный продольный обстрел русских позиций на Большом Шпице. Понятие «продольного» обстрела означает, что артиллерия почти в упор открыла огонь во фланг сбившихся в кучу длинных русских линий, отражавших в это время еще и атаки с фронта. В этих условиях чугунные 9-фунтовые ядра убивали и калечили иногда по несколько десятков человек, стоявших в сомкнутом строю плечом к плечу. Огонь с Мюльберга делался все сильнее, а укрыться от обстрела было негде — полки стояли в маленьких овражках, не дававших почти никакого укрытия от гранат и картечи.

Многие наши авторы доказывают, что Салтыков намеренно решил после короткого боя сдать позиции на Мюльберге, чтобы «не тратить зря резервы и предоставить пруссакам штурмовать все более сильные позиции русских». Однако легко понять, что это полная чушь. Специально дать разгромить свое крыло, подставив центральную позицию под страшный перекрестный огонь и комбинированный удар с фронта и фланга — это нечто неслыханное в мировой практике. Да и нервные и сумбурные действия русских на последующем эта-

пе боя вполне наглядно иллюстрируют нелепость подобных утверждений.

Итак, охватывающая атака пруссаками левого крыла русской позиции была для них успешной: им удалось ворваться в укрепления, прикрывавшие левый фланг, опрокинуть полки Обсервационного корпуса и овладеть Мюльбергом. Перекрестный огонь прусской артиллерии, наличие перед укреплениями мертвых пространных и недостаточная устойчивость привилегированных войск «шуваловского» корпуса привели к такому исходу первой фазы сражения.

Фридрих выдвигал на подмогу своему авангарду новые колонны. Салтыков отрядил генерала Панина на подкрепление своих: он вовремя дал приказ стоявшим на Большом Шпице крайним слева полкам развернуться поперек бывшего фронта и принять на себя удар перешедшей Кунгруд прусской пехоты. Крайние полки обеих русских линий, подкрепленные гренадерскими ротами австрийцев, развернулись налево и встретили противника огнем. Начальство над этим заслоном принял дежурный генерал при Салтыкове бригадир Яков Александрович Брюс (1732—1791). За его полками встал еще один заслон — Белозерский и Нижегородский полки. Так как хребет Большого Шпица был узок, вскоре образовалось шесть перпендикулярных фронту «линий» (по два полка в каждой), которые вступали в бой по очереди — по мере гибели передней линии.

Современник так описывает последующие драматические события: «И хотя они (русские линии) сим образом выставляемы были власно как на побиение неприятелю, который, ежеминутно умножаясь, продвигался отчасу далее вперед и с неописанным мужеством нападал на наши маленькие линии, одну за другою истреблял до основания, однако, как и они, не поджав руки, стояли, а каждая линия, сидючи на коленях, до тех пор отстреливалась, покуда уже не оставалось почти никого в живых и целых, то все сие останавливало сколько-нибудь пруссаков...»

Фридрих продолжал атаку, рассчитывая продольным ударом при поддержке бьющей с Мюльберга артиллерии «смотреть» боевой порядок русских. При этом

фронт атаки на труднодоступной местности сильно сузился, и пехота короля, как и русские, нагромоздившись в несколько линий, непреднамеренно получила глубокое построение. Как рисует действия противника в своей реляции Салтыков, «...неприятель... сделав из всей своей армии колонну, устремился со всею силою сквозь армию Вашего величества до самой реки продаться».

Салтыков отвечал на этот удар противника перестроением боевого порядка ближайших к левому флангу полков центра, которые создали оборону на восточных склонах Большого Шпица, и переброской вдоль фронта сил, взятых с правого крыла и из резерва. Русские и подходившие австрийские полки, составив несколько линий (так же, как и противник), оказали наступавшему стойкое сопротивление. То, что было бы выгодно при ударной тактике, сыграло отрицательную роль при огневой. Оказавшись в глубоком построении, прусская пехота не могла использовать большей части своих ружей, а порыва для штыкового удара в данном случае у нее не было — пруссакам пришлось пробираться сквозь лес, бесконечные пруды и болотца, а затем лезть в гору, где были оборудованы засеки и шанцы.

Тем не менее Фридрих торжествовал. Он не сомневался более в окончательном успехе и отправил даже гонцов в Берлин и Силезию с радостной вестью о победе (когда в разгар боя в ставку прибыл гонец принца Генриха с подробным рапортом о победе при Миндене, король, многозначительно усмехнувшись, сказал: «Ну что же, пожалуй, и мы можем кое-что предложить!»).

Можно было полагать, что русские после своего огромного урона за ночь отступят и полная победа останется на стороне Фридриха. Основным успех теперь зависел от овладения горой Большой Шпиц, которая главенствовала над довольно обширным пространством, была занята лучшими русскими и австрийскими полками и защищена надежной артиллерией.

В ставке короля по этому поводу разгорелся спор: Финк, Гюльзен Путкаммер, и особенно Зейдлиц доказывали королю, что сражение необходимо приостановить — солдаты устали от тяжелейшего марша и жары,

бой практически выигран и надо не продолжать атаки, а усилить обстрел, чтобы вынудить врага к отступлению. Однако Фридрих так не думал. Его целью было не нанесение русским тактического поражения, как при Цорндорфе, а их решительный разгром, от которого они не смогли бы оправиться. В этом короля поддерживал молодой Ведель, жаждавший реванша за Пальциг и считавший, что необходимо решительно атаковать центр союзных войск; при удаче недолго продержался бы и правый фланг. Генерал видел, что сопротивление русских постепенно слабеет, и настаивал на продолжении наступления. Тогда Фридрих отдал приказ к атаке Большого Шпица.

К трем часам дня половина поля сражения находилась в руках пруссаков; пехота очистила Фридриху поле действия; теперь оставалось коннице и артиллерии довершить начатое. Король попытался расширить фронт атаки и глубоко охватить центр союзников. С этой целью он двинул группу войск своего правого крыла в обход позиции союзников на Большом Шпице слева, а сильную кавалерию левого крыла направил на фронт основной русской позиции.

Но кавалерия его находилась на другом конце, против правого русского крыла. Она не могла поспеть вовремя, потому что должна была дефилировать и делать большие обходы между прудами и болотами. Пушки также могли быть перевезены только с большими затруднениями.

Салтыков воспользовался заминкой с вводом в бой прусской тяжелой кавалерии и открыл по пруссакам сильный огонь из 80 орудий, как в крепости, укрытых за открытыми шанцами и каменными стенками кладбища. Вообще, следует сказать, что очень большую роль в этой фазе сражения сыграла русская артиллерия. Еще во время боя за Мюльберг началась перегруженность русской полевой артиллерии центра и правого крыла к левому флангу; в дальнейшем во время боя за Большой Шпиц такой маневр был осуществлен в сравнительно широких масштабах. Орудия шуваловской системы («секретные гаубицы» и «близнята»), создававшиеся

специально для огня картечью) выполнили важную функцию при отражении обходной правофланговой группы пруссаков. Существенно, что при выполнении указанного маневра орудия полевой артиллерии перемещались на конной тяге. Еще большее значение в бою за Большой Шпиц сыграла артиллерия полковая. Можно предполагать, что «единороги» полковой артиллерии, находившиеся со своими полками не в первой линии боевого порядка, успешно боролись с прусскими батареями, ведя огонь через головы боевых порядков своей пехоты. Напротив, пруссаки сумели переместить на Мюльберг только часть полевой артиллерии, наиболее тяжелые орудия остались на исходных позициях, слишком удаленных от фронта (вязкая песчаная почва препятствовала своевременной смене позиций).

Во многих русскоязычных источниках можно прочитать, что Салтыков якобы предвидел такое развитие событий и хладнокровно перебрасывал артиллерию с правого фланга на угрожаемый левый, «прикрывая переброску орудий дымом горящих строений и ведением огня по всему фронту»*. Однако на деле было совсем не так: приказов о переброске конкретных батарей не было, командиры, получив приказ о смене позиций, действовали по собственному усмотрению. Обливаясь потом, русские лихорадочно перетаскивали пушки, иногда даже перед фронтом своей пехоты, что привело к потере большого количества артиллерии. Мест для размещения батарей также указано не было, поэтому орудия ставили вперемешку и где попало, что привело к почти полной потере управления огнем старшими

* Например, В. Н. Лобов в своей книге «Военная хитрость в истории войн» (М.: Воениздат, 1988) сумел усмотреть в действиях Салтыкова следующие тактические приемы, характерные скорее для войн XX века: 1) использование лесисто-болотистой местности для перегруппировки и дымовых завес при стрельбе артиллерии со сменой огневых позиций; 2) выполнение мероприятий по маскировке и сохранению тайны; 3) демонстрация ведения огня артиллерией по всему фронту в целях отвлечения внимания противника от ее переброски с правого фланга на левый (!).

Артиллерия при Кунерсдорфе. 1759 год

офицерами. Стреляли кто ядрами и гранатами, кто картечью, правильного залпового огня не было.

Тем не менее Салтыкову удалось этот отчаянный маневр, и продолжавшие наступление на русский левый фланг пруссаки сразу почувствовали мощь огня нескольких десятков спешно переброшенных туда орудий. Скопившиеся на Мюльберге массы прусской пехоты несли тяжелые потери от огня русской артиллерии.

Однако все выгоды битвы еще были на стороне Фридриха: его войска сбили две первые линии русских, захватив при этом 70 орудий. Русско-австрийская армия, совершенно расстроенная, сосредоточилась в последнем своем ретраншементе, защищаемом пятьюдесятью орудиями.

Все же сумев подтянуть неповоротливую артиллерию, Фридрих II продолжил усилия своих войск овладеть центральной позицией, которую обороняли полки Румянцева. Главную батарею на Шпице непосредственно прикрывали 3-й и 4-й Гренадерские, Апшеронский, Псковский, Вологодский полки. Видя приготовления к фронтальной атаке, Румянцев приказал бригадирам

Бергу* и Дерфельдену** переменить фронт: Сибирский, Азовский и Низовский полки перешли в первую линию, а уже потрепанные огнем противника Углицкий и Киевский — во вторую. Командующий русской артиллерией генерал Бороздин усилил эти части «единорогами» из резерва. Псковский полк прикрыл ретраншемент слева, против Мюльберга.

Пруссаки полезли на крутой обрыв Шпица через овраг Кунгрунд: в них брызнула картечь и рвы наполнились трупами, которые тут же засыпало землей. Несколько раз солдаты возобновляли свои попытки, и каждый раз страшный овраг наполнялся новыми жертвами. Все же прусские гренадеры сделали невозможное: они форсировали превратившийся в братскую могилу Кунгрунд и завязали штыковой бой на артиллерийских позициях. Новгородский мушкетерский полк был сбит и рассеян; остальные полки дивизии Румянцева окружены и изолированы.

Одновременно с атакой во фланг русских позиций на горе Большой Шпиц прусская конница атаковала те же позиции с тыла, а пехота — с фронта, недалеко от Кунерсдорфа. Наступил критический момент битвы. Потеря позиций в центре неизбежно вела русскую армию к полному и сокрушительному поражению. Однако атака с фланга, со склонов Мюльберга на склон Большого Шпица, захлебнулась — русские линии гибли одна за другой, но отстояли свои позиции.

Фридрих приказал Зейдлицу начать атаку всеми силами конницы во фронт русских полков, стоявших на Большом Шпице, с тем, чтобы сломить сопротивление русского центра. Король заранее наметил использование кавалерии с юго-востока и юга и заблаговременно развернул ее западнее Кунерсдорфских прудов. Теперь пришло ее время: конница знаменитого после Росбаха и Цорндорфа кавалерийского генерала после отхода

* Берг Густав Густавович (1716—1778) — бригадир, затем генерал-майор русской службы. В Семилетнюю войну постоянно находился в частях Румянцева.

** Дерфельден Иоганн Христофор фон (1702—1762) — генерал русской службы.

пехоты помчалась на укрепленные позиции готовых к бою русских полков и батарей, но эта атака провалилась: несвоевременно атаковавшая русских тяжелая конница, построенная в плотные боевые порядки, попала под сосредоточенный огонь многочисленных русских батарей. К ним присоединились и мушкеты Невского, Казанского, Псковского и двух гренадерских (3-го и 4-го) полков. Кавалерия прусского левого крыла принца Вюртембергского*, направленная в тыл, но вынужденная под сильным огнем русской артиллерии преодолевать дефиле между озерами к югу от Кунерсдорфа, вообще не смогла выйти в атаку. После горячего боя, во время которого Зейдлицу вместе с пехотой удалось ворваться с фронта и фланга внутрь ретраншемента (прусская конница сделала невероятное — она сумела преодолеть огонь русской артиллерии, прорвать пехотные линии на Шпице и прорваться на вершину холма), вся правофланговая группа пруссаков была опрокинута и частично рассеяна. Замешкавшихся под обстрелом кирасир принца Вюртембергского окончательно рассеяли под личным руководством Румянцева и Лаудона: Румянцев повел свою кавалерию в атаку — Архангелогородский и Тобольский драгунские полки смяли знаменитых «белых гусар» генерала фон Путкаммера. Лаудон поддержал союзников, поведя в бой два эскадрона австрийских гусар.

В этом бою был застрелен и сам отважный Путкаммер. Зейдлиц был тяжело ранен картечью в руку одним из первых, но с коня не сошел. Принц Евгений Вюртембергский, не покидавший поля боя и пытавшийся собрать своих кирасир и драгун для новой атаки, тоже был ранен. Во время боя на Шпице ранения получили Финк, Гюльзен и несколько других прусских генералов. Бледный от потери крови Зейдлиц сумел так собрать

* Принц (затем герцог) Евгений Вюртембергский — прусский генерал-лейтенант, затем генерал от кавалерии. Его внук, тоже принц Евгений, в эпоху наполеоновских войн служил генералом в русской армии и отличился во множестве сражений.

свои поредевшие эскадроны за прудами и вновь построил их, хотя русские ядра долетали и туда.

Бой на Большом Шпице носил тяжелый характер для русской пехоты (противник отчасти сохранял начальное охватывающее положение), и русские войска центра, проявляя непоколебимую стойкость, с трудом сдерживали неприятеля. С подходом подкреплений с фактически бездействовавшего правого крыла и из резерва фронт союзных войск, расположенный теперь поперек прежнего, был удлинён, и положение их стало улучшаться, а атаки пруссаков — захлебываться. Состояние прусской армии к этому моменту хорошо описал Кони: «Сама природа их обезоружила: пятнадцать часов прусское войско находилось в форсированных маршах, девять часов длилась уже битва, жаркий день, голод, жажда и непрерывные усилия истощили последние их силы; солдаты роняли ружья и в совершенном изнеможении падали на месте».

Русские войска центра, усиленные постоянно подходившими с правого фланга резервами, мощными контратаками отбросили прусскую пехоту — численное превосходство переходило на сторону русских. После ожесточенного четырехчасового боя на склонах высоты с подходом новых подкреплений успех начал явно склоняться на сторону союзных войск. Переход некоторых частей русской пехоты в штыковые контратаки (по-видимому, по почину частных начальников) увлек остальные части и быстро привел к решительному перелому хода сражения.

В то же время атаки пруссаков на другие высоты были также счастливо отбиты. Фридрих старался провести одну свою колонну позади нашей второй линии, чтобы тем поставить русских между двух огней, но и это не удалось. Генерал-майор Берг встретил ее штыками и шуваловскими гаубицами и потеснил назад; а Вильбуа и князь Долгорукий, ударив пруссакам во фланг, обратили их в бегство и взяли обратно не только все наши пушки, но отняли еще множество неприятельских. Нарвский, Московский, Вологодский и Воронежский полки сбросили пруссаков в Кунгрунд и стали развивать наступление по фронту и в направлении Мюльберга.

С другой стороны в атаку перешли Вологодский, Апшеронский и Азовский полки.

Теперь наступил критический момент для пруссаков. Фридрих употребил последнее средство: он вновь приказал Зейдлицу атаковать высоты. Раненый генерал вторично перевел свои эскадроны через пруды и ринулся на русские окопы. Но картечь действовала слишком опустошительно: расстреливаемая с фронта прусская кавалерия расстроилась, и, прежде чем смогла прийти в порядок, Лаудон с австрийскими гусарами Коловрата и Лихтенштейна, а генерал-майор Тотлебен с русскими легкими войсками ударили на нее в тыл и во фланг. В это время и Румянцев бросил в атаку всю имевшуюся у него кавалерию: киевских и новотроицких кирасир, архангелогородских и рязанских конногренадер и тобольских драгун.

В этом бою прусская тяжелая кавалерия полегла практически в полном составе. После того как с нескольких позиций по расстроенным эскадронам Зейдлица ударила русско-австрийская конница, продолжила наступление русская пехота, в жарком штыковом бою снова занявшая Мюльберг. Когда прусская инфантерия и конница стали выдыхаться, вдоль фронта ударил резерв союзников. Под непрекращающимся артобстрелом пруссаки обратились в бегство, несмотря на увещания и просьбы Фридриха, за ними ринулась конница Румянцева, завершив разгром.

Румянцев и Лаудон, проскочив окопы союзников, ударили с русскими кирасирами полка наследника и австрийскими гусарами во фланги прусских эскадронов и опрокинули их; князь Любомирский с полками Вологодским, Псковским и Апшеронским и князь Волконский с 1-м Гренадерским и Азовским привели в беспорядок еще сопротивляющуюся прусскую пехоту. Даже личная храбрость раненого Зейдлица не помогла против этой стремительной контратаки: пруссаки расстроились и разбежались. Русско-австрийская армия продолжала неудержимое наступление через Мюльберг, прижимая остатки войск противника к болотистым берегам Гюнера.

Сам Румянцев так рапортовал о своих действиях при Кунерсдорфе:

«...Преследовавший неприятеля с легким войском генерал-майор граф Тотлебен в ночь меня рапортовал, что он чрез болото в лес к неприятельскому левому крылу казаков послал, чтоб кавалерию от пехоты отрезать, а он с гусарами и кирасирскими Его Императорского Высочества полку 2-мя эскадронами, кои весьма храбро себя оказали, по сю сторону болота построился; неприятельская кавалерия, усмотря, что казаки заезжают с тылу, ретироваться стала, но в то время она с обеих сторон казаками и гусарами атакована, расстроена и разбита, многие поколоты и в полон взяты, в сверх того целый неприятельской от протчих отделившийся кирасирский эскадрон 20-ю человек казаков и 15-ю человек гусар в болото вогнан, побит и пленен, которого стандарт в добычу взят; от сего места далее мили за неприятелем погоня была...»

Попытки Фридриха перехватить инициативу ни к чему не привели. Прусская пехота и почти истребленная вражеским артогнем кавалерия бежали с поля боя. Король позвал к себе подполковника Бидербе и приказал ему взять лейб-кирасирский полк с тем, чтобы остановить или хотя бы задержать врага. Лейб-кирасиры зашли во фланг вырвавшемуся вперед Нарвскому полку и почти полностью изрубили его, но, в свою очередь, были атакованы Чугуевским казачьим полком. Бидербее попал в плен; штандарт полка был захвачен русскими, а сам полк poleg почти до последнего человека.

Это ознаменовало конец организованного сопротивления королевской армии: бросая оружие, она побежала в леса и на мосты, наведенные ранним утром. На узких проходах между озерами и на мостах люди давили друг друга, повсеместно сдаваясь в плен. Пионерный полк капитулировал в полном составе при первом появлении вражеской конницы.

Король, остановясь в самом жестоком огне, приходил в совершенное отчаяние и громко восклицал: «Неужели для меня здесь нет ни одного ядра!» Под ним были убиты две лошади, мундир его был прострелен в нескольких местах, возле него пали три адъютанта, но он

не оставлял поля битвы. Наконец, ядро поразило его лошадь в грудь, она опрокинулась навзничь и непременно придавила бы короля, если бы флигель-адъютант Гец и гренадер, стоявшие возле, не подхватили его в минуту падения. В то же время ружейная пуля ударила Фридриха в левый бок: по счастью, сила ее была остановлена золотой готовальней, которую король носил в кармане. Тогда офицеры обступили его с просьбами, чтобы он оставил свой опасный пост. «Когда все бегут, я один остаюсь на месте! — отвечал он с диким отчаянием, вонзив свою шпагу в землю, а затем мрачно добавил: — Мне надлежит здесь так же хорошо исполнять мою должность, как и всем прочим».

Наконец ненетовые крики преследующего неприятеля обратили в бегство и последнюю горсть храбрых пруссаков. Среди них был небольшой отряд гусар ротмистра Притвица; за ним гнались казаки. «Господин ротмистр! — закричал один из гусар. — Взгляните — это наш король!» Весь отряд кинулся на пригорок. Но нем стоял Фридрих, один, без свиты, сложив на груди руки и с немим бесчувствием смотрел он на гибель своего славного войска. Притвиц почти силой усадил его на коня, гусары схватили лошадь за поводья и увлекли за собой. Но казаки их уже настигли, и король, наверное, был бы убит или взят в плен (у Притвица было не более сотни людей), если бы ротмистр удачным выстрелом из пистолета не сразил офицера, который предводительствовал казачьим отрядом. Падение его на несколько минут остановило преследователей, и пруссаки успели ускакать. Тем не менее король потерял на поле боя свою шляпу, которая впоследствии была торжественно помещена в Эрмитаж.

Фридрих совершенно потерялся; вся бодрость духа, вся энергия его исчезли. «Притвиц! Я погиб!» — восклицал он беспрестанно дорогой. И едва отряд ушел от преследования, он написал карандашом записку к своему министру Финку фон Финкенштейну (брату раненого при Кунерсдорфе генерала) в Берлин: «Все пропало! Спасите королевскую фамилию! Прощайте навеки!»

Поздно вечером он прибыл в небольшую деревушку на Одере. Отсюда был отправлен новый гонец к Фин-

кенштейну. «Я несчастлив, что еще жив. Из армии в 48 тысяч человек, — писал ему король, — у меня не остается и 3 тысяч. Когда я говорю это, все бежит, и у меня уже нет больше власти над этими людьми. В Берлине хорошо сделают, если подумают о своей безопасности. Жестокое несчастье! Я его не переживу. Последствия дела будут хуже, чем оно само. У меня нет больше никаких средств, и, сказать правду, я считаю все потерянным. Средства мои истощены. Но я не буду свидетелем гибели моего Отечества. Прощайте навсегда!»

Тут же было сделано предписание Финку, которому король сдавал команду над остатками своей несчастной армии: «Генералу Финку предстоит трудное поручение. Я передаю ему армию, которая не в силах более бороться с русскими. Гаддик за ним, а Лаудон впереди, ибо он, вероятно, пойдет на Берлин. Если генерал Финк двинется за Лаудоном — Салтыков нападет на него с тыла; если он останется на Одере, то будет подавлен Гаддиком. Во всяком случае, я думаю, лучше напасть на Лаудона. Успех такого предприятия мог бы остановить наши неудачи и замедлить ход дела, а выигрыш времени очень много значит в таких обстоятельствах. Секретарь мой Керер будет присылать генералу газеты из Торгау и Дрездена. Генерал Финк должен обо всем извещать моего брата, которого я наименовал генералиссимусом армии. Совершенно поправить наше несчастье невозможно; но все приказания моего брата должны быть исполняемы беспрекословно. Армия присягнет моему племяннику, Фридриху Вильгельму. Вот последняя моя воля. В бедственном моем положении я могу только подать совет, но если бы имел хоть какие-нибудь средства, то, верно, не покинул бы мир и войско. Фридрих».

Фридрих ночевал в полуразвалившемся крестьянском шалаше. Не раздеваясь, бросился он на сук соломы, а адъютанты расположились в ногах его, на голом полу.

Всю ночь прометался он на своем ложе в страшном волнении: состояние души его было ужасно. Утром приближенные едва его узнавали, до того изменились все его черты: отрывистые, бессвязные, почти бессознательные речи показывали, что он близок к помешатель-

ству. Один из офицеров донес, что привезли несколько спасенных орудий. «Ты лжешь! — закричал на него Фридрих в бешенстве. — У меня нет больше пушек!»

Почти так же принял он артиллерийского полковника Моллера, когда тот явился с рапортом. Но «Моллер выдержал первый пыл и потом старался успокоить и утешить короля. Он уверил его, что все солдаты преданы ему душой и телом, готовы на каждый новый подвиг и рады всей своей кровью искупить свободу отечества и жизнь короля. Это подействовало на Фридриха; слезы проступили у него на глазах и ему стало легче. Новые надежды заняли вдушеего место мрачного отчаяния и постоянной мысли о самоубийстве». Еще на поле боя адъютант едва успел выбить из рук короля склянку с ядом, теперь же эти настроения понемногу стали исчезать.

Пруссаки потеряли в Кунерсдорфской битве 19 172 убитыми, ранеными и пленными (только на поле боя русские захоронили 7626 убитых врагов). Керсновский считает, что цифра эта занижена на треть и в действительности составляет 30 тысяч, хотя это весьма сомнительно, если учесть дальнейшее загадочное развитие событий кампании 1759 года. Не менее 2000 человек дезертировали. Между убитыми находился и майор Эвальд фон Клейст, известный немецкий поэт, имя которого гремело по всей Германии. Он вел солдат на приступ Шпица, ядро оторвало ему правую руку, он схватил шпагу левой и опять бросился вперед, но не достиг вершины: картечь раздробила его ногу. Солдаты отнесли Клейста в лощину и оставили до окончания битвы. Здесь его нашли казаки; раздели донага и бросили в болото. Во время битвы русские гусары, проходя мимо, улышались его стоны, вытащили полумертвого из болота, придели, чем могли, перевязали рану, утолили его жажду, но не смогли взять с собой, а оставили близ дороги. Тут пролежал он до глубокой ночи. Новый казачий пикет совершил над ним новые насилия.

На следующий день русский офицер нашел его в ужасном положении, покрытого ранами, почти истекшего кровью. Клейста немедленно отправили во Франкфурт, где над ним были испробованы все врачебные

средства. Но ничто не смогло вернуть его к жизни: он умер 12 августа и был похоронен с большими почестями. Руководители Франкфуртского университета и русские войска сопровождали его гроб до могилы. Один из русских офицеров, видя, что на гробе Клейста нет шпанаги, положил свою на крышку, говоря, что такой достойный офицер не может быть похоронен без этого знака отличия.

Беспорядочно бегущие толпы пруссаков могли бы быть окончательно рассеяны энергичным преследованием — имелась возможность отбросить их от переправ через Одер и лишить наиболее удобных путей отступления. Однако силы, выделенные для преследования, были недостаточными — только русская и австрийская легкая конница, а велось оно весьма вяло. Командующий русской легкой конницей генерал Тотлебен* преследовал противника на протяжении не более 5 километров от границ поля сражения, а австрийцы, по-видимому, еще менее (к ночи австрийская конница уже вернулась на бивуак). Прусские войска беспрепятственно переправились на левый берег Одера.

Историки полагают урон с русской стороны до 16 тысяч человек убитыми и ранеными (по другим данным, 15 700). Свидетельством тому является факт, что граф Салтыков в донесении своем императрице сказал в оправдание своих значительных потерь: «Что делать! Король прусский дорого продает победы над собой! Ежели мне еще такое же сражение выиграть, то приуждено мне будет одному с посошком в руках несть известие о том в Петербург».

Но все это (по мнению Кони) несправедливо. Русских ранено 10 863, в их числе князь Голицын, князь Любомирский и генерал Олиц. Что же касается убитых, граф Салтыков позднее говорил в своем донесении: «Могу Вашему Императорскому Величеству засвидетельствовать, что если найдется, где победа сия слав-

* Тотлебен Готлиб Курт Генрих (1710—1773) — граф, русский генерал. Бывший камергер короля польского Августа II, изгнавший со службы заливомство, принят на русскую службу в чине генерал-майора.

нее и совершеннее, то, однако ж, ревность и искусство генералов и офицеров, а мужество, храбрость, послушание и единодушье солдатства должны навсегда примером остаться. Что же до урона с нашей стороны принадлежит, то оный гораздо меньше, нежели я сперва сам думать мог. Убитых генерально всех чинов имеем мы только 2614 человек». Войска Лаудона потеряли 2500 солдат и офицеров, таким образом, по официальным данным, союзники лишились примерно 16 тысяч человек убитыми и ранеными.

Добыча русских состояла из 26 знамен, 2 штандартов, 172 пушек и гаубиц (почти все имевшиеся в наличии у пруссаков к началу сражения) и огромного количества полевых снарядов (все артиллерийские обозы прусской армии попали к русским и австрийцам). Кроме того, взято в плен 4555 человек рядовых, 44 офицера и отнято более 10 тысяч ружей, не считая 100 тысяч мушкетных патронов и прочего военного имущества. О масштабах поражения пруссаков и количестве взятых трофеев говорит хотя бы тот факт, что в 1759 году Россия продала Речи Посполитой такое количество прусских трофейных мушкетов, что ими перевооружили всю, правда не очень многочисленную, армию этой страны. Военная добыча была отослана в Познань, пленные — в Восточную Пруссию; при этом, как сообщал в Петербург Салтыков, 243 прусских артиллериста изъявили желание поступить на службу в российскую армию.

Граф Салтыков был награжден за Кунерсдорфскую победу чином генерал-фельдмаршала. По случаю битвы даже отчеканили сразу два вида наградных медалей — едва ли не впервые в России! Одна из них, отливавшаяся из серебра и предназначавшаяся для регулярных войск, имела на аверсе профиль императрицы и девиз «Б. М. Елисаветъ I, Императ. I Самод. Всеросс.» На реверсе медали был изображен воин в доспехах, державший в левой руке знамя с двуглавым орлом, а в правой — копьё. Слева от фигуры — шпиль Франкфурта, справа — фигурки бегущих в панике пруссаков. Поле усеяно брошенными трофеями. Ногой воин опирается на кувшин, из которого бежит струя воды с пояснитель-

ной надписью «р. Одер». Сверху и снизу на медали размещен девиз: «Победителю надъ прусаками авг. 1. Д. 1759». Для командиров казачьих полков был вычеканен свой образец медали с несколько отличным дизайном реверса: на нем изображалась различная воинская арматура с такой же надписью.

Кунерсдорфское сражение явилось одной из самых выдающихся побед русской армии XVIII века. Русские войска продемонстрировали во всей мере свои высокие боевые качества и покрыли себя славой. Фридрих II потерпел одно из наиболее тяжелых поражений за всю свою полководческую деятельность.

Оценивая решения и действия Салтыкова в этом сражении, необходимо прежде всего сказать, что он показал себя не только выдающимся полководцем-практиком, что признается рядом авторов. Важным принципиальным моментом и заметным вкладом в развитие военного искусства являлось внесение Салтыковым в традиционную схему линейного порядка нового элемента — сильного общего резерва (хотя, как я говорил выше, несколько импровизированного характера), который в ходе сражения был целесообразно и эффективно использован.

Контрастом явилось отношение к данному вопросу противника Салтыкова — Фридриха II, который в соответствии с принятыми правилами линейной тактики не имел практически никакого резерва. Между тем наличие такового позволило бы ему усилить группу войск правого крыла, атаковавших в обход Большого Шпица с северо-востока (единственное направление, которое в условиях превосходства противника в силах и сильно укрепленной позиции обещало пруссакам успех), и этим, может быть, изменить ход сражения.

Клаузевиц и Дельбрюк считали, что при Кунерсдорфе Фридрих стал жертвой своей тактики: фланговая атака на узком пространстве, невозможность использовать в полной мере конницу, отказ от атаки правого крыла русской армии, откуда Салтыков совершенно спокойно перебрасывал резервы на угрожаемые участки (австрийские полки на правом фланге, кроме погибших на Большом Шпице восьми гренадерских рот

и двух гусарских полков, атаковавших пруссаков вместе с Румянцевым, вообще не участвовали в бою) — все это предопределило поражение. Вместе с тем они отмечали умелое использование русскими местности, значительно укрепленной окопами и засеками, а также стойкость русских солдат на склонах Большого Шпица.

В ходе управления сражением Салтыков проявил твердость, хладнокровие и последовательность. Заранее предусмотренный маневр вдоль фронта силами резерва и неатакованной части боевого порядка был осуществлен в достаточной мере планомерно и своевременно. Остановившись же на оценке потерь союзной армии, должен сказать, что Кони (вслед за самим Салтыковым) весьма преуменьшает их число. 2614 «убитых генерально всех чинов» не соотносится ни к численности войск, принимавших участие в сражении, ни к его ходу (разгром левого фланга русских, овладение пруссаками Мюльбергом, установка на нем батареи и открытие «губительного продольного огня» по позициям союзников), ни к продолжительности боя (более 19 часов), ни, наконец, к его ожесточенности. В качестве примера можно привести любопытное отличие, которого впоследствии удостоился Апшеронский пехотный полк — красные штіблеты, а затем, с изменением обмундирования, — отвороты на сапогах. Это отличие, как говорилось в приказе, дано полку в знак того, что «во Франфорской баталии полк стоял по колени в крови». Даже под Цорндорфом, где сражение было более кратким по времени, а русские также оборонялись, стоя в укрепленных шанцах, русские потеряли, по разным данным, от 17 до 18,5 тысяч человек — половину всей армии. Не соотносится число показанных русскими убитых (чуть более 2600) к числу ими же «заявленных» раненых (более 10 тысяч).

Наконец, характерно то, что Салтыков сразу после Кунерсдорфа настолько опасался вновь атаковать разбитого и деморализованного Фридриха, что безучастно смотрел, как пруссаки маневрируют и собирают резервы буквально у него под носом. Это сказало даже на заключительном этапе «франфорской баталии»: как пишет Керсновский, «преследование (кавалерией Румян-

цева. — Ю. Н.) велось накоротке: у Салтыкова после сражения оставалось не свыше 22—23 тысяч человек (австрийцы Лаудона в счет не могли идти: подчинение их было условное), и он не мог пожать плоды своей блистательной победы».

Один упрек Салтыкову отвести нельзя: преследование действительно было неоправданно слабым. Можно искать причины поведения Тотлебена в сознательном предательстве: Тотлебен позднее (в 1761 году) был изобличен как агент прусского короля. Однако приходится констатировать, что командующий армией не придавал должного внимания преследованию. Что касается вялых действий австрийской конницы, то это было вообще типично для нее, а оказать значительное давление на Лаудона Салтыков не мог.

Преследование не было толком организовано, проводилось с излишней осторожностью, и поэтому конница отнюдь не «совершенно доконала пруссаков», как это смакует Керсновский и иже с ним, а лишь потрепала отставших при общем бегстве противника (об этом говорит и смешное: при полном расстройстве армии противника, число взятых пленных — менее 5000 человек) и вернулась в свое расположение. Плоды битвы действительно были потеряны: тот же «ревнитель русской славы» в своей «Истории русской армии» нехотя провел параллели между Кунерсдорфом и разгромом пруссаков Наполеоном под Иеной и Ауэрштедтом в 1806 году: «Само поражение пруссаков было, пожалуй, не так сильно, как при Кунерсдорфе: все довершило преследование, могущее считаться образцовым в военной истории».

Открытый путь на Берлин также не был использован союзниками (как пишут советские историки, «по причине австро-русских противоречий»). Если бы безвозвратные потери союзников действительно составили менее 3000 человек, русские взяли бы вражескую столицу и без помощи австрийцев. Согласно реляции Салтыкова, после Кунерсдорфа у него оставалось 20 тысяч человек, у Лаудона — 15—16 тысяч («за вычетом потерь»). Более того, наши авторы как-то забывают, что через два дня после сражения к Салтыкову прибыл уже вто-

рой 12-тысячный австрийский корпус — генерала Гаддика, что довело численность союзных войск до первоначальных 48 тысяч человек. Атаковать Берлин мог бы даже один Лаудон, имея за спиной почти 100 австро-имперских войск.

Кроме того, оперируя цифрами о якобы совершенно «недостаточном» для взятия Берлина количестве русских войск (подумаешь, какие-то «не свыше 22—23 тысяч»!), все наши историки как-то забывают, что несколькими строчками выше смаковали полное отчаяние Фридриха и тот факт, что у него на тот момент оставалось всего 3000 бойцов. Но даже в таких условиях Салтыков остался на месте. Это говорит либо о том, что его потери оказались действительно катастрофическими (гораздо выше, чем заявлено), либо о том, что русская армия боялась новой встречи с врагом до подхода резервов или без крупномасштабной помощи союзников. Поэтому совершенно беззащитный Берлин попал в наши руки только через год. Это странное противоречие, никак не объясняемое нашими историками, во многом идет от цитирования взахлеб панических писем короля, сильно драматизировавшего свое тяжелое, но отнюдь не смертельное поражение.

Цепь последовательных решений и действий Салтыкова заканчивается Кунерсдорфской победой. Она подвела союзников вплотную к возможности в кратчайший срок завершить войну. Вся эта цепь лежит в плоскости стратегических идей, противоположных основам западноевропейской стратегии того времени и предваряющих развитие новой стратегии, продолженной в русском военном искусстве Румянцевым и доведенной до высших ступеней Суворовым.

Проведение в дальнейшем последовательной стратегии такого характера оказалось Салтыкову не по силам. Кунерсдорфская победа осталась неиспользованной. Если за слабость тактического преследования ответственность ложится на русского полководца, то стратегическая «эксплуатация» успеха была во многом сорвана австрийцами. А такая «эксплуатация» была вполне возможна. Салтыков по присоединении к нему второго австрийского корпуса Гаддика предложил дви-

нуться на Берлин, но получил ответ, что австрийские войска не могут действовать без указания Дауна.

Должен сказать, что Салтыков (которого у нас многие сравнивают с Кутузовым) не проявил особых талантов как до Семилетней войны, так и во время нее. Скорее, его можно сравнить с герцогом Веллингтоном, а Кунерсдорф — с Ватерлоо. Как и Веллингтон, Салтыков предоставил противнику полную инициативу, а сам сделал единственное: вгрызся в землю, как бульдог. Легко обвинять полководца (Наполеона или Фридриха, неважно) в том, что активно наступая, он совершает какие-то тактические просчеты. Полководца, зарывшегося в обороне, упрекнуть вроде бы не в чем — он всего-навсего пассивно отбивается от врага, сделав ставку не на превосходство в тактике, а только на количество и качество своих солдат. В 1815 году сильно уступающих французам в численности англичан спас подход пруссаков, а в 1759-м русских — их крупное превосходство в силах, особенно в артиллерии, и, прежде всего, выгоды позиции*. Но ведь и Веллингтона никто, кроме англичан, не производит в великие полководцы...

Итак, простояв несколько дней на поле битвы, Салтыков выступил в поход, но не на Берлин, где его со страхом ждали, а вдругую сторону — на соединение с австрийской армией Дауна. Тем временем Фридрих взял себя в руки и сумел несколько поправить дело.

Почему Салтыков не пошел на Берлин? Думается, что русский главнокомандующий не был уверен в успехе такого похода: сразу после сражения уставшая армия, обремененная ранеными, трофеями, пленными,

* Клаузевиц считал, что Фридрих заранее обрек себя на поражение при Кунерсдорфе, решив атаковать абсолютно неприступную позицию, не имея к тому же численного превосходства. По мнению Клаузевица, за всю историю войн примеров подобной силы оборонительной позиции почти нет, если не считать Фермопильского прохода в античности. По этой причине, как писал прусский военный теоретик, Кунерсдорфскую битву надо относить не к полевым сражениям, а скорее к штурму крепости.

выступить в поход не могла, а подсчитав потери, составившие треть личного состава, Салтыков «счел поход возможным только при условии активного участия в нем Австрии».

Как я уже говорил выше, Фридрих всегда был склонен чрезмерно преувеличивать свои неудачи и горести. Приведенное выше его эмоциональное, паническое письмо Финку свидетельствует больше о неуравновешенном характере прусского короля, чем о реальной обстановке. Хотя Кунерсдорфское поражение наряду с Колином и Хохкирхом и правда стало самым тяжелым для него ударом за все его правление, на деле положение короля было не таким уж плачевным.

Хотя непосредственно после боя пруссакам удалось собрать и организовать только 10 тысяч солдат и офицеров (а отнюдь не три), Фридрих скоро убедился, что страх и отчаяние его были необоснованными, он оставил мысли о самоубийстве и вновь принял командование. Вскоре около него собралось еще до 18 тысяч человек, рассеянных неприятелем в Кунерсдорфской битве (все они добирались к месту сбора поодиночке или мелкими группами и, конечно, легко могли быть добыты и пленены, если бы славная конница союзников не оказалась, мягко говоря, слишком осторожной). С ними он переправился через Одер, уничтожил за собой мосты и стал укрепленным лагерем между Кюстрином и Франкфуртом.

Русские, между тем, также перешли Одер и расположились лагерем при Лоссове, а Даун подвинулся с главной австрийской армией в Нижний Лаузиц. Все показывало, что оба войска хотели соединиться, вместе вступить в Бранденбургскую Марку и овладеть беззащитной столицей Пруссии. Фридрих присоединил к себе все войска из гарнизонов, какими мог располагать, и решил готовиться к последнему бою: обороне столицы. Для этого он стал у Фюрстенвальде, прикрытого рекой Шпрее (по дороге на Берлин), куда вытребовал себе новую артиллерию из берлинского арсенала и крепостные пушки, дождался подкреплений от Фердинанда и реорганизовал свою армию. К 29 августа, всего через две недели после разгрома под Кунерсдорфом, у короля

было уже 33 тысячи человек (!), и «он мог спокойно взирать на будущее». Но напрасно Фридрих ждал неприятелей: они не являлись.

Идти на Берлин без австрийцев Салтыков упорно не хотел. Взбешенный Даун выделил ему кроме 10-тысячного корпуса Лаудона 12-тысячный корпус генерала Гаддика, но сам перейти в наступление со всей армией отказался. Для этого были свои причины. Важнейшая из них — присутствие в тылу австрийской армии двух прусских армий: принца Генриха в Саксонии и генерала Фуке в Силезии (всего не менее 60 тысяч человек). В случае наступления цесарцев на Берлин оба этих корпуса, сдерживаемые армией Дауна, сразу бы активизировались и перерезали австрийские коммуникации, потому Даун хотел вначале взять Дрезден и выбить пруссаков из Саксонии. Однако, по справедливому мнению Г. Дельбрюка, поход русско-австрийских войск на Берлин все же был возможен, «но лишь при условии, чтобы главнокомандующие действовали единодушно и решительно. Такое сотрудничество в союзных армиях, как то показывает опыт, достигается с трудом: не только полководцы имеют разные взгляды, но за этими взглядами кроются и различные, весьма крупные интересы».

По причине возникших несогласий между Салтыковым и Дауном русские не воспользовались своими выгодами. Даун требовал, чтобы Салтыков шел непременно на Берлин, а сам прикрывал свои тылы. Салтыков сварливо отвечал на это, что одержал уже две кровавые победы и ждет того же от австрийского фельдмаршала. Тогда Даун несколько выдвинулся вперед (фактически, только к этому времени было достигнуто соглашение о совместном наступлении на прусскую столицу), но едва он прошел несколько миль, как принц Генрих, наблюдавший за ним в Силезии, посредством хитрого маневра ударил ему в тыл, разрушил все магазины в Богемии и принудил его поспешно вернуться на исходные позиции. Это полностью подтвердило опасения австрийцев за свой оперативный тыл и к тому же лишило их запасов провианта и боеприпасов.

В конце концов австрийцы предложили свой план: их армия займется осадой силезских крепостей, рус-

ской же армии отводилась задача прикрытия осадных операций. В дальнейшем планировалось оставить русскую армию в Силезии на зимних квартирах. Политический смысл этих решений был ясен: австрийцы хотели использовать победы русской армии, чтобы достигнуть одной из основных своих целей — возвращения Силезии. Весьма характерна и стратегическая сторона их плана: вместо действий против армии противника выдвигались задачи овладения территорией.

22 августа в Губене состоялась встреча Салтыкова с австрийским командующим, который по-прежнему настаивал на своем плане продолжения кампании. На первой же встрече с Салтыковым Даун предложил план совместных действий в Саксонии и Силезии с последующим размещением русской армии на зимние квартиры в Силезии. Поначалу Салтыков согласился с планом Дауна, но постепенно стал все больше и больше противиться его осуществлению.

Во-первых, он боялся разрыва коммуникационных линий с Восточной Пруссией и Речью Посполитой в случае движения в глубь Саксонии или Силезии и не верил, что австрийцы смогут обеспечить снабжение и удобные зимние квартиры в еще незавоеванной Силезии. Во-вторых, он считал, что сами австрийцы слишком мало делают для победы над Фридрихом и возлагают большие, чем следовало, надежды на участие русской армии в операциях против Пруссии.

Когда Даун через посланного генерала предложил Салтыкову двинуть армию к Пейцу, чтобы перекрыть Фридриху дорогу в Саксонию, русский главнокомандующий ответил отказом: «...неприятель уже места около Пейца занял, так разве мне его атаковать и оттуда выгнать, на что я отважиться не хочу, ибо и без того вверенная мне армия довольно уже сделала и немало потерпела, теперь надлежало б нам покою дать, а им работать, ибо они почти все лето пропустили бесплодно». Австрийский генерал, по словам Салтыкова, возразил на это: «...у них три месяца за нами руки связаны были, чем он нарекать хотел, что мы долго маршировали, но я, подхватя его речь, повторил, я-то достаточно сделал в этом году, я выиграл два сражения. Прежде чем

мне снова начинать действовать, я ожидаю, чтобы вы тоже выиграли два сражения. Несправедливо, чтобы действовали только войска моей Государыни» и т. д. и т. п. Взаимные попреки, как известно, мало продвигают общее дело союзников (хорош был бы Сталин, если бы общался с англо-американцами в подобном стиле — боюсь, Вторая мировая не закончилась бы и в 50-е годы!).

Если отстраниться от конкретных обстоятельств распри генералов-союзников и не требовать от Дауна большего уважения к победителю Фридриха при Кунерсдорфе, а от вчерашнего командующего ландмилицией — необходимого в отношениях с союзниками такта и дипломатического таланта (присущего, например, А. В. Суворову), то в основе несогласованности действий союзников можно увидеть главное противоречие австро-русского договора о совместной борьбе против Пруссии.

Как уже отмечалось, этот договор отводил России роль вспомогательной силы и ограничивал ее действия военными демонстрациями. Поэтому русское правительство и не добивалось равноправной роли России в союзе и не ставило конкретной задачи в войне, которая, как отмечалось в постановлении Конференции 26 марта 1756 года, велась, «чтоб короля прусского до приобретения нбвой знатности не допустить, но паче его в умеренные пределы привести и, одним словом, неопасным его уже для здешней империи сделать». Известно также, что отцом этого плана был А. П. Бестужев-Рюмин, не рассчитывавший на серьезную войну. Когда же русские войска заняли Восточную Пруссию и начали действовать в сотне километров от Берлина, роль России в войне силою обстоятельств изменилась. Однако петербургские политики ничего не сделали для изменения роли России в союзе и условий ее участия в войне с прусским королем. Результатом этого стала известная противоречивость русской внешней политики и соответственно поведения русских главнокомандующих.

С одной стороны, союзное приглашение ставило русскую армию целиком на службу интересам Австрии, и согласно ему перед каждой новой кампанией австрийский генералитет требовал планировать операции рус-

ской армии в стратегическом направлении на Силезию (ради отвоевания которой Австрия начала войну с Пруссией и заключила наступательный союз с Россией), а с другой — в Петербурге не питали иллюзий насчет совместных действий с союзниками в Силезии. В рескрипте Конференции 31 декабря 1758 года Фермору о силезском театре военных действий говорилось следующее: «...к сожалению, признать надобно, что по великому проворству короля прусского он до соединения никогда не допустит таких генералов, которым необходимо о всяком шаге изъясняться и соглашаться... всемерно надлежит за правило себе положить, что он только тогда прямо побежден найдется, когда воюющая против него державы так действовать станут, как бы каждая с ним одна в войне находилась».

Горький, но полезный опыт трех лет войны продиктовал эти мысли. В 1757—1759 годах превосходящие силы австрийской (160 тысяч человек), французской (125 тысяч), русской (50 тысяч), имперской (45 тысяч) и шведской (16 тысяч) армий — всего 400 тысяч человек — так и не смогли справиться с 200-тысячной армией Фридриха. Действия союзников не координировались — даже об объединенном командовании армий ближайших стран-союзниц (Австрии и России) не было речи; каждая из союзных армий вела войну не лучшим образом; нерешительность, неоправданные маневры войск, неиспользованные победы, косность стратегического и тактического мышления командующих — все это позволяло обложенному со всех сторон армиями союзников и метавшемуся, как волк, Фридриху успешно отбиваться от многочисленных врагов. Но больше всего мешала союзникам озабоченность собственными интересами.

Внешнеполитические цели России, а также реальные условия проведения крупных операций, возможных только при обеспеченных коммуникациях, влекли русских полководцев и генералов в стратегический район, лежащий много севернее Силезии, а именно в Померанию и Бранденбург. Именно здесь, по словам М. И. Воронцова, русской армии надлежало «работать на себя». Расхождение интересов внутри антипрусской

коалиции и разногласия в выборе стратегических районов действия вели к существенным различиям в стратегии и тактике армий союзников.

В борьбе с Фридрихом за Силезию австрийские полководцы прибегали к так называемой стратегии измора, или истощения. Сторонники этой тактики стремились избегать прямых столкновений с противником, но при этом держать его в постоянном напряжении и всеми средствами изматывать: тревожить неприятеля непрерывными марш-маневрами, растягивать его коммуникации, отрезать от баз и т. д. Даун с успехом применял такую тактику против Фридриха во время второй Силезской войны и продолжал ее придерживаться. Предлагая русской армии двинуться на зимние квартиры в Силезию, Даун намеревался удалить прусскую армию от Одера, ослабить ее многодневными маршами и осадами и тем самым предотвратить развязку войны в течение кампании 1759 года, а в будущем году совместно с русской армией продолжить вытеснение пруссаков из Силезии.

Однако «стратегия истощения» совершенно не подходила для не очень маневренной русской армии, действовавшей вдали от своих баз, а русское правительство желало скорейшей развязки войны в течение кампании 1759 года путем победы над армией Фридриха и занятия Берлина. Именно с таких позиций в Петербурге были восприняты победы в сражениях при Пальциге и Кунерсдорфе. От свежее испеченного фельдмаршала ожидали развития успеха и требовали: «...хотя и должно заботиться о сбережении нашей армии, однако худая та бережливость, когда приходится вести войну несколько лет вместо того, чтобы окончить ее в одну кампанию, одним ударом». Правительство надеялось, что Салтыков, имея превосходство в силах, приложит «все старания напасть на короля и разбить его».

Однако тяжкий груз ответственности за судьбу введенной ему армии, моральная усталость после двух сражений, недоверие к союзнику и его планам — все это надломило волю Петра Семеновича. Он откровенно стремился отвести войска и закончить кампанию. Именно поэтому Салтыков безучастно смотрел на то,

как Фридрих собирал силы для продолжения войны. Из его первых сообщений из Франкфурта после Кунерсдорфской победы нельзя заключить, что пишет тот самый полководец, всего две недели назад наголову разгромивший Фридриха. Так, 15 августа 1759 года Салтыков меланхолично сообщал: «...король прусской с разбитою армиею поныне в близости нас стоит (в 6 милях) и, по известиям, собиранием отовсюду гарнизонов и подвозом из Берлина и Штетина больших пушек усиливается и, конечно, по усилении или с принцем Генрихом соединиться старание приложит, или нас атаковать паки вознамерится... а нас, буде не позахочет атаковать, в марше беспрестанно беспокоить и изнурять может».

Между тем Конференция добивалась от главнокомандующего активизации действий армии. Не скрывая раздражения, ее члены писали 18 октября 1759 года Салтыкову, что получили известие об его отказе помочь Лаудону, вознамерившемуся напасть на Фридриха. Особенно возмутило их то, что Салтыков не только в том отказал, но и публично объявил, что неприятеля ожидать станет, но никогда его не атакует. В рескрипте 13 октября Конференция прибегла к последнему аргументу: «...так как король прусский уже четыре раза наперед на русскую армию, то честь нашего оружия требовала бы напасть на него хоть однажды, а теперь — тем более, что наша армия превосходила прусскую и числом, и бодростью, и толковали мы вам пространно, что всегда выгоднее нападать, чем подвергаться нападению», ибо «если бы он [Фридрих] хотя однажды подвергнулся нападению и был бы разбит, то вперед с малыми силами отступал бы далее, а наша армия имела бы больше спокойствия и удобнейшее пропитание».

Однако вернемся к окрестностям Берлина. Все время, пока шли переговоры в Губене, русские требовали от союзников выговоренного продовольствия для армии: австрийский военачальник после рейда принца Генриха на его магазины сам ничего не имел и вместо провианта предложил деньги. Салтыков отвечал: «Мои солдаты денег не едят!» и приготовился к отступлению. Тогда венский кабинет по представлению Дауна настоятельно потребовал, чтобы Салтыков закрепил свои за-

воевания, грозя, что в противном случае он будет смелен и другой пожнет плоды его побед. Это взбесило русского фельдмаршала, и он немедленно двинулся к польским границам. Но дорогой он получил высочайшее повеление (!) продолжать войну и нехотя снова повернулся к Силезии. Салтыков, лишенный возможности действовать самостоятельно с одними русскими войсками, был вынужден пойти на компромиссное соглашение с Австрией и отказаться от наступательных замыслов. Пока же, согласно плану Дауна, намерением русских было осадить Глогау.

«Возмущенный Салтыков решил действовать самостоятельно и направился к крепости Глогау, но Фридрих, предугадав его намерение, двинулся параллельно Салтыкову с целью его опередить». Фридрих и опередил-таки Салтыкова и, заняв крепкую позицию перед Глогау, преградил русскому войску дорогу. У обоих было по 24 тысячи, и Салтыков решил на этот раз в бой не ввязываться: «рисковать и этими войсками за 500 верст от своей базы он почел нецелесообразным». Вот ведь как интересно: меряться силами с прусским королем победитель при Кунерсдорфе «считал целесообразным» только при крупном превосходстве в силах, а отнюдь не при паритете.

Идти на Берлин можно только при условии соединения с австрийцами, принимать бой с неприятелем — только превосходя его в силах в полтора — два раза, как минимум... Думаю, что и за 5 верст от базы Салтыков думал бы точно так же. Так или иначе, но 25 сентября противники разошлись: Фридрих не атаковал русских, что у нас обычно приписывают «памяти о Кунерсдорфе», хотя вообще-то король избавился на сей раз от «не имеющего обычая уклоняться от боя врага» без единого выстрела.

Так и не решившись вступить с Фридрихом в битву, не получая подкрепления из главной австрийской армии и слыша, что Даун пошел в Саксонию, Салтыков поспешно ретировался. 30 сентября он повел армию по берегам Одера, достиг местечка Тернштадт, хотел взять его, но встретив сопротивление, превратил его в пепел и потом выступил в начале ноября к берегам Варты и да-

лее в Польшу. Лаудон отделился от русских и пошел в Моравию. Это карикатурное завершение кампании 1759 года до сих пор подвергается критике со стороны русских историков. Разумеется, во всех бедах обвиняют Дауна. «Бездействие Дауна спасло Пруссию», «Даун не заготовил обещанного для русских провианта», и Фридрих, и его победитель Салтыков, и ангел-хранитель Даун — все трое выявили себя в этой кампании в полной мере» и т. д.

Во-первых, Даун заготовил провиант и не его прямая вина в том, что пруссаки это продовольствие уничтожили (вспомним, что в начале года та же участь постигла и русских). В австрийской армии начинался голод, солдаты дочиста обдирали местное население. Во-вторых, бездействие Дауна действительно печально, но вполне объяснимо и сравнимо с таковым у Салтыкова, который, имея немногим меньше, чем у австрийцев, войск, как институтка, дулся на них, бегая при этом от «совершенно разбитого» им Фридриха по всему Бранденбургу.

Комментируя эти события, Керсновский допускает самый странный пассаж во всей своей книге: «У победителя при Кунерсдорфе хватило гражданского мужества предпочесть интересы России интересам Австрии и отвергнуть требования Конференции, настаивавшей на зимовке в Силезии совместно с австрийцами и наряде 20—30 тысяч русской пехоты в корпус Лаудона.

Кампания 1759 года могла решить участь Семилетней войны, а вместе с нею и участь Пруссии. По счастью для Фридриха, противниками он имел, кроме русских, еще и австрийцев».

Поанализируем это высказывание. Целью России был разгром Пруссии. Зимовка в Силезии совместно с австрийцами позволяла начать новую кампанию непосредственно с границ Бранденбурга, всего в 100—150 верстах от Берлина, так что русские остались бы на всех завоеванных ими рубежах. Но Салтыков уводит армию обратно в Польшу, откуда пришел без малого год назад и которая находится в 500 верстах. Где, скажите на милость, здесь соблюдение интересов России? Почему зимовка в Силезии им не отвечает, а отвечает только це-

лям Австрии? Наконец, почему австрийская армия, хотя и не действовавшая активно в этой кампании (кстати, Хохкирх был еще недавно, а его результаты — более убедительны, чем у «моральной победы» русских при Цорндорфе), но отвлекавшая на себя крупные силы врага, почему-то преподносится как помеха действиям Салтыкова.

Керсновский и многие другие официозные историки убеждены, что если бы Фридрих воевал только с Россией, то последняя моментально разобралась бы с ним. Простите, но что-то не верится. Если бы при Кунерсдорфе с Фридрихом был корпус принца Генриха (стоявший, напомним, против «никчемных» австрийцев), да еще войска Фердинанда Брауншвейгского (сражавшиеся против еще более презираемых франко-имперцев), то, во-первых, сражения не было бы вовсе («непобедимый» Салтыков скорее пошел бы под суд, чем встретился со столь крупными силами врага — это ясно показывают его дальнейшие маневры), а если бы и было, то скажем прямо: его результат стал бы прямо противоположным. Анализ действий русских войск, состояние армии и особенно качество командования не позволяют сделать иного вывода.

Другое дело, что русскому двору наплевать было на согласованные действия с союзниками и полный разгром Пруссии, а заботило только «приобретение» Данцига, Померании и Восточной Пруссии. Сам Салтыков прямо говорил, что после присоединения к России этих провинций или хотя бы только Восточной Пруссии надо кончать войну. Елизавета была «втайне согласна» с ним — «какой резон продолжать войну за интересы Австрии и Франции?».

Тогда многое становится ясным — зимовка в Силезии действительно ни к чему, а армии следует действовать севернее. Австрийцев же, по мнению Салтыкова и иже с ним, следует предоставить их собственной участи, в то время как русские торопливо «осваивают» северные и восточные земли Фридриха. Но этот шаг является прямым нарушением союзнических обязательств Елизаветы и, в частности, отступлением от плана действий объединенными силами. Вообще ситуация довольно ин-

тригующая — Австрию постоянно ругают за «пренебрежение общими интересами» и «игру в одни ворота». Когда то же самое делают русские (а делали они это всю войну) — уводят армию с театра под смехотворными предложениями (1759), стоят на месте, пока австрийцы одни ведут тяжелейшую борьбу с Фридрихом в Саксонии и Силезии (1758 и особенно 1757 год, а затем и 1760–1761 годы), то это, оказывается, просто достойное подражания «соблюдение интересов России». Я уже не говорю, что у австрийцев было значительно больше даже чисто моральных оснований требовать возвращения отторгнутых у них всего десятком лет раньше Силезии и Глаца, чем у русских аннексировать никогда не принадлежавшие им восточнопруссские земли. Поэтому Конференция, справедливо боясь осложнения отношений с Веней (Франция была далеко и Австрия являлась нашим единственным союзником на востоке Европы), стала требовать от строптивого командующего решительного продолжения войны.

Все наши историки в один голос клянут австрийцев. «Победа русского оружия осталась неиспользованной... Причиной такого развития событий послужили два определяющих обстоятельства: трусость и предательство австрийского двора и его генералитета по отношению к России и несогласованность в действиях Петербурга и Вены... Войну можно было окончить еще в 1759 году, после Кунерсдорфа, прояви австрийцы известный минимум лояльности, более того — понимай они правильно свои же интересы. Бездарный и нерешительный Дун пропустил тогда исключительно благоприятный момент. Эгоизм Австрии был настолько велик, что шел ей же во вред!...»

В хрестоматии «Русская история» авторы подводят под эти тезисы целую теоретическую базу: Салтыков-де предлагал не терять времени и двигаться на Берлин, но «австрийское командование не соглашалось. У венского двора были свои намерения, состоявшие в том, чтобы не допустить усиления России в результате ее войны с Пруссией. Австрия также стремилась использовать русскую армию в своих интересах, например, для возвращения утерянной ими Силезии. Поэтому ав-

стрийские генералы хотели перенести военные действия из Пруссии в Силезию, где австрийская армия могла бы заняться осадой силезских крепостей, а русские войска помогали бы прикрывать эти операции».

Не говоря уже о действительной возможности взять Берлин, которая была у русских независимо от их соединения с австрийцами (об этом упоминалось несколько выше), я должен прокомментировать строки из «Русской истории» сугубо однозначно: австрийские генералы были правы. Взятие Берлина никоим образом не приблизило бы конец войны, решить ее могло только уничтожение живой силы Фридриха, которая в это время группировалась как раз на силезской границе. «Утерянную Силезию» из Берлина вернуть было нельзя, равно как и удержать в российском подданстве Восточную Пруссию. К слову, в следующем году почти никем не обороняемый Берлин был взят, но все без исключения историки (в том числе и авторы приведенных разгромных цитат) в один голос характеризуют это событие как малозначительное, а весь 1760 год — как период, прошедший «без особых успехов». Не особенно огорчила трехдневная «оккупация» русскими столицы королевства и самого Фридриха. Так что же: в 1759 году участь войны висит на волоске, если взять Берлин, то Фридрих тут же запросит пардона, и только негодяи-австрийцы подводят доблестных русских, а в 1760-м Берлин взят — и это рядовой успех, никак не влияющий на общую картину войны?

В общем, ознаменованная двумя блестящими победами кампания (напомним, стоившая России 18 тысяч жизней ее солдат), как и две предыдущие, вновь закончилась безрезультатно. Пока шли все описанные выше переговоры и склоки, Фридрих и его армия успели оправиться от поражения. Плоды крупнейшей за всю войну победы над прусским королем были потеряны. Вновь было большое сражение с большой кровью и большими перспективами, и вновь русское командование, отговорившись «удалением от базы» и «неверностью союзников», все бездарно потеряло. Поэтому нечего винить во всем австрийцев: они действовали не более безынициативно, чем русские. Не знаю, как там с «гражданским му-

жеством», а вот военного Салтыкову явно не хватило в самый решающий момент. Берлин был спасен, а пруссаки вновь перехватили инициативу — все это из-за нерешительности и пассивности русского командования и несогласованности действий союзников. В следующем году, как и в 1757, 1758 и 1759-м, все приходилось начинать с нуля — с границ Польши. Кроме того, «правильное понимание» Салтыковым интересов России и его демарш против Дауна привели к еще большему ухудшению отношений между Петербургом и Веной*.

Но с отступлением русских опасность не миновала. Пока Фридрих действовал против Салтыкова, имперская армия под начальством назначенного вместо Хильдбургхаузена герцога Пфальц-Цвайбрюккенского проникла в Саксонию, оставленную без всякой защиты. В короткое время Лейпциг, Торгау и Виттенберг были заняты. Имперцы подступили к Дрездену. Комендант города Шметау приготовился к обороне: он решил отстоять город или похоронить себя под его развалинами. Это случилось вскоре после Кунерсдорфской битвы. Фридрих в безнадежном своем положении писал к Шметау, чтобы он не рисковал понапрасну гарнизоном, а старался бы только спасти артиллерию и казну, состоявшую из 5 миллионов талеров. Вследствие королевского предписания Шметау сдал город на капитуляцию, выговорив свободный выход гарнизону и вывоз орудий. Имперцы согласились, но, захватив город, предательски напали на прусских солдат, отнимали у них ружья, рубили и брали в плен. Только немногие из гарнизона уцелели. А между тем помощь была уже близка: генерал Вюнш, посланный Фридрихом, находился всего в трех милях от Дрездена.

После ухода русских Фридрих сильно занемог подагрой. Несмотря на жестокие страдания, он не упускал

* Справедливости ради следует сказать, что, конечно, Австрия тоже могла бы действовать решительнее. Традиционная нелояльность Габсбургов к своим союзникам общеизвестна, недаром Вольтер тогда же сказал, что «Франция за шесть лет союза с Австрией истощилась людьми и деньгами больше, чем за два века войны с нею». Однако мы видим, что русские платили Вене той же монетой.

из виду военных действий и созвал к себе всех генералов. Они нашли его в бедной каморке небольшого мещанского домика в Кебене. Он лежал на постели, ноги были прикрыты шубой, голова завязана платком.

«Господа! — сказал он им. — Я созвал вас, чтобы oznакомить с моими намерениями и показать, что жестокая боль не позволяет мне лично явиться к армии. Уверьте храбрых пруссаков, что болезнь моя не вымышленна, что я, вполне надеясь на их мужество, не успокоюсь до тех пор, пока не поправлю наших дел, и что только одна смерть может меня разлучить с моей армией». Одну часть войска он отправил на прикрытие Силезии, другую, под начальством Вюнша, на освобождение Саксонии от имперцев.

Но и в мучительные часы болезни деятельный ум Фридриха не мог оставаться спокойным. Он занялся критическим разбором Северной войны Карла с Петром Великим и написал книгу под названием «Взгляд на характер и дарования Карла XII». Отсылая рукопись маркизу д'Аржансу, он писал: «Голова моя постоянно занята военными идеями и до того привыкла к этой работе, что даже в часы развлечений ум мой не может обратиться на другие предметы». Едва король почувствовал облегчение, как сам поскакал в Саксонию. Там его дела значительно поправились.

Вюнш успел отнять у имперцев Виттенберг, разбил пришедших к ним на подкрепление австрийцев при Торгау, овладел городом и пять дней спустя взял Лейпциг со всем его гарнизоном. Принц Генрих также поспешил на помощь Саксонии, и несмотря на всеусилия фельдмаршала Дауна, соединился с Вюншем. Здесь начался ряд самых замысловатых маневров с обеих сторон. Дауну, который для противодействия пруссакам сосредоточил в Саксонии до 42 тысяч человек, хотелось вытеснить Генриха из этой страны, Генрих прикрывал отнятые у имперцев и австрийцев города и заставил Дауна отступить к Дрездену, который один еще находился в неприятельских руках. В это время прибыл король. Даун начал ретироваться. Фридрих сам повел армию против отступающих австрийцев и разбил их при деревушке Крегисе. Неприятель ретировался в Плауэнскую

долину, король отправил несколько отдельных корпусов, чтобы его тревожить и отрезать его коммуникации. Один из этих корпусов проник в Богемию, собрал там большую контрибуцию, захватил все запасы, разграбил несколько городов и возвратился с богатой добычей.

Но другим корпусам не повезло. Генерал Фридрих фон Финк с 13-тысячным корпусом был послан к Максену, чтобы преградить Дауну ретираду. Финк описал королю всю рискованность и опасность такого предприятия, но тот, не слушая его, закричал в нетерпении: «Вы знаете, что я не терплю затруднений! Отправляйтесь!» Финк повиновался, скрепя сердце. Предчувствие его не обмануло. 20 ноября 26-тысячная армия Дауна окружила пруссаков со всех сторон. Финк попытался пробиться, но это не удалось, и после короткого сопротивления (потери обеих сторон были крайне незначительными) был принужден со всем корпусом положить оружие и сдаться в плен.

Таким образом, при Максене Фридрих лишился 13 тысяч человек и 17 пушек. Та же участь постигла другой прусский корпус, под командой Диреке, стоявший по ту сторону Эльбы. Австрийцы начали его обходить, Диреке ночью хотел переправиться через реку, но в это время пошел сильный лед и затруднил переправу. Неприятель захватил 1500 пруссаков. По собственному признанию короля, 1759 год стал самым тяжелым для него за всю войну.

Сократив армию Фридриха до 24 тысяч человек, Даун смело мог надеяться на успех. Он решил остаться в Саксонии. Но прусский король не уступал ему ни пяди. С маленьким своим войском он стал против него лагерем при местечке Вильдсруф. Наступила жестокая зима; снег выпал по колена, палатки заледенели. Четыре батальона постоянно сменялись в лагере, где солдаты замерзали на часах, а ночью ложились вместе, стараясь согреть друг друга дыханием. Остальное войско было размещено по ближним деревням. Офицеры жили в избах, солдаты строили себе шалаши, рыли землянки и грелись у костров, которые никогда не потухали. На пять миль в окрестности порубили все леса на дрова.

Эта зимняя кампания «похитила» у короля больше солдат, чем самая кровопролитная битва. Но она имела и свои выгоды: неприятель не смел шагнуть вперед, не смел и отступить. Он терпел те же неудобства и бедствия, как и прусское войско, но у него они еще были усилены повальными болезнями. Сама природа опустошала обе армии без кровопролития. Так простоял Фридрих до тех пор, пока в середине января наследный принц Брауншвейгский, по взятии Фульды, не привел ему в подкрепление свое войско. Тогда только король расположил армию по зимним квартирам. Сам он перенес свой штаб в Фрейберг, где и провел остальные зимние месяцы.

Фридрих много претерпел в этот пагубный год. Но и враги его мало выиграли: при всех успехах и усилиях австрийцы овладели только Дрезденом и его окрестностями; а шведы, ободренные отсутствием прусских войск, распространили свои ничтожные завоевания в Померании. Русские же после крупной победы при Кунерсдорфе вообще ушли в Польшу. Фридрих мог еще торжествовать.

Интересно, что о Максене не упоминает никто из советских историков. Это вполне объяснимо: как же, русские льют кровь и громят Фридриха при Кунерсдорфе, а австрийцы стоят себе на месте и только чинят помехи! На самом же деле капитуляция Финка оказала большее влияние на исход кампании, чем действия Салтыкова — тот ниоткуда не выбил пруссаков даже после «франфорской» победы, зато осенью Фридрих не смог удержать Саксонию, хотя Даун действовал в тяжелейших зимних условиях (воевать зимой тогда вообще было не принято) и... один, безо всякой поддержки «самоотверженных» русских. Описывая эти события, Керсновский как-то забывает упомянуть об этом факторе и вновь доходит в своем германо- и австрофобстве до анекдотичности: «Уже прибыв на Варгу, Салтыков по настоянию австрийцев сделал вид, что возвращается в Пруссию. Этим он спас доблестного Дауна и его 80-тысячную армию от померещившегося цесарскому полководцу насупления пруссаков («целых 40 тысяч!»)».

Вот ведь как — даже Максенская кампания, бесспорно, по мнению Керсновского, является заслугой русских! Временное возвращение Салтыкова с Варты объясняется только тем, что из Петербурга ему отдали прямой приказ прекратить валять дурака и продолжить боевые действия поздней осенью, ставя в пример Дауна. Однако, как мы помним, славный русский полководец, поманеврировав немножко, окончательно ушел на винтер-квартиры. Никого, разумеется, он не «спас» и вообще никак не повлиял на ход событий — Фридрих как стоял в Саксонии, так и остался там и ушел только после сдачи Финка. Этот небольшой пример очень хорошо показывает «объективность» в освещении войны русскими историками.

Интересно, что сразу после Кунерсдорфа Фридрих попытался закончить войну миром. С этой целью военный министр Финк предписал прусскому послу в Лондоне похлопотать, чтобы Англия взяла на себя роль посредника. Финк писал: «Только чудо может нас спасти. Поговорите с Питтом* не как с министром, а как с другом. Быть может, он сумеет устроить заключение мира».

Узнав об этом, русские забеспокоились: традиции заключения сепаратного мира между Марией Терезией и Фридрихом II были уже довольно прочными, еще со времен Силезских войн. Поэтому Салтыкову был направлен секретный рескрипт с указанием присматривать за Дауном: «Вам надлежит, будучи в соединении с графом Дауном, крайне того предостерегать, чтоб не токмо никакие прусские предложения без нашего наперед ведения и соглашения выслушиваемы не были, но чтоб еще меньше оставлялись затем операции, способом которых надежнее и честнее можно прочный мир получить, нежели опасной негоциацией...»

* Питт Старший Уильям, граф Чатам (1708–1778) — лидер вигов, английский министр иностранных дел в 1756–1761 годах, премьер-министр в 1766–1768 годах. Главный организатор внешней политики при Георге II и Георге III, убежденный сторонник союза с Пруссией.

Буде король прусский, находясь в крайней слабости, весьма приманчивые австрийскому дому предложения делал бы, то надобно предубеждения или и самого ослепления чтобы не видать, что тем король прусский искал бы только на один час льготы себе сделать и паки с силами собраться к новому, еще бедственнейшему нападению, умалчивая о том, что такой поступок между союзниками еще меньше оправдан быть может, и умалчивая о том, что к получению единожды навсегда прочного и честного, а союзникам выгодного мира, конечно, иного способа нет, как привести короля прусского силой оружия в несостояние делать новые общему покою возмущения...»

Не правда ли, очень энергичный и конкретный документ, который не оставляет сомнений, что петербургская Конференция — не подвластный интересам Вены «жалкий унтер-гофкригсрат», а вполне самостоятельная военно-политическая сила? Тем не менее опасения русских не оправдались: австрийцы меньше всего хотели мира без Силезии, а король прусский и на этот раз оправился от «крайней слабости» и безо всяких «негациаций».

НАЧАЛО КАМПАНИИ 1760 ГОДА

Дрезден и Лигниц

«Шар земной не крепче покоится на плечах Атласа, как Пруссия на своей армии!» — сказал Фридрих после Гогенфридбергской битвы. Четыре года упорной войны, где Пруссия со своими восемью миллионами жителей боролась с пятью государствами, имевшими более восьмидесяти миллионов подданных, доказали всю справедливость этого изречения.

«Но теперь эта могущественная, непоборимая армия была расстроена и доведена почти до ничтожества. Надо было подумать о средствах, пополнить и усилить ее без ущерба государству. Фридрих предложил своим неприятелям обмен пленными, они не согласились, надеясь истощить его до конца. Тогда все пленные насильно были приведены к присяге и зачислены в прусские полки. Под знаменами Фридриха они обязывались воевать даже против своего отечества. Такая мера была бы безрассудством во всяком войске, кроме прусского, где строгая воинская дисциплина и личное превосходство Фридриха налагали крепкое ярмо на подчиненных. Один Наполеон мог впоследствии прибегать к подобным средствам: он один, подобно Фридриху, силой своего гения владычествовал над духом народов! (Правда, Кони забывает о воспитательном эффекте фухтелей и шпицрутенов, коими, как известно, Наполеон не баловался. — Ю. Н.) Бедная Саксония и на этот раз должна была поплатиться за интриги своего министра, за бесхарактерность своего короля: она сделалась для Фридриха единственным рудником, из которого он извлекал деньги, продовольствие и солдат. Она выставила 10 тысяч рекрутов, внесла в казну два миллиона червонцев, тысячами отпустила лошадей и рогатый скот и отдала половину своей жатвы на содержание прусской армии. Обширные саксонские леса были порублены, сжаты по Эльбе до Гамбурга и обра-

щены в деньги. Кроме того, нужда в людях подала мысль к совершенно новой системе рекрутских наборов: начали обманом вербовать на военную службу. Прусские вербовщики под разными видами разбрелись по всей Германии и заманивали молодых людей в свои сети, обольщая бедняков деньгами, богатых — почестями, а слабодушных — вином и распутством. Им отпускались значительные суммы для заманивания, и молодежь толпами отправлялась в Магдебург, назначенный сборным местом для поступающих на прусскую службу.

Честь разделять громкую славу прусского оружия составляла молодых людей оставлять университеты до окончания курса, купеческих приказчиков — бросать торговлю, молодых чиновников — бежать от службы. Вербовщики иным сами давали деньги, с других брали плату за патенты на разные офицерские чины, но по прибытии в Магдебург всем новобранцам, без исключения, надевали солдатские ранцы. Купцы, ремесленники, простолюдины, купившие себе звания полковников, капитанов и поручиков, вдруг сделались рядовыми и узнавали обман не прежде, как в строю, под грозным фухтелем фельдфебеля. Таким образом было собрано до 60 тысяч рекрутов. Позорное средство! Одна крайняя нужда может оправдать Фридриха в глазах потомства. Но он действительно заслуживает оправдания: прежде, чем он ухватился за это последнее средство, им было испытано все, чтобы привести дело к дружескому концу. Послы его являлись ко всем враждующим дворам с мирными предложениями: всюду последовал отказ.

Противники его слишком надеялись на свой крепкий союз и на его малосилие, чтобы склониться на любовную сделку. Сами события того времени, казалось, должныствовали способствовать к примирению, но врагами Фридриха были три царицы, три женщины, и все выгоды политические уступили место личной ненависти. В конце 1759 года умер король испанский Фердинанд VI. Ему наследовал король неаполитанский Карл, предоставив Неаполь своему сыну-младенцу. Австрия давно имела права на Сицилийское и Неаполитанское королевства; теперь представлялся самый удобный случай овладеть ими. Все способствовало этому приобретению: и слабое регентство, и ничтожные войска

и расстроенные финансы Неаполя. Некому даже было вступить за крошечное южноитальянское государство: Испания не была приготовлена к войне, а Франция не имела средств выслать в Италию новое войско. Но Мария Терезия пренебрегала случаем сделаться обладательницей всей Италии для того только, чтоб продолжать борьбу с Фридрихом и возратить свою Силезию» (Кони. С. 412). Австрийцы воспользовались случаем, чтобы объявить о том, что, «когда они займут Силезию и Бранденбург, жителям этих областей будет оставлена только земля и воздух для дыхания».

Франция потеряла почти целую армию в Германии (при Миндене); 20 ноября английский адмирал Хоук истребил весь ее флот почти в виду французских берегов; а лорд Клайв овладел Канадой и завоевал французские владения в обеих Индиях. Финансы страны были истощены продолжительными войнами в двух частях света и придворной роскошью. Версальский кабинет готов был согласиться на мирные предложения Англии, но не имел власти, им управляла легкомысленная маркиза Помпадур. Главной статьей предлагаемого Англией мира выступала неприкосновенность Пруссии: гордая любимица Людовика скорее согласилась бы выморить всю Францию голодом, чем оставить дерзкого противника без наказания.

Русский двор был столь же непреклонен. Напрасно не кто иной, как Салтыков в бытность свою в Петербурге, зимой 1760 года, старался охладить императрицу к войне с Пруссией, представляя ей на вид «нееднодушные, слабые действия австрийских генералов и все затруднения снабжать армию в отдаленной враждебной земле. Напрасно достигал до ее слуха повсеместный ропот о трате стольких людей в бесполезной войне за чужие интересы». Против недовольных были приняты строгие меры. Салтыков возвратился к войску с высочайшим предписанием: «Неослабно действовать в пользу общего доброго дела — уничтожения вредной власти прусского короля!»

«Итак, не было спасения! Мир требовал крови, и Фридриху осталось употреблять все способы без разбора, чтобы ограбить себя и королевство от исполненных

ополчений и противников». Кроме Саксонии, герцогство Мекленбургское и княжества Ангальтские были обложены значительными контрибуциями. Со всех сторон посыпались деньги, отовсюду являлись солдаты и со всем этим к началу кампании у Фридриха стояли под ружьем не более 90 тысяч человек (в строй поставили и почти всех военнопленных) против 250 тысяч враждебного войска.

«Притом это были не те испытанные, закаленные в неприятельском огне солдаты, с которыми Фридрих одерживал свои великие победы. Полки его состояли из неопытных юношей, не видавших крови и порохового дыма. Увлеченные обаянием славы, они горели желанием ознаменовать себя громкими подвигами и занять в истории место подле великого своего полководца. От такого направления духа в молодом войске можно было ожидать одних крайностей: или оно сделается непобедимым, или первая неудача погасит его воинский жар. Фридрих надеялся на свою счастливую звезду. И сам он был уже не тот, что прежде: четыре года забот, треволнений и немощных трудов ослабили его физические силы. Болезни и преждевременные признаки старости изменили его наружность и даже нраву придали некоторую суровость» (Кони. С. 437).

Он был утомлен войной. Вот что он писал в это время к венецианскому ученому Алыгаротти: «Если Вечный жид существовал, он верно не видел такой скитальческой жизни, как я. Мы начинаем походить на странствующих комедиантов, у которых нет ни отчизны, ни родного очага. Мы кочуем по свету и разыгрываем наши кровавые трагедии только там, где неприятель дозволяет устроить нам театр. Последняя кампания привела Саксонию на край гибели. Пока счастье позволяло мне владеть этой прекрасной страной, я берег ее, теперь везде разорение. Нравственное зло этой войны ничто перед моральным вредом, который она причинит Германии. Мы можем назваться счастливыми, если к нам, вдобавок, не придет чума. Бедные глупцы! Жизнь дана нам на один миг, и тот мы стараемся сделать как можно тягостнее. Мы гордимся, что одним ударом можем обратить в прах прекраснейшие создания труда

и времени! Развалины и нищета, вот презренные памятники наших громких подвигов!»

Очевидно, Фридрих искренне полагал, что если бы Австрия в 1756 году безропотно позволила ему аннексировать Саксонию, то сейчас все было бы в порядке, Германии не был бы нанесен «моральный вред», а сама Саксония (на которую он не имел никаких прав, даже династических) продолжала бы цвести. Фридрих искренне винил в продолжении затяжной и кровавой войны всех, кроме себя, на что, правда, у него имелись определенные основания, но «саксонский вопрос» пока не мог быть решен миром.

Тем временем союзники составили новый генеральный план кампании 1760 года. Они собрали все свои силы, чтобы начать общее наступление на Пруссию и раздавить наконец опасного врага. Расквартированная в Саксонии австрийская армия Дауна насчитывала 100 тысяч солдат; Лаудон с 50 тысячами находился в Силезии, Салтыков с такой же по численности армией — в Восточной Пруссии. Ситуация для пруссаков осложнялась тем, что если бы Фридрих двинул свои крайне ограниченные силы навстречу одному из противников, двое других уже могли бы беспрепятственно пойти на Берлин.

Весной 1760 года Фридрих снова, ценой вышеописанных невероятных усилий, довел численность своих войск до 200 тысяч человек, разбросанных между западом и востоком Германии. У его противников только в первой линии под ружьем числилось 375 тысяч. При этом прусская армия уже испытывала крайнюю нужду: не хватало продовольствия (богатейший берлинский банкир Гоцковский, взяв у короля 7 миллионов талеров на закупку провианта для войск, тянул с выполнением заказа до тех пор, пока рассвирепевший Фридрих не выбил из него, а также из негоциантов Энике и Вебелина обратный займ в 20 миллионов, не считая 15, занятых раньше) и обмундирования.

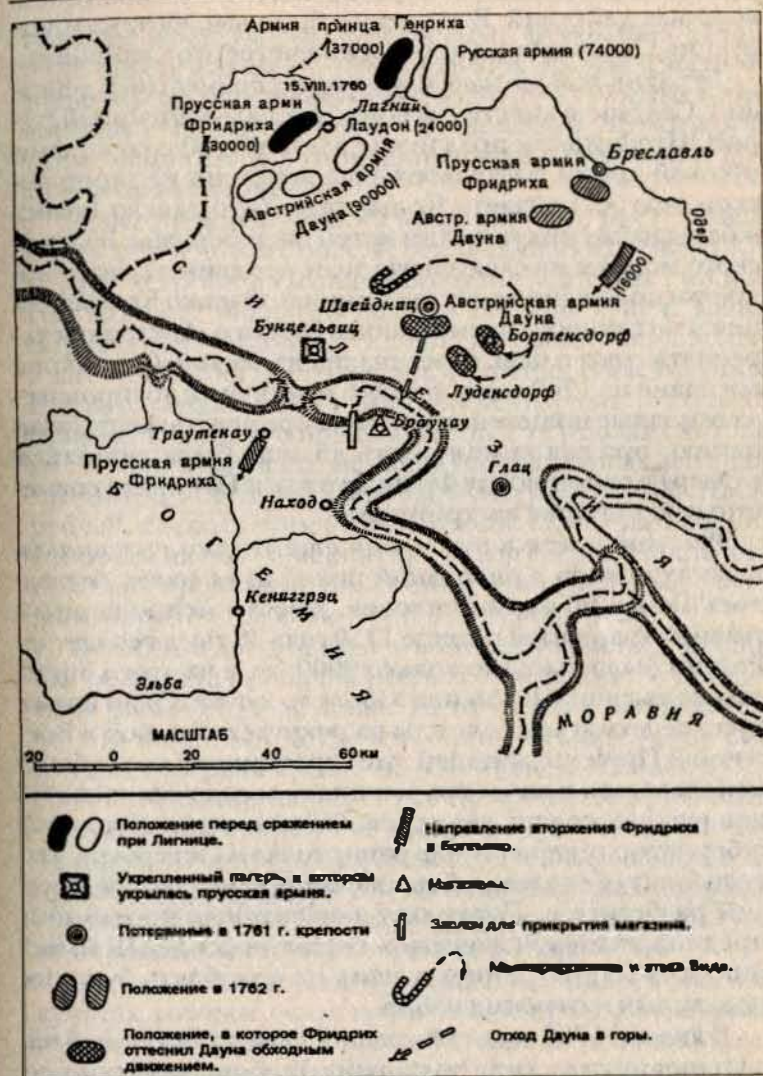
Морозной зимой 1759—1760 годов прусские солдаты вынуждены были ложиться на ночь в теплую золу костров, чтобы хоть немного согреться. Ясно, что это не улучшало ни внешнего вида, ни боевого духа армии. Седой было немного лучше: по приказу Фридриха в ар-

мию стали доставлять только-только появившийся в Европе картофель, который буквально спас ее от голода. Но картошки было еще мало — немецкие крестьяне пока неохотно сажали ее. Не хватало обозных и артиллерийских лошадей, страдавших от бескормицы, только кавалерия была укомплектована вполне сносно. В таком виде армия короля встретила весну 1760 года.

Однако на практике все обстояло не так просто. Очередная безрезультатная кампания стала порождать взаимное неудовольствие союзников, которые начали упрекать друг друга в невыполнении обязательств. Поползли слухи о возможности секретных переговоров некоторых воюющих друг с другом стран. Особенно усердствовала английская дипломатия, опиравшаяся на победы английских войск в колониях и рассчитывавшая использовать финансовые трудности во Франции, а также разногласия русских и австрийцев.

Английский посол в Петербурге Кейт стремился вбить клин между Россией и Францией, однако русское правительство в нескольких нотах подтвердило намерение России довести войну до победы над Фридрихом. Но, не отказываясь от принятых обязательств, осенью и зимой 1759 года русское правительство предприняло попытку определить, как писал в памятной записке 3 сентября 1759 года М. И. Воронцов, «свою долю достойного за толь многие убытки награждения». Канцлер считал, что после Кунерсдорфа у России есть все основания для этого: «...попеше ныне по крайней мере с вероятностью оказано, и сам король прусской удостоверен, что российская армия в поле поверхность имеет, то надеяться должно, что настало время доставить себе самим справедливость».

Военные победы и настоятельная необходимость «сократить и ослабить» прусского короля позволили русскому правительству потребовать при заключении возможного мира Восточную Пруссию, а также денежную контрибуцию в размере расходов России на войну. Австрия с виду индифферентно отнеслась к русскому требованию, но против него возражала Франция, опасавшаяся дальнейшего усиления России на Балтике и в Европе. Поэтому ни в 1760, ни в 1761 году переговоры об этом не продвинулись ни на шаг.

Кампании 1760, 1761 и 1762 годов

Разрабатывая план кампании 1760 года, Конференция считала, что, хотя для удержания Восточной Пруссии и не следовало вести наступательных операций, долг союзника Австрии требует активного участия русской армии в военных действиях на силезском театре

военных действий. В этом духе была выработана инструкция Салтыкову на проведение четвертой кампании.

Утратив всякую надежду на успех совместных действий, Салтыков вместе со своим генерал-квартирмейстером Штофельном предложил вести в 1760 году силами русской армии наступательные действия на померанском театре, овладеть Кольбергом (что давало гавань и базу снабжения морским путем на побережье Балтийского моря) и на следующую зиму продвинуть квартирное расположение в эту провинцию. Однако Конференция, считая необходимым поддерживать Австрию и укреплять союз с нею, отвергла предложение Салтыкова и в плане на 1760 год почти без изменений воспроизвела основные положения плана на предшествующую кампанию: русская армия опять должна была двигаться к Одере в район между Франкфуртом и Глогау для совместных действий с австрийцами.

Русская армия в это время еще только готовилась к выступлению в очередной поход. В ее рядах оставалось менее 60 тысяч человек. Вместо испрошенных главной квартирой в конце 1759 года 30 тысяч солдат из России было выслано только 6000, да и из этого числа свыше тысячи умерло или заболело в пути. Одно время русские возлагали надежды на рекрутский набор в Восточной Пруссии: жителей этой провинции можно было использовать в качестве денщиков и ездовых, освободив русских солдат для строя. Однако кенигсбергский губернатор генерал Корф рапортовал в Петербург, что если будет объявлен набор, население Восточной Пруссии разбежится. Поскольку завоеванные провинции предполагалось включить в состав Российской империи, канцлер Воронцов решил не озлоблять будущих подданных и отменил набор.

В январе 1760 года сменивший Бороздина новый начальник артиллерии полковник Глебов совместно со специально командированным из столицы полковником Тютчевым принялись за реорганизацию своих сил. Артиллерию разделили на полевую и бомбардирскую, подчинив ее Тютчеву, состоявшему под непосредственным командованием Салтыкова. В бригадах и корпусах выделялась особая резервная артиллерия. Крупнокали-

берным орудиям предписывалось открывать огонь с 750 сажень, малым — с 400. Первые залпы надлежало направлять против вражеских батарей, на ближних дистанциях стрелять по пехоте и кавалерии. Артиллерийским офицерам было приказано поддерживать друг друга и координировать огонь.

Если с пушками дело обстояло хорошо, то с провиантом — не очень блестяще. Генерал-провиантмейстер Суворов* устроил в Познани большие магазины, но другие тыловые магазины создать так и не сумел. Транспортировать провиант из России было очень долго, а заготавливать на месте трудно: политика «умасливания» будущих подданных из Восточной Пруссии и поляков привела к тому, что продовольствие те продавали только за наличные, даже не глядя на предлагавшиеся квитанции. В короткий срок было истрачено 400 тысяч рублей, а новых сумм не присылали. После назначения Суворова на пост губернатора Кенигсберга и восточно-пруссских провинций его сменил генерал Маслов, который, впрочем, тоже не преуспел в своем деле.

Ослабла и дисциплина: в войсках появились женщины, обозы стали переполняться «трофеями» и предметами роскоши. Дело дошло до того, что командующего легкой конницей Тотлебена пришлось временно сменить на генерала Еропкина (сменивший больного Салтыкова Фермор забыл о своей прежней протекции к Тотлебену и открыто не доверял ему) — тотлебенские офицеры неоднократно были замечены в визитах в неприятельский лагерь и совместных попойках с прусскими кавалеристами. Однако Тотлебен нажал на свои связи в столице, и его восстановили в должности.

Весна застала войска Фридриха уже на всех опасных пунктах, готовые остановить каждое предприятие союзных врагов. Принц Генрих (34 тысячи человек) находился в Силезии и ждал на Одере русских; генерал Фуке прикрывал силезские границы со стороны Богемии; в Померании отдельный 15-тысячный корпус был вы-

* Суворов Василий Иванович (1705—1775) — генерал-поручик, главный полевой интендант, член Военной коллегии, сенатор. В 1760—1762 годах губернатор Восточной Пруссии. Отец будущего генералиссимуса А. В. Суворова.

ставлен против шведов; а сам король стоял против армии Дауна в Саксонии, между тем, как Фердинанд Брауншвейгский (70 тысяч) на юго-западе Германии действовал против французов и их мелких союзников (до 125 тысяч человек), целью которых был Ганновер.

Но военные действия начались не скоро. Союзники не могли согласиться с планом предстоящей кампании. Каждая сторона искала своих выгод — и это было началом раздоров. Салтыков хотел начать дело с покорения Данцига, Кольберга и потом, при помощи русского флота, овладеть берегами Померании: приобретение это могло быть важно для России в торговом и военном отношениях. Август убедительно просил прежде всего освободить его курфюршество; а Мария Терезия требовала, чтобы Салтыков вместе с Лаудоном обратился на Силезию, в то время как Даун будет удерживать Фридриха в Саксонии. Французам хотелось, чтобы Салтыков овладел Штеттином.

После долгих переписок и совещаний петербургский кабинет согласился утвердить план австрийской императрицы-королевы. Салтыков получил повеление двинуться со всей армией в Силезию и осадить Бреслау. Все его изложенные выше представления о выгодах приобретения Кольберга и Данцига и, напротив, о затруднениях осады Бреслау по неудобству подвоза военных и продовольственных запасов не были приняты к сведению. Это его огорчило. Неохотно стал он содействовать планам австрийского фельдмаршала. Как пишет Керсновский, «доморощенные австрийцы на своей Конференции... снова посылали русскую армию на побегушки к австрийцам в Силезию — победителей при Кунерсдорфе равняли на побежденных при Лейтене!».

Странно, что соединение двух армий (на чем страстно настаивает сам Керсновский страницей раньше применительно к 1759 году), расценивается как «побегушки у австрийцев». Потом — победителей при Кунерсдорфе равняли отнюдь не на побежденных при Лейтене, а тоже на победителей — при Колине, Хохкирхе и Максене. Наконец, сам факт передачи общего руководства операциями Дауну не является чем-то странным или излишним — на 60 тысяч русских на юго-востоке Германии приходилось до 150 тысяч австрийцев. Зато бесспор-

ной ошибкой Конференции стало предписание Салтыкову «сделать попытку» овладения Кольбергом, т. е. отправить часть своих войск далеко на север, в направлении, противоположном движению главных сил. В конце июня русская армия с запасом продовольствия на два месяца вышла из Познани и медленно двинулась к Бреслау, куда по расчетам должен был выйти и корпус Лаудона. Вновь надо было маневрировать, пытаться соединиться с армией Дауна (осенью это можно было сделать без труда, оставшись на зимовку в Силезии и с весны наконец-то действовать соединенными силами, не рискуя быть разбитыми по частям).

Итак, пролог к войне открылся в Силезии. В марте Лаудон проник в Верхнюю Силезию. Она была защищена полком фон Мантейфеля (из корпуса принца Генриха) под командой генерала фон дер Гольца, который решил отступить к Нейсе. На пути Лаудон окружил его со всех сторон и отправил трубача с требованием, чтобы пруссаки сдались в плен, а в случае отказа грозил всех до одного положить на месте. Гольц провел трубача перед своим фронтом и объявил солдатам предложение неприятеля. Взрыв негодования был ответом.

Тогда австрийцы всей своей силой ринулись на пруссаков, но мантейфельцы дрались, как львы, отбили врага, заняли крепкую позицию и отбили у австрийцев охоту атаковать вторично. Лаудон потерял до 400 человек, тогда как у Гольца пало 140.

Более серьезные действия начались летом, в июне. Лаудон с 50 тысячами войска вошел в графство Гляцкое, а оттуда — в Силезию. Генерал Фуке занимал пограничный пост при Ландсхуте. Корпус его состоял из 14 тысяч человек. С такими силами нельзя было удержаться в горах. Он отступил к Швейдницу в намерении встретить неприятеля в открытом поле. Лаудон только того и ждал. Он тотчас же осадил крепость Гляц, чтобы в ней основать себе опорный пункт для дальнейших предприятий в Силезии. Фридрих был очень недоволен распоряжением Фуке. «Добудьте мне горы во что бы то ни стало!» — писал он ему, и послушный Фуке поспешил занять свою прежнюю позицию. Он понимал всю опасность этого поста, но решил защищать его до последней капли крови.

Цель короля была идти на помощь к Фуке, но прежде он хотел выманить Дауна в Силезию и, пользуясь его отсутствием, овладеть Дрезденом. Так прошло несколько дней. Вдруг, 25 июня, в австрийском лагере раздались победные выстрелы. Король к величайшему прискорбию узнал, что Фуке разбит Лаудоном наголову. Прусский военачальник сдержал свое обещание. 23 июня он попал под сильнейший удар Лаудона. Пруссаки дрались отчаянно, но превосходство сил одержало верх. Почти весь корпус был разбит неприятелем. Сам Фуке, покрытый ранами, наконец упал с лошади. Австрийские драгуны занесли уже над ним палаши, но верный его денщик кинулся на своего господина и закричал: «Что вы, разбойники! Это наш генерал!» Прикрыв его своим телом, он принял предназначенные Фуке смертоносные удары. В эту минуту подскочил австрийский полковник Войт и остановил разъяренных драгун. Фуке был взят в плен.

Когда Фридриху донесли обо всех подробностях, он восликинул: «Фуке истинный герой! Плен его делает честь прусскому оружию!»

При изложении этих событий должен сказать, что взятый в плен Фуке содержался в чрезвычайно плохих условиях в одной из австрийских крепостей в Хорватии до самого конца войны. Король изредка направлял ему денежные суммы. По окончании Семилетней войны вернувшегося из плена генерала пригласили в Потсдам. Ввиду пожилого возраста, последствий серьезных ранений и плохо перенесенного заключения, Фуке вышел в отставку и стал настоятелем Бранденбургской соборной церкви, каковой пост и занимал до своей смерти в 1774 году.

Лаудон, разбив Фуке, овладел беззащитным Ландсхуттом. Здесь он опозорил свое имя, позволив войску, в виде награды, разграбить город, издавна славившийся промышленностью и торговлей. Жителей перерезали, дома сожгли. Не было пощады ни старикам, ни женщинам, ни детям. Лаудон сам ужаснулся жестокости своих солдат, но остановить их был не в силах. При известии о поражении Фуке, Фридрих поднялся со всей своей армией и пошел в Силезию с целью тревожить по очереди соединения Лаудона и Дауна. Последний поспешил

Пленение генерала Фуке у Швейдница. 1760 год

опередить его несколькими маршами, чтобы соединиться с Лаудоном, преградить пруссакам дорогу. Но когда Даун ушел вперед довольно далеко, Фридрих вдруг повернул войско и поспешил назад к Дрездену.

При его приближении австрийский корпус генерал-фельдцейхмейстера Ласси* поспешно переправился через Эльбу и вместе с имперской армией, которая празднично стояла на левом берегу, отступил к Пирие. Фридрих обложил Дрезден и послал в Магдебург за осадной артиллерией.

14 июля начали обстреливать, а вскоре затем и бомбардировать город. Король надеялся, что опасное положение семейства Августа и пожары понудят коменданта к сдаче. Но тот держался, ожидая помощи от Дауна. Последний между тем принял поворот Фридриха из Силезии за ложный маневр и не слишком торопился на по-

* Ласси Франц Маврикий — граф, сын знаменитого русско-го фельдмаршала Петра Петровича Ласси, сражавшегося со шведами и крымскими татарами. Франц Маврикий и вначале служил в русской армии и в 1744 году перешел на службу Австрии в чине генерал-майора.

мощь Дрездену, зная, что для защиты его оставлено достаточное количество войск.

Таким образом, штурм продолжался несколько дней. Прусские бомбы и каленые ядра превратили предместье и большую часть города в пепел. Жители с трудом могли тушить беспрерывные пожары. Великолепные дворцы и церкви, истинные памятники искусства, рассыпались в развалины. Знатнейшие фамилии искали спасения в погребах. Улицы были покрыты ранеными и раздавленными падением домов и колоколен. Вопли отчаяния раздавались по городу; все дороги были запружены бегущими.

Чего не успели сделать прусские ядра, то докончил гарнизон. Пользуясь смятением, австрийские солдаты, не привыкшие к субординации, пускались на грабеж; их неистовства над бедными жителями умножали общие бедствия. Напрасно дрезденцы старались скрыть свои сокровища в крепких кладовых и под землей: защитники сами отнимали у них последние достояния. Вскоре цветущий, красивейший город Германии обратился в печальный остов, напоминавший только о прежнем величии и богатстве!

Наконец Даун опомнился и явился под Дрезден. Со стороны Эльбы он организовал сообщение с городом и посылал туда целые корпуса на подкрепление. Начались вылазки и непрерывные стычки. Все предприятия Фридриха были безуспешны: он терял терпение, стал беспощаден даже к своему войску. В одной из австрийских атак пехотный полк фон Бернбурга был вытеснен из траншеи. Фридрих приписал этот случай недостатку храбрости своих солдат. Весь полк был примерно наказан: у простых солдат отняты тесаки и нашивки, офицеры лишены позументов на шляпах. Храбрый полк сделался посмешищем целой армии.

Между тем смелые вылазки австрийцев угрожали даже главной квартире короля, он принужден был переменить позицию, после чего лишился последних выгод от неприятеля. Сверх того, в армии обнаружился недостаток в продовольствии и военных припасах, а Даун, владея Эльбой, захватывал все прусские барки, шедшие с транспортами. В то же время из Силезии приходили

самые неблагоприятные вести: Лаудон овладел Глацем почти без сопротивления. Все это побудило короля оставить осаду Дрездена и поспешить на выручку в Силезию.

Дешево добыча Глаца подвигла Лаудона на дальнейшие решительные действия. Он осадил Бреслау. Комендант крепости, генерал Тауэнцен, находился в затруднительном положении. Весь гарнизон его состоял из 3000 человек. Две трети из них были ненадежны. Он мог полагаться только на батальон королевской лейб-гвардии, помещенной в Бреслау после Колинского сражения. Остальные солдаты были наемники, иностранцы, недобровольные скудным жалованьем и военной строгостью прусской службы. Сверх того, в городе находилось 9000 австрийских пленников, которые при первом удобном случае могли поднять восстание. Несмотря на это, Тауэнцен принял самые деятельные меры для обороны крепости и для сохранения спокойствия в городе. Лаудон потребовал сдачи Бреслау. Комендант собрал всех офицеров и убедил их поддержать честь прусского оружия. Все покаялись умереть на укреплениях, но не сдаваться.

Началось бомбардирование. Целый квартал и королевский дворец сделались добычей пламени. Лаудон вторично предложил капитуляцию и грозил в противном случае «не пощадить даже младенца в утробе матери». «Мы, слава Богу, не беременны!» — отвечал комендант. К тому времени пруссаки тоже пристрелялись: ядра падали на кровлю главной квартиры австрийского генерала. Через несколько дней принц Генрих, наблюдавший за русскими, пришел на помощь Бреслау. Лаудон снял осаду. Принц занял его позицию.

Тем временем русские войска, сосредоточенные в Познани, тотчас по возвращении Салтыкова из Петербурга выступили в поход. В Камене и Сараде были устроены обширные магазины. По дороге взяты города Кеслин, Грейфенберг, Ригенвольде с добычей артиллерии и запасов. Малая война с отдельными прусскими отрядами велась во время всего похода. Князь Волконский, Румянцев, графы Брюс, Тотлебен, Чернышев и Фермор стали героями этих экспедиций. В июне рус-

ская 60-тысячная армия приблизилась к Силезии, где по предварительному соглашению должна была под Бреслау соединиться с Лаудоном. Передовые ее отряды уже достигали Одера.

Критическая минута для Фридриха наступила. Соединение русских с австрийцами и могло нанести ему решительный удар. Медлить было невозможно. Ночью 30 июля он снял осаду Дрездена и пошел в Силезию. Даун опередил его, а Ласси следовал за ним, как тень. Одного Фридрих гнал перед собой, от другого сам отбивался. Так шел он вперед без остановки. Враги окружали его, тревожили, но не отваживались на битву. У Лигница король остановился: здесь была точка соединения всех его неприятелей.

Русские, между тем, приближались к Бреслау. Можно себе представить удивление Салтыкова, когда он вместо австрийцев встретил у стен города прусское войско. Все действия Дауна не были согласованы с предварительными условиями русского фельдмаршала. Салтыков остановился за Одером. Негодование его еще больше увеличилось, когда он узнал, что австрийцы позволили Фридриху беспрепятственно переправиться через Эльбу, Шпрее, Бобер и дойти до Лигница. «Еще несколько контрмаршей, — говорил Салтыков, — и король прусский будет за Одером. Тогда нам придется расплачиваться за промахи австрийских генералов. Но я этого не допущу. Если корпус Лаудона не пристанет к нам и не прикроет Одера, я тотчас же отступлю в Польшу».

Эта угроза сильно подействовала на Дауна. Он решил немедленно дать Фридриху битву, вступил поэтому в переговоры с Салтыковым и выпросил авангардный русский корпус графа Чернышева для подкрепления Лаудона. План Дауна был атаковать пруссаков при Лигнице, где король занимал самую невыгодную позицию. Ласси угрожал ему с тыла, Даун с правого крыла и с фронта, а Лаудон и Чернышев с левого фланга. Между этими опасностями Фридрих извивался со своим войском, как змея; каждую ночь переменял он позицию и сбивал неприятелей с толку.

14 августа австрийцы тщательно исследовали лагерь Фридриха. Он был со всех сторон открыт для приступа.

«Мешок готов! — восклицали они. — Стоит только посадить в него пруссаков и стянуть концы!» Такую уверенность Дауну придавало подавляющее превосходство в силах — 60 тысяч человек в его армии, а также у Ласси и Лаудона против 36 тысяч пруссаков. Кроме того, на помощь австрийцам шел 30-тысячный русский корпус графа Чернышева, который находился менее чем в дневном переходе от места событий. Король узнал об этом от перебежчика. «Австрийцы рассчитали недурно! — сказал он своим генералам за ужином. — Но я прорву им такую дыру в мешке, что не скоро починят!»

Приказав крестьянам поддерживать огонь в кострах лагеря, он ночью тихо снялся с позиций, провел свое войско на Фафендорфские высоты и разместил его там в боевом порядке. Эта позиция у городка Пархвиц по плану Дауна предназначалась для корпуса Лаудона — австрийцы и предположить не могли, что противник, закрепившийся у Лигница, начнет активные действия и опередит их.

Ночь на 15 августа была тихая и чудесная. Солдаты с ружьями в руках расположились на траве. Сам король прилег на плаще своем перед огнем и скоро заснул. Цитен, сидя у ног его на барабане, наблюдал за тишиной. Вдруг во весь опор прискакал майор Хунд и с криком «Неприятель! Неприятель!» разбудил короля.

Фридрих быстро вскочил на лошадь и велел ударить тревогу. Приняв команду над левым крылом, на которое шел неприятель, он отправил на правое Цитена. Лаудон командовал австрийцами. Не зная о перемене позиции пруссаков, он хотел овладеть их обозом. Чтобы нападение было неожиданнее и вернее, он пустился на лагерь Фридриха без авангарда, но сам попал в свою ловушку: перед ним стояла вся прусская армия в правильных линиях. Пораженный Лаудон увидел, что вывел свой корпус к самому центру расположения пруссаков — идеально для нанесения ими удара. Идти назад было невозможно. Он стал развертывать свое войско, но везде встречал препятствия от невыгодного местоположения.

Гром орудий на рассвете открыл битву. Австрийская кавалерия ударила на пруссаков, но была отражена. Тогда пехота обеих войск пошла навстречу друг другу. Прус-

саки выдержали мелкий огонь, австрийцы пошатнулись. В эту минуту прусская кавалерия ворвалась в ее ряды и взяла множество пленных, но эти первые успехи ни к чему не привели. У Лаудона было 35 тысяч человек, тогда как левое прусское крыло состояло только из 14 тысяч. Австрийцы возобновляли свои нападения свежими силами, но пруссаки мужественно выдерживали атаки, несмотря на то что ряды их, видимо, начали редеть.

Лаудон испытал последнее средство: еще раз он лично повел свою тяжелую кавалерию на прусскую пехоту. Кирасиры ворвались в ряды и расстроили было несколько полков, но тут горемычный полк фон Бернбурга, горя желанием снова заслужить милость короля, выступил из второй линии и пошел на австрийцев в штыки. Пруссаки дрались с отчаянием: австрийские всадники, как снопы, валялись с лошадей своих. Наконец их стеснили так, что они не могли даже обороняться и бросились бежать. Храбрый полк преследовал их с неистовством. В своем бегстве австрийская кавалерия потоптала свою пехоту и увлекла ее за собой.

Победа была одержана. Солнце только что выплыло из-за гор. В ближней деревне пробило шесть часов. Теперь Фридрих поскакал на свое правое крыло, где тоже завязывалось сражение. По плану Дауна корпус Лаудона должен был атаковать прусский лагерь с тыла, а он сам хотел напасть на его правый фланг. Прибыв на место, Даун нашел, что прусский лагерь оставлен, и пришел в ярость, полагая, что пруссаки вновь ускользнули, как под Дрезденом. «Неприятель бежал, — сказал он, — надо его преследовать!»

Чтобы настигнуть прусскую армию, ему следовало переправиться через так называемую Черную речку, болотистый, широкий ручей, впадающий близ Лигница в Кацбах. Цитен это предвидел и принял свои меры. По его приказанию все мосты были разрушены и оставлен только один. Против этого моста он выставил на возвышении две батареи, скрытые кустарниками. Когда одна треть австрийской армии переправилась и стала строиться, он открыл по ней такой страшный перекрестный огонь, что испуганная пехота бросилась бежать. Прусская конница погналась за ней, затоптала

большую часть в тину Черной речки, а остальных захватила в плен. Даун отрядил несколько новых батальонов под прикрытием сильной артиллерии. Прусские батареи начали целить в пушки, сбили их с лафетов и скоро заставили замолчать. Тогда австрийская пехота кинулась на эти страшные батареи, но цитенские гусары рассеяли и истребили смельчаков.

Даун не знал, что делать. О Лаудоне он не имел никаких известий. Ветер относил шум сражения в другую сторону, только по сильному дыму на горизонте он мог заключить, что там случилось что-то важное. Вдруг в прусском стане раздались победные выстрелы и громкие крики «Виктория!». Только тогда австрийский военачальник понял, в чем дело. Поспешно отступил он назад и переправился снова через Кацбах, который на рассвете только что перешел.

Фридрих был чрезвычайно обрадован победой. После многих неудач счастье в первый раз к нему обернулось. С веселым видом проезжал он по рядам своих полков и благодарил солдат. На левом фланге был выстроен Бернбургский полк. «Спасибо, дети! — сказал король подкакав к нему. — Спасибо! Вы славно исполнили свое дело. Я возвращу вам все отнятое». Флигельман* выступил вперед и благодарил Фридриха от имени всего полка. «Мы знали, — говорил он, — что наш король строг, но справедлив, и старались загладить проступок!» — «Все забыто, дети! О старом не будет помину, — отвечал Фридрих, — но сегодняшнего дела я не забуду!» Тогда солдаты кинулись к нему, обнимали колена, целовали руки и старались оправдаться, говоря, что причиной отступления под Дрезденом были их начальники. Фридрих снисходительно слушал их оправдания и обещал вознаградить их временный позор будущими почестями.

Трофеи Лигницкой победы составили 23 знамени, 2 штандарта и 82 пушки. Австрийцы лишились 10 тысяч человек (4000 убитыми и ранеными, 6000 пленными), пруссаки потеряли только 3500. Победа эта ничего бы

* Флигельман — отборный солдат фланговых рядов батальона. См. в разделе «Пехота».

не значила, если бы неприятели, помня о своем преимуществе над прусской армией, приступили немедленно к решительным мерам. Но каждое поражение их чересчур озадачивало, каждая победа слишком радовала. А Фридрих, не привыкший делать дело наполовину, пользовался их медлительностью.

Здесь ясно обнаруживалась выгода личного предводительствования самого монарха (Фридрих в своих сочинениях почитал его необходимым). Неприятельские вожди воевали за чужие интересы, а он за свои собственные. Одержав Лигницкую победу, он не почил на лаврах, по примеру своих противников, но торопился воспользоваться ее выгодами. В тот же день, не давая войску отдыха, он прошел с ним три мили, а через два дня примкнул к армии принца Генриха, под Бреслау. Даун ретировался в горы, прикрывая границы Богемии, а Салтыков, потеряв охоту долее стоять в бездействии, вызвал войска свои за Одер и отступил к Гернштадту, где его армия, правда, вновь остановилась и стояла до 13 сентября.

Генералу Чернышеву, корпус которого шел на соединение с Дауном, Фридрих сумел подбросить ложное донесение, в котором сообщалось, что австрийские войска полностью разбиты. Граф Чернышев, еще не забывший, как попал в плен при Цорндорфе, проявил «осторожность» и отступил со всей скоростью, на которую был способен. За ним ушел и Салтыков. Больше русские войска, кроме рейда на Берлин, который не имел никакого существенного значения, кроме политического, в кампании 1760 года себя не проявляли, отсиживаясь за Одером. Замысел соединения двух враждебных армий не удался, перед Фридрихом остались только австрийцы. Г. Дельбрюк написал по этому поводу: «Успех, достигнутый Фридрихом под Лигницем, спас его из того крайне опасного положения, в котором он находился в данную минуту».

Союзники (как русские, так и австрийцы) в этих событиях проявили поразительное малодушие. Ничтожное поражение единственного корпуса Лаудона заставило превосходящие силы Дауна немедленно отступить. Русские же вообще поддались полной панике и решили

отсидеться где-нибудь подальше. Керсновский со сдержанным трагизмом описывает это как величайшую прозорливость русского главнокомандующего: «Австрийцы требовали перевода корпуса Чернышева на левый берег Одера (в пасть врагу), но Салтыков воспротивился этому». То есть отправка даже одного корпуса на соединение с союзниками и (не дай Бог!) возможное сражение с Фридрихом расценивается как попадание «в пасть врагу»!

Австрийцы, конечно, прохлопали марш прусского короля, но это вполне объяснимо — 280-мильный марш в Саксонию Фридрих с 36-тысячной армией проделал за 5 дней, что было непостижимо ни для Дауна с Лаудоном, ни для Салтыкова с Фермором. Опозорились слегка австрийцы и под Лигницем, после чего вполне обоснованно растерялись и утратили инициативу, но русские-то (60 тысяч человек!) ни тогда, ни позже пальцем не пошевелили, чтобы помочь им, прямо нарушив все приказы.

Вообще следует сказать, что в ходе выполнения общего плана на 1760 год возникли, как и в предыдущую кампанию, разногласия с австрийцами, на которые в этот раз наложились трения между Салтыковым и Конференцией. Действия русской армии выливались только в марши и контрмарши. Создается впечатление, что главной заботой Салтыкова было только убраться от страшных пруссаков подальше, он не предпринял никаких попыток соединиться с австрийцами при подавляющем превосходстве союзников в силах как вместе, так и по отдельности. Тревога Салтыкова за корпус Чернышева и всю свою армию заставляет думать, что противостоявших им пруссаков было тысяч 500, как минимум (на самом деле — всего чуть более 35 тысяч). Все союзные генералы расписались в полном бессилии. Хотя в июле и августе Салтыков стремился соединиться на границе Силезии с Дауном, Фридрих и его брат Генрих непрерывными маневрами не давали союзникам это сделать.

Вспомним, что все сражения с Фридрихом как русские, так и австрийцы проводили только при двух или трехкратном превосходстве в силах. Иногда они побеждали, но чаще всего пруссаки жестоко били их. Всту-

пять в бой, имея равные с Фридрихом силы или незначительное превосходство, молчаливо признавалось безумием как Салтыковым, так и Дауном. Поэтому после Лигница, располагая более чем достаточными силами для нового сражения, и не одного, они, как зайцы, разбежались в разные стороны, хотя еще накануне заранее праздновали победу.

Вообще в 1760 году Фридрих изменил свою стратегию и тактику. Причиной явилось как ослабление прусской армии (в 1760 году король мог выставить на юге и востоке против 114 тысяч Дауна и 70 тысяч Салтыкова всего лишь 67 тысяч человек), так и возросшая сила русской армии. Оценивая значение побед Салтыкова в 1759 году, русское правительство писало австрийскому: «Показан почти новый в войне пример, который, конечно, заставит короля прусского последовать другим правилам и меньше полагаться на свое счастье и ярость нападений».

Авторы ноты не ошиблись. Той же осенью 1759 года Фридрих, размышляя о судьбе Карла XII, записал, что, «конечно, бывают положения, в которых приходится давать сражение, но вступать в него надо лишь тогда, когда можешь потерять меньше, чем выиграть, когда неприятель проявляет небрежность в расположении лагеря или в организации марша, или когда решительным ударом его можно принудить согласиться на мир». Имея в виду генералов, которые прибегают к битве просто потому, что не находят другого выхода из положения, в которое они сами себя поставили, Фридрих заключает: «Далеко не ставя им это в похвалу, мы скорее усматриваем в этом признак отсутствия гениальности».

Себя же, конечно, прусский король не считал лишенным этого дара и кампанию 1760 года (как и последние три кампании войны) провел в непрерывном маневрировании, избегая сражений, за исключением Лигница. Именно в это время он сравнил сражение со «рвотным средством, к которому следует прибегать, только если все прочие лекарства не помогают».

Когда стало очевидно, что кампания опять заканчивается безрезультатно, П. С. Салтыков пал духом и заболел. Вернувшийся из плена генерал З. Г. Чернышев пи-

сал канцлеру Воронцову летом 1760 года: в армии ослабляется дисциплина и «фельдмаршал в такой гипохондрие, что часто плачет, в дела не вступает и нескрывтно говорит, что намерен просить увольнения от команды, что послабление в армии возрастает и к поправлению почти надежды нет». Чернышев если и преувеличивал, то ненамного. Документы свидетельствуют об участвовавших нарушениях дисциплины в армии (впервые после Цорндорфа), а письма Салтыкова говорят, что фельдмаршал перестал верить в успех своего дела. В июне 1760 года он писал И. И. Шувалову: «...король прусский исправляется, принц Гендрих взял такую позицию, где трудно его принудить, что нечем уступить и все около домов жмугся, а на выставку никто. Чем эта игра кончится, не знаю, а не худо бы и подумать: мы забредем далеконочко, пристанища не имеем; боже сохрани, чтоб одним нам в пляске не быть, да и с разных сторон, вот воля ваша, а мне всего тяжелее».

Меланхолические настроения главнокомандующего не понравились в столице, и после письма З. Г. Чернышева было решено сменить Салтыкова. В начале сентября последний окончательно занемог и сдал командование Фермору. Лаудон, залланировав осаду Глогау, запросил помощи у нового русского главнокомандующего. Однако Фермор счел недопустимым выйти в поход, не получив санкции Петербурга. Пока русские армия и правительство слали друг другу (за 1500 верст) разного рода послания, Лаудон, у которого лопнуло терпение, передумал и решил осадить не Глогау, а Кемпен. Об этом австрийцы немедленно известили союзников, но в это же время пришел рескрипт Конференции, разрешавший выступление на Глогау.

Несмотря на то что этот марш в связи с изменившейся обстановкой уже был лишен всякого смысла, Фермор пошел на Глогау, в то время как Лаудон ждал его у Кемпена. Подойдя к Глогау, Фермор увидел, что взять крепость без осадной артиллерии (у Лаудона она была, но не хватало пехоты для полной блокады Кемпена) невозможно, и 21 сентября увел армию к Кроссену, решив действовать по обстановке. В это же время взамен полностью дискредитировавшего себя Салтыкова главно-

мом был назначен фельдмаршал Бутурлин*, который прибыл к армии только в конце октября, когда его войска уже возвращались на зимние квартиры.

Эпопея 1760 года ясно показывает, как излишне неуживчивая, недисциплинированная по отношению к собственному правительству и неконструктивная к союзникам позиция может заслуженно скомпрометировать даже такого выдающегося военачальника, как граф Салтыков — его просто невозможно узнать по сравнению с 1759 годом. Создается впечатление, что «болезнь» фельдмаршала — просто проявление желания снять с себя ответственность и под благовидным предлогом удалиться с театра военных действий. Последним шагом Салтыкова на посту главнокомандующего стал рейд на Берлин, о чем будет рассказано чуть позже.

Летняя кампания 1760 года принесла пруссакам успех и на западе. Фердинанд Брауншвейгский, как обычно, работал надежно. Несмотря на необходимость отправить королю часть своих сил после Кунерсдорфа, прусско-англо-ганноверская армия продолжала бить превосходящие французские силы графа Клода де Сен-Жермена. Английский отряд генерал-лейтенанта сэра Джона Грэнби (Сэквилл был отозван) 31 июля взял крепость Вартбург силами одной кавалерии, захватив 1500 пленных и 10 пушек. Сам Фердинанд тем временем отбросил французов к Рейну, но закрепить успех ему не удалось: 16 октября он потерпел поражение под Клостеркампом и увел свои войска на зимние квартиры в Липпштадт и Вартбург.

* Бутурлин Александр Борисович (1694—1767) — граф, генерал-фельдмаршал (1756), сенатор, член Конференции. Окончил Морскую академию (1720). Находясь при Петре I, исполнял его секретные поручения. Участник Персидского похода Петра I (1722—1723) и русско-турецкой войны (1735—1739). С 1740 года — московский губернатор. Фаворит Елизаветы еще в бытность ее цесаревной. Главком русской армии в 1760—1761 годах. Отличался крайней нерешительностью и был отозван из армии на прежнюю должность московского генерал-губернатора.

ОКОНЧАНИЕ КАМПАНИИ 1760 ГОДА

Берлин и Торгау

Победу при Литнице Фридрих называл только улыбкой счастья. И действительно, последующая ситуация вскоре приобрела самый печальный вид. Салтыков хотел зимовать в Померании; а потому, пока военные операции происходили в Силезии, под стенами Кольберга появился русский флот адмирала Мишукова, состоявший из 27 военных кораблей, и высадил значительный отряд (дивизию генерала Олица), который тотчас же приступил к осаде города. Гарнизон Кольберга был ничтожен, но при уме и твердости своего коменданта, полковника фон дер Гейдена, он демонстрировал настоящие чудеса.

Все усилия русских с моря и с сухого пути были напрасны. Несколько недель прошли безо всякого успеха. Наконец прибыл еще маленький шведский флот на подкрепление русским. Но и это не помогло. Гейден выдерживал неприятельский огонь и отражал каждый их приступ. Вдруг, совершенно неожиданно, явился к нему на помощь генерал Вернер*, который с невероятной быстротой привел из Силезии 6000 человек, по большей части гусар. Эта горстка людей своим неожиданным падением произвела страшную суматоху в стане осаждающих. Русские, полагая, что большая прусская армия подошла к ним в тыл, поспешно сняли осаду. Одна часть бросилась на корабли, которые тотчас же оставили померанские берега, другую преследовали пруссаки, и она с большими потерями отступила (Керсновский и другие отечественные источники скромно упоминают, что «осада была снята ввиду позднего времени», хотя все

* Вернер Иоганн Пауль фон (1707—1785) — прусский генерал. За поражение русских под Кольбергом получил чин генерал-лейтенанта.

это происходило в сентябре, одновременно с рейдом на Берлин).

После этой экспедиции Вернер отправился в Шведскую Померанию для действий против шведов.

Армии Дауна и Фридриха стояли между тем рядом в бездействии. Первая занимала лагерь при Дитсмандорфе, вторая близ Швейдница. Фланги их почти соприкасались; ежедневно происходили небольшие стычки, но до важного дела не доходило. Оба полководца сторожили друг друга. Фридрих был недоволен: он тратил время в утомительном бездействии, тогда как его присутствие было необходимо в других местах. Имперская армия проникла в Саксонию: Лейпциг, Торгау и Виттенберг были завоеваны без труда. Незначительный корпус генерала Гюльзена, оставленный на прикрытие Саксонии, не мог состязаться с таким значительным войском: он был вытеснен. Герцог Карл Вюртембергский (родственник служившего у Фридриха принца Евгения Вюртембергского) в то же время вошел в Магдебургскую провинцию, собирая контрибуцию и опустошая страну.

Фридрих ежедневно получал эти печальные вести и «не смел располагать своим войском, не мог подать помощи притесненным»: сам он держал в засаде Дауна, а генерал Гольц близ Глогау наблюдал за Салтыковым.

В 1760 году война незаметно вступила в новую стадию. Изменение тактики прусского короля заставляло союзников задуматься над новыми способами борьбы с ним. В записке русского правительства австрийскому посланнику Эстергази отмечалось: «Нельзя подлинно ожидать войны окончание от всех сил походов и движений, ежели король прусской не отважит и не потеряет неравную баталию, но Е.И.В. действительно и почитает, что когда король прусской ныне столь осторожен сделался, то не от баталий надлежит ожидать сей войны окончание, но только... чтоб неприятель везде притеснен и в недействие приведен был, а между тем земли его и города один за другим отбирались». Хотя и этот способ борьбы с Фридрихом тоже был не прост, план занятия Берлина русскими и австрийскими войсками следует считать реализацией подобной директивы.

Приближалась осень. Погода становилась ненастной. Обе императорские армии не успели соединиться, не совершили ничего решительного, а между тем приходилось уже думать о зимних квартирах. Даун решил воспользоваться последними выгодами, которые могло еще представить положение обеих армий. Начались переговоры с русским фельдмаршалом и, наконец, было решено отправить на Берлин по отдельному корпусу с каждой стороны. Из австрийского стана пошел граф Ласси с 14 тысячами человек, Салтыков отрядил графа Захара Григорьевича Чернышева* с 20-тысячным корпусом, которому были даны следующие инструкции: «От города требовать знатную контрибуцию... Тамошние арсеналы, пушечный литейный завод, все магазины, оружейные и суконные фабрики вконец разорить и паче потребным для армии воспользоваться». Местному населению предписывалось «обид не чинить» и войска «до вредительного пьянства не допускать».

Чернышев быстро двинулся на Берлин. Граф Тотлебен командовал кавалерийским авангардом — два конно-гренадерских полка, три гусарских и три казачьих, не считая приданной пехоты (всего 8500 человек, из которых 1800 гренадеров и 3600 регулярных кавалеристов при 15 орудиях, прочие — казаки и калмыки).

Выступив из Бейтена и Нейштеделя (в Силезии) 26 сентября, он в шесть дней (пехоту посадили на повозки) совершил 190-мильный поход через Зорау, Губен, Бесков, Вустерхаузен и 3 октября явился перед столицей Пруссии. Остальная часть корпуса Чернышева (12 тысяч) — семь пехотных полков — следовала за ним. До Губена корпус шел отдельной дорогой, а затем двинулся непосредственно за Тотлебенем, чтобы в случае нужды прикрыть его. В то же время отдельный отряд под начальством генерал-поручика Панина шел на соедине-

* Чернышев Захар Григорьевич (1722—1784) — граф, русский генерал-фельдмаршал (1763). В 1756 году генерал-майор, с 1757-го — генерал-поручик. Взят в плен в сражении при Цорндорфе, в 1759 году обменян у пруссаков. В следующем году получил чин генерал-аншефа. С 1763 года вице-президент Военной коллегии, разработчик нового Устава русской армии.

ние с ними через Франкфурт. По соглашению с Веной на соединение с корпусом Чернышева двинулся австрийский отряд генерала Ласси. Наконец, главные силы русской армии шли к Губену, чтобы предупредить возможное появление Фридриха II.

Тотлебен немедленно развернул активные действия. Например, гусарский полковник Цветинович с четырьмя эскадронами атаковал численно превосходящий его отряд пруссаков и взял 30 пленных. Сербский гусарский полк подполковника Текели (Текелия) совместно с казаками пленил почти 1000 солдат противника. 29 сентября Тотлебен вошел в Губен, 30 сентября — в Бесков, где остановился на дневку. Днем 2 октября конный авангард достиг Вустерхаузена, а к ночи туда приехала и пехота, посаженная на повозки. В этот же день Чернышев подошел к Фюрстенвальде, а главные силы русской армии приблизились к Губену. Утром 3 октября первые гусарские эскадроны и казаки сотни подошли к Берлину. Переправа через Шпрее у Кепеника была занята пруссаками, но после короткой схватки гусары овладели ею.

Берлин был окружен обширными предместьями, три из которых находились на правом берегу, а четыре (в том числе замок Кепеник) — на левом. На правом берегу город прикрывали палисады, на левом — невысокая каменная ограда. Проникнуть в предместья можно было через десять ворот: Котбусские, Галльские, Бранденбургские и Потсдамские на левом берегу Шпрее, Гамбургские, Розентамские, Шенхаузенские, Ландсбергские, Франкфуртские и Восточные — на правом. Весь гарнизон Берлина состоял из 1500 человек — три батальона пехоты и четыре эскадрона. Королевская фамилия давно уже переехала в Магдебург; но в столице находилось много пленных и прусских генералов, которые лечились от своих ран. Командант генерал Рохов хотел сдать город, желая спасти его от бомбардирования, но другие генералы на это не соглашались. В особенности Зейдлиц, Кноблаух и старик Левальд (уволенный к тому времени в отставку) настаивали, чтобы город защищался до последнего. Генералы явились к Рохову

и потребовали организовать оборону, причем Зейдлиц гарантировал ему скорый подход подкреплений.

Перед воротами были наскоро сделаны земляные валы, за ними построили деревянные помосты, с которых можно было действовать стрелковым оружием. В стенах домов пробивали бойницы. Ночью работа продолжалась при свете факелов. Вся тяжелая артиллерия была выдвинута из арсенала на защиту, а гонцы поскакали по всем направлениям с вестью об угрожающей опасности. В это же время из Берлина устремился поток беженцев — кто мог, покидал город и бежал.

Берлин приготовился к отчаянной обороне. Команду над редутами вне городского вала приняли на себя генералы Зейдлиц, Левальд и Кноблаух: они решили умереть геройской смертью перед воротами своей столицы.

Граф Тотлебен, тотчас по прибытии, занял все дороги от Кепеника, Котбуса и Бранденбургских ворот. Между двумя последними на возвышении, главенствовавшим над городом, он поставил батарею. Поручик Чернышев был послан с требованием сдачи города. Последовал отказ. Еще 3 октября Тотлебен предполагал ударить по каким-либо воротам силами одной конницы, но затем передумал. Наконец, проведя рекогносцировку, он решил ночью атаковать Котбусские ворота.

Началось бомбардирование городских ворот и самого слабоукрепленного города. Пожары вспыхивали там и сям, но их быстро тушили. В течение пяти часов Берлин выдержал сильнейшую бомбардировку и не сдался. К этому времени гарнизон города усилился: вечером 4 октября с севера в него вошли первые 7 эскадронов из спешившего на помощь столице корпуса принца Вюртембергского.

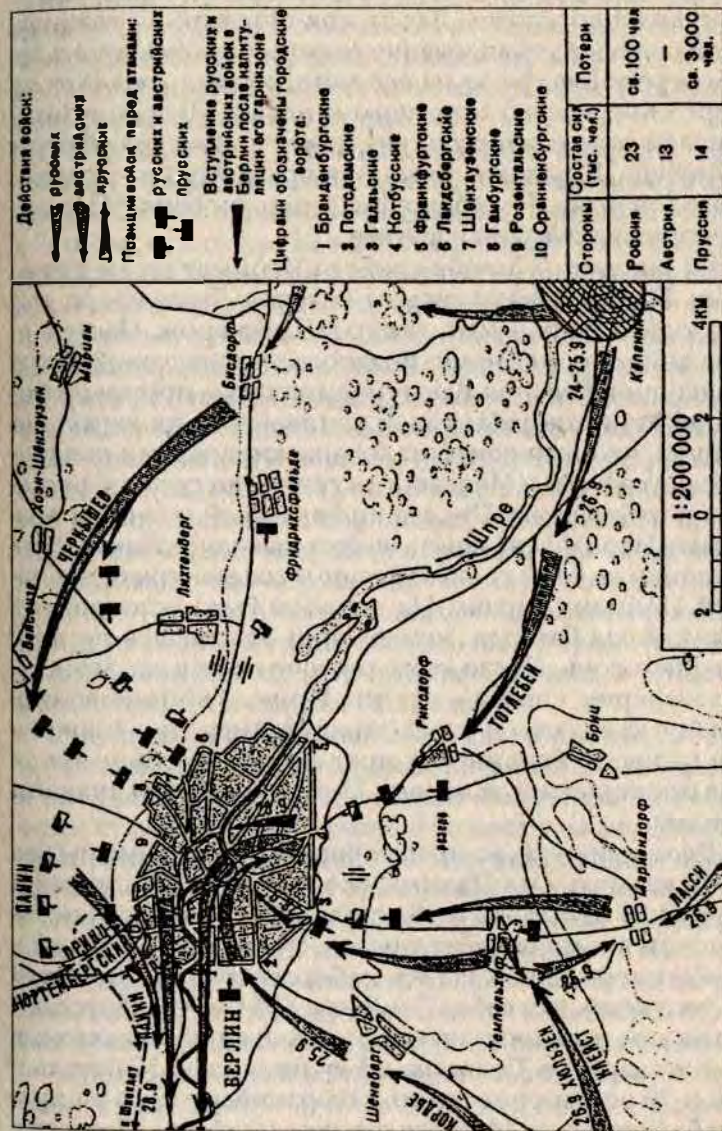
В полночь на 5 октября подполковник князь Прозоровский и майор Паткуль повели своих немногочисленных людей (по 300 гренадеров у каждого, плюс по 200 гренадеров и по 2 эскадрона кавалерии в поддержку) на штурм Галльских и Котбусских ворот. Но прусские пушки из галльских флешей действовали так сильно, что предприятие осталось без успеха (в основном из-за неудачного командования Тотлебена): пруссаки устано-

вили в домах 3-фунтовые пушки и в упор били картечью по наступающим. Ружейный огонь хлестал из каждого двора, из переулков, с крыш. Прорвавшись в город гренадеры Прозоровского, двигаясь в темноте наугад по узким средневековым улочкам, попадали в засады и несли большие потери (только отряд Прозоровского потерял 92 человека убитыми и ранеными). Паткуль же сразу отказался от штурма Котбусских ворот и без потерь вернулся в расположение русских. В конце концов Тотлебен приказал отступить.

На следующее утро пришло известие, что принц Евгений Вюртембергский идет из Темплина на помощь Берлину. Боясь попасть между двух огней, Тотлебен ретировался к Кепенику и взял этот городок с замком. Принц Евгений хотел преследовать Тотлебена, но весь корпус графа Чернышева успел уже с ним соединиться. Утром 5 октября Чернышев принял на себя общее командование. В это же время на помощь русским шла выделенная из корпуса Фермора дивизия Панина, а сам Фермор обещал в случае нужды подойти к Берлину с остальными войсками.

Между тем к Берлину шел прусский генерал Гюльзен, вытесненный из Саксонии. Авангард этого отряда под командованием полковника фон Клейста уже вышел к Потсдаму. С целью обеспечить связь с этим городом принц Вюртембергский выдвинул на высоты перед Гальскими воротами 3 батальона пехоты и 200 кавалеристов. Для прикрытия Берлина с правого берега на передовую были направлены 5 батальонов, 6 драгунских эскадронов и несколько эскадронов гусар под командованием майора Цеймера. Этим крошечным силам предстояло сдерживать натиск 20 тысяч русских. Начиналась битва за Берлин.

Чернышев решил нанести главный удар на правобережье Шпрее. Тотлебену, находившемуся на левом берегу, предписывалось вести отвлекающие действия; связь с главными силами обеспечивала пехотная бригада, находившаяся в Кепенике. Войска Тотлебена (который всеми силами стремился лично взять Берлин, приписав себе всю славу) по-прежнему находились перед Гальскими и Котбусскими воротами, на ближайших

Взятие Берлина русскими войсками 28 сентября 1760 года

к городу позициях. Вскоре к Тотлебену подошел 14-тысячный корпус Ласси и расположился перед Браденбургскими воротами. Ласси, как старший по званию, принял общее командование союзными войсками на левом берегу. Едва встав на позиции, он направил Рохову (через посредство прусского генерала Левенштейна) предложение о капитуляции, даже не известив об этом Тотлебена. Пруссаки отклонили предложение австрийского генерала. Тем временем на правом берегу Чернышев готовился к бою и штурму.

На рассвете 7 октября войска Чернышева, не дожидаясь Панина, двинулись на селение Лихтенберг, где проходила цепь высот, занятых Цеймером. Наступавшие войска немедленно подверглись фланговой атаке эскадронов Евгения Вюртембергского — пруссаки сбили пехоту и прорубились к поливавшим их картечью пушкам, но были контратакованы кирасирами полковника Гаугревена и Молдавским гусарским полком, рассеяны и отброшены. Поражение прусской конницы позволило Чернышеву занять высоты западнее Лихтенберга, прикрыв свой правый фланг и создав угрозу для частей Цеймера справа. На высотах была установлена 6-орудийная батарея, немедленно открывшая по противнику огонь. После этого русские пошли в атаку: слева кавалерия, справа — пехота. Принц Евгений не принял боя за высоты и отвел отряд Цеймера под прикрытием палисада берлинских предместий. Вечером подошел проделавший за два дня 75 верст авангарддивизии Панина.

Таким образом, на правом берегу русские имели (без учета главных сил Панина, все еще находившихся на марше) 23 батальона и 18 эскадронов — 11 тысяч пехотинцев и 4 тысячи кавалеристов. Через день ожидалось прибытие резервов. На левом берегу стоял Тотлебен (3 тысячи штыков и сабель) и Ласси (14 тысяч). Пруссаки могли противопоставить этому только 26 батальонов и 14 эскадронов Гюльзена в Берлине плюс 16 батальонов и 20 эскадронов принца Вюртембергского на правом берегу (всего 14 тысяч штыков и сабель). Пруссаки расположились перед Ландсбергскими и Кепеникскими воротами и тут решили дать последний бой. Левальд

и Зейдлиц рекомендовали предпринять главными силами атаку против Чернышева, обойти его правый фланг и принудить к отступлению. Тем временем Гюльзен мог провести демонстрацию против Тотлебена и Ласси. Все это давало пруссакам время до ожидавшегося подхода армии Фридриха.

Начало штурма Берлина было назначено на 7 утра 9 октября. Согласно плану, после пробития угренней зари все наличные силы, построенные в полудивизионные колонны с кавалерией на флангах, выступали к Берлину. Подойдя на дистанцию выстрела, они разворачивались и атаковали высоты, прилегавшие к городским предместьям, имея в первой линии гренадерские роты. Полевая артиллерия должна была обстреливать цели в городе, полковая — поддерживать огнем пехоту. Всем командирам и солдатам было приказано «сию атаку наисовершеннейшим образом произвести... удержать ту славу и честь, которую российское оружие чрез то долгое время хранило». Моральный дух в русской армии был очень высок: так, командир Кексгольмского полка докладывал, что «невозможно описать, с какою нетерпеливостью и жадностью ожидают войска сей атаки; надежда у каждого на лице обозначена». Утром граф Чернышев двинулся против принца Евгения, а Тотлебен с 3000 человек пошел на Гюльзена.

Распоряжения Чернышева были отличны: русские крылья охватывали весь город, река Шпрее находилась в их руках, и прусским войскам был оставлен только один путь к их отступлению. Несмотря на это, дело непременно дошло бы до битвы, но... вышло иначе. После сигнала к наступлению русский авангард доложил, что принц Евгений в ночь на 9 октября со всеми прусскими войсками ушел на Шарлоттенбург к крепости Шпандау. Разочарование в русских войсках было ни с чем несравнимым: по этому поводу темпераментный Панин в сердцах бросил: «Замахнулись мы, б..., а бить то некого».

Приготовления к штурму не остались для пруссаков незамеченными: в ночь на 9 октября принц Вюртембергский созвал военный совет, на котором (ввиду отсутствия помощи от Фридриха) Гюльзен и Кноблаух сразу предложили уходить из столицы, чтобы сберечь

силы. С русскими еще можно было сражаться, но подход крупного корпуса Ласси (всего у союзников, таким образом, насчитывалось 40 тысяч человек) делал оборону столицы безнадежной. Рохов поддержал их. Попытка русской кавалерии перехватить пруссаков у Шпандау к успеху не привела: пострадал только арьергард.

Молдавские гусары полковника Подгоричани и казаки Краснощекова атаковали тыловое прикрытие принца Евгения, состоявшее из пехотного полка фон Клейста, пехотного фрай-батальона (ландверного) Вюнша, трехсот егерей и шести эскадронов конницы. Прусская конница была быстро рассеяна, но пехота, встав в межозерном дефиле, отбила две кавалерийские атаки, задержав врага. Исход боя решили гусары Текели и кирасиры: полк Клейста был изрублен на месте, а Вюнш с егерями сдались в плен. В плен попало более 1000 человек, погибло 2000 пруссаков. Однако маленький арьергард сумел прикрыть отход своей армии: главные силы принца ушли на соединение с Фридрихом II.

Берлин остался без защиты; комендант просил о капитуляции. 9 октября по ст. ст. русские торжественно вступили в Берлин.

Пока Чернышев готовился к штурму, он неожиданно узнал, что Тотлебен уже находится в Берлине, самовольно приняв капитуляцию города, причем на крайне выгодных для противника условиях. Уже упоминавшийся банкир Гоцковский еще в 3 часа ночи направил генералу майора Вегера и ротмистра Вагенгейма, а жаждавший славы Тотлебен немедленно подмахнул предложенные пруссаками условия. В 4 утра капитуляция была подписана. Все оставшиеся в городе прусские солдаты и офицеры объявлялись пленными и утром должны были явиться к Котбусским воротам, чтобы сдать оружие. Находившиеся в городе русские военнопленные передавались победителям; Рохов также выдавал оружие и амуницию из городских арсеналов. Со своей стороны, Тотлебен гарантировал неприкосновенность имущества граждан. Для выработки условий охраны населения утром к нему должен был явиться Гоцковский.

В 5 утра Санкт-Петербургский и Рязанский конно-гренадерские полки заняли караулами все ворота на ле-

Прусские ландверманы

вом берегу Штрее. Бригадир Бахман, назначенный на должность городского коменданта, с 200 гренадерами встал лагерем на площади у королевского замка. Однако условия капитуляции оказались более чем мягкими. В частности, пруссаки добились согласия не уничтожать находившийся в городе арсенал, монетный двор и главный провиантный склад, что противоречило прямому приказу Конференции (литейные и пушечные заводы близ Берлина и Шпандау, а также оружейные заводы сожгли). Это вызвало открытый ропот в войсках, однако Тотлебен объяснил, что указанные объекты не подверглись разрушению, так как доходы с них шли не прусскому королю, а различным благотворительным учреждениям, в частности, Потсдамскому сиротскому приюту. Поэтому все осталось неприкосновенным. К тому же австрийцы прислали в штаб Чернышева (он был извещен о капитуляции города только в 6 утра) протест, потребовав занятия двух ворот (Галльских и Бранденбургских) и немедленной выплаты части контрибуции. Русскому командиру пришлось выдать союзникам 50 тысяч талеров и уступить им двое ворот.

Тем временем все распоряжения в городе были поручены графу Тотлебену. Немецкие историки единогласно признают, что никогда еще «счастливый завоеватель не поступал так великодушно и умеренно со столицей своего врага, как граф Чернышев и Тотлебен поступили с Берлином. Строжайший порядок господствовал в рус-

ском войске; за все его потребности платили щедро: солдаты вели себя не только скромно, но даже дружелюбно в отношении к пруссакам. Одни австрийцы, которым по настоящему требованию Ласси Чернышев принужден был отдать три берлинских предместья, производили по ночам грабежи, вламывались в дома, терзали, мучили, даже убивали жителей. Тотлебен вытребовал 2 миллиона талеров контрибуции. Третья часть была выплачена наличными деньгами, на остальное прусское купечество выставило векселя, за поручительством богатого банкира Гоцковского, который, как истинный патриот, жертвовал всем состоянием для спасения родного города. Пример его возбудил соревнование остальных граждан. Он вел все переговоры с Тотлебеном».

Были разрушены все пороховые мельницы, литейные заводы и фабрики, работавшие на прусскую армию. Берлинский пушечный литейный двор так разорили, что Тотлебен в своем рапорте указывал: «В два года ни одной пушки в Берлине лить невозможно будет». Из арсеналов выбрали все неуничтоженное оружие, провиант и фураж. Были также сожжены огромные (на всю прусскую армию) годовые запасы амуниции и мундиров. Словом, уничтожено все, что требовалось Фридриху для продолжения войны. Уцелел лишь ружейный завод в Потсдаме, где стоял австрийский генерал Эстергази, строго наблюдавший за неприкосновенностью королевской собственности как в Потсдаме, так и в Сан-Суси.

Зато дворцы Шенхаузенский и Шарлоттенбургский были начисто разграблены саксонцами и пандурами — союзники мстили пруссакам за Силезию и Саксонию. В неистовстве солдаты не щадили ничего: срывали драгоценные обои, рубили картины, били фарфор и зеркала, обезображивали статуи. Даже святыня храма не спаслась от их поругания: в придворной церкви они изломали в куски дорогой орган и расхитили золотую утварь. Та же участь постигла и редкий кабинет антиков, купленный Фридрихом по смерти кардинала Полиньяка. Русским даже пришлось открыть огонь по союзникам, чтобы восстановить порядок. Австрийцы, хотя

Ласси и получил свою часть контрибуции, оказались весьма недовольны таким исходом операции.

Русские же воспользовались множеством трофейного оружия, которое было вывезено для нужд армии, а кирасиры и драгуны получили прусские сапоги, лосиные штаны, другую дорогостоящую амуницию, а также множество отличных строевых лошадей из берлинских конюшен.

Императрица России сочла результаты рейда на Берлин вполне удовлетворительными. Именно после этой «экспедиции» в русской армии (кстати, опять же по примеру пруссаков) были впервые введены коллективные награды за боевые отличия. Войска корпуса Чернышева были пожалованы серебряными трубами «За взятие Берлина сентября 28-го 1761 г.». Их получили: в пехоте — 1-й и 4-й гренадерские, Кексгольмский, Невский, Апшеронский, Муромский, Суздальский, Киевский, Выборгский пехотные; в кавалерии — 3-й Кирасирский («бывший Минихов») и Санкт-Петербургский конногренадерский. Кроме того, эти два полка, единственные в русской армии, за участие в Семилетней войне получили серебряные литавры. Более этот знак отличия не жаловался ни одному кавалерийскому полку вплоть до революции 1917 года.

По этому поводу известен еще один забавный случай. Когда император Вильгельм II, бывший шефом Санкт-Петербургского Его императорско-королевского величества императора Германского, короля Прусского драгунского полка, командовал им на маневрах в Царском Селе в 1902 году, он якобы спросил у полкового трубача, за что драгунам пожалованы серебряные трубы. «За взятие Берлина в 1760 году, Ваше Императорское Величество!» — браво отрапортовал трубач. Должен сказать, что на самом деле вряд ли Вильгельм не знал истории своего «подшефного» полка, тем не менее нетактичность русского правительствa, сделавшего его шефом санкт-петербуржцев, просто поразительна.

Впрочем, экспедиция на Берлин, которая представляется делом блистательным в Семилетней войне, была, в сущности, не так важна сама по себе, как по своим последствиям. Если бы неприятели воспользовались

ей, как следует, она нанесла бы решительный удар Фридриху. Экспедиция эта была не что иное, как ловкий маневр, которым хотели выманить Фридриха в Бранденбург, сосредоточить здесь его войска и развязать себе руки в Силезии, Саксонии и Померании. В этом отношении она вполне удалась и притом, благодаря мудрым распоряжениям Чернышева, весьма недорого стоила России.

«Свет с трудом поверит, — пишет граф Чернышев, — что сия столь важная и для общего дела полезная экспедиция не стоит здешней армии ста человек убитыми и что раненых еще меньше. Напротиву того неоспоримо, что неприятель буде не больше, то, конечно, до осми тысяч человек убитыми, пленными и дезертирами потерял!» (Граф несколько преувеличивает — всего 612 убитых и 3900 пленный при 60 орудиях.) В числе пленных находились генерал Рохов, два полковника, два подполковника и семь майоров.

Керсновский описывает взятие Берлина кратко: «Важных результатов налет не имел». Зато он воодушевленно рассказывает о том, что казаками Краснощекова были «надлежаще перепороты прусские «газетиры», писавшие всякие пасквили и небылицы про Россию и Русскую армию» — каждому отмерили по 25 ударов. «Мероприятие это навряд ли их сделало особенными русофилами, но является одним из самых утешительных эпизодов нашей истории». Комментировать это я не буду.

Значение экспедиции на Берлин было довольно велико. Кроме большого морального ущерба противнику был нанесен крупный материальный урон: разрушение оборонных предприятий и уничтожение запасов серьезно подорвали базу обеспечения прусской армии.

Фридрих, при первом известии о занятии Берлина, усилил гарнизоны Швейдница и Бреслау и поспешил со своей армией в Губен, чтобы отрезать корпус Чернышева от главного русского войска и разбить его наголову. Но Чернышев, Тотлебен и Ласси приняли свои меры. Узнав на третий день после взятия Берлина, что король прибыл в Губен, 11 октября они с такой поспешностью очистили город и вывели свои отряды, что на

третьи сутки были уже во Франкфурте. Австрийцы, по выходе русских, наскоро ограбили город и поспешили в Саксонию. Дорогой, проходя Вильмерсдорф, имение Шверинов, они вскрыли фамильный склеп, вытащили мертвых из гробов, обобрали их и выбросили в поле. «Пример варварства, неслыханный даже между готтентотами и жителями Маркизских островов!»

Между тем в русском лагере начались детективные события: Тотлебен, почему-то считавший себя обойденным почестями в связи со взятием Берлина, написал в Петербург донос на Чернышева (обвинив его в отсутствии поддержки своих героических действий) и Ласси (якобы сговорившегося с Гюльзеном). Бумага была направлена в столицу и одновременно опубликована в кенигсбергских газетах. Оправившись от шокового эффекта этого демарша, Конференция потребовала у Тотлебена публично принести Чернышеву извинения (устно и в газетах), а также немедленного изъятия всех экземпляров его «реляции».

Тотлебен подал в отставку, но новый главнокомандующим всеми легкими войсками армии. Кажется, конфликт исчерпан, но в это время Бутурлин получил рапорт подполковника Аша, заведовавшего делопроизводством в штабе Тотлебена. Тот писал, что «генерал Тотлебен поступает не по долгу своей присяги и, как я думаю, находится в переписке с неприятелем. Почти каждый день являются в наш лагерь прусские трубачи, а иногда и офицеры. Недавно берлинский купец Гоцковский пробыл в нашем расположении почти три дня под предлогом, что привез Тотлебену повара. Вообще Тотлебен делает эту кампанию с явственной неохотой».

Следствие показало, что, действительно, Тотлебен находился в сношениях с прусским генералом Вернером и принцем Бевернским. Перехватив шифрованное

* Бутурлина назначили главнокомандующим, отклонив кандидатуры Румянцева (по молодости) и Чернышева (находившегося в конфликте со всемогущим Шуваловым). Правда, доблестный фельдмаршал даже не умел читать карты, но зато располагал огромными связями.

послание Тотлебена противнику (был задержан его курьер, некий польский шляхтич Саббатка), графа немедленно арестовала группа офицеров во главе с полковниками Зоричем, Биловым и Фуггером. Арест был санкционирован военным советом в составе Бутурлина, Фермора, Чернышева, Панина, Голицына и Волконского.

На допросах выяснилось, что Тотлебен вел переговоры с Гоцковским о покупке имения в Лупове и о крупном займе с прусских мануфактуристов; что за уменьшение берлинской контрибуции с 4 до 2 миллионов талеров он получил немалую мзду; что он неоднократно писал королю Фридриху и просил того о личной встрече (Тотлебен утверждал, что хотел заманить короля в ловушку и похитить его). Суд приговорил Тотлебена к смертной казни, но Елизавета заменила ее изгнанием из России с лишением всех чинов и орденов*.

Вообще, Фридрих придавал огромное значение шпионажу, имея своих агентов в самых высоких сферах стран-противниц. Только по России он добывал информацию от дрезденской министерской канцелярии, от австрийских офицеров, от саксонского резидента в Петербурге Функа, из штаба Фермора, от великого князя Петра Федоровича и Екатерины, от курляндского камергера Мирбаха, от русского посла в Нидерландах Головкина, от голландского министра при русском дво-

* Генерал Тотлебен вообще имел, мягко говоря, странную биографию. Родившись в Вюртемберге, он вскоре после поступления на службу к королю Августу III был уличен в лихоимстве и бежал в Нидерланды. Там он по поручению правительства набрал полк, но из такого сброда, что тот вскоре пришлось раскассировать. Тогда он уехал в Пруссию, увозя с собой из Амстердама «богатую сиротку» четырнадцати лет и с разрешения Фридриха II обвенчался с ней в Пруссии. Приданое Тотлебен вскоре прокутил, а жену довел до того, что она потребовала развода. Прусские власти вызвали его в магистрат, где Тотлебен устроил скандал и был выдворен из Пруссии снова в Нидерланды. Там-то он и подал прошение о «переводе» на русскую службу. Быстро подружившись в Петербурге с Фермором, Тотлебен был представлен императрице, каковая сразу же (непонятно, за какие заслуги) произвела его в генерал-майоры.

ре Сварта, от шведского посланника графа Горна и множества других. Слова короля, что он «всегда пускает в ход золотое оружие, прежде чем взяться за стальное», блестяще подтвердились.

* * *

Даун, которому поход Фридриха в Бранденбург очистил поле для действий, немедленно выступил в Саксонию и занял неприступный лагерь, тот самый, в котором в предшествовавшем году принц Генрих так превосходно выдержал все неприятельские атаки. Саксония была теперь в руках австрийцев и имперцев. Фридрих, узнав о ретираде русских из Берлина, повернул назад. Он должен был непременно овладеть Саксонией, иначе неприятели могли приобрести над ним решительный перевес. От успеха этого похода зависело все: если Даун его разобьет или удержит в Саксонии, тогда русские немедленно проникнут в Бранденбургские владения и там займут зимние квартиры.

Фридрих решил действовать напропалую. Как я уже говорил, Салтыков сильно занемог и получил позволение отправиться в Познань, оставив в качестве заместителя Фермора. Вместо него был послан к армии новый фельдмаршал, граф Александр Борисович Бутурлин, бывший некогда фаворитом Елизаветы и ставший фельдмаршалом, не участвуя ни в одном бою. Как полководец он во многом уступал не только Салтыкову, но и Фермору. Пока, несмотря на ненастную и холодную погоду, Бутурлин медлил с выступлением на зимние квартиры, он ждал развязки саксонских дел.

Фридрих чувствовал всю важность нового своего предприятия и, как при Лейтене, пошел ва-банк. Вот что писал он в это время маркизу д'Аржансу: «Я похож на тело, у которого каждый день отнимают по больному члену. Еще одна операция — и все кончено: или смерть, или спасение! Да поможет нам Бог, теперь его помощь необходима! Но никогда не решусь я заключить невыгодный мир. Никакие обстоятельства, никакое красноречие не принудят меня подписать собственный позор. Или я паду под развалинами отечества, или, если судьба

отнимет у меня и это утешение, я сумею сам положить предел своему несчастью».

Первые маневры Фридриха после Саксонии увенчались успехом. Виттенберг и Лейпциг опять попали в его руки. Имперская армия, не соединившись с австрийцами, отступила к Тюрингии. Остался один, но самый страшный неприятель — Даун. Фридрих созвал генералов на военный совет. Он предлагал напасть на лагерь Дауна и спрашивал их мнения. Все молчали. В таком отчаянном деле легче было повиноваться, чем советовать. «Стало быть, вы почитаете это предприятие невозможным?» — спросил король после некоторого молчания. Тогда Цитен выступил вперед с воодушевленным лицом: «Все возможно! — воскликнул он. — Хотя и кажется трудным. Испытаем и увидим!» Король пожал ему руку, и дело было решено.

Фридрих хотел атаковать австрийский стан с тыла и фронта в одно время; стеснить их фланги к центру и, пользуясь беспорядком, нанести решительный удар. Исполнение этого плана было сопряжено с большими затруднениями, но при успехе могло уничтожить всю армию Марии Терезии. Даун имел 64 тысячи войска, стоял в самой выгодной позиции: левое крыло его примыкало к Эльбе, правое защищали высоты, на которых находились сильнейшие батареи, фронт прикрывали леса и болота. Но Фридрих основывал свои планы на тесном пространстве австрийского лагеря, где, в случае нападения, нельзя было с успехом развернуть все силы.

Рано утром 3 ноября он выступил в поход четырьмя колоннами (всего 44 тысячи человек). Армия его была разделена на две части. Одну вел сам король на неприятельский фронт (Даун, пожалованный к этому времени Марией Терезией титулом герцога, разместил свои позиции на высокогорье к западу от Эльбы), другую — к деревне Сиптиц, откуда с возвышений он мог действовать в тылу врага, вел Цитен. Дорога пролегла через Торгауский лес.

По плану Фридрих, наступавший с юга, планировал охватить правый фланг австрийцев, пройти через плотный лесной массив и атаковать их резервы. Цитен же,

*Гренадер пехотного полка
принца Гольштейнского
(рядом — мушкетёрская шляпа)*

как уже говорилось, готовил атаку вражеского центра. В этом сражении Фридрих сделал важнейшее отступление от правил линейной тактики: он полностью отверг господствовавшее ранее требование непрерывности фронта. Вместе с тем Цитен не должен был вступить в битву, пока не услышит, что король завязал сражение с неприятелем.

В лесу Фридрих встретил австрийский драгунский полк, занимавший аванпост. Совершенно неожиданно драгуны очутились между двумя прусскими колоннами и после слабого сопротивления вынуждены были сдать в плен. Около полудня король обошел левый фланг дауновского лагеря и достиг опушки леса. В это время с противоположной стороны раздались пушечные выстрелы. Цитен наткнулся на неприятельское передовое

охранение и вынужден был выдвинуть против него несколько орудий. Король, полагая, что Цитен уже начал атаку, поспешил с авангардом выйти из леса, не дожидаясь остального войска, и также атаковать неприятеля.

Эта ошибка (неодновременное вступление в бой обеих частей армии усугубилось тем, что Фридриху пришлось вводить свои полки в бой прямо с марша, по частям, что противоречило всем законам тактики и здравому смыслу) едва не лишила прусского короля надежды на успех. Когда пруссаки вышли из леса, их встретил сосредоточенный огонь 200 орудий. «Пять батальонов и все канониры легли на месте, прежде чем успели сделать выстрел. Казалось, весь ад открыл свои недра, извергая тысячи смертей. Канонада была так сильна, что с первых десяти выстрелов густые тучи на небе рассеялись и день прояснился. Земля застонала и со столетних дубов посыпались вершины и сучья на прусских солдат, которые пробирались лесом».

Фридрих вынужден был сойти с коня и пешком вести солдат в атаку. Смело, бодро двигались пруссаки вперед, смыкая свои ряды, в которых ядра прорывали широкие бреши. Так вошли они на возвышения и овладели неприятельскими батареями. Несмотря на все усилия австрийской пехоты, прусские гренадеры держались крепко и страшно мстили за смерть своих товарищей. Тогда Даун послал своих кирасир в дело. Латники врубались в ряды пруссаков и погнали их назад. Между тем подоспела и прусская кавалерия. Атака возобновилась. Обе армии сблизились на дистанцию мушкетного выстрела. Начался перекрестный огонь. Фридрих ободрял своих солдат. Бой длился, обе стороны дрались с равным успехом, победа оставалась нерешенной. Под Фридрихом была убита лошадь. Когда он пересел на другую, пуля поразила его в грудь, и он упал на землю. Адьютанты подскочили к нему: он лежал без чувства, кровь струилась из раны. Его хотели уже отнести за фронт, но вдруг он пришел в себя, сам встал на ноги и потребовал лошадь. «Ничего! Ничего! Друзья мои!» — сказал он адъютантам и опять начал распоряжаться битвой. Бархатный сюртук и шуба, бывшие на нем, ослабили силу удара, и пуля только слегка оцарапала ему грудь.

Прусская коиница привела в расстройство неприятельскую пехоту, несколько полков были взяты в плен. Успех склонился на стороне Фридриха. Но тут австрийские драгуны и кирасиры кинулись с таким неистовством во фланги прусских гусар, что заставили их отступить и преследовали до самого леса. Новые попытки к атаке были безуспешны. Даун мог поздравить себя с победой. Наступила темная, осенняя ночь, и бой прекратился. Но Фридрих не хотел уступить победы. Он вывел своих людей в Плауэнскую долину и там расположил их в боевой порядок, чтобы с рассветом снова начать сражение. Сам он отправился в ближнюю деревню. Там все избы были наполнены ранеными, и он должен был разместиться в сельской церкви. На ступенях престола при слабом свете лампы писал он карандашом нужные депеши.

Фридрих многого ожидал от следующего дня. «Неприятель не может остаться в прежней позиции, — говорил он, — потому что Цитен у него в тылу. А когда он вылезет из норы своей, мы с ним справимся». Офицеры слушали его, но чувствовали, что надежды нет. Победа Дауна была очевидна, половина прусской армии лежала на поле битвы. Резервы были на исходе. Всем казалось, что приближается вторая Кунерсдорф.

«С нетерпением ожидал король первых лучей дня, ночь эта казалась ему целой вечностью. Беспрестанно высылал он адъютантов посмотреть, не рассветает ли. Но бурная ночь длилась, как нарочно. Ветер завывал в лесу и заглушал стоны раненых и умирающих. Проливной дождь как будто хотел смыть с земли кровавые пятна. Солдаты обеих армий блуждали по полям в совершенной темноте, и часто пруссаки, натываясь на свои же патрули, открывали по ним огонь. В разных местах австрийцы и пруссаки, которые не могли добраться до своих армий, располагались у одних костров, делясь по-братски, чем Бог послал: голод, холод и утомление примирили врагов. В солдатах, похожих за несколько часов перед тем на разъяренных зверей, теперь пробуждалось человеческое чувство участия и сострадания. Они ложились рядом на мокрую землю, условясь

наперед, что на утро тот из них признает себя пленным, чья сторона проиграет битву» (Кони. С. 465).

Между тем, пока это происходило в армии Фридриха, Цитен перед наступлением сумерек вступил в битву с корпусом Ласси, разбил его и вытеснил австрийцев из деревни Сигтиц. Позиции противника на высотах оказались слабо охраняемыми. Неприятель, чтобы спастись от преследования, зажег деревню. Но это обстоятельство послужило в пользу пруссаков. Зарево пожара дало Цитену средства продолжать свои действия, несмотря на наступающую темноту. По совету Меллендорфа он велел из деревни штурмовать неприятельские батареи, а сам с несколькими полками пехоты, прикрываемой конницей, ринулся на Сиптицкие высоты, овладел ими, потеснил австрийцев и захватил расположенные там артиллерийские позиции, которые немедленно обратил на врага.

Неумолкающей канонадой пруссаки привели австрийцев в совершенный беспорядок. Несколько австрийских полков, которые в темноте сбились с дороги, попали в плен. Ласси сделал последнюю попытку сбить пруссаков с позиции, но неудачно. Конница его была опрокинута и спасалась бегством. Сам Даун получил несколько ран и принужден был сдать команду генералу д'Оннелю. Новый военачальник, видя совершенное расстройство армии, спешил переправить ее через Эльбу по трем плавучим мостам, которые наскоро были наведены. Цитен сумел вырвать из рук австрийцев, казалось бы, бесспорную победу!

Едва рассвело, Фридрих выехал из деревни, чтобы обозреть свое войско и приготовить его к новой битве. Вдали показались всадники в белых плащах; они неслись во весь карьер прямо на него. Это был Цитен. Подскакав к королю, он отсалютовал саблей и рапортовал: «Имею честь донести, что приказ Вашего величества исполнен: неприятель разбит и ретировался». В один миг оба соскочили с коней. Король бросился обнимать Цитена, который, «рыдая, упал ему на грудь и не мог произнести ни слова». Потом, вырвавшись из объятий Фридриха, он обратился к своим солдатам: «Братцы! — воскликнул он. — Король наш победил, неприятель раз-

бит: да здравствует наш великий король!» — «Да здравствует король! — раздалось в рядах. — Но да здравствует и старый Цитен, наш гусарский король!» — закричали гусары.

Можно себе представить радость прусского войска при этом совершенно неожиданном известии. Победа Цитена, о которой не смели даже мечтать, и рана, полученная Фридрихом, снова воодушевили солдат. Ряд успехов последовал за Торгауским сражением, и если бы не позднее время года, король извлек бы значительные выгоды из этой кампании. В 9 часов утра, когда солнце озарило всю окрестность, пруссаки увидели себя обладателями поля сражения, покрытого десятками тысяч мертвых и умирающих, которых, однако, саксонские крестьяне и австрийские мародеры за ночь успели обобрать дочиستا. Потери с обеих сторон были такими значительными, что враждующие стороны не скоро смогли опять приступить к новым действиям.

Король лишился 13 тысяч, австрийцы — 16 670 человек убитыми и ранеными, а также 7000 пленными. Войско последних ретировалось по берегам Эльбы. Ласси пошел прямо к Дрездену, д'Оннель повел свои отряды по правому берегу. За Плауэнской долиной оба генерала соединились. Фридрих преследовал неприятеля, сделал даже попытку вытеснить его из Дрездена, но проливные дожди и холод препятствовали «правильной» осаде. Он разместил свои войска по зимним квартирам. Австрийцы сделали то же. Русские отправились зимовать вблизи своих польских магазинов, а имперцы — во Франконию.

По словам Дельбрюка, «дорого обошлась... эта победа, а достигнутый ею результат оказался весьма умеренным: австрийцы отошли лишь на расстояние трех переходов и удержали за собой Дрезден». После Торгауской битвы стало ясно, что обе стороны истощили свои силы до предела; кампания в Саксонии была прекращена на год.

В то же время генерал Гольц действовал с успехом в Силезии. Лаудон принужден был отступить к границам. В руках австрийцев осталась одна крепость Глац. Евгений Вюртембергский, после удаления русских за

Варту, ударил по шведам и прогнал их к Штральзунду. Гюльзен занял Рудный хребет и тем отрезал имперскую армию от Саксонии. «Дождавшись развязки саксонских дел», фельдмаршал Бутурлин со своими 60 тысячами, по примеру Салтыкова, убоился встречи один на один с Фридрихом, решил более не испытывать судьбу и в ноябре увел армию назад в Польшу, на зимние квартиры. В отличие от «трусливых» и «нерешительных» австрийцев, «отважная» и «несокрушимая» русская армия за всю кампанию 1760 года не дала ни одного полевого сражения, хотя взяла беззащитный Берлин и потерпела позорное поражение под стенами Кольберга.

Война с французами велась в этом году с переменным успехом. Французы имели некоторые преимущества, но не смогли ими воспользоваться из-за разногласий своих командиров. Фердинанд Брауншвейгский, ослабленный Фридрихом, которому должен был уступить значительную часть своего войска, не мог действовать решительно. Малая война продолжалась между враждующими без особенных выгод для каждой стороны, хотя в октябре Фердинанд оказался оттесненным к Брауншвейгу. Вся кампания не имела важных результатов.

Фридрих провел зиму в Лейпциге. Город этот в то время почитался центром германского просвещения и литературной деятельности. «В нем жили знаменитейшие ученые, поэты и художники: король вошел в свою сферу. Здесь он мог отдохнуть душой и освежиться в беседе о науках и поэзии с отличнейшими умами Германии. Здесь сблизился он с саксонским поэтом Готшедом и с баснописцем Геллертом. Для придворных концертов король выписал из Берлина всю свою капеллу, но сам уже редко принимался за флейту. Наконец прибыл в Лейпциг и последний задушевный друг Фридриха, маркиз д'Аржанс. Когда он вошел в кабинет короля, Фридрих сидел на полу и кормил своих любимых собак. «Как! — вскричал он. — Это ли страшный маркиз Бранденбургский, против которого воюют пять сильнейших держав Европы! Неприятели трепещут и ломают себе головы, полагая, что он в эту минуту замысливает новый план кампании, или пишет грозные статьи договора, или приискивает себе сильных союз-

ников... а он спокойно сидит в кабинете и утешается комнатными собачками!» Но Фридрих был не так спокоен, как казался. Он постоянно думал о предстоящей кампании. Каждый день набирались рекруты и в продолжение шести часов их неутомимо обучали боевым приемам и упражняли в военных эволюциях» (Кони. С. 468).

Были также сделаны попытки к мирным переговорам. Франция первая вызвалась открыть конгресс в Аугсбурге. Финансы ее были сильно расстроены войной в Вестфалии и еще более неудачной борьбой с англичанами на море. Мир был для нее необходим. Но остальные державы на это не соглашались. Расчет их был верен: с каждой кампанией силы и средства Фридриха истощались, наконец он должен будет изнемогнуть и покориться. «Чего не вынудит сила оружия, то приведут с собой обстоятельства. Но предположения человеческие хрупки: судьба прежде делает свой расчет и часто роняет семена успеха там, где человек видит одну погибель. То же сбылось и с Фридрихом. Средства его действительно были истощены. Война обнимала своим пламенем все его провинции. Жители беднели, доходы уменьшались, поля были притоптаны, целые селения истреблены, войско видимо уменьшилось. Но это самое послужило к возрождению его сил. Крестьяне оставляли плуг и вместо того, чтобы трудиться для «неверной жатвы», брались за оружие и становились под королевские знамена с твердым намерением отомстить врагам отечества.

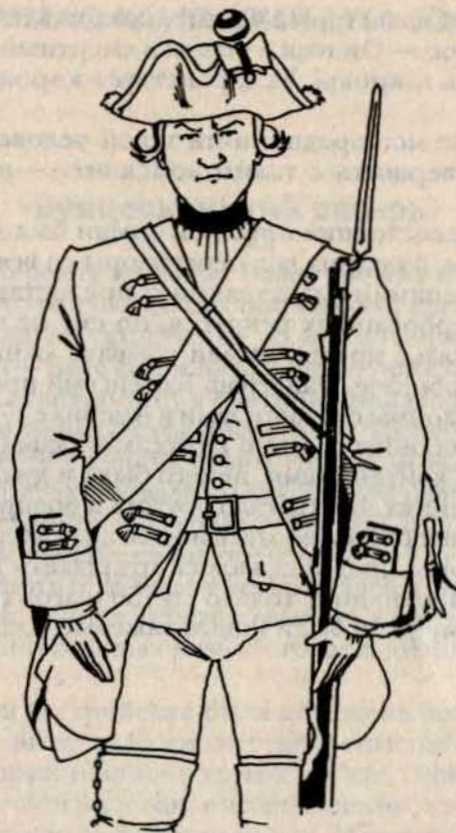
Незаметно война сама собой обращалась в народную. Вся Пруссия запыхала общим патриотическим энтузиазмом. Прежде чем Фридрих смог придумать, откуда набирать солдат, войска его так пополнились охотниками, что он в начале зимы мог уступить 20 тысяч Фердинанду. Правда, армия эта далеко не походила на войско 1756 года: ветераны сложили кости на полях своих побед, но много из этих героев уцелело в новых рядах прусской армии для поощрения и поддержки неопытного войска. Сами офицеры, ознаменовавшие себя славными подвигами, уступили место кадетам, поступавшим перед фронтом прямо со школьной лавки. Фридрих ли-

шился лучших своих полководцев. Принц Леопольд Дессауский, фельдмаршал Шверин, Кейт, герцог Франц Брауншвейгский и Винтерфельд пали с оружием в руках. Фуке и герцог Бевернский томились в плену. Левальд страдал от тяжелых ранений. Но дух Фридриха по-прежнему господствовал в войске. Судьба его была скована с армией неразрывной цепью» (Кони. С. 470).

По словам Кони, в это время «он сделался для всех предметом фанатического обожания. Анекдоты о сближении его с армией бесчисленны. Во время усиленного марша в Бранденбург войско остановилось на несколько часов у болота, через которое прокладывали наскоро плотину. Утомленные солдаты разложили костры и легли на траве. Вечер был холодный, резкий северный ветер проникал до костей. Цитен также присел к огоньку и скоро заснул. Солдаты положили ему под голову пук сена. Фридрих увидел это. Тихо подошел он к костру и, закутавшись в плащ, прислонился к дереву. При малейшем шуме он уговаривал солдат: «Тише, тише, дети! Не разбудите моего Цитена: старик устал».

Вскоре пришла солдатка и, не замечая короля, так неосторожно поставила на огонь горшок с картофелем, что искры и пепел полетели ему в лицо. Не говоря ни слова, он только прикрывшись плащом. Солдат, заметя это, закричал на бабу: «Ослепла ты, что ли? Здесь король». Солдатка испугалась, схватила свой горшок и бросилась бежать. Но Фридрих приказал ее воротить и насильно заставил доварить картофель. «Ничего, душа моя! — сказал он ей милостиво. — На походе мы все равны и кухня у нас общая». Другая солдатка во время ночлега родила мальчика. Едва оправаясь, рано утром она схватила своего ребенка и прибежала к Фридриху: «Государь! — вскричала она. — Вот вам еще солдатик! Я его сейчас родила». — «Крещен ли ребенок?» — спросил король. «Нет еще, — отвечала солдатка, — но я непременно хочу, чтобы и его тоже звали Фрицем!» — «Хорошо, — сказал Фридрих, давая ей золотую монету, — береги его, а на зимних квартирах я сам окрещу твоего Фрица».

«А где ж ты был, старый Фриц? — спросили короля гвардейцы, бывшие под командой Цитена, после Торга-

Мушкетер пехотного полка фон Кальвейна (1759 год). Мундир синий с красными фаядами и воротом. Петлицы белые, пуговицы желтые. Вокруг нарукавных петлиц — угольная красная выпушка. Жилет, панталоны, штиблеты белые. Галстук, манишка, амуниция — как в остальной пехоте. На шляпе белый галуи. Кисть — концентрические синий, белый, красный и желтый круги от низа к верху

уской победы. — Мы тебя совсем не видали. Или ты уж отказался драться вместе с нами?» — «Нет, дети! — отвечал Фридрих. — Я в это время бил неприятеля на другом крыле. Видите, он целил метко!» Тут он показал им на свою рану и на шубу, продырявленную пулями. «Да

здравствует наш старый Фриц! — закричали гренадеры в один голос. — Он наш в огне и в смертный час! За него и жизнь и кровь! Да здравствует король!» (Кони. С. 472).

«Чего не мог предпринять такой человек! Чего не мог он совершить с таким войском?» — восклицает Кони.

На деле состояние прусской армии было более чем плачевным. Фридрих вел переговоры со всеми окрестными немецкими владетелями о предоставлении ему вновь завербованных рекрутов, но ему не верили: немецкие князья предпочитали сбывать «живой товар» странам побогаче. Ландграф Гессенский продал англичанам для войны с французами в Америке 17 тысяч солдат за 3 миллиона фунтов! Пруссакам, давно расплачивающимся квитанциями, нечего было и думать о таких приобретениях. Не хватало оружия и боеприпасов: королю пришлось разработать новый артиллерийский устав, которым предписывалось открывать картечный огонь по противнику только со 150 шагов (вместо 600 ранее). А впереди были новые тяжелые бои.

НАЧАЛО КАМПАНИИ 1761 ГОДА

Бунцельвицкий лагерь

Мария Терезия не имела более средств продолжать войну, в которой она до сих пор ничего, кроме потерь, не испытала. Государство ее, за исключением некоторых частей — Богемии и Моравии, осталось неприкосновенным. Каждую зиму в Австрии производили новые наборы для укомплектования армии. Императрица-королева вместе с сыном своим Иосифом выходила на балкон и приветствовала полки, выступавшие в поход. Такой же внимательностью старалась она возбудить твердость и усердие своих полководцев. Когда Даун после поражения при Торгау возвращался в Вену, покрытый ранами, Мария Терезия выехала к нему навстречу за три мили и осыпала разбитого фельдмаршала милостями.

Но казна австрийская была истощена войной. Правительство выпускало множество ассигнаций, которые совсем не принимались в других землях. Офицерам, которые получали жалованье ассигнациями, приходилось ждать уплаты до окончания войны. Между тем конца ей не предвиделось. И поэтому большая часть офицеров поневоле вынуждена была с большой потерей разменивать свои ассигнации в частном банке, основанном мужем императрицы на собственный его капитал. Такой невинной спекуляцией император Франц наживал огромные суммы, между тем как подданные его супруги разорялись. Зато, занимаясь подрядами и денежными оборотами, он не вмешивался в дела правительственные, а Мария Терезия, которая только того и желала, не мешала его спекуляциям. Обе стороны были довольны, и дела шли своим порядком.

В это же время (еще в декабре 1761 года) тяготы войны, наконец, стал ощущать и король Франции. Людовик

обратился к своим союзникам с предложением понемногу сворачивать боевые действия и садиться за стол переговоров, мотивируя это тем, что Пруссия якобы «уже достаточно ослаблена». Однако русские и австрийцы не согласились: уж кто-кто, а они отлично знали феноменальную способность Фридриха использовать самые короткие передышки и быстро собираться с силами. Петербург решительно отверг предложение Людовика, поставив задачу вести «войну до победного конца».

Видя, что все усилия к примирению остались без успеха, и зная, что одним из самых упорных противников мира был Брюль, Фридрих захотел дать почувствовать Августу III все невзгоды войны. В отместку за расхищение в 1760 году Шарлоттенбургского дворца он приказал разграбить роскошный и самый любимый Августом увеселительный замок Губертсбург. «Голова властителей не чувствует, когда у подданных вырывают волосы, — говорил он, — надо их самих трогать за большое место!» Но король едва смог найти во всем своем войске офицера, который бы взялся за этот позорный «подвиг».

Военные действия 1761 года, которыми союзники надеялись окончательно сломить Фридриха, начались в августе. Франция выставила два войска, первое в 110 тысяч человек для завоевания Мюнстера и остальных крепостей Вестфалии, другое в 45 тысяч для овладения Ганноверскими провинциями. А. Б. Бутурлин вел (снова в Силезию) 60 тысяч русских, кроме того Румянцев с 20-тысячным корпусом, подкрепляемый русским и шведским флотами, отправился осаждать Кольберг. Лаудон прикрывал Богемию 75-тысячным войском, а Даун стоял в Саксонии с 30 тысячами солдат. Имперская армия имела не более 20 тысяч человек; но кроме того, шведское войско обладало берегами Померании и при первой опасности могло быть увеличено новыми десантами. Против всех этих сил Фридрих едва мог выставить 100 тысяч! При таком положении дел даже победа, подобная Торгауской, могла нанести ему великий вред. Он решил щадить свое войско и строго держаться оборонительной системы. Таким образом, главная 70-тысячная армия Фридриха начала непрерывное ма-

неврирование, спасая свой последний оплот в Силезии — Бреслау.

Еще на исходе зимы гусарские отряды сделали набег на кантонир-квартиры имперцев. Экспедиция была так удачна, что пруссаки привели множество пленных, сбили имперскую армию с позиции и на долгое время лишили ее возможности вступить в дело.

Но главное внимание Фридриха было обращено на Силезию, которая и в этом году была избрана неприятелями главным театром военных действий. Здесь предполагалось соединение австрийцев с русскими (Бутурлин двинул свою 50-тысячную армию в Силезию уже ставшим обычным маршрутом: от Торна на Познань и к Бреслау). Король распорядился так: в Саксонию, против Дауна и имперцев, он послал принца Генриха с 32 тысячами человек; Евгению Вюртембергскому дал 11 тысяч и поручил защищать Померанию от русских и от шведов; а сам с остальным войском пошел в Силезию. Три месяца старался он разными маршами и контрмаршами помешать соединению Лаудона с Бутурлиным, но все напрасно. Русские перешли Одер между Глогау и Бреслау, и 4 сентября обе армии соединились близ Штригау.

Тогда Фридрих с 50 тысячами человек очутился против 135 тысяч неприятельского войска. Бутурлин попытался атаковать пруссаков при Хохкирхене в ночь на 9-е, но несогласие между союзными командирами стало причиной того, что Фридрих успел отретироваться и при Бунцельвице (20 миль от Глаца, в окрестностях городка Дзауерниц) занять крепкий лагерь. Когда всего через 10 дней предводители вздумали обозреть позиции пруссаков, они нашли уже не лагерь, а крепость, которая выросла перед ними, как будто из земли.

Весь лагерь был обнесен валом, перед которым находились палисады и рвы в 16 футов шириной и 12 глубиной. Кроме того, на всех возвышенностях стояли батареи; 460 пушек в 24 батареях защищали валы, а перед фронтом были поставлены рогатки, вырыты три ряда волчьих ям и установлены фугасы, наполненные порохом, ядрами и гранатами. Окрестная местность была затоплена и защищена засеками. Вся прусская армия ра-

ботала над этими укреплениями день и ночь, и через неделю они были готовы.

Лагерь Фридриха прикрывал от русских Бреслау и препятствовал осаде Швейдница. Здесь Фридрих хотел погибнуть со всем войском геройской смертью, но решил продать кровь свою дорогой ценой. Неприятельский стан охватывал прусский лагерь широким полукругом и, постепенно сближая свои концы, отрезал у него все пути сообщения. Таким образом, план стратегического окружения главных сил пруссаков принес свои плоды: король попал в подготовленную им самим ловушку. Ежечасно Фридрих ждал нападения; все предосторожности были приняты: солдаты спали поочередно днем, а по ночам становились с ружьями на валы. Король делил с ними все тревоги и неудобства такой жизни. Часто он спал у бивуачных огней на голой земле. Однажды, после ночи с проливным дождем, которую Фридрих провел в солдатской палатке, он сказал Цитену: «Такого удобного ночлега я еще никогда не имел». — «Но в вашей палатке стояли лужи!» — «В том-то и удобство, — возразил Фридрих, — питье и купание были у меня под рукой».

Так проходили целые недели; всех волновало тревожное ожидание, но нападения не последовало. Тогда другие заботы начали мучить короля: с каждым днем иссякали припасы, лошади дохли, люди мерли, походные лазареты наполнялись больными, открылись поваральные болезни; в войске распространилось уныние, а подвоза не было. Голод и зараза действовали хуже русских штыков и австрийских пуль. С такими врагами Фридрих не привык бороться: он, видимо, совсем пал духом. Стараясь казаться веселым и ободряя солдат, сам он тосковал, проводил ночи без сна и часто изливал грусть свою в простую, бесхитростную душу Цитена. Старый гусар утешал его, как мог. «Нет, — восклицал король, — не обманывай меня, старый друг! Все пропало, надежды нет!» — «Есть! — отвечал Цитен с твердостью. «Разве ты приискал нам нового союзника?» — «Да, вон там: над звездами небесными. Он за нас, и с Его помощью мы не погибнем!»

Цитен был прав: один Бог, правящий судьбой людей, спас короля из этого тяжкого испытания. Бутурлин и Лаудон не ладили между собой. Русский фельдмаршал негодовал, что Лаудон не соединился с ним тотчас при переходе через Одер и тем подверг русский авангард нападениям пруссаков.

Граф Александр Борисович был вельможа холодный, гордый, самолюбивый. Ловкостью и происками при дворе он успел достигнуть фельдмаршальского жезла, ничем не прославя себя на ратном поле и не имея даже необходимых способностей для предводителя войска. Когда императрица поручила ему начальство над армией в Пруссии, юный великий князь Павел Петрович (будущий император Павел I), хорошо зная Бутурлина, сказал: «Этот ни войны, ни мира не сделает!»

Предсказание Павла сбылось. Бутурлин хитрил, как царедворец, он знал, что надо угодить и государыне, и наследнику. Первая ненавидела Фридриха, второй обожал его. Бутурлин строго исполнял волю императрицы до той черты, до которой простирались ее предписания; но где он должен был действовать по собственному усмотрению, там он старался угодить Петру Федоровичу. По повелению Елизаветы он соединился с австрийцами, но когда надлежало нанести решительный удар Фридриху, он вспомнил, что императрица недужна и слаба и что не нынче, так завтра вступит на престол Петр Федорович.

Потому, несмотря на все убеждения Лаудона, он не соглашался атаковать пруссаков в Бунцельвицком лагере. Лаудон хотел сберечь свои силы и охотно предоставил русским первую роль в этом трудном деле. Но Бутурлин его понял. «Австриец хитрит, — говорил он, — и ему хочется загребать жар нашими руками. Этого не будет!» Когда Лаудон настаивал, доказывая все удобства и необходимость решительной битвы, Бутурлин велел ему сказать, «что если барону угодно пуститься на это отважное дело, он даст ему подкрепление 20 тысяч русских». Лаудон пришел в ярость при этом известии до такой степени, что у него «разлилась желчь». По выздоровлении он начертал подробный план атаки и в нем указал, где и как должны действовать русские.

Бутурлин вспыхнул от гнева, так как почел неслыханной дерзостью, что субалтерн-генерал осмелился делать предписания фельдмаршалу. Под предлогом недостатка провианта и трудного подвоза 9 сентября он со всей армией бросил союзников, снялся с позицией и перешел за Одер, оставляя Лаудону только корпус графа Чернышева. Русская армия ушла на зимние квартиры, несмотря на протесты союзников и недовольство петербургского двора. В свою очередь, Лаудон не посмел оставаться один перед лагерем Фридриха и также отретировался в горы.

Прусская армия была спасена. Солдаты прыгали от радости, видя, что неприятель отступает без единого выстрела. А Фридрих обнял Цитена и сказал: «Ты прав! Союзник твой сдержал слово: он нас выручил!» Взорвав укрепления, пруссаки вырвались на оперативный простор. Комментарии излишни.

В 1762 году Бутурлина на посту главкома заменил Салтыков, но конец его карьеры оказался бесславным — Петр Семенович оставался пассивным наблюдателем боевых действий вплоть до конца войны. После Семилетней войны он стал сенатором, а в 1764—1771 годах главноначальствующим и генерал-губернатором Москвы (сменив того же Бутурлина). Проявил полную неадекватность во время эпидемии чумы в Москве в 1770—1771 годах и был уволен в отставку.

КОНЕЦ КАМПАНИИ 1761 ГОДА

Штреленский лагерь

Вслед за русскими Фридрих отрядил отдельный корпус под командой Платена фон Платенберга, поручив ему проникнуть в Польшу и разрушить там русские магазины. Платену после долгих затруднений удалось при Гостене захватить огромный русский вагенбург, прикрываемый 5000 человек, под начальством бригадира Черепова. После кровопролитного боя 2000 русских были захвачены в плен, остальные обратились в бегство. Бутурлин направил корпус для преследования Платена, однако тот успел перебраться через Варту при Ландсберге и ушел в Померанию. Это обстоятельство заставило русских отступить к Познани.

Теперь оставалось еще удалить Лаудона. Для этого Фридрих выступил из своего укрепленного лагеря и начал искусно маневрировать, делая вид, что хочет ударить на графство Глацкое, занятое австрийцами, или проникнуть в Моравию. Но Лаудон не дался в обман и удерживал свою позицию в горах. Напротив, пользуясь удалением короля от Швейдница, он в ночь на 1 октября неожиданно напал на эту крепость (штурмующие воспользовались тем, что почти все прусские офицеры были на балу у коменданта). Чернышев первый повел русских (Бугырский полк) на приступ, с двумя батальонами овладел валом, поворотил прусские пушки против крепости, ворвался в город и отворил австрийцам крепостные ворота. Гарнизон (2600 человек при 240 орудиях), арсеналы и обширные магазины Швейдница достались победителям. В ходе штурма и союзники, и пруссаки потеряли по 1400 человек.

В этом сражении австрийские солдаты снова показали себя с самой неприглядной стороны: когда русские открыли им ворота и встали «в полном порядке с ружь-

ем у ноги на валах», австрийцы немедленно предались разнузданному разгулу и грабежу. «Спартанцы и илоты!» — восклицает Керсновский, и в данном случае он совершенно прав.

Смелый удар Лаудона позволил австрийцам твердо стать в Силезии, расположиться в ней на зимних квартирах и начать следующую кампанию с большим преимуществом. За все это Лаудон был награжден опалой Марии Терезии и едва не попал под военный суд. Его обвинили в том, что он распорядился самовольно и нанес Фридриху гибельный удар; не испросив сперва разрешения венского гофкригсрата — военного совета. Этот нелепый образ ведения войны был причиной всех неудач австрийского оружия в борьбе с прусским королем.

Весть о взятии Швейдница поразила Фридриха. «Ключ к Силезии», а вместе с ним и половина этой провинции были потеряны. Ему оставалось только прикрыть столицу и остальные крепости Силезии и подкрепить принца Евгения, который с трудом боролся против русских под Кольбергом. Фридрих занял квартиру при Штрелене. Отсюда он мог удобно действовать против неприятеля при малейшем его покушении на Бреслау или на окрестности Швейдница. Войска располагались по деревням, около Штрелена.

В это время русские войска П. А. Румянцева двинулись к Кольбергу. Эта крепость на берегу Балтики была для русских настоящей костью в горле. Она находилась всего в 100 верстах от Берлина и могла стать передовой базой для снабжения находящихся в Пруссии русских войск. Две осады Кольберга (1758, 1760) с треском провалились; теперь Румянцеву предстояло довести дело до конца.

План Конференции на 1761 год отводил Кольбергу особое место. Для штурма был создан отдельный корпус — фактически целая армия. Назначенному его командиром Румянцеву предписывалось действовать совместно с флотом. Правда, план Бутурлина с самого начала (по традиции) отличался беспредельной тупостью: флот вез Румянцеву для взятия крепости треть передаваемого ему личного состава и всю осадную артиллерию, а сам Румянецв должен был обеспечить морякам

(еще до их прибытия) для облегчения разгрузки людей и пушек гавань — т. е. сам Кольберг.

Румянецв разругался с главкомом, и тот приказал ему выступать под Кольберг с половинным от запланированного состава корпуса и обещанием, что «остальное будет направлено при первой же возможности». Последняя представилась только через три месяца, а до того гарнизон Кольберга превосходил русские войска в полтора раза. Артиллерии у Румянцева поначалу не было вовсе.

Задача, стоявшая перед Румянцевым, была трудной: вокруг Кольберга — сравнительно небольшой крепости — пруссаки создали сильный укрепленный лагерь, в котором оборонялся прибывший на север из Берлина корпус полевых войск принца Вюртембергского. В июне линия обороны крепости была вынесена вперед на 1—2 мили, так что сам Кольберг стал как бы цитаделью в глубине укрепленного палисадами и окопами лагеря.

Границы этого «укрепрайона» проходили по высотам севернее и западнее деревень Буленвинкель и Некнин, упираясь левым флангом в море, а правым — в реку Персанта. На высотах были открыты укрепления полного профиля и установлена артиллерия. Промежутки между укреплениями представляли собой болотистые низины, усиленные специальными затопляемыми районами и засеками. Юго-восточнее Буленвинкеля располагалось сильное передовое укрепление, западнее Некнина — другое (Грюненшанц). Принц Вюртембергский имел 12 тысяч человек, гарнизон самой крепости — 4 тысячи. Кроме того, летучие корпуса Вернера и Платена прикрывали подходы к Кольбергу с востока.

Получив командование осадным корпусом под Кольбергом, Румянецв весьма распорядительно взялся за дело. Ему первым из осаждавших Кольберг русских командиров удалось наладить действительно четкое взаимодействие с флотом. Кроме того, он начал активные действия на дальних подступах к крепости. Еще в мае войска Румянцева (подкрепления наконец-то были получены) сосредоточились в укрепленном лагере Альт-Бельц, где командующий решительно реорганизовал их. Корпус был разбит на бригады в составе двух полков и гренадер-

ского батальона (сводился из полковых гренадерских рот). Из охотников, по прусскому образцу, сформировали легкие егерские батальоны для действий в густых померанских лесах и для поддержки легкой конницы. Для несения нарядов (чтобы не отвлекать полевые войска) были созданы Штабной батальон и Штабной эскадрон. налажено снабжение (впервые за всю войну). После этого началось обучение войск.

В этих условиях Румянцев принял за составление плана осады. Первый его вариант, подготовленный инженер-полковником де Молином, оказался столь бредовым, что командующий выгнал автора из корпуса, пригрозив повешением. Второй вариант — полковника Гербея — оказался вполне удачным. Первым шагом стала операция по оттеснению частей пруссаков в лагерь принца Вюртембергского и захвату передовых укреплений Кольберга. 19 августа русские двинулись вперед: после усиленных поисков по обоим берегам Персанты противник был отброшен в Кольбергский и Боденхагенский леса, а затем ушел в свои укрепления.

В то же время небольшой русский флот под командой вице-адмирала Полянского* начал блокировать и бомбардировать город с моря, предоставив в распоряжение Румянцева десантный отряд в 2000 человек с артиллерией под командованием командора Спиридова. После трехдневной бомбардировки береговые батареи Кольберга замолчали. Румянцев вместе с десантом приблизился к лагерю принца Вюртембергского. В это время с фланга по ним ударил отряд генерала фон Вернера (конница, усиленная артиллерией), прикрывавший большой прусский транспорт. Однако эта атака полностью провалилась: казаки отбили нападение, применив свой излюбленный «вентерь» — ложный отход с последующим окружением противника. Пруссаки откатились в Трептау, где их атаковал отряд полковника Бибикова (драгуны, казаки и два батальона гренадер), окружил

* Полянский Андрей Иванович (1702—1764) — русский адмирал (1764). С 1759 года командовал Ревельской эскадрой, конвоировал транспорты и осуществлял блокаду портов Пруссии.

и пленил, захватив 600 человек, в том числе и самого Вернера. У Румянцева погибло только 50 человек.

Так русские отомстили за недавнее разграбление своего вагенбурга Платеном (вообще прусские «партизаны» вели себя очень активно и смело, доставляя Румянцеву массу неприятностей — Платен по приказу Фридриха уничтожал русские коммуникации в Польше, на пути от Познани к Бреслау разбивал магазины и транспорты, взял Познань, уничтожил там все стратегические запасы и прорвался через Ландсберг в Померанию).

Итак, после Трептауского боя корпус Вернера был рассеян, но на фланге русских оставался Платен, имевший 14 пехотных батальонов, 25 эскадронов драгун и 30 — гусар. В распоряжении пруссаков находилась отлично организованная коммуникация Нижний Одер — Кольберг, которая снабжала крепость и полевые прусские войска всем необходимым. Борьба за лишение противника линии снабжения крепости и лагеря вылилась в ряд боевых столкновений.

В войсках Румянцева в период действий под Кольбергом получили применение «густые колонги», рекомендованные еще Уставом 1755 года. В бою под Трептау отряд полковника А. И. Бибикова из состава осадного корпуса атаковал противника, «сделав батальонную колонну». Необходимо обратить внимание на то, что Румянцев и до этого обучал пехоту своего корпуса действиям в колоннах.

Румянцев, как и раньше, широко и эффективно применял кавалерию, причем в Померании свой первый опыт самостоятельного командования получил подполковник А. В. Суворов (командовал Тверским драгунским полком во время болезни его командира, полковника барона Медема). Наглухо перекрыв доставку гарнизону Кольберга пополнения, вооружения и провианта (в прошлые осады этого сделать так и не удавалось), 13 сентября Румянцев принял за «правильную» осаду крепости.

Атака русских 7 и 8 сентября на прусский лагерь закончилась не очень удачно: хотя на правом фланге и удалось взять окопы у Боденхагенского леса, право-

фланговое приморское укрепление захватить не удалось. Попытка овладеть Грюненшанцем на левом крыле пруссаков провалилась. Командовавший русским отрядом на этом участке подполковник Шульц сбился с дороги и при запоздалой попытке штурма понес тяжелые потери, за что и был отдан под суд. В это время активизировался Платен: своим движением к Висле он мог отсечь Румянцева от главных сил русской армии, а ударом на северо-восток — полностью перерезать все коммуникации осаждающих. Туда он и ударил.

В середине сентября Платен занял Шифельбейн и Регенвальде. Действующая в тылу пруссаков русская легкая конница Берга (заменил на посту ее командующего Тотлебена) не сумела эффективно противостоять им. Тем временем Платен упорно шел на Кольберг. Кроме Берга, Бугурлин направил против него дивизию князя Долгорукова, но она отставала от пруссаков на два-три перехода.

19 сентября Платен занял Керлин, совсем недалеко от Кольберга. Румянцев приказал Долгорукову атаковать Керлин и послал ему на помощь отряд Минстера, а сам с полком пехоты пошел вслед. Казалось, сильно уступавший русским в численности Платен обречен, тем более, что войска Долгорукова, подойдя ночью к Керлину, увидели лагерные костры. Долгоруков назначил на утро атаку, но... выяснилось, что Платен намеренно разложил костры и той же ночью тихо ушел на соединение с принцем Евгением. Последний одновременно ударил по русским блокадным частям. Румянцев был вынужден повернуть назад, а Платен в обход отряда Минстера прорвался в лагерь, увеличив силы пруссаков еще на 10 тысяч штыков и сабель. Положение осадного корпуса (хотя и пополненного дивизией Долгорукова) стало угрожающим, кроме того, флот из-за непогоды ушел в Ревель.

В сложившихся условиях граф Бугурлин неоднократно отзывал Румянцева назад. Трижды собранный военный совет высказывался за отступление от стен Кольберга. Румянцев, несмотря на холод и невзгоды поздней осени, не повиновался. Русские постоянно прерывали линию коммуникаций противника и решительно пресекали все попытки вылазок осажденного гарнизо-

на. Для этого легкая конница Берга намертво перекрыла дорогу Кольберг — Штеттгину, по которой пруссаки получали провиант и боеприпасы. В начале октября Берг у деревни Вейсенштейн разбил крупный транспорт, охраняемый отрядом майора Подчарли и пленил пруссаков, включая их командира. Суворов с эскадрон сербских гусар в это время атаковал еще одну прусскую партию — полковника де Корбиера, нанес ей поражение и долго преследовал.

В это же время русская армия уходила из Пруссии в Померанию и далее за Вислу и Мариенвердер, на зимние квартиры. Бугурлин, ввиду прекращения кампании, приказал соединиться с Бергом кирасирским полком генерал-поручика князя Волконского. Дивизия Фермора получила приказ идти непосредственно к Кольбергу. В это время (из-за недостатка провианта и фуража) из крепости к Штеттгину ушел Платен. Русские нанесли по его войскам несколько ударов и вынудили к отступлению. Платен вначале отошел к Трептау, а затем двинулся к крепости Гольнау, прикрываясь сильным арьергардом де Корбиера. Этот отряд был атакован Бергом у самого Гольнау, на открытой равнине, сильно раскисшей после ливней. Заболоченная местность не дала выйти в атаку русским кирасирам, к тому же пруссаки успели изготовиться и открыли картечный огонь. Однако каре де Корбиера было опрокинуто и разбито вместе с небольшим отрядом конницы. При этом русские гусары успели захватить еще и прусских фуражиров.

Подосевший Фермор два часа обстреливал Гольнау, где заперся Платен, но пруссаки сумели уйти и на этот раз (русские не рискнули штурмовать эту крепость ввиду якобы «чрезмерной укрепленности»). Платен отошел в лес, а в крепости оставил гарнизон, усиленный несколькими батальонами с конницей и артиллерией, расположившимися на Гольнауском мосту. По приказу Берга Суворов с гренадерским батальоном ворвался на мост, смел заслон, пробился в крепость и захватил ее. После этого Платен вновь отступил, причем Берг преследовал его до Дамма, а Фермор остался на месте.

В это время Румянцев вновь занялся фланговым обеспечением своих позиций под Кольбергом. Оставив ле-

ред вражеским лагерем пехоту Долгорукова, он перешел на западный берег Персанты и очистил ее устье от прусских постов. После этого русские вновь подошли к Трепгау, где находился маленький отряд генерал-майора Кноблауха (направлен туда принцем Евгением для обеспечения связи с Платеном). Платен, отступая к Штеттину, неосторожно оставил Кноблауха для защиты коммуникаций и подставил его под удар 18 тысяч русских. Подвергшись обстрелу из орудий, 11 сентября пруссаки сдались. Всего в плен попали 61 офицер, 1639 солдат при 15 знаменах и 7 пушках. После этого Румянцев предложил принцу Евгению капитулировать, но тот отказался. Однако с началом по-балтийски холодной и сырой осени пруссаки стали ощущать нехватку фуража и дров.

Вскоре корпус Румянцева был усилен до 35 тысяч человек. Ему в помощь Бугурлин оставил в Пруссии еще два: Волконского на Варте и Чернышева в Силезии. Эти изолированные соединения легко могли быть разбиты пруссаками по частям, но Фридрих к тому времени был слишком слаб. Однако поддержку Кольбергу он оказывал бесперебойно, выделяя из своих скудных запасов все возможное и невозможное. Ослабленный поражениями корпус Платена был усилен отрядом Шенкендорфа (5000 человек); Платену поставили задачу вновь атаковать магазины и фураж как Румянцева, так и Волконского. Однако эти намерения не осуществились — Платен и Шенкендорф были скованы действиями Берга и не решились на активные действия.

В ночь на 14 ноября принц Вюртембергский, так и не дождавшись помощи, отступил из лагеря. При этом сторожевые посты осадного корпуса упустили пруссаков, ушедших через соединенный с морем протокой плес. По приказу принца саперы навели через протоку съёмный мост, по которому прошла пехота и артиллерия. Кавалерия форсировала преграду вплавь. Берг попытался остановить пруссаков у Регенвальде, но войска Евгения, хотя и с трудом, пробились на оперативный простор. В качестве слабого утешения Румянцеву достался брошенный лагерь.

«Вы видите, — писал он тогда к прусскому коменданту крепости Гейдену, — принц Евгений сделал все, чего требовала от него честь и присяга своему государю; но он разбит и прогнан. Кольберг беззащитен; пролом в стене сделан: вам остается думать об ответе не перед королем, а пред Богом в напрасной гибели невинного гарнизона». В то же время инженер-полковник Гербель вел к крепости траншеи и подбирался к подошве земляной насыпи перед наружным крепостным рвом. Однако борьба еще не была закончена: Гейден наотрез отказался сдаваться. Пруссаки облили водой крепостные валы и стены; лед сделал их совершенно неприступными. Так было отбито несколько штурмов. Обе стороны терпели большие лишения в непривычных для них зимних условиях, но уступить не собирались.

Вскоре наступила неожиданная развязка: решительный и смелый принц Вюртембергский, вырвавшись из блокады, попытался атаковать русских с тыла. Румянцев предвидел эту возможность — оставив под стенами Кольберга несколько батальонов, он со всем корпусом перешел на западный берег Персанты, выбив пруссаков из небольшого форта Вольфберг. В это время принц получил приказ Фридриха II любой ценой добиться доставки в крепость продовольствия и пошел на сближение с русскими войсками.

1 декабря пруссаки решительно атаковали Румянцева. Бой закончился их поражением: прусская кавалерия атаковала проход Шпиг — дефиле между двумя незамерзающими болотами, которое оборонял единственный гренадерский батальон с пятью пушками. Сбив заслон и втянувшись в дефиле, пруссаки попали в заранее расставленную ловушку — им в тыл внезапно ударил весь русский корпус, полностью разгромив армию принца Вюртембергского. Преследование кавалерией довершило разгром.

Узнав об этом, комендант фон дер Гейден понял бесперспективность дальнейшего сопротивления, и 5 декабря, после третьей по счету четырехмесячной осады, город капитулировал. Это был первый славный подвиг Румянцева, который покрыл себя впоследствии обильными лаврами.

«Благополучие мое тем паче велико, что сие первое мое приношение могу сделать к торжественному дню высочайшего рождения В.И.В., теплые вощьялая молитвы к Всевышнему о целостности неоцененного Вашего здоровья, о долготлетнем государствовании и ежевременном приращении славы державе В.И.В., толикими победами увенчанной. Теперь остается мне токмо доставить покой вверенному мне корпусу и облегчение солдатству по толиких трудах и испросить высочайшую В.И.В. милость и благоволение для всех с крайнею ревностью и усердием служивших верных подданных, коими командовать имел я счастье». Так выражался новый русский полководец, донося о своем подвиге императрице.

Сдалось в плен 2900 человек, трофеями стали 20 знамен и 146 орудий. Гейден выговорил себе почетное право уйти в Штеттин при условии полного разоружения гарнизона, что и было сделано. По взятии Кольберга русские войска заняли зимние квартиры в Померании. Ключи от крепости в Петербург привез бригадир Мельгунов; донесение Румянцева о взятии Кольберга по распоряжению Елизаветы было отпечатано и разослано по стране 25 декабря — в день смерти самой императрицы.

В первый раз после шестилетней борьбы неприятели Фридриха достигли желаемой цели: теперь операции их могли быть верны и сокрушительны для Пруссии. Русская армия получила первоклассную крепость и порт Кольберг — базу снабжения у самых границ Бранденбурга, что позволяло создать реальную и постоянную угрозу наиболее важным жизненным центрам противника, в том числе прусской столице. В этих условиях союзники могли смело планировать завершение войны в кратчайшие сроки. Следует отметить, что в этот период только вооруженные силы России (по последней елизаветинской «рописи» 1761 года) достигли 606 тысяч человек. Правда, из этого количества свыше двух пятых — примерно 261 тысяча составляли иррегулярные войска, а добрая треть (а то и больше), по словам Керсновского, «существовала только на бумаге». Тем не

менее это была огромная сила, несравнимая ни с одной другой армией Европы.

Кроме этих обстоятельств, короля постиг третий, ужаснейший удар. В октябре 1760 года умер единственный союзник Пруссии Георг II. На английский престол вступил внук его Георг III*. Зная привязанность нации к Фридриху, новый король во вступительной своей речи торжественно обещал поддержать союз с прусским королем и продолжать, по выражению Питга, «завоевывать Америку в Германии». Но вскоре он отдал место первого министра своему любимцу лорду Буту. Властлюбивый англичанин умел все переделать по-своему. Сперва выдача Пруссии вспомогательных сумм была замедлена под разными предложениями, затем Георг III совершенно отказал Фридриху в субсидиях и разорвал трактат с Пруссией.

«Когда таким образом удар за ударом поражал Фридриха в Штреленском лагере, втайне действовали против него измена и коварство. Силезский дворянин, барон Варкоч, имел поместье близ самого Штрелена. По занятии там зимних квартир прусскими войсками он почел за долг предстать королю, был им обласкан и даже приглашен к столу. Но Варкоч давно негодовал на прусское правительство, которое связало ему руки и не позволяло драть с крестьян кожу. Соседство с главной квартирой Фридриха подало ему мысль избавиться от строгого судьи предательством. Он предложил австрийцам захватить Фридриха в плен и взялся за 100 тысяч червонцев представить его живого или мертвого. Все было слажено наперед. Сообщник Варкоча, католический патер Шмидт, вел все переговоры через австрийского полковника Валиса. Квартира короля находилась вне городской стены, в небольшом сельском домике, скрытом между деревьями. Тридцать гренадеров занимали караулы около сада этой маленькой усадьбы. Густой парк Варкоча примыкал к ней. Через него ночью легко

* Георг III (1738—1820) — король Англии, Шотландии и Ирландии и курфюрст Ганновера с 1760 года. При нем, после долгой войны, независимость получили Североамериканские Соединенные Штаты.

можно было проникнуть к самому домику и захватить короля прежде, чем в городе узнают о случившемся.

Но провидение хранит своих избранных. Когда у Варкоча все было готово, он в полночь послал егеря с письмом к Валлису и строго наказал ему как можно осторожнее прокрасться мимо квартиры короля. Ночная переписка и это предостережение возбудили в егере подозрения. Он распечатал письмо и узнал весь замысел. Тотчас поскакал он к Фридриху. «Сам Бог избрал тебя орудием моего спасения!» — воскликнул король, обнимая верного слугителя.

Немедленно были приняты меры по захвату заговорщиков. Но оба смогли ускользнуть обманом. Варкоча застали в халате, он просил позволения одеться и под этим предлогом выбежал в конюшню, бросился на лошадей и ускакал.

Суд приговорил злоумышленников к смертной казни, но так как они успели скрыться, то судьи предложили совершить приговор над их портретами. «Согласен! — отвечал король. — Портреты, верно, также негодны, как и подлинники!» Низкий заговор против Фридриха возбудил всеобщее негодование не только в союзных государствах, но даже в самой Австрии. Графы Валлисы объявили во всех газетах, что полковник Валлис не принадлежит их фамилии. Офицеры его полка отказались с ним служить. Австрийское правительство оправдывалось публично, говоря, что не принимало никакого участия в этом презренном деле и даже уволило Валлиса со службы. Но впоследствии, когда Варкоч в нищенском рубище скитался по Венгрии, Мария Терезия назначила ему пенсию. Это подтверждает, что она почитала его измену заслугой Австрии.

За этой изменой вскоре последовала другая. Один из бывших адъютантов Фридриха, барон Тренк, был неоднократно уличен в различных преступлениях. Он два раза сбегал из темницы, поступал на русскую и австрийскую службы, действовал против отечества, но и в других державах отличался только предательством и распутной жизнью. Наконец, он опять попал в руки прусского правительства и содержался в это время как государственный преступник в каземате Магдебургской

крепости. Здесь он успел составить заговор с другими заключенными, нашел сообщников вне темницы, завел переписку с австрийцами и хотел передать в их руки крепость Магдебург. В это время Магдебург был для Фридриха важнее самой жизни: в нем находилось его семейство, все архивы, все пленные офицеры, государственная казна и главные магазины. С потерей крепости должна была кончиться война и существование Пруссии. По счастью, замысел Тренка был открыт, и участь преступника сделалась еще тягостнее.

«Но сквозь мрачные тучи пробивались лучи солнца. Среди несчастий Фридриху открылась вдруг неожиданная помощь». В конце октября в Штрелен прибыл Мустафа-Ага, посол крымского хана, с предложением выставить королю войско против России. В то же время Фридриху удалось после долгих усилий заключить дружеский торговый союз с Турцией. Султан собирал уже у Белграда войско, которое готовилось с весной выступить против врагов Фридриха.

Так закончился 1761 год. Восточная Пруссия и Вестфалия находились в руках неприятеля; Глац и Швейдниц были завоеваны австрийцами; Кольберг и большая часть Померании заняты русскими. Враги Фридриха прочно расположились в его владениях. Следующий год обещал им ряд блистательных и легких торжеств. Мария Терезия почитала Силезию почти завоеванной. Для сбережения расходов она распустила 20 тысяч человек из своего войска. У Фридриха были отняты последние средства к обороне: пособие со стороны Англии прекратилось; Саксония была истощена; оставшиеся у него провинции разорены вконец. Кроме того Франция приступила к мирным переговорам с Англией; англичане отвели британские и ганноверские полки — армия Фердинанда Брауншвейгского растаяла, как свеча. Таким образом, с будущего года Фридриху надлежало вести войну с французами собственными силами. Участь Пруссии была уже решена всей Европой. Надежды на непрочные обещания султана и крымцев не могла спасти прусского короля, но и на краю бездны он стоял твердо, готовясь мужественно встретить удар рока, и с геройской решимостью смотрел на будущее!

КАМПАНИЯ 1762 ГОДА

Буркерсдорф — Швейдниц — Губертсбургский мир

Итак, 1762 год неминуемо сулил Фридриху полное и окончательное поражение и гибель всех его трудов. Против почти 300-тысячной армии Австрии, России, Франции, Швеции и Священной Римской империи он мог выставить не более 60 тысяч человек. Это означало конец. В начале года король писал принцу Генриху Прусскому: «Если... никто не придет к нам на помощь — прямо говорю Вам, что я не вижу никакой возможности отсрочить или предотвратить нашу гибель». Принц Генрих еще сопротивлялся Дауну в Саксонии, но весной французы собирались наступать с запада, а русские — с востока.

Русская армия, накопившая пятилетний боевой опыт, выглядела вполне прилично. Особенно это коснулось обозов — бича прежних кампаний. Число повозок на каждый пехотный полк уменьшили до 96, на кавалерийский — до 55. В то же время количество ружейных зарядов было доведено до 100 у пехотинца и 40 у кавалериста. Новый губернатор Восточной Пруссии В. И. Суворов, сменивший Корфа, сумел решить и продовольственную проблему, создав постоянные транспортные парки для подвоза провианта, и возложил на местных крестьян обязанность содержать 2000 подвод для этого. Достаточно стало обмундирования и вещевого довольствия, а также боеприпасов для артиллерии.

При этом вялое ведение кампании 1760 года привело к тому, что за это время русские потеряли менее 3000 человек (в основном умершими от болезней). В боях погибло, по официальным данным, только 130 человек (любопытное соотношение потерь, не правда ли?). По этой причине в действующей армии внезапно обна-

ружился излишекличного состава против штата и было принято решение не проводить рекрутского набора. Неслыханно для воюющей страны! Итак, союзники из готовились к последнему, смертельному удару по упорному, но уже истекающему кровью врагу.

Рок рассудил иначе. Неожиданное обстоятельство изменило вид всех европейских дел. 5 января 1762 года (25 декабря по ст. ст.) императрица Елизавета скончалась. На русский престол вступил Петр III. Новый император спешил уверить Фридриха Великого в истинности своей дружбы и уважения. Послы с обеих сторон рассказали с поздравлениями: сразу же после присяги 5 января новый император послал в Пруссию своего камергера Андрея Гудовича (последний пробыл у прусского короля в Бреслау до 23 февраля). В ответ Фридрих направил в Россию своего личного посла, 26-летнего адъютанта и камергера барона фон дер Гольца. Прибыв в Петербург 4 марта с подарками для Петра III — чином прусского генерал-майора, орденом Черного орла и льстивым письмом короля — он должен был добиться немедленного выхода России из войны. В своем послании Фридрих писал: «Я никогда не в состоянии заплатить за все, чем Вам обязан... Я отчаялся бы в своем положении, но в величайшем из государей Европы нахожу еще верного друга: расчетам политики он предпочел чувство чести». В искренности Фридриха не приходится сомневаться: Пруссия, доведенная пятилетней войной почти до разорения, вряд ли бы выдержала еще одну кампанию.

Направляя уполномоченных в Петербург, Фридрих дал им право согласиться на любые, даже тяжкие уступки, только бы вывести Россию из войны. Фон дер Гольцу было предписано соглашаться и на включение в состав России Восточной Пруссии. Однако к этому средству прибегнуть не пришлось. Радости пруссаков не было предела — Петр III не только не предъявил каких-либо условий заключения мира, но и вернул все завоевания. «Таким образом, — писал Д. М. Масловский, — не оставалось сомнения в том, что вся кровавая работа армии погибла».

В Петербурге барон нанес визит сначала английскому посланнику Кейту, второй — дяде императора герцогу Георгу и только 7 марта получил аудиенцию у Петра III. Русский император через Гольца обратился к Фридриху с просьбой составить проект мирного договора. Король, разумеется, тотчас же воспользовался такой неожиданной для него любезностью со стороны Петра. Он очень быстро подготовил документ и вместе со вторым льстивым письмом срочно отправил его в Петербург. В послании Фридрих благодарил императора за столь бескорыстную дружбу и «покорно отдавал себя на его милость».

Немедленно было заключено перемирие. Вскоре последовал формальный мир. 5 мая Петр III подписал договор, по которому все прусские пленные были созваны в Петербург и после ласкового приема получили позволение возвратиться на родину. Провинции и города, завоеванные у Фридриха, отданы назад безо всякой компенсации, а жители их освобождены от присяги на русское подданство. Войскам русским было повелено отступить в пределы империи; а по заключении Санкт-Петербургского мирного договора (15 мая) корпусу Чернышева предписано присоединиться к армии «союзной державы короля прусского» и состоять под его начальством. Кроме того, в Померании оставался корпус Румянцева, который уже в качестве союзника Пруссии готовился к походу против Дании (Петр хотел вернуть свои наследственные владения в Шлезвиге, ранее аннексированные датской короной).

Однако никакого «карикатурного» продолжения Семилетней войны — русско-прусского похода в Шлезвиг; о чем так любят писать наши историки — не последовало бы. Фридрих, чей народ и армия были до предела истощены многолетней жестокой войной, был категорически против новой кампании. Поэтому король и барон Гольц сделали все, чтобы убедить Петра III и Данию мирно уладить вопрос Шлезвига. Конгресс по этому поводу собрался в Берлине при посредничестве короля Пруссии 1 июля 1762 года.

Оба монарха старались превзойти друг друга в великодушии и щедрости. Петр III запретил дальнейшую вы-

Императрица Елизавета

рубку прусских лесов, подарил значительные суммы разоренным жителям Померании и отступился от своих магазинов в Штаргарде. Фридрих, со своей стороны, приказал щедро вознаградить жителей княжества Ангальт-Цербстского (родины новой императрицы) за собранные в них контрибуции и поставки. Для безопасности своих владений стороны согласились вступить в союз и немедленно начать подготовку союзнического оборонительного договора.

Мир с Россией расстроил все планы противников Фридриха, а присоединение Чернышева к прусским войскам до того изумило австрийцев, что они долго не верили этому быстрому перевороту. Первым следствием союза России с Пруссией стал мир со Швецией. Шведы, опозорившие свое оружие в Семилетнюю войну, владели небольшим участком Померании. Прусский

полковник фон Беллинг (шеф знаменитых «черных гусар») с 1500 гусаров поставил шведов в 1761 году в такое положение, что они не смели двинуться вперед. Теперь, боясь России, шведский сенат спешил отправить в Гамбург посольство для мирных переговоров с прусским королем. 22 мая мир был заключен на условиях довоенного статус-кво, и шведское войско возвратилось воююси. Война эта, иногда называемая Померанской, принесла Пруссии одну выгоду: из шведского войска поступил на королевскую службу Гебхард-Леберехт фон Блюхер, будущий фельдмаршал, прославившийся впоследствии в войнах с Наполеоном.

Все отдельные отряды, рассеянные в прусских областях против русских и шведов, теперь примкнули к армиям короля в Силезии и принца Генриха в Саксонии.

Возвращенные из плена генерал Вернер, принц Вюртембергский и герцог Бевернский, а равно и выздоровевший Зейдлиц снова вступили в свои должности при войске. Армия Фридриха, с включением корпуса Чернышева, состояла из 60 тысяч человек. Почти на такое же количество войско Марии Терезии было ослаблено отступлением русских, сильной повальной болезнью и распущенным ею корпусом. Силы уравнились. Наконец-то король мог отнять у Австрии прошлогодние ее завоевания.

Но австрийцы наперед угадывали намерения короля. В продолжении всей зимы они трудились над укреплением Швейдница. Владая горами, они на каждом возвышении построили по отдельной крепости и подходы к ним защитили палисадами и засеками, так что вся горная цепь представляла несколько укрепленных террас. Даун, который снова принял главное начальство над австрийской армией, занял все горные проходы. Фридрих старался нападениями и маневрами вытеснить Дауна из крепкой позиции и удалить от Швейдница. Даун отбивался и равнодушно смотрел на все его попытки. Фридрих отпирал в обход его позиций экспедицию в Богемию. Партизаны его с русскими казацкими отрядами разрушали неприятельские магазины, собирали контрибуцию — ничто не помогло.

Тогда Фридрих решил атаковать правое крыло Дауна, простиравшееся до Буркерсдорфа. Все распоряжения были уже сделаны, войска расположены; вдруг новый удар судьбы постиг короля. Курьер из Петербурга прибыл с известием, что император Петр III 9 июля отрекся от престола в пользу своей супруги. Такая новость могла произвести совершенный переворот в делах Фридриха. Он упросил Чернышева сохранить это событие в тайне, хотя бы на один день, и поспешил исполнить свой план.

На следующее утро (21 июля) произошло Буркерсдорфское дело. Перед самым началом сражения, когда войска Фридриха стояли уже в боевом порядке, прибыл новый курьер из России. Эстафета его заключала в себе манифест о кончине императора, последовавший в Ропше 17 июля, о принятии престола императрицей Екатериной II и повеление Чернышеву привести войска к присяге и немедленно отступить в Польшу (находящийся в Померании Румянцев — сторонник Петра — был снят с должности и заменен генералом Паниным, который вернулся с корпусом в пределы России).

Сбылось то, чего так страшился Фридрих. «Не требую от вас нарушения повелений императрицы, — сказал он Чернышеву, — но я надеюсь, что вы не оставите моего войска теперь, в минуту битвы, ввиду неприятеля. Это значило бы погубить меня: а государыня ваша верно не имела такого намерения. Не хочу, чтобы моя битва стоила одной капли крови ее подданных: я надеюсь один управиться с врагами; но я прошу вас не покидать позиций до окончания сражения, в котором ваш корпус будет только зрителем, а не действителем. Весь мир оправдает поступок, которого требует от вас звания благородного вождя и благонамеренного союзника. По окончании дела — вы свободны».

«Чернышев был не в состоянии противиться убедительному красноречию короля. При этом требования его были так умеренны и справедливы, что исполнение их русский военачальник не смог посчитать изменой отечеству. Он согласился. «Я остаюсь! — сказал он Фридриху. — И если б даже нашли, что поступок мой достоин смерти, я готов десять раз пожертвовать жизнью, что-

бы доказать, как глубоко почитаю Ваше величество. Но я убежден, что действую согласно с долгом совести и присяги, и уверен, что моя всемилостивейшая государыня оправдает мои убеждения».

План Фридриха был верно рассчитан. Даун, имея перед собой «фигурантов» в лице корпуса Чернышева, не смел двинуться с места. Кроме того, войска Фридриха были так искусно поставлены, что, по-видимому, надлежало ожидать натиска на главные силы австрийцев. Усиливая себя против намерений противника, Даун не обратил особенного внимания на горные укрепления и проходы. За ночь была поставлена против них прусская батарея в 45 гаубиц. Сражение началось искусным маневром, по которому пехота и артиллерия Фридриха с необузданной быстротой кинулись на неприятельские шанцы. Австрийская легкая конница хотела отбить приступ, но прусская батарея загнала ее в горные ущелья. Тогда начался приступ на горы со всех сторон. Пруссаки под начальством Меллендорфа, как кошки, взбирались по круглым высотам и обрывам и на себе вносили на них пушки.

Они брали одно укрепление за другим, теснили неприятеля в горы и, наконец, принудили его бежать к главной армии Дауна. 1400 австрийцев пали на месте битвы, до 1000 взяты в плен. Русские генералы, находившиеся в свите короля, с изумлением смотрели на удивительные распоряжения Фридриха и на почти невероятные действия его войска. По окончании битвы Фридрих с Чернышевым возвращались с поля битвы. Под кустом сидел солдат, тяжело раненный в голову. «Как ты себя чувствуешь?» — спросил его король. «Очень хорошо, — отвечал солдат, — неприятель бежит, а мы побеждаем». — «Но ты сильно ранен, мой друг. Вот мой платок: завяжи им голову, чтобы не терять напрасно крови» (Кони. С. 498).

Чернышев был глубоко тронут этой сценой. «Теперь я не удивляюсь успехам Вашего величества, — сказал он Фридриху. — Кто так умеет привязывать к себе солдат, тот должен быть непобедимым!»

В тот же день русская армия присягнула императрице Екатерине II, а на следующее утро корпус Черныше-

ва выступил в поход. Фридрих осыпал русского военачальника ласками и возложил на него орден Черного орла. Екатерина пожаловала его генерал-аншефом, а в день своего коронавания кавалером святого Андрея Первозванного (это ясно говорит о том, что Чернышев, видимо, действовал с ее молчаливого одобрения). Все русские генералы получили от Фридриха подарки и до самых границ Польши русская армия была продовольствована на его счет вином, хлебом и мясом.

Керсновский со странным сарказмом пишет, что «в кампанию 1762 года весной корпус Чернышева (преимущественно конница) совершал набеги на Богемию и исправно рубил вчерашних союзников — австрийцев, к которым русские во все времена — а тогда особенно — питали презрение». Право не знаю, учитывая обстоятельства, кто и к кому в большей степени должен был испытывать презрение. Боюсь, что у австрийцев к этому было больше причин...

Между тем гроза, которую Фридрих ожидал со стороны России, миновала сама собой. При Елизавете, когда русские войска действовали против Фридриха, все глядели на эту войну с явным неудовольствием, почитая ее совершенно бесполезной. При Петре III, во время мира с Пруссией, Фридрих зато сделался в России предметом всеобщей ненависти. Причиной такого странного и скорого переворота в общественном мнении были неожиданные и быстрые перемены в войске и в правлении, которые император принимал по образцу Пруссии, безо всякого предварительного приготовления. Фридрих был его идолом, и он решил слепо подражать ему во всем.

Но эти нововведения, прекрасные по своей цели (например, Петр намеревался отменить крепостное рабство и заменить его барщиной по образцу Пруссии и Гольштейна, где правили его предки и где он провел молодость; было прекращено также преследование раскольников и подготовлен указ «О вольности дворянской», изданный, правда, уже Екатериной II), часто противоречили духу, характеру и нравам русского народа. Поэтому их надлежало насаждать крутыми мерами.

Намерения императора многие представляли себе в лживом свете. Появление при дворе иностранцев, которых государь осыпал милостями, породило ренность в прежних любимцах. Во всех слоях народа поднялся ропот против прусского короля: его почитали виновником всех переворотов. При восшествии Екатерины на престол, все единодушно желали продолжения войны с Пруссией. Но при разборе бумаг покойного императора, Екатерина нашла письма Фридриха, в которых он давал Петру следующие советы: «Не делать быстрых переворотов в государстве; щадить права и обычаи народов; только в крайних случаях приниматься за нововведения и во всех трудных обстоятельствах более следовать внушениям благородного и нежного сердца его супруги, которая никогда не ошибется в выборе благих мер, чем горделивой и часто обманчивой уверенности в собственных силах».

Эти хитрые строки обезоружили великую монархию. Семилетняя война и без того изнурила государство, а Екатерина поставила себе за правило только тогда вмешиваться в дела других держав, когда от того предвидится ощутимая польза для России. Ощутимая польза эта была отнюдь не в поддержке «всеобщего интригана» — Вены, но в разумном сотрудничестве с Пруссией. Почва для этого возникла достаточно быстро, в 70-е годы, однако, об этом позже. Итак, бывшая прусская принцесса Ангальт-Цербстская приняла нейтралитет между Пруссией и Австрией, и заключенный Петром мирный трактат с Фридрихом остался во всей своей силе.

Почему-то об этом факте наши историки очень не любят говорить. По их выкладкам, тяжелая война, стоившая России столько крови, была предательски остановлена Петром III, когда все уже окончилось победой русского оружия. Но Петра быстро свергли — и о дальнейших событиях ни слова. Создается мнение, что восшествие Екатерины на престол произошло в тот момент, когда плоды войны были полностью потеряны и ничего уже нельзя было исправить. Однако на деле все было совершенно не так. Русские к моменту воцарения Екатерины оставались в пределах Пруссии — Румян-

цев в Померании, Чернышев в Силезии, Панин в Восточной Пруссии. Кенигсберг и Кольберг также находились в руках русских. Ситуация на фронтах в целом не изменилась: Фридрих по-прежнему обессилен, австрийцы и французы накатываются на него с юга и запада. Казалось бы, пора преодолеть последствия «предательства» Петра III. И действительно, императрица незамедлительно после своего восшествия на престол отдала ряд приказов. Вот некоторые из них: «Генерал-поручику Петру Ивановичу Панину срочно убыть из Кенигсберга к генералу Петру Александровичу Румянцеву, принять от него командование русским корпусом и вернуться в войсках в Россию. <...> Генерал-аншефу Захару Григорьевичу Чернышеву прекратить выстушение на стороне Фридриха II против Австрии и вернуться с войсками домой». Эти распоряжения, как мы знаем, были выполнены точно и в срок.

Здесь стоит еще раз напомнить о происхождении Екатерины II: ее отец, Христиан Август Ангальт-Цербстский из цербст-дорнбургской линии ангальтского дома, подобно многим своим соседям, мелким северогерманским князьям, состоял на службе у прусского короля. Он стал генерал-майором прусской службы еще к моменту женитьбы на ее матери, принцессе Гольштейн-Готторпской, и был шефом и командиром пехотного полка № 8, расквартированного в Штеттине. Одновременно он выполнял обязанности городского коменданта. Летом 1742 года Фридрих назначил его губернатором Штеттина и пожаловал чином генерал-лейтенанта. В это же время Христиан Август неудачно попытался избраться в герцоги Курляндские и кончил свою службу в чине генерал-фельдмаршала, полученным по протекции своей новой родственницы — императрицы Елизаветы. Несколько позже Христиан Август унаследовал титул герцога и стал соправителем Ангальт-Цербста в прусской Саксонии (ныне земля Заксен-Ангальт).

Особенный же интерес представляет мать Екатерины — Иоанна Елизавета. Эта «неуживчивая и непоседливая», по словам Ключевского, женщина была заядлой интриганкой и авантюристкой. «На своем веку она ис-

колесила чуть не всю Европу, побывала не в одной столице, служила Фридриху Великому по таким дипломатическим делам, за которые стеснялись братья настоящие дипломаты, чем заслужила большой респекту великого короля, и незадолго до воцарения дочери умерла в Париже в очень стесненном положении, потому что Фридрих скупно оплачивал услуги своих агентов» (Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М.: Правда, 1990. С. 576).

Так что даже с учетом неудачи правления своего пламенного поклонника Петра, Фридрих имел все основания быть довольным личностью новой российской императрицы. С момента воцарения Екатерины начинался постепенный отход России от союза с Австрией и Францией и ее сближение с Пруссией, продолжавшееся ее сыном и внуками вплоть до правления Александра Николаевича Освободителя. Поэтому вряд ли стоит упрекать в «потере результатов войны» только Петра III: жена его, похоже, придерживалась точно такой же точки зрения на формирование отношений как с Берлином, так и с Венной.

Лучше всего прокомментировал это Ключевский. Говоря о молодости Екатерины II еще в бытность ее немецкой принцессой, он пишет: «В числе сватов, старавшихся пристроить Екатерину в Петербурге, было одно значительное лицо — сам король прусский Фридрих II. После разбойничьего захвата Силезии у Австрии он нуждался в дружбе Швеции и России и думал упрочить ее женитьбой наследников обеих этих держав. Елизавете очень хотелось женить своего племянника (наследника Петра Федоровича. — Ю. Н.) на прусской принцессе, но Фридриху жалко было расходувать свою сестру на русских варваров, и он наметил ее за шведского наследника... ставленника Елизаветы из голштинских (герцогов. — Ю. Н.) Адольфа Фридриха для подкрепления своей дипломатической агентуры в Стокгольме, а за русского наследника хотел испослать дочь своего верного фельдмаршала, бывшего штеттинского губернатора, рассчитывая создать из нее надежного агента в столице страшной для него империи. Он сам признается в своих записках с большим самодовольством,

что брак Петра и Екатерины — его дело, его идея, что он считал его необходимым для государственных интересов Пруссии и в Екатерине он видел лицо, наиболее пригодное для их обеспечения со стороны Петербурга» (Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. С. 579).

Как мы уже видели, планы короля, и на этот раз не бывшего про «запасные позиции», блестяще осуществились: Екатерина II не обманула его ожиданий. Стоит ли, читатель, после этого огульно обвинять Петра III во всех смертных грехах? С другой стороны, Семилетняя война, несомненно, действительно стала непосильной обузой для страны: ежегодный дефицит достигал 7 миллионов рублей, за военные поставки не было уплачено 13 миллионов, обращавшиеся в стране 60 миллионов рублей были двенадцати разных весов — серебряные от 82-й пробы (довоенные) до 63-й и медные от 40 рублей до 32 в пуде. Попытка получить в Голландии займ на 2 миллиона окончились неудачей. В целях пополнения казны таможи были отданы на откуп за 2 миллиона рублей и почти все отрасли торговли отданы в монополию частным лицам, немилосердно наживавшимся на этом. И все же денег не было.

Война для России закончилась. Находившиеся в Восточной Пруссии русские войска, при Петре III сдавшие власть прусским чиновникам, после свержения императора отменили было его распоряжения, но затем окончательно покинули провинцию — уже по приказу Екатерины. В августе 1762 года старый фельдмаршал Левальд после четырехлетнего перерыва вернулся в свое генерал-губернаторство.

Теперь Фридрих был совершенно спокоен: он мог обратить все свое войско против одной Австрии. Даун после поражения при Буркерсдорфе был отрезан от Швейдница и отступил далее в горы. Пруссакам открылся свободный доступ к крепости. Генерал Тауэнцен начал осаду: 8 августа были отрыты траншеи. Две армии, одна под начальством короля, другая под командой принца Бевернского, прикрывали его. Эта осада заняла

важное место в истории военной науки. Два отличных инженера: Грибоваль, со стороны австрийцев, и Лафевр, со стороны пруссаков, управляли осадой и защитой крепости. Оба были знамениты сочинениями по этой части и держались различных систем. Борьба их должна была решить, которая из двух систем лучше. Это подало повод к особенной подземной войне, в которой оба соперника одинаково торжествовали.

Между тем Даун, обойдя горный хребет, напал на армию принца Бевернского, расположенную при Рейхенбахе (август 1762 года). Дрались с остервенением, но Фридрих подоспел на помощь к своему полководцу, и победа осталась за пруссаками. Эта попытка стоила австрийцам 3000 человек. Видя невозможность вырвать у пруссаков Швейдниц, Даун отретировался к Глацу. Два месяца продолжалась бесплодная осада. Фридрих потерял терпение и сам взялся за распоряжения. Удачным выстрелом из гаубицы граната была брошена в пороховой подвал, и целый бастион с двумя ротами австрийских гренадер взлетел на воздух. Тогда начались приготовления к штурму, но комендант Гаско не допустил этого и 9 октября сдал крепость. Весь гарнизон был взят в плен. Пруссия и Австрия похоронили во время осады Швейдница по 3000 человек. 172 тысяч бомб и гранат было брошено в крепость, 150 тысяч таких же выстрелов сделано по пруссакам. Фридрих показал примерное хладнокровие во время этой осады. Раз он осматривал подкопы: ядра и гранаты сыпались вокруг него. Одно из них убило лошадь под его пажом. Генералы просили короля ретироваться с опасного места. «Не бойтесь, — отвечал он им, — ядро, которое должно поразить меня, падет свыше!»

Восемнадцатилетний наследник престола (будущий король Фридрих Вильгельм II) сопровождал короля по всем трудным пунктам. Взятием Швейдница кончилась вся операция в Силезии. Войска Фридриха пошли в Саксонию, куда и Даун отправил часть своей армии. Там принц Генрих отлично держался против всех нападений австрийцев и имперцев. Малая война велась постоянно, и почти всегда он выходил победителем из мелких стычек и сражений. Победы при Дебельне, близ Ау-

эрсбаха, и под Теплицем позволили принцу решительно одержать верх над неприятелем. Имперцы были совершенно вытеснены из Саксонии и только после большого обхода через Богемию им удалось опять примкнуть к австрийской армии. Тогда соединенные неприятельские войска, возглавляемые австрийским фельдмаршалом Сербельони, решили кончить поход генеральным сражением. 29 октября обе армии выстроились друг против друга на Фрейбергских полях. Здесь обе стороны действовали так решительно, что, по словам историков, кровь лилась ручьями и груды мертвых тел часто разделяли сражающихся. Вся битва продолжалась только два часа, после чего неприятели были так истощены, что не могли долее бороться. Сперва была опрокинута легкая кавалерия австрийцев, потом имперцы вытеснены из окопов и отброшены к Мульде. Наконец, после упорной борьбы пехоты, на поле боя появился Зейдлиц со своими кирасирами и нанес неприятелю решительный удар.

Зейдлиц

Дело под Фрейбергом стало последним в эту кампанию. Имперские войска очистили Саксонию совершенно, Даун отошел к Дрездену. Враждующие заключили между собой перемирие, и каждая армия вступила на зимние квартиры.

Между тем война в Вестфалии велась с переменным успехом. В феврале 1762 года Фердинанд действовал с большим успехом против французов. Он напал на их зимние квартиры, уничтожил магазины и вытеснил неприятеля из многих укрепленных мест. Только Кассель и Геттинген остались в руках французов; но у Лангензальце французы потерпели такое сильное поражение, что принуждены были очистить победителям путь к Касселю. Тогда Фердинанд послал племянника своего на осаду этого города, а сам начал блокировать Марбург. Взятие Касселя могло лишить французов всех выгод, приобретенных ими в предыдущую кампанию. Потому маршал Брольи собрал все свои силы на Нижнем Рейне, смело пошел на неприятеля и разбил союзную армию при Стангероде.

Фердинанд вынужден был ретироваться к Падерборну, а французы, овладев всей Гессенской областью, открыли себе путь в Ганновер. Холод и недостаток продовольствия заставил и обе армии прекратить военные действия.

Малая война открылась снова на исходе июня. Обе армии действовали сначала с равным успехом, но напоследок французы взяли перевес. Броглио овладел Ганноверской областью, тревожил Вестфалию, взял Оснабрюк, Эмден, даже Бремен, хотя это был имперский город, и везде собирал страшные контрибуции деньгами и провиантом. Успехи французов были бы еще значительнее, если бы наступившая зима и разногласия между Брольи и Субизом не остановили военных действий. Оклеветанный последним, Брольи был отозван от войска и удален от двора. Место его занял принц Конде. С этого момента все пошло иначе.

Французы искренне сочувствовали павшему жертвой дворцовых интриг де Брольи. На другой день после его смещения в парижском театре представляли трагедию «Танкред». При словах «Участь героя быть преследуе-

мым!» раздались такие неистовые рукоплескания и крики, что для прекращения шума власти были вынуждены вызвать полицию. В царствование императора Павла I Брольи поступил на русскую службу, где получил звание генерал-фельдмаршала, но, не найдя себе применения, вышел в отставку. Эмигрировав после Французской революции в Германию, он умер в Мюнстере в 1804 году. Будущий король Людовик XVIII так говорил о нем: «В Брольи две редкие крайности — храбрость юноши и опытность старца!»

Имея против себя довольно бездарного принца Конде, Фердинанд Брауншвейгский снова ознаменовал себя рядом побед, несмотря на то что лорд Бут очень слабо подкреплял его войском со стороны Англии. К концу года между Англией и Францией начались мирные переговоры. Фердинанд, не обращая на это внимания, продолжал действовать и 1 ноября успел еще отнять у французов Кассель. Это был последний подвиг великого полководца: через несколько дней был заключен мир. Лондонский парламент отблагодарил Фердинанда адресом, в котором назначил ему ежегодный пенсион в 3 тысячи фунтов стерлингов.

Война эта совершенно разорила Францию. Вольтер говорил: «Франция во время шестилетнего союза с Австрией гораздо более истощилась людьми и деньгами, чем во все войны, которые она вела с этим домом в течение двух веков». По статьям мирного договора французы обязаны были очистить и возвратить все завоеванные ими у англичан земли; о землях же прусских, находившихся в их руках, в договоре было упомянуто невнятно. Поэтому французы еще оставались в Клевском, Гельдернском и других округах, и Фридриху предстояло изгнать их оттуда силой.

Перемирие, заключенное Фридрихом, распространилось только на Саксонию и Силезию. Он решил воспользоваться им для поражения прочих неприятелей. Он отправил 10-тысячный корпус против имперских князей, которые держались противной стороны. Генерал Клейст со славой исполнил эту экспедицию. В декабре он вошел во Франконию, овладел Бамбергом, потом Нюрнбергом, взял с обоих городов до двух милли-

онов талеров контрибуции и оттуда уже отправил партии по разным направлениям Имперского союза. Прусские гусары распространяли повсюду страх и трепет. При одном их появлении города сдавались и выплачивали деньги.

Так достигли они самого Регенсбурга. Имперский сейм пришел в ужас и в крайней беде прибегнул к милосердию прусского посланника, графа Плото, к которому прежде относились с пренебрежением. Его покровительство спасло Регенсбург. Австрия смотрела равнодушно на действия Клейста и тогда только отправила небольшой корпус во Франконию, когда Клейст, обремененный добычей, заложниками и пленными, уже находился на обратном пути и благополучно прибыл в Саксонию. Союзные имперские чины теперь увидели ясно, как непрочна надежда на помощь австрийцев, и «спешили наперегонки отделяться от союза против Пруссии или заключать с ней мир». Это ознаменовало развал антипрусской коалиции — Бавария прежде всех объявила себя нейтральной; затем войска Пфальца возвратились восвояси и, наконец, и Мекленбург заключил мир с Фридрихом и выплатил ему 150 тысяч талеров контрибуции*.

Другая экспедиция была отправлена королем против французов в рейнские провинции. И она имела самый счастливый результат: 24 июня 1762 года Фердинанд в сражении при Вильгельмстале разбил французов и изгнал их из Вестфалии. Таким образом, западные владения Пруссии в самое короткое время были очищены и спасены от грабежа французских мародеров — армия принца Конде к ноябрю ушла за Рейн.

Теперь Австрия и Пруссия должны были бороться один на один. Все преимущества склонились на сторону Фридриха. Богатые контрибуции, собранные им с им-

* Пруссаки ухитрились настолько эффективно организовать сбор контрибуции, что, казалось бы, абсолютно истощенная Пруссия вышла из войны без единого талера внешнего долга — все было оплачено за счет контрибуции 1762 года.

перских городов, он употреблял теперь на жалованье имперским же солдатам, которые при развале «исполнительной армии» целыми полками переходили под его знамена. Таким образом он надеялся составить войско в 200 тысяч человек. Австрия могла выставить против него только 60 тысяч. Кроме того, она была обременена тяжкими долгами; подданные страдали от значительных налогов; недостаток звонкой монеты остановил ход торговли, купцы разорялись, ремесленный класс обнищал: поднялся всеобщий ропот. Эти обстоятельства заставили Марию Терезию смирить свою гордость. Она сделала первый шаг к примирению. Фридрих был рад кончить войну, которая семь лет истощала его силы. Даже Август III увидел, что для спасения Саксонии от конечной гибели остается только одно средство. В ноябре было заключено перемирие.

Саксонский замок Губертсбург был избран для переговоров. Каждая из враждующих держав отправила туда своего уполномоченного. На этот раз для совещаний избрали не министров, не придворных интриганов, а чиновников, известных своей добросовестностью и трезвым взглядом на вещи. Прусский советник посольства Герцберг и тайные советники — австрийский Коленбах и саксонский Фрич в конце декабря съехались в назначенное место. В первых числах января начались переговоры, а 16 февраля мир был подписан на условиях довоенного статус-кво. Все три державы согласились признать взаимно свои владения в тех самых границах, в которых они находились до начала Семилетней войны, и не требовать друг с друга никаких вознаграждений. Силезия и графство Глацкое были признаны собственностью Фридриха. Австрия обязалась даже не разрушать построенных ею новых укреплений. Саксония была возвращена Августу III. Кроме того, Фридрих обязался подать свой голос в пользу эрцгерцога Иосифа, сына Марии Терезии, при избрании его в римские короли, и не нарушать прав католиков в Силезии. Стороны обязались вернуть друг другу захваченное имущество и пленных.

Так кончилась эта кровопролитная распря, которая началась в Америке и опутала своими цепями всю Евро-

пу. Кроме разорения, гибели людей и долгов — она ничего не принесла враждующим державам. Пруссия, опустошенная и разоренная, тем не менее с восторгом ожидала прибытия своего короля в Берлин. Она чувствовала, что отныне все ее величие, безопасность и будущее счастье заключалось в нем. 30 марта, объехав Силезию, он прибыл в Берлин. Фридрих хотел избежать торжественного приема и въехал в город вечером, но народ с утра ждал его перед городскими воротами. Громкие крики «Да здравствует великий король!» встретили победителя. В один миг коляска его была окружена народом, и тысячи факелов запылали по улицам.

Народ ликовал: на площадях раздавались песни и за здравные тосты, все окна блистали радостными огнями. Но Фридрих был печален и с поникшей головой переступил порог своего королевского дома. После семилетнего отсутствия он возвращался в столицу, где взор его на каждом шагу встречал живые свидетельства бедствий, перенесенных подданными, и где он должен был прочесть почти на каждом лице печальный след потерь, ничем не возмездимых. Через несколько дней он писал д'Аржансу: «Стариком, у которого каждый день отнимает по году жизни, инвалидом, израненным подагрой, возвращаюсь я в город, в котором мне знакомы только одни стены. Там нет более близких моему сердцу! Не старые друзья встретят меня у порога; а новые язвы моего народа и бесчисленные заботы об их исцелении. С душой утомленной, сердцем разбитым возвращаюсь я в этот город, где скоро сложу мои кости в приют, покой которого не возмугят ни война, ни бедствия, ни злоба людей!»

На другой день по прибытии в Берлин он отправился в Шарлоттенбургскую придворную церковь, где назначены были молебен и панихида по павшим на поле брани. Вся придворная капелла и множество народа ожидали его появления. Он тихо вошел в церковь и сел в уголке. Служба закончилась, раздался победный гимн Грауна; все взоры обратились на короля: победитель стоял на коленях, опустив голову на руки, и плакал.

Но народ прусский имел достаточно причин радоваться. Семилетняя война возвела Пруссию в степень

самостоятельного государства, пробудила в ней сознание самобытной национальности и уверенность в своих силах. Правда, она оставила опустошительный след в государстве, но это была беда домашняя, поправимая. Зато королевство Фридриха было свободно от внешних долгов и получило все средства развивать нравственные и физические силы из собственных источников, тогда как и другие государства совершенно истощились, и на долгое время результаты своей внутренней деятельности должны были употреблять на погашение иностранных займов. Кроме того, слава прусского оружия и громкое имя Фридриха, как полководца, поставили Пруссию вровень с сильнейшими державами и сделали ее одним из важных рычагов в европейской политике. Этой войне пруссаки обязаны появлением превосходных военачальников: обоих принцев Брауншвейгских, Генриха Клейста, Меллендорфа, Вернера и в особенности героя Семилетней войны Зейдлица, имена которых надолго обеспечивали спокойствие и безопасность государства, отныне играющего важную роль в Европе.

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ВОЙНЫ

Таким образом, мир был заключен. В это же время (10 февраля 1763 года) последовало подписание Парижского мирного договора между единственной настоящей победительницей в войне — Англией и единственной побежденной — Францией. По этому договору Франция отдавала англичанам Канаду, Новую Шотландию, острова на реке Св. Лаврентия, области по реке Огайо и все территории к востоку от Миссисипи (Восточную Луизиану), кроме города Новый Орлеан. Союзники Франции — испанские Бурбоны обменяли Флориду на захваченную британцами Гавану, а также вернули Англии Минорку. Испания получила компенсацию по секретному договору в Сан-Ильдефонсо (ноябрь 1762 года). Франция передала Испании Новый Орлеан и Луизиану к западу от Миссисипи. В Вест-Индии Гваделупа и Мартиника были возвращены французам, но все острова из Малого Антильского архипелага, за исключением Сент-Люсии, получила Англия. В Индии британская Ост-Индская компания установила контроль над Французской Бенгалией. Была ограничена и строго установлена численность французских войск в Индии. Англичане прибрали к рукам и почти всю территорию Сенегала в Африке. Одновременно с потерей колоний в Новом Свете Франция потеряла и свой традиционный авторитет в Старом Свете.

Кроме Франции, в наименьшем выигрыше остались Австрия и Россия. Последняя затратила на совершенно ненужную ей войну 300 тысяч жизней своих подданных и огромную сумму в 30 миллионов рублей, часть которой, впрочем, была субсидирована Англией. Австрия же не сумела ни ликвидировать королевство и армию Фридриха, ни хотя бы вернуть себе утраченные ранее земли. О Саксонии я уже не говорю. Фридрих разрушил все планы своих врагов, сохранил свои владения и резко увеличил удельный вес Пруссии в Европе: она по пра-

ву и навсегда вошла в число великих держав и стала постепенно доминировать во внутригерманских вопросах, медленно, но верно отгесняя Австрию на второй план. Поэтому, хотя мир и был заключен на условиях довоенного статус-кво, в Семилетней войне, бесспорно, победила англо-прусская коалиция.

* * *

За семь кампаний Фридрих совершил три наступательных и четыре оборонительных похода, что свидетельствует о том, что время работало против него.

За это время существенно изменилась и тактика короля. Кроме блестящего во многих случаях применения косога боевого порядка (чем, кстати, тактические новшества Фридриха отнюдь не исчерпывались), за время боевых действий он существенно изменил направленность своих действий. От стремления разбить силы противника в одном генеральном сражении, несмотря на реальное соотношение сил, действий в самом бою «на ура», ориентации на разгром вражеской армии одним лихим ударом, «а там будь что будет», он постепенно пришел к осознанию необходимости применения «стратегии измора» неприятеля маршами и мелкими стычками. Битву на этом этапе король считал возможной только при наличии целого комплекса благоприятных для его войск факторов. Все это диктовалось существенной необходимостью — способностью действовать малыми силами против огромного количества врагов.

На заключительном этапе Семилетней войны пруссаки применили совершенно новое в военной истории и науке средство — организацию партизанских отрядов, ядром которых становились легкие подразделения регулярной армии. Вокруг них собирались вооруженные за казенный или личный счет отряды горожан и крестьян. Эти формирования стали весьма действенным оружием против русских войск в Померании и Бранденбурге. Впоследствии на основе опыта их боевой работы пруссаки впервые в мире создали регулярные части легкой пехоты (егерей) — это произошло еще при жизни Фридриха, и это легло в основу создания румянцевских егерей.

ских корпусов в России. В эпоху наполеоновских войн «партизанский» опыт Семилетней войны сослужил Пруссии бесценную службу.

Читатель, видимо, уже заметил, что я в книге отвел особое место роли в войне России и ее армии. Естественно, это было сделано умышленно. Как я уже говорил в своем предисловии, горы лжи и недоговоренностей, нагроможденные вокруг событий Семилетней войны, того, что ей предшествовало, и того, что ей наследовало раньше, просто не давали возможности объективно разобраться в ее ходе. Елизавета и ее окружение выставлялись как «освободители Европы» от пруссаков, а Фридрих и «его моральный вассал» Петр III — как посмешище и полные ничтожества. Все, что делали в войну русские, признавалось необходимым и благородным, австрийцы и пруссаки — действовали подло и вообще «от лукавого».

Для Керсновского все просто: «Составляя едва лишь пятую часть общих сил коалиции, русская армия в качественном отношении занимала в ряду их первое место — и ее боевая работа превышает таковую же всех остальных союзных армий, взятых вместе.

Работа эта в конечном счете оказалась безрезультатной. Вина в этом не только Петр III — моральный вассал Фридриха, а также (и главным образом) наш австрийский союзник». Оставляя пока без внимания роль Петра (об этом я скажу позже), остановлюсь на действительной роли России в Семилетней войне, русско-австрийских союзнических отношениях и пресловутом «венском эгоизме».

Говоря о русском вкладе в войну, я хотел бы поговорить вообще о нашей стратегии того периода. По словам Керсновского, «полевая» стратегия русских «всю войну была скована стратегией кабинетной. Выдающиеся начальники, как Салтыков, ослабляли эти узы — посредственные, как Фермор, следовали указке слепо».

В своем труде Керсновский далее пишет: «Салтыков обладал в большой степени здравым смыслом и (что делает из него вождя в истинном значении слова) сочетал с воинской храбростью большое гражданское мужество. Он умел разговаривать с наглыми австрийцами (!

и наотрез отказывался выполнять требования Конференции, шедшие вразрез с интересами русской армии и несовместимые с достоинством России... Кампания 1759 года ставит Салтыкова головою выше всех союзных полководцев Семилетней войны».

Впрочем, остается непонятным, почему эти лавры не принадлежат Дауну, который в конце 1758 года единственным из всех воевавших командующих додумался до атаки противника ночью, или Фридриху, который трижды в течение той же кампании 1759 года (не говоря уже о последующих) выпугивался из плотнейшего стратегического окружения при соотношении сил 1 : 3, а то и 1 : 5.

Затем — отказ «выполнять требования Конференции, шедшие вразрез с интересами русской армии». Неужели есть на свете армия, чьи интересы идут вразрез с требованиями ее правительства? В той же «Истории Русской Армии» можно прочесть следующий пассаж: «Жалкую роль некоего «унтер-гофкригсрата» играла петербургская Конференция, заботившаяся лишь о соблюдении австрийских интересов и упускавшая из виду свои собственные. Здесь, бесспорно, сказалось влияние нашей дипломатии, являвшейся во все времена защитницей чужих государств в ущерб таковым же своего собственного». В те времена она подпала под влияние графа Кауница — знаменитого канцлера Марии Терезии...

Одна лишь кампания 1757 года и зимний поход 1758-го были нами ведены в наших собственных интересах. В 1758, 1759, 1760, 1761 годах соблюдались интересы Австрии, в 1762-м — интересы Пруссии» (Керсновский А. А. История Русской армии).

Керсновский пишет, что «войну можно было кончить еще в 1759 году, после Кунерсдорфа, прояви австрийцы известный минимум лояльности, более того — понимай они правильно свои же интересы. Бездарный и нерешительный Даун пропустил тогда исключительно благоприятный момент. Эгоизм Австрии был настолько велик, что шел ей же во вред!»

Здесь стоит коснуться о чем поспорить. Как известно, «минимум лояльности» в кампанию 1759 года не проявили и русские. Дым Кунерсдорфа настолько затмил им гла-

за, что Салтыков, одержав победу, счел, что это дает ему возможность диктовать условия всем другим союзникам. Однако, как известно, еще Цезарь, затем Наполеон, а за ними и Эйзенхауэр сказали, что коалиционная война единственно возможна не при условии диктата одной, даже доминирующей стороной, а лишь путем уступок ее партнерам.

Россия же доминирующей не была. Имея на своем счету крайне малозначительную и крайне тяжелую победу при Гросс-Егерсдорфе, поражение при Цорндорфе и крупную победу при Кунерсдорфе, а также рейд на Берлин и взятие Кольберга, наши военные и историки почему-то принижают роль австрийцев. Тем не менее у последних был и Колин, и Хохкирх, и другие победы. Армия Габсбургов брала Глац и Швейдниц (которые с точки зрения логики войны были стократ более важными пунктами, чем тот же Кольберг), а также совершила успешный рейд на Берлин под началом Гадлика гораздо раньше, чем русские.

Кроме того, Австрия в одиночку воевала с пруссаками (еще свежими и полными сил) два крайне тяжелых года — 1756-й и 1757-й (топтание русских под началом Апраксина в Восточной Пруссии в кампанию 1757 года против крошечного корпуса Левальда серьезной помощью союзнику счесть нельзя). Впрочем, обо всем этом я уже сказал в главе, посвященной кунерсдорфским событиям.

При отсутствии взаимодействия с австрийцами (на чем настаивают наши «послевоенные» историки — дескать, соединение с Дауном значит «подчинение России венскому кабинету»), мы создали бы для Фридриха перспективу разгрома обеих главных союзных армий по частям. Как известно, король прусский именно этого и добивался всей своей стратегией, а Салтыков, Фермор и Бутурлин всячески ему в этом способствовали. В случае полного разгрома Австрии пруссаками (чего русско-советская историография в своих трудах молчаливо желала), мы бы в одиночку вряд ли сумели бы удержать наши эфемерные «приобретения» и «прислги» в Восточной Пруссии. Таким образом, так ли отличен бесспорный эгоизм Австрии от его российского аналога?

Анализируя состояние армии и стратегии России в ходе войны, Керсновский делает решительный вывод: «с русской стороны мы можем отметить следующие элементы. 1). Политика — слаба и несамостоятельна. 2). Стратегия «кабинетная» — несостоятельная и антинациональная, «полевая» — всякий раз, когда ей удается освободиться от пуг «кабинетной» — хороша. 3). Тактика — хороша, а иногда — отлична. 4). Качество войск — при всех обстоятельствах превосходно». Предлагаю читателю на основе предложенных мною текстов самому оценить «объективность» этих слов...

В целом русская армия с честью выдержала трудное испытание Семилетней войны. В борьбе с лучшей армией Западной Европы, в ожесточенных кровопролитных сражениях русские войска часто не уступали противнику. В основе этого лежало моральное превосходство русской национальной армии, ее монопольной солдатской массы над отлично вымуштрованными, но не одушевленными никакой идеей насильственно завербованными солдатами прусского короля. Огромные потери (в относительном выражении) не помешали русским войскам при Цорндорфе удержать поле сражения, а при Кунерсдорфе обратить в бегство врага.

Это представляет собой исключительное явление в мировой военной истории и служит одним из наиболее убедительных показателей их высоких качеств. Русская армия, бесспорно, сыграла важную (но не важнейшую) роль в войне на европейском театре военных действий. Безусловно, кунерсдорфская победа русской армии поставила Пруссию на грань катастрофы. Даже и тот затянувшийся ход войны, который фактически имел место, вел к неотвратимому поражению Пруссии. Сложилось же такое положение прежде всего благодаря действиям и успехам союзных армий в 1759 и 1760 годах. Случайное обстоятельство, изменившее финал войны, отняло у России плоды ее усилий, но не могло лишить ее военной славы. Международный авторитет и внешнеполитические позиции страны укрепились.

Итогам развития русского военного искусства в ходе Семилетней войны вряд ли можно дать однозначную оценку. Как было показано, на стратегию русской ар-

мии влиял ряд факторов, тормозивших активность и толкавших на путь «сдержанных» стратегических методов, присущих западноевропейским армиям рассматриваемого периода. Таким образом, в целом война вылилась в борьбу на истощение. Тем не менее, несмотря на неблагоприятные условия, один крупный положительный образец применения новых стратегических методов — Пальциг-Кунерсдорфский поход Салтыкова — был в бесспорном активе русского военного искусства в Семилетнюю войну. Положительной оценки заслуживают не только действия Салтыкова во время этого похода, но и основная идея, заложенная, что бы там не утверждал Керсновский, в план Конференции на 1759 год (по соединении армий союзников «...дать решительную баталию и всей войне конец сделать»).

Но после 1759 года стало очевидно, что абстрактно правильная идея — нанести поражение Фридриху соединенными силами союзников — являлась практически, в силу негативной позиции обеих сторон, неосуществимой. Конференции следовало на 1760 год принять предложение Салтыкова. Возможно, что тогда Кольберг был бы взят на год раньше и крах Пруссии сделался бы вероятным уже в 1761 году, до момента смерти его непримиримой противницы — Елизаветы.

Главной проблемой, стоявшей перед русской армией и так и не разрешенной во время Семилетней войны, была проблема наступательного боя. В этой области во время Семилетней войны были сделаны важные шаги вперед. В первую очередь нужно указать на осуществленное Салтыковым при Кунерсдорфе отступление от традиционной схемы линейного боевого порядка. Впервые был создан сильный резерв, что означало начало преодоления одного из наиболее тяжелых недостатков этой тактики. Другим позитивным моментом стало зарождение в русской армии легкой пехоты в виде сформированных Румянцевым в 1761 году батальонов и начало разработки тактики таких войск. Известное значение имело и применение (хотя и в ограниченном масштабе) сомкнутых колонн для атаки.

Новые, весьма значительные явления наблюдались в развитии методов боевого применения артиллерии

русской армии. Одно из них — маневр артиллерии вдоль фронта, осуществленный при Кунерсдорфе. Другое — возникновение идеи артиллерийского резерва. Эта мысль появилась в результате учета опыта Кунерсдорфского сражения. Она отражена в наставлении артиллерии 1760 года И. Ф. Глебова; такое же требование встречаем и в плане кампании 1760 года, разработанном Конференцией. Указанные явления обозначили путь дальнейшего развития методов боевого использования артиллерии, которому в будущем, хотя и не близком, суждено было сделаться важным фактором развития военного искусства вообще.

Таким образом, в русском военном искусстве периода Семилетней войны обнаруживается зарождение новых, прогрессивных форм и методов ведения войны и боя. Однако перелома в целом в развитии русского военного искусства еще не произошло.

Важно отметить, что официальная русская военная мысль стремилась учесть опыт Семилетней войны. Этот процесс отражен в мероприятиях и документах, подготовленных Воинской комиссией, созданной в ноябре 1762 года. Комиссия произвела ряд изменений в штатной структуре русской армии. Из них наиболее крупным было усиление тяжелой кавалерии путем преобразования большей части драгунских и всех конногренадерских полков в более дешевые, но и менее эффективные, чем кирасиры, карабинерные — мероприятия, действительно основанное на учете опыта войны, но не до конца продуманное.

Другим организационным моментом, имевшим особое значение, стало начатое в 1764 году формирование егерских команд при пехотных полках, основанием для чего послужил опыт П. А. Румянцева под Кольбергом. С этого времени началось систематическое развертывание в русской армии этого вида пехоты. Вместе с ростом численности егерей шла и разработка тактики и действий.

Воинская комиссия 1762 года разработала и издала новые строевые уставы. В «Пехотном строевом уставе» 1763 года, написанном под руководством Чернышева, можно заметить некоторое, хотя и не радикальное, из-

менение направления русской официальной военной мысли в области тактики пехоты. Этот устав устранил настойчивую акцентировку значения огня, свойственную уставу 1755 года, что являлось несомненно положительной стороной нового устава. Положение устава 1763 года, определяющее основные задачи обучения войск (соответствующее положению «Описания...» 1755 года), гласит следующее: «...все сие описано единственно для того, что все воинские движения и разные обороты фронта основаны и силу свою имеют на исправном и проворном делании оружейных приемов, на твердом знании оборотов марша, нерасторопной команде и произведении огней». Таким образом, здесь делается упор в одинаковой мере на огонь и на маневр («обороты фронта» и «марш»), однако о штыковом ударе опять-таки не упоминается.

Семилетняя война отчетливо продемонстрировала высокие боевые качества русской армии, ее способность вести упорные сражения и побеждать наиболее сильную армию тогдашней Европы, армию Фридриха II. Но главное состояло в другом: именно в этот период в военном искусстве России начался отход от господствовавших в европейских армиях тактических шаблонов и стратегических догм. Нельзя усомниться в том, что ряд побед, одержанных над армией, в которой линейная тактика и маневренная стратегия достигли своего законченного воплощения, способствовал и такому процессу.

Что же касается политических аспектов войны, здесь дело обстоит далеко не так радужно.

Елизавета вместе с Бестужевым ввергла Россию в тяжёлую Семилетнюю войну, которая совершенно не соответствовала интересам страны и фактически велась за дело Австрии (что бы там не писал Керсновский, но все же с первого и до последнего выстрела). При этом русские потеряли 300 тысяч солдат и офицеров и истратили огромное количество средств. Поэтому я глубоко убежден, что нельзя винить Петра III в том, что он, дескать, презрел интересы России и готовился к войне за «чуждое стране» дело. Практически все русские исследователи прямо или косвенно говорят о том,

что в последние годы жизни Елизаветы война стала совершенно непопулярной в России. Собственно, никто не понимал, чего ради она вообще ведется. Это изначально скептическое настроение усугублялось по мере того, как русская армия начала нести невиданные до того потери. Двор и армия буквально ждали смерти императрицы, понимая, что Петр Федорович немедленно закончит войну.

Другое дело, что по восшествии на трон Петра III ситуация изменилась на прямо противоположную: все стали дружно ненавидеть Фридриха, «пруссачину» и прочие «иноземные» штучки. Однако все это было явлением сугубо субъективным и опиралось не на реальные факты, а на чисто внешний антураж правления Петра Федоровича — засилье иноземцев на «хлебных» должностях, новая нелюбимая униформа и пр.

Как известно, Петр вышвырнул из армии всех не имевших никакого отношения к военному делу «генералов» и «фельдмаршалов» — Разумовского, Грубецкого и иже с ними. Прочие же «придворные военные» были вынуждены нести строевую службу, как это было заведено у пруссаков и как, собственно, и должно было быть во всякой армии. Всякой — но только не российской. Керсновский прямо пишет об этом: «Вельможам, числившимся шефами полков, батальонов и рот, указано присутствовать ежедневно на вахтпарадах и проделывать все экзерциции. Для людей, в большинстве своем пожилых и давно отвыкших от строя, нововведение это было не из приятных».

Скажите на милость, а что, собственно, в этом нововведении плохого? Тем не менее и этот факт послужил причиной переворота, осуществленного избалованными и разленившимися при Екатерине гвардейцами, которых «внезапно» заставили нести службу.

Кстати, тон повествования Керсновского на этом этапе возвышается прямо-таки до трагического пафоса: «В 1762 году участь нашего векового врага была в наших руках. Одна Россия, без всякого участия союзников, могла добить погивавшую Пруссию. Наследие Ордена Меченосцев — Кенигсберг и Мариенбург — было уже в наших руках. Но дочери Петра не суждено было

завершить дела, начатого за пять столетий до того Александром Невским. Герцог голштинский спас короля прусского — спас ценою жизни императора Всероссийского».

Смахнув набежавшую слезу, попробуем разобраться в фактах. Никогда (ни до, ни после Семилетней войны) Пруссия не была «вековым врагом России», в отличие, скажем, от Речи Посполитой, Швеции или Турции. Собственно, она и не могла им стать в силу крохотности и слабости владений Бранденбурга и Пруссии и их удаления от русских границ. Кстати, Мариенбург и Кенигсберг являлись наследием отнюдь не ордена Меченосцев, а Тевтонского ордена (в который, правда, влились прибалтийские владения меченосцев). В этом смысле куда более «вековыми врагами» России были, например, Франция и особенно Речь Посполитая — вассал союзного русским короля-курфюрста Августа.

За исключением Семилетней войны (в ходе которой, напомним, Фридрих русских не трогал и трогать не собирался — Елизавета сама полезла в войну, защищая интересы Австрии, всеобщего врага и первого интригана на европейском континенте) Пруссия никогда не воевала с Россией. Две мировые войны XX столетия брать в расчет нельзя, так как они не являлись войнами чисто (или даже изначально) русско-германскими, а были частью общемирового процесса, где обе страны играли только одну из ролей. Напротив, русские и пруссаки со времен Петра Великого (да и до него были тесно связаны в политическом, культурном и военном смысле). Невзирая на всю иронию многих историков, немец, действительно, являлся для нас «учителем и начальником» на протяжении нескольких столетий.

В царствование Павла I и его сыновей это взаимопроникновение стало еще более тесным и включало в себя культурный, политический, а равно и династический «обмен ценностями». В военном же смысле русско-прусская симбиоз стал просто поразительным по своей глубине и содержанию.

Стоит заметить, что в последнее время личность Петра III получила несколько иной оттенок, чем это было принято раньше. Если Ключевский и его современники

считали императора духовным ничтожеством, склонным к грубым кутежам и неспособным к управлению государством, то сейчас общая точка зрения выглядит иначе. Все дело в том, что все подобные обвинения в адрес Петра выдвинула его супруга Екатерина, которой позарез необходимо было оправдать переворот 1762 года.

Интересно, что размышления Петра Федоровича в бытность его Великим князем и указы его недолгого царствования почти во всем совпадают с гуманистическими соображениями М. В. Ломоносова в трактате «О сохранении и размножении российского народа». Всего за 186 дней своего правления Петр успел уничтожить страшную Тайную канцелярию, 18 февраля 1762 года издал манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству», прекратил жестокое преследование старообрядцев, задумал проект передачи управления церковно-монастырских земель в управление государства, что, кстати, и сделала Екатерина в 1764 году. Меры, задуманные Петром III в отношении старообрядцев, исходили из идеи свободы совести и соображений экономического характера — стремления удержать от побегов значительную часть трудоспособного населения. Подобную же политику проводил Фридрих II, а 20 лет спустя объявил в Австрии император Иосиф II. Я уже говорил о том, что хотя Петр заключил в 1762 году мир с Пруссией, но Екатерина-то всего через два года пошла с Фридрихом на союз, сделав то же самое, что и ее свергнутый муж (при полном молчании наших историков)! Петр III хотел даже уничтожить в России крепостное право, заменив его барщиной на прусско-голландский образец, а после его свержения, в «век золотой Екатерины» тяготы крепостничества перешли все разумные нормы, вызвав беспрецедентное по масштабам и ожесточенности восстание Пугачева (который, кстати, объявил себя именно императором Петром Федоровичем). Ей-богу, уразумев все это, приходится журить Петра III только за одно: за введение униформы прусского образца.

А вот Екатерина в бытность свою женой наследника вряд ли тянет на созданный ею самой образ «забитой

овечки». Не говоря о том, что она была фактически «агентом влияния» Фридриха, не касаясь ее морально-го обьнка (масса фаворитов и прочих удовольствий), обращаю внимание только на ненасытное властолюбие бывшей принцессы Ангальт-Цербстской. Мысль о захвате престола возникла у Екатерины задолго до 1762 года. В 1756 году, когда императрица Елизавета тяжело заболела, Екатерина немедленно составила план действий, которым поделилась с английским посланником Уильямсом. От него она получила 10 тысяч фунтов «на известное употребление» (а что еще мог делать союзник Фридриха, внезапно обретший возможность «по дешевке» вывести Россию из войны?). Но императрица тогда выздоровела. В апреле 1762 года Екатерина тайно родила сына от своего очередного фаворита Григория Орлова и вплотную занялась подготовкой переворота (кстати, при помощи российских масонов), который и случился чуть позже.

* * *

Однако вернемся в Пруссию. Фридриху тяжело досталась победа. За время Семилетней войны погибло 200 тысяч прусских солдат, не считая почти 300 тысяч мирных жителей. Силезия, Померания и почти весь Бранденбург были почти полностью опустошены.

Всего же, по разным оценкам, в Семилетнюю войну погибло более 800 тысяч военнослужащих всех воевавших стран — огромная цифра для того времени. Впоследствии Фридрих признал, что в сражениях этой войны он потерял 120 своих генералов, а также 200 тысяч солдат и офицеров. Сходные жертвы были и среди населения Пруссии (его численность сократилась примерно на 500 тысяч человек, считая потери среди военнослужащих), а общие потери среди мирных жителей Германии (как известно, на европейском театре военных действий война велась только на германской территории, включая нынешнюю Чехию) составили порядка 1–1,5 миллиона человек (опять же по разным оценкам).

Пруссия лежала в руинах. Офицер королевской армии Архенгольц так описывал состояние страны после

войны: «Целые округа были опустошены, в других были прерваны ремесла и торговля. Вся дальняя Померания и часть Бранденбурга (напомню, «зона оккупации» России. — Ю. Н.) уподоблялись пустыне. Другие области не дошли еще до столь губельного положения, но в них или совсем не находилось жителей, или не было мужчин. Во многих провинциях женщины пахали поля, в других нельзя было найти даже плугов. Дикие американские пустыни Огио (Огайо. — Ю. Н.) и Ориноко представляли верную картину полей Германии. Один офицер, проехавший семь деревень в Гессене, нашел в них только одного человека, который нарыл бобы, чтобы пообедать».

Однако король начал свою послевоенную деятельность не с благоустройства разрушенного войной хозяйства страны, а с реорганизации армии.

Как пишет Кони, «Семилетней войной Фридрих поставил свое государство на такую степень значения, на которой оно могло удержаться одной силой оружия. Он постигал, что и в мирное время оно могло предаться покою только во всеоружии, как боец, всегда готовый к обороне. Он вынудил мир у истомленного неприятеля; но враг мог отдохнуть. Надлежало быть уверенным в своих силах и для новой встречи. Поэтому Фридрих прежде всего занялся войском. Тотчас по заключении мира он распустил из армии 40 тысяч прусских крестьян, которые возвратились к плугу. Несмотря на это, его войско пополнилось иностранцами, которые стекались со всех сторон, отыскивая честь служить под его победоносными знаменами. Строгая дисциплина связывала это победоносное войско крепкими узами. Ежедневные военные упражнения заставляли солдат думать только о своем деле и забывать обо всем постороннем. Королевское внимание и щедрые награды отличившимся порождали в них благородное состязание. Скоро армия стояла на той же степени совершенства, как войско 1756 года».

Стоит сказать, что к началу 80-х годов прусская армия увеличилась на четверть по сравнению с предвоенным периодом и насчитывала 195–200 тысяч чело-

век. На ее содержание уходило две трети государственного бюджета.

Кроме переустройства армии, Фридрих принял другие неотложные меры к усилению обороноспособности Пруссии. Все укрепления были исправлены и усилены; в силезском Зильберберге построена новая крепость; запасные магазины ломились от запасов, ружейные и литейные заводы работали без отдыха. В 1764 году, через год после подписания Губертусбургского мира, Пруссия имела в 10 раз больше пушек, чем потеряла за всю Семилетнюю войну, а число артиллерийских полков удвоилось.

После окончания боевых действий король немедленно принялся за восстановление разрушенного хозяйства страны. С целью приведения в порядок наиболее пострадавших от войны провинций последние были освобождены от уплаты податей: Силезия — на шесть месяцев, Померания и Неймарк — на два года. Кроме того, 6 миллионов талеров были выданы разным областям и частным лицам для выкупа заложенных дворянских имений и на ремонт фабрик и мануфактур, пришедших в упадок за время войны. Для землевладельцев были выделены особые суммы. Король приказал выдать крестьянам из запасов армейского провианта 42 тысячи четвертей зернового хлеба на посев, почти столько же муки и 35 тысяч артиллерийских обозных лошадей для сельскохозяйственных работ. Всего же, по подсчетам кабинет-министра Герцберга, Фридрих роздал на восстановление государства (с 1763 по 1786 год) 24 399 838 талеров. Самым удивительным является то, что все эти ассигнования сделаны им из его собственной (не государственной) казны, частных сбережений и контрибуций, собранных в военное время. Государственные же суммы остались неприкосновенными. Сам король по этому поводу как-то заметил со свойственным ему равнодушием: «Государство мое богато, но сам я беден, так что же?»

Только в Силезии Фридрих II за восемь лет построил 213 деревень. Кроме того, в Пруссию устремился новый поток протестантских эмигрантов из других германских земель. Во время Семилетней войны преследо-

ванне «еретиков» в католических государствах Германии усилилось еще более и протестанты толпами бежали под защиту Фридриха. В одном Магдебургском округе прусские власти расселили 2000 эмигрантских семей. В Померании, Остфрисланде и других областях королевства были построены обширные колонии иностранных выходцев, которые быстро превратили болотистые и песчаные ландшафты этих провинций в поля и молодые леса.

Лесоводство вообще составляло один из главных предметов забот Фридриха: за время войны обширные прусские леса сильно пострадали. Они были вырублены либо вражескими армиями, либо самим правительством на продажу. После 1763 года огромное количество леса ушло на новые постройки, и король неустанно хлопотал о возобновлении лесных ресурсов страны.

Таким образом, превращенная за время войны в пустыню, Пруссия постепенно возвращалась к довоенному состоянию. В это время Фридрих писал Вольтеру: «Фанатизм и ярость честолюбия превратили самые цветущие области моего государства в пустыни. Если Вас интересует итог опустошений, причиненных мне врагами, то знайте, что я построил в Силезии 8000 домов, в Померании и Неймарке — 6500, а это по всем вычислениям Ньютона и д'Аламбера составит 14 500 новых жилищ! Большая часть была сожжена неприятелем. Нет! Мы не так вели войну. Правда, и мы разрушали несколько домов в городах, которые осаждали; но число их не простирается и до тысячи. Дурной пример не ввел нас в искушение, и с этой стороны совесть моя свободна от всякого упрека».

РАЗДЕЛ ПОЛЬШИ И ПРИОБРЕТЕНИЕ ЗАПАДНОЙ ПРУССИИ

Арена политическая занимала Фридриха не менее забот внутренних. При всей своей силе он чувствовал неудобное положение Пруссии: государство его не имело естественных границ, кроме Балтийского моря к северу. Но и тут для защиты прусских берегов не хватало флота. Между тем после Семилетней войны Пруссия образовала, так сказать, звено, связующее государства Запада с северо-востоком. Фридрих поневоле становился посредником в политике обеих половин Европы. Положение почетное, но опасное. В случае вражды он находился под перекрестным огнем той и другой части, как, впрочем, это уже имело место в 1756—1762 годах.

Хотя Губертсбургский мир и обеспечивал его владения и даровал ему практически первый голос в делах Германии, но Фридрих мог предвидеть, что при постоянном стремлении Австрии к расширению границ и к первенству, этот мир не будет продолжителен. Оборонительный трактат Австрии с Францией, оставшийся после Семилетней войны во всей силе, убеждал его в том еще более. Фридрих стал также думать о союзе с какой-нибудь из сильных держав. Францию он мог бы склонить на свою сторону, но она была слишком слаба и расстроена и не могла предоставить ему надежную опору. С Англией, изменившей ему так предательски, он не хотел более иметь дело.

Турция находилась с ним в дружеских отношениях. Султан Мустафа III после заключения Губертсбургского мира прислал к нему посольство с богатыми подарками, поздравляя его с победой и прося о продолжении дружбы. С осени 1763 года уполномоченный посол Оттоманской Порты Ахмед-эфенди прожил в Берлине до мая следующего года. Уверяют, что султан просил Фридриха прислать к нему одного из трех великих астрологов, которые помогли бы ему победить врагов. На это ко-

роль отвечал, что повелитель правоверных найдет их у себя, ибо эти три астролога суть — его знание политических дел, его войско и казна.

Но чего мог Фридрих ждать от дружбы с турками? Теснимая могуществом России, сама Турция находилась в критическом положении. Влияние Франции на дела дивана делало союз с ней еще сомнительнее. Притом войти в политические связи с султаном значило нажать себе еще одного опаснейшего врага — Россию, виды которой преимущественно были обращены на Восток. Итак, оставалась только одна держава, которая могла достойно поддержать значение Пруссии и обеспечить ее границы с севера и с востока: это была Россия.

Фридрих приложил все старания, чтобы с ней сблизиться. Посланник его граф Сольмс прибыл в Петербург и от имени короля просил прочной дружбы и союза. Но успех был сомнительным. Бестужев-Рюмин, возвращенный Петром III из ссылки, снова начал сводить интриги против Пруссии. Действуя через любимца Екатерины графа Григория Григорьевича Орлова, он всеми силами старался отклонить императрицу от союза с Фридрихом.

Венский кабинет, узнав о намерении прусского короля, немедленно отправил своего министра в Петербург с таким же предложением. Посол Марии Терезии начал вредить миссии Сольмса тайными происками, в то же время разными доводами стараясь убедить Екатерину II, что союз с Австрией может принести России невероятные выгоды, тем более, что Австрия, по своему географическому положению, разделяет неприязнь России к Оттоманской Порте и в случае войны может оказать императрице значительную помощь. Австрийский двор не жалел ничего, чтобы достигнуть цели и не допустить Пруссию до опасного для себя союза.

Но с великой Екатериной было не так легко поладить, как с Елизаветой Петровной. Она не отказывалась от дружбы обеих состоящих государств, но и не хотела заключать союз, пока время и обстоятельства не укажут ей, которой стороны выгоднее держаться. Итак, несмотря на все интриги Бестужева и австрийской партии, несмотря на сильные доводы графа Никиты Ива-

иовича Панина, который ходатайствовал за Фридриха и был особенно любим императрицей за его глубокие политические познания и прозорливый ум, оба посланника действовали безуспешно. Но скоро сами события решили дело в пользу Пруссии.

В октябре 1763 года умер саксонский курфюрст и монарх Речи Посполитой Август III, обязанный польским престолом России. Он оставил после себя сына и малолетнего внука. Сын его умер в декабре того же года. Польша готовилась к избранию нового короля. Во время двадцатисемилетнего слабого царствования Августа анархия в Польше достигла высочайшей степени. Проживая постоянно в Саксонии, Август почти совсем не заботился о делах Польского королевства, где браздами правления овладело своеволие магнатов. Все стихии общественной жизни пришли в совершенное расстройство. Дела государственные решались сеймом, составленным из депутатов областей, которых выбирали на малых сеймиках под влиянием золота или насилия вельмож. *Libegum veto*, право каждого депутата изъяслять свое несогласие на сейме, подавляло часто лучшие и полезнейшие предложения в самом их зародыше. Грозные «Не позволяю!» самого ничтожного шляхтича, служившего орудием своекорыстных видов богатого вельможи, останавливали ход государственных дел и нередко решали участь всего народа.

С пресечения рода Ягеллонов (смертью Сигизмунда Августа I в 1572 году) этим сеймам было предоставлено право избрание королей. Тогда образовалось в Польше столько же партий, сколько было магнатов, ибо каждый из них почитал себя потомком Пяста и, следовательно, претендовал на престол. При Августе III вельможи овладели почти всеми государственными поместьями, управляли ими, как своей собственностью, строили укрепленные замки, вели междоусобные войны и лишили короля всех владений в государстве.

«Имея в руках средства и деньги, они возвышали свой голос над монархической властью. Дух безначалия разлился повсюду. Корысть и фанатизм духовенства раздували страсти. К внутреннему неустройству присоединились еще споры и гонения за веру. Народ враждовал

между собой так же, как и магнаты. Дворянство польское гордилось своей вольностью, утопало в роскоши и разврате, предаваясь или деспотическому угнетению, или всем унижениям рабства, не чувствовало, как влечет свое отечество в бездну гибели.

Польша остановилась в своем гражданском образовании именно в то время, когда соседние с ней державы быстро начали развивать свои силы, и потому сделалась целью для видов других европейских государств. Вот печальное положение, в которое Польша пришла при государях из дома саксонского. Весьма естественно, что в толпе своевольных честолюбцев и врагов общественного порядка, которые так же легкомысленно играли судьбой отечества, как и участью своих крестьян и помещьев, отдавая их на произвол грабительства евреев-арендаторов, были и люди благомыслящие, истинные патриоты...

Скорбя душой о неустройствах отчизны, они желали положить конец ее несчастьям прочным основанием монархического правления, избранием достойного государя, который силой самодержавной власти искоренил бы зло и передал престол своему потомству» (Кони. С. 461).

Главами этих партий были два значительнейших магната — Броницкий и Чарторыйский. Не имея довольно средств отстоять свое мнение в государстве, где каждая голова имела собственное мнение и волю, они для введения нового образа правления принуждены были прибегнуть к посредничеству других держав, наиболее им опасных, к Австрии, Франции и Турции. Россия, зная об этих намерениях, не могла при этом оставаться равнодушной. Смерть Августа III и безначалие Польши заставили Екатерину принять участие в делах этого государства.

Она хотела дать полякам короля, который бы действовал согласно с ее интересами. Выбор императрицы пал на литовского дворянина Станислава Понятовского, который долго жил при русском дворе и был известен как ловкий царедворец, но бесхарактерный и слабый человек.

Саксонский политик граф Линар так писал о Станиславе, с которым был знаком накоротке: «Отец Понятовского был авантюристом и искателем приключений. Из простого слуги в доме помещика Мизельки он поступил в шведскую службу и сделался доверенным лицом Карла Двенадцатого. Потом он вкрался в расположение польского короля Станислава Лещинского и предательски украл у него документ с отречением от престола Августа II Сильного. С этим важным актом поспешил он в Варшаву. В награду за такую услугу Август возвел его в графское достоинство и женил на княжне Чарторыйской, происходившей от Ягеллонов. От этого брака родился Станислав Август. Молодой Понятовский, не имея никакого состояния, но одаренный чрезвычайно красивой наружностью и непомерным честолюбием, долго жил в Германии и Франции в надежде на блестящую будущность. В Париже при содействии шведского посланника ему удалось войти в значительные связи; но мать его, боясь, чтобы слишком обольстительные удовольствия этой страны не имели на сына пагубного влияния, вызвала его из Франции. Понятовский поехал в Лондон. Там сблизился он с лордом Уильямом Гендбери, который, отправляясь к русскому двору, взял его с собой».

Примерно в это же время Станислав был представлен Екатерине, в то время бывшей еще женой наследника. Она, как уже говорилось, увлеклась красным графом и сделала его своим фаворитом во всех смыслах этого слова. В дальнейшем Август III сделал Понятовского своим посланником в Петербурге, но из-за происков французского кабинета последний скоро был отозван в Варшаву.

Екатерина, чтобы достигнуть цели, приняла сторону так называемой «фамилии» — партии Чарторыйского, которому Станислав доводился племянником. Но ей нужна была поддержка еще одной соседней державы. Граф Сольмс уверил ее, что Фридрих примет все меры, чтобы сделать ей удобное и поддержать своим авторитетом ее требования. Таким образом, 31 марта 1764 года составился оборонительный союз России и Пруссии. Статьями этого договора, который остался тайной для

других держав, были гарантированы европейские владения обоих государств с условием: не начинать войны и не заключать мира без обоюдного согласия, а в случае нападения на которую-либо сторону союзная держава обязывалась оказывать помощь или двенадцатью тысячами войска, или субсидией в 480 тысяч талеров. В двух сепаратных статьях договора было сверх того постановлено «не допускать в Польше наследственного самодержавного правления и всеми мерами поддерживать избрание Понятовского на престол».

Прусский посол фон Шенайх и уполномоченные Екатерины II князь Николай Васильевич Репнин и граф Кейзерлинг немедленно отправились в Варшаву, чтобы приготовить почву к предстоящему выбору. Примас (регент в отсутствие монарха) королевства Польского князь Лубенский и важнейшие из магнатов легко склонились на их сторону. Оставалось только получить согласие депутатов из провинции. Эта задача была трудней; но умные министры сумели и тут уладить дело, не унижая высоких своих доверителей низкими средствами интриги и подкупа. Репнин уговорил примаса созвать сперва конвокационный, или предварительный, сейм. На нем было постановлено: «Решать все государственные дела не по единодушному согласию всех членов сейма, как прежде, но по большинству голосов». Этой мерой было уничтожено пагубное *liberum veto*, и министры Пруссии и России могли смело приступить к избранию назначенного императрицей короля. 26 августа собрался избирательный сейм. Противоречий не было: вокруг избирательного поля стояли войска России и Пруссии и были выдвинуты пушки. Эта *Ultima ratio regis* значительно содействовала согласию сейма*. Понятовский был избран единодушно в короли под именем Станислава II Августа.

Россия достигла своей цели. С этих пор императрица диктовала законы на сеймах и король был только по-

* Выйдя к кричавшим «депутатам» сейма, князь Репнин равнодушно выслушал их бессвязные речи, а затем, указав себе заспину, где стояли батареи, сказал: «Вы здесь крику-то поменьше делайте, а то я, в свою очередь, шум заведу, а мой шум поболее вашего будет».

корным исполнителем ее воли. Фридрих, поздравляя Станислава Августа с восшествием на престол, написал ему, между прочим, следующие замечательные строки:

«Не забывают, что Вы обязаны короной выбору, а не рождению. Мир, по всей справедливости, будет смотреть на Ваши деяния гораздо строже, чем на других государей Европы. Вступление на престол последних есть непременно следствие их происхождения, а потому от них ожидают только того, к чему обыкновенный человек способен. Но от избранного равными себе, по единому согласию, от простого подданного, возвышенного в сан королевский, мир вправе требовать всего, чем можно заслужить и украсить корону. Благодарность к народу — первый долг такого монарха, потому что после провидения он одному народу обязан престолом. Король по рождению, действующий недостойно своего звания — сатира на самого себя; но избранный монарх, забывающий свой долг и сан, кладет пятно и на своих подданных. Ваше величество, верно, простит меня за излишний жар — он следствие чистосердечного уважения. Лучшая часть моей картины не столько наставление, чем Вы должны быть, как пророчество, чем Вы будете».

Но при состоянии тогдашней Речи Посполитой и при влиянии на нее посторонних держав Станислав Август вряд ли мог воспользоваться советами Фридриха. Если вопрос о праве на верховную власть был решен Екатериной почти таким же средством, каким Александр Македонский развязал гордиев узел, то другой вопрос — о правах религии — еще волновал умы и разжигал страсти. В основных постановлениях Речи Посполитой было определено, чтобы все граждане, не смотря на различие вероисповедания, пользовались одинаковыми правами в государстве. В 1569 году постановление это было снова утверждено на Люблинском сейме, и с тех пор каждый из королей польских при вступлении на престол приносил клятву сохранять права диссидентов, т. е. граждан не римско-католического исповедания (православных и протестантов).

Но дела веры имели влияние и на дела политические. Большая часть польских подданных держались пра-

вославного закона и, стало быть, невольно находились под влиянием единой веры им России. Желая уничтожить эту последнюю связь между двумя народами, родственными по происхождению, польские короли начиная с XVII века стали притеснять диссидентов. Началось с введения Унии, т. е. смешения обрядов восточной церкви с обрядами западной. В начале XVII столетия иноверцам запрещалось строить новые церкви и возобновлять старые, участвовать в провинциальных сеймах и, наконец, даже поступать на государственную службу.

Такие притеснительные меры не раз разжигали пламя бунта и заставляли подданных греко-русского вероисповедания прибегать к защите русских царей как защитителей и блюстителей православия. Следствием стали войны с Польшей Иоанна III, Василия III, Годунова, Алексея Михайловича. Царевна Софья укротила на время гонения против диссидентов московским договором 1686 года. Но при Петре Великом он был нарушен, гонения возобновились снова и с еще большим фанатизмом.

Иезуиты, найдя в Польше надежное пристанище, возбуждали в католиках непримиримую ненависть к иноверцам. Начиная с Петра Великого, Россия стала пристально наблюдать за действиями польского правительства в отношении к диссидентам. Но слабым королям из саксонского дома трудно было укрощать страсти народа. Политика России была обращена на другие предметы, и участь диссидентов несколько не облегчалась.

Пылкий и великодушный Петр III вознамерился принять более решительное участие в судьбе притесненных единоверцев и силой оружия восстановить их права и свободу. Но провидению угодно было предоставить исполнение этого замысла его супруге, великой Екатерине. Тотчас по возведении Станислава Августа на престол императрица через князя Репнина потребовала от короля утверждения законных привилегий диссидентов. Дворы прусский, английский, шведский и датский поддерживали это требование через своих министров.

Станислав принужден был, наконец, созвать чрезвычайный сейм.

В октябре 1767 года сейм собрался. Краковский епископ Салтык и магнат Залуцкий восстали против предложений Репнина и увлекли за собой большинство голосов. Сопrotивление их возбудило умы в Польше. В Торне, в Слуцке, в Радоме составились конфедерации под начальством маршала Гольца, Яна Грабовского и князя Радзивилла, личного врага Станислава Понятовского. Русские войска под предводительством Салтыкова двинулись на помощь королю. Государству угрожала опустошительная гражданская война.

Устрашенный Станислав решил прибегнуть к силе власти, чтобы остановить бурю в самом ее начале. Он составил новый сейм из семидесяти депутатов. Начальники противостоящей партии начали опять сеять раздор. Репнин приказал их арестовать и отправить в Россию. Таким образом, дело диссидентов было, наконец, окончено; сейм утвердил все их прежние права и обещал полную веротерпимость в государстве. Польша на время успокоилась. В Россию было отправлено почетное посольство, составленное из графов Велигорского, Потоцкого, Поцея и Осалнского для принесения Екатерине благодарности от имени Польши и Великого княжества Литовского за оказанное ею покровительство диссидентам. Такое решительное влияние России на дела стало тревожить другие государства, в особенности Австрию и Францию.

Союз Фридриха с Екатериной мешал Австрии ясно высказать свое неудовольствие, и она до времени оставалась спокойной зрительницей событий. Франция, напротив, прибегла к обыкновенному своему орудью, к дипломатическим прояскам. Герцог Шуазель, управлявший министерством, не мог равнодушно видеть все возрастающую силу России, которая распорядилась престолом Польши, не спросив даже согласия французского короля. Не имея средств противиться намерениям петербургского кабинета силой оружия, Шуазель пустил в ход интригу.

«Французские агенты, — писал Фридрих Великий, — появились повсюду. Одни склоняли поляков к восста-

нию за свою свободу; другие уверяли диван, что могущество России угрожает Оттоманской Порте; третьи, наконец, поддерживали на стокгольмских сеймах партию Гилленборгов*, чтобы через это склонить Швецию к разрыву с Россией. Сам же герцог Шуазель принял на себя труд более важный: он старался склонить прусского короля к разрыву союза с Россией. Но все его старания и все происки его агентов в Швеции были безуспешны».

Зато в Польше и в Турции Шуазель имел полный успех. В марте 1768 года образовалась в Баре (в Подолии) новая конфедерация недовольных решениями сейма. Главами ее выступали воевода Потоцкий, Иосиф Пулавский и два брата Красинских. Они распространили слух в народе, что король по настоянию русской императрицы намерен совершенно истребить католицизм в Польше и обратить всех поляков в православие. С быстротой ракеты пронеслась эта весть по всему королевству и воспламенила католиков: вспыхнул бунт. В Галиче и Закромиче составились еще два союза, и все три конфедерации соединились, наконец, в Кракове, объявляя решение сейма аннулированным, а короля — лишенным престола.

Король и сенат вынуждены были снова обратиться к русской государыне. Русские войска немедленно вступили в Польшу, везде истребляли толпы мятежников и неутомимо преследовали их из одного города в другой до самых берегов Кодымы. Здесь лежало селение Балта, в котором конфедераты укрепились и хотели защищаться. Русские прогнали их за реку, овладели переправой и, перейдя на левый берег Кодымы, сожгли селение. Этот ничтожный случай привел к разрыву Турции с Россией. Правый берег реки принадлежал князьям Любомирским, на левом начинались владения султана. Несмотря на извинения и дружественные предложения

*В Швеции, где всеми делами заправляла аристократия, а власть монарха была номинальной, образовались две противоборствующие партии: Гилленборгов («шляп») и Горнов («шапок»), получивших свои названия от имен лидеров. Гилленборгов поддерживала Франция, Горнов — Англия и Россия.

русского кабинета, диван, подстрекаемый агентом Шуазеля Верженем, сочтя разрушение Балты «неприятным действием» против Порты, объявил России войну (4 октября 1768 года) и заключил русского посла Обрезкова в Семибашенный замок близ Адрианополя.

Все усилия Фридриха примирить обе стороны остались без успеха. «Он увидел себя против воли залутанным в чужую ссору и должен был выступить действующим лицом (как сам выражался) «в политических сплетнях, которыми управляет мир». Он выплатил России вспомогательные суммы, по договору, и ждал, чем дело кончится.

Бессмертная слава озарила русское оружие в этой войне. В течение трех лет Россия приобретает неизменные выгоды: Голицын дважды побеждает при Хотине; Румянцев завоевывает Молдавию и Валахию; Орлов разбивает турок при Хиосе и сжигает их флот при Чесме; Румянцев одерживает победы при Ларге и Кагуле; Панин берет Бендеры; Долгорукий завоевывает Крым. Турция была разбита на всех пунктах, войска ее ослабели и упали духом, большая часть крепостей обращена в развалины» (Кони. С. 472).

Такие успехи России сильно обеспокоили Австрию и даже самого Фридриха. Он предвидел, что от увеличения сил России он мог, подобно Станиславу Августу, из союзника сделаться слугой этой державы, и начал думать о средствах остановить ее завоевания и поддержать политическое равновесие. Австрия думала о том же. Оба государства имели общие цели и, несмотря на скрытую вражду, стали искать сближения.

Иосиф II, сын Марии Терезии, который по смерти Франца I (1765) был объявлен императором и соправителем своей матери, давно смотрел на Фридриха с юношеским увлечением и горел желанием вписать свое имя в летописи мира такими же яркими, блистательными штрихами. Еще в 1766 году, объезжая Богемию и Саксонию, чтобы узнать поближе театр военных действий Семилетней войны, Иосиф письменно изъявил Фридриху желание лично с ним познакомиться. Но тогда канцлер Марии Терезии Кауниц нашел это неприличным. Иосиф извинился перед Фридрихом, говоря, что

скоро поправит невежливость, к которой принуждает его педантизм менторов.

Теперь сами обстоятельства требовали сближения обоих монархов. Город Нейсе в Силезии был избран для их свидания. 25 августа 1769 года туда прибыл молодой император. Фридрих встретил гостя на лестнице. Иосиф бросился к нему в объятия и с восторгом воскликнул: «Теперь я совершенно счастлив! Желания мои исполнились: я вижу и обнимаю величайшего монарха и полководца».

Фридрих отвечал, что «почитает этот день счастливейшим в своей жизни, потому что он послужит эпохой соединения двух домов, которые так долго были разделены враждой и общие интересы которых требуют взаимной поддержки». И действительно, следствием свидания Иосифа с Фридрихом стал договор, которым они обязались сохранять нейтралитет в случае новой войны Франции с Англией. Оба государя расстались, уверяя друг друга в искренней и прочной дружбе. Осенью следующего года Фридрих нанес императору ответный визит. На этот раз съезд был назначен в Нейштадте, в Моравии.

В начале сентября король прибыл в Нейштадт. Иосиф выехал к нему навстречу. У городских ворот оба монарха дружески обнялись и под руку пошли во дворец в сопровождении многочисленной свиты и народной толпы. На этом новом конгрессе Кауниц старался склонить Фридриха к решительному союзу с Австрией, но король не желал прерывать дружеских отношений с Россией. Он обещал, однако, принять все меры, чтобы потушить пожар войны, готовый охватить всю Европу, и вместе с венским кабинетом вызвался быть посредником между Турцией и Россией. Известный авантюрист принц де Линь, находившийся тогда на австрийской службе, оставил нам весьма любопытные записки о нейштадтской встрече. Он приводит множество изречений короля, которые демонстрируют тонкость ума Фридриха.

«Знаете ли, — сказал он раз Иосифу, — что я состоял у вас на службе? Да, да. Первый поход мой был за дом австрийский! Господи! Как времена-то переходчивы! —

прибавил он со вздохом. — Знаете ли, — продолжал он, — что я видел последний луч славы принца Евгения?» — «Вероятно, от этого луча и воспламенился гений Вашего величества,» — сказал принц де Линь. «Бог мой! Кто же может стать наряду с принцем Евгением!» — «Тот кто выше его, — лъстиво прибавил принц. — Например, тот, кто выиграл тринадцать сражений». О фельдмаршале Трауне Фридрих говорил: «Это был мой наставник: у него выучился я сознавать мои ошибки». — «Ваше величество были очень неблагодарны: вы не заплатили ему за уроки, — отвечал де Линь. — Вам следовало, по крайней мере, дать разбить себя; но я не помню, чтобы это случилось». — «Я не был разбит потому только, что не дрался» (в Силезскую войну Траун постоянно переигрывал молодого еще Фридриха в маневрировании, вынуждая того постоянно сдавать позиции без боя).

К Лаудону Фридрих обращался с особенным уважением. Он называл его не иначе, как фельдмаршалом. Это был тонкий упрек австрийскому правительству, которое не оценило заслуг достойного генерала единственно за то, что он взял Швейдниц без разрешения военного совета. Раз, перед обедом, заметили, что Лаудон еще не пришел. «Странно, — сказал Фридрих, — это не похоже на него. Обыкновенно он прежде меня являлся на место». Садясь за стол, Фридрих поместил Лаудона по правую свою руку. «Мне приятнее, — говорил он, — видеть вас возле, чем против себя».

Хитрость и дипломатичность короля доходила до того, что во время пребывания в Нейштадте он и вся его свита носили австрийские мундиры, чтобы синим прусским цветом не напоминать о недавней неприязни. Молодой император сумел расположить его в свою пользу. Вот что Фридрих писал о нем Вольтеру:

«Я был в Моравии и видел императора, который должен играть значительную роль в Европе. Он воспитан при набожном дворе — и презирает предрассудки; вырос среди роскоши — и научился жить просто; окружен льстецами — и скромнен; полон страстью к славе — и жертвует своим честолюбием сыновнему чувству; имел наставниками одних педантов и несмотря на то

в нем столько вкуса, что он читает и ценит творения Вольтера».

Между тем содействие Фридриха к примирению Порты с Россией не имело желанного успеха. Екатерина требовала уступки Молдавии и Валахии и предоставления независимости крымским татарам (разумеется, для их «принятия под руку России»). Австрия, боясь содействия России, вошла в переговоры с Турцией и стала собирать войска в Венгрии. Фридрих, со своей стороны, объявил венскому кабинету, что в случае военных действий он будет поддерживать свою союзницу, русскую императрицу. Франция, пользуясь несогласием кабинетов, обратила все свое внимание на Польшу. Шуазель отправил туда войска и опытного генерала Дюмюрье, впоследствии видного военачальника революционных войн, для предводительствования инсургентами.

Но что мог сделать самый лучший военачальник, когда его войска не привыкли к повиновению и не знали правил подчиненности? Сами главы конфедераций не имели согласия между собой и действовали по своему произволу. Это давало русским войскам, несмотря на их малочисленность, всегдашний перевес над ними. На всех пунктах мятежники были разбиты. Суворов пробовал свой меч, или, если так можно выразиться, набивал руку в этой малой войне. Везде, где он появлялся, конфедераты бежали, а русские праздновали победу. Битвы под Варшавой, около Бреста, при Ландскроне (неудачный штурм Ландскроны, правда, стал едва ли не единственным поражением Суворова за всю его полководческую деятельность) и Люблине, у Велички, Замостья, под Сталовичами, Пулавами, Тинцем и взятие Кракова — это были первые лавровые листья, которые он вплел в свой венок, неувядаемый в русской военной истории. Здесь, в этой упорной войне с целым народом, Суворов доказал миру, что и с малым войском «можно побеждать врага (как он выражался — «без тактики и практики») одним глазомером, быстротой и натиском».

Австрия, обеспокоенная успехами русских в Польше и не видя возможности быстрого решения турецких дел, двинула войско за польские границы и заняла граф-

ство Цешинское под предлогом старинных прав на эту область, заложенную империи в обеспечение значительного долга. Фридрих, наблюдая за всеми движениями своей соперницы и за выгодами России, также расположил 10-тысячный корпус в воеводствах Познанском и Кульмском под видом кордона для охраны Пруссии от свирепствовавшей в Турции чумы. Польша сделалась яблоком раздора. Всеобщая война готова была вспыхнуть с новой силой. Екатерина II с изумлением прочла известие об этом неожиданном шаге Австрии.

В это время принц Генрих, брат Фридриха, находился при русском дворе. Он ездил в Швецию для свидания с сестрой и на обратном пути был приглашен императрицей в Петербург. Своим добрым, открытым характером и приятностью в обращении он сумел заслужить особенную доверенность государыни. «Странно! — сказала Екатерина, сообщая ему полученное ею известие. — В Польше, по-видимому, стоит только протянуть руку, чтобы взять, что захочешь. Но если венский двор думает присвоить себе польские провинции, то и другие соседственные державы вправе сделать то же».

Принц Генрих, столь же ловкий дипломат, как и военачальник, дал мысли императрицы большее развитие. Он старался убедить Екатерину, что дележ Польши, спасая саму страну от гибельной анархии и непрерывных междоусобиц, в то же время может служить успокоением Европы, удовлетворив всеобщие интересы. Россия в Польше найдет вознаграждение за уступку Молдавии и Валахии, без которой мир с Портой невозможен. Пруссия будет удовлетворена за издержки, понесенные в турецкую войну по поводу Польши. Австрия, получив новую область, забудет о Силезии и отступится от союза с Турцией, где ей теперь грозит опасное соседство с Россией.

Мысль Генриха чрезвычайно понравилась Екатерине. Она просила сообщить ее Фридриху II. Тот, восхищенный этим неожиданным средством остановить войну и уладить все дела миролюбиво, вместо ответа прислал готовый план дележа Польши. Между русским и берлинским кабинетами скоро все было слажено. Оставалось пригласить Австрию к участию в общем дого-

воре. Но венский двор, который сам подал повод этому беспримерному замыслу, долго не решался. Тогда Фридрих отправил в Вену договор с Россией о дележе Польши, заключенный 5 февраля 1772 года, дописав, что он поздравляет Марию Терезию с тем, что ныне судьба Европы находится в ее руках, ибо война и мир зависят от ее воли.

«Я уверен, — присовокупил он, — что императрица-королева по своему всегдашнему благоразумию и благонамеренности предпочтет спокойствие Европы всеобщей войне, последствия которой никто не может ни предвидеть, ни с точностью предсказать». Эти многозначительные слова заставили Марию Терезию согласиться на общее желание. «Я уже не в силах, — сказала она Кауниццу, — и потому должна подчиняться воле других; к общему решению присоединяю и мое: пусть будет так».

Несмотря на такое мнение императрицы-королевы, требования Австрии были так неумеренны, что едва не расстроили всего проекта. Фридрих снова должен был прибегнуть к силе убеждений и сам подал Австрии пример к уступчивости, отказавшись, в назначенном ему участке, от важнейших городов Данцига и Торна (ныне Гданьск и Торунь). Австрийский посол при берлинском дворе, барон ван Свитен, принял на себя труд склонить Марию Терезию к более умеренным требованиям.

Наконец, после долгой переписки между кабинетами общий акт о дележе был подписан 25 июля 1772 года. На долю России приходилось ее древнее родовое достояние — Белоруссия (воеводства Двинское, Полоцкое, Могилевское, Оршанское, Мстиславское, Витебское и Рогачевское); Пруссия брала воеводства Мариенбургское (часть бывших владений Тевтонского ордена, захваченная поляками в Великую войну), Хельминское, Поморское, Вармию и часть Великой Польши, до реки Нотец; Австрия — Галицию.

Немедленно все три державы двинули войска на свои участки, объявив на них старинные права. 7 сентября 1773 года сейм согласился на уступку требуемых областей, Станислав Август издал об этом манифест; Россия, Австрия и Пруссия спокойно вступили во владение вновь приобретенными землями.

Фридрих основывал права свои на требуемый от Польши участок на том, что Поморское воеводство и часть Великой Польши, на левом берегу реки Нотец, издавна принадлежали владениям Бранденбургским и были несправедливо отторгнуты польскими королями; что город Эльбинг был некогда заложен его предком за значительную сумму денег и что воеводства Мариенбургское и Хельминское должны отойти во владение Пруссии взамен крупного балтийского порта Данцига, который прежде был столицей Померании, но признан Польшей вольным городом.

Участок, полученный Пруссией, был ничтожнее всех по пространству, народонаселению и достоинству почвы. Но Фридрих сумел извлечь из него огромные выгоды для своего королевства.

Во-первых, эта часть Польши составляла чересполосное владение Пруссией: она послужила к округлению прусского королевства и к естественной связи между ее провинциями.

Во-вторых, обладание устьем Вислы сделало Фридриха хозяином всей польской торговли. Новая провинция получила название Западной Пруссии. Сам король поехал обозреть ее и тотчас же принял меры к ее устройству. В самое короткое время здесь было установлено правильное судопроизводство; собственность и личная свобода жителей обеспечены законом. Крепостное рабство и издавна существовавшее варварское береговое право уничтожились. Везде учреждались школы, «чтобы светом разума и наук облагородить грубую чувственность новых подданных, привыкших к своеволию, распутству и забвению всякого человеческого чувства». Открылись почты, больницы, фабрики: все пришло в движение. Целые колонии пруссаков «заселили пустыни и своим трудолюбием и довольством поощряли беспечных поляков к подражанию».

Отвлекаясь от жизнеописания нашего героя, напомним, что этот раздел не был последним. За ним, уже после кончины Фридриха Великого, последовали еще два — в 1793 и 1795 годах. Последний раздел совершенно уничтожил независимость Речи Посполитой, терри-

торию которой полностью поделили Пруссия, Россия и Австрия, в каком состоянии и пребывала (за исключением периода наполеоновских войн) до 1918 года. Правда, до 1806 года, когда Пруссия была вынуждена предоставить независимость так называемому Герцогству Варшавскому, в которое вошли почти все ранее отошедшие ей польские территории, конфигурация границ «зон раздела» была несколько иной. Так, Варшава, Великая и Малая Польша, которые после 1814 года стали собственностью России, тогда отошли к Пруссии. Русско-прусская граница в 1795 году проходила под самым городом Гродно!

После раздела Польши союз Пруссии с Россией еще более укрепился, несмотря на все усилия враждебных партий. Между Фридрихом и Екатериной завязалась постоянная, дружеская переписка. В 1776 году принц Генрих вторично посетил Петербург. При нем в апреле скончалась супруга наследника престола (будущего императора Павла I) Наталья Алексеевна. Принц, своим истинно родственным участием в этом горестном событии, привязал к себе всю царскую фамилию. С этой минуты императрица обходилась с ним, как с членом своего семейства. Екатерина желала, чтобы Павел Петрович как можно скорее вступил в новый брак.

Принц Генрих предложил для этого союза принцессу Вюртембергскую — Софию Доротею Августу, свою двоюродную племянницу, дочь принцессы из дома Бранденбург-Шведтского (впоследствии — императрица Мария Федоровна, мать императоров Александра и Николая Павловичей). Он знал принцессу коротко и нахваливал, как образец красоты, ума и добродушия. Выбор его получил одобрение Екатерины. В июне цесаревич должен был отправиться в Берлин для свидания и обручения с назначенной невестой. Фридрих делал чрезвычайные приготовления для приема высокого гостя. Крусской границе было выслано для встречи его посольство. 9 июля Великий князь с большой церемонией прибыл в Берлин. Король приветствовал его у дворцового крыльца.

«Ваше величество, — сказал ему Павел Петрович, — я прибыл с глубокого севера в эти счастливые страны, чтобы уверить вас в искренности дружбы, которая отныне навсегда должна связывать Россию и Пруссию, и чтобы увидеть принцессу, назначенную судьбой для украшения престола московских государей. Тем драгоценнее будет она для меня и для моего народа, что я получаю ее из рук ваших. Наконец сбылись мои давнишние желания: я имею честь представиться герою, имя которого прославляется современниками и послужит удивлением для потомства».

Фридрих и здесь показал себя тонким льстецом и дипломатом. Он возразил своему восторженному поклоннику: «Я не заслуживаю таких похвал, любезный принц. Вы видите во мне только больного, поседевшего старика; но я почитаю себя счастливым, что дожил до дня, в который могу принять в моей столице достойного наследника могущественной державы, единственного сына лучшей моей приятельницы, великой Екатерины!» Потом он обратился к графу Румянцеву, который находился в свите наследника: «Приветствую победителя Оттоманов! Я нахожу в вас большое сходство с генералом моим Винтерфельдом». — «Ваше величество, — отвечал Румянцев, — мне было бы очень лестно хоть несколько походить на генерала, который с таким отличием служил под знаменами великого Фридриха». — «Нет! — возразил Фридрих. — Вы не этим должны гордиться, а своими победами; они передадут имя Румянцева позднему потомству».

На другой день Фридрих приказал своему штабу явиться к Румянцеву для поздравления его с приездом. Через несколько дней близ Потсдама проходили маневры, представлявшие Кагульское сражение, выигранное Румянцевым. Сам старый король предводительствовал войсками и по окончании маневров собственноручно возложил на русского полководца орден Черного орла. Кроме того, Фридрих оказал русскому фельдмаршалу много других почестей. На публичном заседании Берлинской академии наук, на которое был приглашен Павел Петрович со всей свитой, король посадил Румянцева возле себя, тогда как прусские принцы крови сто-

яли у него за стулом. Знаменитый ученый Формей произнес хвалебную речь цесаревичу, в которой превозносил его доблести и предсказывал России под его скипетром «продолжительное счастье». Потом, обращаясь к Румянцеву, он сказал: «Да будет этот воитель надолго ангелом-хранителем русского престола. Я желал бы высказать восторг, воодушевляющий меня при виде задунайского героя, который соединил в себе мужество Ахилла с доблестью Энея, но для этого нужен гений Гомера и Вергилия, а мой голос слишком слаб для его прославления».

Два дня спустя по приезде цесаревича было совершенно его обручение. Ряд торжеств и блистательных праздников последовал за этим обрядом.

ВОЙНА ЗА БАВАРСКОЕ НАСЛЕДСТВО. ГЕРМАНСКИЙ СОЮЗ

«Рок не судил мудрецу-монарху посвятить остальную жизнь мирным заботам о благе подданных. Проницательный взгляд его следил за каждым движением политического мира, и где только предвиделась малейшая опасность могуществу и самостоятельности Прусского королевства, он готов был отстаивать свои права вооруженной рукой» (Кони. С. 477). В продолжение нескольких веков австрийский дом домогался неограниченной власти в Германии и желал обратить всех немецких князей в покорных вассалов. Мы видели, что большая часть князей волей или неволей вынуждены были принять сторону Австрии в Семилетней войне. Знакомство с Иосифом II убедило Фридриха, что в голове этого молодого монарха таятся обширные замыслы и что с его пылким, предприимчивым характером он вернее всех своих предшественников может достигнуть желанной цели. Поэтому король решил не упускать его из виду. Портрет Иосифа стоял у него в кабинете на стуле. «Я нарочно поставил его здесь, — сказал он одному из своих генералов, — чтобы иметь его всегда перед глазами. Император Иосиф — человек с головой; он мог бы многое произвести, но жаль, что всегда делает второй шаг прежде первого».

Фридрих был совершенно прав: Иосиф II был ярым поклонником прусского короля (еще почище Петра III в России) и во всем стремился подражать своему кумиру. Австрийский император искренне полагал, что война — это его призвание, и считал, что его царствование ознаменуется вереницей славных побед имперского оружия. Однако его военные способности на поверку оказались более чем скромными. По выражению одного из немецких историков, «робкий и нерешительный, Иосиф даже отдаленно не понимал своего кумира (Фри-

дриха II. — Ю. Н.), органически не мог понять и принять его жестких и решительных действий...»

Тем не менее опасения Фридриха на счет Иосифа скоро оправдались. В декабре 1777 года от оспы внезапно скончался курфюрст Баварский Максимилиан III Иосиф, что пресекло царствующий дом Витгельсбахов. Корона баварская перешла на боковую линию династии, к курфюрсту Пфальцскому Карлу Теодору. Но и он не имел законных детей, так что после него по ближайшему праву престол должен был достаться его двоюродному брату, герцогу Пфальц-Цвайбрюккенскому Карлу — представителю последней, самой младшей ветви этой династии (выбор Карла Теодора на «пост» баварского курфюрста вообще был крайне неудачен — он был человеком абсолютно равнодушным к управлению страной и к тому же расточительным; но такова была сила династических законов). А на некоторую часть Пфальцского герцогства и на ландграфство Лейхтенберг могли явить права герцоги Саксонский и Мекленбургский, к тому же группа претендентов на баварское наследство вскоре пополнилась Пруссией. Каждая из этих стран оспаривала права Карла Теодора, поскольку их династии были связаны с угасшим домом Витгельсбахов давними родственными связями. Таким образом, права Карла Теодора на мюнхенский престол оспорили сразу четыре германских государства, два из которых — Пруссия и Австрия — неизбежно должны были столкнуться в открытом конфликте.

Австрии уже давно хотелось приобрести Баварию; во вторую Силезскую войну она почти достигла своей цели, но вскоре вынуждена была отказаться от своих приобретений в Южной Германии. Иосиф II, чтоб вознаградить себя за потерю Силезии, решил воспользоваться этим случаем. Венский кабинет наскоро сочинил какие-то права на это курфюршество и двинул войска в Нижнюю Баварию и Оберпфальц. Карл Теодор не имел ни духа, ни средств противиться и заключил с Иосифом трактат, по которому уступил ему лучшую часть своих владений. Поскольку курфюрст Пфальца не мог противостоять своим конкурентам в открытом бою, он решил пожертвовать частью своего наследства с тем,

чтобы сохранить прочее, и вступил в переговоры с Австрией. Поэтому соглашение, подписанное 3 января 1778 года, закрепляло права Габсбургов на эти две области, в то время как Карл вступал во владение остальной частью Баварии, где его суверенитет впредь должны были охранять австрийские штыки.

Такой самовольный поступок возбудил негодование Фридриха. Настала минута, когда он мог и должен был показать свое преимущество перед остальными монархами Германии. Он решил выступить представителем их прав, защитником германской свободы. Через своего посла он убедил герцога Цвайбрюккенского просить у него защиты против неправильных притязаний императора и самовольного раздробления курфюршества, законным наследником которого он являлся. Фридрих вполне мог пойти на этот шаг: после сокрушительного разгрома в 1756–1762 годах и гибели ее колониальной империи Франция более не рисковала вмешиваться во внутригерманские дела; Россия стала фактической союзницей Пруссии. Австрия осталась в одиночестве. Напротив, Пруссия достигла пика своей мощи за все правление Фридриха Великого. Как я уже говорил, королевская армия достигла численности 195–200 тысяч человек, увеличившись с 50-х годов почти на четверть. Все это, наряду с великолепными боевыми качествами прусских солдат, более чем уравновешивало силы слабеющей Австрии.

Началась дипломатическая переписка и переговоры. Франция и Россия приняли сторону Пруссии. Но Австрия не соглашалась отступить от своего приобретения. Напротив, Иосиф собирал войска из Венгрии, Италии и Фландрии, чтобы вооруженной рукой удержать за собой Баварию. Тогда и Фридрих начал готовиться к войне, несмотря на свой, уже почтенный, возраст и сильные болезненные припадки. В апреле 1778 года вся прусская армия собралась около Берлина на смотр. Обозрев полки, Фридрих созвал около себя генералов.

«Господа! — сказал он им. — Большая часть из нас с юношеских лет служила под прусскими знаменами и даже поседела на службе отечеству: стало быть, мы

друг друга знаем коротко. Дружно делили мы доселе все тревоги и тягости войны, и я убежден, что вам на старости так же неприятно проливать кровь, как и мне. Но государство мое теперь в опасности. На мне, как на короле, лежит святая обязанность защитить подданных и употребить сильные и скорые средства, чтобы рассеять угрожающую тучу. Для этой цели обращаюсь к вашей испытанной храбрости и преданности ко мне. Но прошу об одном: не упускайте из вида чувства человечества, наблюдайте, как можно строже, за порядком и благочинием войск в земле неприятельской. Не могу совершить похода вместе с вами, как в годы моей юности: я еду в почтовой коляске. Вы имеет полное право сделать то же самое. Но в день сражения вы увидите меня на коне, впереди моих храбрых воинов. Надеюсь, что генералы мои и в этом последуют моему примеру».

Стремясь помешать усилению Габсбургов, Пруссия в союзе с Саксонией (последняя к тому времени тоже вспомнила о каких-то правах на часть Баварского наследства) 5 июля 1778 года объявили Австрии войну.

Еще до наступления этого срока две прусские армии, каждая в 80 тысяч человек, двинулись через Силезию и Саксонию к границам Моравии и Богемии. Начальство над одной было поручено принцу Генриху; другая должна была действовать под личным предводительством короля. Фридрих отправился на Бреслау и уже намерен был вступить в Моравию. Но тут между ним и Иосифом завязалась переписка. Торговали, ладили, спорили; ни один не хотел уступить, и Фридрих, наконец, решительно объяснил, что дальнейшее сопротивление Иосифа II почтет объявлением войны. Импульсивному императору того только и хотелось. Обе армии двинулись. Уже 5 июля, в день объявления войны, Фридрих с авангардом вступил в Богемию, скоро к нему присоединился и принц Генрих из Саксонии. Неприятели (австрийскую армию возглавил Лаудон, все же получивший к тому времени чин фельдмаршала) стали друг против друга в укрепленных лагерях.

Но ни одна сторона не отваживалась начать дело. Иногда происходили маленькие, незначительные стычки между разъездами и аванпостами, которые всегда

оканчивались пустяками. Мария Терезия искала средства остановить войну в самом начале, старалась склонить Францию и Англию на свою сторону, но везде встречала отказ. Англия была занята своей войной с колонистами в Северной Америке, Франция объявила себя нейтральной.

Наконец императрица-королева, боясь за жизнь любимого сына и опасаясь повторения Семилетней войны, без ведома Иосифа II обратилась к Фридриху и просила прекратить вражду, говоря, что «им обоим не слишком будет выгодно вырывать друг у друга волосы, убеленные старостью». Фридрих был рад окончить распрю миролюбиво. Он набросал план договора, но австрийский кабинет не соглашался на главные статьи. Иосиф же, узнав о тайных переговорах, объявил императрице, что никогда не ступит ногой в Вену, если она заключит мир. Итак, военные действия продолжались, но недолго. Преодолеть сопротивление армии Лаудона Фридрих так и не сумел — в сентябре 1778 года недостаток в продовольствии заставил пруссаков отступить в графство Глацкое. Там они заняли укрепленный лагерь. Австрийская конница несколько раз пыталась неожиданным нападением нанести им вред во время ретирады, но везде была отбита прусской пехотой.

В этих небольших стычках отличался особенной предусмотрительностью и мужеством молодой наследник прусского престола, принц Фридрих Вильгельм. Когда после того он явился к королю, Фридрих встретил его с распростертыми объятиями: «Отныне вы мне более не племянник, — сказал он принцу, — вы мой кровный сын. Вы распорядились, как опытный генерал; я сам не умел бы распорядиться лучше». Фридрих занял главную квартиру в Шацларе. Зимой австрийцы вторглись в Верхнюю Силезию. После нескольких мелких сражений король их вытеснил и занял пограничные австрийские города.

Здесь он сам подвергался всем опасностям, как в молодые годы, несмотря на то что припадки болезни сильно его изнуряли. Раз утром ему пустили кровь; в полдень услышал он перестрелку и поскакал на место битвы. В пылу сражения перевязка с руки его свалилась

Прусские генералы.

и кровь хлынула фонтаном. Сойдя с коня, он приказал первому попавшемуся ему на глаза лекарю перевязать ранку. В это время неприятельское ядро упало у самых ног его, завертелось и брызнуло вокруг себя песком. Лекарь с ужасом отскочил и затрясся всем телом. Фридрих улыбнулся и сказал окружающим: «Этот, должно быть, не много видывал пушечных ядер».

Итак, Франция и Россия вступили в спор за Баварское наследство и через своих послов потребовали от Австрии окончания войны. Под их давлением, опасаясь, что Петербург и Париж поддержат требования Фридриха силой оружия, австрийский кабинет сделался уступчивее. В декабре 1778 года начались мирные переговоры, в марте следующего года было заключено пе-

ремирие с Пруссией, а в мае, в Тешене, уполномоченные враждующих и посредствующих держав съехались на конгресс. Французский министр, барон де Брейтель, написал проект мира, который и был всеми одобрен и подписан 13 мая. Главные статьи были следующие: «Австрия возвращает Карлу Теодору всю Баварию и Оберпфальц, за исключением одного небольшого округа между реками Дунаем, Инном и Зальцей; Герцог Цвайбрюккенский признается законным наследником Баварии, по пресечении же его рода престол переходит на боковые линии; а курфюрсту Саксонскому и герцогу Мекленбургскому назначают денежные вознаграждения». Россия, Франция, Пруссия и вся Германская империя поручились за неприкосновенность этих прав. Таким образом, Тешенский договор аннулировал австро-пфальцское соглашение 1778 года и Габсбурги вместо обширных нижнебаварских земель удовольствовались крошечным округом Инн. Были подтверждены и наследственные права на некоторые области Баварии и остальных участников войны.

За всю эту почти двухлетнюю войну (фактически, правда, боевые действия продолжались 10 месяцев) так и не произошло ни одного сколько-нибудь значительного сражения. В полном соответствии с канонами линейной тактики противники пытались изнурить один другого сложными маневрами, маршами и контрмаршами, отрезать от баз и склонить к отступлению. В конечном счете австрийцам это удалось, и они вытеснили Фридриха II со своей территории, овладев некоторыми районами Баварии и выиграв кампанию. Однако стратегическая победа осталась за союзом германских государств во главе с Пруссией — они успешно и без большой крови сумели противостоять претензиям Габсбургов на земли Южной Германии. При всей кажущейся никчемности предмета кампании — небольшого Баварского герцогства — он мог послужить усилению Австрии и, соответственно, резко нарушить с трудом сохраняемый паритет между Берлином и Веной.

Строго говоря, в «лоскутной» Священной Римской империи присоединение к землям кого-либо из крупных владетелей даже крошечного городка с окрестны-

ми землями создавало тревожный прецедент и вызывало немедленную реакцию противников. Интересно заметить, что за неполные 100 лет, минувшие после смерти Фридриха II, Пруссия сумела-таки сломать хребет Австрии и после окончания наполеоновских войн присоединила к себе практически все земли Северной Германии (в том числе и те, на которые не имела никакого династического права, что было, разумеется, невозможным в XVIII веке).

Пруссия стала огромной державой: кроме нее, частичную независимость сохранило не более четверти германских государств — Саксонское королевство на юго-востоке страны и конгломерат маленьких католических королевств и великих герцогств на юге — Бавария, Вюртемберг и Баден. Все прочие земли Германии (даже одно королевство — Ганновер) были «железом и кровью» включены в состав Пруссии. Спустя лишь четыре года после австро-прусской войны 1866 года вся Германия была объединена под скипетром Гогенцоллернов.

Объектом стратегических действий в войне за Баварское наследство стали не армии противника, а его территория, магазины и крепости. Войну прозвали «Картофельной», так как солдаты обеих армий питались почти одной картошкой и нанесли гораздо больший вред полям и огородам Богемии, чем противнику. Свою роль в развязке войны сыграла и Россия: в 1779 году Екатерина направила под Тешин (Силезия) Обсервационный корпус князя Николая Васильевича Репнина, сына того Василия Аникитича, который тридцатью годами ранее водил корпус на Рейн в поддержку интересов матери Иосифа — Марии Терезии. Сейчас все было наоборот.

Таким образом, мир снова был установлен. Фридрих, потратив на эту войну до 12 миллионов талеров, не требовал никаких вознаграждений и контрибуций. Этим он хотел показать, что действовал безо всяких видов своекорыстия, единственно с целью защитить права германской конституции и удержать самовластие австрийского дома в границах. Однако действительные планы короля далеко выходили за пределы этих деклараций и полностью достигли своих целей.

С этой минуты все германские владетели стали смотреть на Пруссию как на силу, противоборствующую властолюбивым видам Австрии, а на короля — как на защитника их самостоятельности. Баварский народ буквально обожал его. В крестьянских хижинах его портрет висел в переднем углу, близ образа св. Корбиниана, покровителя Баварии. Посредине обыкновенно теплилась лампада. «Что это значит?» — спросил раз путешественник у баварского крестьянина. Хозяин отвечал: «Вот это — заступник наш на небеси, а тот — защитник на земле. Мы молимся одному за счастье другого и теплим пред обоими масло, в знак нашей благодарности».

Даже сами неприятели стали уважать имя Фридриха. Когда весной 1779 года он узнал, что часть Богемии, в предыдущем году опустошенная его войсками, находится в печальном положении, так что крестьяне принуждены идти по миру, не имея хлеба на посев, он приказал открыть им все свои пограничные запасные магазины с правом брать зерновой хлеб, или в виде займа, или покупать его за самую умеренную цену.

«В политическом мире имя Фридриха сделалось еще значительнее. Вмешательство его во все дела Европы заставило другие державы искать его дружбы. Ни одно политическое предприятие не обходилось без его участия. Нередко он был приглашен к таким союзам, которым даже не мог содействовать силой оружия. Одно его грозное имя заключало в себе довольно магической силы, чтобы подкрепить им всякое намерение. Так присоединился он к вооруженному морскому нейтралитету, учрежденному Екатериной, хотя не имел флота; так вмешался он в борьбу голландских патриотов с штатгальтером и старался примирить обе партии; так вошел он и в союз с Соединенными Северо-Американскими Штатами, которые, вступив в 1783 году в ряд независимых держав, искали его дружбы и покровительства. Новое государство желало распространить свою торговлю в Европе и войти в политические связи со всеми державами, чтобы тем обезопасить себя от всяких покушений англичан. Оно обратилось к Фридриху как «к монарху, который во всяком полезном начинании подает другим пример». Фридрих изъявил согласие.

В 1785 году в Гааге уполномоченный его Тулемейер и послы Соединенных Штатов Франклин, Адамс и Джефферсон заключили союз, который, как памятник чело-веклолюбия и беспристрастия, составляет одно из лучших украшений царствования великого монарха» (Кони. С. 475).

Наконец, в следующем году Фридрих основал Германский союз, чтобы еще прочнее обеспечить права и независимость немецких владетелей.

В 1780 году скончалась Мария Терезия. Иосиф II сделался самодержцем Австрии и спешил доказать миру, что он достоин престола Карла V. В один год произвел он в государстве переворот, какого не могли сделать его предшественники целыми столетиями. Он отобрал монастырские и церковные владения в казну; истреблял древние предрассудки и одним махом пера уничтожил притеснения за веру, от которых так долго страдали его подданные. Он начертал себе план действий, который должен был доставить австрийскому дому неограниченную власть над всей Германией. Видя его стремились к тому, чтобы сделать сан императора независимым от князей-выборщиков (курфюрстов) и духовных сановников и приобрести императорской короне главнейшие и значительнейшие германские владения.

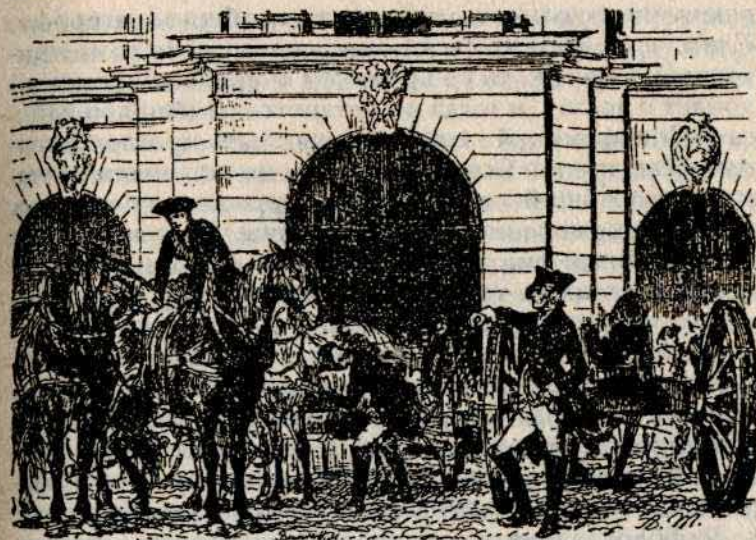
Он начал с того, что несколько духовных владений, имевших земли внутри австрийских границ, насильно обратил в светские области и посадил на епископские престолы своих двоюродных братьев. Так намеревался он поступить и со светскими владетелями, в особенности с курфюрстами, и потому хотел с самого начала дать почувствовать германским князьям, что они подчинены власти императора, который, как глава империи, имеет право распоряжаться по своему усмотрению и в землях своих вассалов.

Вследствие того во многих смежных с Австрией графствах и епископствах по воле императора стали набирать рекрутов; а когда Иосиф отправил войска в Нидерланды, то во всех землях, через которые они проходили, самовольно собирали продовольствие как законную дань. Такие деспотические меры озаботили всех имперских князей. Но страх их достиг высшей степени,

когда Иосиф II в 1785 году вздумал принудить курфюрста Баварского уступить ему Баварию, Оберпфальц, княжества Нейбург и Зульцбах и ландграфство Лейхтенбургское, взамен австрийских Нидерландов (за исключением Люксембурга и Намюра). Чтобы скорее склонить слабого Карла Теодора к этому обмену, Иосиф обещал дать новым его владениям название королевства Бургундского и, кроме того, приплатить три миллиона гульденов; а в случае несогласия грозил содействием России и Франции, которые одобрили его намерения.

Такое насилие возбудило всеобщий ропот. Фридрих снова быстро сориентировался в обстановке и выступил «защитником германских прав». Он представил Екатерине всю несправедливость требований Иосифа и ясные доводы, что такой меной областей не только нарушаются коренные постановления германской конституции, но даже и система равновесия государств, потому что приобретение Баварии подаст Австрии повод простираť свои виды и на другие немецкие владения. Кроме того, этим нарушаются условия Тешенского договора, за неприкосновенность которых Россия поручалась. Екатерина ответила, что она изъявила свое согласие императору только в случае добровольной сделки, но никогда не решится содействовать насилию. Франция в этом случае последовала примеру русской императрицы. Иосиф принужден был отказаться от своих намерений.

Тогда Фридрих приступил к исполнению давно задуманного проекта: к составлению союза германских князей. Он сам набросал план в общих чертах: «Союз этот не оборонительный. Он заключается с единственной целью сохранить права и свободу германских князей, без различия вероисповеданий. Все в нем должно основываться на древних привилегиях и правах, дарованных золотой буллой. Не нахожу нужным припоминать слова старой басни о том, что у лошади можно вытащить хвост по волоску, но нельзя оторвать его, захватив весь в руку. Предлагаемый мной союз должен обеспечивать владения каждого; он воспрепятствует честолюбивому и предприимчивому императору нарушить гер-

Прусская артиллерия

манскую конституцию, отрывая у князей земли по клочкам. Если не будут приняты меры заранее, император рассадит своих братцев и племянничков во все епископства, архиепископства и аббатства Германии, потом обратит их земли в светские владения и, таким образом, поддерживаемый на имперском сейме голосами братцев и племянничков, всегда будет иметь перевес над всеми.

Это относится к духовным властям, права которых, по силе конституции, мы должны защищать. Но и выгоды светских владетелей зависят от обеспечения их земель. Союз наш ограничит императора во всех притязаниях, которые иногда могут переходить за границы дозволенного, как мы недавно видели тому пример в Баварии. Не менее важный предмет составляют регенбургский сейм и вецларское имперское судилище. Надо принять деятельные меры к поддержанию этих важных старинных учреждений, иначе император воспользуется ими, чтобы распространить свое самовластие над всей Германией. Вот главнейшие причины, по которым князья должны присоединиться к союзу, обеспечи-

вающему их самостоятельность и общие интересы. Пусть вспомнят, что если они теперь смотрят на притеснения других, то со временем очередь непременно дойдет и до них, и тогда им останется одно право Улисса в Полифемовой пещере: право быть проглоченными после других. Союз, напротив, может иметь ту выгоду, что общий голос князей удержит императора в границах умеренности, когда он увлечется порывами честолюбия и самовластия; а если бы он вздумал употребить насилие, то найдет крепкий отпор в союзниках, сторону которых непременно примут и другие державы. Я полагаю, что эти мысли стоят зрелого обсуждения. Я набросал только важнейшие пункты, но при основательном рассмотрении им можно дать гораздо обширнейшее развитие. Граф Герцберг, по моему мнению, имеет все необходимые способности, чтобы разработать эти идеи и дать им окончательную форму».

Герцберг за несколько дней детально доработал план короля; списки с него были разосланы ко всем германским владетелям и ко дворам иностранных держав. Саксония и Ганновер первые присоединились к союзу. Их примеру последовали и все другие князья. В июле союз германских князей был всеми подписан в Берлине. Австрии пришлось проглотить пилюлю: в 1785 году началось крупное восстание трансильванских крестьян, которые перебили массу венгерских дворян. Иосифу пришлось безжалостно подавлять восстание силой оружия: в Трансильванию были направлены крупные войсковые контингенты, ослабив силы Австрии в пределах империи.

Кроме того, в 1787 году Австрия в союзе с Россией ввязалась в длительную и тяжелую войну с Турцией (продолжалась до 1791 года). В 1788 году Иосиф потерпел ряд крупных неудач в Сербии и Трансильвании, причем положение австрийцев спасли только своевременные вмешательства русские. В общем, в последние годы жизни Фридриха императору было не до немецких дел, чем и воспользовались в Берлине.

Кони пишет, что «таким образом, Фридрих за все последние годы жизни успел воздвигнуть себе бессмертный памятник в Германии, утвердив права ее властите-

лей на незыблемом основании, даровав ей свободуубеждения и своеобразного развития и поддержав могучей рукой колеблющееся здание ее древней конституции» (Кони. С. 476).

С этого момента история Пруссии и всей Германии вступила в совершенно новую фазу. Фридриху удалось сделать то, о чем еще его отец не мог даже мечтать. Отныне Пруссия фактически и формально заменила Габсбургов в вопросе обеспечения гарантий германским князьям. Песенка Австрии была спета: с этого времени начался ее постепенный уход из большой немецкой политики.

Владения Габсбургов все более стали превращаться в самостоятельное государство, не имеющее с Германией ничего общего. Наполеон, уничтожив в 1806 году тысячелетнюю Священную Римскую империю германской нации и заменивший ее Рейнским союзом, окончательно завершил то, что начиналось в правление Фридриха — Австрия стала самостоятельной империей, выведенной в законодательном смысле за пределы взаимоотношений немецких властителей, которые отныне становились вассалами Берлина.

Существовавшие до этого времени могучая, объединенная прусскими королями Германия и слабая, терявшая постепенно свои когда-то необозримые владения крохотная Австрия — прямые свидетельства политики Фридриха Великого, которая постепенно и целенаправленно осуществлялась 250 лет.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ФРИДРИХА

Говоря о последних годах жизни короля Пруссии, следует заметить, что за свое 46-летнее правление Фридрих воевал в общей сложности не более 15 лет. Последние 23 года его царствования прошли мирно, так как король вполне сознательно удерживался от участия в каких-либо европейских вооруженных конфликтах.

Сразу после Семилетней войны он подробно, в двух томах, описал ее ход. К этому вскоре прибавились «История дележа Польши» и «История войны за Баварское наследство».

Постепенно уходили из жизни боевые соратники Фридриха. Еще совсем молодым, в неполные 52 года, скончался Зейдлиц. В память о боевых товарищах на Вильгельмплац в Берлине король начал сооружение монументов: при его жизни там были установлены памятники Шверину, Зейдлицу, Кейту и Винтерфельду. Уже после смерти Фридриха к ним присоединили еще два памятника — Цитену и Леопольду Дессаускому. Наконец, в 1851 году король Фридрих Вильгельм решил достойно увековечить память своего великого предка: на Унтер-ден-Линден появился огромный пирамидальный монумент, который венчала конная фигура самого короля. Ниже, по периметру памятника, располагались изваяния всех наиболее значительных генералов и политиков фридриховской эпохи. Впоследствии по образцу этого ансамбля в России были установлены памятники Екатерине II в Петербурге и «Тысячелетие России» в Новгороде.

В январе 1785 года умер Цитен. Уже тяжело больной Фридрих на его похоронах выразился так: «Наш старый Цитен и в самой смерти исполнил свое назначение, как генерал. В военное время он всегда вел авангард — и в смерти пошел вперед. Я командовал главной армией — и последую за ним».

Здоровье самого короля серьезно пошатнулось. Еще в августе 1776 года Фридрих перенес сильнейший при-

падок. Весьма характерно, что австрийский посланник уведомил венский кабинет, что король не перенесет своих страданий и что протянет не больше трех месяцев. Узнав об этом, Иосиф II немедленно начал стягивать в Богемию войска, чтобы после смерти Фридриха отнять у его преемника Силезию. Но Фридрих выздоровел за три недели, и австрийцам пришлось возвращаться на квартиры.

Перед самой смертью король составил завещание, в котором за неимением детей передавал власть своему племяннику, будущему Фридриху Вильгельму II. Вот некоторые строки из этого документа:

«Я старался водворять закон и правосудие; завел порядок и точность в финансовой системе; дал армии образование, которое поставило ее выше всех войск остальной Европы... Итак, чтобы предупредить всякий спор, который может возникнуть между родственниками за мое наследие, объявляю сим торжественным актом свою волю...

Любезному моему племяннику, Фридриху Вильгельму, как ближайшему наследнику престола, предоставляю королевство Пруссию, со всеми провинциями, городами, замками, крепостями, арсеналами и военными запасами; все завоеванные и приобретенные мною по наследству земли; все коронные сокровища, камни, золотые и серебряные сервизы, мои загородные дворцы, библиотеку, собрание редких монет, картинную галерею, сады и прочее, кроме того, передаю ему мою казну в том виде, в каком она будет находиться в день моей смерти, как достояние государства, которое может быть употреблено только на защиту и поддержание народа...

Теперь о частном моем достоянии. Я никогда не был скуп и богат: следовательно, не имею значительной собственности. Доходы государственные я всегда почитал святыней, до которой нечистая рука не должна прикасаться. Никогда не употреблял я общественных денег на свои потребности. Ежегодные расходы мои не превышали 200 тысяч талеров. За это я с чистой совестью слагаю с себя сан государственного правителя и не стыжусь отдать миру отчет в моих поступках. Все, что после меня останется, да будет собственностью моего племянника.

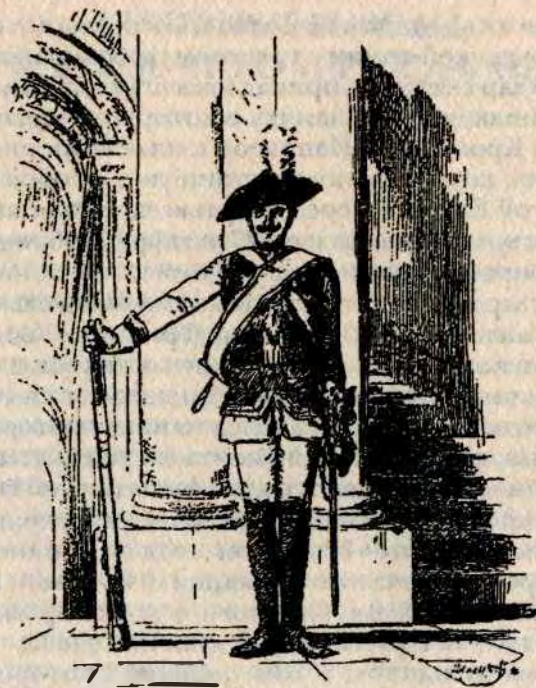
Со всей теплотой души, к какой я только способен, поручаю моему наследнику храбрых офицеров, которые совершали походы под моим предводительством. Прошу его обратить также особенное внимание на тех офицеров, которые находились в моей свите, чтобы ни один из них не страдал на старости в нищете и болезни. Он найдет в них опытных воинов, которые не раз на деле доказали свой ум, свою храбрость и преданность престолу...

Последние мои желания в минуту, когда расстанусь с миром, клонятся к счастью прусского государства. Да управляется оно всегда мудростью и правдой с неослабным вниманием. Да будет оно по кротости законов счастливейшей, по умному распоряжению финансами — богатейшей, по храбрости и чести своей армии — крепчайшей державой в мире! Да цветет и красуется оно до века!»*

Даже похороны короля происходили в соответствии с суровыми военными обрядами Пруссии. Отпевание тела Фридриха произошло 8 сентября 1789 года в гарнизонной церкви в Потсдаме и там же гроб его был поставлен в склеп, устроенный под кафедрой. Вместо пышных гробниц, в каких в Европе хоронили монархов, его могилу закрыли простым гранитным камнем, на котором была выбита надпись: «Fredericus II».

Вообще свойственное немцам позерство в эту эпоху приобрело какой-то несколько загробный оттенок. Фридрих Великий, открыв при восшествии на престол гробницу своего предка, курфюрста Фридриха Вильгельма, значительно сказал своей свите: «Господа, этот

* Не говоря в этой книге о преемниках Фридриха подробно, скажу только, что его наследник, король Фридрих Вильгельм II, не оправдал возлагавшихся на него надежд «Старого Фрица». Человек инертный и трусливый, даже с немногочисленными польскими нерегулярными формированиями во время восстания 1794 года Фридрих Вильгельм не сумел совладать в одиночку — испугавшись восстания в тылу. Его войска сняли осаду с Варшавы, бросив союзнический русский корпус, и отошли к границе. За это король удостоился в ярости брошенного Екатериной II эпитета «человек без кишок и стыда».

Часовой «Garde du Corps» в Потсдаме

много сделал!» В октябре 1805 года, при заключении союза против Бонапарта еще три «лица немецкой национальности» — император Всероссийский Александр Павлович, король Прусский Фридрих Вильгельм III и королева Прусская Луиза дали клятву в вечной дружбе уже на гробе самого Фридриха.

Правда, не уступал им в этом и сам Наполеон. В 1806 году, после разгрома Пруссии, он посетил склеп Фридриха. Император, с большим пиететом относившийся к прусскому королю, долго стоял перед его гробницей и о чем-то думал. После этого он взял с могилы меч, которым была завоевана Силезия и одержаны громкие победы в Семилетнюю войну, и крест Черного орла, который Фридрих всегда носил на своем потертом мундире, и переслал их, как священные трофеи, своему Дому инвалидов в Париже.

«Я надеюсь, — писал Наполеон, — что старые инвалиды ганноверской армии с трепетом глубокого уважения примут в дар святыню, принадлежавшую одному из первейших полководцев, память о которых сохранена историей». Кроме того, Наполеон взял себе личные часы Фридриха, которые впоследствии увез с собой на остров Святой Елены и перед смертью завещал сыну.

При вступлении в Берлин 27 октября 1806 года Наполеон в сопровождении четырех маршалов, конных гренадер и гвардейских егерей въехал на Вильгельмплатц, где красовался конный памятник Фридриху. Увидев его, Наполеон галопом описал полукруг, остановился перед памятником, отдал салют своей шпагой и снял перед памятником шляпу. То же, вслед за ним, повторил весь его штаб, а затем мимо монумента с развернутыми знаменами, салютуя, прошли полки французской гвардии.

Эта сцена, казалось бы, тем более удивительна, поскольку победитель — Наполеон — отдавал воинские почести королю, внучатого племянника которого наголову разгромил за 13 дней до этого, а также презирал современную ему Пруссию всей душой. Однако это тем более свидетельствует о том уважении, которое величайший полководец XIX века питал к одному из величайших стратегов века XVIII.

Как я уже сказал, преемники Фридриха — три Фридриха Вильгельма (II, III и IV) не оправдали надежд своего великого предка. Вялая и несамостоятельная политика, военная бездарность, боязнь в разное время Франции, Австрии, России, революция 1848 года — все это сделало их правление пустым и бесцветным (за исключением героической страницы 1813—1815 годов). Только Вильгельм I, король Пруссии и первый император Германии, вместе с «железным канцлером» Отто фон Бисмарком, сумел придать силам страны нужное направление и на исходе века вывел Пруссию и всю Германию на одно из первых мест в мире, где она, несмотря на трагические и кровавые 1914—1945 годы (поражение в двух мировых войнах, революция, экономический кризис и кровавый нацистский режим), и остается по сей день.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ, ИЛИ КОЕ-ЧТО О «ПРУССАЧИНЕ»

Что же такое пресловутая «пруссачина» и каково ее действительное влияние на русскую армию и российскую военную мысль?

Наверное, любой признает, что понятия «Пруссия» и «армия» неразделимы. Отсюда напрашивается вывод, что заимствование прусских традиций (в военной науке, строевых приемах, обмундировании) — вещь вполне понятная и приемлемая. Однако у нас вовсю ругают императоров и военных, которые «рабски копируют» якобы совершенно косную и нежизнеспособную «пруссачину». Особенно в этом преуспел Керсновский, который отвел подобной критике чуть ли не четверть своего объемного труда (правда, на остальных трех четвертях он с нехотой констатирует, как эти идиоты-пруссачи бьют то французов, то австрийцев, а затем, в войну 1914—1918 годов, — и русских. Бьют, несмотря на всю «пруссачину»).

В нашей литературе прусская военная мысль преподносится как некий злой гений, постоянно преследующий русскую армию и служащий причиной всех ее неудач и поражений. Безусловно, что это — полная чушь. Я не стану говорить, что любая армия должна культивировать собственные традиции и военную науку — это очевидно. Однако полностью без заимствований не обходится ни одна армия мира. Русские в лице Пруссии имели не худший, а возможно, и лучший пример для подражания. Однако в том-то и дело, что мы не смогли по-настоящему учиться у них и по-настоящему заимствовать их примеры, ограничиваясь принятием внешних форм в таком извращенном виде, что тот же Фридрих Великий пришел бы в ужас, увидев, как после его смерти в России трактовали его наследие.

Основные направления критики «пруссачины» у нас делятся на три группы: тактика, военная наука и воен-

ная мысль, строевая подготовка и внутриармейский дух, форма одежды.

Прусская военная мысль, по мнению этих авторов, однозначно губительно действовала на русскую. Вначале — это преклонение перед линейным боевым порядком (непонятно, почему: в России он всюду применялся еще до Петра I, а уж при нем — и подавно). Затем «пфулевщина» эпохи Александра I и так далее, с поправкой на новые прусские изобретения. Поэтому можно прочесть, что и перед Первой мировой «русская военная мысль продолжала находиться под гипнозом рационалистических прусско-германских доктрин. Поклонение пруссачине изменило только свои формы, идеал потсдамской кордегардии сменился научной методологией «большого генерального штаба». Преклонение перед фухтелями «Старого Фрица» сменилось преклонением перед методами «Великого Молчальника» (Мольтке-старшего. — Ю. Н.). Вот как, оказывается — даже идеи Мольтке, даже наличие «Большого Генштаба» — это от лукавого! Не спорю, в России запороли даже статус офицеров Генерального штаба, которые выродились в замкнутую, удаленную от армии касту, их дружно ненавидели все строевики (из-за чрезмерных привилегий «штабных» и их чванства). Но ведь в Пруссии ситуация опять-таки была прямо противоположной: все эти предметы для ругани исправно работали, и как работали!

Лучше всего это становится видно по очередному пассажиру Керсновского, когда он комментирует введение в России печально известных военных поселений (опять же по прусскому образцу):

«Система Шарнхорста (знаменитая Krumpersystem), безусловно, имела свои достоинства, но необходимым условием для ее осуществления был короткий срок службы, как то имело место в ландвере — отнюдь не 25 лет, как то было у нас. Прусский ландверман два месяца в году был солдатом, но солдатом настоящим, не отвлекаемым от военных занятий никакими хозяйственными нуждами, а остальные 10 месяцев был крестьянином, но опять-таки настоящим крестьянином, не обязанным маршировать под барабан за плугом, а живущим в отцовском доме и занимающимся хозяйством, как то сам

найдет целесообразным. У нас же военный поселенец не был ни тем, ни другим — поселяемый солдат переставал быть солдатом, но не становился крестьянином, а осолдаченный землепашец, переставая быть крестьянином, настоящим солдатом все же не становился. Эти люди были как бы приговорены к пожизненным арстантским ротам: с семи лет в кантонистах, с 18 — в строю, с 45 — в «инвалидах». Они не смели отступить ни на йоту от predeterminedного им на всю жизнь казенного шаблона во всех мелочах их быта, их частного обихода. Перенимая пруссачину, мы «перепруссачили». Немецкая идея, пересаженная шпицрутенами в новгородские суглинки и малороссийский чернозем, дала безобразные всходы» (Керсновский А. А. История Русской Армии. С. 201).

Отсюда видно (я опускаю еще десятки подобных примеров), почему «посленаполеоновская» военная история России и Пруссии (Германии) идет по расходящимся направлениям. Русские подавляют европейские революции, терпят позорное поражение в Крымской войне (от десанта, подвезенного за 3000 миль!), напрягая все силы, тяжело воюют со все более слабеющей Турцией (за одну войну 1877–1878 годов следовало отдать под суд почти все высшее командование, за редким исключением), потом терпят еще более позорное поражение от крошечной Японии.

Пруссаки же в это время одерживают череду побед: над Данией в 1864 году; над Австрией и ее союзниками (Бавария, Вюртемберг, Ганновер, Баден и т. д.) — в 1866 году (наконец-то разрешен давний, еще фридриховских времен спор за гегемонию в Германии), и, наконец, над другим своим вековым врагом — бонапартистской Францией в 1870 году. За это время территория Пруссии расширяется втрое, а затем она подчиняет себе всю Германию и создает могущественную империю. Далее пруссаки создают еще одну империю — колониальную, захватывая земли в Китае, Африке, Океании, в союзе с другими странами проводят победоносный китайский поход (1900), и в конечном счете сталкиваются с Россией.

Здесь-то и решается спор между «бездушным рационализмом» германо-прусской и «славными петровскими традициями» русской армий — последняя не выдерживает столкновения с врагом, разлагается и гибнет, увлекая за собой страну. Германия же, проиграв Первую мировую войну, выходит из нее непобеденной в чисто военном смысле слова; ее армия — это та же прусская армия, а военная доктрина — та же прусская доктрина, доказавшая всем свою правомерность и живучесть. Понадобится еще одна война, чтобы эта армия и доктрина, в свою очередь, изъеденные язвой национал-социализма, перестали существовать. Однако старая русская армия к тому времени жила только в легендах...

* * *

Что же касается «насаждения пруссачины» во внутриармейском духе и, в частности, в строевой подготовке, дисциплинарных наказаниях и муштре, этот аспект имеет две стороны. Всякий скажет, что «пруссачина» в России началась с Петра III, и особенно с Павла I. Это неправда, так как она процветала и во времена Елизаветы. Однако дело не в этом.

Все историки знают, что «перегиб палки» Павлом I явился безотчетной реакцией на полный бардак, царивший в армии Екатерины II. Еще в бытность наследником престола постоянно находившийся в опале Павел «видел всю изнанку (изнанку неизбежную) блестящего царствования своей матери... Суровые и «отчетливые» гатчинские службисты, «фрунтовики» составляли разительный контраст с изнеженными сибаритами, щеголями и мотами «зубовских» времен, лишь для проформы числившихся в полках и проводивших время в кутежах и повесничестве» (Керсновский А. А. История Русской Армии. С. 131).

Однако мало кто отдает себе отчет, что в конечном счете воспетый в романах, стихах и фильмах образ русского офицера — всегда корректного в обществе, холодного в общении и вместе с тем отчаянного в бою, с иголочки, но скромно одетого, дисциплинированного, блестяще знающего как службу, так и иностранные языки, наконец, всегда одетого в военную форму, своего рода

эталона настоящего мужчины — это образ, идущий из павловского времени.

До него большинство русских офицеров (да простят мне эту правду) были просто образцом всевозможной порочности, недисциплинированности, неряшливости и прочих «качеств». Как писал один из современников (граф Ланжерон) о екатерининском гвардейском офицере, «поверит ли кто, что русский офицер, как никакой другой, склонен к безобразному пьянству и всем возможным порокам, доверив всю службу в строю сержантам и капралам? Поверит ли кто, что после своего производства он становится беспричинно груб, заносчив и жесток по отношению к своим товарищам по строю, с коими еще вчера делил все тяготы боев и службы?.. Поверит ли кто, что надев шпагу и эполеты, вчерашний гвардейский солдат из дворян не способен обходиться в походе без ванны, куаферов и парикмахеров, духов и французских вин и обоза в 50 лошадей? Поверит ли кто, наконец, что, став офицером, он не может даже нести своей шпаги, и что ее несет за ним его денщик?»

С воцарением Павла, к счастью, все это ушло в историю. Офицер стал офицером, а военная служба — службой, а не кратким и досадным перерывом между развлечениями. Очень показателен гневный стишок того времени, четко характеризующий отношение офицеров к тому, что их наконец-то сделали военными:

Ахти, ахти, ахти! Попался я впросак,
Из хвата-егеря я сделался пруссак.
И каску променяв на шляпу треугольну,
Веду теперь жизнь и скучну, и невольну.
Заместо чтоб идти иль в клуб, иль в машкерад,
Готов всегда бежать к дворцу на вахтпарад.

«Приоритеты» екатерининских времен и вся нелюбовь неизвестного автора к подлинно военной службе, по-моему, показаны вполне доходчиво.

Керсновский пехотя признает, что «павловская муштра имела до некоторой степени проложительное значение. Она сильно подтянула блестящую, но распушенную армию, особенно же гвардию конца царствования

Екатерины*. Щеголям и сибаритам, манкировавшим своими обязанностями, смотревшими на службу как на приятную синекуру.. было дано понять (и почувствовать), что служба есть прежде всего служба. Из 139 офицеров, числившихся в конной гвардии к моменту вступления Павла I на престол, через четыре года осталось только двое (правда, за это время оба они из корнетов стали подполковниками)».

Таким образом, эта сторона ненавистной «пруссачины» признается полезной и даже необходимой. Но ее вторая сторона — показная и натянутая... «пруссачиной» не является вовсе. В своем понимании образа мыслей и наследия Фридриха II Павел стал совершать шаги, которых «Старый Фриц» не сделал бы никогда.

Да, Павел перегнул палку. Того, что он сделал (по крайней мере в области шагистики и введения прусской формы еще дофридриховского образца), не только не диктовалось никакой необходимостью, но и не было характерно уже для самих пруссаков. Фридрих Великий до предела упрощал униформу своей армии — Павел ее усложнял; в Пруссии егеря действовали только в рассыпном строю — в России они превратились в обычную пехоту, сражавшуюся в правильных линиях и ведущую огонь залпами, несмотря на наличие нарезных штуцеров; в Пруссии отменялись ненужные перестроения и фрунговые маневры, устаревшие ружейные приемы — в России за основу брались старые прусские уставы, которые отменил еще Фридрих II, и не только брались, но и дополнялись мишурой, неизвестной и в Потсдаме. Лучшее всего охарактеризовал это один из побывавших в Гатчине современников Павла — Пишчевич:

«...здесь можно было заметить повторение некоторых анекдотов сего прусского короля (Фридриха Великого. — Ю. Н.) с некоторыми прибавлениями, которые

* Нижние чины гвардии из дворян произведены в офицеры или отправлены в отставку. Солдатский состав гвардии более ничем (кроме чисто физических качеств) не отличался от армии. «Числившиеся» в полках, но не служившие на самом деле, исключены, а запись дворянских недорослей в гвардию отменена.

сему государю никогда бы в мысль не вошли, например: Фридрих II во время Семилетней войны одному из полков (полку фон Бернбурга. — Ю. Н.) в наказание оказанной им робости велел отнять тесьму с их шляп. Подражатель гатчинский одному из своих батальонов за неточное выполнение его воли велел сорвать петлицы с их рукавов и провести в пример другим через кухню в их жилища».

Реформа 1798 года (переименование полков по именам шефов) была чисто прусской по форме, но опять-таки не по духу. В отличие от прусской армии, за короткое правление Павла все полки поменяли своих шефов (а следовательно, и наименования) в среднем по три раза, Томский пехотный полк 6 раз за три неполных года, а Муромский 5 раз... всего за один месяц!!! «Получалась какая-то вакханалия имен, запомнить все было немислимо. В прусской армии шефы Мейеринки, Мантейфели, Беверны оставались шефами по двадцать и по тридцать лет, что и давало им возможность сродниться со своей частью, а не меняться, как в калейдоскопе».

В том-то и заключается все глубочайшее отличие: никогда Фридриху и вообще пруссакам не пришел бы в голову такой маразм. Вообще в прусской армии лишнего не было, особенно во времена экономившего на всем ради повышения боеспособности войск «Старого Фрица». Да и подумайте сами, могла бы армия Фридриха, если бы была такой опереточной, столь эффективно отбиваться от множества врагов?

То же касается и «прусской шагистики» — излюбленного объекта критики наших авторов.

Из всей моей книги становится ясно, что прусский «Drill» был не какой-то высосанной из пальца человеконенавистнической прихотью, а всего лишь единственным возможным средством повышения боеспособности и маневренности армии при условии сохранения линейных построений.

Другое дело, что в русской армии при Александре I и Николае I чрезмерное увлечение тактической подготовкой вековой давности и, главное, требование применять ее в бою являлось, мягко говоря, некоторым анахронизмом. Однако я не вижу причин обвинять в этом

лично давно почившего в бозе Фридриха: прусская-то армия к тому времени представляла собой уже качественно новое образование, основанное на теории «вооруженного народа» и в тактическом отношении ушедшая далеко вперед от фридрицианских традиций. Но даже учитывая столь любимое нашими исследователями «мертвящее влияние пруссачины» на отечественную военную мысль, необходимо заметить, что наша армия в плане пользования морально устаревшими тактическими приемами была далеко не единственной: точно так же французы в сражениях 1870 года применяли столь же древние «наполеоновские» построения, прусских командиров наказывали за стихийное рассыпание боевых порядков в цепь, а англичане сворачивались в каре при виде вооруженной скорострельными «маузерами» бурской конницы еще в 1899 году (с вполне понятными последствиями).

В увлечении же прусскими строевыми приемами на плацу во время парадов лично я при всем желании не вижу ничего плохого: подлинно германская школа парадно-строевой подготовки (а не ее «гатчинско-петербургское издание») вообще отличается изяществом и величественной красотой, а современные парады на Красной площади в этом отношении ведь точно так же несут на себе отпечаток ставшей традиционной для нашей армии со времен царя-батюшки «пруссачины» (в строевом, разумеется, отношении).

И потом — почему-то никому не приходит в голову бранить англичан за их, прямо скажем, экзотически выглядящие строевые приемы, без всяких изменений пришедшие в нынешнюю королевскую армию из XVIII, а то и XVII века (автору этих строк особенно нравится британский строевой бег). Никто особенно не злобствует по поводу азиатов гурков, и особенно негров из бывших английских колоний, с серьезным видом идущих на параде в шотландских килтах и с волынками. Но ведь никто не говорит: смотрите, вот ведь какие отжившие и косные привычки! Напротив, все цокают языками и уважительно высказываются в смысле похвального сохранения военных традиций. Так чего же вы хотите от русских императоров, вполне обоснованно прихо-

дивших в восторг от созерцания «внешней стройности» прусской армии и передаваемой этим ее «гордыни и мощи»?

Тем не менее пресловутая «пруссачина» в строевой подготовке русской армии в конце XVIII — середине XIX века «пруссачиной», строго говоря, не является. В армии Фридриха II строевая подготовка служила не самоцелью, а лишь тактическим приемом. В России же — самоцелью, и только ею (например, никогда пруссаки не ослабляли винты ружейного ложа, чтобы те эффективно брякали при строевых приемах — в прусской армии, как при Фридрихе, так и при его преемниках, ружья всегда были в порядке и били метко. У нас же это было полинным бичом армии вплоть до Александра III).

Застой в прусской военной машине 1788—1806 года, вызванный пиететом перед покойным Фридрихом Великим и военной бездарностью тогдашних королей Пруссии, закончился сокрушительным разгромом страны в короткой войне с Наполеоном. Но уже в 1813 году по-новому организованная и обученная прусская армия стала грозным противником французов. Русские же остались во власти старой системы, представлявшей искаженное и карикатурное восприятие фридриховской эпохи. Разумеется, в наполеоновские войны «плац-парадная» премудрость исчезла и у русских, и у пруссаков*, но последние забыли ее навсегда, а в России с 1815 года все пошло по новой и в формах, невиданных даже при Павле.

Как пишет Керсновский, «идеально марширующий строй уже не удовлетворял — требовались «плывущие стены»! У старых, видавших всякие виды фрунтовиков в изнеможении опускались руки. «Ныне такая завелась во фронте танцевальная наука, что и толку не дашь. — писал цесаревич Константин Павлович. — Я более 20

* Хорошо сказал Пикуль в романе «Под шелест знамен»: «Прусская армия, раньше годившаяся только для парадов, теперь для парадов не годилась, но стоило Блюхеру рявкнуть: «Форвертс!» — и его парни, как бешеные, бросались в штыки».

лет служу и могу правду сказать, даже во времена покойного Государя (Павла I. — Ю. Н.) был из первых офицеров во фронте, а ныне так перемудрили, что не найдешься!» Методы, приведшие прусскую армию к катастрофе 1806 года, насаждались уже много лет спустя в русской армии с упорством, достойным лучшего применения». Тем не менее интересно, что, справедливо ругая все это, тот же Керсновский нет-нет да и вставит горделиво: «император Александр Павлович показал ее [армию] во всем величии и блеске своим союзникам и недавним противникам... Зрелище шедших разом в ногу 132 батальонов, причем из 107 тысяч пехотинцев ни один не сбился с ноги, вызвало изумление и восторг иностранцев». Вот и разбирайся. Как я понимаю, в одном контексте «шагистика» — это отвратительно, а в другом (двумя страницами раньше) — наоборот, великолепно, как это угодно автору.

Наконец, о заимствовании обмундирования.

Да, действительно, покрой обмундирования при Павле и его сыновьях и внуке был заимствован у пруссаков. Но ведь заимствование внешних атрибутов «регулярства» — это участь любой армии, создававшейся в достаточно позднее время с нуля и имевшей перед глазами живые примеры. Что, разве Петр Великий не заимствовал униформу русской армии у всей Европы? А ведь тогда, в отличие от конца XVIII — начала XIX веков, эта военная одежда действительно шла вразрез со всеми мыслимыми и немыслимыми русскими национальными традициями (в том числе и покроем гражданской одежды, опять же в отличие от павловских времен). Почему, собственно, никто не обвиняет Петра Алексеевича в поспешии истинно русского духа, далеко обошедшего в своем заимствовании «иноземщины» павловские реформы? Видимо, неловко. Почему японцы на рубеже XX столетия, создавая свою армию, заимствовали основной стиль обмундирования у французов, опять же пренебрегая национальными традициями? Что, разве кто-то упрекает их в этом? По-моему, нет. Полевая форма русской армии начала XX века полностью «списана»

с английской. Где вы, негодующие голоса? Что-то не слышно.

Не существует армий, которые не заимствуют понравившиеся военному руководству детали униформы у других, и армия России в этом отношении не исключение. Да и прусский пример, по-моему, вполне этого заслуживал. Другое дело, что Павел не просто перенял форму у пруссаков — он сделал это в тот момент, когда последние наконец-то собрались провести коренные реформы в своем обмундировании, приведя его в соответствие общеевропейской моде. Конечно, русский император последовал бы их примеру, но по известным причинам не успел этого сделать. Завершил начатое Павлом дело его сын Александр.

Да-да, не удивляйтесь — фигура русского солдата времен Отечественной войны 1812 года отличается от фигуры его прусского коллеги только в деталях, особенно это характерно для кавалерии. Например, русские кавалергарды и прусские «Garde du Corps» различались только орденскими звездами на касках, лядунках, чепраках и чушках — у наших звезда была Андреевской, у пруссаков — ордена Черного Орла. Гренадерская (особенно гвардейская) пехота и артиллерия также почти одинаковы в обмундировании, а у артиллеристов и егерей аналогична и цветовая гамма отделки мундиров. Это сходство еще более подчеркивал цвет обмундирования: зеленый у русских и синий у пруссаков, он в обоих случаях имел настолько темный оттенок, что казался черным.

Русская гвардия и вся кавалерия (кроме драгун) носили списанное с прусского парадное обмундирование (за исключением некоторых деталей) вплоть до 1917 года. В некоторых случаях (как в уже упоминавшемся 5-м лейб-гусарском Александрийском полку) форма была полностью идентична какому-либо прусскому полку (в этом случае — «черным гусарам», 2-му лейб-гусарскому). Кстати, даже форма всем известного немецкого стального шлема образца 1916 года, затем с некоторыми усовершенствованиями служившего до 1945 года, а в ряде стран — и позже, сейчас признана наиболее выгодной с точки зрения защиты головы. Американцы,

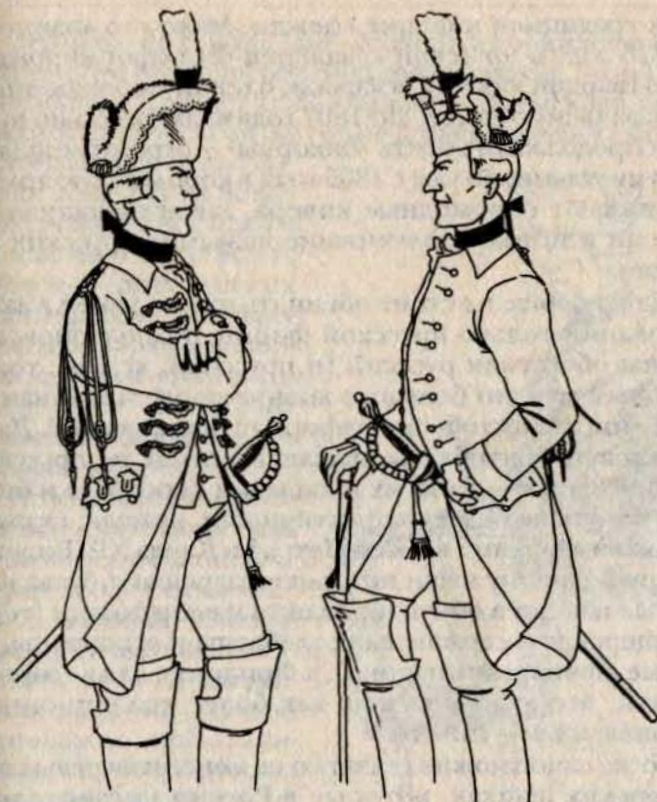

Офицер полка «Garde du Corps» в парадной дворцовой форме (1778 год). Белый колет с красными воротом и обшлагами. По обшлагам, борту и фалдам идет полковой галун. Галстук черный, белая офицерская манишка. Поверх колета надет красный супервест без рукавов. По борту, рукавным проймам, низу и швам идет широкий серебряный галун с бахромой снизу. На груди вышитый серебром орден Черного орла (центр оранжевый, орел черный). Шляпа офицерского кирасирского образца – с прорезным серебряным галуном (по полковому металлу), серебряно-черными кистями и белым плюмажем. Кокарда черная с серебряными петлицей и пуговицей. Султан офицерский – белый с черным основанием. Рейтузы белые, сапоги черные с белыми штибель-манжетами. Гвардейский офицерский палаш с позолоченной рукоятью. Шарф и темляк – офицерские (серебряно-черные). Перчатки белые

а за ними и другие страны НАТО в 1980-е годы приняли на вооружение так называемый Fritz Helmet (фрицевский шлем), полностью повторяющий немецкую разработку почти вековой давности. Видимо, и в Пентагоне сидят поклонники «потсдамской мишуры».

Почему-то никто в нашей историографии, кроме создателей книги «Регулярная пехота русской армии», не вспомнил, что большим поклонником прусской формы был не кто иной, как герой Семилетней войны фельдмаршал Румянцев (во вверенной ему армии потемкинские реформы обмундирования умерли на корню).

В XIX веке пруссаки тоже не отставали от русских в плане подражания воен-

Обер-офицеры полка «Garde du Corps» в парадной (слева) и повседневной форме не для строя (1778 год). Парадная форма: синий мундир с красными воротом, фалдами и обшлагами. Галстук черный с белой манишкой. Жилет и рейтузы белые. По борту, обшлагам, карманным клапанам и спинке нашиты серебряные петлицы, пуговицы белые. На правом плече серебряный контрэполет с серебряным же двойным аксельбантом. Шага пехотного образца с офицерским темляком. Шарф отсутствует. Шляпа – офицерского кирасирского образца. Повседневная форма: такая же, как и парадная, но без вышитых серебром петлиц. Контрпогон и аксельбант серебряные. Кроме того, в «Garde du Corps» существовал второй вариант выходной офицерской формы. Он полностью совпадал по крою и деталям с вышеописанным, но имел красный цвет мундира с синими воротом, фалдами и обшлагами

ным традициям и форме одежды. Мало кто знает, что в 1813 году в прусской кавалерии был сформирован... лейб-гвардии казачий эскадрон, одетый и вооруженный по казачьему образцу. До 1807 года включительно пруссаки продолжали носить «бикорны» — огромные шляпы с двумя углами, но уже с 1805 года в королевскую армию проникают новомодные кивера, заимствованные из России и потому получившие название «русских киверов».

Да и вообще не стоит обвинять наших царей в заимствовании только прусской формы. Наполеоновские войны обогатили русский (и прусский, кстати, тоже) военный мундир большим количеством галлицизмов, то же имело место и при реформах Александра II. Даже пресловутые штіблеты являлись отнюдь не прусским изобретением — тогда их носила вся Европа, да и были они ничуть не более непрактичными, нежели, скажем, башмаки с чулками времен Петра I и Карла XII. Видимо, Петру Великому наши историки разрешают буквально любые изыски в обмундировании и вооружении (те же офицерские и сержантские алебарды и эспонтоны, завитые офицерские парики), а Фридриху, для которого, кстати, все это было куда как более традиционным и привычным — ничего.

То же самое можно сказать о не менее известных гренадерских шапках, которые в России презрительно именовали «сахарными головами». Кстати, о гренадерах — ношение их при Павле I все наши историки считают «анахронизмом» и «пруссачиной», но далее начинают странности вещи.

Как известно, Александр I отменил ношение медных шапок в гренадерских полках. Проходя как-то мимо часового Павловского полка, он спросил его: «Покойнее ли кивер каски?» — «Так точно, Ваше величество, покойнее, да только к каскам басурманы уже привыкли и боялись их, а к киверам-то сколько их еще приучать придется!» Император немедленно вернул эти каски Павловскому полку, и... для наших историков они немедленно стали образчиком героических русских военных традиций, а русские поэты воспевали «сиянье шапок этих медных, насквозь простреленных в бою».

Странно, не правда, ли? Особенно поражает в этой истории то, что приключения гренадерок на этом не закончились. Пример лейб-гвардии Павловского полка вдохновил пруссаков (которые к тому времени уже давно избавились от касок), и они тоже ввели ношение гренадерок в одном из своих гвардейских полков — потсдамских «майкеферов», кои и носили их с парадной формой одежды вплоть до 1918 года. Такая вот «пруссачина наоборот» получилась.

Почти все отечественные историки как образчик преклонения перед «пруссачиной» представляют введенные при Николае I остроконечные кожаные каски с медной оправой и шишаком, якобы заимствованные из Пруссии. Например, в книге «Монархи Европы» о прусском короле Фридрихе Вильгельме IV пишут, что «именно он придумал особый «романтизи-

Барабанщик пехотного полка фон Мейеринка (1778 год). Мундир синий с красными обшлагами, фалдами, воротом и лацканами. Пуговицы и петлицы белые. Жилет и штаны желтые. Штіблеты черные. По рукавам, крыльцам, лацканам, карманным клапанам, обшлагам и над обшлагами нашит галун музыканта — белая тесьма с продольной красной «змейкой». Шляпа с белым галуном. Боковые кисти белочерные. Кисть белая с красным верхом. Барабан цвета натурального железа. Полосы по верху и низу — бело-красные. Герб медный. Оплетка тесьмой и кожаные детали — белые

рованный» военный головной убор — остроконечную каску, ставшую символом прусского милитаризма». Яростный ненавистник всего немецкого, Керсновский особенно долго изощрялся по этому поводу: «Переняв у пруссаков каску, мы забыли перенять их чехол на каску. Кожа на жаре ссыхалась, и каска держалась на макушке. Чешуйчатый ремень всегда рассыпался».

Да, действительно, прусская армия получила свои знаменитые *Pickelhaube* почти одновременно с русской. Почти, но не раньше, а позже. На самом-то деле ситуация была прямо противоположной: остроконечную каску придумал лично император Всероссийский Николай I вместе со своим придворным живописцем, а прообразом для нее послужил... шлем отца Александра Невского князя Ярослава, найденный незадолго до этого на раскопках. Королю Пруссии, действительно любившему романтику, этот головной убор так понравился, что он немедленно ввел его в своей армии вместе с киверов. Правда, в России каска ненадолго пережила своего создателя (оставшись к Первой мировой войне только в гвардии — у кирасир, жандармов и пажей), а в Германии служила до 1918 года.

Таким образом, как мне кажется, вполне ясной становится, в общем-то простая мысль — не «пруссачина» была виновата во всех бедах русской армии, а лишь ее выхолощенная и начисто лишенная внутреннего содержания форма, в которую неизбежно заключали в России все «потсдамские новшества». Здоровые, а нередко и гениальные идеи, попадая в царскую империю, немедленно приобретали какой-то неожиданный и чудовищный характер. Не могут нести за это никакой ответственности сами пруссаки, начиная с Фридриха II и кончая Вильгельмом. Да и вообще вспомним крылатое выражение: «Хочешь погубить идею — примени ее в России».

* * *

В заключение я хотел бы отметить досужий тезис о том, что пруссаки являются нашими исконными врагами и испокон века разрабатывали агрессивные планы против России. Я уже кратко останавливался на этом, теперь скажу подробнее.

Постоянно подвергающийся анафеме Тевтонский орден был прямо направлен против Польши и Литвы (кстати, почти всю свою историю враждебных нам): столкновения с русскими носили спорадический характер и были, например, куда реже, чем со шведами и датчанами. Тевтонцы часто выступали и союзниками русских, например, в многовековых войнах против татаро-монголов, а к Грюнвальдской битве русские не имели никакого отношения: набившие оскомину по трудам Чивилихнна и иже с ним «смоленские полки» в то время были уже давно не русскими, а литовскими. В правление Петра I Бранденбург был нашим союзником (правда, достаточно пассивным). Фридрих II же был всецело занят борьбой против Австрии и Франции (вообще против католического мира) и никогда не помышлял о нападении на Россию.

В свою очередь, за этот долгий период русские дважды нападали на немцев: в Ливонскую войну при Иване Грозном и в Семилетнюю — при Елизавете (оба раза — безрезультатно). С воцарением же Петра III и Екатерины II Пруссия стала постепенно превращаться в главного и наиболее надежного и последовательного союзника России: совместно с Пруссией и в пику Австрии были проведены три раздела Польши (1772, 1793 и 1795 годов). Далее были наполеоновские войны...

После разгрома 1806 года и потери половины своей территории Пруссии пришлось полностью подчиниться Наполеону. Стоит напомнить, что после позорного поражения пруссаков (Фридрих Вильгельм III необдуманно выступил против Франции в одиночку после разгрома австро-русской коалиции под Аустерлицем) Александр попросту продал своих союзников, нарушив «клятву над гробом Фридриха Великого». Потерпев не менее сокрушительное поражение при Фридрихланде в кампании 1807 года, русские потеряли почти всю армию и панически испугались «неминуемого вторжения» Бонапарта в пределы их собственной империи. Поэтому (хотя Александр I собирался до последнего сражаться в союзе с Пруссией), узнав о фридрихландском разгроме, перепуганный император России в течение 24 часов (!) в корне поменял всю свою политику и начал

подготовку к мирному договору или даже союзу с Францией.

Пруссию, король которой был его старым (и верным) другом, Александр предоставил ее участи. В беседе с князем Куракиным император довольно цинично прокомментировал это решение: «Конечно, Пруссии придется круго, но бывают ситуации, среди которых надо думать преимущественно о самосохранении, о себе и руководиться только одним правилом — благом государства». Пропадет ли при этой внезапной перемене русской политики Пруссия или от нее останется территориальный обрубок — это дело второстепенное. Сравните это с постоянно критикуемыми «беспринципными» политическими правилами Фридриха II и попытайтесь найти хоть одно отличие. Перед подписанием Тильзитского мира Александр так и объяснил все Фридриху Вильгельму, который до последней минуты уповал на своего друга.

Брошенная союзником Пруссия была урезана, оккупирована французскими войсками и находилась на грани гибели. При этом Наполеон заявил, что оставляет на карте Европы Пруссию «только в знак уважения к императору Александру». «Подлый король, подлое правительство, подлая армия, подлый народ, держава, которая всех обманывала и которая не заслуживает права на существование», — заявил он в Тильзите. Не было того унижения, которому не подверлась бы Пруссия со стороны Бонапарта в 1807—1811 годах.

Однако пруссаки (при всем испуге и покорности новым порядкам собственного короля) не сдавались и, стиснув зубы, потихоньку копили силы. Шарнхорст провел свою знаменитую реформу: хотя армия Пруссии по приказу Наполеона не должна была отныне превышать 42 тысяч человек, введение краткосрочной службы позволило накопить до 200 тысяч «обученных резервов», сказавших свое слово в 1813—1815 годах. В 1809 году пруссаки еще раз отчаянно попытались сбросить того ненавистных французов: гусарский майор Фердинанд фон Шилль с несколькими эскадронами своего полка начал партизанскую войну в надежде, что его поддержит вся Германия. Отряд Шилля был вскоре раз-

бит, сам он погиб в бою, а его товарищи расстреляны прусским военным судом по приказу короля. Тем не менее надежда когда-либо избавиться от ненавистных французов продолжала тлеть.

Прусский контингент силой послали в Русский поход 1812 года, но воевать против русских пруссаки не хотели по принципиальным соображениям и их участие в войне было чисто номинальным — ненавидели они вовсе не русских, а самого Наполеона. Зато при первой возможности, в конце года, командующий прусским корпусом генерал Йорк фон Вартенбург внезапно (когда вся Западная Европа еще и не помышляла об отпадении от пока грозного Наполеона) перешел на сторону русских и в декабре подписал с ними Таурогенскую конвенцию.

С этого времени пруссаки плечом к плечу воевали с нашими войсками. И как воевали! С 1813 года Наполеону пришлось горько пожалеть о своих словах насчет «подлой армии и подлой державы» — не очень многочисленные пруссаки стали настоящим проклятием для французов, самым свирепым и беспощадным их врагом. Даже ненавистник Пруссии Керсновский пишет:

«Прусские войска, в большинстве получившие поверхностную подготовку, дерутся с большим воодушевлением и яростью...»; Блюхера «все время приходится сдерживать. Свирепый рейтар, всей душой ненавидевший французского угнетателя, Блюхер был прозван подчиненными «генерал Вперед». Глубоко невежественный рубака, он обладал, однако, сердцем героя. Наполеон на словах презирал его, но в то же время инстинктивно угадывал в нем наиболее опасного своего врага. И, действительно, старому Блюхеру суждено было в один июньский вечер (при Ватерлоо. — Ю. Н.) нанести Наполеону последний и решающий удар» (Керсновский А. А. История Русской Армии. С. 188).

Не сосчитать славных боев и сражений, где русские и пруссаки стояли плечом к плечу: 1813 год — Вайсенфельс, Лютцен, Герлиц, Кацбах, Бауцен, Кульм, Дрезден, Данциг, Денневиц, «Битва народов» при Лейпциге, Гросс-Беерен, Вальтерсдорф; 1814 год — Бриенн, Ла-Шоссе, Ла-Ротьер, Монмираль, Шато-Тьерри, Вошан,

Морман, Вильнев, Монтеро, Краон, Лаон, Реймс, Арсиюр-Об, Фер-Шампенуаз и, наконец, Париж. И русские, и пруссаки без раздумий выручали друг друга из трудных ситуаций, не строя никаких взаимных интриг (в отличие от тех же австрийцев), а старик Блюхер всегда требовал, чтобы его личный конвой состоял только из казаков. За эти два года были спаяны кровью традиции боевого братства, которые свято хранились вплоть до конца XIX века.

Будущий первый император Германии Вильгельм I тоже отличился в эту войну. В бою при Бар-сьюр-Об в 1814 году он, тогда 17-летний капитан принц Вильгельм Прусский, возглавил штыковую атаку русского Калужского полка и получил за храбрость орден св. Георгия 4-й степени. Когда 26 ноября 1869 года этот русский орден праздновал свое столетие, Вильгельм I оказался старейшим из георгиевских кавалеров. На орденский праздник он командировал в Петербург своего брата принца Альбрехта и своего флигель-адъютанта полковника Вердера. Александр II, возложивший на себя ленту Георгия 1-й степени, пожаловал это высшее военное отличие и королю Пруссии.

На поздравительную телеграмму императора Вильгельм немедленно ответил: «Глубоко тронутый, со слезами на глазах, обнимаю Вас, благодаря за честь, на которую не смел рассчитывать... Осмелюсь просить Вас принять мой орден *Plus le Merveilleux*. Армия моя будет гордиться, видя Вас носящим этот орден. Да хранит Вас Бог!» Старик король был совершенно искренен: «Нет, какова оказанная мне честь! — восклицал он в письме к брату. — Я счастлив в высшей степени, но совершенно потрясен. От избытка чувств я едва не уронил листа, и слезы показались у меня при воспоминаниях...»

После окончания «наполеоновских гроз» был подписан «Священный союз» между русским и австрийским императорами и королем Пруссии. И только Фридрих Вильгельм III и Александр I действительно соблюдали его положения. Уже в период «Ста дней», после бегства короля Людовика XVIII Наполеон нашел в Тюильри проект войны Австрии, королевской Франции и Англии против... России и Пруссии. Прусский король

и русский император до конца дней сохранили самую тесную дружбу. Она продолжилась и с воцарением Николая I — зятя короля*. Николай и прусский принц-регент Вильгельм (король Фридрих Вильгельм IV страдал мозговой болезнью и был отстранен от управления страной) тоже дружили всю свою жизнь.

Пруссия была единственной европейской страной, не выступившей (прямо или косвенно) против России в Крымскую войну 1853—1855 годов. То, что происходило потом, лучше всего (правда, несколько не в тон всей своей книге) описал тот же Керсновский: «Период с 1863 по 1875 год явился расцветом тесной русско-прусской дружбы, далеко выходящей за рамки простого дипломатического союза. С русской стороны дружба эта носила характер прямо задушевный, с прусской Вильгельм I лично платил своему царственному племяннику тем же...»

Победа Пруссии над Австрией в 1866 году приветствовалась у нас и правительством, и обществом. В «сферах» радовались победам дяди государя и августейших шефов российских полков (вдобавок «верных и неизменных друзей России» и доблестных братьев по оружию при Лейпциге). В обществе приветствовали победу школьного учителя — победу «демократической» и просвещенной армии прусских «солдат-граждан» над реакционной и клерикальной аристократией Габсбургов.

Столь же радостно встретил придворный и официальный Петербург триумфальные победы пруссаков в 1870 году. Эти победы воспринимались как реванш за Альму и Инкерман (места поражения русских от англо-французов в 1854 году. — Ю. Н.). За Седан Мольтке была пожалована Георгиевская звезда. Белые крестики засияли в петлицах лихих прусских командиров Гравелота и Сен-Прива, а то и на воротниках у тех, кто уже полу-

* 6-й Бранденбургский кирасирский полк, шефом которого некогда был Николай I, и Потсдамский гвардейский гренадерский полк императора Александра I носили царские вензеля на погонах вплоть до 1918 года — всю Первую мировую войну!

чил эту высокую русскую боевую награду за Кенигрец и Наход. Дипломатическая помощь, оказанная Россией Пруссии была такова, что, извещая из Версаля официальной телеграммой Александра II об образовании Германской империи, Вильгельм I мог ответить: «После Бога Германия всем обязана Вашему величеству...» (Керсновский А. А. История Русской Армии. С. 409).

Малоизвестным является факт, что в 1864 году Александр II предложил Пруссии начать совместную войну против Австрии, Англии и Франции, однако пруссаки отклонили это предложение (Бисмарк сказал, что в случае победы Россия станет вершить судьбы всего мира и «сядет на длинный конец рычага»; прямодушный Вильгельм так и отписал в Петербург).

Однако вскоре все изменилось. Был убит Александр, скончался старик Вильгельм. Их наследники — Александр III в России и Вильгельм II в Германии (император Фридрих I был сторонником самого тесного союза с Россией, но умер от неизлечимой болезни, не процарствовав и года) стали понемногу отдаляться друг от друга, что в конечном счете привело к трагедии 1914 года.

Справедливости ради стоит сказать, что при всей взбалмошности и непредсказуемости младшего Вильгельма первую скрипку в этом охлаждении играли все же русские. Врагами Германии были Франция (испокон веков) и Англия (ввиду столкновения колониальных интересов). Россия же в числе врагов Германии не числилась, хотя и ближайшим союзником уже не была. При этом и Александр III, и Николай II встали на скользкий путь сближения с удаленными на тысячи миль Францией и Англией, а не с близлежащей Германией, с которой им по-прежнему нечего было делить. В этой ситуации немцам пришлось забыть о вековой вражде и, в свою очередь, заключить союз с Австро-Венгрией — а последняя как раз имела массу противоречий с Россией.

Этот противоречивый клубок интриг вовлек Германию и Россию в Первую мировую войну — войну, которая не была нужна им обеим. Все же тень прежней дружбы еще сохранялась и летом 1914 года. Вспомним, что и Вильгельм, и Николай до последнего оттягивали при-

каз о мобилизации друг против друга (планировалось, что Германия будет воевать против Франции, а Австро-Венгрия — против Сербии при невмешательстве прочих стран Европы): кайзер вначале даже вернул с полдороги своего курьера, везшего приказ в Генштаб. Начавшаяся вскоре война погубила обе империи и швырнула их в пасть тоталитарных режимов. В выигрыше остались только смертельные враги обеих монархий — Франция и Англия в компании с замаячившей на горизонте Америкой.

Никогда Пруссия не собиралась нападать на Россию (мало кто осознает, что и в 1914-м русские первыми перешли германскую границу, прикрытую всего лишь одной 8-й армией кайзера). Смена союзников, а затем и вступление обеих стран в Первую мировую войну стало величайшей взаимной ошибкой их правителей и величайшим успехом их взаимных недругов. Возвращаясь к теме нашей книги, напомню, что и в Семилетнюю войну ударившая Фридриха в спину Россия воевала за чужие интересы — интересы своих же собственных врагов.

Думаю, я достаточно убедительно развенчал словопрения об «агрессивности» Фридриха II и «миролюбии» Елизаветы Петровны. Да и так ли уж отличаются прусские властители вообще и Фридрих в частности от своих русских визави? Да, Гогенцоллерны создавали свою будущую империю, «округляя» свои владения за счет соседних князьков, обманывая, изворачиваясь и совершая неспровоцированные агрессии. Однако вспомним, что округляли-то они немецкие земли — и округлили-таки.

Нынешняя ФРГ — это плод более чем трехвековой деятельности Гогенцоллернов: курфюрстов Бранденбурга, королей Пруссии, императоров Германии. Кроме того, почему-то в других странах такое «округление» не считается предосудительным. Например, Италия в 60-е годы XIX века тоже была объединена вокруг Пьемонта (Сардинское королевство), правители которого действовали так же, как и пруссаки (только сил у них было меньше). Однако никто не считает процесс «округле-

«ия» пьемонтских территорий чем-то зазорным. Как же — ведь на стороне сардинцев сражался Гарибальди!

Так или иначе, Пьемонт объединял Италию, Пруссию — Германию. Присоединяемые земли говорили на одном языке с «агрессорами», были одной веры, имели общую историю и культуру. И совсем по-иному дело обстоит с Россией. Последняя включила в свой состав все без исключения исконно русские земли еще в допетровский период (кроме, возможно, лишь «западнорусских» территорий, входивших в состав Великого княжества Литовского, однако вряд ли стоит безоговорочно считать их русскими — белорусы и украинцы, например, считают совсем по-другому). Поэтому внешняя политика, принятая Петром I и его последователями, стала столь же неприкрыто агрессивной, как и у пруссаков, но значительно более крупной по масштабам.

«Прорубая окно в Европу», Петр отвоевал у шведов (кстати, сам напав на них) огромные территории в Прибалтике, Ингерманланде и Карелии, где никогда не жили русские, за исключением немногих поселений колониального характера в раннем средневековье. Дальше — больше: Таврия, Крым, Великое княжество Литовское, Польша, Кавказ, Поволжье — все это земли, не имеющие ни в культурном, ни (в большинстве случаев) в историческом смысле ничего общего с Россией. А Сибирь, Туркестан, Дальний Восток — разве можно сравнить все это с «агрессиями» Гогенцоллернов?

Во всех случаях присоединение проводилось либо обманом, либо силой (может, только Грузия вошла в состав империи добровольно) и сопровождалось беспрецедентно жестоким насилием. Только в Китае царская военная машина забуксовала, наткнувшись на сопротивление Японии, а то бы и Манчжурия надолго была бы колонизована сначала Романовыми, а затем вошла бы в «братскую семью советских народов».

Об остальном и о разных исторических выводах и параллелях предоставляю судить читателю.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Отрывки из мемуаров* графа де Гордта (1720—1785) — шведского наемника в прусской армии, попавшего в русский плен и впоследствии ставшего одним из советников императора Петра III

Между тем я с участием и любопытством следил за ходом войны, возгоревшейся между многими союзными державами и королем Прусским. Я восхищался этим монархом, на которого нападали со всех сторон и который всегда был готов встретить неприятеля лицом к лицу; он соединял со знанием военного искусства храбрость, твердость и удивительную деятельность, терпел неудачи и вслед затем возмещал их с выгодой, уничтожал всвою очередь неприятеля и блестящими победами завоевывал себе бессмертие.

Я видел, что и мои соотечественники, всегда верные союзники Франции, были в составе могущественного союза против Пруссии, но являли в глазах Европы лишь слабый образ той отваги, которая некогда прославилась их предков; среди них, в их советах постоянно находился французский генерал, назначенный для руководства их действиями как бы для того, чтоб яснее доказать миру, до какой степени они поработены были Версальским двором.

Я следил за всем этим по врожденному влечению к военному делу и не помышлял, что судьба снова повлечет меня на этот путь.

Король Прусский, после славной кампании 1757 года, воспользовался зимой, чтобы пополнить потери своей армии, и собрал новые войска. Он знал от многих английских и голландских офицеров, вступивших к нему в службу волонтерами, что один их старый товарищ по походам

* Цит. по кн.: Семилетняя война. М.: Воениздат, 1948.

во Фландрии, составивший себе тогда некоторую репутацию, проживал в маленьком уголке Германни. Он предложил мне через своего министра в Гамбурге вступить к нему в службу. Я принял без колебания это предложение столь почетное и вполне согласное с моими наклонностями.

Я поехал к Его величеству, которого главная квартира находилась зимой в одном монастыре в Силезии на границе Богемии. Он назначил меня командиром полка волонтеров в два батальона и в тот же день удостоил пригласить меня к своему столу. Я знал его только понаслышке и был весьма рад, что вижу его вблизи во всей простоте его частной жизни. Он много расспрашивал меня — то о делах Швеции, то о военных предметах. По истине, нельзя сказать об этом монархе, чтоб он поставлял свое величие в пышности и блеске. При главной квартире его было лишь несколько человек адъютантов и служителей. Стол накрывался на восемь кувертов в шесть перемен. Говорил он поучительно и просто; но более всего поразило меня то, что, несмотря на множество выигранных сражений и громких событий, прославивших его царствование, он сохранял редкую сдержанность, и казался, вовсе не был занят собственными подвигами.

Помню, что под конец обеда он заговорил со мной о сражении под Лейтеном. Внимание мое удвоилось, мне хотелось слышать собственные его объяснения об этом деле. Он распространился о различных движениях своей армии лишь для того, чтобы похвалить искусство своих генералов, между тем как успех того дела зависел единственно от его собственного мужества, твердости и храбрости. Он прислал мне патент, и я уехал в Бреславль, где собрал всех моих офицеров. Мы взяли в наше войско много пленных австрийцев — частью силой, частью с их согласия; из пленников можно было составить до двадцати полков. Я ждал приказа о моем назначении. Кампания открылась осадой Швейдница, который уже шесть месяцев как был в руках австрийцев. Решено было взять его. Несчастный этот город во время этой войны был осаждаем четыре раза в разное время.

Не имея важных занятий в Бреславле, я оставил офицеров обучать мой полк, а сам поехал посмотреть, как пове-

дут осаду, но вскоре заметил, что не тут мог выказать себя прусский воин и что в этом деле он может многому еще поучиться у француза. Город все-таки взяли. Комендант сдался на капитуляцию и вышел через двадцать четыре часа со всем гарнизоном, взятым в плен.

Король пошел в Моравию, где первым делом осадил Ольмюц; а я в то время получил приказ идти к Штеттину. Мой полк, почти весь составленный из австрийских пленных, должен был быть вооружен и обмундирован, чем я и занялся по приходе туда. Затем я получил приказание соединиться с армией генерала графа Дона, стоявшего еще в шведской Померании, близ Стральзунда. Главная квартира генерала была в Грейфсвальде. Я явился к нему, чтоб известить его о прибытии моего полка в Штеттин. Он принял меня вежливо и удержал у себя на два дня. Тут мне представился случай узнать подробно, как шведы и маркиз Монталамбер дали себя запереть в Штральзунде и на острове Рюгене. Я заметил, что на их счастье граф Дона должен был отступить при приближении русской армии, быстро подвигавшейся под начальством генерала графа Фермора. Эта армия была в Пруссии еще в прошлом году, под командой фельдмаршала графа Апраксина и состояла из ста тысяч человек; непонятно почему, выиграв у пруссаков, бывших под начальством генерала Левальда, сражение под Егерсдорфом, она поспешно оставила Пруссию. Много было слухов по поводу этого отступления. Одни уверяли, что канцлер граф Бестужев, вместе с Апраксиным, распорядились об отступлении без ведома императрицы Елизаветы, которая была непримиримым врагом короля Прусского, другие думали, что причины того кроются в интригах английского двора, союзника Пруссии. Как бы то ни было, но два посланника, австрийский и французский, так усиленно роптали, что Бестужев и Апраксин были лишены чинов и отправлены в ссылку. Последний умер от удара на полпути в Петербург.

Русская армия возвратилась, чтобы снова занять Пруссию, под командой генерала Фермора и не встретила сопротивления, потому что король, после отступления русских, велел фельдмаршалу Левальду идти в Померанию против шведов. Но Левальд, по старости, оставил армию; вместо него вступил в командование граф Дона. Он дол-

жен был противиться русским, вступавшим уже в прусскую Померанию и Новую Марку; так как и мой полк был наконец готов для похода, то я просил генерала позволить мне идти вперед на границу наблюдать за движением неприятеля. Я хотел быть полезным, но также желал удалиться от границ шведских не столько из опасения попасть в руки моих преследователей, сколько потому, что не желал сражаться с моими соотечественниками. Граф Дона согласился на мое выступление, и мы условились, что, если русские возвратятся со всеми силами, со стороны Новой Марки (еще не было известно, куда они двинутся — сюда или в Силезию), я должен буду рассчитать время, нужное для пути, и тотчас же извещу его о том, чтоб оказать им препятствие при самом вступлении их в эту последнюю провинцию.

Я дошел до границы, где тотчас узнал, что большая часть ее находится еще в Польше, но что казаки и ее кавалерия подходят уже близко к нам. Я приблизил к себе мою пехоту, а тем временем разузнал, что делается в окрестностях. Казаки наводнили, так сказать, всю страну; жалобы слышались со всех сторон, но у меня в распоряжении было только тридцать гусар. Их не достаточно было для преследования этих грабителей, которые, кажется, только для того и воюют, чтобы разбойничать.

Наконец, пехота пришла, и я двинулся на границу, я полагаю, что казаки, узнав, что в тылу у них наше войско, не захотят подвергаться нападению. Так и случилось: они ушли, чтобы присоединиться к остальной русской кавалерии.

Оправившись от первого отчаяния, бедные жители толпами приходили ко мне жаловаться на жестокости казаков. Я не имел средства ни утешить их, ни отомстить за них, а старался возбудить в них храбрость и терпение; тем не менее, чтобы прикрыть страну, я продвинулся к Дризену, небольшому городку на границах Польши, в котором стоял наш гарнизон в двести человек солдат. Этот город, по выгодному своему положению, давал мне возможность подвигаться то вправо, то влево, смотря по надобности, и даже удерживаться там от натиска легкого войска.

Между тем шпионы, посланные мной в Польшу, донесли, что генерал Румянцев с кавалерией находится уже

в Филене, в трех милях от Дризена, но что пехота, идущая тремя колоннами, еще далеко назади. Я подвигался вперед и в одной миле от Дризена встретил войска, оставлявшие его гарнизон. Комендант подтвердил мне донесение шпионов, что Румянцев был в трех милях от нас с кирасирами, драгунами, гусарами и казаками, и сказал, что он удаляется, так как не в состоянии выдержать осаду. Я уговаривал его следовать за мной и возвратиться назад, и обещал ему идти вместе, если не останется ничего лучшего. Он возвратился со мной.

Я исследовал тотчас все дороги вместе с ним. Расставил караул, где было нужно, а остальную часть войска я разместил у горожан для отдыха. После полудня подошел к нам сильный неприятельский отряд, но, встретив сопротивление, удалился. На другой день нас снова атаковали. Довольно сильная перестрелка с обеих сторон продолжалась два часа; но наше упорное сопротивление заставило русских еще раз удалиться и оставить нас в покое.

Вскоре полетели ко мне курьер за курьером из Кюстрина и Франкфурта с просьбами о помощи. Казаки прорвались в ту сторону, и, по своему обыкновению, совершали тысячи жестокостей. Я отправил одного подполковника с четырьмястами солдат к Франкфурту, для прикрытия местности, а сам следил за отрядом Румянцева, стоявшего против меня, а также за движениями остальной русской армии, шедшей через Польшу к нашим границам, и доносил о том графу Дона.

Еще должен был я следить за тем, не повернет ли неприятель к Силезии, оставшейся без войск, взятых королем для осады Ольмюца. А так как принц Генрих занимал и прикрывал Саксонию, то весьма важно было следить за всеми движениями русских, чтобы поспешно известить о том графа Дона, армия которого должна была нести две обязанности — не стоять против шведов, и преграждать русским путь в Силезию.

Только по зрелому обсуждению всех этих обстоятельств и принимая во внимание массу наших врагов, можно составить себе верное понятие о беспредельной находчивости гениального Фридриха. Я считаю за чудо, что он не был уничтожен сто раз. Общими усилиями столько же держав, стремившихся к его гибели. Он должен был снять

осаду с Ольмюца. Обоз, везший ему продовольствие из Силезии, был атакован в пути генералом Лаудоном и не мог прибыть в лагерь. Из Ольмюца Фридрих ушел в Силезию, что заставило русских остаться позади Одера и развернуть все свои силы против нас.

Позиция, занятая мною в Дризене, была самой удобной для начала. Граф Румянцев приготовился к сильному нападению на меня. Шпионы прекрасно служили мне, и я вскоре узнал, что он намерен атаковать меня с фронта в то время, как два других отряда перейдут вброд реку Нетцу, протекавшую передо мной, и пойдут к нам в тыл. Я должен был оставить позицию и уйти в Фридберг, небольшой городок, отстоявший отсюда на десять миль.

Генерал Дона послал в Ландсберг генерал-майора Руша (Рюша. — Ю. Н.) с тысячью гусар и четырьмя батальонами гренадер. Ландсберг был в трех милях позади меня и, в случае крайности, мог служить мне убежищем. Генерал Дона извещал меня в то же время, что идет со всей армией к Франкфурту-на-Одере, главному месту с сборища, им назначенному. Таким образом он предоставил шведской армии всю местность между Берлином, Штеттином, Анклагом и Деммином, и эта армия легко могла бы послать отряды к Берлину, как делали то русские и австрийцы, но по обыкновению, не умела воспользоваться выгодными для нее обстоятельствами.

Тотчас после моего ухода из Дризена русские заняли его, а через двадцать четыре часа они были уже передо мной в Фридберге. Но видя перед собой только казаков и гусар, я прогнал их с согней моих солдат. Они появились опять в более значительном количестве и растянулись по обеим сторонам равнины, на расстояние пушечного выстрела: я выступил со всем моим войском и, заняв возвышенность перед городом, велел начать пушечную пальбу, что заставило их несколько отступить. Они поставили караулы на аванпостах и спешили, что убедило меня в намерении их заняться фуражировкой.

Я послал офицера в Ландсберг предупредить генерала Руша о приближении неприятеля и извещал его, что буду защищать позицию до тех пор, пока не нападут на меня более значительные силы; но в том случае, если я буду вынужден уступить численности, то отступлю к нему, если он сам

не заблагорассудит присоединиться ко мне. Всякий на месте его решил бы на последнее; но я потерял надежду разбить неприятеля и получить подкрепление. В полдень я увидел, что русская кавалерия села на лошадей и приближалась ко мне, прикрывая собой четыре батальона пехоты, следовавшие за ней с пушками. Я счел за лучшее отступить, и тотчас же значительный кавалерийский отряд пустился за мной в погоню. Я образовал каре из батальона и продолжал идти. Кавалерия несколько раз пыталась остановить меня или врезаться в мой отряд, но я так распорядился пушечными выстрелами и пальбой моих мушкетеров, что всегда заставлял неприятеля отступать.

Между тем одно событие поставило меня в неловкое положение. Полк мой по большей части составлен был из австрийских пленных; семсот из них разом дезертировали и бросились в середину неприятельской кавалерии, следовавшей за мной по пятам. Бегство это уменьшило мое каре более чем наполовину. Но я все таки удерживал неприятеля на значительном от себя расстоянии и наконец достиг леса; здесь кавалерия оставила меня, и я покойно дошел до Ландсберга, где люди мои отдохнули и перевязано было множество раненых офицеров, унтер-офицеров и солдат.

Я отправил рапорт с офицером к графу Дона; он одобрил мои действия и немедленно переслал мой рапорт к королю. Его величество так был доволен моими действиями, что приказал всем батальонам в провинции, состоявшим из местных жителей и стоявшим в Штеттине и Кюстрине, дать мне по сто человек от каждого, чтобы пополнить страшную убыль в моем войске, после бегства семисот австрийцев, при последнем моем отступлении. Я отправил еще несколько офицеров для набора людей и вызвал моего подполковника с его отрядом. Вскоре я был в состоянии идти куда пошлют.

Генерал Дона, стоявший во Франкфурте со своей армией, выслал меня вперед, чтобы ближе следить за движениями русских. Они только хотели поугагать нас, делая вид, что идут в Силезию, а сами вступили со всеми силами в Новую Марку, вытянулись позади Одера и обстреливали крепость Кюстрин. Множество брошенных ими туда плавающих гранат весь город превращен был в пепел.

Граф Дона разбил лагерь по ту сторону города, чтоб оказать русским сопротивление в том случае, если они перейдут реку, окружат город и поведут правильную осаду.

Король снял осаду с Ольмюца, оставил Моравию, пришел в Лужинцы и там только узнал о всем происшедшем в окрестностях Кюстрина. Он оставил одну армию в Саксонии под командой принца Генриха, а другую в Силезии под начальством маркграфа Карла, взял с собой часть своей кавалерии и шесть полков пехоты и пошел против русских. Соединясь с нами, он навел мосты через Одер близ Густебиза, в двух милях от Кюстрина; с наступлением ночи, после усиленного перехода, атаковал графа Фермора под Цорндорфом и после кровопролитной битвы принудил его снять осаду с Кюстрина и отступить к Ландсбергу на польскую границу.

<...>

Вдруг я увидел около двухсот казаков, которые прогнали сначала двух часовых, стоявших перед деревней, а потом напали и на остальную часть войска. Она не оказала им никакого сопротивления и сдалась вместе со своим офицером.

Тогда я увидел, что почти не имею возможности спастись. Вскоре казаки рассыпались вокруг меня. Мне все-таки удалось с моим ординарцем проложить себе путь среди них, но, удаляясь от дороги, я попал в болото, из которого моя лошадь не могла выйти.

Казаки, имеющие, как известно, лошадей чрезвычайно ходких и не кованых, снова окружили меня. Они стреляли в меня несколько раз из карабинов. Я весьма неосторожно отвстил им двумя пистолетными выстрелами, и тогда они решительно напали на меня. Я сошел с лошади, которая по горло увязла в болото и не могла сделать ни шагу, и мне не оставалось ничего другого, как принять предложение сдать в плен.

Казаки дали мне одну из своих лошадей, и я должен был сесть на нее; меня повезли назад. Между тем мой гусарский ординарец, благодаря легкости своей лошади, избег преследования неприятеля, приехал в наш лагерь и донес о случившемся. Тотчас же полетели ко мне на помощь, но было уже поздно. Казаки спешили доставить меня на свои аванпосты. Они взяли у меня часы и кошелек, следуя

обычаю военных людей, поступающих так в подобных случаях. Впрочем, я не мог на них жаловаться, и признаюсь — зная давно этого рода войска, ожидал от них более грубого обхождения.

Полковник пяти казацких сотен, занимавших этот первый караул, препроводил меня во второй караул, состоявший под командой бригадира Краснощекова. Я познакомился с ним в последнюю войну, бывшую между Россией и Швецией, в которой, как я уже упоминал выше, его отец был убит. Как только он узнал, кто я, тотчас же выехал навстречу и весьма вежливо принял меня. Он остановился перед своей палаткой и предложил мне освежиться; я поблагодарил его. Потом он повез меня на третий пост к генералу Тотлебену, главному начальнику всех передовых караулов и легкого войска русской армии, которого я знал еще потому, что служил с ним вместе в Голландии.

Он принял меня в высшей степени вежливо, и так как это был обеденный час, предложил мне с ним отобедать. Он сел подле меня. Нас было очень много. Кроме множества офицеров и адъютантов, было еще шесть человек секретарей, так как известно, что русские генералы всегда таскают за собой целую канцелярию. Я был в слишком дурном расположении духа, чтоб есть с аппетитом. Граф Тотлебен, заметив это, учтиво спросил меня, что он может для меня сделать, и затем тихо сказал мне на ухо, что если я желаю написать к королю, то он охотно возьмет на себя доставить это письмо весьма скоро через одного из своих трубачей; он прибавил, что в этом случае я не должен терять ни минуты, так как меня нужно препроводить в тот же день в главную квартиру, где я не буду уже иметь разрешения на подобное дело.

Я не мог пожелать ничего большего в моем положении и, выразив генералу Тотлебену благодарность за его доброе побуждение, не выходя из-за стола, написал Его величеству приблизительно следующее: «Я имел несчастье попасть в плен. Теперь не время объяснять Вашему величеству, как и по чьей вине это случилось; сегодня я могу сказать только, что я в плену. Я всепокорно прошу Ваше величество сделать скорее обмен пленных, чтоб я мог продолжать служить вам со всею преданностью, на какую способен».

Генерал Тотлебен отправил с этим письмом трубача к Его величеству, стоявшему лагерем в одной миле расстояния от русской армии. Он дал мне лошадь и повез меня в квартиру генерала графа Салтыкова в Либерозе. Его сопровождали бригадир и полковник, о которых я говорил, и толпа других офицеров; все это имело вид торжественного въезда. Один из адъютантов Тотлебена опередил нас, чтобы возвестить о нашем прибытии. Поэтому многие генералы вышли из замка к нам навстречу.

В числе их был генерал Румянцев; он заговорил со мной первый, выразил мне свое удовольствие, что может познакомиться со мной, и сожалел только о том, что для этого представился случай, конечно, для меня неприятный; он говорил, что не раз видел меня в бою в почетной роли и сохраняющим твердую сдержанность, и потому не мог отказать мне в уважении. Я отвечал, насколько умел, хорошо на все любезное и лестное, сказанное им мне.

Затем меня повели к генералу Салтыкову. Там я нашел еще много других генералов, и между прочим, Лаудона. Меня приняли весьма вежливо, много расспрашивали о том, как я был взят в плен, но особенно самодовольно говорили о только что выигранном сражении, и каждый замолвил слово в свою пользу. Я заметил, что генерал Лаудон, который был главным виновником в этой победе (весьма странное суждение. — Ю. Н.), один молчал и сохранял хладнокровный вид.

Я видел еще шведского полковника Сандельхиельма, находившегося при русской армии для того, чтоб извещать свое правительство о всем в ней происходившем. Он был мой старый знакомый. Я должен сказать в похвалу ему, что он отнесся ко мне весьма благородно, предупредил о своей обязанности известить свой двор о случившемся со мной, и притом не скрыл все свое беспокойство по поводу этого обстоятельства.

Но я же был совершенно покоен относительно этого, будучи уверен, что русский двор, против которого я никогда ничего не затевал, не поступит противно всем правилам человеколюбия и не выдаст меня моим врагам, тем более что во время неудавшейся шведской революции посланник Ее величества императрицы в Стокгольме довольно открыто высказывался в пользу нашей партии. Но сердце

мое разрывалось от горести, что, едва вступив на службу к королю прусскому, я попал в плен.

На следующий день мое несчастье не казалось уже мне непоправимым. Придя на обед к генералу Салтыкову, предложившему мне свой стол на все время, что я буду при нем, я получил от него письмо короля, доставленное ему утром с трубачом. Он вскрыл его по обязанности и, отдавая его мне, сказал: «Вот сударь, письмо от короля; он очень принял к сердцу то, что с вами случилось; но несмотря на проигранное сражение, он все еще нам угрожает». Я поспешил прочесть письмо, вот его содержание:

«Весьма сожалею, что Вы взяты в плен. Я послал в Биттау генерал-майора Вилтха, назначенного мной комиссаром по размену пленных; я тем более уверен, что не будет затруднения при размене, что в числе моих пленных есть много русских офицеров и даже генералов. Затем прошу Бога, да сохранит он Вас своим святым и благим покровом.

5-го сентября 1759 года.

Фридрих».

Во время чтения этого письма граф Салтыков хранил молчание. Я не колеблясь сказал ему, что отрадно и утешительно иметь такого государя, который даже среди своих неудач принимает такое участие в несчастье имеющих честь служить ему. Я спросил его, могу ли я сохранить это письмо. Он без затруднения согласился на это, тем более, что велел снять с письма копию (как я это узнал впоследствии) для доставления ее своему двору.

Многие другие из присутствовавших генералов полюбопытствовали прочитать его, и я видел, какое оно произвело на них впечатление, — так мало они привыкли у себя к подобного рода переписке. Не зная, что король ставил себе в обязанность отвечать последнему из своих подданных, они сочли меня за весьма знатное лицо.

После обеда генерал весьма любезно предложил мне послать за моим багажом. Я принял это с благодарностью, так как имел только надетое на мне платье. Отправленный им трубач привез моего человека и коляску, где было все для меня необходимое и немного денег.

Я провел несколько дней в главной квартире, где все было со мной вежливо; единственная неприятность за-

ключалась в том, что я должен был присутствовать на всех празднествах, даваемых в честь одержанной победы, и быть свидетелем повышений по армии и раздачи наград по прибытии курьера из Петербурга.

Через неделю мне объявили, что я должен ехать в Пруссию, в Кенигсберг, бывший тогда под русским владычеством, и там ожидать предстоящей мне участи. Я повиновался; но с той минуты, как я должен был оставить армию, со мной стали обращаться иначе, нежели до тех пор. Один из офицеров, который должен был сопровождать меня, бесцеремонно сел в мою карету, а другой принял команду над двадцатью гусарами, данными мне для конвоя. Мы ехали через Познань и Торн, и когда останавливались, часовой стерег меня день и ночь.

По приезде в Кенигсберг меня поместили в одном из домов предместья, и спугник мой отправился доложить обо мне генералу Корфу, коменданту города. В полночь он возвратился, чтоб отвезти меня в замок, где жил генерал. Но я видел только человека, который со свечой в руке проводил меня в комнату. Офицер поместился со мной. У двери поставили часового; другой поставлен был в маленькую соседнюю комнату, где находились двое моих людей. Я велел постлать себе постель и лег.

Меня начали беспокоить самые грустные размышления. В положении, подобном моему, все предметы рисуются в воображении самыми мрачными красками. Я думал, что вскоре меня выдадут Швеции и обезглавят на эшафоте или сошлют в далекую часть Сибири, где я кончу дни среди нищеты хуже смерти, и никто не узнает, что со мной случилось. Между тем в силу ли моей природной веселости или в силу предчувствия лучшей будущности, я преодолел свой страх и делался терпеливее.

На следующее утро гарнизонный офицер сменил того, который привез меня из армии. Он относился ко мне лучше, и я мог говорить с ним; он был из очень хорошего дворянского лифляндского семейства.

В полдень несколько человек прислуги коменданта пришли накрыть стол на три прибора; третье место занял один из его секретарей. Это был немец, человек благовопитанный, и я заметил, что ему приказано было быть моим собеседником в моем одиночестве. Стол был очень хо-

рош, и я мог бы только похвалить то, как со мной обращались, если бы меня не держали всегда взаперти в моей комнате с часовым у дверей.

После обеда генерал пришел ко мне сам; он был отменно вежлив со мной и выразил сожаление, что должен был, по приказанию своего двора, так обходиться со мной, но впрочем просил меня располагать его домом, как моим собственным.

С тех пор он не пропускал дня, чтоб не навестить меня, и чем более мы знакомились, тем более усиливал он свое внимание и доброту ко мне. Он сказал мне даже, что должен получить через несколько дней приказ, доставил меня в Петербург, где желал видеть меня, и что, вероятно, я буду задержан там до конца войны, чтобы лишить меня возможности служить королю, который обещал мне, в письме от 5-го сентября, сделать скорый обмен пленными, не знаю, почему русский двор поступал таким образом, и потому уклонюсь гарантировать этот факт.

Отрывок из мемуаров*
Христиана Теге (1724—после 1804),
пастора города Мариенвердера,
служившего священником при
русском генерале В. В. Ферморе.
Записки эти весьма любопытно характеризуют
 нравы в русской армии того времени

Глава I

Я так живо помню вступление русских, как будто сейчас глядел на них из окна. Я сладко спал, уставши от дороги; вдруг страшный шум и крики испуга на улицах разбудили меня. Бегу к окну, узнать причину этой суматохи. Никогда еще не видели мы русских, а подавно казаков; их появление изумило мирных граждан Мариенвердера, привыкших к спокойствию и тишине. Сидеть покойно в креслах и читать известия о войне — совсем не то, что очутиться лицом к лицу с войной.

Несколько тысяч казаков и калмыков, с длинными бородами, суровым взглядом, невиданным вооружением — луками, стрелами, пиками — проходили по улице. Вид их был страшен и вместе величествен. Они тихо и в порядке прошли город и разместились по деревням, где еще прежде им отведены были квартиры.

Но ко всему можно привыкнуть; и нам не так страшны казались уже другие войска, проходившие Мариенвердер. Да они и не подали нам никакого повода жаловаться, потому что порядок у них был образцовый. Более восьми дней проходила кавалерия, пехота и артиллерия через мой родной город. Всего войска было по крайней мере сорок с лишком полков. Они не останавливались в городе, но размещались по окрестностям.

Когда прошло войско, прибыл и остановился в городе сам главнокомандующий граф Фермор, со своим штабом. Для него и для штаба тотчас разбили палатки в большом лагере, где начальники ежедневно должны были находиться для смотров и распоряжений.

В эту первую неделю моей новой жизни в Мариенвердере я получил приказание от магистрата исправлять должность дьякона: это дозволялось нерукоположенным, хотя не во всех частях. По этому случаю, когда я в первый раз говорил проповедь, граф Фермор приехал в церковь со всем своим штабом. После этого мои проповеди продолжались до Вознесения Господня, и всякий раз в присутствии русского генералитета.

В этот же день только что я сел обедать по окончании моих занятий, как вошел русский офицер от графа Фермора с приказанием, чтобы я тотчас явился к нему. Каково мне было, можно себе представить; я и приблизительно не мог догадываться, зачем меня требовали. Родные мои перепугались, и я со страхом отправился.

Казаки отворили обе половинки дверей, и я увидел длинный стол; за столом генералов, в лентах и крестах, а на первом месте графа Фермора. Он важно, но милостиво кивнул мне головой. Я почтительно приблизился. Глубокая тишина в зале.

— Кто вы такой? — спрашивает главнокомандующий.

Я назвал свое имя, родителей, происхождение, место рождения, занятия и т. д. Граф важно сидел между тем и играл вилкой по серебряной тарелке.

Когда я кончил, он сказал мне отрывисто:

— Вы будете нашим полковым пастором и отправитесь с нами в поход.

Тут-то я упал с неба на землю. Ничего подобного не вошло мне в голову. В душе моей слишком укоренилась надежда получить покойное пасторское место, и вдруг я должен был отказать от этой надежды. Жить в армии, о которой ходило столько ужасных слухов, и сделаться врагом своего отечества! Мысль эта, как молния, блеснула в голове моей.

— Я не могу, ваше превосходительство, — отвечал я скоро и решительно.

— Отчего же? — спросил он, устремив на меня очень спокойный и в то же время строгий и пристальный взгляд.

Я представил ему свое положение в выражениях, сколько мог, сильных и трогательных, — мою надежду быть дьяконом и справедливое нежелание служить против моего

* Цит. по кн.: Семилетняя война. М.: Воениздат, 1948.

доброего государя. Граф Фермор в это время смотрел в тарелку и концом вилки играл по ней.

— Знаете, — сказал он, — что я генерал-губернатор Пруссии и что если я прикажу, то сам придворный пастор Ованд отправится за мной в поход?

Против этого, конечно, сказать было нечего. Я почтительно поклонился и просил позволения посоветоваться с моим отцом и испросить его благословения.

— Через полчаса я вас ожидаю, — сказал он, кивнув мне головой. Возвратясь домой, я нашел у отца многих друзей, с любопытством ожидавших, чем кончится дело. После разных толков, мы сочли благоразумным повиноваться. У нас жива была старая добрая вера в Божий промысел, которому мы и приписали это внезапное назначение. Посоветовавшись со своими, я возвратился к графу.

У него обед еще не кончился. Я доложил ему, что согласен исполнить его волю; он принял это, по-видному, равнодушно; потом я попросил позволения съездить в Кенигсберг для экзамена и рукоположения. «Это можно исполнить, не выезжая отсюда». Я попросил денег вперед для пасторской одежды. «Вы их получите», — и, кивнув головой, он велел мне идти.

Не зная, когда графу угодно будет назначить мой экзамен, я день и ночь сидел над своими книгами, чтоб быть готовым всякую минуту. Через неделю, поздно вечером, я получил приказание находиться в главной церкви на следующий день в 9 часов.

Общество офицеров проводило меня к алтарю и там поместилось полукругом, а я посредине. Графа Фермора при этом не было. Главный пастор приступил к экзамену, продолжавшемуся полчаса; потом без дальних околичностей началось рукоположение, и еще через полчаса я уже был полковым пастором.

Глава II

Несколько дней спустя мне приказано было говорить на завтра вступительную проповедь. Вместе с приказанием прислан был и текст для проповеди, выбранный самим графом: «Се скипия Божия с человеки, и вселится с ними, и тии люди Его будут, и сам Бог будет с ними, Бог их» (Апокал. XXI, 3).

Не тогда, но впоследствии увидел я, что в выборе этого текста выразился характер графа. Он был очень благочестив и строго смотрел, чтобы в армии соблюдались, хотя внешние, обряды веры. Каждый полк имел своего священника, начальником их был протопоп. В армии до сих пор не было только пастора, а между тем сам граф, многие генералы и некоторые штаб- и оберофицеры исповедывали лютеранскую веру. Вышеозначенным текстом граф хотел показать свою радость о том, что нашел себе проповедника.

На следующее утро, в почетном сопровождении, поехал я в лагерь. Меня ввели в большую зеленую палатку 120 футов длинной, подаренную графу Фермору городом Кенигсбергом. С противоположного конца ее была перегородка; пространство, находившееся за ней, служило вместо сакристии. Впереди стоял стол, покрытый алым бархатом, с императорским гербом, шитым золотом. Я произнес проповедь в присутствии всего генералитета и всех офицеров, и по окончании ее мне положили на стол значительный подарок в несколько сот рублей. Тут в первый раз приказано мне явиться к графскому столу, и потом являться к нему в известный час ежедневно.

Возвратясь от обеда, я нашел у себя императорского сержанта, который ждал меня. По приказанию графа он должен был находиться при мне безотлучно и служить моим проводником. Объявляя об этом, сержант просил меня выйти надвор посмотреть, что граф присылал мне. Я увидел крытую повозку, запряженную тройкой лошадей, и кучера в придворной одежде, т. е. в красной шапке с императорским гербом, из желтой меди. Сержант прибавил, что граф предоставляет мне этот экипаж, бывший до сих пор в распоряжении одного капитана при тайной канцелярии, который застрелился несколько дней тому назад (он застрелился, потому что обойден был чином при общем производстве).

Я не смею не сознаться, что в тогдашнем моем возрасте эти милости несколько вскружили мне голову. Я мечтал о самой счастливой будущности и самой лучшей жизни, и ночь, после вступления моего в должность полкового пастора, прошла для меня в сладких ощущениях и ожиданиях.

Но едва стало рассветать, как сержант разбудил меня: «Вставайте! Вас требуют. Казаки и калмыки идут сегодня в поход за Вислу передовым отрядом. Гетман хочет, чтоб вы благословили их перед переправой».

— Я, лютеранский пастор, буду благословлять солдат греческой веры?

— Гетман говорит, что мы все христиане, что ваше благословение такое же, как протопопово; протопопу бы следовало благословлять солдат, но он еще не воротился из Кенигсберга.

— Да я не знаю ни слова по-русски.

— Не беда, если никто вас и не поймет. Русский уважает всякого священника, про которого знает, что он поставлен законной властью. Говорите только по правде и чувствительно, и осмелюсь вам посоветовать, упоминайте почаще имена Авраама, Исаака и Якова, так и будет хорошо.

Добрый сержант, конечно, не подозревал, что вместе с этим советом он давал мне и содержание для напутственной проповеди. И в самом деле кстати было напомнить передовым войскам о древних патриархах, которым было так трудно переселяться из одних мест в другие, неизвестные. Может быть, некоторые из слушателей и поняли меня. Я говорил, стоя у самого берега Вислы, на небольшом возвышении. Начальники, как мне показалось, были тронуты; солдаты же, по крайней мере, крестились всякий раз при имени Иисуса, Авраама и т. д. Да и сам я растрогался, оканчивая свою речь. Мне тоже предстояло идти в поход, и мрачные события грозили в будущем. Когда я кончил, гетман, с выражением чувства на лице, которого никогда не забуду, сунул мне в руку 40 рублей. Войско двинулось, и в рядах его я видел многих последний раз.

Несколько дней спустя случилось мне приобщать Св. Тайн полкового коновала, лютеранина, который в ночь после того умер. Я узнал на другой день, что умерший отдал мне крытую повозку с двумя лошадьми. Этот подарок был мне вдвойне приятен; во-первых, как доказательство, что меня любят; во-вторых, он был полезен в моем хозяйстве. Я мог уложить мои вещи на двух повозках, и обзавестись, как должно, всем нужным. К каждой повозке взял я

по одному человеку прислуги и покойно ждал приказа к выступлению.

Через несколько дней армия перешла Вислу.

Глава III

Прежде чем приступлю к описанию дальнейших событий, расскажу, что мне известно о русской армии, находившейся под начальством графа Фермора, и остановлюсь особенно на изображении самого главнокомандующего. О нем шла и хорошая, и дурная слава. Еще очень недавно, г. де ла Мессельер очернил его в статье своей, помещенной в прошлогодней июльской книжке Минервы, издаваемой Архенгольцом. В этой статье (на с. 94) сказано, будто Фермор действовал заодно с королем прусским, и был им даже подкуплен, что Фермор, хороший интендант армии, был однако же плохой боевой генерал. Кроме измены в этой статье приписываются ему еще другие низкие дела.

Правда, что де ла Мессельер — современник графа; но ведь и я также его современник. Де ла Мессельер наблюдал издали за действиями Фермора; судил о них по известиям, которые сообщались. может быть, людьми подкупными, я же был очевидец описываемых событий, и очевидец, которого никто не подкупал; и потому мне нечего скрывать истину; а что я имел всю возможность наблюдать, в этом, я думаю, никто не будет сомневаться. Интриги были в то время при каждом почти дворе; с помощью их придворные обыкновенно избавлялись от врагов своих. Кто знает эти интриги и знает свет и людей, тот не поверит безусловно какому-нибудь Мессельеру.

Тайны графа Фермора мне неизвестны, никогда я не писал для него ни частных писем, ни деловых бумаг. Но среди армии, наполненной его врагами, мне легко было бы услышать толки о сомнительной преданности его русскому правительству, в чем его обвиняет де ла Мессельер. Тем не менее я не слыхал ничего подобного. Не знаю также, какими доводами французская партия в Петербурге умела привлечь графа Фермора к ответственности за Цорндорфское сражение; по всем вероятностям, благодаря ее внушениям, и я был заключен в крепость. Несмотря на то, мы с графом — *si licet parvis componere magna* (если ос-

мелюсь сравнивать себя с этим большим человеком) — вышли чисты из испытания, которому подверглись, по милости Франции, а де ла Мессельер пал еще прежде окончания нашего дела.

Граф Фермор, лифляндец по происхождению, отличился в 1734 году при осаде Данцига, где был флигель-адъютантом при генерал-фельдмаршале Минихе. Высших степеней достиг он своей рассудительностью и преданностью русскому престолу; при императрице Елизавете получил он главное начальство в войне против Пруссии.

Когда я узнал Фермора, ему было около 50 лет; он был среднего роста, лицо имел красивое, но несколько бледное. Всегда держал себя очень важно в обхождении с людьми знатными и со своим штабом. Зато низших умел привлекать к себе кротостью и приветливостью. Он был очень благочестив и, соблюдая в точности все постановления лютеранской веры, никогда не пропускал воскресного богослужения. Накануне всякой дневки, которая обыкновенно бывала на третьи сутки, я получал приказание на завтра говорить проповедь. Граф приобщался Св. Тайн только однажды в год, в день Вознесения Господня. Он был чрезвычайно милосерден к бедным и притесненным. Просители, хотя бы подданные неприятельского государства, никогда не уходили от графа без удовлетворения. Он безотлагательно исследовал жалобу, и строго наказывал виновного.

Вот один из многих случаев, показывающих всегдашнюю готовность графа помогать обиженному. Несколько недель после перехода армии через Вислу мы стояли под Кюстрином. Ко мне, как пастору, обращались по большей части лютеране, пострадавшие каким бы ни было образом от казаков и калмыков, рыскавших по окрестностям. Обиженные искали у меня совета, утешения и помощи. Так в одно утро явился ко мне главный арендатор бывших в той стороне дворянских имений. Гусары и казаки напали ночью на его дом, нанесли ему побои и взяли лучшие его пожитки. Он просил помочь ему в отыскании имущества. Я всегда был готов пособлять несчастным и советом, и делом; но тут страдал соотечественник, и потому я принял в нем особенное участие. Я спросил его, не может ли он

распознать в лице хоть одного из грабителей. Он уверял, что может.

Тогда мы пошли к графу и были приняты. Я рассказал ему дело, а огорченный вид арендатора доказывал, что оно заслуживало внимания. Граф был разгневан этим происшествием; он тотчас велел выстроиться всему полку синих гусар, к которому, по словам арендатора, принадлежал один из виновных в грабеже; арендатору велено было пройти по рядам и указать, кто его грабил; но он никого не мог опознать; так что граф начинал уже на него сердиться. Тогда один из офицеров объявил, что полк не весь, несколько человек отряжены в команду, и что может быть виновный окажется между ними. Тотчас послали и за теми, и когда они через несколько часов возвратились, виновные и соучастники были открыты, признались в преступлении, были наказаны кнутом и отправлены в Рогервик арестантами. «Я должен, — сказал граф, — очищать армию от людей, не умеющих во время войны быть человеколюбивыми и не дающих пощады безоружному неприятелю».

Сколько я знал графа, он всегда держался такого образа мыслей, по его распоряжению легкие команды всякий раз предшествовали армии для охранения тех деревень, через которые она должна была следовать. Эта предосторожность употреблялась особенно против казаков и калмыков, потому что регулярные войска были приучены к самому строгому повиновению, и провинившийся гусар верно был позван на грабеж казаками. Если же и случалось, что регулярные войска обижали жителей, то в этом сами жители были виноваты, раздражая солдат необдуманном сопротивлением или стреляя в них из-за заборов. Война всегда большое зло, но для русской армии то уже служит немалой похвалой, что другие государства показали себя гораздо хуже в этом отношении.

Глава IV

Граф Фермор всегда носил голубой кафтан с красными отворотами. Кавалер многих орденов, он даже в большие государственные праздники являлся в одной голубой ленте; зато носил ее всегда. Как все знатные люди, он привык

кудобствам жизни, но, будучи главнокомандующим, не хотел служить примером изнеженности, и потому во время похода никогда не садился в карету, хотя у него было их много; но ехал верхом, какова бы ни была погода и как бы долго ни был переход. В городах и деревнях он никогда не занимал квартиры, разве останавливаясь на продолжительное время, как, например, в Мариенвердере, но всегда располагался в своей палатке, которую разбивали посреди лагеря.

При всем том нельзя сказать, чтобы жизнь его была чужда пышности, и верно в этом отношении ни одна из союзных армий не могла бы поспорить с русской. Багаж с прикрытием всегда шел впереди; графские палатки и вещи везлись на верблюдах. В известном от них расстоянии следовал сам главнокомандующий. Но каким образом? Сперва ехали две тысячи казаков и калмыков, в самом лучшем порядке, составляя стражу главнокомандующего; за ними рота кирасир, с литаврами, которые, как и остальная музыка, никогда не умолкали. За музыкой ехали два адъютанта, давая знать о близости главнокомандующего. За адъютантами — генерал-адъютант; наконец сам Фермор, в кругу генералов, а за ними бесчисленное множество слуг, под прикрытием нескольких тысяч лейб-казаков.

Часто случалось, что во время похода нельзя было сыскать помещения, где бы главнокомандующий мог расположиться пообедать. Тогда он приказывал останавливаться возле леса или в поле. Повара являлись с холодными, а иногда и с горячими кушаньями. Генералы садились на коврах, а казаки и калмыки ели из своих сумок.

Вечером разбивался лагерь. Генерал-квартирмейстер, ехавший впереди армии со своими подчиненными, заготовлял все нужное для войска. Я сказал уже, что граф Фермор всегда останавливался в лагере; несмотря на то, ему отводилась лучшая квартира в городе или деревне, близ которых мы останавливались, у этой квартиры становились часовые, и граф всегда уступал ее мне. Палатка его была круглая, турецкая, освещавшаяся сверху; она раскидывалась на деревянной решетке и укрывалась внутри белой и голубой парчой; снаружи была обита очень крепким и ослепительно-белым сукном. Мебель, очень простая и вместе очень богатая, состояла из кровати, большого

стола и нескольких стульев. Вся эта роскошь и удвоенные часовые давали знать о присутствии главнокомандующего.

Большая зеленая палатка, о которой я говорил выше, стояла неподалеку; в ней совершали богослужение и обедали. Вблизи раскидывался еще шатер, менее величественный, — для богослужений греческой церкви. Протопоп, о котором буду говорить ниже, никогда не жил в лагере, но так, как и я, останавливался в городах и деревнях.

За столом графа соблюдалась пышная торжественность. Он никогда не обедал иначе как на серебре, а суповые чашки были внутри позолочены. Граф садился на первом месте и всегда назначал сам, кому сидеть рядом с ним по правую и по левую сторону (я помню, что удостоился этой чести два раза). Прочих же размещал церемониймейстер, в парадной одежде; в его распоряжении находились гренадеры, разносившие кушанья. Ликеры перед обедом и вина за столом подавались в изобилии, но никогда не пили за чье-нибудь здоровье, кроме больших царских праздников. В эти дни граф провозглашал тосты, и при имени императрицы гремел сто один выстрел; пятьдесят один при имени Великого князя и столько же в честь союзных государей. Пальба эта бывала и во время богослужения, если оно совершалось по какому-либо особенному торжеству.

После обеда граф шел в свою палатку с двумя тайными секретарями и занимался с ними до позднего вечера.

При армии находился волонтером королевско-польский, или саксонский принц Карл, которого императрица Елизавета прочила в герцоги Курляндские, но известно, что это не состоялось. Де ла Мессельер говорит, будто граф Фермор оклеветал его перед императрицей. Я не могу ни опровергнуть, ни подтвердить этого обвинения, не состоя в близких сношениях с этими господами. Но, сколько мне известно, принц не был близок с графом. Редко я видел, чтобы они говорили друг с другом, и никогда не видел, чтобы принц обедал у графа. Много можно бы сказать об этих отношениях, если бы целью моих записок было опровержение старых предубеждений.

Образ жизни принца соответствовал его сану. У него был свой двор, церковь, кухня и т. д. Во время похода он всегда ехал верхом, окруженный значительной свитой.

Чтобы дать маленькое понятие о его пышности, перечислю его обоз: 10 великолепно одетых козюхов вели один за другим 10 больших мулов, украшенных перьями с серебряными подобранными колокольчиками, издававшими приятный звон; мулы были навьючены и покрыты желтыми покрывалами с королевским курфюршеским гербом, шитым золотом на голубом поле. За мулами следовали попарно 38 слуг верхами, однообразно и чисто одетых; обершталмейстер, с 30 верховыми лошадьми принца, под прекрасными попонами; каждую лошадь поодиночке вел чрезвычайно красиво одетый конюх. Затем две великолепные кареты для принца или важнейших лиц его свиты, на случай нездоровья или дурной погоды. Потом особенный экипаж для духовника, еще один для лейб-медика, еще один с двумя дамами, и потом множество повозок с кухней и вещами, и этим заключался обоз.

Надо сказать еще, что каждый полк имел по телеге с провиантом, значит, во всей армии было 4000 таких телег. Каков был обоз, можно себе представить!

Глава V

Итак, назначен был поход за Вислу. Еще звезды ярко горели, а я был уже на ногах и готовился в дорогу. Погода была тихая, небо самое ясное, солнце взошло великолепно так мирно, а между тем впереди грозили все те бедствия, от которых мы обыкновенно просим избавления у Бога. Через час по восхождении солнца я стоял на берегу Вислы.

Откровенно сознаюсь, что сердце мое было растерзано горестью. Поход за Вислу не мог остаться для меня без последствий. Я прощался с родиной, с моей сладкой, едва не исполнившейся надеждой жить тихо и покоимо; мне должно было идти на войну, и войну ожесточенную, как надо было ожидать. Поручив себя Богу, я переехал верхом на ту сторону реки.

На походе со мной не случилось ничего особенного, кроме того, что я нажил себе друга в протопопе русской армии и тесно сошелся с ним. Это был человек средних лет и среднего роста, добрый, чистосердечный и веселый. Обязанность его была важная: надзор над всеми попами

армии, с правом наказывать их телесно, что случалось довольно часто по причине дурного поведения некоторых попов. Протопоп был окружен множеством слуг и подчиненных; домашняя одежда его состояла из черного, богатого бархата. Он был очень хорош со мной, и мы всегда езжали рядом, верхами. Кое-как говоря по-немецки, он развлекал меня своей веселостью и учил, как обращаться с русскими, которых я вовсе еще не знал. Я имел счастье так ему понравиться, что, когда я был уже приходским пастором в Побетене, он навестил меня и дал мне ясно понять, что охотно бы отдал за меня свою дочь. Я верно принял бы это предложение, если бы не имел других намерений.

Наша армия шла на Бромберг, потом на Познань. В Познани мы стали лагерем, и, казалось, на довольно продолжительное время. Я по обыкновению хотел занять квартиру графа Фермора, но ее только что занял какой-то русский полковник. Рассказываю это в доказательство порядка, господствовавшего тогда в русской армии. Воротясь в лагерь, я просил генерал-квартирмейстера, который был в полковничьем чине, чтобы мне отвели другую квартиру. «Кто же осмелился занять вашу?» — спросил он гневно, вскочил со своей постели и, не дожидаясь моего ответа, стал надевать полную форму; потом пригласил меня следовать за собой на квартиру Фермора. Там нашли мы полковника, который самовольно в ней расположился, и генерал-квартирмейстер строго спросил его: «Кто вы такой? Разве вы не знаете, что эти комнаты назначены для главнокомандующего и что вы показали неуважение к его особе?» Полковник отвечал, запинаясь, что ему приказано доставить в Торн князя ф.Иацфельда, взятого в плен казаками, что он приехал поздно и не знал, где остановиться и проч. Однако генерал-квартирмейстер не довольствовался извинением, приказал, чтобы квартира была очищена и чтобы полковнику отвели другую. Но так как всех комнат было три, то я предложил уступить приезжему две комнаты, а себе оставлял одну, этим уладил дело и провел приятно вечер с моим соседом.

На следующее утро явились ко мне выборные из жителей Познани лютеранского исповедания. У них не было ни церкви, ни пастора, и они просили меня проповедо-

вать у них и приобщать Св. Тайн. Я не мог согласиться на это предложение, не спросив главнокомандующего; тот согласился, и я прожил это время очень приятно, навещая больных, приобщая Св. Тайн, исполняя другие требы, за что и получал значительные подарки.

Из Познани мы выступили опять в поход по направлению через Ландсберг, что на Варте. Скоро авангард, вместе с артиллерией, пошел к Кюстрину, а резервы и я с ними несколько дней оставались еще позади, пока также не получили приказания идти вперед.

Но я посвящу особую главу нашему пребыванию под Кюстрином, где мне пришлось в первый раз увидеть, что такое война.

Глава VI

В половине августа (1758), в 9 часов утра, я приближался к Кюстрину. Еще его не видно было за лесом, но поднимающийся дым и неумолкаемый рев пушек и мортир уже возвещали мне о страшном бедствии, которого я скоро сделался свидетелем. Кюстрин, этот большой город, горел, и не с одного какого-либо конца, но горел весь. В 5 часов утра Фермор начал бомбардирование; одна из первых бомб попала в сарай с соломой и произвела пожар, кончившийся истреблением города. Между тем пальба с русской стороны не прекращалась. К полудню Кюстрин уже превратился в дмящуюся грудю пепла; но, несмотря на то, русские продолжали бомбардирование верно для того, чтобы воспрепятствовать жителям тушить пожар и спасти имущество. (Разрушение Кюстрина, от которого содрогнется каждое чувствительное сердце, служит, как мне кажется, к оправданию графа Фермора и к опровержению дела Мессельера, который обвиняет графа в содействии королю прусскому. Рамбах в своем отечественно-историческом сборнике (Taschenbuche), на с. 356, говорит, что система войны графа Фермора состояла в том только, чтобы жечь и грабить. Но он не соображает, что в тогдашних отношениях прусского двора к русскому, главнокомандующий должен был действовать более по инструкциям, нежели следовать внушениям человеколюбия. Эти чувства Фермора мне были хорошо известны, и мне бывало особенно

жаль главнокомандующего, когда я видел, как необходимость заставляла его жертвовать высшему интересу благороднейшими побуждениями души своей.)

Сотни людей, ища спасения на улицах, погибли от выстрелов или под развалинами домов. Большинство жителей бежало за Одер в предместья и деревни, оставя по сторону реки все свое имущество.

Разрушение Кюстрина было часто описываемо, но для очевидца никакое описание не может быть вернее того, что он сам видел. Известно, что бесчисленное множество жителей, спасаясь в погребах, погибло под их развалинами или задохлось там от дыма и угара.

Граф Фермор снял осаду Кюстрина, когда комендант крепости, фон Шак, отказался сдать ее. Это было 21 августа.

Вскоре после того Фермор получил верные известия о приближении короля и о его намерении перейти Одер. Генерал-лейтенант Куматов (von Kumatoff) тотчас отряжен был к нему навстречу с наблюдательным корпусом. Но это не помешало Фридриху благополучно переправиться через Одер; Куматов просмотрел короля, по чьей вине, не знаю.

24 августа двинулась вся наша армия. К ночи мы достигли окрестностей Цорндорфа, и здесь-то я был свидетелем зрелища, самого страшного в моей жизни.

Глава VII

Надлежало сразиться с Фридрихом. Мы пришли на место боя, выбранное Фермором. Уверяют, будто оно было неудобно для русской армии и будто армия была дурно поставлена. Пусть судят об этом тактики. Беспристрастный же наблюдатель не мог не заметить, что обе стороны имели некоторое право приписывать себе победу, как оно и было действительно.

Расскажу, что было со мной и каковы были мои ощущения.

При всем мужестве, не доставало сил равнодушно ожидать сражения, ибо известно было, как оба войска были озлоблены одно против другого. Разрушение Кюстрина должно было только усилить ожесточение Пруссаков. Дей-

ствительно, мы после узнали, что король, перед началом сражения, велел не давать пощады ни одному русскому.

Когда армия пришла на место сражения, солдатам дали непродолжительный роздых и потом, еще перед полночью, начали устраивать боевой порядок. В это время соединился с нами 10-тысячный русский отряд под начальством генерал-лейтенанта Чернышева. То был так называемый новый корпус. Таким образом, наша армия возросла до 50 тысяч человек. Известно, что ее выстроили огромным четырехугольником. Посередине, где местность представляла род углубления и поросла редкими деревьями, поставили малый обоз, с младшим штабом (Unterstab), при котором и я находился. Большой обоз находился в расстоянии четверти мили оттуда, в Вагенбурге, с 8000 человек прикрытия.

Мне кажется, что положение обоза было неудобно. Король должен был проходить не в дальнем оттуда расстоянии и мог легко истребить обоз. Таково, кажется, и было вначале его намерение, но не знаю, почему он его не исполнил.

Самая ясная полночь, какую я когда либо запомню, блистала над нами. Нозрелище чистого неба и ясных звезд не могло меня успокоить: я был полон страха и ожидания. Можно ли меня упрекать в этом? Будучи проповедником мира, я вовсе не был воспитан для войны. «Что-то здесь будет завтра в этот час? — думал я. — Останусь ли я жить или нет? Но сотни людей, которых я знал, и многие друзья мои погибнут наверно; или, может быть, в мучениях, они будут молить Бога о смерти!»

Эти ощущения были так тяжелы, что лучше бы пуля сжалилась надо мной и раздробила мое тело. Но вот подошел ко мне офицер и сказал растроганным голосом: «Господин пастор! Я и многие мои товарищи желаем теперь из ваших рук приобщиться Св. Тайн. Завтра, может быть, нас не будет в живых, и мы хотим примириться с Богом, отдать вам ценные вещи и объявить последнюю нашу волю».

Взволнованный до глубины души, я поспешил приступить к таинству. Обоз был уложен, палатки не было, и я приобщал их под открытым небом, а барабан служил мне жертвенником. Над нами расстилалось голубое небо, на-

чинавшее светлеть от приближения дня. Никогда так трогательно и, думаю, так назидательно, не совершал я таинства! Молча расстались со мной офицеры; я принял их за вещания, дорогие вещи и многих, многих из этих людей видел в последний раз. Они пошли умирать, напуганные моим благословением.

Ослабев от сильного душевного волнения, я крепко заснул и спал до тех пор, пока солдаты наши не разбудили меня криками «Пруссак идет». Солнце уже ярко светило; мы вскочили на лошадей, и с высоты холма я увидел приближавшееся к нам прусское войско; оружие его блистало на солнце; зрелище было страшное. Но я был отвлечен от него на несколько мгновений.

Протопоп, окруженный попами и множеством слуг, с хоругвями, ехал верхом по внутренней стороне четырехугольника и благословлял войско; каждый солдат после благословения вынимал из-за пояса кожаную манерку, пил из нее и громко кричал «Ура», готовый встретить неприятеля.

Никогда не забуду я тихого, величественного приближения прусского войска. Я желал бы, чтоб читатель мог живо представить себе ту прекрасную, но страшную минуту, когда прусский строй вдруг развернулся в длинную кривую линию боевого порядка. Даже русские удивлялись этому невиданному зрелищу, которое, по общему мнению, было торжеством тогдашней тактики великого Фридриха. До нас долетал страшный бой прусских барабанов, но музыки еще не было слышно. Когда же пруссаки стали подходить ближе, то мы услышали звуки гобоев, игравших известный гимн: «Ich bin ja, Herr, in deiner Macht» («Господи, я во власти Твоей»). Ни слова о том, что я тогда чувствовал; но я думаю, никому не покажется странным, если я скажу, что эта музыка впоследствии, в течение моей долгой жизни, всегда возбуждала во мне самую сильную гордость.

Пока неприятель приближался шумно и торжественно, русские стояли так неподвижно и тихо, что, казалось, живой души не было между ними. Но вот раздался гром прусских пушек, и я отъехал внутрь четырехугольника, в свое углубление.

Глава VIII

Казалось, небо и земля разрушались. Страшный рев пушек и пальба из ружей ужасно усиливались. Густой дым расстилался по всему пространству четырехугольника, от того места, где производилось нападение. Через несколько часов сделалось уже опасно оставаться в нашем углублении. Пули беспрестанно визжали в воздухе, а скоро стали попадать и в деревья, нас окружавшие; многие из наших влезли на них, чтобы лучше видеть сражение, и мертвые и раненые падали оттуда к ногам моим. Один молодой человек, родом из Кенигсберга — я не знаю ни имени его, ни звания, — говорил со мной, отошел четыре шага, и был тотчас убит пулей на глазах моих. В ту же минуту казак упал с лошади возле меня. Я стоял ни жив ни мертв, держа за повод мою лошадь, и не знал на что решиться; но скоро я выведен был из этого состояния. Пруссаки прорвали наше каре, и прусские гусары Малаховского полка были уже в тылу русских.

Ждать ли мне было верной смерти, или верного плена на этом месте? Я вскочил на лошадь, бросил все и поехал в ту часть боевой линии, куда пруссаки еще не проникли. Русский офицер, стоявший при выходе из четырехугольника, окликнул меня словами «Кто ты такой?». Я мог уже порядочно понимать по-русски и отвечал, что я полковой лютеранский пастор. «Куда же черт тебя несет?» — «Я спасаю жизнь свою!» — «Назад, откуда никто не смеет выехать!» Получив такой ответ, я должен был воротиться на прежнее место.

Только что я доехал туда, как бригадир фон С*** подошел ко мне и сказал: «Господин пастор, я получил две тяжелые раны и не могу больше оставаться в строю; прошу вас, поедemте искать удобного места для перевязки». Я передал ему, как трудно выехать из каре. «Ничего». И я снова сел на лошадь; бригадир с трудом посажен был на свою, и мы отправились.

Офицер опять не хотел пропускать. «Ступай-ка прежде туда, где я был», — сказал ему бригадир; но эти слова не помогли. Тогда фон С*** возвысил голос: «Именем всепресветлейшей нашей государыни, которая заботится о своих

раненых слугах, я, бригадир, приказываю тебе пропустить нас».

Офицер сделал честь при имени государыни, и мы поехали.

Был час пополудни, а битва между тем страшно усиливалась. Мы ехали в толпе народа, оглашаемые криком раненых и умирающих и преследуемые прусскими пулями. При выезде нашем из четырехугольника пуля попала в казачий котелок и наделала такого звона, что я чуть совсем не потерялся.

Зарядами боевого порядка опасность была не так велика, но многолюдство было то же самое. Через несколько минут мы подъехали к лесу и нашли там раненых и нераненых офицеров с прислугой. Так как прусские разъезды все еще были близко, то надо было искать другого, более безопасного места. Но куда ехать? Сторона была незнакомая, карт у нас не было; предстояло ехать наудачу. Один поручик, может быть, самый храбрый из нас, объявил, что он поедет на розыски, и приглашал меня с собой. Я согласился, почувствовав себя несколько бодрее вдали от опасности.

Мы скоро приехали к болоту, поросшему кустарником, где скрывались неприятельские мародеры, которые сделали по нам три выстрела, но не попали. Мы поехали дальше и благополучно прибыли в какую-то деревню, кажется, Цорндорф. Но здесь опять на нас посыпались выстрелы из-за садовых плетней и заставили воротиться.

На месте, где остались наши товарищи, мы не нашли уже никого; только лошади, совсем навьюченные, валялись еще, покинутые в болоте. Мы нашли своих товарищей недалеко оттуда и соединились с ними, чтоб дальше продолжать наши поиски. Скоро выехали мы на большую дорогу: нам показалось, что она тоже ведет к Цорндорфу, и, увидав в стороне другую деревню, мы направились к ней. Не видно было ни неприятельских форпостов, ни часовых. Покойно ехали мы вдоль прекрасных заборов, окружавших сады этой деревни, вдруг из узкого прохода, между двух садов, бросилась на нас толпа прусских солдат; они схватили за поводья наших лошадей, объявили нас пленными и привели в деревню...

**Отрывок из воспоминаний берлинского
негоцианта Гоцковского, который
весьма любопытно рисует обстоятельства взятия
Берлина и поведения победителей в этом городе**

8 октября 1760 года, в 2 часа утра, меня позвали в Берлинскую Городскую Думу, где собралась и находилась в крайнем отчаянии большая часть членов магистрата. Мне сообщили горестную весть об отступлении наших войск и о беззащитном состоянии города. Ничего не оставалось делать, как постараться, по возможности, избежать бедствия посредством покорности и уговора с неприятелем.

Затем возник вопрос, кому отдать город, русским или австрийцам. Спросили моего мнения, и я сказал, что, по моему, гораздо лучше договориться с русскими, нежели с австрийцами; что австрийцы — настоящие враги, а русские только помогают им; что они прежде подошли к городу и требовали формально сдачи; что, как слышно, числом они превосходят австрийцев, которые, будучи отъявленными врагами, поступят с городом гораздо жесточе русских, а с этими можнолучше договориться. Это мнение было уважено. К нему присоединился и губернатор, генерал-лейтенант фон Рохов, и таким образом гарнизон сдался русским.

В 5 часов того же утра опять позвали меня в Думу. Русский генерал Тотлебен потребовал, чтобы члены магистрата и купечества явились к Котбусским воротам, и для этого выбрали меня с некоторыми другими лицами.

Город ничего не знал о том, что происходило ночью. Обыватели преспокойно спали и, вероятно, не помышляли о беде, которая витала над их головами. Про отступление наших войск никому не было известно; знали, что они перед городом, и тем себя обнадеживали.

Легко понять, что наша депутация направлялась к указанному месту в страхе и неизвестности о том, как предостратится грозившая опасность. Мы прибыли как раз вовремя, ибо русские готовы были вступить в город, и мы едва успели поместиться у приворотного писаря.

Офицер, ехавший во главе полка, вступил в ворота, спросил нас, кто мы такие, и, услышав, что мы выборные

от Думы и купечества и что нам велено сюда явиться, сказал: «Тут ли купец Гоцковский?» Едва опомнившись от удивления, выступил я вперед, назвал себя и с вежливой смелостью обратился к офицеру: мол, что ему угодно?

— Я должен, — отвечал он, — передать вам поклон от бывшего бригадира, ныне генерала, Сиверса. Он просил меня, чтобы я, по возможности, был вам полезен. Меня зовут Бахман. Я назначен комендантом города во время нашего здесь пребывания. Если в чем я могу быть вам нужен, скажите.

Я исполнился несказанной радостью и тогда же положил себе воспользоваться этим случаем не для одного себя, но и для моих сограждан, обьятых смертным страхом.

Я поспешил в город, рассказал о происшедшем со мной и старался всех ободрить и утешить. Граф Тотлебен потребовал от города страшной суммы в 4 миллиона государственных талеров старого чекана. Городской голова Кирхейзен пришел в совершенное отчаяние и от страха почти лишился языка. Нашествие австрийцев в ноябре 1757 года стало городу всего в 2 миллиона талеров, и сбор этих денег причинил тогда великую тревогу и несказанные затруднения. А теперь откуда было взять вдвое больше? Русские генералы подумали, что голова притворяется, либо пьян, и в негодовании приказывали отвести его на гауптвахту. Оно так бы и случилось; но я с клятвой удостоверил русского коменданта, что городской голова уже несколько лет страдает припадками головокружения.

Итак, неприятель овладел городом без всякого договора и немедленно потребовал продовольствия для войска. Никто не знал, как быть. Вторгнувшиеся войска тотчас очистили магазин главного комиссара Штейна, заготовленный им для снабжения королевской армии, и тем причинили ему 57 583 талера убытку, и он потом никогда не получил за то ни гроша. Это продолжалось до 5 часов пополудни.

Русский комендант, как выше сказано, был мне приятелем; но главный начальник генерал Тотлебен не знал меня. Поэтому я постарался проведать, кто и каков был его адъютант и где он поместился. Имя его Бринк. Он служил капитаном в русской армии. Сам граф Тотлебен расположился в доме Винцента на Братской улице (Bruderstrasse),

а Бриику отвел помещение напротив, в доме Паля. Я настоятельно упросил коменданта Бахмана, чтобы этого капитана Бринка перевели на житье ко мне, и так долго приставал к самому коменданту, что он согласился переехать в мой дом. Я постарался снискать его дружбу и воспользоваться ею для общего блага. Чего я ни придумывал в его удовольствие! Вскоре я убедился, что именно он нам нужен, что он был, так сказать, правая рука графа Тотлебена.

Из верного источинка дошло до меня, что русский полный генерал, граф Фермор, приказывал графу Тотлебену взыскать с Берлина 4 миллиона, не причиняя городу особых насилий. Поэтому я начал всячески убеждать господина Бринка в том, что Берлин не в состоянии уплатить столь неумеренные деньги и убедительнейше просил, чтобы он склонил графа Тотлебена к пощаде. Нет сомнения, что просьба моя была доложена, так как вслед за тем магистрату велено снова явиться в 2 часа пополудни к Котбусским воротам, куда он и отправился из дома г-на Вангенгейма, где все угро дожидался, что граф Тотлебен туда приедет.

У ворот снова не последовало никакого решения, хотя туда прибыли многие обыватели и на коленях просили сбавки. Граф Тотлебен оставался непреклонен. Между тем неприятельская армия находилась по большей части в самом городе. Солдаты ходили по всем улицам, из которых некоторые, можно сказать, кишели ими. Наступала грозная минута: между солдатами заходила речь о разграблении.

Посреди общей беды и смущения пошел я с капитаном Бринком к графу Тотлебену. С искренней, сердечной и в то же время правдивой горячностью представил я ему, что требования его нет возможности исполнить, что русские имеют преувеличенное понятие о богатстве берлинских купцов и в особенности менял-евреев. Моими мольбами и плачем довел я графа Тотлебена до того, что он согласился получить вместо 40 бочек золота только 15 и, кроме того, 200 тысяч государственных талеров в пощадных деньгах (*Douceurgeld*), и не старого чекана, а тогдашней ходячей серебряной монетой или дукатами, считая по 4 талера в дукате. Немедленно я, можно сказать, полетел в Думу объяснить о том магистрату и купечеству. Тотчас военный советник и бургомистр Ридигер составил и договор о сдаче города. Члены магистрата отправились к графу Тотле-

бену с этим договором, который и был проверен, подписан и разменен на обе стороны.

9 октября последовало распоряжение о доставлении неприятельским войскам уговоренных 200 тысяч пощадных денег, дабы удовлетворить австрийцев, которые иначе не соглашались уходить из города. Решено было весь окуп приносить ко мне в дом, где и происходил прием всех денег. Работы у меня, таким образом, прибыло вдвое. День и ночь неприятельские войска наполняли мое жилище, в котором и без того негде было повернуться от лиц, искавших себе убежища, и от несметного множества чужой поклажи с вещами и деньгами. И по ночам не давали мне покою, так что все время, пока неприятели хозяйничали в городе, я не ложился в постель. Погода стояла самая дурная. Денно и ночью принужден я был ходить по улицам, удовлетворяя либо русских и австрийцев, поминутно требовавших то того, то другого, либо самих обывателей, в их жалобах на русских солдат, которые бесчинствовали вопреки строжайшим приказам графа Тотлебена.

Благодаря моему доступу к графу Тотлебену, приказавшему, чтобы часовые пропускали меня во всякое время беспреткновенно, все в то время обращались ко мне, и я старался, по возможности, и без отлагательства сделать удобное каждому. О всяком доходившем до меня своевольстве русских солдат я немедленно доносил генералу, и тот приказывал тотчас же наказывать провинившегося. Вот чем объясняется отличное поведение русского войска во время его здешнего пребывания. 10 октября гр. Тотлебен, по приказанию ген. Фермора, должен был разорить, разграбить и сделать негодными к дальнейшему производству все находившиеся в Берлине королевские фабрики, а равно забрать все воинские запасы, находившиеся в общественных местах и, конечно, весьма значительные. В списке фабрик, подлежащих опустошению, находилась также золотая и серебряная мануфактуры.

Узнав о том еще накануне, я пошел к графу Тотлебену, сообщил ему эту горестную весть и клятвенно уверил его, что эта мануфактура только по имени своему королевская, но доходы ее не поступают в королевскую казну, а идут все на содержание Потсдамского сиротского дома и многих сотен бедных сирот. Я должен был изложить письменно

это заявление, подписать и подтвердить клятвенно; граф крикнул коменданта и приказал ему вычеркнуть обе эти фабрики из списка.

Только что ушел я домой, как до меня дошла весть о том, что в упомянутой полученной от Фермора бумаге приказано посадить на гауптвахту обоих здешних газетчиков и на следующее утро прогнать их сквозь строй, к чему приготовления уже делались. Мне жаль было обоих несчастных людей. В 9 часов вечера я опять пошел к графу Тотлебену. Он уже ложился спать. Я извинился в частой моей докуче и боязливо завел речь о том, чтобы не позорить этих людей. Между прочим говорил я ему: «Подумайте и обсудите, ваше сиятельство. Ведь они вовсе не виноваты и не причастны в том, что появилось в газете и что так раздражает русских. Газета зависит не от них только, но пропускается цензурой. Все мы люди, всегда подверженные ошибкам. Не век же продлится война? Теперь положение дел может скоро перемениться, и тогда, пожалуй, последует отместка за этот случай и за оскорбление того или другого подданного русской императрицы, столь же невинного, как и эти люди. Но не жестоко ли теперь так поступать с русской стороны?»

Граф Тотлебен внимательно глядел на меня и наконец возразил, что не в его власти уклониться от исполнения приказа, к которому нельзя применить никакой оговорки. «Ступайте домой. Ночью я подумаю и окончательное решение дам завтра утром». В 4 часа этого утра я уже был у графа Тотлебена, приветствовал его и спросил, не прилетал ли к нему добрый ангел и не шепнул ли о пощаде невинных арестантов? Он сказал, что газетчиков приведут к улице, где назначено прогонять их сквозь строй, и там будет им сделано только внушение, а от самого прогона они освобождаются. Так и вышло.

11 октября магистрат уведомил меня, что графом Тотлебену приказано сносить на большую дворцовую площадь всякое без исключения находящееся в городе огнестрельное оружие, о чем дано знать в каждый дом. Никто не знал, по какому это поводу, и жители снова встревожились. Сдача оружия уже началась, когда я поспешил к графу Тотлебену и, спросив его скромно о причине такового распоряжения, представил, что большая часть граждан, имеющих ру-

жья и пистолеты, держит их только для своего удовольствия, что им горько будет это лишение, русским же это оружие обратится лишь в тягость. Граф и этот раз сослался на приказание графа Фермора. «Но чтобы показать вам, — продолжал он, — как мне нравится ваше усердие ко благу города и ваших сограждан, я велю, чтобы они принесли на площадь несколько сотен старых и негодных ружей; казаки переломают их и побросают в воду. Таким образом и это приказание будет мной для виду исполнено».

Вообще я и весь город можем засвидетельствовать, что генерал этот поступал с нами скорее как друг, нежели как неприятель. Что было бы при другом военачальнике? Чего бы ни выговорил и не вынудил бы он для себя лично? А что произошло бы, если бы попали мы под власть австрийцев, для обуздания которых от грабежа в городе граф Тотлебен должен был прибегать к расстреливанию.

Графу Тотлебену предписывалось прижать в особенности евреев и взять в заложники Ефраима и Ицига. Еврейские старшины, три дня срядуостававшиеся в помещении графа, поведали мне свою беду. Я представил генералу, что в договоре о сдаче города эти евреи не поименованы особо и что они внесли деньги, сколько приходилось по раскладке на их долю. Мне стоило величайших усилий переубедить графа Тотлебена, и евреи были пощажены.

Наконец, граф Тотлебен получил приказание поспешить с отъездом из Берлина; но еще многое оставалось уладить, и для того были потребованы к нему господа Вегели, Шюце и Вюрстлер. Походило на то, что их берут в заложники. Шюце не было в городе. Вегели и Вюрстлер пришли ко мне в смертном страхе и просили выручить их. Я решился спросить графа, зачем нужны ему эти люди. Он сказал: «Они поедут в лагерь, где перечтут собранные здесь деньги и сдадут начальству». Я поймал его на слове и заметил, что для этого нужны не эти люди, а счетчики. Возражать было нечего, и вместо этих господ взяты три кассира, которые потом поехали и в Пруссию, где их долго продержали под арестом.

12 октября вечером граф Тотлебен и войска его выехали наконец из города, и освобожден дом мой, более походивший на скотный двор, нежели на жилище, после того как русские наполняли его собой денно и ночью. Все вре-

мя должен я был довольствоваться питьем и едой всякого, кто ко мне являлся. Прибавить надо еще многие подарки, без которых не удалось бы мне исполнить то, что я исполнил. Чего все это мне стоило, остается занесенным в книге забвения. Город не спросил меня, сколько я издержал, а я не требовал, дабы не стали говорить, что я действовал ради собственной выгоды. В течение двух недель, со всех концов города и даже из чужих краев, беспрестанно приходили ко мне похвальные письма, в которых величали меня спасителем Берлина и многих тысяч людей.

НАГРАДНАЯ СИСТЕМА ПРУССИИ

Поскольку Пруссия была вполне типичным феодальным государством, ее наградная система вплоть до начала XIX века не предусматривала награждений нижних чинов. Все имевшиеся награды вручались только офицерам и генералам, а первая солдатская медаль появилась только в 1793 году, уже после смерти Фридриха.

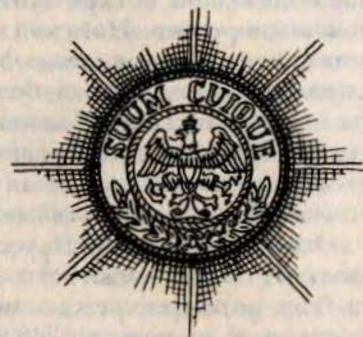
Высшей наградой Пруссии, которая выдавалась как за гражданские, так и за военные заслуги, был так называемый Высший орден Черного Орла (Hoher Orden vom Schwarze Adler). Он был основан королем Фридрихом I в 1701 году и сохранил свой статус вплоть до 1918 года.

Синие эмалевые лучи с золотой окантовкой сходились к золотому медальону с вензелем «FR». В углах размещались черные изображения орлов с распростертыми крыльями, увенчанных золотыми коронами.

Носился орден на шее, на специальной золотой цепи, звенья которой представляли собой чередующиеся изображения черных эмалевых орлов и золотых розеток с ко-

Крест Высшего ордена
Черного орла

Центральный круг звезды
ордена Черного орла
(размеры и рисунок вышивки
лучей произвольные)

ронами, королевским вензелем в синем круге и идущим по кругу девизом Гогенцоллернов: «Suum cuique» («Каждому свое»). Эту цепь надевали только в особо торжественных случаях — в повседневной носке крест подвешивался к широкой оранжевой ленте, носившейся под мундиром через правое плечо. Подвеска знака ордена соединяла оба конца ленты у левого бедра.

Звезда — восьмиконечная, изготовлена из золота. В соответствии с правилами XVIII века звезда эта, как правило, не отливалась из металла, а вышивалась золотой нитью на левом борту мундира. По обводу круга шла белая полоса с зеленым эмалевым венком и золотым орденским девизом. В оранжевом центре медальона размещалось изображение черного коронованного орла под золотой короной.

Орден вручался исключительно дворянам, его кавалеры образовывали нечто вроде рыцарского ордена со строгим церемониалом, иерархиями и даже форменной одеждой. Последняя представляла собой черный кафтан-эпанчу с белой подкладкой. Под кафтан надевалась шелковая белая рубашка и такие же кюлоты с чулками, обувью служили лакированные туфли с пряжками. На алом кожаном поясе с золотой пряжкой и серебряными накладками подвешивалась золотая шпага.

Поверх этого одеяния надевалась красная мантия с белой подкладкой; поверх мантии выпускался кружевной отложной воротник. На левой стороне мантии серебром вышивалась орденская звезда. Мантия завязывалась на груди длинными, ниже колена, бело-красными шнурами с золотыми кистями. Поверх мантии надевалась цепь с крестом ордена. Венчала одеяние кавалера шляпа-треуголка с пышным султаном из страусовых перьев, прикрепленного специальной орденской алмазной застежкой.

Основной наградой Прусского королевства за военные заслуги (по престижности — аналогом русского ордена св. Георгия) стал учрежденный Фридрихом II при его восшествии на престол в 1740 году орден «За достоинство» (Pour le Mérite) — ставший впоследствии знаменитым по фильмам и книгам про Первую мировую войну «Голубой Макс».

Внешне его крест сильно напоминал орден Черного орла: тот же синий восьмиконечный эмалевый крест с золо-

той отделкой и орлами в углах. Однако орлы не несли корон и были золотыми. На лучах креста золотом было выложено изображение королевской короны с вензелем «F», а также название ордена: Pour le Mérite. Крест носили на шее, на черной ленте с двумя узкими белыми полосами и черной окантовкой по краям.

Крест ордена «За достоинство»

Pour le Mérite стал любимой наградой Фридриха; кроме индивидуальных вручений отличившимся генералам и офицерам, им впервые в европейской практике стали награждать проявившие храбрость на поле боя полки и батальоны. В этом случае ленты ордена повязывались на навершие древка знамени или штандарта.

Отменив существовавший в Пруссии с 1667 года династический «Орден Плодородия» (Ordre de la Generosite), Фридрих тем самым упразднил старую средневековую наградную систему, заменив ее вполне современной. Достаточно сказать, что его система с некоторыми добавлениями просуществовала до революции 1918 года.

Кроме чисто прусских наград, существовала собственная наградная система в одной из вассальных земель королевства — маркграфстве Бранденбург-Байрейт, где в качестве наследных властителей правили маркграфы из так называемой байрейтской линии Гогенцоллернов. В этом небольшом владении существовало два старых ордена — орден Согласия (Ordre de la Concorde) и орден Вечности (Ordre de la Sincerite). Учреждены они были в 1660 и 1705 годах соответственно, а упразднены в 1712-м и 1723-м. Зато в 1734 году в Байрейте учредили орден, впоследствии ставший одной из основных прусских наград — орден Красного орла (Rothe Adler Orden).

Как следует из названия, байрейтские маркграфы созданием ордена пытались подражать своим венценосным родственникам из Берлина: если черный орел был гербом Пруссии, то красный — Бранденбурга.

Знак ордена представлял собой золотой, покрытый белой эмалью крест с короткими и широкими лучами. В центральном белом медальоне помещалось изображение красного орла с распростертыми крыльями и золотой отделкой. На груди орел нес гербовый щит Гогенцоллернов с белыми и черными четвертями. Венчала орденский знак золотая с цветной эмалью маркграфская корона. Орден носился на шее; лента — белая с двумя красными просветами по краям.

В 1791 году орден был отменен, а через год вновь возрожден, но уже в качестве королевской прусской награды (Байрейт окончательно вошел в состав Пруссии). В Пруссии он вручался как за военные, так и за гражданские заслуги до революции 1918 года и был одним из любимейших орденов в обширной «коллекции» А. В. Суворова.

РОДОСЛОВНАЯ ДИНАСТИИ БРАНДЕНБУРГСКИХ ГОГЕНЦОЛЛЕРНОВ

1. **Фридрих I** (1371—1440), бургграф Нюрнбергский (с 1398), курфюрст Бранденбургский (с 1415). Женат на Елизавете Баварской (умерла в 1442).

2. **Фридрих II Железный Зуб** (1413—1471), второй сын Фридриха I, курфюрст (1440—1470).

3. **Альбрехт III Ахилл** (1414—1486), третий сын Фридриха I, курфюрст (1470—1486). Первая жена Маргарита Баденская (умерла в 1457), вторая — Анна Саксонская (умерла в 1512).

4. **Иоанн Цицерон** (1455—1499), старший сын Альбрехта III, курфюрст (1486—1499). Женат на Маргарите Саксонской (умерла в 1501).

5. **Иоахим I Нестор** (1484—1535), сын Иоанна Цицерона, курфюрст (1499—1535). Женат на Елизавете Датской (1485—1555).

6. **Иоахим II Гектор** (1505—1571), старший сын Иоахима I, курфюрст (1535—1571). Первая жена Магдалина Саксонская (1507—1534), вторая — Ядвига Ягеллончик (1513—1573).

7. **Иоанн Георг** (1525—1598), сын Иоахима II от первого брака, курфюрст (1571—1598). Первая жена София Лигницкая (1525—1546), вторая — Сабина Ансбахская (1529—1575), третья — Елизавета Ангальтская (1563—1607).

8. **Иоахим III Фридрих** (1546—1608), сын Иоанна Георга от первого брака, курфюрст (1598—1608). Первая жена Екатерина Бранденбург-Кюстринская (умерла в 1602), вторая — Элеонора Прусская (1583—1607).

9. **Иоанн Сигизмунд** (1572—1619), сын Иоахима III от первого брака, курфюрст (1608—1619). Женат на Марии Анне Прусской (1576—1625).

10. **Георг Вильгельм** (1595—1640), сын Иоанна Сигизмунда, курфюрст (1619—1640). Женат на Елизавете Шарлотте Пфальцской (1597—1660).

11. **Фридрих Вильгельм Великий** (1620—1688), сын Георга Вильгельма, курфюрст (1640—1688). Первая жена Луиза Генриетта Нассау-Оранская (1627—1667), вторая — Доротея Гольштейн-Глюксбургская (1636—1689).

12. **Фридрих III** (1657—1713), третий сын Фридриха Вильгельма, курфюрст (1688—1701), король Пруссии Фридрих I (1701—1713). Первая жена Елизавета Генриетта Гессен-Кассельская (1661—1683), вторая — София Шарлотта Ганноверская (1668—1705), третья — Луиза Доротея Мекленбург-Шверинская (1685—1735).

13. **Фридрих Вильгельм I** (1688—1740), сын Фридриха I, король (1713—1740). Женат на Софии Доротее Ганноверской (1687—1757).

14. **Фридрих II Великий** (1712—1786), сын Фридриха Вильгельма I, король (1740—1786). Женат на Елизавете Христине Брауншвейг-Вольфенбюттельской (1715—1797). Умер, не оставив потомства.

РОДОСЛОВНАЯ ДИНАСТИИ ГЕРЦОГОВ ПРУССКИХ

1. **Альбрехт Гогенцоллерн, маркграф Ансбахский и Байрейтский** (1490—1568), великий магистр Тевтонского ордена, герцог Прусский (1525—1568). Внук бранденбургского курфюрста Альбрехта III Ахилла. Первая жена Доротея Датская (1504—1547), вторая — Анна Мария Брауншвейг-Люнебургская.

2. **Альбрехт Фридрих** (1553—1618), герцог Прусский (1568—1618). Женат на Марии Элеоноре, наследнице герцогства Клеве-Юлих-Берг.

В дальнейшем титул герцога Прусского перешел к курфюрсту Бранденбургскому Иоанну Сигизмунду (женат на дочери Альбрехта Фридриха) и его наследникам.

ЛИТЕРАТУРА

- Анисимов Е. В.** Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. М.: Мысль, 1986. 239 с.
- Бегунова А. И.** Сабли остры, кони быстры...: Из истории русской кавалерии. М.: Мол. гвардия, 1992. 256 с.
- Всеволодов И. В.** Беседы о фалеристике: Из истории наградных систем. М.: Наука: Главная редакция восточной литературы, 1990. 336 с.
- Дельбрюк Г.** История военного искусства.: В 3 т. СПб.: Наука: Ювента, 1994.
- Заичкин И. А., Почкаев И. Н.** Русская история: популярный очерк, IX — середина XVIII в. М.: Мысль, 1992. 797 с.
- История войн: В 3 т. Т. 2. Ростов н/Д: Феникс, 1997. 728 с.
- Керсновский А. А.** История Русской Армии. М.: Воениздат, 1999. 782 с.
- Ключевский В. О.** Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М.: Правда, 1990. 624 с.
- Кони Ф.** Фридрих Великий. Ростов н/Д: Феникс, 1997. 544 с.
- Леонов О., Ульянов И.** Регулярная пехота: 1698—1801. М.: ТКО «АСТ», 1995. 296 с.
- Лубченков Ю.** Петр Румянцев // Семилетняя война. М.: Вече, 1999. С. 328.
- Монархи Европы: Судьбы династий / Ред.-сост. Н. В. Попов. М.: ТЕРРА, 1997. 624 с.
- Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Записки императрицы Екатерины II. М.: Наука, 1990. 288 с. (Репригнтное воспроизведение).
- Семилетняя война. Материалы о действиях русских армии и флота в 1756—1762 гг. М.: Воениздат Министерства ВС Союза СССР, 1948. 914 с.
- Советская Военная Энциклопедия:** В 8 т. М.: Воениздат, 1979.

- Тараторин В. В.** Конница на войне: История кавалерии с древнейших времен до эпохи наполеоновских войн. Мн.: Харвест, 1999. 432 с.
- Тараторин В. В.** История боевого фехтования: Развитие тактики ближнего боя от древности до начала XIX века. Мн.: Харвест, 1998. 384 с.
- Тарле Е. В.** Наполеон. Мн.: Беларусь, 1992. 429 с.
- Харботл Т.** Битвы мировой истории. М.: Влещисigma, 1993. 575 с.
- Широкопад А. Б.** Русско-турецкие войны 1676—1918 гг. Мн.: Харвест: ООО «Издательство АСТ», 2000. 752 с.
- Beutlin C.** Preussischen Infanterie und die Fuesiliere. Augsburg: Adlerpress, 1991. 216 S.
- Bleckwenn H., Melzner F. G.** Die Uniformen der preussischen Infanterie. Osnabrueck: Biblio Verlag, 1971. 654 S.
- Cannon J., Griffiths R.** The Oxford Illustrated History of the British Monarchy. Oxford: University Press, 1998. 727 p.
- Gless K.** Das Pferd im Militarwesen. Berlin: Militarverlag der DDR, 1989. 124 S.
- Gottberg B.** Die Preussische Cavallerie 1648—1871. Berlin: Militarverlag der DDR, 1990. 207 S.
- Knoetel R.** Die Grosse Uniformkunde (Band 1). Reprint Edition Friese & Lacina, 1979. 151 S.
- Schaeffer G.** Orden Europas. Osnabrueck: Biblio Verlag, 1996. 217 S.
- Vogt H.** Die Friedrizianische Armee. Bonn: Militararchive Verlag, 1993. 623 S.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Бранденбург — Пруссия в XVII — XVIII веках	8
Политическая обстановка в Европе в середине XVIII века. Бурбоны, Габсбурги, Романовы	40
Европейские армии середины XVIII века	57
Тактика и стратегия европейских армий XVIII века	63
Прусская армия середины XVIII века и ее противники:	85
Пехота	100
Кавалерия	140
Артиллерия	212
Первая Силезская война	230
Предыстория	230
Поход 1740 года	243
Поход 1741 года	250
Поход 1742 года	275
Кампании 1743—1744 годов	290
Вторая Силезская война	297
Поход 1744 года	297
Поход 1745 года	308
Последняя вспышка второй Силезской войны	323
Состояние Европы до Семилетней войны	346
Начало Семилетней войны	369
Кампания 1756 года	369
Начало кампании 1757 года	382
Битвы при Праге и Колине	382
Продолжение кампании 1757 года	404
Битва при Росбахе	404
Окончание кампании 1757 года	464
Лейтенская битва	464
Начало кампании 1758 года	480
Поход в Моравию	480
Продолжение кампании 1758 года	493
Цорндорф	493

Конец кампании 1758 года	520
Хожкирх	520
Кампания 1759 года	532
Кунерсдорф	532
Начало кампании 1760 года	597
Дрезден и Лигниц	597
Окончание кампании 1760 года	621
Берлин и Торгау	621
Начало кампании 1761 года	649
Бунцельвицкий лагерь	649
Конец кампании 1761 года	655
Штреленский лагерь	655
Кампания 1762 года	668
Буркерсдорф — Швейдниц — Губертсбургский мир	668
Некоторые результаты войны	688
Раздел Польши и приобретение Западной Пруссии	704
Война за Баварское наследство. Германский союз	724
Последние годы Фридриха	738
Некоторые выводы, или кое-что о «пруссачине»	743
Приложения	767
Отрывки из мемуаров графа де Гордта	767
Отрывки из мемуаров пастора Теге	780
Отрывки из воспоминаний негодичанта Гоцковского	798
Наградная система Пруссии	805
Родословная династии бранденбургских Гогенцоллернов	809
Родословная династии герцогов Пруссских	811
Литература	812